Р.С.Ф.С.Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

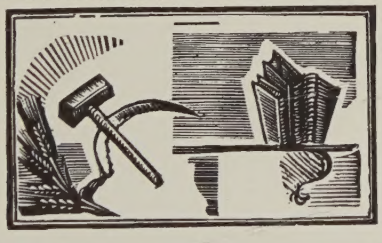
ПЕЧАТЬ
И
РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

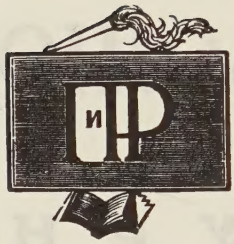
ПОД РЕДАКЦИЕЙ

А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА.
М. Н. ПОКРОВСКОГО, В. П. ПОЛОНСКОГО,
И. И. СТЕПАНОВА-СКВОРЦОВА.



КНИГА ТРЕТЬЯ
НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

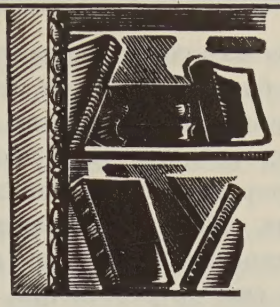
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1921



Редакция книги закончена
15 ноября.

КРЕМЛЬ ВЕЧЕРОМ. ЗАСЕДАНИЕ. Гравюра на дереве. Исполнена для журн. „Печать и Революция".

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ



ДОСТОЕВСКИЙ И РЕВОЛЮЦИЯ.

(К столетию со дня рождения.)

В. Переверзев.

Столетний юбилей Достоевского нам приходится встречать в момент великого революционного сдвига, в момент катастрофического разрушения отжившего старого мира и постройки нового. Хронологически Достоевский принадлежит старому миру.

Казалось бы, день его юбилея будет днем, который оторвет нас от живых острых тем, от современности, чтобы отдать дань уважения великому деятелю прошлого, а затем поспешить вернуться к текущей жизни, к ее властным требованиям и неотложным запросам. Так оно и было бы в отношении ко всем нашим классикам, начиная с Пушкина и Гоголя и кончая Толстым. Но не так обстоит дело в отношении к Достоевскому. Писатель 40-х годов, сверстник Тургенева, Писемского, Салтыкова, Толстого—он чужой среди них. Его язык, его думы и чувства лишь механически связаны с эпохой 40-х годов, с классическим периодом русской литературы. Органического родства нет здесь. Не даром для критиков самых тонких, даже корифея критики 40-х годов Белинского, Достоевский остался неясной, непонятной фигурой. Чужой среди писательской плеяды классиков, Достоевский по стилю и духу близок популярнейшим писателям начала XX века, и в произведениях Горького, Андреева, Арцыбашева, Сологуба продолжается разработка тех же мотивов, что и в произведениях классика Достоевского. Можно сказать, что вся современная художественная литература идет по стопам Достоевского, как литература классическая шла по стопам Пушкина. Достоевский—все еще современный писатель; современность еще не изжила тех проблем, которые решаются в творчестве этого писателя. Говорить о Достоевском для нас все еще значит говорить о самых больных и глубоких вопросах нашей текущей жизни. Захваченные вихрем великой революции, вращаясь среди поставленных ею проблем, страстно и болезненно воспринимая все перипетии революционной трагедии, мы находим у Достоевского

себя самих, находим у него такую болезненно-страстную постановку проблем революции, как будто писатель вместе с нами переживает революционную грозу. На эту особенность писательской физиономии Достоевского уже неоднократно указывалось в новейшей критике. «Пророк русской революции»—так озаглавил одну из своих критических работ о Достоевском Мережковский. Пророк не пророк, но что Достоевский глубоко понимал психологическую стихию революции, что еще до революции он ясно видел в ней то, о чем в его пору, а многие и в дни революции, даже и не догадывались,—это неоспоримый факт. Читайте Достоевского, и вы многое поймете в переживаемой драме русской революции, чего не понимали; многое оправдаете и примете, как должное, чего не понимали и не оправдывали.

В дни революции Достоевского следует вспомнить не только ради столетнего юбилея, но и ради самой революции, ради революционного самопознания. Подход Достоевского к революции заслуживает глубокого внимания всех, кто взирает на развертывающиеся события не ковыряя пальцем в носу, а стремясь осмысленно на них реагировать.

Всем известен факт, что Достоевский жил не в ладу с революционной Россией. В его произведениях не мало наговорено резкостей по адресу радикального лагеря. Его перу принадлежит злобный памфлет на Чернышевского. С истерической злобой нарисовал он революционное подполье в романе «Бесы». Радикалы не оставались в долгу, браня Достоевского, как мракобеса и апостола застоя. Эта ссора великого писателя с революционной интеллигенцией доставила не мало удовольствия черносотенным публицистам, которые всячески старались выставить Достоевского, как своего союзника в борьбе против революционного движения. Но союза не было, и это великолепно понимали публицисты реакции. Они не находили в нем прямолинейного, стоеросового ретроградства, какое было, например, в писаниях таких врагов революции, как Крестовский, Лесков и Маркевич. Среди самых жестоких нападок на подпольную Россию в произведениях Достоевского чуткое ухо всегда улавливало нотки сочувствия и оправдания подполья. Для реакционера он недостаточно отмежевался от революции, даже слишком недостаточно. Консерватизм как-то странно причудливо переплетается у него с мятежными бунтарскими порывами. Все это заставляло наших мракобесов подозрительно коситься в сторону Достоевского, быть вечно настороже по отношению к этому странному союзнику-врагу. Этим объясняется тот подозрительный, сдержанно-сторожкий подход к Достоевскому, какой мы находим в статье виднейшего реакционного публициста Леонтьева, написанной по поводу речи Достоевского на Пушкинском празднестве. Таким образом, доброе согласие между Достоевским и охранительной консервативной печатью оказывается больше видимостью, чем действительным согласием, потому что оно съедается до тла ржавчиной недоверия и опаски. С другой стороны, и ожесточенный разлад между революционной Россией и Достоевским

всегда сопровождался чувством боли от этого разлада, чувством взаимного влечения и какой-то невольной близости. Среди резкой полемики срывались признания этой близости, и порой между Достоевским и идейным вождем народнического радикализма Михайловским протягивались какие-то связующие нити.

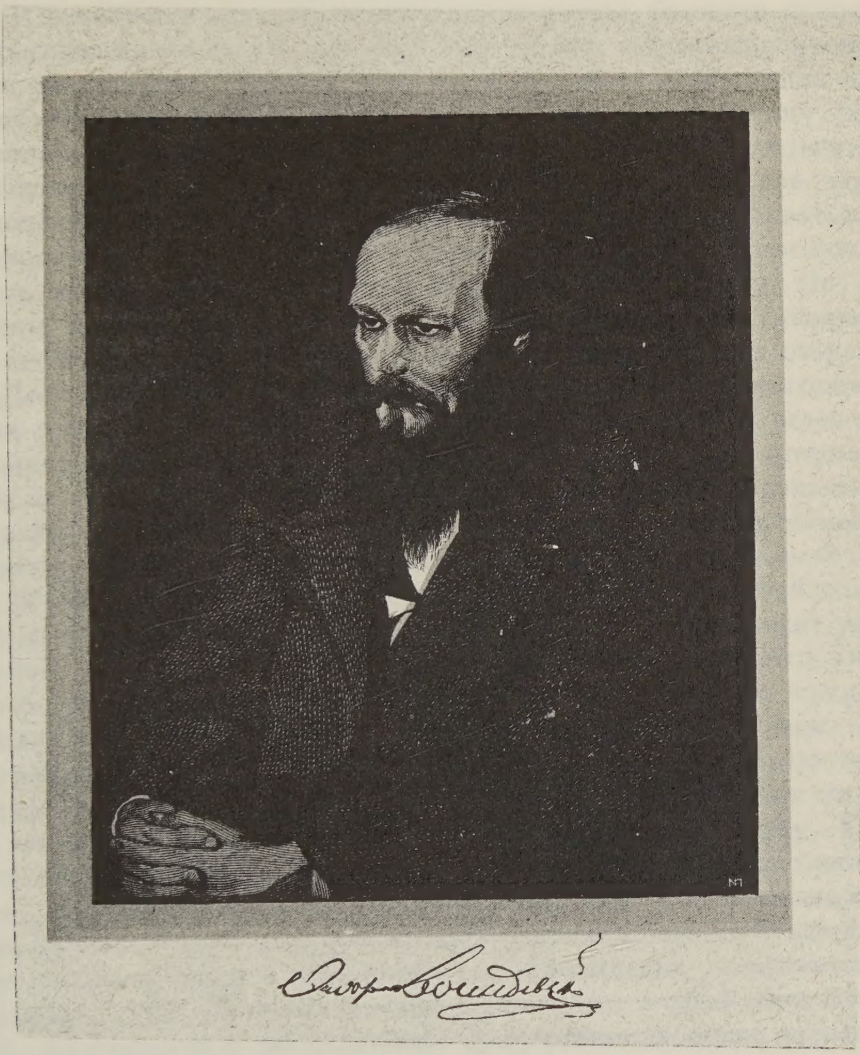
Отношение Достоевского к революционной России оказывается, таким образом, чрезвычайно сложным. Было бы ошибкой, несправедливостью назвать его реакционером, ибо в нем есть несомненное понимание обаятельности революционной грозы, обаяния мятежа. Но революционером его никто не назовет уже потому только, что добрая половина его писаний борется против революционного духа, который рисуется им в виде беса-искусителя, в виде духа тьмы. Он и не реакционер и не революционер: он и то и другое в одно и то же время. Это парадоксально, иррационально, но Достоевский и был такой иррациональной, противоречивой, внутренно несогласованной натурой. Раздвоение, борьба противоречивых устремлений—характерная особенность его душевной организации. В понимание всех жизненных отношений он вносит свою раздвоенность: двойственно его отношение и к революции. Повторяем еще раз: Достоевский и революционер и ретроград в одно и то же время; в нем одинаково живо звучат и революционные и реакционные струны. В его произведениях всегда есть что-то напоминающее ту «забавную штучку», которую сочинил для фортепьяно один из героев романа «Бесы»—Лямшин. «Штучка начиналась грозными звуками Марсельезы: Qu'un sang impur abreuve nos sillons! Слышался напыщенный вызов, упоение будущими победами. Но вдруг, вместе с мастерски варьированными тактами гимна, где-то сбоку, внизу, в уголку, но очень близко, послышались гаденькие звуки: Mein liber Augustin. Марсельеза не замечает их, Марсельеза на высшей точке упоения своим величием; но Augustin укрепляется, Augustin все нахальнее, и вот такты Augustin как-то неожиданно начинают совпадать с тактами Марсельезы». («Бесы» 287/VIII, изд. VI-е). Творческий дух Достоевского звучит как фортепьяно под пальцами Лямшина: грозные звуки Марсельезы спутались здесь в причудливом клубке с гаденькими звуками Mein liber Augustin; зовущая к свободе мелодия гимна: «Вставай, проклятьем заклейменный»—с рабьей мелодией «Боже, царя храни». У него революция всегда чревата реакцией, реакция чревата революцией.

Излюбленным героем его романов является революционер, бунтарь, носящий в себе элементы глубочайшего консерватизма и реакционного примирения в роде Раскольникова или Ставрогина. Таков и сам Достоевский: он весь в своих героях. Как и они, он мечется от революции к реакции, ищет удовлетворения то в крайностях мятежа, то в крайностях консервативного смирения, и не удовлетворяется ни тем, ни другим.

Чтобы понять это двойственно-противоречивое отношение к революции, необходимо внимательно всмотреться и вдуматься в психо-

логию той революционной России, какую мы находим в произведениях Достоевского. Полнее всего психология революции изображена Достоевским в романе «Бесы», который поэтому и представляет наибольший интерес для изучения отношения Достоевского к революционной России. Первое, что бросается в глаза при чтении этого произведения, это нескрываемое презрение Достоевского к сентиментальному идеализму, который претендует на революционность. Движущей психологической пружиной революционного движения является у него не сентиментальное жаление униженных и оскорбленных, а тот сдавленный гнев и разрушительный бунтарский огонь, который клокочет в душе самих униженных и оскорбленных. В основе революции лежит не великая жалость, а великий гнев, не самоотвержение, а самоутверждение, своеволие.

В противоположность сентиментализму революционных народников, Достоевский чужд всякой идеализации революции. Революция жестока и безнравственна, она ступает по трупам и купается в крови, она предпочитает мучительство, издевательство, потому что совершается теми, кого мучили и над кем издевались. Революция—дело униженных и оскорбленных, в душе которых накапливается, как пар в закрытом котле, разрушительная жажда мести, жажда унизить и оскорбить. Мы привыкли видеть униженных и оскорбленных жалкими, и не подозревали, что в них есть много страшного. В революции и и обнаруживается во всей силе то страшное, что заключено в психике угнетенных и оскорбленных в виде потенции. Революция несет с собой ужас, террор, деспотизм, потому что те, кого держали под страхом и в покорности, хотят внушить страх и покорность, стремятся стать деспотами и террористами. Кого пугает деспотизм, террор, кровь и трупы, тот не революционер и всуе призывает имя революции. Не великодушный заступник слабых и угнетенных, вдохновленный жалостью, а суровый завоеватель власти, вдохновляемый своеволием, является подлинным революционером. У Достоевского таков Петр Верховенский в «Бесах», таков и Ставрогин в своей революционной сущности. Итак, психологическая механика революции сводится к стремлению угнетенных стать угнетателями, лишенных всякой воли рабов—своевольными, деспотами. В революции есть при всем ее ужасе, при всем имморализме, несомненный очистительный, очеловечивающий огонь свободы. Лишенный воли, униженный до положения вьючной скотины, раб поднимается до головокружительных вершин свободы, не обузданной, никакими нормами права и морали несвязанного своеволия. Тот, кто ничего не смел и не мог, благодаря революции все смеет и все может. Но в той же революции куются цепи нового рабства. Оно рождается из своеволия, из опьянения свободой. Опьяненный свободой, раб становится деспотом, стряхнувший гнет унижения становится угнетателем, и все снова возвращается к исходной точке лишь с переменой ролей. В революции переплелись освобождение с порабощением. «Без деспотизма



Digitized by the Internet Archive
in 2025

https://archive.org/details/pechat-i-revolyutsiya_november-december-1921_1_3

еще не бывало ни свободы, ни равенства», говорит у Достоевского герой революционного подполья Петр Верховенский, высказывая заветную мысль автора, в которой, математически сжато, в краткой формуле выражено представление автора о революции. В революционном бунте есть и обаятельная сила и жуткое бессилие: сила ее в захватывающей дух свободе, бессилие [в неизбежности революционного деспотизма. В революции есть что-то дьявольски хитрое, бесовски лукавое. Ужас революции не в том, что она имморальна, обрызгана кровью, напоена жестокостью, а в том, что она дает золото дьявольских кладов, которое обращается в битые черепки, после совершения ради этого золота всех жестокостей. Революция соблазнительна, и понятно вполне почти маниакальное увлечение ею. Достоевский и его герои прекрасно знают этот революционный соблазн. Порой их охватывает неудержимое влечение броситься «вверх пятами» в бездну революции, испытать восторг своеволия, ничем неограниченной свободы. Но вот из бездны поднимается навстречу, рассеивая обаятельные призраки, ничем не ограниченная тирания,—и соблазн уступает место отвращению, Достоевский и его герои бросаются из объятий революции в объятия реакции, проклиная революционный соблазн, как бесовское наваждение. Автор и сердцевед униженных и оскорбленных открывает в их душе, как и в себе самом, огромный запас потенционально-революционной энергии, но и такой же запас энергии реакционной,—способность броситься от самой углубленной революции к самой глубокой реакции, потому что в революции униженных и оскорбленных есть момент очарования, но с ним необходимо связан и момент разочарования. В этом анализе революции и ее героев чувствуется много проникновенной правды, трезвого и глубокого понимания природы революции. Во всяком случае здесь гораздо больше правды, чем в сентиментальных и, в сущности, довольно детских представлениях революционных утопистов народнического склада. У них острый перец революции превращался в какую-то сладенькую водицу. У одних это происходило потому, что они были гуманными, жалостливыми людьми, но вовсе не были революционерами, хотя и воображали себя такими. Другие, будучи действительными революционерами-бунтарями, даже и не подозревали в себе самих тех психических конфликтов и залсженных в них потенций, которые ясно видел острый взор Достоевского. Анатомируя и распластывая душу революционного подполья, Достоевский добрался до таких интимных тайников ее, в какие не хотели заглядывать, робко обходя их, сами деятели революционного подполья. Потому-то и рассердились на него, что он вынес на всеобщее позорище те грозные диссонансы революционного подполья, от которых отделывались сознательной или бессознательной глухотой. Достоевский раздражал радикалов гораздо сильнее, чем реакционные борзописцы в роде Лескова, Авсеенки, Маркевича и иных, которые врали всякий вздор о революции и революционерах. Вранье было неопасно, над вздором легко было смеяться. Но от Достоевского нельзя

было отмахнуться смехом, с ним шутки были плохие. Тут приходилось иметь дело не со вздорной болтовней, а с дерзкой вызывающей исповедью, в чем боялись признаваться даже самим себе. Не пошлое зубоскальство беззубых мракобесов, а надрывающие стоны охваченного сомнениями верующего неслись с речью Достоевского в лицо не знавших сомнения радикалов. Этот колеблющийся в вере революционер требовал от столпов революционного подполья, чтобы они укрепили его в вере, а столпы только растерянно и раздраженно таращили на него глаза. «Есть ли в поле жив человек! кричит русский богатырь; кричу и я, не богатырь, и никто не откликается», скорбно жалуется Достоевский. Единственным откликом ему была брань, потому что он кричит на площади о том, о чем принято было не разговаривать между собой, о чем избегали даже про себя думать. Этот истерический крикун был гораздо опасней озлобленных, но бессильных мракобесов, и потому-то он вызвал ожесточенные нападки и резкую брань со стороны революционного подполья. А кроме брани откликаться было нечем, потому что никакой сладкой водицей нельзя было заглушить той едкой горечи, которая жгла уста Достоевского, раскусившего самую сердцевину красного перца революции. Он знал о революции больше, чем радикальнейшие из радикалов, и то, что он знал о ней, было мучительно и жутко, раскалывало надвое и терзало противоречиями его душу. Дело в том, что революционная Россия, которую знал Достоевский, была мелкобуржуазной Россией. Революционность мелкой буржуазии в капиталистическом обществе носит своеобразный и чрезвычайно парадоксальный характер. В условиях капитализма мелкая буржуазия оказывается в положении угнетенного класса. Капитализм душит мелкобуржуазное хозяйство, разлагает его, доводит до разорения и обнищания. И оттого мелкая буржуазия от всей души ненавидит капитализм, бунтарски настроена против него, жаждет его разрушения. Она злобно критикует капитализм и всегда не прочь перейти от критики словом к критике действием, т.-е. к революции. В своей критике она не останавливается перед крайностями, доходит до отрицания собственности, до требования экономического равенства. Во всем этом звучат ярко революционные ноты. Мы находим у мелкой буржуазии огромный запас революционной энергии, готовой всегда претвориться в революционный взрыв. Но, разрушая капитализм, мелкая буржуазия строит на его развалинах мелкобуржуазное хозяйство, из которого как раз родится капиталистическое с неизбежностью естественного процесса. Мелкобуржуазное хозяйство—основа капитализма. Мелкая буржуазия по своей социальной сущности оказывается строителем капитализма, и не может его не строить, как не может не родить беременная женщина. Стремясь одной рукой разрушить капитализм, мелкая буржуазия другой рукой создает его. Перед нами белка в колесе, социологическое perpetuum mobile, очень похожее на переливание из пустого в порожнее. И от этой роли белки в колесе мелкая буржуазия по своей социологической сущности не может от-

казаться: она не может не выступать в революционной роли разрушителя капитала, и в то же время не может не выступать в реакционной роли зиждителя капитала. Мелкая буржуазия в одно время и революционна и реакционна. Больше: чем она революционнее, тем реакционнее, и наоборот. Над мелкой буржуазией тяготеет какое-то проклятие, как над евангельской смоковницей: она социологически бесплодна, неспособна к исторически-созидательной роли. Трагедия этого класса в том, что революционность ее нейтрализуется реакционностью, а реакционность нейтрализуется революционностью: самые бурные напряжения революционной энергии разрешаются реакцией, и самая напряженная реакция должна разрешиться революцией.

Достоевский назвал бы эту трагедию «дьявольским водевилем», созерцание которого сводит с ума его и его героев. Социально-экономическая природа мелкой буржуазии определяет психологическую природу этого класса: внутренно противоречивая, двойственная экономическая сущность порождает внутренно противоречивую, двойственную психологическую сущность. Вот эту двойственность психологии мелкобуржуазной революционной России и подметил острый взор художника, вот о ней и говорит он в своих произведениях. И прямо поражаешься, как глубоко постиг художник психологию мелкобуржуазной революционности. Его не обманул радикализм, яркое революционное бунтарство допролетарского русского подполья. В самых крайних течениях современного ему революционного бунтарства он ясно видел наличность надрыва, наличность реакционного излома. Самый крикливый радикализм не мог скрыть от него таящейся в глубинах мелкобуржуазной души реакционности. И это в ту пору, когда ни в революционном стане, ни в стане реакции никто не замечал того, что было так ясно Достоевскому. Он был одинок со своим скорбным знанием—этот великий сердцевед-художник.

Современники плохо понимали, да и не могли понять его, ибо слишком остро было у него зрение и трудно слепому понимать зрячего. Скажем больше: мелкобуржуазные идеологи русской революции и в наши дни оказались отсталыми людьми по сравнению с Достоевским. Разразившаяся революция поразила этих утопических революционеров рядом неожиданностей, когда в ней обнаружились те самые черты, которыми характеризовал ее Достоевский. Она испугала их своим имморализмом, террором, деспотизмом, и увлечение революцией сменилось в них разочарованием. Все сбылось по Достоевскому, даже их разочарование предвидел он, рисуя революционных бунтарей «собственного своего бунта не выносящих». Таким образом, Достоевский, которого отделяют от нынешней революции десятки лет, оказывается гораздо больше понимающим ее механику, чем значительная доля современных революционных идеологов мелкобуржуазного склада. Это-то и делает Достоевского таким близким современности. Переживаемая нами великая революция в значительной мере движется силами революционной мелкой буржуазии. Правда, роль передового застрельщика

в этой революции выпала на долю пролетариата, революционность которого носит иной характер. И поскольку наша революция движется революционной энергией пролетариата, постольку она оказывается вне постижения Достоевского. В ту пору, когда складывались произведения Достоевского, пролетариат был еще несложившейся и неоткрытой силой, и естественно, что в художественных откр вениях Достоевского, относящихся к психологии революционной России, нет места психологии революционного пролетариата. Зато для понимания мелкобуржуазной революционной стихии, которой густо разбавлена наша революция, Достоевский и теперь оказывается незаменимым художником. То, что сказал он о революции, является для нас до сих пор самым глубоким постижением ее сущности, поскольку она плод мелкобуржуазного бунтарства. У Достоевского многому можно научиться, многое понять и на мн гое трезво взглянуть в происходящей на наших глазах революции. В мощных взлетах революционной волны и ее падениях, в неровном, колеблющемся ритме нашей революции мы увидели бы отражение социальной и психологической раздвоенности мелкобуржуазной стихии. Это она с ее вечными метаниями между революцией и реакцией, с ее способностью броситься в сторону самой крайней, самой радикальной революционности и тотчас охлаждаться, уставать, пятиться назад, вносить в революционное движение зигзагообразность, с величайшим трудом выравниваемую напряжением революционной энергии пролетариата. Достоевский приучил бы нас не испытывать головокружения от этой революционной качки, сделавши для нас ясной естественность и неизбежность резких колебаний в революции, построенной в значительной степени на мелкобуржуазном основании. Он помог бы нам сохранить ясность мышления и спокойную уверенность в обстановке революционной грозы, правильно реагировать на все перипетии революции, не пьянея от захватывающего дух широкого размаха ее, не впадая в панику от ее стремительных срывов. Знакомя нас с самыми интимными уголками психологии мелкобуржуазной революционности, Достоевский воспитывает в нас чувство осторожной недоверчивости к этой лукавой силе и приучает нас быть готовыми к самым резким поворотам в ходе переживаемой революции. И именно в данный момент, когда напор мелкобуржуазной стихии особенно силен, когда пролетарская волна сильно растворилась в этой стихии, особенно уместно и своевременно вспомнить Достоевского, вновь перечитать его проникновенные, глубокие страницы, посвященные психоанализу революционной России.

ПАМЯТИ НЕКРАСОВА.

(К столетию со дня рождения).

П. С. Коган.

I.

Немногие поэты прошли такой переменчивый путь, как Некрасов. В 80-е годы он был кумиром молодежи. Среди мрака, навеянного тяжелым победоносцевским режимом, ярким светильником горело это страдальческое имя.

«Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»—эти два прозаических стиха стали всевым знаменем. В них был подведен итог благороднейшим традициям русской литературы, длинному мартирологу поэтов-печальников народа. Имя Некрасова было символом заветных стремлений к свобо де, ненависти к угнетателям, идеи гражданского долга. Поколение всьмидесятых годов мало думало о том, верны ли были пути, предуказанные поэтом, не разбиралось в вопросе, к какому классу обращался он. Он был вообще поэтом «мести и печали»,—печали за всех обиженных, мести всем «ликующим, праздно болтающим, обагряющим руки в крови». Еще живы были идеалы героического народничества, и поэзия Некрасова представлялась воплощением этих идеалов.

Прошли года. Железная рука Победоносцева делала свое дело. Раздавленное и разрозненное русское общество ударилось в мистику, в эстетизм и утонченную эротику. В поэзии царит культ формы. Из прошлого вырисовывается образ Фета, еще недавно забытого. Имя Некрасова тускнеет, становится предметом злобы. Поэту, провозгласившему примат идеи гражданского долга, не могли простить стихов:

С твоим талантом стыдно спать,
Еще стыдней в годину горя,
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать.

Что могли понять Бальмонт и другие певцы «небес и ласк» в гордом плебейском заявлении Некрасова:

Нет в тебе поэзии свободной —
Мой суровый, неуклюжий стих...

Что могли понять белоручки эстеты в мироощущении поэта, который верил, что родина простит ему все вины «за каплю крови, общую с народом». В эти годы самое слово «общественность» стало ненавистным, каким-то синонимом банальности и плоскости, а капризная игра индивидуальных настроений — признаком утонченного аристократизма души. От поэзии Некрасова отвернулись, и его имя если не было забыто, то ушло куда-то в тень.

После первой революции наступил расцвет психологизма. К общественности не вернулись, интересы литературы продолжают оставаться в пределах внутренних переживаний личности, но беспечно порхающий Бальмонтовский индивидуализм сменяется более глубоким проникновением в душевный мир человека. Из прошлого воскресает образ Достоевского, из современников царит Леонид Андреев. Мережковский пишет о всевозможных «тайнах», — Тютчева, Некрасова и пр. Интерес к последнему возбуждают теперь его душевные муки, великие противоречия, раздиравшие его ум и сердце, страшный костер, на котором горела и испепелилась его исстрадавшаяся душа.

II.

В разгар борьбы не прощают колеблющимся. Социальные группы требуют от своих глашатаев цельной души, бескомпромиссных лозунгов. Но когда утихают страсти, когда для поэта наступает история, растут в вечности образы тех, чье сердце болезненно откликалось на все голоса современности, было многогранно и потому более проникновенным светом озаряло «вечное» своей эпохи. Берне принадлежит своей эпохе, Гейне—последующим векам.

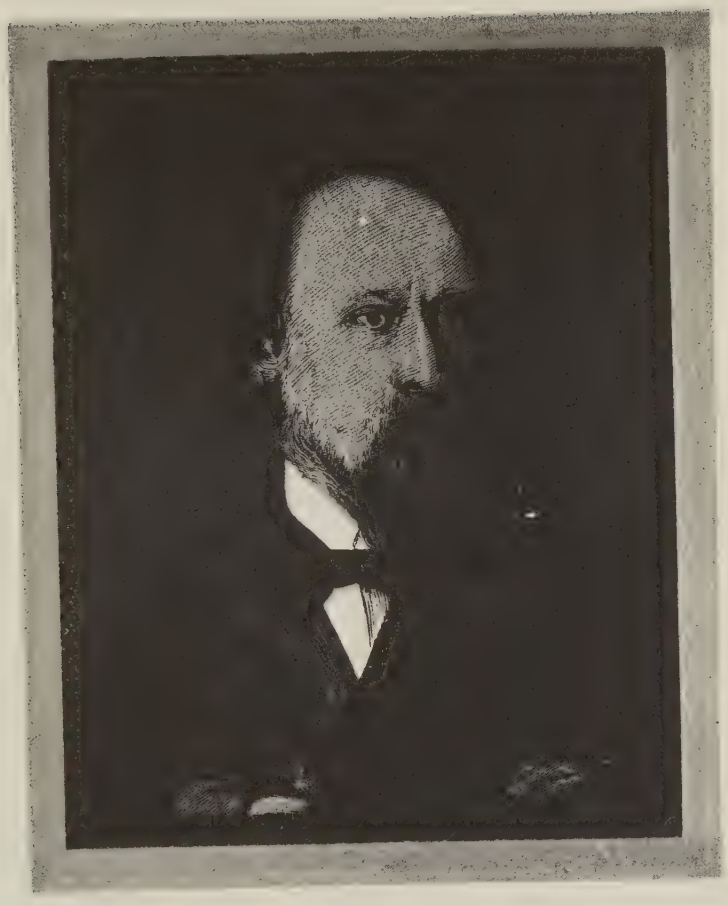
Некрасов, по его собственному выражению, шел «колеблющимся шагом». За эти колебания ненавидели его современники, в лучшем случае прощали ему. Но именно влекут нас великие противоречия Некрасова, делают его родным и близким. Поэты — слезы истории. Дело поэта повествовать о переживаниях единиц, через сердце которых проходит механическое колесо ее. Всю жизнь не мог обрести Некрасов этой цельности, и неиссякаемым источником его мучений была неспособность его дойти до конца в героизме и в жертве.

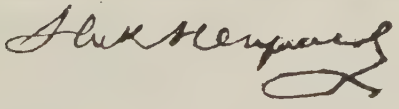
Над самой колыбелью его столкнулись злая и добрая феи. «Прежде, чем понять рассудком неразвитым, ребенок, мог он что-нибудь, проник уже порок дыханьем ядовитым в его младенческую грудь». Пьянство, карты и разврат — наследие, доставшееся ему от отца. Идеализм и сочувствие угнетенным — от матери.

И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты,
И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты—
О, мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты.

Отец и мать, Ормузд и Ариман, боролись в его душе всегда, он знал это и переживал муки от этого сознания.

И когда с этим нравственным душевным разладом он бросился в общественную борьбу, он измучился в противоречиях. Он не мог никогда проникнуться психологией так называемых «лишних людей», хотя близок был к тем литературным кругам, где этот прославленный образ русской поэзии изображался в меланхолических, но сочувственных и





нежных красках. В его стихах не было оттенков идеализации усадебного быта, чего не избежал ни один из дворян идеалистов сороковых годов. Деревня навеяла ему иные сны, кошмарные видения, и он клеймил беспощадно помещиков и крепостнический быт. Никогда не мог забыть он палачей-истязателей, крестьян, валявшихся в ногах его отца, засеченных девушек, родной сестрой которых он считал свою музу, и всю жизнь, вероятно, звучал в его ушах кандальный звон арестантов, направлявшихся в Сибирь по большому Владимирскому тракту с песнями, надрывающими сердце. Правда, впоследствии Некрасов примирился с идеалистами сороковых годов, он понял, что, «честный по натуре», этот «лишний человек» был «аристократ, гуляка и лентяй, избыточно снабженный всем житейским». Этот праздный человек следил «за движеньем европейским», «наполняя ум свой знаньями, обходил он жизни грязь; грозный деятель в теории, беспощадный радикал, он на улице истории с полицейским избегал». Это были «рыцари доброго стремления и беспутного житья, герои слова, а на деле — дети».

В шестидесятые годы Некрасов решительно примкнул к так называемым разночинцам и порвал с Тургеневым. На кого опереться? Одно время ему казалось, что буржуазия и зарождающийся капитализм выведут Россию на путь спасения. Но позднее он отворачивается от буржуазии, которая переживала период первоначального накопления, и деятельность которой представляла собой картину отвратительного хищничества. Он заклеймил этот тип в образе «купчины», спаивающего железнодорожных рабочих и выжимающего из них все соки.

В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

III.

Нравственный разлад в душе Некрасова и социальные противоречия того тридцатилетия, в течение которого развертывалась его литературная деятельность,— претворились в ряд мучительных переживаний, доводивших его до отчаяния.

В нем боролись страстная любовь и больная ненависть к русской деревне. Родные нивы рисовались ему тем прибежищем, куда приходил он искать успокоения, проливать накипевшие слезы. Но в них же видел он вместилище беспредельного горя народного, его пота, слез и крови. А самый народ! Чудилось ему порою, что нечего больше ждать от этого народа, что он все, что мог, совершил: «создал песню, подобную стону, и духовно навеки почил». Но иной раз он преисполнялся великой верой в него и в светлое будущее. Он верил, что этот народ «вынесет все, что Господь ни пошлет, вынесет все — и широкою, ясною грудью дорогу проложит себе». Но самые страшные противоречия, это те, в которых бился он, стараясь оторваться

от земли и уйти к высоким стремлениям. Пр шедший жестокую школу нищеты и голода, закалив свой дух в суровой б рьбе за существование, Некрасов был практиком, он знал цену деньгам, он всем был обязан себе, и большая часть его мыслей и внимания принадлежала «заботам суетного света». «Погрузился он в тину нечистую мелких помыслов, мелких страстей», а между тем он знал свое назначенье.

Я призван был воспеть твои страданья.
Терпеньем изумляющий народ!
И бросить хоть единый луч сознанья
На путь, которым Бог тебя ведет.

Это была самая мучительная из его казней, бесконечная радость подъемов и отчаянье падений:

Я не думал, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдет—
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни, вперед и вперед.
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал—и вовсе упал!
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней.
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.

Был момент, когда Некрасов, как будто нашел устойчивую почву. Это была эпоха великих реформ. Но и в эти дни мрачные опасения томили его, он тревожно предчувствовал, что на место цепей крепостных, люди придумают много иных, и вскоре он действительно убедился:

Немного выиграл народ,
И легче нет ему покуда
Ни от чиновных мудрецов,
Ни от фанатиков народных,
Ни от начитанных глупцов,
Лакеев мыслей благородных.

Не видел он светлых картин и после реформы: не видел «следов обновленья»: «Те же напевы, тоску наводящие, с детства знакомые и о терпении новом молящие, те же попы по церквам. В жизни крестьянина, ныне свободного, бедность, невежество, мрак...»

И знал еще одну великую муку Некрасов: для кого писал он? Дойдут ли его стихи по назначению, услышит ли и поймет его песнь тот народ, чьи страданья он призван был воспеть. Самые страшные минуты отчаянья это были те, когда он переживал сомнения этого рода. Простит ли ему потомство его вины «за каплю крови общую с народом»? Если бы понадобилось вставить Некрасова в рамки наших направлений, то его пришлось бы причислить к народничеству. Но и народничество его отравлено постоянными сомнениями. Време-

нами он близко подходил к мысли, что не там, на просторе полей и в гуде лесов, окажутся силы, призванные возродить Россию. И тогда он обращался к городу:

В стенах твоих
И есть и были в стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могил немых
Найдутся громкие могилы...
Ты дорог нам,—ты был всегда
Ареной деятельной силы,
Пытливой мысли и труда!

Некрасов умер рано, так и не нашедши того, кто поведет угнетенных и эксплуатируемых к освобождению. Он умер не задолго до того, когда в недрах русского общества уже стали обозначаться новые силы, когда была произнесена пророческая фраза о том, что русское освободительное движение восторжествует как рабочее движение или не победит совсем. Некрасов умер до этого времени, но можно ли сомневаться, с кем был бы он в наши дни.

БУРЖУАЗНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

I. НА РАСПУТЬИ.—Вяч. Полонского. II. НА НОВОМ ПУТИ.—А. Воронского. III. О НОВЫХ НАСТРОЕНИЯХ РУССКОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.—Н. Мещерякова.

Политические настроения русской эмиграции вступают ныне в новый фазис. Отношение ее к Советской России и к большевизму приобретает порою неожиданные формы. Былого согласия в оценках большевизма, былого единения в деле борьбы с Советской Республикой уже нет. Эмиграция раскололась на ряд течений, ведущих жестокую, покуда словесную, но тем не менее весьма любопытную междоусобную борьбу. На некоторых показателях распада буржуазной интеллигенции, на новой переоценке старых, установившихся, казалось бы, оценок—мы остановим внимание нашего читателя.

I. НА РАСПУТЬИ.

I.

Перед нами книга Петра Рысса «Русский опыт»[1]). Сотрудник газеты «Речь», бывший одно время ее итальянским корреспондентом, ближайший литературный соратник П. Н. Милюкова, г. Рысс задался целью дать историко-психологический очерк русской революции. Он

[1]) Петр Рысс. «Русский опыт». Историко-психологический очерк русской революции. Societé d'edition «Sever», Paris, 1921. Стр. 287.

предупреждает читателя, чтобы тот не ждал от него беспристрастия. Подчеркивает, что принадлежал к людям «активно борющимся», — а какое же беспристрастие мыслимо со стороны *активного* врага того процесса, психологию которого он хочет «вскрыть». И этим заявлением автор «историко-психологического очерка» определяет и значение, и характер своей работы. Если есть в его книге «история» — это история *его* отношения (шире — *людей его круга*) к революции; если есть в ней психология, то лишь психология ее автора, точнее, психология класса, в рядах которого г. Рысс был «активно борющимся» рядовым. Так на эту книжку мы и взглянем. Говоря о революции, он говорит о себе; толкуя и комментируя великую эпоху, он раскрывает перед нами внутренние процессы своего сознания.

Но прежде чем заняться признаниями г. Рысса, нам хочется дать беглую характеристику самой его работы. Прежде всего необходимо заметить, что ее автор несколько небрежно обращается и с фактами, и с тем, что называется исторической истиной. Он морщит брови, делает строгое лицо, изо всех сил хочет «углубить» потоки своей мысли, но она неизменно и постоянно скользит по поверхности, упрямо не желая углубляться, цепляясь за случайные явления, порхая от вопроса к вопросу, от проблемы к проблеме, с игривой легкостью балерины. Петр Рысс коснулся, напр., вопроса о происхождении войны, — одного из самых сложных и серьезных вопросов, и, перебирая один класс общества за другим, одну группу населения за другой, пришел к заключению, что ни русский народ в целом, ни русская буржуазия, ни русская интеллигенция, ни дворянство, ни армия, ни даже династия не хотели войны. Каким же образом Россия все-таки в войну оказалась вовлеченной? Чьим лукавым коварством огромное государство, вопреки воли *всех классов* и групп, оказалось участником международной бойни? «Единственно, — отвечает г. Петр Рысс, — кто хотел войны, был великий князь Николай Николаевич, небольшая группа близких ему лиц, по преимуществу из военной среды, да еще крохотная группа правых, обострявших отношения России к Австрии из-за вопросов Галицийского и Угорской Руси». Такова *глубина* «историко-психологического» анализа, каким блещет наш автор. Право, этот ученик не делает чести историческому методу г. Милюкова.

Это не единственный случай, когда г. Петр Рысс с великолепным апломбом разрешает вопросы, сложность которых заслуживает более глубокого внимания. Плоха ли его память, или в самом деле он воспринимал события как в тумане, но даже с такими основными датами, как, напр., первые дни февральской революции, точное знание которых обязательно для всякого, кто вздумает хотя бы вскользь коснуться революции, — обращается он с присущим ему импрессионизмом. Временный Комитет Госуд. Думы, избранный 27 февраля, он попросту называет «Временным Правительством», хотя в эти дни Комитет ни в какой мере правительством не был и не хотел быть. «А

одновременно с Временным Правительством, — сообщает дальше наш историк, — по образцу 1905 года образовалось и другое — ему параллельное правительство: «Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» — и также грешит против хронологической истины, ибо в первый официальный день революции образовался не Совет Р. С. и К. Депутатов, а «Временный Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов» — революционный орган, вокруг которого стали группироваться рабочие и солдатские массы Петербурга. Участия рабочих в революции г. Петр Рысс не заметил. Он ни словом о них не упоминает — и его знания в этом отношении уступают даже знаниям генерала Хабалова, который еще 25 февраля расклеивал в заводских районах успокоительно-угрожающие прокламации. Рабочих волнений — которые памятны каждому питерцу, которые должны быть известны всякому, кто вздумает писать «историко-психологические очерки» русской революции, — г. Петр Рысс не запомнил. Он знает лишь «женский бунт из-за уменьшенных рационов хлеба», который и послужил сигналом к перевороту. И потому, что он воссоздает картины прошлого без достаточной серьезности, они приобретают под его нередко острым пером характер набросков для популярного обывательского фельетона. Вот как изображает он, к примеру, возникновение Совета Рабочих Депутатов.

«... Не доверяя буржуазному правительству, социалистические депутаты Гос. Думы, т.-е. Чхеидзе, Керенский и Скобелев, созвали представителей заводов и армейских частей, ввели сюда делегатов от левых партий и представителей от крестьянства,—также партийных интеллигентов, — избрали бюро этого совета, т.-е. самих себя (Чхеидзе — председателем, Керенский и Скобелев — товарищами председателя), — и второе правительство стало функционировать». Если это «история», — то очень веселая. К сожалению, г. Аверченко не может использовать ее в качестве бесплатного приложения для «Сатирикона».

Мы не станем приводить всех перлов, которыми богата книга г. Петра Рысса. Того же, что приведено нами, совершенно достаточно для характеристики пера г. Рысса. Оно талантливо — этого качества мы не намерены лишать его, но поверхностно невыносимо. И потому, что г. Петр Рысс поверхностен, он с такой легкостью скользит по историческим глубинам, не подозревая их глубины. Ведь известно, что самодовольное всезнайство чаще всего связано с глубоким невежеством. Этого невежества и внутренней пустоты не скроют ни звонкие слова, ни высокомерные эпитеты, гремучими пригоршнями рассыпаемые нашим «историком».

II.

Но, давая такую характеристику г. Петру Рыссу, мы, тем не менее, признаем за его книгой большое симптоматическое значение. Он — не последний среди эмигрантов. При всей легковесности его писа-

ний, г. Петр Рысс не может даже в сравнение итти, напр., с г-жой Зинаидой Гиппиус, которая как бы потеряла сознание в припадке невыносимого бешенства и строчит мемуары в эдаком умопомрачительном трансе, не желая ни опомниться, ни вдуматься в происходящее. Г. Петр Рысс, разделявший в свое время бешенство г-жи Гиппиус, под влиянием событий несколько охладел, пришел в себя и вместе со многими другими, такими же, как и он, начинает переоценивать свои старые мнения, по иному взирает на события, с иной точки зрения определяет их характер. Правда, в его «историко-психологическом» очерке восставший народ трактуется, как стадо рабов, а февральская революция — как грандиозный солдатский бунт, исключительный по числу своих участников. Но это — дань его настроениям давнего периода, когда большевики трактовались, как «пломбированная компания» германских агентов, которые сгинут «через две недели». В мае же 1920 года, когда события даже из самых дубовых голов стали высекать искры понимания, он уже пишет: «Русская революция есть крупнейшее явление в жизни человечества за последние сто тридцать лет со времени Великой французской революции. Более того, последняя не ставила себе тех грандиозных задач, которые решила осуществить русская революция. Ибо Франция проводила в жизнь принципы политического народовластия, в то время как русская революция пытается изменить социальный порядок, на место буржуазного строя введя коллективистический...» А это уже прогресс огромный. Шаг вперед сделан гигантский. Ведь мы имеем дело с одим из ближайших представителей той политической группировки, которая запятнала себя причастностью, быть-может, только литературной, к организации подложных документов (Ермоленко и К°), долженствовавших уличить Ленина в связях с Германским Генеральным Штабом. Литературным памятником этой позорной страницы из истории русской интеллигенции является «История первой русской революции» П. Н. Милюкова, великолепно разоблаченная недавно М. Н. Покровским [1]). И тот факт, что г. Рысс от этой попытки отказывается, говорит о значительных успехах, какие сделала революция в сознании ее врагов.

— Кто были они — большевики?—глубокомысленно задает он вопрос и отвечает: «Было бы крупной ошибкой думать, как думают многие, будто перед нами шайка злоумышленников, посланная в Россию враждебной Германией для расстройства жизни». Эта «ошибка» была когда-то очень любезной сердцу русского буржуа. Настолько любезной, что пленила даже искушенного П. Н. Милюкова. И газета «Речь», сотрудником которой г. Рысс состоял, только и делала, что эту «крупную ошибку» муссировала, раздувала, разжигала, и лишь теперь г. Рысс ясно и отчетливо хоронит это былое «заблуждение».

«Нет, — настаивательно пишет он,—это не злоумышленники, не удачливые преступники, совершившие великое зло, это русские, по психо-

[1]) См. «Красная Новь», № 2.

логии своей, люди, дошедшие до конца в отрицании им чуждого. Это— дети России, разрушающие чуждую им культуру Запада, уверенные, что свет идет с востока, что России суждено явить миру образец высшего разума и осуществить социальную справедливость».

Поворот, как видим, на 180°. Такая оценка большевиков звучит в устах г. Рысса как лестное признание. Куда делся былой пафос отрицания, былая ненависть к «врагам родины и революции»! Это признание не значит, впрочем, что Петр Рысс имеет отдаленнейшее намерение «примириться», хотя бы в мыслях, с этими «детьми России», желающими осуществить «социальную справедливость». Ненависть попрежнему бурно клокочет в его душе. Он ненавидит большевиков попрежнему. Демагоги и насильники — они, как и прежде, по его мысли, губят Россию — но в том-то и дело, что на ряду с этой ненавистью, поверх нее, в его раздвоенной душе возникают мысли, утверждающие то дело, что делают большевики.

На книге г. Рысса лежит печать раздвоенности. С одной стороны, он не забыл еще старых слов, старого безудержного отрицания большевизма. Какими-то сторонами души весь он в этом ощущении. С другой — не может не признать исторической ценности и огромного величия дела, творимого большевиками. Он еще не успел отказаться и изжить старых «крупных ошибок», продиктованных классовой ненавистью, — но вместе с тем успел осмыслить кое-что в происходящем. Оттого-то книжка его производит «полосатое» впечатление. Русский народ — раб, слепой и темный, но этот раб начал творить великое историческое дело. Большевики — насильники и демагоги, но под их руководством это великое дело творится. Они губят и разрушают Россию — и вместе с тем осуществляют волю нации, из людской пыли родившейся в громе и буре революции. В этом смысле очень любопытна общая концепция, которую составил себе о развитии русской революции г. Петр Рысс.

В феврале не было революции, говорит он. Был слепой, стихийный солдатский бунт, углублявшийся без вождей и без цели. С этим бунтом можно было покончить в свое время. Милюкову «можно поставить в вину, что в эти дни,—роковые апрельские дни, Милюков не прибег к хирургии. Вопреки воле правительства, он имел шансы, во главе нескольких полков, еще преданных власти, арестовать Совет и, пролив немного крови, предотвратить, быть-может, пролитие моря крови». Но «пролить немного крови» Милюкову не удалось. Революция прорвала жалкие плотины и, подобно щепкам, закружились в его потоке вожди и партии, слабые, неуверенные, без твердых планов, без решимости, много обещавшие и ничего не выполнившие. А на смену им, растерянным и безвольным, пришли большевики—«люди действия».

Была и еще возможность ликвидировать революцию: это могла сделать Антанта, раздавив большевиков.

Но «...вместо того, чтобы раздавить большевиков силой оружия, что было так нетрудно до средины 1918 года, державы Согласия при-

бегли к пассивному блокированию, к изоляции России, что ввергло страну в голод и в эпидемические болезни, унесшие в могилу миллионы жертв».

Таким-то образом страна, ввергнутая в голод, умирающая от эпидемических болезней, разоренная и ограбленная, на гребне своем вынесла большевиков. А, оказавшись на этом гребне, сделавшись хозяевами положения, — большевики и стали разрушать Россию.

Если бы г. Рысс подошел критически к такой «философии» русской революции, он язвительно посмеялся бы над нею. Как человек, кое-что прочитавший, он должен знать, что если трудно и даже невозможно порой бывает заковать стихию, «взнуздать» ее (об этом «опыте» много поучительного мог бы рассказать ему П. Н. Милюков), то еще невозможней эту стихию вызвать, *создать ее* — если нет для этого социально-экономических предпосылок. В них-то и заключалось все дело — в этих предпосылках, в этой фатальной неизбежности, которой не видели и не признавали, которой не понимали ослепленные люди «его круга». Революция—всегда разрушительная стихия. Только барышням-институткам можно простить бонбоньерочное представление о революции, как состоящей из комплиментов да реверансов. Революция всегда начинает с разрушения, стремительного, всепожирающего, испепеляющего, и чем больше накоплено сил для взрыва, чем сильнее был пресс устаревших политических и общественных форм — тем оглушительнее взрыв, тем разрушительней выход стихии на волю. Все дело в том, *как* этой стихией овладеть, как стать во главе ее, как направить ее могучую силу сначала на целесообразное и организованное разрушение, а вслед за тем и на созидание. Несчастье контр-революционеров в том, что своим классовым положением они являются обреченными послужить материалом для разрушения. Может ли это страдательное положение доставлять хоть какое-нибудь удовольствие? И нет ничего удивительного в том, что гибель своего классового дела они отождествляют с гибелью страны, культуры и прочих высоких вещей. Все писания эмигрантов 1918—1919 годов и были сплошным воплем о гибели: погибало все—культура, искусство, нация, государство. Погибала самая Россия, умученная большевиками.

Но всякие пароксизмы проходят: и бешенства и боли. В книге Рысса, и довольно явственно, заметен тот процесс прояснения, который происходит в сознании передовых представителей буржуазии. Уже к 1920 году для них стало ясным, что причитания о погибающей России были, выражаясь изысканно, поэзией отчаяния. А по мере того, как Советская Россия, с неимоверными усилиями, истекая кровью, одинокая и мужественная, героически отбивалась от врагов, со всех сторон яростно терзавших ее; по мере того, как из хаоса разрушительного периода революции воздвигалась циклопическая постройка какого-то нового, невиданного государства; по мере того, как пред лицом изумленной Европы на месте старой, истретированной и презренной царской России явила миру свой лик Россия новая, с гордой

смелостью и сознанием силы бросившая вызов всему миру; когда эта Россия, железной энергией сопротивления заставила, принудила, как ни упиралась старая Европа, считаться с собою, уважать себя и, в конце-концов, к глубочайшему изумлению российских беженцев, признать себя, как великую державу, великую социалистическую Россию,— почва для окончательной переоценки и революции, и большевизма в головах эмигрантов созрела окончательно.

Г. Рысс уже не трактует большевиков, как кучку пришельцев, заговорщиков, чуждых русскому народу, дерзко захвативших власть и вопреки народной воле творящих бесчинства. Под пером его большевизм превращается в явление исконно русское, национальное, историческое. Имя Ленина он ставит рядом с именами Киреевского, Герцена, Чернышевского, Бакунина, Толстого.

«Великий бунт, что в области мысли связан с именем И. Киреевского, Герцена, Чернышевского, Бакунина, Толстого; великий бунт, что в области дела связан с именем Ленина, уже заканчивается. То, что происходит в России,—это последняя страница из книги прошлого, из книги, уже усвоенной страной.

Не то было важно, пишет он далее, что «большевизм усвоил некоторые положения марксизма (наш психолог и с марксизмом хорошо знаком) и всю марксистскую фразеологию; важно было то, что, переваренный в кипятке русской психологии, большевизм, как нельзя более, соответствовал времени и духу народа». Он при этом, мимоходом, с ученым видом знатока, городит чушь — на тему о том, что большевики, будто бы, «верили в особый ход развития России», будто в большевизме «сквозь мишуру партийной догматики, сквозь фразеологию социализма, оперирующего с экономическими и философскими терминами, вырисовывались очертания глубокой и сильной веры в святость России и в ее назначение спасти погрязший в грехах мир». Но ведь он не был бы Петром Рыссом, если бы не проявил легкости в мыслях необыкновенной. Он не был бы также самим собой, если бы не противоречил своим собственным заявлениям: говоря в одном месте о глубокой, русской, национальной стихийности большевизма, он в другом, вспоминая свои первоначальные настроения, утверждает, что, как демагоги, большевики *решили* использовать пробуждавшееся национальное чувство. Но одно из двух: либо они сами были стихией, либо хотели «использовать» ее, — а значит, стояли *вне* стихии.

Все дело в том, что Россия, в сознании г. Петра Рысса, преобразилась. Страна рабов, распыленная, хаотичная, слепая, в которой было только народонаселение, — эта страна за три года революции стала рождать *нацию*. «Пробуждалось национальное чувство, возникала идея родины». В этом обстоятельстве, столь любезном сердцу г. Рысса, большевики сыграли центральную роль: «Во имя пролетарских интересов и идеалов признавалась родина и идея ее пропагандировалась со всем тем рвением, которое свойственно большевикам». Кучка людей, в 1918 году третировавшихся, как «запломбированная компания», нынче — по

словам Петра Рысса — творит историческое дело русского народа — и идет (кто бы мог подумать!) «тем самым путем, которым шествовала Россия четыре столетия». И вновь колеблясь между признанием большевизма и отрицанием, еще не переварив окончательно новых настроений — наш автор тут же делает крутой зигзаг: «Обманывая себя и других, лицемерно проповедуя то, за что они свергли Временное Правительство, коммунисты — по существу, вопреки себе, — творили русское дело и, того не желая, восстанавливали разрушенное ими государство, делая его унитарным и централизованным».

Здесь—вершина «историко-психологических» рассуждений г. Рысса. Факты заставили его «перетряхнуть» свои былые впечатления и настроения. Россия, возникшая как феникс из пепла, ставшая могущественным фактором мировой политики, признанная, как сила, отвергаемая, как угроза, ставит перед современной русской эмиграцией вопрос *«что дальше?»* И г. Рысс, робко и неуверенно, с большой долей присущего ему легкомыслия, городя Оссу на Пелион, перемешивая быль с небылицей, пытается этот вопрос решить — и останавливается на полдороге. Большевики — истинно-русское явление, и большевики — демагоги, обманывавшие русский народ; большевики творят историческое русское дело — и большевики изживают себя, тщетно стараясь спастись, «сохраняя свою угасающую комбативность»; русская революция—закономерный, неизбежный, народный взрыв, подготовлявшийся всей предшествовавшей русской историей, и она же—«русский опыт», поставленный забубенными экспериментаторами; Ленин—чисто русская фигура, на деле осуществивший то, о чем на словах твердили Толстой, Герцен и другие, и тот же Ленин, как вождь большевизма, «до логического конца довел абсурд социальной утопии и вместе с этим абсурдом умирает». Колеблясь между Сциллой признания и Харибдой отрицания г. Петр Рысс, подобно одному анекдотическому персонажу, рискует умереть между двух вязанок сена, не решаясь, которой отдать предпочтение. В этом смысле он является типичной фигурой, одним из многих, какими богата рассыпающаяся белая эмиграция.

Но то, чего не договаривает и не додумывает до конца г. Петр Рысс, то додумывают и договаривают другие. Этим «другим» посвящены статьи тт. Воронского и Мещерякова в настоящей книге нашего журнала. Г. Петр Рысс лишь наметил еще в 1920 году ту переоценку, которую продолжают другие представители его круга. Мы не можем отказать ему в этом признании. Он не высказывает намерения итти «в Каноссу», как зовут авторы из сборника «Смена Вех». По крайней мере, в первой половине 1920 года, когда им писался «Русский опыт», такого желания у него не было. Завернувшись в тогу своего гордого одиночества, он в позе мудреца указывает перстом на «русский опыт», предупреждая Европу, Азию, Америку и Австралию—учесть его губительные последствия.

«На ответственных политических людей и на правительства возлагается... огромная задача. Им приходится искренно и последова-

тельно — путем законодательным — сглаживать социальную рознь и осуществлять социальное равенство. Страны, государственные люди которых не пожелают итти этим путем, — эти страны обречены на яростную внутреннюю борьбу и на анархию, ибо для победы над утопиями и над демагогией необходимо вырвать у фанатиков и у демагогов то оружие, которое они используют: недовольство масс. А это недовольство устранимо проведением широких социальных реформ. Борьба с большевизмом только в этом случае закончится победой над большевиком.

Вот что должен дать Европе русский опыт».

Взглянем же теперь, как смотрят на «русский опыт» другие представители русской эмиграции, сделавшие дальнейшие выводы из посылок, установленных г. Петром Рыссом.

II. НА НОВОМ ПУТИ.

I.

На страницах советской периодической прессы уже отмечалось в специальных статьях появление за рубежом сборника «Смена Вех» [1]). Речь идет, действительно, не только о чрезвычайно важном литературном, но и о политическом событии, пожалуй, самом крупном и самом знаменательном за все время бесславного существования русского Кобленца.

В сборник вошли статьи Ю. Ключникова, Н. Устрялова, С. Лукьянова, А. Бобрищева-Пушкина, С. Чахотина, Ю. Потехина. Все это люди не только с крупными профессорскими и литературными именами,—они принимали также участие в самой активной борьбе с Советской властью. Так, профессор Устрялов в сентябре 1918 года переезжает в Пермь, а потом в Омск, когда Колчак берет Пермь. Здесь он занимает пост директора так называемого Русского Бюро Печати и редактирует до падения Омска колчаковский официоз-газету «Русское Дело», а затем скрывается в Харбин. Ю. Ключников был министром при Колчаке. Бобрищев-Пушкин, Потехин помогали Деникину. Словом, все они делали все, что полагалось в эти годы делать истому кадету и октябристу. Как вдруг происходит скандал в благородном белогвардейском семействе. Эти самые люди зовут теперь русскую интеллигенцию и, в частности, русскую эмиграцию в Каноссу.

Да еще в каких выражениях! «Без большевиков революция—лишь переворот, бунт, погром, анархия без порыва в будущее и без надежды на будущее», пишет проф. Ключников.—«Это кончиться не может. Кончится старый мир, ни более и не менее. Русская революция—социальная революция», утверждает бывший октябрист Бобрищев-Пушкин.—

[1]) «Смена Вех». Сборник статей. Июль 1921 г. Прага. Стр. 183.

«Мы не боимся теперь сказать: «Идем в Каноссу». Мы были не правы, мы ошиблись. Не побоимся же открыто и за себя и за других признать это» (С. Чахотин).—«Процесс кристаллизации государственности начался вокруг ядра Советской власти... она одна оказалась способной действительно властвовать» (Ю. Потехин).—«Большевизм, с его интернациональным влиянием и всюду проникающими связями, становится ныне прекрасным орудием международной политики России» (Н. Устрялов).

Конечно, между авторами статей есть значительные различия в образе мыслей и мнений, в настроениях. Наиболее близким к «новой вере» оказался Бобрищев-Пушкин. Его критика современного капиталистического строя—свежа, ярка и местами доставляет истинное художественное наслаждение: так блестяще написаны некоторые страницы. Наименее «советским» остается проф. Устрялов с его ярко выраженным старым духом национализма. За всем тем у авторов в основном нет существенных расхождений, и всем им присущ общий круг мыслей и взглядов. Каков он?

Белая Россия рассыпалась, оказалась неспособной разрешить очередные задачи, выдвинутые историей. Наоборот, Советская власть мало-по-малу справляется с хаосом, анархией, дисциплинирует народные массы и выступает в качестве собирательницы России на новых началах, ревниво оберегая ее от иностранных посягательств. Здесь мы подходим к одному из лейт-мотивов, звучащих в сборнике. Участники сборника—патриоты, в старом смысле этого слова. Они убеждены, подобно Устрялову, что только «физически» мощное государство с большой территорией может обладать великой культурой. Такое мощное государство воссоздает Советская власть,—власть революции, и теперь «только она одна способна восстановить русское великодержавие, международный престиж России», утверждает Устрялов. Тщетными оказались все усилия могущественной Антанты уничтожить Советскую власть, и теперь с каждым днем с Новой Россией все больше и больше считаются «великодержавные нации» в международных вопросах. Россия уже теперь сделалась первостепенным фактором международной политики. Удельный вес Советской России—велик и увеличивается с каждым днем. Она пользуется поддержкой народных масс Запада.—«Когда недавно,—рассказывает Бобрищев-Пушкин,—Советская власть хотела реализовать в Германии некоторые, сделанные Врангелем, заказы, то немецкие рабочие предупредили русских делегатов:—Не берите. Мы знали, что это для Врангеля и приняли свои меры: все развалится через неделю.—Вот международная солидарность»... Еще более поучительно отношение Востока к Советской власти. «Россия безо всякого империализма мирно осуществляет вековые задачи своей политики. Турция из векового врага превращена ею в друга—и какого горячего, какого верного друга... Одной из лучших шахматных комбинаций Ленина было опереться на Азию. Осуществлено единение с Бухарой, с Афганистаном. Попутно ведется и ожесточенная, склоняющаяся в пользу России, борьба за влияние в Персии. Турция, Персия, Бухара,

Афганистан — это путь в Индию» (Бобрищев-Пушкин).—«Русское влияние в Малой Азии, Персии, а отчасти и в Индии, русская радиостанция и русские военные инструктора на «крыше мира», в Афганистане—реальный факт, крупное историческое достояние России», подтверждает Потехин.

Советская власть опирается на III Коммунистический Интернационал, но она творит великое национальное дело.

Что будет с Россией и с русским народом на другой день после свержения Советской власти? Какие общественные силы, классы, партии придут на смену? Что ждет Россию без большевиков, без советов?

Авторы статей единодушно отвечают: Россию ждет развал, грызня партий, раздел ее иностранными державами. «Третьей революции не будет», пишет Бобрищев-Пушкин.—«Кто сменит большевиков?—спрашивает Потехин. — Кадеты, энесы, эсэры? Начнем сказку про белого бычка сначала? Все эти обломки ех-партий, которые и по сю пору, сидя давно за границей, не могут перестать грызться между собой на потеху всего мира... Но допустим все же, что большевики свергнуты, что явилась какая-то новая власть. Эта новая власть силою вещей вынуждена будет делать почти то же, что и большевики: та же нужна будет армия со строгой дисциплиной—иначе нас разорвут соседи; те же драконы внутренней защиты новой власти — иначе она рассыплется, как Керенский: неужели нам станет легче от того, что новые «чрезвычайки» будут называться «контр-разведкой»... та же будет экономическая разруха»... Проф. Ключников аргументирует иначе, но вывод его тот же самый. Он мысленно допускает смену властей и устройство России по типу английской монархии или республики—по типу Соединенных Штатов. «Однако, вся беда в том, что когда мы будем копировать Англию и Америку, как образцы политического благоустройства, и Англия и Америка будут упорно бороться за то, чтобы стать совсем другими. Когда мы будем думать, что наступила эра успокоения, зачнется в ужасах эра нового всемирного смятения. Идеалы великой русской революции окажутся насильственно приглушенными, но они, конечно не умрут»... Помимо сказанного, проф. Ключников уверен, что «великий народ не может безнаказанно нести тяжесть жертв неискупленных», т.-е. он непременно должен добиться осуществления своих идеалов, поставленных в октябре, иначе он будет чувствовать себя преступником, лгуном, разрушившим все и ничего не смогшим создать.

Авторы сборника к тому же уверены, что новая экономическая политика освободит русскую революцию от коммунистического утопизма, сделает ее более трезвой, умеренной, осмотрительной. «Революция уже не та,— уверяет Устрялов. — Большевистский орден несравненно сплоченнее, дисциплинированнее, иерархичнее якобинцев. Вместе с тем, Ленин более гибок и чуток, нежели Робеспьер»... Начинается «спуск на тормазах» от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности и служению ей.

Белый стан утверждает, что Советская власть не имеет опоры в массах, что она — кучка насильников и узурпаторов, держащих власть в руках своих при помощи штыков и террора. С этим участники сборника решительно не согласны. Террор... Но «как же оказалось возможным организовать самый террор? Ведь и для его организации одних слов и купленных штыков недостаточно. Всплывают соображения о «демагогическом обмане», о «социальной иллюзии»... Не правильнее ли, однако, будет говорить об исторической необходимости, о некоей социальной правде», отвечает Лукьянов. В Советской России происходят судороги массового недовольства и ропота, но отсюда нельзя еще делать вывода, что Советская власть—не народная. «Власть представляет собой всегда более веский продукт народного гения, нежели направленные на нее бунтарские стрелы. Ибо она есть, так сказать, «окристаллизовавшийся» уже, сознавший себя народный дух, в то время как недовольство ею, да еще выраженное в таких формах («равнять города з землею»), должно быть признано обманом или темным соблазном страдающей народной души» (Устрялов). Опираясь на народ, большевики успешно начали дело собирания Руси воедино. Они создали крепкую Красную армию, они сделали невозможным возврат к темному прошлому, они научили народ полагаться только на самих себя; наконец, среди коммунистов не мало твердых энергичных людей, не лишенных и «чувства реальности».

Задача русской эмигрантской интеллигенции—сознать свои ошибки и всеми силами способствовать просвещению народных масс, чувствующих огромный духовный голод; принять активное участие в экономическом возрождении России. На этой почве интеллигенции нужно создать профессиональные объединения путем организации коллективов трудовой интеллигенции.

Сборник заканчивается следующими словами Потехина:

— По роковой иронии судьбы, а быть-может, по беспристрастному и безошибочному суду истории, русское национальное дело можно сейчас делать не в рухнувшей России «Третьего Рима», а в России III Интернационала.

Что можно возразить тем, для которых она только «царство зверя»? Им шестьдесят лет назад ответил Гоголь:

«Друг мой! Или у вас бесчувственное сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия».

II.

Выводы, как видит читатель, для авторов сборника разительны и необычайны. Перед нами, несомненно, «знамение времени», действительно смена вех, стремление поставить крест над недавним темным прошлым и приспособиться к новой России Советов. Что сборник не является случайным литературным фактом, что ему суждено будет сыграть огромную роль в жизни нашей интеллигенции вообще и эми-

грации в особенности—в этом не может быть никакого сомнения. Уже в настоящий момент авторы сборника подвергаются усиленному обстрелу со стороны эмигрантской белогвардейщины. Действует и тяжелая и легкая артиллерия: г-да Струве, Яблоновский и др. С течением времени бой, несомненно, разгорится по всей линии. И можно с уверенностью сказать, что позиция останется за сторонниками группы Устрялова. В этом убеждает все, что делается теперь в русских эмигрантских кругах. Глубокое разочарование в прошлой борьбе с Советской Россией и в силах, ведших эту борьбу, пессимизм, полное бездорожье, духовная сирость, отчаянная склока между «партиями», полный развал этих партий и раскол их на ряд групп и подгруппок, недовольство буржуазным Западом, неверие в высшие ценности современной культуры, какая-то особая неприкаянность и бесприютность, исступленное черносотенное кликушество одних и полная духовная прострация других, доходящая до своеобразного нигилизма, — вот что характеризует жизнь русской эмиграции в настоящий момент. Немудрено, что не только пролетарский, но и буржуазный Запад еле терпит у себя русских белогвардейцев. «Недавно,—повествует Бобрищев-Пушкин,—в одной дружественной державе полицейские извинились перед избитым туристом: избили потому, что думали, что русский». Имя русского белогвардейца стало позорным. Русских белых третируют, как приживальщиков. Понятно, что они тоже не остаются в долгу. Мережковский называет европейскую буржуазию не иначе, как большевистской, дьявольской и окаянной. Бунин громил не так давно английских торгашей. Целая группа так называемых «евразийцев» проклинает гнилой Запад.

Отсюда — глубокая тоска, тяга на родину и рост примиренческих настроений среди известной части русской белой эмиграции в их отношении к Советской власти.

Разочарование в буржуазном Западе, острый критицизм чувствуется явно в каждой статье сборника. С другой стороны, с каждым днем все больше и больше становится очевидным, что Советская власть совсем не кучка насильников и узурпаторов, а русская революция не похожа на бесчинства «взбунтовавшихся рабов», что III Коммунистический Интернационал совсем не фикция, а реальная, растущая грозная боевая сила будущего.

Русская белая эмиграция стала на распутьи. Часть ее, разочарованная в западной и отечественной контр-революции, занялась пересмотром своего идейного багажа и бросила уже клич: «в Каноссу!» Борьба за новую ориентацию будет расширяться. Борьба эта является знаменательной не только для русских эмигрантов, но и для весьма значительных интеллигентских кругов здесь, в России. Излишне говорить, что нет существенной разницы между зарубежной интеллигенцией и той, которая живет здесь, что эмиграция живет по существу теми же мыслями и настроениями, какими живет часть интеллигенции здесь. Разумеется, за рубежом получается известный искусственный подбор, и если в этой, так сказать, квинт-эссенции контр-революции начинают

раздаваться призывы целых влиятельных групп: признаем свои ошибки и пойдем в Каноссу — это не может не быть характерным и для интеллигентских настроений здесь, в Сов. России.

Группу Устрялова называют в эмигрантской прессе национал-большевиками. Это название ни в какой мере не дает правильного представления о ней. Большевизму группа Устрялова бесконечно чужда. Подлинная идеология коммунизма для «устряловцев» — клад за семью печатями. Коммунизма они не понимают и не приемлют. Устряловцы отражают начинающийся перелом имущей буржуазной русской интеллигенции; они становятся сейчас на точку зрения тех специалистов, которые уже свыклись, сработались с Советской властью, относятся к ней по-честному, по-хорошему. Не даром Бобрищев-Пушкин и другие авторы статей указывают, как на идеал, на Брусилова и в восторженных выражениях прославляют интеллигентов, оставшихся в Сов. России, не ушедших в белый стан и трудящихся сейчас над укреплением Красной армии и хозяйства страны. Поэтому статьи участников сборника интересны не только потому, что в них намечается перелом в интеллигентских кругах, но и потому, что пред читателем с большой полнотой выявляются некоторые черты психологии, мировоззрения и настроений интеллигентских кругов, благожелательно относящихся к Советской власти. С этой точки зрения сборник представляет собой сущий клад.

III.

Наша отечественная интеллигенция всегда считала себя «солью земли», мозгом и совестью народа. Ей всегда казалось, что она стоит над классами, вне классов, что она выше грубой материи и житейских интересов. Русская Октябрьская революция ходом своим доказала, что это не так. Тогда интеллигенция отвергла Октябрь. Теперь, когда выяснилось, что при голом отрицании далеко не уедешь, даже в эмигрантских кругах началась переоценка ценностей, нашедшая свое наиболее яркое выражение в «Смене Вех». Тем не менее в сборнике чувствуется еще наличность этого «неотмирного», «внеклассового» взгляда на себя. Авторам до сих пор кажется, что они призваны «спасти» Россию, вывести ее на верный исторический путь, что без них Россия погибнет, что именно они «уравновесят» русскую революцию, введут ее в нужное русло. Разумеется, это самообольщение. Роль интеллигенции, ставшей или становящейся на советскую платформу, может быть весьма значительной и благотворной, но она является все же подчиненной, ибо на историческую сцену вышел уже другой класс, и у него есть уже и своя рабоче-крестьянская интеллигенция с другими навыками и другой психологией. Историческая «ошибка», в которой признаются «устряловцы», произошла, между прочим, потому, что наша старая интеллигенция в начале октября либо не заметила появления новой интеллигенции, либо, заметив это появление, не поняла огромного исторического значения этого факта и встретила новую интелли-

генцию криками: хам, зверь, охлос и т. д. Теперь группа Устрялова воюет с теми, для кого новый интеллигент из низов — хам, зверь и грабитель. Это очень хорошо. *Но во всем сборнике, в котором так много обращений к интеллигенции, рассуждений и размышлений о ней, даже не поставлено проблемы о новой интеллигенции, об отношении к ней старой, словно этой новой интеллигенции нет, словно действует на исторической арене и по сию пору только старая дореволюционная интеллигенция.* Произошло это с авторами сборника потому, что они не совлекли с себя ветхого человека и полагают, что они — соль земли и свет миру. Это — ошибка, в каковой они еще не признались, и мы боимся, что много у них еще будет недоразумений и тяжелых моментов при работе на пользу Советской власти.

Крайне поучительны рассуждения «устряловцев» о коммунизме. В них с замечательной яркостью отразилось настроение наших «осоветившихся» специалистов. В известном смысле авторы сборника тоже коммунисты, но коммунизм у них «видом малый и отнюдь не бессмертный», как душа у лягушки, по выражению одного щедринского героя. Русская революция внесла в мир новую идею — коммунизм. *В конце-концов*, эта идея победит мир. Но это, в конце-концов, в отдаленном будущем. Пока же коммунизм — утопия, несбыточная мечта, запрос к истории, но не реальная программа сегодняшнего дня. Чем скорее будет покончено с коммунистической утопией, тем лучше. Очередная задача — в преодолении коммунистических утопий и «излишеств».

Об этом упорно твердит Устрялов; то же самое говорят и другие авторы статей. «Коммунизм, как практическая доктрина, в современной обстановке попрежнему остается для нас той же утопией, что и раньше, но он может и должен измениться, если хочет так или иначе войти в реальную жизнь» (С. Чахотин).

Так именно относятся к современному коммунизму широкие круги интеллигентов-специалистов, принявших Советскую власть не за страх, а за совесть: они—за коммунизм, но в принципе. Для сегодняшнего дня он вреден. «Коммунисты» подобной марки не замечают, однако, как они впадают в противоречия с самими собой. В самом деле. Для группы Устрялова ясно, что Советская власть, стоящая на точке зрения III Интернационала, делает в то же время важное национальное дело, собирая Русь и защищая ее от иноземного врага. Это убеждение является едва ли не основным, приведшим «устряловцев» в Каноссу. Оно также очень распространено и у нас среди известной части прежней интеллигенции. При этом люди, родственные по духу Устрялову, так же, как и он, полагают, что не III Интернационал заставляет себе служить Россию, а, наоборот, Россия сейчас заставляет служить своей великодержавности III Интернационал. Оставим пока этот спор, — кто кому служит: он кажется нам метафизическим и не реальным. Важнее другое. Сопоставим эти рассуждения с рассуждениями, что коммунизм приемлем пока в качестве принципа и запроса к истории, а не действительного фактора сегодняшнего дня. Допустим,

что это так. Но как же это могло случиться, что идея, приемлемая пока только в качестве запроса, в живой же жизни вредная,—каким таинственным образом могла она сделаться *столь практически* полезной, что при помощи ее Советская власть справилась с «соседями», жаждущими ее растерзать? Да еще с какими соседями! Нет, тут что-то «не кругло» в системе взглядов устряловской группы.

Одно из двух: либо коммунизм может существовать только идеально, в голове, в качестве «запроса», — тогда «идеальной» должна быть и его роль в вопросе о великодержавной России. Тогда Советская власть осуществляет «историческую идею великодержавности», вопреки идеям коммунизма, поскольку они *практически* осуществляются,—но тогда при чем здесь III Интернационал, при чем большевизм «с его интернациональным влиянием и всюду проникающими связями», при чем вообще Советская власть и в чем смысл ее существования. И как все это совместить с несомненнейшим фактом, что Советская власть выполняет историческую роль собирательницы России при помощи идей коммунизма и III Интернационала?

Либо коммунизм—полезная вещь не только в качестве «запроса к истории», но и в качестве практической доктрины. Тогда вполне понятно, почему он мог послужить для Советской власти опорной базой в борьбе против «соседей», тогда осмысливается существование Советской власти; но тогда на каком основании «устряловцы» и им подобные утверждают, что коммунизм хорош только в принципе? И что это за идеал, который хорош только до тех пор, пока его не осуществляют; когда же его начинают воплощать в жизнь, то должен получиться... ералаш, хотя... получаются иногда, к удивлению, и такие хорошие вещи, как отпор со стороны нищего народа целому сонму могучих хищников.

Авторы сборника блуждают в лабиринте противоречий, из которого нет выхода, если не предположить, что коммунизм полезен не только в качестве запроса к истории, но и тем, что он сделался могучей, действенной, положительной силой сегодняшнего дня. Так оно и есть на самом деле. Советская власть есть коммунизм—его первое практическое воплощение в жизни. Спорить о том, кто кого использует: III Интернационал Россию или наоборот—бесцельно и бесполезно, Россия-то ведь советская, коммунистическая; пока есть Советская власть, пока коммунистическая партия у власти,—в России разделять коммунизм и III Интернационал от Советской России—вещь совершенно нелепая. Рабочие Запада, угнетенные народы Востока потому и тянутся к России, потому и не допускают разгрома ее, что она—советская, коммунистическая. Если бы трудящиеся всех стран убедились, что коммунизм в России только—вывеска или утопия, «бессмысленные мечтания»,—Россия лишилась бы поддержки и была бы раздавлена в несколько недель.

IV.

Не будучи в состоянии объяснить, каким путем коммунизм, вредный в качестве реального принципа, тем не менее играет великую плодотворную роль в национальном бытии России и во всей международной политике, авторы сборника ищут выхода из логического тупика в метафизике и мистике. Они утверждают, что русская революция впервые раскрывает мистическое лицо русского народа и русского государства, их мессианскую роль в истории. Мы не пойдем по этой тропинке, куда так усердно зовут читателя авторы сборника. Она ведет в объятия реакционнейшего славянофильства, чуть-чуть перелицованного на новый лад и приспособленного к грандиозным событиям нашей эпохи. Опасность увеличивается еще оттого, что среди нашей старой интеллигенции весьма распространены мистические настроения, сдобренные славянофильством. Авторы сборника и здесь выявляют и содействуют укреплению настроений, характерных для широких интеллигентских кругов. Их статьи отчетливо вскрывают и истоки этих мистических блужданий: предчувствие гибели современной культуры, разочарование в ней и неспособность узреть в современном коммунизме творческую созидательную силу для *сегодняшнего* дня. Мистицизм авторов сборника—это их шуйца, их дань прошлому, увесистый реакционный привесок, свидетельствующий, что легче верблюду пройти сквозь игольное ухо, чем интеллигенту старого покроя распрощаться с недавними вехистскими настроениями и вехистским строем мыслей.

Раз коммунизм в данный момент — утопия, ясно, что новая экономическая политика должна преломиться у участников «Смены Вех», как отказ от коммунизма, как возвращение Советской власти и коммунистической партии к реальной действительности, ничего общего с коммунизмом не имеющей. «Чтобы спасти Советы, Москва жертвует коммунизмом», пишет Устрялов. Он, как и другие его коллеги, полагает, что лидеры современного коммунистического движения приспособятся к новой фазе революции и избавят ее от «излишеств». Свои задачи группа видит в содействии этому приспособлению и отказу от коммунизма. На запод зривания в новом тактическом ходе против Советской власти они отвечают: «речь идет не о ловком тактическом приеме, которым можно ввести в лоно Советской власти троянского коня... Дело в использовании единственного пути, которым Россия может безболезненно проплыть между Сциллой и Харибдой коммунизма и анархии к широким мировым просторам» (Потехин).

И здесь, как в вопросе о коммунизме, устряловцы только отчасти поняли «дух» современных дней. Они—против свержения Советской власти, ибо они против анархии и распада России. Но они не понимают, что новая экономическая политика только исправляет ошибки прошлого, но не является отказом от прошлого. Им непонятна также живая диа-

лектика новых мероприятий, проводимых Советской властью. В свое время устряловцы твердили, что Брест есть измена основным требованиям большевизма — «мир без аннексий и контрибуций» — есть гибель России. Они ошиблись в этом. Точно так же они теперь говорят о крахе коммунизма, когда налицо иная тактика коммунизма,—иная, но коммунистическая тактика. Путаница во взглядах на нашу новую экономическую политику может сделаться исходным пунктом для целого ряда очень печальных недоразумений в их практической деятельности. Устряловцы протестуют против заподозриваний их в том, что они хотят ввести троянского коня в Советскую крепость. Однако, предположим: группа устряловцев приехала в Советскую Россию и начала работать на благо народа и Советской власти. Согласно их, так сказать, программным взглядам, они свои усилия направляют к тому, чтобы путем мирной работы преодолеть коммунизм в его «крайностях». Они содействуют развитию частной инициативы, борятся за ее расширение и т. д. Им кажется, что так и надо, что это—работа на благо родины. Беда, однако, в том, что работа устряловской группы будет страдать одним существенным недостатком: она будет подобна флюсу: полнота ее односторонняя. Новая экономическая политика Советской власти полезна, если брать мероприятия Советской власти *в целом*, в их совокупности, в их связи с общими задачами. Частная инициатива будет давать положительные результаты, если на ряду с ней удастся укрепить крупную национализированную промышленность, если частная инициатива будет находиться под «недреманным оком» советского аппарата. Развитие «частной инициативы» в ущерб крупной национализированной промышленности, гипертрофия частного предпринимательства—будет разваливать, ослаблять советский аппарат и Советскую Россию. Согласно взглядам, развитым в сборнике, устряловцы должны будут ратовать за частную инициативу против и в ущерб социалистическому хозяйству, ибо последнее в настоящих условиях почитается ими за вредную утопию. Такая работа принесет Советской России только вред. Гипотеза о троянском коне становится не такой уже беспочвенной. То, что лично авторы с негодованием отвергают ее, как злой навет, — нисколько не меняет дела: логика вещей сильней добрых намерений.

V.

Подведем итоги. Сборник «Смена Вех» знаменует собой *начало* перелома в рядах старой буржуазной интеллигенции, разуверившейся в творческих силах буржуазного Запада, белых партий и групп. Трещина, сделанная этим сборником, будет увеличиваться. Авторы сборника становятся на точку зрения специалистов-интеллигентов, принявших Советскую власть «по-совести», и в этом отношении отразили некоторые типичные черты психологии последних. В этой психологии, в этом умонастроении далеко не все благополучно: от прошлого остался значительный реакционный придаток, который выливается в мисти-

цизм, в славянофильство, в национализм старого покроя, с чем нам, коммунистам, надо вести неустанную борьбу.

В заключение следует кратко остановиться еще на одном вопросе: почему «смена вех» наметилась в кругах, близких раньше к «вехам» старого времени, занимавшим наиболее правые позиции, а не среди, например, эс-эрствующих и меньшевиствующих. Ответ простой: развал среди них произошел значительно раньше. Все мало-мальски действенное ушло либо в лагерь контр-революции, либо в лагерь Октябрьской революции. То, что осталось в этих рядах, действительно, является полутрупом, любопытными, с исторической точки зрения, окаменелостями. Действенными были за последние годы те, кто вел вооруженную борьбу с Советской властью в рядах колчаковской, деникинской, врангелевской армий. В сущности за последние годы только они и были серьезными врагами советов; эс-эры, эн-эсы, меньшевики были только подголосками этих сил. Никакой самостоятельной борьбы они вести оказались не в силах. Вполне понятно, что процесс перелома начался не в рядах этих полупартий, полутрупов, а среди тех, кто действовал, собирал полки и вел их на Советскую Русь. И если теперь они подъитожили свой опыт в словах: надо побывать у белых, чтобы стать красным, то здесь на самом деле — *опыт* прошлого, а не тупые разглагольствования о демократизме и позорнейшие попытки бежать «петушком» за колесницами черных генералов.

III. О НОВЫХ НАСТРОЕНИЯХ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.

Бесконечны, безобразны
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Словно листья в октябре.

А. Пушкин.

I.

Чуть не вся история русской общественной мысли за последнее столетие представляет борьбу западничества и славянофильства. Первое утверждало, что культура, которую выработал Запад, есть высшая форма культуры, по сравнению с которой культуры народов Востока—а в том числе и России—являются отставшими. Отставшие народы должны возможно скорее догнать Запад, усвоить его культуру. Запад является образцом для Востока. В своем развитии странам Востока надо итти по тому пути, по которому уже прошел Запад, повторять его историю. И до тех пор, пока мы не догнали Запад, смешно говорить, чтобы Россия могла проложить какой-нибудь новый путь, по которому и йдут за ней страны Запада.

Славянофилы, напротив, думали, что есть другие культуры, которые хотя и не так богаты, не так развиты, как культура Запада,

но имеют в основании гораздо более высокие принципы. Эти принципы еще не развиты. Их нужно не глушить, а развить, и тогда основанная на них культура станет более высокой, более совершенной, чем культура Запада. К числу таких, пока отсталых, но в основе своей более совершенных высоких культур, относится культура славянства. Славянство в будущем разовьет эту свою культуру, проявит ее нравственную высоту, и тогда весь мир, сознав ложность пути, по которому он шел, пойдет по пути, указанному славянством. Свет для человечества просияет не с Запада, а с Востока, из России.

Став на точку зрения западничества, нужно было признать, что Россия должна вступить на путь развития капитализма, осудив насмерть все те остатки докапиталистической культуры, которыми она была так богата. В этих остатках главнейшее место занимали пережитки феодализма, права поместного дворянства, самодержавие и т. п.

Наоборот, для славянофилов самодержавие и православие было теми китами, на которых они хотели основать чисто русскую культуру. Они идеализировали поместное дворянство, его крепкую патриархальную связь с народом, смирение крестьянства перед помещиком и государством, которое олицетворялось царем. Они стремились предохранить патриархальный строй России от классовой борьбы, ареной которой стала Западная Европа, сохранить Россию от развития в ней пролетариата.

На этой первой ступени развития и борьбы западничества и славянофильства нетрудно увидеть классовую основу обоих течений. Западничество выдвигалось предтечами русской буржуазии, а славянофильство защищалось идеологами русского поместного дворянства.

Позже, с освобождением крестьян, с развитием хотя и немногочисленного, но игравшего крупную роль слоя интеллигенции и, наконец, с развитием фабрично-заводского пролетариата, содержание западничества и славянофильства сильно осложнилось. На крестьянстве болезненно отзывалось быстрое разрушение старых патриархальных форм жизни, натурального хозяйства и сопровождавшая их пауперизация. Идеологи славянофильства могли надеяться найти для себя среди крестьянства могучих союзников. И они окрасили свое славянофильство цветами крестьянского «социализма». Возникло народничество, полагавшее, что Россия не пойдет, подобно Западу, по пути развития капитализма, что она найдет к социализму свои пути и придет к этому идеалу раньше, чем Запад.

С другой стороны, русский пролетариат, наблюдая борьбу рабочих Западной Европы, видел, что этой борьбой они добывают себе многие права, которых он лишен в России. Эта борьба увлекала его. Но для успешного развития ее требовались политические условия, которые были в буржуазных странах Запада, но отсутствовали в России. Русский пролетариат понимал, что его классовые интересы толкают к социализму, что социализм может быть завоеван только сильным пролетариатом, а для развития пролетариата нужна сильная

крупная промышленность. Западная Европа шла по пути развития такой промышленности. В интересах пролетариата было, чтобы и Россия пошла по этому пути.

Старое славянофильство и западничество надели на себя новые одежды. Первое выступило в костюме народничества, а второе—под видом социал-демократии. Старая борьба поместного дворянства и буржуазии осталась, но на ряду с ней началась борьба мелкой буржуазии и пролетариата. Но, в конце-концов, и та и другая борьба укладывались в рамки борьбы славянофильства и западничества.

В жизни борьба шла за интересы того или другого класса, но для интеллигенции, которая принимала в ней участие с той или иной стороны, это была борьба идей, борьба культур, а не борьба помещиков и капиталистов, крестьян и рабочих. Эту реальную борьбу классов она в своих теоретических построениях изображала как борьбу двух начал—Востока и Запада,

Борьба этих двух течений русской общественной мысли наполняет всю ее историю. Не желая и не будучи, по природе своей, способна мыслить в терминах *классовой борьбы*, русская интеллигенция не могла найти никакого нового, третьего пути. Восток и Запад, славянофильство и западничество—это была альтернатива, из которой не могла выбиться мысль русской интеллигенции, подобно тому, как буржуазная мысль не может выбиться в области этики из альтернативы—гедонизм или мораль долга. Или—или; третьего не было дано.

II.

Русская революция разбила эту альтернативу. Идя по пути развития капитализма и крепкого пролетариата, Россия вступила на путь пролетарской революции раньше, чем ушедшие дальше ее по этому пути страны Запада. Теперь в этом отношении она идет впереди, указывая им дорогу. Но сделала она это не в силу особенности своей культуры, не в силу природной социалистичности русского крестьянства и пролетариата, а в силу конкретных условий классовой борьбы. Никакого превосходства России над Западом наша революция не показала. Но, с другой стороны, она фактом своего начала и развития показала, что Россия не должна слепо итти за Западом. Узел вопроса—славянофильство или западничество—не развязан, а разрублен русскими коммунистами. Руководимые не идеологическими построениями славянофильства и западничества, они дали третье, новое решение вопроса и этим устранили весь старый вопрос.

Но мысль старого интеллигента не может вместить этого нового решения вопроса. Славянофильство или западничество... Восток или Запад...—растерянно попрежнему твердят они.

Возьмите, например, вышедшую за границей книгу П. Рысса: «Русский опыт». Для него русские большевики—это переодетые славяно-

филы. Громы и бури революции не разучили его мыслить старыми схемами, и не научили воспринимать анализ условий классовой борьбы.

Быстрое развитие капитализма в России за последние десятилетия, гибель натурального хозяйства, образование сильного пролетариата и т. п.—все это привело к падению славянофильского течения и к усилению западничества. Мы должны итти по пути, уже проложенному Западом,—это стало аксиомой для русской интеллигенции.

Но русская революция разбила эту аксиому. Она разбила в интеллигенции вместе с тем веру в западно-европейскую культуру, в ее превосходство над другими. На Востоке — в России — возникают теперь зародыши новой культуры, перед которой отступает в борьбе старая культура буржуазного Запада, вооруженная всеми достижениями своей могучей техники. На Востоке—в России—возникает новая культура; перед ней благоговейно преклоняются рабочие массы Запада, которых не в силах подчинить себе буржуазная культура этих стран, вооруженная всеми достижениями науки.

Не умеющий и не желающий мыслить в области учета условий и обстановки классовой борьбы, ум русского интеллигента останавливается перед этим явлением, как совершенно для него непонятным. Победа русской революции, победа России, изолированной, разоренной, нищей, вшивой, невежественной, над богатым, культурным Западом—кажется ему чудом. В русской революции есть нечто мистическое,—твердят интеллигенты из сборника «Смена Вех».

«Мистика—подлинная и глубокая—не раскрывалась ли и не раскрывается ли теперь во всем, что создало из России страну Советов, из Москвы—столицу Интернационала, из русского мужика—вершителя судеб мировой культуры», пишет один из авторов этого сборника. «Русская интеллигенция,—читаем мы в другом его месте,—уловит начало мистического в государстве, проникнется мистикой государства».

Русская революция привлекла к себе сердца пролетариев Запада. Они поддерживают Советскую Россию. Они мешают своим империалистам напасть на нее. Рабочие Запада любят русскую революцию за то, что она выдвинула проблемы пролетарской борьбы, за то, что она борется за коммунизм, за победу международного пролетариата, за ее интернациональный характер. Но они защищают *русскую* революцию, они помогают ей, и *русскому* интеллигенту кажется, что Советская Россия превратила III Интернационал в свое орудие. Ему кажется, что русская революция имеет национальный характер.

«Проходит пора,—читаем мы в одной из статей сборника «Смена Вех»,—когда Россия служила целям III Интернационала. III Интернационал начинает быть сильным орудием в достижении национальных целей России».

Другой автор того же сборника выражает свою мысль более образно, более ярко и более по-славянофильски.

«Над Зимним дворцом, обретшим гордый облик великодержавного величия,—пишет он,—дерзко развевается красное знамя, а над Спасскими воротами, попрежнему являющими собой глубочайшую исторически-национальную святость, древние куранты играют «Интернационал».

И в душе у автора является вопрос:

«Красное ли знамя безобразит собой Зимний дворец, или, напротив, Зимний дворец красит собой красное знамя? Интернационал ли нечестивыми звуками оскверняет Спасские ворота, или Спасские ворота кремлевским влиянием влагают новый смысл в «Интернационал»?

Спасские ворота с их «кремлевским влиянием»—это символ русской культуры. И автору кажется, что этот символ русской культуры «влагает новый смысл в Интернационал», во всю мировую революцию.

«Россия—будущее, а официальная Европа—прошлое», читаем мы в третьем месте сборника; «с востока вновь сияет свет».

Авторы сборника «Смена Вех» держатся советской ориентации. Они признают революцию и ее завоевания. И тем не менее как много в их речах от старого славянофильства!

Интерес к славянофильству вообще ожил в рядах нашей интеллигенции.

Но иногда славянофильские мотивы сплетаются с другими.

Западно-европейская культура в своем развитии привела к ужасной мировой войне, разорившей весь мир. Она привела к русской революции, объявившей войну не на жизнь, а на смерть буржуазии—носительнице и создательнице этой культуры. Она привела к развитию коммунизма на Западе,—коммунизма, который угрожает там такими же последствиями. Западно-европейская культура в своем развитии привела к своему отрицанию. Она обнаружила свое банкротство в глазах русского интеллигента.

III.

Среди русских эмигрантов за границей возникло теперь течение так называемых «евразийцев» («Евразия»—сложное сокращенное слово из двух слов: Европа и Азия).

Родоначальником, так сказать, «ангелом» этого течения является находящийся теперь за границей профессор Софийского университета Н. С. Трубецкой.

В своей брошюре «Европа и человечество» [1]) Трубецкой говорит, что развиваемые им идеи за последнее время начинают находить живой отклик среди русской эмиграции. Над этими идеями начинают задумываться; у Трубецкого появляются единомышленники. Они объ-

[1]) «Европа и человечество», София 1920. 82+VI стр.

единились в группу «евразийцев». Недавно они выпустили целый сборник статей, посвященных пропаганде и изложению своей доктрины [1]).

В брошюре «Европа и человечество» Н. Трубецкой объясняет причины, в силу которых его идеи стали привлекать к себе внимание русской интеллигенции.

«В мышлении многих образованных людей,—говорит он,—произошел некоторый сдвиг. Великая война и особенно последовавший за ней «мир», который до сих пор приходится писать в кавычках, поколебали веру в цивилизованное человечество. Мы, русские, конечно, находимся в особом положении. Мы были свидетелями того, как внезапно рухнуло то, что мы называли русской культурой. Многих из нас поразила та быстрота и легкость, с которой это совершилось, и многие задумались над причинами этого явления».

Политическое и экономическое банкротство буржуазии многие интеллигенты рассматривают, как банкротство западно-европейской или, как они говорят, романо-германской культуры. «Переоценкой ценностей,—говорит Трубецкой,—заняты сейчас очень многие».

После длинного ряда соображений Трубецкой в своей брошюре приходит к выводу, что нет и не может быть никаких доказательств, будто европейская (романо—германская) культура выше культуры кафров или эскимосов. «Объективных доказательств превосходства европейцев над дикарями,—говорит он,—нет и не может быть, потому, что при сравнении разных культур между собою европейцы знают лишь одно мерило: что похоже на нас, то лучше и совершеннее всего, что на нас непохоже». Но если нельзя доказать, что одна какая-нибудь культура выше других, то их приходится признать равноценными.

Под влиянием тех или иных причин некоторые народы, имевшие свои культуры, воспринимают романо-германскую культуру. Но хорошего из этого ничего не выходит. Прежде всего они не могут никогда целиком воспринять чуждую им культуру. «Всякий другой народ, антропологически не смешавшийся с романо-германцами, не может вполне европеизироваться, т.-е. приобщиться к романо-германской культуре», говорит Трубецкой.

Кроме того, восприятие чужой культуры, т.-е. в интересующем нас случае—романо-германской, ведет к другим неудобствам. «Одним из самых тяжелых последствий европеизации является уничтожение национального единства, расчленение национального тела европеизированного народа».

«Отрицательные последствия этого явления сказываются в жизни на каждом шагу. Расчленение нации вызывает обостренную классовую борьбу».

---

[1]) «Исход на Восток. Предчувствия и свершения». Сб. статей П. Савицкого, Г. Сувчинского, Н. Трубецкого и Г. Фировского. София, 1921 год.

«Патриотизм у европеизированного народа развит чрезвычайно слабо. Патриотизм и национальная гордость в таком народе—удел лишь отдельных единиц».

Русская буржуазная интеллигенция потерпела поражение в классовой борьбе против революции, выставившей на своем знамени принцип интернационализма. И идеологи этой интеллигенции проклинают романо-германскую культуру, которая привела к обострению классовой борьбы и к отмиранию националистических чувств в широких народных массах.

Революция—это «скачок» в истории развития народа. И Трубецкой проклинает эти скачки.

«Не имея возможности итти нога в ногу с романо-германцами и постепенно отставая от них,—пишет он,—европеизированный народ время от времени пытается догнать их, делая более или менее далекие прыжки. Эти прыжки нарушают весь ход исторического развития... Последствия такой скачущей эволюции поистине ужасны».

Плохо также и то, что социализм, который идет на смену буржуазной культуре, грозит уничтожением всякой патриархальности, всякому средневековью, которое пыталось скрыться под именем «национальной культуры». «Социализм,—пишет Трубецкой,—возможен только при всеобщей европеизации, при нивеллировке всех национальностей земного шара и подчинении их всех единообразной культуре и одному общему укладу жизни».

А вывод из всей этой критики западно-европейской культуры Трубецкой делает такой:

«Последствия европеизации настолько тяжелы и ужасны, что европеизацию приходится считать не благом, а злом».

Западно-европейская культура обанкротилась в глазах европейцев. На смену ей идет другая культура с Востока. «Мы знаем,—говорит одна из статей сборника «Исход к Востоку»,—что исторически спазмы, отделяющие одну эпоху всемирной истории от следующей, уже начались. Мы не сомневаемся, что смена западно-европейскому миру придет с Востока. И тогда умудренный и успокоенный народ и *прозревшая интеллигенция* примиренно объединятся *под одним великим и всеразрешающим куполом православной церкви*».

Подведем итоги этой доктрины: отрицание европейской цивилизации, национализм, славянофильство. И над всем этим—купол православной церкви. Учения гора родила маленькую и притом старую, белую славянофильскую мышь, приправленную Шпенглером, Кайзерлингом, Паулем Эрнстом и другими мудрецами эпохи упадка и разложения буржуазного мира.

IV.

Близкую гибель старой европейской культуры и возникновение на развалинах ее новой культуры чувствует и предсказывает К. Зайцев, статья которого: «В сумерках культуры», напечатана в первом

номере издающегося в Софии журнала «Русская Мысль». С глубокой грустью поет К. Зайцев отходную буржуазному миру, старой, умирающей буржуазной культуре.

«Если бы снова, действительно, вернулся, воскрес этот мир!.. Сколько недосказанных слов, сколько начатого и недоконченного!.. Ушла не ваша отдельная личная жизнь, а ушла какая-то общая жизнь, ушла эпоха, культура, ваша, родная вам, близкая, со всей ее неизъяснимой, неповторяемой красотой».

В другом месте своей статьи К. Зайцев пишет:

«Не старые годы, а наши годы—ушедшая эпоха. Страшно писать эти строки; страшно прочесть написанное. Мы—и история. Современность, омертвевшая в исторической законченности, оставшаяся позади нас за какой-то глубокой, непроходимой межой. Трагический жребий выпал нам: жить и сгорать на грани двух эпох, отделенных не длительным процессом перевоплощения, а стихийным обвалом».

И умирает не только русская, но и вся западно-европейская буржуазная культура. «Бесконечно дорога и близка нам Европа... но не кладбище ли это дорогих нам покойников?—пишет К. Зайцев.—*Уже отлетел дух живой от старого мира*, и для нас, *вольных сынов первобытных степей*, чуждым мертвенным ужасом веет от его *роскошного, но уже тронутого тлением тела*».

«Страшный дух разрушения,—пишет далее К. Зайцев,—заключен в недрах русской жизни, но не таится ли в нем великая интуиция грядущего созидающего духа, и не в том ли *мессианский удел России*, чтобы возвестить миру новую жизнь? Кто мы? Безнадежно отсталые ученики, в лихорадочном рвении догоняющие своих учителей, или *творцы новой эпохи, открывающейся на смену гниющей, умершей цивилизации?* Кто мы? Азиаты, робко стучащиеся в двери Европы, или *народ будущего, поглощающий Европу*, будь то в творческом акте *вселенского миропонимания народа-богоносца*, будь то в разрушительном акте *скифского* нашествия во имя нарождающейся новой жизни?»

Читатель видит, как явственно звучат здесь славянофильские ноты, когда Зайцев пишет о «мессианском уделе России», о «народе богоносце». Но вместе с тем у К. Зайцева звучат и другие ноты. Он допускает, что русский народ—это «азиаты», «скифы», несущие свою «азиатскую культуру» на смену европейской. Это приближает К. Зайцева к «евразийцам».

Как бы то ни было, К. Зайцев находится на распутьи. Он ясно видит, что умирает старая буржуазно-дворянская культура, но он не знает, что придет ей на смену. Он видит «сумерки старой культуры», но не видит нарождающейся новой. И глубокой грустью веет от его статьи.

«Холодно и жутко на душе,—пишет он:—сгущаются сумерки, озаряемые заревом разгорающегося пожарища нашей культуры. Быть-может, мимолетными слабыми зарницами уже вспыхивают огни, отражаю-

щие свет будущего; быть-может, властная рука Строителя жизни уже намечает среди развалин линии новых планов, закладывает основы новых очагов... Быть-может... но нам, сынам прошлого, этого видеть не дано. Мы, свидетели великого крушения, видим лишь обломки былого, впервые проникающего в наше сознание в какой-то новой античной целостности.

«Холодно и жутко на душе; сгущаются сумерки. Еще падают на нас косые лучи света, но знаем мы, что это не разгорающаяся заря восходящего светила, а угасающие, вечерние, прощальные лучи. Встанет когда-нибудь вновь вечное солнце, заливая своим светом новую, возродившуюся жизнь. Быть-может, уже нам предстоит ощутить в наших усталых, тоскующих членах предрассветный бодрящий холодок грядущего дня, пока же, охваченные волной вечерних сумерек, исполненные предчувствий наступающей ночи, жадно ловим мы знакомые, дорогие черты, озаренные закатным отблеском уходящей культуры».

V.

Близко к «евразийцам» стоит та философия, которую развивает г. М. Гершензон в вышедшей недавно в издании «Алконоста» книжке «Переписка из двух углов».

Для М. Гершензона «современная культура есть результат ошибки: человек нашего мира пошел ложным путем и забрел в безвыходную дебрь». На почве этой буржуазной западно-европейской культуры не может итти дальнейшее развитие человечества. «Как вы хотите,—пишет он,—чтобы на почве, заваленной глыбами вековых умопостроений и систем; несметными осколками древних, старых и новых идей, установленной в беспорядке мавзолеями «духовных ценностей»—непререкаемых ценностей веры, мысли, искусства,—чтобы на такой почве выростали могучие дубы и нежные фиалки? На ней прозябнут лишь чахлый и жалкий куст да плющ развалин».

Эта старая культура гниет и разлагается. «Она разлагается изнутри—это мы ясно видим, и она свисает лохмотьями с изможденного духа. Так ли совершится освобождение или оно разразится катастрофой, как двадцать веков назад,—и сам я, конечно, не знаю!»

Происходит революция. У власти становится пролетариат. Культуру, которая была до сих пор достоянием немногих, он берет в свои руки; он хочет сделать ее общим достоянием. Но Гершензону кажется, что пролетариат берет эту культуру только потому, что он не знает ее ценностей. «Взяв их в руки и разглядев, он, может-быть, увидит, что, кроме цепей и мусора, в них нет ничего, и с досадой разочарования бросит их прочь и начнет создавать другие, новые ценности».

Что касается самого Гершензона, то ему «душно» среди старой культуры. «В последнее время,—пишет он,—мне тягостны, как досадное бремя, как слишком тяжелая, слишком душная одежда, все умственные достояния человечества, все накопленное веками и закрепленное

богатство *постижений, знаний и ценностей*... Мне кажется—какое бы счастье кинуться в Лету, чтобы бесследно смылась с души память о всех религиях и философских системах, обо всех знаниях, искусствах, поэзии—и выйти на берег нагим, как первый человек, нагим, легким и радостным, и вольно выпрямить и поднять к небу обнаженные руки, помня из прошлого только одно—как было тяжело и душно в тех одеждах и как легко без них. Почему это чувство окрепло во мне—я не знаю. Может-быть, мы не тяготились пышными ризами до тех пор, пока они были целы и красивы на нас и удобно облегали тело; когда же, в эти годы, они изорвались и повисли клочьями, хочется вовсе порвать их и отбросить прочь».

Г. Гершензон хочет отбросить «все умственные достояния человечества», «все накопленные знания». В эти «ценности» он не верит. Более того: он не верит и самому уму, который добыл эти ценности или добудет их впредь взамен отброшенного. «Можем ли мы доверять нашему уму, когда твердо знаем, что сам он взрощен культурой».

«Мне,—пишет он,—мерещится, как Руссо, какое-то блаженное состояние полной свободы и ненагруженности духа, райской беспечности. Я знаю слишком много, и этот груз меня тяготит».

Итак, мы видим здесь не стремление отказаться от старой культуры с тем, чтобы заменить ее новой, в основе которой будет лежать новая сумма знаний, добытых умом человека. Г. Гершензон этому уму не верит. Он хочет «полной ненагруженности духа». Выйдя нагим, он не хочет добыть себе новые одежды,—нагим он хочет и остаться.

Работе ума он более не доверяет. Он хочет погрузиться в безбрежную мистику.

А хуже всего то, что этот мистицизм обрекает того, кто ему поддался, на полное бездействие. Ведь всякая работа имеет целью поднять уровень культуры. А если я отрицаю эту культуру, то всякая моя работа будет развивать эту ненавистную мне культуру. Где найти энергию в таком положении для работы? Г. Гершензон подхватывает и одобряет формулировку, сделанную его оппонентом: «каждый человек должен огненною смертью в духе преодолеть культуру».

Далее он говорит, что «личность, сгоревшая и воскресшая, тем самым выходит из состава культурных работников». А потом с любовью цитирует стихотворение.

Кто познал тоску земных явлений,
Тот познал явлений красоту.
Кто познал явлений красоту,
Тот познал мечту Гиперборея:
Тишину и полноту
В сердце сладостно лелея,
Он зовет лазурь и пустоту.

«Вот это верно: *зовет лазурь и пустоту*», заключает г. Гершензон. Он тотчас прекратит чтение лекций и наверно не сделает уже ни

одного доклада в ученом обществе, где он был членом, даже ни разу больше не заглянет в него.

Тоска, апатия, полное бездействие—вот к чему приводит эта философская мистика. И это в то бурное время, которое мы переживаем.

Интеллигенция верила в буржуазную культуру. Эта культура обанкротилась. Она гибнет. «Она разлагается изнутри, она свисает лохмотьями с изможденного духа». Интеллигенция любила эти «пышные ризы» до тех пор, пока они были целы и красивы на ней и «удобно облегали тело». А когда они изорвались и повисли клочьями, ей хочется вовсе сорвать их и отбросить прочь.

Интеллигенция отвергает старую культуру. Но она не хочет пока принять и новую культуру, которую несет освобождающийся пролетариат. Она пыталась бороться против этой культуры и ее носителя—и потерпела поражение. Теперь она смиряется, познав тщетность дальнейшей борьбы, но смиряется с пустотой в душе, обрекая себя на бездействие.

Другие ищут новую культуру, которая должна притти на смену западно-европейской из Индии, из Китая. Но признание таких отживших культур и их обрекает на бездействие, на полную пассивность, чуть не на самоубийство.

Печальный конец!

Чувство самосохранения, чувство жизни должно побудить интеллигенцию преодолеть эту апатию и всей душой, всеми помыслами своими присоединиться к тому лагерю, который строит теперь новую жизнь, новую культуру человечества, освобожденного от всякой эксплуатации.

Вне этого пути остается только путь беспросветной мистики—этой философии периода упадка, «сумерек» старой культуры. В этих глубоких сумерках обманным, холодным светом мерцают гнилушки. Эти гнилушки погаснут, когда над миром ярко засияет солнце новой культуры. Вспомните Пушкина:

Как эта лампада бледнеет
Пред ярким сияньем зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует разум! Да скроется тьма!

СУМЕРКИ ВЕЛИКОЙ ДУШИ [1]).

П. Гроссман-Рощин.

(М. А. Бакунин. «Исповедь». Вступительная статья Вяч. Полонского. Госуд. Изд. 1921 г. Москва).

Невозможное, нежданное сказалось возможным, оказалось фактом: Михаил Бакунин, великий бунтарь, демон-разрушитель, отвергающий и разрушающий строй собственности и государства, Бакунин—гроза буржуазного мира, которого бельгийский социолог Лавеле сравнил с демонами Дантовского ада, этот Бакунин ниже тоненькой былиночки склонил голову перед царем-палачом и просит прощения своим революционным грехам. Он подписывается «преступный» Михаил Бакунин; он говорит о грехах, заблуждениях, преступлениях перед своим венценосным царем. Стыдом и безумием считает он свое революционное прошлое. Грешник ума не приложит, как это он, одинокий, слабый, фантастикой одержимый, мечтал и звал к свержению великой власти, великого властелина, он радуется тому, что никогда у него не было злобы к лику великого царя, образ которого любовно, как святыню, как мечту, лелеял он в сердце своем. Он с негодованием говорит о приписываемом ему намерении убить царя. Он кается во всем и за все: за грешные мысли, за грешные намерения, за бунтарские слова, не имевшие никаких последствий, и, главным образом, за злые, неискупленные и неискупимые преступные действия!..

И это слова апостола разрушения, бури-грозы буржуазного мира!..

Тускло мерцает луч света в жутко-темном царстве души: он не был и не будет предателем; он не был врагом своей родины; он мечтал о великом возрождении славянства; он ненавидит немцев. Да, ненавидит какой-то тупой, сумрачной, серосвинцовой злобой.

Эта исповедь поразила многих, но болью, великой тревогой она отозвалась в сердцах единомышленников Бакунина. Правда, Бакунин в то время, когда писал свою исповедь, еще не был анархистом [2]); он был либералистом-федералистом, романтиком славянского мира. И мы имеем право крикнуть «руки прочь» тем из наших врагов, которые

---

[1]) Опубликованная недавно «Исповедь» Бакунина вызовет, без сомнения, немало попыток найти психологические и иные причины ее происхождения. Признавая большой исторический интерес за такими попытками, редакция дает место статье тов. Гроссмана-Рощина, одного из виднейших представителей современного русского анархо-синдикализма. В Отделе «Отзывы о Книгах» читатель найдет также рецензию на «Исповедь» другого видного идеолога современного анархизма—А. А. Борового. Это не значит, конечно, что редакция согласна с их взглядами вообще и с трактовкой «Исповеди» в частности.

[2]) Это доказал в своей вступительной статье Вяч. Полонский.

пожелали бы фракционно «использовать исповедь». Исповедь Бакунина это последняя вспышка летворного огня старого мира, это последняя дань позора и падения, которые уплатил Бакунин за свою, невыжженную до тла, привязанность к старым богам.

Да, мы на скрываем и не отрицаем, что эта исповедь—позор и падение, позор великой души, но позор, падение титана, но все же падение.

Однако, странное и чудесное испытываете вы, когда погружаетесь в чтение замечательной исповеди, этого показателя сумерек великой души.

Падение!.. Да, но рядом с этим, даже в этой исповеди, какая гордость, какая беспощадная искренность, какая любовь к свободе!.. какая огненная характеристика николаевского деспотизма и описание бесконечных страданий народа!.. Какая сатанинская, люциферовская гордыня в этом, даже кающемся, грешнике!.. Не случайно гласит молва, будто Николай сказал: «Россия черезчур мала, чтобы вместить и меня и Бакунина». И еще читатель, привыкший к самонаблюдению, отметит характерную черту: читая «Исповедь», все более и более забываешь о том, что Бакунин пишет государю, что он кается, унижается; кажется, будто Бакунин беседует с самим собой, будто государь—придуманная фигура, категория духа самого Бакунина, это просто тот «чорт», который явился к Ивану Карамазову и который на самом деле был демоном его собственной души. До такой степени все рассказанное Бакуниным внутренне закономерно, внутренне цельно вытекает из сердцевины духа его! Поистине, если бы Николая не было, его бы Бакунин выдумал, ибо исповедь—это беседа духа Бакунина с самим собою о великих сумерках собственной души, беседа о последних тайнах истории и бунте духа человеческого. И потому-то так важно временно забыть о том, что Бакунин—на моральной скамье подсудимых, и вдуматься в жуткую исповедь, которая по своим ценностям не во всем уступает исповедям Руссо и Толстого.

* * *

С точки зрения понимания внутреннего развития Бакунина, мы должны установить 4 периода. 1-ый период: Бакунин—консерватор, Бакунин—блестящий гегелианец, искусно и неопровержимо доказывающий, что все существующее разумно, ибо абсолютно необходимо. 2-ой период: Бакунин—революционер, панславистский федералист, *великий* бунтарь, в душе которого уже появляется его анархическая «пляшущая звезда», еще затуманенная сизо-серыми облаками либерализма, национализма, утопизма и беспочвенности. 3-ий период: беспочвенность, неверие, одиночество, дума-скорбь о бесплодности жизни порождает сомнение в правильности пути и проявляется в этой позорной, но и в позоре величавой исповеди. Наконец, 4-ый период: Бакунин окончательно порывает с мечтательным националистическим утопизмом и окончательно делается анархистом-коммунистом, намечая пути анархо-синдикализма. В этот период Бакунин создает философию твор-

чества анархизма, философию, если не являющейся законченной системой, то дающей гениальные идеи-силы.

Изучению интеллектуального облика бунтаря должно предшествовать указание на одну черту индивидуальности Бакунина. Бакунин как-то странно недифференцирован, в нем нет элементов внутренней специализации, духовного разделения труда. Мысль, отвлеченная идея, для него также субъективна, интимна, как чувство, но и чувство *охлаждено* копирующей внешний мир мыслью. Его бурная воля, питающаяся безграничной фантастикой, связана с реальным миром, но на его картине реального мира лежит печать бурной фантастики. О себе он говорит, как о чем-то *внешнем*, но все внешнее будто лишь излучение его воли, *биография* его духа. Метафизическую проблему он решает на плоскости социологической, но социология Бакунина далеко не свободна от столь презираемой им метафизики. Бакунин как-то не умеет объектировать свою мысль, отмежевать *сущее от должного*,—в этом секрет величия его индивидуальности, но эта же «спутанность» помешала Бакунину создать строгую систему, а главное, ответить в научно-общеобязательной форме на главный вопрос, что волновал Бакунина.

Какая же идея волновала Бакунина? Чего смутно искал Бакунин?

Для вдумчивого читателя ясно, что Бакунин всю свою бурную жизнь искал тревожно, трепетно-напряженно ответа на вопрос: почему так медленно, *мучительно и томительно медленно движется человеческий прогресс*, почему фетиши Бога, права и государства так цепко и крепко держат в когтях свои умы и сердца... И естественно, что Бакунин должен был подойти вплотную к проблеме *о закономерности общественного развития* и о двигательных факторах прогресса. Но здесь-то и начинается роковая грань для Бакунина; *чрезмерная насыщенность волевым субъективизмом* помешали Бакунину найти ответ на упомянутый коренной вопрос.

Бакунин остро и выпукло поставил проблему, которая мучила Белинского и всю школу, вкусивших с древа познания Гегеля,—проблему об отношении к объективному ходу вещей, к действительности. Наметились два пути: и Действительность подлежит суровому суду и безоговорочному отвержению; против нее нужно начать боевую кампанию во имя должного, во имя прекрасного, во имя «миров—иных». Такова романтико-революционная вариация.

Действительность мудра, разумна, приемлема, ибо всякий кажущийся изъян в действительности—абсолютно необходимое звено объективного хода вещей; действительность с ее изъянами, кажущаяся неправдой, уродством, на деле есть воплощение замысла Объективной Идеи.—Такова вариация консервативно-гегелианская.

Вот эта-то противоположность между принятием или отвержением действительности мучила, волновала и бесконечно терзала Бакунина.

Правда, у Бакунина, даже в период наибольшего увлечения консервативной формулой Гегеля, вы найдете много оговорок в духе лево-гегелианской школы, но эти оговорки так же мало характерны для Бакунина, как мало характерны для него припадки бешеной реакционности и щеголяние тем, что брат его патриот и любит царя своего. Итак: или объективный ход вещей имеет *разумный* смысл—тогда долой революцию и да здравствует действительность, или бунт против действительности—тогда долой «веру» в объективный ход вещей. Вот роковая постановка вопроса, вот роковое заблуждение великого духа!

Мы уже упомянули, что Бакунин мучительно, напряженно искал ответа на вопрос: почему так медленно идет исторический прогресс; казалось бы, что здесь-то Бакунин и должен был бы, хотя бы подобно Лаврову, ответить, почему исторический *процесс* медленно переходит в исторический *прогресс*. Однако, Бакунин ограничивается чисто рационалистическим объяснением, что виною медленного шествия прогресса является темнота масс, отсутствие внутреннего самосознания, блуждание в потемках религии и метафизики. Но каждому ясно, что это не только недостаточный ответ, но что это вообще не ответ, ибо Бакунин создает так называемый порочный, заколдованный круг, и осложненный, более углубленный, вопрос выдает за ответ.

Конечно, не отсутствие методологически-правильной постановки проблем социологии того времени и не недостаток творческой личной проницательности помешали Бакунину дать строго научный ответ. Дело объясняется вмешательством субъективно-волевого момента: Бакунин пережил ту же трагедию, какую пережил «неистовый» Виссарион Белинский. И Белинский смирился перед объективным ходом вещей, отрекся от революционной инициативы, бурной индивидуальности. Он написал знаменитую статью о Бородинской годовщине, в которой воспевал волю, логику, разум и право объективного хода вещей и реакционных сил истории. Белинский отрекся после от своего «объективизма», проклял объективный ход вещей и потребовал отчета в каждой капле крови, пролитой во имя железной диктатуры, железной объективной действительности. Отношение Белинского к объективному ходу вещей более спокойно и необыкновенно глубоко выявилось в его знаменитом анализе «Медного Всадника» Пушкина. Белинский к этому времени избавился от шатаний, от крайностей; он полон глубокой симпатии, жалости к брату по крови, бедному Евгению, чье маленькое счастье было так беспощадно разбито Медным Всадником... Но он все же признает, что *общее* должно господствовать над *частным*, что индивидуальное должно склониться и смириться перед высшей волей и высшей необходимостью—объективным ходом вещей.

Совершенно иначе отнесся бы Бакунин к Евгению—жертве Медного Всадника. Не меньше Белинского он бы сочувствовал безысходному горю и безграничному несчастью бедного чиновника. Но

эта же любовь, это же чувство сострадания подсказало бы ему, что нужно быть грозным к Евгению, ибо пострадавший Евгений *преступник*, и сам виноват в горе своем: как он смел сузить свою жизнь до личного романа с девушкой, как он смел размышлять и чувствовать власть и силу объективного хода вещей только тогда, когда стихия разрушила его убогое, маленькое счастье! Евгений свершил *преступление* и законно потерпел *наказание* вовсе не от всевластного хода объективной действительности, а от своей преступной узости, беззаконной «маленькости», духовного минимализма. Так бы отнесся Бакунин к Евгению. Но можно ли себе представить самого Бакунина долго в роли Евгения, который, без боя, без борьбы роковой смиряется перед жестоким, бессердечным ходом вещей! Ведь Бакунин черезчур чутко, не менее глубоко, хоть и менее болезненно, чем Глеб Успенский, реагирует на чужое горе и чужое страдание. А главное, в нем кипит могучая, титаническая воля. Она выше всего. Она имеет свои законы, она сама—огонь поедающий, она сама—стихия, способная к разрушению и созиданию, эта воля зовет к титанической борьбе с объективным ходом вещей. И Бакунин невольно вспоминает мифологию—Прометея, похитившего огонь, чтобы подарить его людям, вопреки воле бездушных, самовлюбленных, власти жаждущих богов. Почему ему не вступить в неравный бой, ведь он—не Евгений, помыслы его—помыслы об универсальном, всемирном; не о «возлюбленной» он мечтает, не сузил он жизни своей, т.-е. не свершил *преступления*,—зачем же ему подвергнуться незаслуженно и преждевременно *наказанию*? Тогда да здравствует бой *против* объективного хода вещей, *против* тирании жестокой действительности. Закипит борьба, а кто победит—еще неведомо!..

Как бы то ни было, в основу положена мысль о том, что объективный ход вещей, по существу, не согласуем с жаждой восстания против действительности, а это начало двойственности у Бакунина. В самом деле, если объективный ход вещей не ведет и не оправдывает возмущения против гнета и насилия, то естественно, что великий бунтарь, возмущенный видом рабства, насилия и темноты, должен был искать опоры для бунта в мире *субъективном*, в себе самом. На очередь тогда выступает поклонение революционному *инстинкту* и *вере*. Следующие слова в исповеди Бакунина с потрясающей силой подтверждают все ужасные последствия перемещения внимания с объективного хода вещей *только* на *веру* и *только* на *волю*.

«По природе я не шарлатан, государь; напротив—ничто так не противно мне, как шарлатанизм, и никогда жажда простой, чистой истины не угасала во мне; но неестественное, несчастное положение, в которое я, впрочем, сам привел себя, заставляло меня иногда быть шарлатаном против воли. Без связей, без средств, один с своими замыслами посреди чуждой толпы, я имел только одну сподвижницу: *веру, и говорил себе, что вера переносит горы, разрушает преграды, побеждает непобедимое и творит невозможное; что одна вера есть уже*

половина успеха, половина победы; вера, совокупленная с сильною волей, она рождает обстоятельства, рождает людей, собирает, соединяет, сливает массы в одну душу и силу; говорил себе, что, веруя сам в русскую революцию и заставив верить в нее других, Европейцев, особливо Славян, впоследствии же и Русских, я сделаю революцию в России возможною, необходимою. Одним словом, хотел верить, хотел, чтоб верили другие. Не без труда и не без тяжкой борьбы доставалась мне сия ложная, искусственная, насильственная, вера; не раз в уединенных минутах находили на меня мучительные сомнения,—сомнения и в нравственности и в возможности моего предприятия; не раз слышался мне внутренний укоряющий голос и не раз повторял я себе слова, сказанные апостолу Павлу, когда он назывался еще Савлом: «Жестоко же есть противу рожна прати».—Но все было напрасно; я заглушал в себе совесть и отвергал сомнения, как недостойные.—Я знал Россию мало, восемь лет жил за границею, а когда жил в России, был так исключительно занят немецкой философией, что ничего вокруг себя не видел. К тому же изучение России, без особенной помощи правительства, трудно, почти невозможно, даже и тем, которые стараются знать ее; а изучение простого народа, крестьян, мне кажется трудно и самому правительству.—За границею, когда внимание мое устремилось в первый раз на Россию, я стал вспоминать, собирать старые бессознательные впечатления, и отчасти из них, отчасти и разных, доходивших до меня, слухов создал себе фантастическую Россию, готовую к революции,—натягивая или обрезывая, на Прокрустовской кровати моих демократических желаний каждый факт, каждое обстоятельство.—Вот каким образом я обманывал себя и других. Я никогда не говорил о своих связях, ни о своем влиянии в России: это была бы ложь, а ложь мне противна; но когда вокруг меня предполагали, что я имею влияние, имею положительные связи, я молчал, не противоречил, ибо в этом мнении находил почти единственную опору для своих предприятий. («Исповедь», стр. 84—85).

Вот трагедия сумрачно-величавой души: внутренний голос, какой-то «демон» шепчет Бакунину: «И виждь и внемли, исполнись волею моей и, обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей».—Бакунин чувствует свою миссию «возмущать и освобождать мир». Но разум, лукавый, хитрый, расчетливый, шепчет ехидно о том, что объективная действительность вся направлена против Бакунина и что это холодная, бесстрастная, всепожирающая действительность превратит в ничто великие бунтарские замыслы. А ведь расчетливый, хитрый бес благоразумия силен в «безумце» Бакунине. Даже в минуту глубокого опьянения верой в мощь воли, он все же говорит: воля «*побеждает непобедимое*», «творит невозможное». Значит, было сознание того, что в жизни есть что-то непобедимое, что ему, материалисту и позитивисту, нужна не просто воля, а *воля чудо:* надо ведь сделать возможным невозможное». И вот начинается разлад между волей к бунту и объективным ходом вещей, разлад более глубокий, нежели Гамлетовский,

ибо Гамлет, в конце-концов, боролся *с несоответствием* своей расслабленной воли нравственному велению долга, тогда как здесь *могучая* воля тщетно борется с не менее могучей стихией объективным ходом вещей. Но Бакунин, в отличие от Гамлета, насыщен активностью, его стихия—движение. И он начинает действовать точно ринувшийся в бездну, точно забыв о суровых законах беспощадной действительности. У него нет связей с массой, нет революционной организации—что за беда, *вера* вывезет, *воля* поддержит, и с этим надрывом в душе он кидается в пропасть революционного действия.

Следующие слова Бакунина великолепно подтверждают тот факт, что он и на деле положил в основу деятельности этого периода, доанархического, *только* веру: «Если бы меня кто в дилижансе спросил о цели моей поездки и я бы захотел отвечать ему, то между нами мог бы произойти следующий разговор: «Зачем ты едешь?»—Еду бунтовать.—«Против кого?»—Против императора Николая.—«Каким образом?»—Еще сам хорошо не знаю.—«На чем основаны твои надежды: есть у тебя с русскими связи?»—Никакой, надеюсь же на пропаганду и *на могучий дух революции, овладевший ныне всем миром*».

Итак, с какой бы стороны вы ни подходили к трагедии Бакунина, вы все время наталкиваетесь на роковую дилемму: ВЕРА заменяет знание, *воля* противопоставляется объективной действительности. Затруднения для Бакунина бесконечно возрастают и усложняются тем, что Бакунин философский материалист, отрицает свободу воли, отрицает метафизическую субстанцию. Будь Бакунин философским идеалистом, индетерминистом, тогда была бы понятна вся его концепция, вся его деятельность. Он бы погиб в роковом бою, но не было бы мучительных сомнений, судорожного колебания воли, не было бы изнуряющих переходов от экстатической веры к холоду безверия. Но Бакунин—материалист, доводящий иногда свой материализм и отрицание свободы воли до вульгарности. Правда, этот материализм не играет существенной роли *во всей* концепции Бакунина, но через материализм Бакунин порывает с верой в абсолютную свободу абсолютной воли. Как же быть?—Если воля не свободна, то как же ее можно положить в основу мировых переворотов и сделать ее опорой революционных действий? Если воля не свободна и является лишь как бы видоизменением *материальных* атомов, то, очевидно, в законах материи и надо искать опоры для планомерного поступательного шествия социальной революции и грядущих переворотов. Но в том-то и ужас Бакунина, что *мыслит* он как материалист и *действует* как трагический, метафизический волюнтарист. И еще: Бакунин как-то упорно смешивал законы *материи* с законами *социальной* материи, Бакунин, признавши громадную роль *солидарности* в развитии общества, одновременно и подчеркнувший и гениально ограничивший роль разума в общественном развитии,—Бакунин как-то не удосужился выяснить точнее природу общественных отношений в отличие от органических и рассудочных. Подобно Огюсту Конту, Михаил Бакунин в

определении сущности общества базировал на органической и рационалистической гипотезе. Это в значительной мере запутывало и без того пестрый и сложный узел. Всякий раз, когда Бакунин уходил от фатализма и становился в оппозиции, он смутно «безсознательно» делался полуфеербахианцем, склонялся к антропологическому» материализму. Сознательно Бакунин делается материалистом значительно позже.

Мы не будем здесь разбирать подробнее сущность теоретической ошибки Бакунина. Но все же необходимо подчеркнуть: Бакунин ошибочно передавал *весь* объективный ход вещей в распоряжение реакционных замыслов абсолютного духа. Бакунин не понял, что *социально объективное* не есть еще *внешне механическое*, что закономерность и *социальная* зависимость не есть еще *принудительность* и авторитарность. Вот основа, вот начало и конец, вот тайна тайн теоретического заблуждения Бакунина. А мы уже знаем, что для Бакунина ошибка в идеях есть одновременно и причина и показатель ошибки *в действиях*.

Указанный основной дуализм в душе Бакунина уже ведет нас прямым путем к пониманию того, что *должен* был наступить момент, когда вера и воля, оторванные «извне» от хода вещей, подтачиваемые кротом-грызуном материалистическим разумом изнутри должны были пошатнуться. Бакунин, разочаровавшись во всесилии духа разрушения, увидавши, что и воля не владыка и не созидательница «обстоятельств»,—Бакунин должен был удариться в противоположную крайность и признать всесилие лютого врага своего, объективного хода вещей. Смертельно раненый в неравном бою, Бакунин кается и ищет, напряженно, по дон-кихотски честно,—своего врага, чтобы вручить ему жезл и корону и сказать ему: от имени воли и веры заявляю тебе, Демиург истории, перводвигатель мира, первооснова всех вещей—мы побеждены и каемся в грехах наших в безумии нашем! Реально и конкретно это поражение воли и веры выразилось в этой исповеди, в этом письме к царю. Но, повторяю, поистине, царь Николай есть для Бакунина то же, что чорт для Ивана Карамазова: Николая I Бакунин бы выдумал, если бы его не было. Этот образ только облако, испарение, пробившиеся и черным клубом свившиеся через расщелину духа Бакунина. Роковое свершилось. Бакунин опять преклоняется пред объективным ходом вещей. Он дает изумительную, огненными буквами написанную, характеристику российского деспотизма, описывает то чувство отвращения, омерзения, ненависти, которое возбуждал в нем режим. Возбуждал раньше! А теперь?—Бакунин говорит вот что! «Могли бы спросить меня: как думаешь ты теперь?—Государь, трудно мне будет отвечать на этот вопрос.....—Одну истину понял я совершенно,—что в жизни государства и народов есть много высших условий, законов, не подлежащих обыкновенной инерции, и многое что, покажется нам в частной жизни неправильным, тяжким, жестоким,—становится в высшей политической области

необходимым. Понял, что история имеет свой собственный таинственный ход, логический, хоть и противоречащий часто логике мира, спасительный, хоть не всегда соответствующий нашим частным желаниям, и что..... ни один частный человек, как бы искренни, истинны, святы ни казались его убеждения, не имеет ни призвания, ни права воздвигать крамольную мысль и бессильную руку против неисповедимых высших судеб».

Сравните эти строки страшного покаяния и отречения перед ликом истории со словами, приведенными выше, и вы поразитесь перемене: там воля и вера создают все, здесь человек, «частный» человек, лишь винтик великого механизма, глина в руках горшечника,—и как смеет этот ограниченный, жалкий, в прах поверженный «частный человек» спорить с Творцом и обращаться к Творцу с дерзкими словами: «Владыка мира, ты не прав».

Да, Бакунин поплатился жестоко за непонимание того положения, что *социально объективное* не есть *внешне механическое*, что *закономерность* и *социальная зависимость* не есть еще *принудительность и авторитарность*. Да, Бакунин из глубины противоречий духа своего породил чудовищно странный призрак—царя Николая. И все же тот факт, что Бакунин эту свою внутреннюю трагедию выразил в форме письма к Николаю—это, конечно, имеет свою историко-психологическую закономерность. И, поняв ее, мы вплотную подойдем к пониманию этой исповеди.

Мы подходим и к вопросу *о классовом* воспитании Бакунина, о его биографии, в тесном смысле слова.

Как будто неловко повторять старые слова о том, что детские впечатления являются как бы решающими для всей дальнейшей деятельности личности. Но надо сказать, что есть души, которые особенно подвержены почти несокрушимой власти своего прошлого. Эти души—пассеисты, впечатления детства и юности звучат в душе их как заповедь, и не только окрашивают, но и предопределяют внутренний ход, внутренний ритм всей жизни. В высшей степени интересно психологически исследовать тот процесс, благодаря которому яркость, трепет, жизненный аромат, впечатления детства и юности, делаются незаметно, но верно, *нормами* жизни, мерилами ценностей, как бы масштабом измерения добра и красоты. Мне думается, что в нашей литературе имеется несравненный образчик такого превращения *фактов* детского бытия в мерило ценностей взрослого человека. Это—«Сон Обломова». С изумительной силой прослеживается процесс всасывания ребенком всех впечатлений бытия, с экспериментальной наглядностью показаны как бы анатомия и физиология того странного момента, когда восприятия фактов внешней среды превращаются в «Осанну», хвалебный гимн окружающей *классовой* среде. Да, классовой среде. Бакунин был этим пассеистом, он не менее остро, чем Обломов, всасывал, впитывал впечатления среды, они и для него одно время сделались *мерилом ценностей*. Да и неудивительно. Благолепно, красиво, покойно,

нежно и сознательно жили в усадьбе Бакуниных. Все биографы, все очевидцы говорят, что в доме Бакуниных было собрано все благородное, сердечно-широкодушное, барски-благожелательное, нежно-мечтательное, что было и царило в «дворянских гнездах». Лунным светом любви и мечтательности были залиты девушки, сестры Бакунина. Эти-то девушки и послужили моделью для героинь романов Тургенева. Чудно, благолепно, величаво и мягко катилась жизнь в усадьбе Бакуниных. Остро, жадно впитывал Бакунин эту среду. Он любил ее и расширил эту любовь до любви к дворянской России, до бесконечной любви к символу и собирательному фокусу этой России,—к царю. И не лжет Бакунин, когда в дни увядания души его возмущается приписываемым ему планом цареубийства в таких словах: «Меня обвиняли, будто бы я хотел, в сообществе двух поляков, которых теперь позабыл и фамилию, что будто бы я намеревался посягнуть на жизнь вашего императорского величества.—Не стану входить в подробности такой клеветы; я подробно отвечал на нее в своих заграничных показаниях и стыжусь говорить много об этом предмете. Одно только скажу, государь: я—преступник перед вами и перед законом, я знаю великость своих преступлений, но знаю также, что никогда душа моя не была способна ни к злодейству, ни к подлости. Мой политический фанатизм, *живший более в воображении, чем в сердце*, имел также свои крепко-определенные границы, и никогда ни Брут, ни Равальяк, ни Алибо не были моими героями. К тому же, государь, в душе моей собственно против вас никогда не было даже и тени ненависти. Когда я был юнкером в Артиллерийском училище, я так же, как и все товарищи, страстно любил вас. Бывало, когда вы приедете в лагерь, одно слово: «государь едет», приводило всех в невыразимый восторг, и все стремились к вам навстречу. В вашем присутствии мы не знали боязни; напротив, возле вас и под вашим покровительством искали прибежища от начальства; оно не смело итти за нами в Александрию. Я помню, что было во время холеры; вы были грустны, государь; мы молча окружили вас, смотрели на вас с трепетным благоговеньем, и каждый чувствовал в душе своей вашу великую грусть, хоть и не мог познать ее причины,—и как счастлив был тот, которому вы скажете, бывало, слово. Наконец, государь, даже и в самое последнее время, наперекор всем демократическим понятиям и как бы против воли, я глубоко, глубоко почитал вас.—Не я один—множество других, поляков и европейцев вообще, сознавали со мною, что между всеми ныне царствующими венценосцами, вы только один, государь, сохранили веру в свое царское призвание.—*С такими чувствами, с такими мыслями, несмотря на все политическое безумие, я не мог быть цареубийцею, и вы поверите, государь, что это обвинение не что иное, как гнусная клевета*».

И казалось бы, что Бакунин должен был до конца пойти по пути Обломова, по пути Фета и сделаться псалмопевцем существующего режима. Однако, случилось иначе. Мы не будем здесь заниматься

анализом тех причин, которыми обусловливался разлад между отцами и детьми в «дворянских гнездах» и объяснением того, почему процесс деклассации пошел так далеко, что бросил интеллигенцию в ряды борцов не только за политическую, но и за социальную революцию. Важно указать то, что в самом Бакунине жил могильщик Обломова, жил великий бунтарь. Бунтарство Бакунина питалось, конечно, моральным возмущением, окружающим злом. Вот те изумительные слова, которыми Бакунин характеризует свой моральный облик: «*Любовь к свободе и неотвратимая ненависть ко всякому притеснению, еще более когда оно падало на других, чем на меня самого. Искать своего счастья в чужом счастье, своего собственного достоинства в достоинстве всех меня окружающих, быть свободным в свободе других,—вот вся моя вера, стремленье всей моей жизни*».

Как странно, что эти бессмертные слова пишутся в «исповеди» в обращении к царю. Здесь ведь не только суть, сущность морального облика Бакунина, но и прообраз грядущего человека,—ведь эти строки могли быть положены в основу духовного воспитания грядущего человека. И разве эти слова не подтверждают всецело, что «исповедь» Бакунина есть беседа души с самим собой о тайнах власти и безвластия, о свободе и необходимости. Однакоже, не моральное отвержение зла старого мира послужило причиной к тому, что Бакунин объявил беспощадную войну не только объективному ходу вещей, но и своему внутреннему миру, своей любви к классовому прошлому. Перводвигателем была особенность его природы,—особенность, которую он в «исповеди» называет своим недостатком. В моей природе был всегда коренной недостаток: *это любовь к фантастическому, к необыкновенным, неслыханным приключениям, к предприятиям, открывающим горизонт безграничный и которых никто не может предвидеть конца. Мне становилось и душно и тошно в обыкновенном спокойном кругу.* Люди обыкновенно ищут спокойствия и *смотрят на него, как на высочайшее благо; меня же оно приводило в отчаяние; душа моя находилась в неусыпном волненьи, требуя действия, движения и жизни.* Мне следовало бы родиться где-нибудь в американских лесах, между западными колонистами,—там, где цивилизация едва рассветает и где вся жизнь есть беспрестанная борьба против диких людей, против дикой природы, в не устроенном гражданском обществе».

Вот эта та воля к безграничному, фантастическому, к свержению и созиданию миров иных, новых, трепетных, лихорадочно и победоносно сокрушающих все маленькое, стоячее, сонное, раз навсегда данное—вот эта та сила неизбывная, открыла всегубящий огонь, по окопам и траншеям собственной души его,—окопам, построенным по всем правилам военной классовой тактики. Да, мы открыли новые противоречия, новый надлом в самом Бакунине: Обломов—консерватор, отстаивает свою позицию перед Зигфридом-воином. Здесь ясно, что объективный ход вещей имеет союзника в лице внутреннего классового Обломова, а социальная революция питается соками Люци-

феровской Гордыни и моральной жаждой правды и справедливости. Этим мы исчерпали основное в «Исповеди». Однакоже, мы не исчерпали бы сущность и корней «исповеди» если бы не обратили внимания еще на один оттенок—на уклон чисто метафизический в душе Бакунина. Что Бакунин считал основой вселенной?—Динамику, вечное движение, лихорадочно-бешеный бег. Чего боялся—что ужасало, что пугало, как мрак и холод могилы, душу Бакунина?—Вселенский покой, отдых—мировая грузность—космический паралич. *Боязнь покоя*—вот метафизическая предпосылка его ненависти к объективному и к обломовскому. И он не всегда был уверен, что Покой не победит в мире. Надежда на вихрь, на огненные потоки, напряженно-исступленное движение, вот как бы источник—метафизическая предпосылка его революционности, его жажды разрушения и бесформенности. Характерно, что материалист Бакунин с ужасом говорит о косной неподвижной материи. Его понятия о материи — это представление, больше—ощущение бурной и стремительной подвижности, испепеляющей все то, что, покорное покою, хочет сохранить свое позорное статическое бытие. Лозунгом и сущностью души и деятельности Бакунина могли быть поставлены следующие слова: «Куда же ты едешь теперь?»—В Познанское Герцогство.—«Зачем именно туда?»—«Потому что слышал от поляков, что теперь там более *жизни, более движения*». Вся жизнь Бакунина—искание сказочного «Познанского Герцогства», только потому, что там «больше жизни, больше движения».

Подведем итоги: в идеологии Бакунина и в метафизике Бакунина, во внутреннем мире Бакунина—трещина, раскол, глубокий разлад. В каждой половине его существа высятся три вершины, связанные цепью между собой. В одной половине Покой, Объективная действительность, и Классовый Обломов—покорность. В другой половине: Вихрь движения, Революция и Морально-Фантастическая воля к безграничному. И там, и здесь вершины цепью связаны. Враждебные стихии вступают в ожесточенную борьбу, и воином двух враждебных лагерей является сам Бакунин. Это жутко, непостижимо, но это так! Долго длилась борьба, и не было ни побежденных, ни победителей. Но вот истощенная воля стала терять позицию за позицией! Бакунин в один момент своего бытия, ослабленный, одинокий, потерпевший поражение за поражением усомнился в правде *движения, революции и воли*, страшной правдой показались ему Покой, Объективный ход истории и Классово-Обломовская покорность. В этот страшный час, в этот тяжкий час на сцену выступил и символ покоя, безволия, покорности ходу вещей, и символом этой духовной Сахары явилось письмо к Николаю I.

Говорят: «исповедь» во всяком случае разрушила легенду о Бакунине-Прометее, которому коршун клюет сердце. Не знаю. Это верно, если говорить о коршуне, прилетевшем извне. Но зато «исповедь» показала нам внутренних коршунов, терзавших душу Бакунина.

Победили ли коршуны? Нет. Одно время они его почти заклевали и у полумертвого вырвали эту позорную «исповедь». Но Бакунин воскрес, он ожил для новой воли, для новых мятежей, для нового творчества. Только после этого периода Бакунин делается окончательно анархо-коммунистом, синдикалистом. Нам надо сказать хотя бы несколько слов о том, чем стал Бакунин после того, как он победил драконов духа своего.

* * *

Бакунин окончательно делается классовым революционером, он всецело и всемерно сливается с рабочим классом. Поразительно, что даже в этой «исповеди», в дни помрачения духа его, он палачу Николаю I так описывает французских работников в период революции! «Таким образом, я имел случай видеть и изучать сих последних, с утра до вечера.—Государь, уверяю вас, *ни в одном классе, никогда и нигде, не нашел я столько благородного самоотвержения, столько истинно трогательной честности, столько сердечной деликатности в обращении и столько любезной веселости, соединенной с таким героизмом, как в этих простых необразованных людях, которые всегда были и будут в тысячу раз лучше всех своих предводителей.* Что в них особенно поразительно—*это глубокий инстинкт дисциплины;* в казармах их не могло существовать ни установленного порядка, ни законов, ни принужденья; но дай Бог, чтоб любой вымуштрованный солдат умел так точно повиноваться, отгадывать желания своих начальников и так свято соблюдать порядок, как эти вольные люди; они требовали приказаний, требовали начальства, повиновались с педантизмом, со страстью, голодали на тяжкой службе по целым суткам и никогда не унывали, и вседа были веселы и любезны.—Если б эти люди, если б французские работники вообще нашли себе достойного предводителя, умеющего понимать и любить их, то он сделал бы с ними чудеса».

Бакунин сливается с этим классом и начинается его славный, великий, тревожный период—борьба с государством и собственностью.

Бакунин вышел победителем; но все ли он победил, достиг ли он полной внутренней гармонии, ответил ли он на все великие запросы истории и духа своего? Мы ответим: Нет. Бакунин окончательно победил классового Обломова и дух покорности. Здесь победа была полная, яркая, радостная, полнозвучная!

Бакунин победил метафизический ужас перед Покоем, Параличом и весь отдался движению, воздвиг бессмертный храм движению, предвосхитив и революционно обосновав теорию Бергсона о Движении-Творчестве. Но Бакунин—*создал ли он научную теорию общественного развития,* которая примирила бы *объективный ход вещей и классовую волю?*—Еще раз: Нет. Эта работа не закончена и поныне, и надо сказать правду, что это слабый пункт, Ахиллесова Пята анархического мировоззрения.

Замечательно то, что и Бакунин и Кропоткин создали поистине пророческие *формулы прогресса*, но оставили совершенно почти вне поля своего внимания *механику исторического процесса*.

Надо сказать правду, это отсутствие механики исторического процесса является показателем и причиной неумения учитывать объективный ход вещей и вырабатать тактику в интернациональном масштабе. Анархизм коснеет в наивном, некритическом материализме и одновременно пропитан мутным, смутным мелко-буржуазным субъективизмом.

Тот, кто работал в анархической среде, знает с каким неимоверным трудом, с какой колоссальной затратой энергии давался всякий шаг вперед. Мы любим упрекать марксистов в косности, в догматизме, в отсутствии смелости мысли. Но посмотрите внимательно, хоть сколько-нибудь спокойно, хоть сколько-нибудь трезво на то, что делается у нас, и на ту колоссальную работу по пересмотру, углублению, развитию мировоззрения, а главное, *тактики* которая проделана догматиками марксистами. Я помню очень хорошо, как враждебно было встречено скромное и сдержанное заявление в «Черном Знамени»—заявление мое о том, что кропотконизм теоретически пронизан и пропитан «прогрессизмом» и либерализмом буржуазных мыслителей XVIII столетия.

Какой вихрь вражды поднялся в кружках, когда мною и моими единомышленниками было четко, чеканно заявлено, что демократизм, скрытый под маской федерализма, даст себя знать растерянностью и ренегатством в грозные дни пролетарской борьбы.

А в теории познания?.. В обосновании коммунизма?..

Кто, и что мешал и мешает нашему практическому и теоретическому самоутверждению? Наличность в наших рядах мелкой буржуазии. Самое поганое, самое уродливое, наиболее изолгавшееся в мире существо—это мелкий буржуй, который одевает левый анархический плащ, порочно и хило лепечет о верности принципам, а на деле прикрывает, и не может не прикрыть, самый уродливый консерватизм, самое тухлое и бесстыдное духовное шкурничество. Вырвать эту мелко-буржуазную сорную траву, снять эту мелко-буржуазную накипь,—задача ближайшего будущего.

Теоретическая задача, которая стоит перед анархизмом, может быть формулирована так: кропотконизм и бакунизм нуждается в коренной радикальной реформе и даже ломке.

Наша формула прогресса должна быть углублена, просветлена революционными элементами философии Анри Бергсона, предшественником которого является Михаил Бакунин (см. мою статью Бакунин и Бергсон, журнал «Заветы», № 5. 1914 г.). С другой стороны: необходимо заняться тщательным изучением механики исторического процесса. Здесь мы должны *во многом* и весьма существенно учиться у *марксизма*.

Только наивные люди могут серьезно утверждать что учиться де можно и у буржуазных материалистов, буржуазных социологов, но нечему учиться у Маркса.

Тот, кто в изучении динамической социологии игнорирует Маркса и Энгельса, *тот останется недоучкой, мелкобуржуазной болтушкой, рабом буржуазной социологии.*

Конечно, при этом следует напомнить марксистам, что и на их теоретической Шипке не все спокойно, что наш анархический анализ оправдался всецело, ибо не только марксизм Бернштейна, но и марксизм Каутского и Плеханова оказался в плену у буржуазной идеологии и что марксизм Ленина хотя фактически есть революционный переворот в марксизме, но марксисты до сих пор не удосужились осмыслить этот переворот и дать ему объективно-научное выражение.

Эту работу надо выполнить во что бы то ни стало: промедление смерти подобно...

ИСКУССТВО КНИГИ.

Проф. А. А. Сидорова

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ [1]).

Иллюстрации и внутренние украшения книги.

I.

Книга создана. Труд наборщика и печатника выполнен: организм готов. Издатель или автор, или еще кто, заинтересованный в сбыте книги, позаботился об ее в н е ш н о с т и: обложкой нарядной или строгой, скромной или кричащей привлекает наш взор к себе книга. Основная цель достигнута: книга нашла себе дорогу к ее потребителю—вот она в руках читателя. И новые проблемы возникают перед исследованием ее судеб: о новом искусстве приходится вести речь.

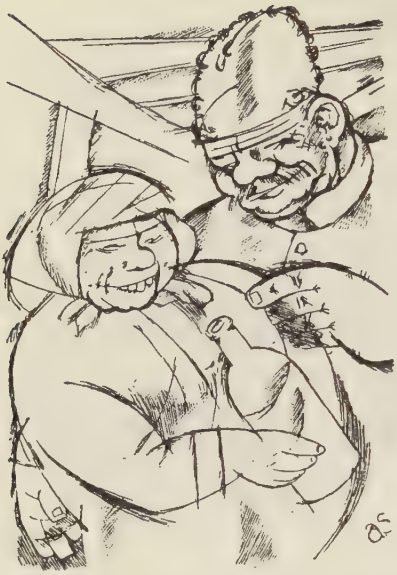
Искусство ч т е н и я, как такового, лежит вне нашей темы. Когда мы рекомендуем себя, как человека грамотного, мы этим вовсе еще не показываем, что умеем читать. Складывать из букв слова умел и гоголевский Петрушка. Поскольку искусство всякое есть прежде всего творческая организация любого процесса, то и чтение может (и должно) нуждаться в такой организации. Под искусством чтения (о нем говорили уже достаточно умные люди, и люди умные не особо, как известный французский академик Э. Фагэ) будем подразумевать для простоты некое умение особо верно извлекать все, что может дать

[1]) См. «Печать и Революция», книга I и II.

содержание книги. Здесь надо, конечно, не только знать, что означают слова. В любой статье, в любой книге, какого бы она ни была содержания, есть места более или менее нужные, больше или меньше ценные мысли, образы, слова. Их найти с первого раза иногда невозможно. Только специально ученые сочинения, дающие формулы не для чтения, а для заучивания на память, и, на другом полюсе, произведения поэтические, являются книгами, где каждое слово обладает равною ценностью. Представляется, что как статьи общего характера, так и произведения, входящие в необозримую область «беллетристики», о б я з а н ы иметь в себе менее важные места, как бы подготовляющие восприятие читателя к существенному. Уметь читать — означает, в силу этого, «умение опускать». Да не ужасаются друзья книги: мы чрезвычайно уверены в том, что время толстых, рассчитанных на чтение медлительное, старых книг бесповоротно ушло. Нам некогда их читать. Этот афоризм для нас ничего страшного не заключает. Мы знаем, что из него отнюдь не следует крайний пессимистический вывод о «смерти книги». Книга будет перерождена: давно пора. Спасение придет со стороны читателя, которому, конечно, поможет делатель книги. Читатель научится чтению, то-есть приобретет умение в доступное ему время «пробежать» книгу—не потеряв ничего ценного в том, что в ней есть. Художник книги сумеет обратить его внимание на то, что никоим образом нельзя опустить. Книга есть дорогой друг человечества в его пути вперед. Но обычно под этой фразой молчаливо подразумевает всякий: друг часов отдыха, медленных, не заполненных ничем минут досуга и праздности. Может быть, это и было верно—в прошлом совсем недавнем. Но наша действительность вопиет против такого отсылания книги на задворки трудового дня. Наша мечта—сделать книгу спутником человека во все минуты его жизни. И мечта эта—не утопична. Если наши изыскания на этих страницах достигнут хотя бы в десятой доле той основной цели, к которой направлены они, то новое уважение и интерес к книжному делу будет их результатом...

А. Агин.—Плюшкин из «Мертвых душ».—Иллюстрация-портрет. 1840-е годы.

Искусство чтения, повторим однако, все же остается вне нашей темы. Ибо его проблемы должен решать психолог, социолог, статистик, исследователь духовной жизни и жизни социально-экономической.



А. Шерер.—Иллюстрация к «Ревизору». — Важен общий дух совпадения с писателем.

Нам достаточно констатирования факта, что искусство чтения есть, чтобы перейти к вопросу, который нас наибольше интересует: что же должен сделать художник книги для помощи читателю,— о чем мы уже должны были упомянуть только что?

Вопрос об украшении книги нами ставится, таким образом, в связь с его первичным производственным замыслом, и чтобы не было недоумений у читателя, да будет позволено здесь же указать две возможные точки зрения на эту тему.

Книгу возлюбило человечество любовью до конца прочной. Любовь к книге, «библиофилия», которая порою вырождается в «библиоманию», как это ни странно, ведет зачастую к явлениям и взглядам, в корне противоположным первичной идее печатного искусства. Так, друзьям моим, библиофилам, нечего закрывать глаза на то, что они любят книгу совсем иррационально, не думая о ценности ее содержания, любят ее за ее красоту, редкость, или за те ассоциативные связи, которыми она порою богата.—Помилуйте, эту книгу, этот вот самый экземпляр моей библиотеки, держал в руках Пушкин! Вот пометы его на полях! — Книга самая ничтожная может так стать своеобразным фетишем.—А книга «красивая»! Вот она—в безукоризненном «любительском» переплете, с гравюрами, чистенькая, нетронутая—да разве я позволю, например, дать ее кому-либо на прочтение? Разве я стану вообще... ее читать—сам? От чтения, самого процесса разворачивания и перелистования книги, она ведь неизбежно теряет этот свой нетронутый вид. Да я ее лучше спрячу под девять обложек и переплетов, вложу в одиннадцать коробок, буду из глубин шкафа вынимать только для редкого показывания таким же библиофилам.— И все, что мы здесь описываем, есть явление самое распространенное. Порою даже задумываешься: кто же истинный друг книги—читатель или этот ее собственник? Так диаметрально противоположными оказываются их интересы. Оговоримся еще. Это отношение к книге, как к неживому предмету, который можно взять в руки, полистать, посмотреть, но не больше, есть отношение своеобразно оправданное. Именно оно выдвинуло в книге сторону ее профессионального мастерства. Именно оно ведет к созиданиям музеев книги, где, положенные в стеклянных витринах, старые книги, которые никто все равно бы не стал читать, выполняют свою иную роль—учить делателя новой книги его искусству.

Но наша точка зрения на книгу определена изначала иными принципиальными воззрениями. Мы считаем—открывая какую заново Америку!—что книга прежде всего создана для чтения, и что, поскольку речь идет об участии художника-изобразителя или декоратора в «убранстве» книги, диктоваться его условия должны превалирующими этими интересами потребителя книги.

Разберемся подетальнее.

Иллюстрация к комедии Теренция.—XV в.

II.

В каком отношении нужна читателю помощь при самом процессе чтения?

Ряд чисто условных приемов при передаче речи письмом является началом. Так, сюда относятся все наши типографские значки, вопросительные, восклицательные и прочие. Остановиться, раз став на этот путь, трудно. Испанские книги, как известно, особым опрокинутым вопросительным знаком обозначают также и начало фразы соответствующего построения, чем бесспорно облегчается чтение. Все кавычки и тире относятся сюда же. Но это все—условности письма вообще. Книга, как таковая, должна откликаться на нужды читателя в том пункте, о котором уже шла речь: найти средство для задержания его внимания на наиболее существенном месте, если вообще оно является желательным. Ряд приемов здесь общеизвестен. Так, важные слова могут быть напечатаны в р а з б и в к у, курсивом, иным шрифтом. В старые времена в молитвенниках имя Бога писалось всегда золотыми буквами. Все это достижимо чисто типографским путем. Несколько дальше уводят нас иные приемы. Сравнительно недавно в некоторых местах Европы, преимущественно во Франции, весьма увлекались возможностью откликаться с типографской стороны на содержание текста также и другим способом. Так, вполне серьезно было предложено при описании того, как, например, всходит на лестницу герой повествования, печатать это место строчками неравной длины, которые бы своим внешним видом вызывали в читателе представление о подъеме по ступеням. Можно также чисто типографски передать впечатление морской качки или скачки с препятствиями—стоит только «вырвать буквы слов из-под тирании прямой строки».—Но несколько более приближая нас к основной теме данного этапа нашего исследования, эти попытки не решают всех возможностей ее.

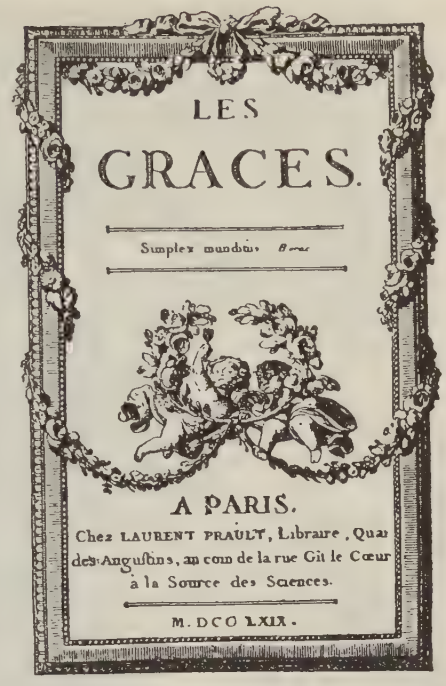
Г. Б. Грин. — «Поклонение волхвов». — 1511. — Гравюра на дереве.

В чем читатель нуждается? Прежде всего в ясной форме, в какую была бы влита содержащаяся в книге мысль. Но достаточно ли для мысли форм речи? Все ли можно выразить словом?

Именно здесь мы и встречаемся с искусством, которому крайне в эстетике не повезло, которое до сих пор не получило себе точных норм, с понятием, в которое вкладывается смысл самый разнообразный. Мы имеем в виду иллюстрацию. Что только ни понималось под нею! Известная работа по психологии искусства, «Эстетика» Р. Гаманна, под иллюстративным искусством понимает все сюжетное искусство вообще. С другой стороны, словоупотребление обычной библиофилии считает иллюстрацией всякое вообще книжное украшение. Нам приходилось раньше неоднократно указывать на всю неправомерность такого расширения понятий. Иллюстрация есть прежде всего выявление средствами изобразительных искусств того, что путем слова выявляется в печати и письме. Вся разница иллюстративного искусства от искусства изобразительного может быть сведена к тому, что иллюстрация так относится к произведению иного искусства, как это иное искусство относится к природе. Писатель, например, описывает в своей книге человеческий тип на основании того, что видел он и слышал, и испытал в личной встрече с природною действительностью. Иллюстратор рисует тип этот на основании данных книги, до конца поверив в несказанную правду художественного образа, созданного книгой. Он может или нет подкреплять свое представление личными наблюдениями над теми же природными истоками, которые вдохновляли и писателя. Мы имеем в истории книжного искусства примеры и того и другого. Типом иллюстратора-художника, который базировал все свое ис-

Р. Кох.—«Поклонение волхвов».—1920.—Гравюра на дереве.

кусство на тексте писателя, является хотя бы известный иллюстратор «Мертвых душ» Агин. Он гоголевского Плюшкина, конечно, не видел в той действительности, которая побудила Гоголя создать именно этот, именно такой образ. Но несравненной убедительности гоголевского текста Агин подчиняется так покорно, что, относясь к произведению литературы как к самой яркой действительности, он рисует скорее не иллюстрацию, а портрет некоего живого Плюшкина, в свою очередь убеждая всех читателей, что иным Плюшкин не мог быть, настолько, что все дальнейшие иллюстраторы Гоголя могли только повторять нарисованную Агиным фигуру [1]).


LES
GRACES.
Simplex munditiis
A PARIS.
Chez LAURENT PRAULT, Libraire, Quai des Augustins, au coin de la rue Git le Cœur à la Source des Sciences.
M. DCC LXIX.

Ж. Моро Младший.—Титульный лист.—Гравюра резцом на меди (верхняя часть) и набор (внизу).

Типом художника иного, который хочет исполнять в иллюстрациях своих работу, параллельную с автором текста, является знаменитый английский рисовальщик Физ (Хаблот Броун), друг Диккенса, который вместе с романистом считал долгом посещать тюрьмы, рынки и школы, трактиры и общественные собрания, и иллюстрации которого к книгам Диккенса в силу этого полны целым рядом наблюдений, которых нет в книжном тексте, подробностями быта, которые делают рисунки ценнейшими историческими документами.

Ясно, какие цели преследует эта иллюстрация. Она дополняет образ, полученный от чтения, четкой формой изобразительного искусства. Неясным у читателя зрительным представлениям она дает осязаемую—организованную—форму. Она организует представления, и через то и сознание читателя. Здесь не перечислить всех разновидностей ее значения. Раньше можно было очень часто слышать голоса, утверждающие ненужность такой (реалистической) иллюстрации. Доля правды в протесте есть. Художник может образ, данный в книге, «воплотить» до такой степени жизненности, что он будет почти тиранически давить на воображение читателя. Слишком «реалистической» поэтому иллюстрация этого типа не должна быть: нет ничего менее приятного, нежели в книге художественного содержания встретить, например, точную фотографию лица, с которого списывал своего героя писаталь. Здесь требования художественной и научной литературы

[1]) Срв. превосходное исследование К. А. Кузьминского «Художник-иллюстратор А. А. Агин», М. 1913.

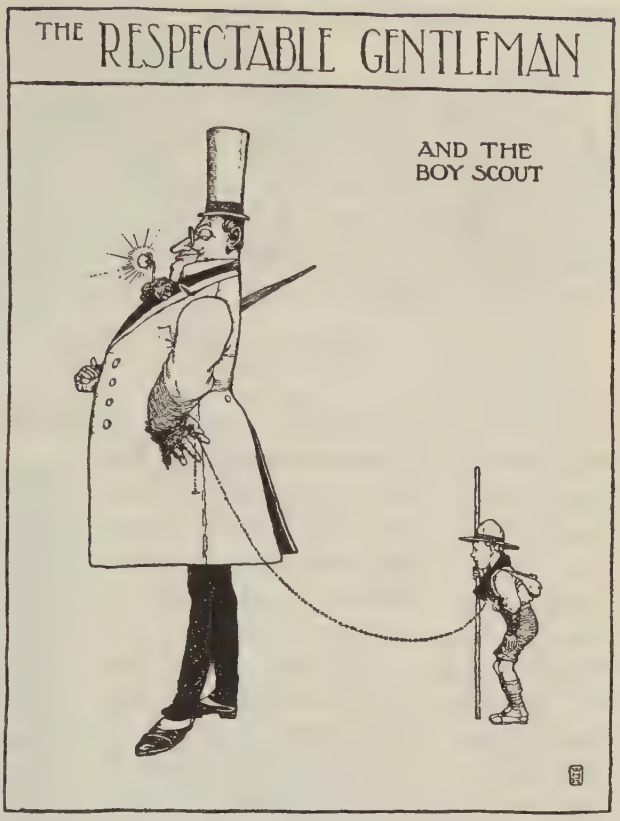
Г. Джонс. — Иллюстрация к стихотворениям Мильтона. — Техническое подражание старой ксилографии. Стремление зрительно передать настроение.

решительно расходятся. Для научной книги иллюстрация должна дать максимальную точность. Для художественной она обязана оставить известное количество «свободного места» для применения собственного воображения читателя. Наука об искусстве знает ведь очень хорошо, что количество испытываемых нами от художественного произведения наслаждений находится в связи с той долей личного нашего творчества, которое мы вносим в восприятие искусств. Но, как и все остальное, воображение читателя нуждается в организации. Именно здесь чудесным руководителем, педагогом, просто другом-толмачом, но и агитатором, но и проповедником может стать иллюстратор. Так, по существу, вся так называемая религиозная живопись является иллюстрацией на темы Библии. Иллюстраторы великих поэтов, как Данта и Шекспира, в свои рисунки вкладывают порою содержание огромного значения, являясь толкователями текста такими, как никакой ученый. А что организация восприятия необходима, доказывается хотя бы совершенно неизбежными повторениями иллюстрирования одних и тех же книг в разные поколения. Гоголя иллюстрировало «реалистически» его время. Наши дни, в «Мертвых душах» и «Ревизоре» видящие ярче всего огромной глубины грусть и скорбь о стране, над которой воцарилась «свинья в ермолке», в иллюстрациях своих неизбежно будут подчеркивать эту символическую сторону Гоголя. С этой точки зрения помещенная на этих страницах совсем недавняя (1920 г.) иллюстрация к «Ревизору» современного немецкого рисовальщика Шерера поражает своей неожиданной остротою. Мы не спрашиваем, как раньше, «какое место» иллюстрирует художник. Наш вопрос о том, правильно ли им уловлен дух литературного памятника.

Понимаемое так, искусство иллюстрации становится неожиданно близким иному большому искусству, театру, от которого также требовали раньше зависимости от литературы. Как и театр, изобрази-

тельная иллюстрация есть искусство, имеющее все права на то, чтобы быть самостоятельным.

Где же осталась за всеми этими соображениями книга? Наше понимание иллюстративного искусства вообще очень естественно заставило нас нарушить рамки книжного организма. Иллюстрация, как художественный принцип, одновременно уже и шире границ книжного искусства. Но, книгой рожденная, к книге возвращается иллюстрация. Вне книги она *не* необходима, хотя, конечно, давно вне книги живут и Фауст и Дон-Кихот, и еще кто из воплощенных в книге до конца героев. Но как «сопровождение текста»[1]) или как его толкование, только в книге иллюстрация оживает своею полной жизнью!



В. Г. Робинсон. — Юмористическая иллюстрация. — Сатира на английскую плутократию.

Какою? Мы почти не говорили до сих пор о том, что, входя в область того чудесного печатного организма, который именуется книгой, изобразительное искусство, если оно хочет быть честным, должно подчинить себя логике книжной формы. Ибо у всякой книги, которая ведь все-таки есть комбинация покрытых печатными буквами бумажных страниц, есть свои границы, которых нельзя нарушать. Так, если в книгу оказывается необходимым ввести рисунок, то рисунок этот никоим образом не должен «убивать» страницу каким-либо ухищрением, хотя бы перспективы, которая возбуждает ненужную иллюзию глубины, или слишком большой пластичности, которая также нарушит плоскость бумаги. Мы неизбежно приходим к требованию некоторой условности для того искусства, которое хочет ужиться в книжном организме. Так, с известной точки зрения, лучшими внешне иллюстрациями, может-быть, навсегда останутся те, которыми

[1]) Термин впервые употреблен В. Ветхольдтом в его «Введении в искусство» (1912, готов. русский перевод).

В. А. Фаворский. — Иллюстрация-заставка к сказкам Бальзака. — Гравюра на дереве.

в изобилии снабжены старопечатные книги. Наш пример иллюстрации XV века к комедиям римского поэта Теренция, переиначенного на немецкий позднесредневековый лад, очевидно, удачно поясняет эти требования. Стоит обратить внимание на диковинную перспективу изображенного города. Дома как будто не уходят вдаль, а лезут вверх. Если мы спросим, зачем — ответом будет (бессознательное) считание с логикой бумажной страницы, плоскости которой нельзя нарушить, равно как и указание на получаемый довольно диковинный линейный узор. А о совпадении с текстом заботятся подписи под ногами действующих лиц, введенные в самый рисунок.

В. Н. Масютин.—Иллюстрация-буква к собственному роману.—Гравюра на дереве.

Поскольку изобразительное искусство идет навстречу книжному содержанию в темах иллюстрации, идет оно — должно было оно итти, подчиняясь единой конструктивной воле чудесного времени — навстречу и самой книжной структуре. Иллюстрация к Теренцию — великолепный пример классической линейной ксилографии, которая ведь допускает, подобно буквенному набору, выпуклое печатание на одном и том же станке. Но все же «Теренций» — гравюра на особой странице и с самым текстом не связана. Эта связь устанавливается совершенно безукоризненно в следующих наших примерах. Вот картинка из напечатанной в 1511 году благочестивой книги «Вертограда души» с гравюрами Г. Бальдунга Грина. Совпадение самого пятна, даваемого ксилографией, с тем, который дан набором, должно получиться естественное и свободное. Правда,

А. А. Экстер. — Рисунок буквы (не знаем, какой). Из «Записок режиссера» А. Таирова.

на счет интереса к теме иллюстрации... «Поклонение волхвов» всем намозолило глаза и нового не дает ничего.

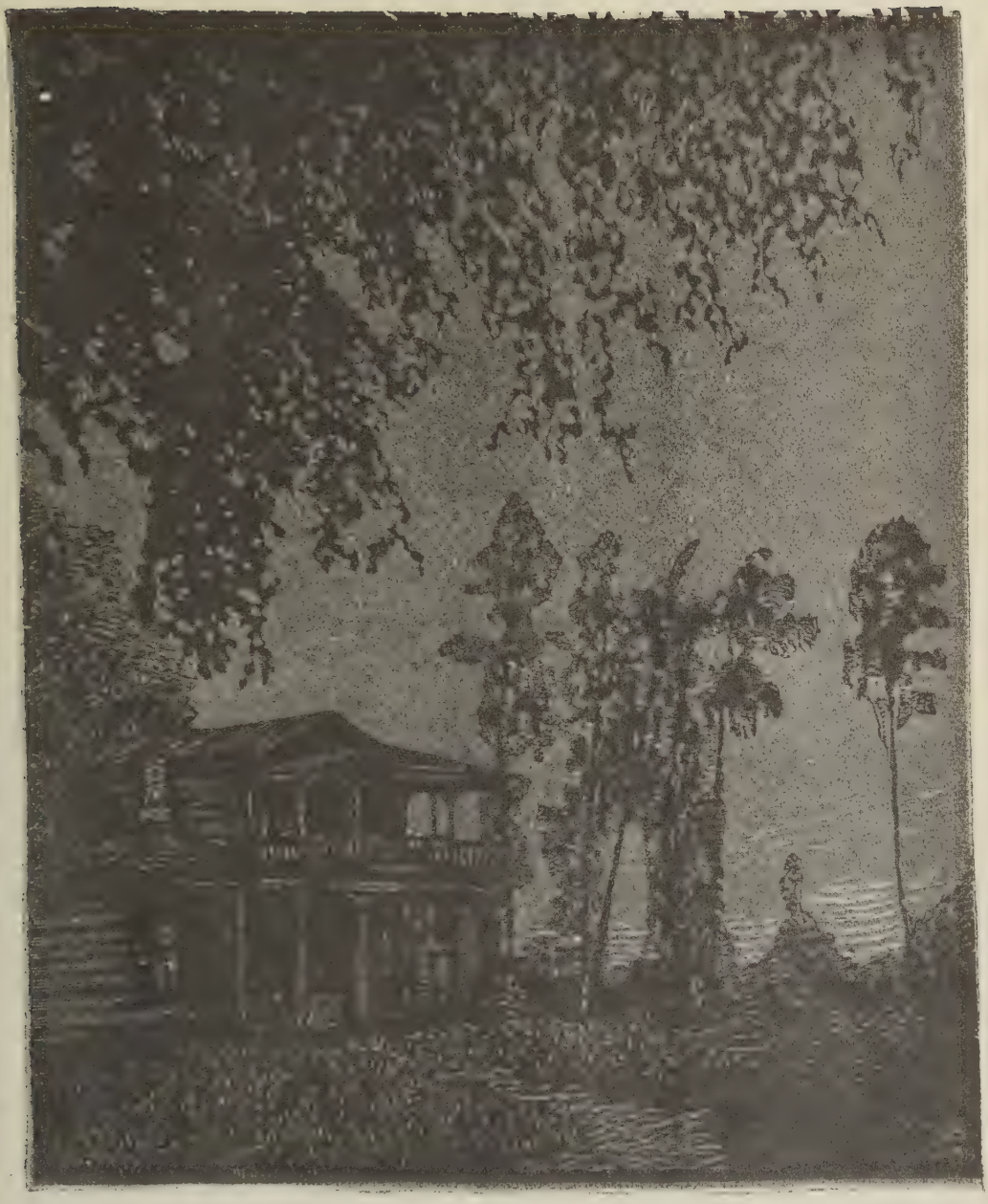
Здесь интереснее пример следующий—самого нового времени—страница с тем же сюжетом, вырезанная на дереве Рудольфом Кохом в 1920 году. Как много утекло воды за 400 лет! «Священная» сцена стала просто декорацией.

Исследованный путь искусства изобразительного к книге был нами прослежен с одного конца,—если можно так обозначить его—идеологического. Совсем иной подход обусловлен тем, библиофильским, который отправляется от книжного украшения, начинает с виньетки и заставки. Здесь необходимо несколько—осторожных—предварительных слов. Да не сердятся на еретика правоверные книголюбы: наше течение рассуждений приводит к совсем особым переоценкам.

Поскольку есть чередование конструктивного и декоративного принципов в течении стилей и мироощущений, вслед за Возрождением начинается время, определенно порвавшее связь между книгой и читателем. Вместо этого последнего мы видим влюбленного во внешность книги изысканного собирателя, требующего от книги не органичности замысла, а всего того «букета» тонких и острых впечатлений, которые только и делали ему приемлемою грубость жизни. Книга неукрашенная—теперь уже нечто немыслимое. В восемнадцатом веке на службу ей призваны все искусство — за исключением единственно, может-быть, нужного умения достигать единства плоти и духа,—не формы и содержания, а трудового процесса и полученного результата. Конечно, книга XVIII столетия безукоризненно соответствует сути времени. Она бесконечно изящна. Каждая буква — шедевр типографского вкуса. Но как чувствуется, что не глаз пытливо-спрашивающего, а, наоборот, снисходительно рассеянного читателя скользит по этим страничкам! Глаз, которому надо развлечься. Глаз, который не может обойтись без заполнения пустого места любой страницы виньеткой-цветком, любовной парочкой, гирляндой, букетом. Культ заставок и концовок идет с этого времени. Никак не связанные с текстом книги, и на форму ее откликаясь не конструктивным вхождением в книжный организм, а дополняя его, подобно тому, как легкомысленная интермедия порою должна была развлечь театрального зрителя в антрактах трагедии,—книжные украшения восемнадцатого века подтверждают свою неорганичность также и своею техникой. Они в большинстве случаев вырезаны в металле, т.-е. требуют совсем другого принципа печати, чем выпуклый буквенный набор. Когда, как в нашем примере титула Моро Младшего, буквы вырезаны тем же резцом, как самая виньетка, единство, и очень прелестное, было бы налицо, но *набор* внизу портит все дело. Но в теле бумажного организма напечатанная особо иллюстрация, вдавленная в бумагу гравюра на меди, заставляют очень сожалеть о конструктивных временах. Как в непреложном зеркале, отражается в книге течение мировой жизни человечества — что поделаешь!

Следствием было—когда вслед за эпохой чистой декоративности в наше время наступила эпоха синтеза,—что от иллюстрации потребовали «декоративности», как и от украшения книги — конструктивности. Может-быть, поэтому книга, как произведение искусства, никогда не стояла на такой высоте, как теперь—там, где умеют ее понимать, где ценят мастерство в книжном делании. Совершенно не случайным оказывается, с точки зрения этих синтетических заданий, возврат XIX века к деревянной гравюре, правда, после реформы гениального англичанина Бьюика. Он добился от деревянной доски новых эффектов путем ее иного приготовления, совершенно изменив впечатление от нее, вместо игры линий давая в так называемой «тоновой гравюре» комбинацию пятен, примером чего могла бы служить помещенная у нас иллюстрация Агина. Время расцвета этого способа, однако, уже позади. Не случайным оказывается, что современные иллюстраторы, как серьезный английский рисовальщик Гарт Джонс, в графике своей, выполненной цинкографически, стремятся к впечатлениям старой гравюры на дереве, а рисовальщик английский с оттенком юмористическим, Гис Робинсон, странным образом перекликается с ранней гравюрой Теренция условностью своих линий, отказом от изображений пространства на плоскости. Иллюстрация может быть одновременно и пояснением текста—не все ли равно, что именно выделяющая,—поэтичность или сатиру; но и украшением книги, радостью для глаз чисто физиологической. Не произойдет ли именно здесь слияние двух противных принципов—конструкции и декорации, о которых мы говорили уже неоднократно?

Наша тема мнится неисчерпаемой. В конце нам хотелось бы остановиться на одном моменте, которого мы еще не касались. На иллюстрацию надо, хочется порою *заставить* смотреть читателя текста. Сделать это абсолютно неизбежным можно только одним путем: слить иллюстрацию с буквой так, чтобы не знали мы, где кончается одно, где начинается другое. Или сделать то же с иллюстрацией и какой-либо заставкой. Нам приятно отметить, что именно эти задачи стояли перед молодым русским искусством. Один из замечательнейших русских иллюстраторов вообще, В. Н. Масютин, в своем примере дает полное слияние буквы и изображенной сцены. В. А. Фаворский, которому также одно из первых мест обязано отвести русское искусство графики, комбинирует иллюстрацию с заставкой. Цель этой последней в общем чрезвычайно проста: неким карнизом увенчать верх печатной страницы, дать предел нашему скользящему по поверхности бумаги глазу. Но почему бы не совместить эту желательную, может-быть, чисто физиологически остановку зрения с тематическим моментом книжного содержания? И если наша проповедь конструктивного «да», сказанного всем разновидностям искусства книги, которое нами в конце формулируется как *искусство для читателя*, имеет под собою реальные основы, то только с покачиванием головы должны мы будем посмотреть на букву, нарисованную талантливой А. А. Экстер: ибо ей нехватает, пожалуй, только одного условия, чтобы быть приемлемой,



НОЧЬ.

правда, условия, которое поистине есть conditio sine qua non—у д о б о ч и т а е м о с т и...

Наши очерки могли бы продолжаться до бесконечности. Наши примеры могли бы быть умножены тысячекратно. Искусство книги—большое и трудное искусство. Ему учиться и его ценить—долг каждого грамотного человека. Даже больше. Ведь и неграмотному кое-что расскажет простая «картинка в книжке». Работа над повышением уровня книжного мастерства да будет признана одною из самых неотложных культурных задач текущего момента.

РУССКИЕ ГРАВЕРЫ.

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ ПАВЛОВ.

(К 35-летию деятельности).

Проф. В. Я. Адарюков.

Суров и жестк стальной резец,
Резец граверного искусства...
Струговщиков.

I.

Нигде в мире не было таких поистине кошмарных, тяжелых условий для развития таланта, как в России, не говоря уже о том, что определенно не допускалась никакая самобытность, никакой выход из установленных рамок совершенно определенного трафарета. Чтобы выбиться на дорогу таланту, вышедшему из народа, нужны были нечеловеческие усилия исключительных талантов, одаренных огромной силой воли, настойчивостью, терпением и редкой выносливостью. Только единицы самородков могли преодолеть все трудности этого тернистого пути и выйти победителями из этой борьбы, тысячи же молодых жизней гибли, не выдерживая невероятно тяжелых условий.

Известно, что ни одна отрасль искусства не представляет таких трудностей, не требует такой усидчивой и упорной работы, как гравирование. С другой стороны, ни один труд в области искусства не оплачивался так мизерно, как гравюра. Достаточно вспомнить, что обыкновенная плата за квадратный дюйм гравюры на дереве была 30 коп. и только в исключительных случаях она повышалась до одного рубля. Профессора за доску, гравированную резцом, требующую целых месяцев упорной работы, получали от 50 до 100 рублей. Люди, выбиравшие себе специальностью гравюру, обрекали себя положительно на полуголодное существование. У нас, в России, только за последние годы графическое искусство начало привлекать к себе внимание художников и публики. Только за

последнее время графическое искусство перестает быть для русского человека официальной формой жизни какого-то совершенно чуждого ему мира. В прошлом в публике, вследствие незначительного развития вкуса к этому роду искусства, царило полное равнодушие, и именно отсутствие интереса, с одной стороны, а с другой—необеспеченность труда были причинами, почему у нас так мало было в прошлом художников-граверов по сравнению с Западом, где словарь Beraldi о граверах одного XIX столетия состоит из 12 томов, давая сведения о тысячах представителей гравировального искусства.

Еще те из граверов, которым судьба помогла устроиться в Академии Художеств, могли себя считать счастливцами по отношению к тем глубоко несчастным, которым приходилось начать изучение этого трудного дела «с мальчиков», отданных в ученье в какое-нибудь гравировальное заведение. Всем хорошо известно, как было в прошлом обставлено это ученье: это была сплошная «голгофа»—беготня целыми днями по хозяйственным поручениям, постоянные побои за малейшую провинность, сплошное недоедание и на последнем месте, так сказать, между прочим,—ученье. Вынести эту адскую жизнь и какие-либо знания из этой «науки» могли очень и очень немногие, исключительно талантливые натуры, к числу которых принадлежит и Иван Николаевич Павлов, 35-летний юбилей художественной деятельности которого исполнился в настоящем году.

Сын николаевского солдата, Иван Николаевич Павлов родился 5 марта 1872 года в местечке Поповка, близ Каширы, Тульской губ. Отец его после военной службы получил место сторожа при строившемся Храме Христа Спасителя в Москве с окладом в 11 руб. 90 коп. в месяц, на каковую сумму он должен был содержать всю свою многочисленную семью, состоящую из 14 человек. В Храме Христа Спасителя работали в то время многие художники и иконописцы, и наш будущий гравер целыми часами смотрел на их работу, мечтая сделаться впоследствии художником, и под влиянием этой обстановки у него зародилась страсть к рисованию. В течение трех лет И. Н. прошел курс городского училища и особенно выделился по рисованию. Его рисунки были одобрены художником Сорокиным, советовавшим отцу Павлова отдать сына в школу живописи; но для этого не было средств, и отец И. Н. определил сына в граверную мастерскую Рихау на пять лет на хозяйских харчах, с тем условием, что отец будет давать сыну одежду и обувь. 1 августа 1883 года И. Н. был определен в мастерскую, где было обещано, что он будет проходить гравюру на дереве и на меди, должен будет работать штампы печати, как обронную, так и рельефную работу, штампы для тиснения и даже гальванопластики. И. Н. Павлов мечтал, что по истечении пяти лет обучения, когда он получит звание «мастера», ему будет всего 16 лет и еще не будет поздно серьезно заняться рисованием. Но в мастерской очень плохо велась «наука»: мастера никогда ничего не объясняли ученикам, и они учились «с глаза»,

ТОРЖОК.

Из серии гравюр „Провинция“.

т.-е. смотрели и запоминали, как надо работать, да и то по вечерам, когда мастера работали сдельную работу, так как день уходил на исполнение мелких хозяйственных поручений. Кой-как научившись гравировать, И. Н. Павлов награвировал «Азбуку-картинку» Дергачева по рисункам И. Панова и все 20 гравюр продал И. Д. Сытину за один рубль. Эту «Азбуку» И. Д. Сытин печатал потом в течение 21 года, вплоть до пожара 1905 года, когда доски сгорели.

Условия жизни «учеником» в мастерской Рихау были все-таки кошмарные: побои за малейшую провинность, систематическое недоедание при постоянной беготне—и И. Н. Павлов, пробыв $2^1/_2$ года, самовольно из нее убежал, не выдержав этой муки. Отец определил его к граверу Денисовскому, у которого Павлов был единственным учеником и даже, вернее, помощником в работе, состоявшей, главным образом, в гравировании прейс-курантов торговой фирмы «Пихлау и Брандт». Видя в Павлове талантливого работника, Денисовский по истечении года предложил ему уже жалованье—5 руб. в месяц. Эти условия И. Н. Павлов нашел для себя неприемлемыми и решил основать собственную маленькую мастерскую. Уговорив отца оборудовать ее, И. Н. взял к себе учениками двух своих братьев Павла и Александра и еще двух мальчиков: А. Д. Порхунова и Максимова. Брат последнего, бывший товарищ Павлова по городской школе, бывший в то время учеником в фигурном классе Училища Живописи и Ваяния, был приглашен для преподавания рисования. Занятия происходили в мастерской целый день: с 8 до 4 час., с перерывом на обед, резали по дереву, а с 4 до 7 час. рисовали с гипсов и натуры под наблюдением Максимова. Сделали объявление об открытии мастерской, и заказы посыпались со всех сторон в таком изобилии, что маленькая мастерская едва успевала с ними справляться. В это время И. Н. Павлов работал в «Ремесленной Газете» Казначеева, в журнале «Судебные Драмы», гравировал календари и прейс-куранты и т. д. Мастерская зарабатывала до 300 руб. в месяц, и И. Н. уже мог служить своей работой весьма существенной поддержкой своей семье. Но живопись попрежнему привлекала внимание И. Н. Павлова, и все воскресенья и праздники он проводил в Третьяковской Галлерее, где частыми посещениями обратил на себя внимание П. М. Третьякова. Восхищаясь картинами В. Е. Маковского, И. Н. Павлов решил попробовать свои силы на исполнении тоновой гравюры с одной из его картин, для чего он обратился к самому В. Е. Маковскому. Последний указал ему на картину «В трактире». С трепетом и благоговением И. Н. Павлов принялся за эту трудную работу, потребовавшую нескольких месяцев упорного труда. Результат получился блестящий,—В. Е. Маковский остался очень доволен исполнением и предложил ему награвировать более сложную его картину «Крах банка». Это был своего рода экзамен по гравированию. По массе лиц, на картине изображенных, и по трудности передачи их выражений, работа эта требовала большого уменья и навыка. Над этой картиной И. Н. Пав-

лов проработал около года и в 1890 году, окончив ее, понес на суд В. Е. Маковскому в Училище Живописи и Ваяния, попав случайно на собрание художников. Помимо В. Е. Маковского, здесь были Е. С. Сорокин, Лебедев и Прянишников. Успех был полный,—гравюры единогласно были признаны превосходно исполненными. Действительно, обе эти гравюры чрезвычайно точно передают манеру В. Е. Маковского, обнаруживают талант несомненный и, смотря на них, никак нельзя сказать, что они исполнены 18-летним юношей-самоучкой. Третьей гравюрой, сделанной И. Н. Павловым в том же году, была картина Архипова «Подруги», исполненная с тем же успехом. И. Н. Павлов рискнул послать все эти три гравюры на конкурс в Петербург, объявленный в 1891 году Обществом Поощрения Художеств. На этом конкурсе ему была присуждена 1 премия в 150 рублей, а гравюры были приобретены журналом «Живописное Обозрение», приславшим Павлову приглашение работать в этом журнале. В. Е. Маковский настолько остался доволен работой Павлова, что рекомендовал его редакции «Всемирной Иллюстрации», для которой И. Н. Павловым была исполнена гравюра «Рыбачки» с картины того же В. Е. Маковского. К крайнему изумлению И. Н. Павлова, гравюра эта не была принята редакцией, гравировка была признана слишком своеобразной, «нарушавшей традиции журнала», что, однако, не помешало впоследствии тому же журналу поместить у себя эту гравюру.

И. Н. Павлов хорошо понимал, что ему нужно было еще учиться чтобы сделаться настоящим гравером. Лучшим гравером на дереве в то время признавался бесспорно В. В. Матэ, но для того, чтобы переехать в Петербург, нужно было ликвидировать свою мастерскую, дававшую доход для содержания всей семьи Павлова. Эта борьба между призванием и долгом осложнялась тем, что отец Павлова, будучи против переезда, решительно отказал сыну в выдаче паспорта. В конце-концов, призвание и известная доля самостоятельности, свойственная характеру И. Н. Павлова, взяли верх, и он решился ехать в Петербург учиться у В. В. Матэ. С одним метрическим свидетельством и письмом П. М. Третьякова к И. Е. Репину 19-летний Павлов поехал в Петербург, не имея там ни одной знакомой души. С трепетом и волнением предстал он пред знаменитым художником. И. Е. Репин похвалил его работы, а когда Павлов показал ему забракованную «Всемирной Иллюстрацией» гравюру «Рыбачки», Репин ему заметил: «Возьмите ее у них и ничего не трогайте, я сейчас дам вам письмо к моему другу Матэ. Поезжайте к нему, он вас устроит, я буду следить за вашей работой».

Знакомый уже с работами Павлова по конкурсу в Обществе Поощрения Художеств, В. В. Матэ взял его к себе помощником и одновременно Павлов поступил в школу технического рисования барона Штиглица вольнослушателем, так как для поступления учеником он не имел требуемого стажа. В школу он поступил в орнаментно-гипсовый класс, а по специальному классу гравюры—к тому же Матэ. В этой

ПЕЙЗАЖ.

школе И. Н. Павлов пробыл $1^1/_2$ года, перейдя затем в школу Общества Поощрения Художеств, где гравирование преподавал Гогенфельден. Состоя помощником В. В. Матэ, Павлов работал у него много вместе с граверами Троицким и Глуховым и нередко работал на одной доске с В. В. Матэ. Работая в качестве его помощника И. Н. Павлов получал у него 25 руб. в месяц жалованья, каковую сумму отправлял целиком своим родным, лично существуя на 17 руб. в месяц—стипендию, получаемую от школы Общества Поощрения Художеств. Необходимость дать образование своим братьям заставляла И. Н. Павлова много работать, и он принимал участие своими гравюрами в «Живописном Обозрении», «Всемирной Иллюстрации», «Севере» и «Родине», а затем и в «Ниве». И. Н. Павлов выписал из Москвы своего брата Павла, определил его в Анненскую школу, а вместе с этим и в школу Общества Поощрения Художеств. За свои работы И. Н. Павлов получил целый ряд наград и премий на конкурсах: так, в 1891 году первую премию за жанр, в 1892 году первую дополнительную, в 1893 году вторую за гравюру с батальной картины Рубо и первую за жанр; в 1894 году две первых премии за гравюры с картин В. Е. Маковского: «Не пущу» и «Политики». В школе Общества Поощрения Художеств он получил малую серебряную медаль за «Боярыню» с картины И. Е. Репина и большую серебряную медаль за «Швейцара» с картины В. Е. Маковского.

В Обществе Поощрения Художеств был поднят вопрос о командировании И. Н. Павлова за границу, но, чуждый всякой рекламы и обладая слишком прямым и самостоятельным характером и в то же время слишком скромный труженик, И. Н. Павлов не сумел во-время использовать свой успех и добиться этой командировки.

II

Прежде чем говорить о достоинствах и недостатках работ И. Н. Павлова, надлежит сказать несколько слов о гравировании на дереве в России вообще и о том, какой взгляд на работы граверов на дереве существовал у нас в то время, когда работал И. Н. Павлов, и какие предъявлялись им требования.

Ни одна отрасль графических искусств у нас так мало не разработана, как история нашей ксилографии. Еще о первом ее до-петровском периоде мы имеем оценку работ, как существовавших у нас отдельных школ, так и отдельных граверов в высокоталантливых трудах Д. А. Ровинского и В. В. Стасова, но дальнейший период XIX века является совершенно не разработанным: мы не имеем ни полной истории этого периода, ни «Словаря граверов на дереве», ни даже простого перечня имен наших ксилографов. Вся библиография этого периода ограничивается несколькими журнальными статьями.

До изобретения разного рода способов репродукций гравюра служила единственным средством для популяризации художественных

произведений, являясь как бы глашатаем других искусств, но вместе с этим гравюра еще с XVI века на Западе имела значение, как самостоятельный и могущественный элемент творчества.

У нас, на Руси, гравирование на дереве появилось одновременно с книгопечатанием исключительно лишь в виде иллюстраций для книг религиозного содержания. Когда гравюра на дереве пришла к нам в отечество, из нее не сумели и не нашли нужным сделать того многостороннего применения, какое было дано на Западе. Подобно книгопечатанию, наша гравюра на дереве в течение почти двух столетий находилась под ферулой церкви, которая, преследуя узко-религиозные цели и смотря на всю светскую литературу, как на «бесовскую потеху», осуждаемую ею наравне со сквернословием, целым рядом положительных запрещений стесняла всякое проявление свободного творчества. На народное художество не обращали никакого внимания, и потому оно не могло живительно и плодотворно влиять на монастырское и церковное искусство, которое с течением времени дошло до простого ремесла. «В продолжение 250 лет своего существования,—говорит Д. А. Ровинский,—гравирование на дереве в России не сделало видимых успехов ни в художественном, ни в техническом отношениях. За все это время у нас не было ни одного замечательного художника, ни одного действительного художественного произведения. При учреждении Академии Наук и Художеств гравюра на дереве была оставлена за штатом. Новых деревянных досок в этом учреждении не резали, а заставки резались при типографиях особым резчиком-мастером, который вырезал и пунсоны для типографских букв».

В XIX веке гравирование на дереве, можно сказать, снова возникло на Западе в новой форме и с новыми приемами, получив огромное применение для иллюстрирования книг и журналов. У нас первый заговорил о пользе ксилографии академик І. Х. Гамель. В интересной речи, сказанной им в 1834 году в Академии Наук и напечатанной в том же году в «С.-Петербургских Ведомостях», он указал на огромную пользу гравюры на дереве и на те усовершенствования в ксилографии, которые были достигнуты английскими художниками, братьями Фомой и Джоном Бьюиками.

В издававшемся у нас «Детском Чтении» с 1833 года начали появляться политипажи из лондонского «Penny Magasin». Развитие ксилографии на Западе сначала было связано исключительно с деятельностью иллюстрированных журналов, и двигателем ксилографии во Франции явился знаменитый, основанный в 1833 году, «Magasin Pittoresque». Именно из этого журнала помещались политипажи в нашем «Живописном Обозрении», издававшемся в 1835 году французом Огюстом Селином в Москве. Этот один из первых наших иллюстрированных журналов просуществовал весьма не долго.

Первым известным у нас гравером на дереве был барон К. К. Клодт, учившийся в Париже у известного Порре, куда он был командирован Академией Художеств при содействии Общества По-

ощрения Художеств. Клодт работал в «Иллюстрации» Кукольника, а при переходе в 1847 году этого журнала в руки Крашенникова и Крылова под редакцией Башуцкого, он стал во главе основанной последним ксилографической мастерской, из которой вышел целый ряд талантливых граверов на дереве: Бернардский, Грейм, Гогенфельден, Кюи, Линк, Дунин, Дерикер, Ратке и будущая знаменитость—первый академик по гравированию Л. А. Серяков.

К этому же времени должна быть отнесена и деятельность баронов Майделя и Неттельгорста, хотя последний занимался как дилетант, но первый специально изучал гравирование у Унцельмана в Берлине и в 1835 году открыл в Дерпте собственную ксилографическую мастерскую. Из числа ее учеников надлежит назвать Александра Герна, Калли, Михельсона, который перебрался в Москву и, не найдя применения своим знаниям, должен был перейти на должность домашнего учителя, и Августа Даугель, переехавшего в 1847 году в Петербург, где он открыл свою мастерскую. Даугель был очень талантливый гравер, известный многими превосходными работами, среди которых особенно известен портрет Лютера, в котором он свободно подражал старинным гравюрам, не придерживаясь строго оригинала.

40-е годы у нас являются расцветом гравюры на дереве, особенно в книжной иллюстрации. Под сильным французским влиянием появился целый ряд чрезвычайно красивых изданий, в которых поражает удивительно красивая архитектурная конструкция страниц текста и рисунка, составляющая с изящно расположенными виньетками и прекрасным шрифтом одно гармоничное целое.

Громкую славу приобрел знаменитый Л. А. Серяков, являющийся у нас первым представителем тоновой гравюры на дереве. Он учился у Best et Leloir в Париже и его работы украшали заграничные издания, как, например, «Magasin Pittoresque» и «Histoire de France» Шартона (1859—1860). В 1868 году им была основана в Петербурге мастерская, где главным помощником был А. И. Зубчанинов. Среди его многочисленных учеников особенно выделились: Кочетова, Михальцева, Попова. А. А. Гаврилова, Кубло, П. О. Борисов, И. И. Матюшин, Г. И. Грачев, Карл Крюгер, Я. Я. Яненко, Н. А. Браун, но самым талантливым из них был В. В. Матэ. В течение 30 лет Л. А. Серяков не знал себе соперников, являясь у нас единственным в своем роде и по своей трудоспособности: лично им было исполнено до 500 гравюр, а в его мастерской до 1000 гравюр, которые отмечались обыкновенно монограммами: «С. и К°».

Большую роль в истории ксилографии у нас сыграло Общество Поощрения Художеств, введя в своей рисовальной школе преподавание гравирования на дереве, учреждая конкурсы и особые денежные премии.

В конце 60 гг. Гоппе, имя которого также неразрывно связано с историей гравирования на дереве в России, объединил всех ксилографов Петербурга в своей «Всемирной Иллюстрации». Заведую-

щий ксилографическими работами в этом журнале Вейерман в течение нескольких лет вызвал из Лейпцига и Штутгарта 12 помощников.

С конца 60 и по 80 годы работали: Барановский, Рашевский, Ольшевский, Шюблер, Флюгель, Броже, К. Вейерман и др. Из числа учеников Л. А. Серякова звездой первой величины является В. В. Матэ, учившийся по окончании Академии Художеств у Паннемакера в Париже и в 1897 году избранный профессором гравирования.

В 1885 году умер Гоппе, и роль «Всемирной Иллюстрации» перешла к «Ниве», которая явилась главной представительницей ксилографии у нас. К сожалению, в прошлом наша ксилография не проникла в народ, где она могла бы плодотворно и живительно сплотиться и слиться с соответствующим национальному вкусу производством лубочных картинок и таким образом получить вполне русский и вместе с тем художественный характер. Даже возродившаяся в XIX веке гравюра на дереве не повлияла на наши лубочные картинки, которые по своему характеру и пошибу продолжали составлять нечто совершенно отдельное и своеобразное в худсжественном мире.

История гравюры на дереве в России еще ждет своего исследователя, но подобно тому, как на трех точках проводится плоскость, так на трех наших лучших граверах: Клодте, Серякове и Матэ, должна быть начертана история нашей ксилографии за последние сто лет.

С изобретением различных фото-механических способов воспроизведения репродукций, интерес к гравюре на дереве падает, особенно это прежде всего выразилось в отношении книжной иллюстрации, где гравюра на дереве заменяется фототипией, автотипией и цинкографией, как более дешевыми и простейшими способами воспроизведения репродукций· хотя нет сомнения, что по глубине, силе и тонкости рисунка никакой фотомеханический способ не превосходит резьбы на дереве для типографского печатания.

С 80 гг. еще поддерживают у нас гравюру на дереве только иллюстрированные журналы, при чем в этих журналах устанавливается совершенно определенный взгляд на ксилографические работы: от гравера требовалась совершенно безличная манера,—фотографически точное воспроизведение картин, ничего лично своего, никакой «свободной» передачи не допускалось, даже малейшее отступление от установленного трафарета встречало неудовольствие. Ярким примером такого отношения может служить следующий случай: Верещагин (Ташкентский) поставил условием, чтобы гравюры с его картин резал только Матэ. Работы последнего были слишком тонки для машин журнала «Нивы», где они помещались, и издатель Маркс, привыкший к ремесленному воспроизведению гравюр, говорил П. П. Гнедичу: «Ваш-то товарищ по рублю берет за дюйм работы и только портит мне весь журнал. Грязные пятна вместо гравюр, а я ничего не могу сделать, так как Верещагин очень доволен!»

СЕЛО ЧЕРКИЗОВО.

Из серии гравюр „Провинция".

III.

Таковы были взгляды и традиции для наших ксилографов в то время, когда пришлось работать И. Н. Павлову, и при борьбе за существование ничего не оставалось, как отвечать требованиям рынка. Работы граверов на дереве всегда оставались в тени, совершенно сводились на-нет. Даже в оглавлениях журналов не находили нужным указывать имена граверов, ограничиваясь именами только художников.

В начале 90 гг. из числа иллюстрированных журналов, помещавших гравюры на дереве, первенствующую роль играла «Нива», и попасть в число тех немногих граверов, которые в ней работали, было очень не легко. И. Н. Павлову это удалось только благодаря его исключительной настойчивости. Попав в число работников этого журнала, И. Н. Павлов предложил его издателю Марксу выпустить специальный номер, посвященный картинам В. Е. Маковского, и в 1895 году вышел № 46, заключавший в себе 20 гравюр работы И. Н. Павлова с картин этого художника.

В № 21 той же «Нивы» 1895 г. И. Э. Грабарь писал по поводу выставки печатного дела: «что касается гравюры на дереве, то она в России находится в довольно первобытном еще состоянии, и если не считать стоящего особняком В. В. Матэ, мало у нас граверов, которые могли бы потягаться с мастерами в этой области на Западе. Лучшей русской гравюрой, выставленной тут, надо считать гравюру с «Запорожцев» Репина и «Графа Толстого в его рабочем кабинете» с картины того же художника. Гравюры чрезвычайно точно передают манеру художника. Так же близко, если не ближе, сумел передать манеру В. Е. Маковского г. Павлов, выставивший исключительно гравюры с произведений этого художника. Он, повидимому, чрезвычайно основательно и добросовестно изучил г. Маковского, и действительно, между его гравюрами есть такие, которые смело могут быть поставлены на ряду с многими иностранными. Лучшая из них «Христос», которую читатели, вероятно, помнят: она была напечатана в прошлом году в «Ниве».

И. Н. Павлов действительно до тонкости изучил В. Е. Маковского и бесподобно передал не только манеру, но даже технику его живописи. За время с 1897 г. по 1898 г. им было награвировано около 70 картин этого художника, при чем некоторые из них, как, например. «Деспот семьи», «Первый фрак» и превосходные по тонкости передачи: «Не пущу», «Политики», «Швейцар» и «Христос», были им гравированы по два раза. Все эти гравюры были помещены в «Художнике», «Севере», «Всемирной Иллюстрации», «Родине», «Живописном Обозрении» и, главным образом, в «Ниве». Издатель этого журнала Маркс был настолько доволен работами И. Н. Павлова, что хотел командировать его за границу с окладом 2000 руб. золотом в год и с обязательством доставлять гравюры исключительно для «Нивы». К

сожалению, болезнь И. Н. Павлова и семейные обстоятельства не дали возможности осуществиться этой командировке.

В школе Общества Поощрения Художеств преподавал гравирование на дереве Гогенфельден, у которого учился И. Н. Павлов. Этот гравер начал свою деятельность в 1858—60 гг. в юмористических листках «Весельчак» и «Гудок», затем работал в Плюшаровской «Библиотеке путешествий», в Баумановской «Иллюстрации» и др. изданиях. В 90 гг. за старостью он должен был оставить преподавание, и его место было предложено И. Н. Павлову. На первую же его лекцию явился деректор Е. А. Сабанеев и стал давать наставления и директивы. Прямой и по своему времени свободомыслящий, И. Н. Павлов был возмущен таким обращением и сразу стал в оппозицию. Борьба была, конечно, далеко не равная, и И. Н. Павлов должен был лишиться преподавания, при чем этот конфликт был одной из главных причин, почему не состоялась командировка его за границу от Общества Поощрения Художеств.

В это время отец И. Н. Павлова лишился места, и И. Н. перевез в Петербург всю свою многочисленную семью и для ее поддержки должен был много и усиленно работать, но И. Н. обладал положительно исключительной трудоспособностью. Достаточно сказать, что к 1901 году, т.-е. за первые 15 лет своей деятельности, им было исполнено 695 гравюр на дереве. Цифра эта, по сравнению с количеством работ наших ксилографов,—положительно рекордная. Из всей этой массы, только 17 гравюр были исполнены им в 1895 году вместе с Мультеновским.

Работы И. Н. Павлова попрежнему отмечаются наградами и премиями; так, в 1895 году на выставке печатного дела за гравюру с картины В. Е. Маковского «Толкучий рынок в Москве» он был удостоен высшей награды—серебряной медали; в 1899 году за превосходно исполненную гравюру с картины А. С. Козакова «У сапожника» он получил первую премию и, наконец в 1911 году Общество Поощрения Художеств присудило ему также первую премию за оригинальную гравюру «Уголки Москвы».

К концу 1903 года у нас наступил положительный кризис для ксилографов: все иллюстрированные журналы перешли на цинкографию, и граверам пришлось заняться разгравированием цинкографических клише. Нужда заставляла работать,—и И. Н. Павлов должен был некоторое время также исполнять эту скучную работу. Но и в ней он, оставляя в цинковом клише только то, что было выгодно оставить, остальное загравировывал ксилографической манерой. Из числа этих работ им было исполнено несколько портретов для Демчинского в «Колевалу» по рисункам Живого. Фанатично любя гравюру и будучи твердо уверен, что она не может окончательно погибнуть, И. Н. Павлов, несмотря на весьма выгодные с материальной стороны предложения не согласился изменить своему призванию и, не находя себе работ Петербурге, решил перебраться в родную Москву, где у издателей А. Д. Ступина и П. Д. Сытина он рассчитывал найти работу.

БУРЯ.

1903 годом оканчивается первый, «петербургский», период деятельности И. Н. Павлова, за который с 1891 г. им было исполнено 366 гравюр на дереве с картин, главным образом, русских художников и преимущественно жанристов, т.-е. наиболее трудных для их выполнения. Все работы этого «петербургского» периода деятельности гравера имеют одну общую характеристическую черту: в них гравер старался как можно меньше вносить своего «я»: чрезвычайно добросовестно изучая каждого художника, гравер ставил себе задачей фотографически точно передать индивидуальные особенности художника, его манеру и технику. Именно такое выполнение и отвечало требованиям рынка того времени. Нельзя не признать, что при огромном мастерстве владения резцом, И. Н. Павлов достиг блестящих результатов.

С 1904 г. по 1909 г. И. Н. Павлов исполняет огромное количество (1384) мелких гравюр для различных изданий Т-ва И. Д. Сытина и А. Д. Ступина, а также принимает участие своими работами и в таких изданиях, как «Александр I» Н. К. Шильдера. После пожара у Т-ва Сытина в 1905 году, когда все доски сгорели, И. Н. пришлось их восстанавливать. В 1909 году И. Н. Павлов был приглашен преподавателем гравюры на дереве в Строгановское училище, где усиленно работал вместе с основателем графической мастерской С. С. Голоушевым вплоть до войны 1914 года. Одновременно И. Н. был приглашен гравером в типографию Т-ва И. Д. Сытина.

В 1909 году И. Н. познакомился с гравированием на линолеуме, и с этого года начинают появляться его многочисленные гравюры на линолеуме, при чем ему принадлежит большая роль в деле популяризации у нас этого материала. Вместе с С. С. Голоушевым И. Н. Павлов подробно и детально разработал техническую сторону линолеумной гравюры, поставив пред ней задачи художественной гравюры. И. Н. Павлов горячо увлекся этим новым гибким и послушным материалом и внес много усовершенствований в новое дело. Между прочим, он стал с большим художественным вкусом применять линолеум для тиснения на тканях и перешел от олифных красок к корпусным, приятным своей матовой поверхностью и сдержанной густотой тона. И. Н. Павлову принадлежит у нас и первое применение печатания гравюр на линолеуме в широком масштабе: именно по его предложению Т-во И. Д. Сытина в 1916 году выпустило календарь-альманах «Царь-Колокол» с 12 видами Москвы на линолеуме в красках работы И. Н. и со статьей Сергея Глаголя «Стареющая Москва» в количестве 20.000 экз. Успех этого издания был огромный, оно разошлось в несколько дней, тогда как прежние издания этого календаря расходились очень туго.

Упорным трудом И. Н. Павлов добивался все больших и больших эффектов в своих гравюрах на линолеуме и с течением времени достиг того, что получил приятный и ровный тон, и некоторые из его особенно удачных гравюр положительно с трудом отличаются от подлинных гравюр, резаных на дереве.

С 1909 г. по 1915 г. И. Н. Павлов напечатал 84 цветных обложек для книг в изданиях А. Д. Ступина и Т-ва И. Д. Сытина.

Любя родную Москву, И. Н. Павлов начал разыскивать и собирать рисунки и фотографии былой, «уходящей» Москвы и поставил себе задачей сохранить в воспроизведениях своих гравюр былую красоту старинных архитектурных крупных и мелких памятников.

Известно, что Москва за последние 50 лет сильно изменилась в своей архитектуре: началось тяготение к новому стилю, пришедшему к нам из Нового Света. С новыми архитектурными вкусами боролась более чуткая часть художников-строителей, и одни из них пытались возродить в новых формах стиль Александровских времен, тогда как другие возводили постройки в духе допетровской старины,—и повсюду Москва меняла свой вид. Сохранить старинные уголки, доживающие свои последние дни: эти особняки Александровского ампира, старинные церковки с их крылечками и колокольнями, эти «дворики». все эти драгоценные реликвии старины—воспроизвести их без всяких отсебятин и хитросплетений и поставил себе задачей И. Н. Павлов. На эту тему в течение шести лет с 1914 по 1920 г. И. Н. Павлов выпустил, помимо отдельных листов, целую серию альбомов: «Уходящая Русь», «Уходящая Москва», «Старая провинция», «Московские дворики», «Уголки Москвы», «Старая Москва» Кроме этого, им был выпущен альбом «Останкино».

Во всех этих гравюрах И. Н. Павлов живописует «уходящую Москву»: церкви, сады, очарование приземистых деревянных построек, крепких старинных амбаров, главы церквей, рисующихся сквозь ветви старых садов, глухую прелесть доживающей свой век провинции Во всех этих гравюрах И. Н. Павлов выказал свое огромное мастерство во владении резцом, уверенную руку и острый глаз. В некоторых особенно удачных гравюрах с большим вкусом расположены цветные пятна и выбраны тона. К числу таких в сюите «Уходящей Москвы» относятся: «Мамоновский павильон», «Донской монастырь», «Георгиевский монастырь», «Особняк Леонтьевых». Некоторые листы в сюите «Старая провинция» отличаются уверенностью обработки, изумляют усидчивой тщательностью отделки, как, например: «Терем Олега в Рязани», «Торговая площадь в Торжке» листы Павлова Посада, «Нижний Новгород», «Рынок» и «Застава в Касимове».

Но, с другой стороны, есть листы и более слабые, как по тонам, так и даже чисто в графическом отношении, как, например: «Кирилловский собор в Рязани», «Церковь Космы и Дамиана в Муроме» и «Вход в древний монастырь» в том же Муроме. В некоторых гравюрах недостает изящества и легкости, хотя грубоватость отчасти искупается твердым рисунком и удачной схематизацией архитектурных очертаний. К числу недостатков должна быть отнесена некоторая модернизация линий облаков и куп деревьев. В деталях Останкинского дворца И. Н. Павлов добился до известной степени непринужденной легкости исполнения и некоторой поэтичности.

ЗИМНЯЯ НОЧЬ.

Как общая характеристика всех этих многочисленных гравюр И. Н. Павлова второго, «московского», периода его деятельности, можно сказать, что за точным воспроизведением старины в этих гравюрах чувствуется, помимо трудолюбивой техничности и мастерства, некоторое фотографическое восприятие в основе работ, хотя бездушное ремесло фотографии отчасти облагорожено и смягчено искусством резца. Во всяком случае у этих гравюр есть одно исключительное достоинство—их документальность, и гравюры эти будут иметь значение подлинных археологических документов.

И. Н. Павлову принадлежит честь изобретения у нас печатания акварельными красками, так называемой им «акватипии». И. Н. Павлов поставил себе задачу: каким способом заменить машинным печатанием часто применяемое раскрашивание гравюр от руки. Он начал изыскивать тот материал, который надо было добавить к акварельной краске, чтобы из этой смеси получить на линолеуме оттиск. Путем целого ряда опытов ему удалось образовать такой состав, который давал превосходные отпечатки, производящие полную иллюзию акварельного рисунка, при чем оказалось, что «акватипия» дает огромное количество совершенно одинаковых отпечатков. Это изобретение было сделано И. Н. Павловым в 1915 году. По свойственной ему скромности и полному неумению широко его рекламировать оно прошло у нас совершенно незамеченным. В числе крупных работ И. Н. Павлова последнего времени надлежит указать на издание, выпущенное им в настоящем году: «Книжные знаки в гравюрах на дереве Ивана Павлова». Это издание, напечатанное на ручном станке, заключает в себе 34 книжных знака, исполненных со свойственным И. Н. Павлову мастерством с собственных рисунков.

Несмотря на то, что книжный знак в России существует более 220 лет, в прошлом русские художники и граверы почти совсем им не интересовались, считая, очевидно, для себя унизительным заниматься их компановкой и гравированием. Только этим можно объяснить, что за все время их существования, до 1902 года, нельзя насчитать более одного десятка книжных знаков, гравированных нашими граверами. Другой причиной, конечно, служит та скромная роль, которую в прошлом играла у нас книга. Только с 1902 года, с момента появления в свет трудов о книжных знаках В. А. Верещагина и У. Г. Иваска, русские художники и граверы обратили, наконец, на них внимание. Но в числе их у нас нет ни одного, который исполнил бы такое их количество, как И. Н. Павлов. Настоящее издание является у нас первым опытом такого рода трудов, в противоположность Западу, где не мало таких изданий, так как там существует целый ряд художников, специально посвятивших себя этой отрасли искусства.

В 1917 году И. Н. Павлов избран был профессором гравирования Высших Московских Художественных Мастерских, образовавшихся из бывшего Строгановского училища, а в 1918 году он вместе

с С. В. Герасимовым преобразовал бывшую школу Т-ва И. Д. Сытина в Государственную Художественную Мастерскую печатного дела, где также состоит руководителем гравирования. Обладая огромным опытом и мастерством и хорошо зная все тонкости техники гравирования на дереве, И. Н. Павлов является чрезвычайно ценным руководителем этого дела.

В настоящем году исполнилось 35 лет деятельности И. Н. Павлова, как гравера исключительно по дереву. За это время им было исполнено свыше 2700 гравюр,—цифра для русского гравера совершенно исключительная. Ни один из наших самых плодовитых граверов за всю свою жизнь не исполнил и половины этой почтенной цифры. Только у иностранных граверов и литографов мы можем встретить подобное количество работ.

В лице И. Н. Павлова мы имеем исключительный у нас пример как трудоспособности, так и фанатичной любви и преданности своему делу. 35 лет упорно и горячо верен он своему скромному и незаметному художеству. Взяв в руки резец в то время, когда гравюра на дереве была популярным способом репродукции, он не выпустил его из рук и в те неблагоприятные годы, когда фото-механические способы почти совершенно вытеснили старинное мастерство; перенеся со стойкостью фанатика годы гонения, он дожил до нового возрождения гравюры. За эти долгие годы скромный труженик, вынужденный отдавать борьбе за существование большую часть времени, никому неведомый, кромс тесного кружка специалистов, И. Н. Павлов неуклонно шел к совершенству и достиг изумительного мастерства. К сожалению, жизнь И. Н. Павлова так сложилась, что не дала возможности развиться в нем индивидуальному творчеству, но у многих наших граверов, очень часто обладающих богатством замысла, именно не хватает того, чем так богат И. Н. Павлов: гибкостью руки, зоркостью глаза, большим мастерством и исключительной трудоспособностью.

К ЛИКВИДАЦИИ ФУТУРИЗМА.

Заметки.

И. А. Аксенов.

I.

Хозяйственная жизнь России в конце XIX века определялась противоречием между потребностью земледелия перейти от экстенсивных форм эксплуатации земельного фонда к интенсивному его использованию, требованьями народившегося промышленного капитала, все

ALOVOK MOCKBЫ.

Из серии гравюр "Уходящая Москва".

более подчинявшего себе капитал торговый, и политикой правительства, поддерживавшего свою финансовую систему путем повышения числа пудов вывозимого зерна, и свою власть—защитой политических форм, свойственных эпохам господства торгового капитала. Результаты такого противоречия между требованиями объективной действительности и субъективными опытами управления страной сказались: в деревне в форме крайнего обнищания, хронического голода крестьян и разорения мелких помещиков, в городе спазматическими подъемами промышленности и длительными кризисами: и финансовыми и производственными. Разоренные и потомство разоренных осаждались в городе: они или выгонялись нуждой из деревни, или не имели возможности убежать в нее из разорившего их города. Общественная группа деклассированных интеллигентов численно увеличивалась с каждым месяцем. Самый характер ее комплектования изменился: раньше она пополнялась выходцами из среды, стоявшей в глазах ушедших из нее людей ниже той среды, в которую они попадали, порвав с отчиной, теперь исход приобретал обратный характер. И дети дворян, пропивших выкупные платежи, и потомки мелких купцов, прикрывших «дело» или влачивших свои дышавшие на ладан предприятия по направлению к братской могиле концентрованного капитала, и родственники жертв банковских крахов, и присные обанкротившихся пионеров промышленности не могли особенно восторгаться переменой своего существования. Новый уклад бытия казался им тяжким, перспективы были мрачные, политический режим, связывавший личную инициативу этих отщепенцев погибавшего патриархального быта угнетал их сознание, времена давно прошедшие казались им золотым сном, настоящее было не верно и действительность слишком зыбкой, неустойчивой и неприятной, чтоб не подлежать скорому исчезновению. Они его призывали. Люди активного характера стали революционерами, пассивные, созерцатели пустились в мистику или в искусство. Если вспомнить, как они учились и какой преувеличенно филологический характер носила гимназия александровской эпохи, легко себе представить, что за характер имели литературные вкусы молодых поэтов того времени.

Привычка к лингвистической тренировке помогла им в легком усвоении чужих языков. Постоянное же пребывание под воздействием греко-римской словесности, обнаружив нестерпимую слабость поэтических форм, господствовавших среди продукций предшествовавшего поколения, заставило их учиться современной поэзии у иностранцев, стоявших и по психике (строй общества экономически депрессированной Франции 80 гг. был им ближе российского быта 60-х, чьи традиции тогда господствовали в качестве идеала) в более близком к ним отношении.

Бальмонт, литературный ученик, а впоследствии наследник поэтической популярности Надсона, скоро перешел от собирания неизданных стихов Апухтина к усовершенствованию некрасовского трехдольника, совершенно испорченного «поэтами невыплаканных слез». Он ввел в него звуковые усовершенствования и пытался разнообразить достаточно убогий словарь предшественника. Новшества его особен-

ными достоинствами не обладали, но по тому времени казались верхом виртуозности. Забывая, что аллитерацией является согласование предударной согласной, он считал однородным явлением слова «близко» и «буря», считая аллитерацией единоначатие. Это явление действительно существует в германических языках, где ударение привязано к первому слогу, но об этом ему в пылу новаторства думать было некогда. Ему надо было успеть еще наработать побольше длинных слов, и он усердно принялся производить отвлеченные существительные от качественных прилагательных. А затем с остатками патриархального коллективизма надо было поскорей покончить и развернуть тот индивидуализм, который выработался в период нарождения промышленной Германии и, кажется, навсегда будет связан с именем Нитче. Работа была не особенно трудная, и легко, сравнительно, воспринималась; удача вносила оптимизм и жизнерадостность в надсоновский, исправленный и подкрашенный метр. Другим было трудней.

Их жизнерадостность стала проявляться потом. Сначала это была определенно мрачная компания. Да и было отчего. Не сегодня—завтра последние остатки земли продаст государственный банк или родители последнего капитала решатся, либо глава семьи не дотянет до пенсии. Все было так превратно в этой юдоли скорби. Привычный быт умирал, мистика и спиритизм находили благоприятную почву у людей, обиженных временной действительностью настолько, что приходилось искать утешения в вечности. Некоторое здравомыслие мешало деятелям начального символизма договориться до Страшного Суда. В лице некоторых своих представителей они даже пытались анализировать причины происходящего в обществе, где живут не от тех благ,

что из почвы идут.
Так кончаются лики столетий,
Самородные лики грядут.

Зато последователи из молодежи прямо и определенно поставили вопрос о необходимости приготовиться к светопреставлению. Андрей Белый, происшедший от Бальмонта в той же мере, как сей последний возник из Надсона, но совершенствовавший манеры учителя, как Брюсов улучшал Случевского,— Андрей Белый в содружестве Александра Блока легко отожествил экономический перелом с тем концом всемирной истории, о котором так многозначительно прорицал великий философ русских восьмидесятников Владимир Соловьев. Вскоре такая тенденция стала господствовать. К ней легко примкнула и старая гвардия бывших надсонианцев. Мережковский, Минский затянули ту же песню, и Вячеслав Иванов прибавил ладану в этот новый «костер мирового слова».

На этом довольно сошлись и старшие и младшие богатыри символизма. И те и другие, за исключением, если не ошибаюсь, В. Брюсова, мира не принимали, а в какой форме его не принимать—было дело второстепенное, тем более, что мир Николай-второйской России шел навстречу прорицателям. Правитель страны решил одним выстрелом по-

валить двух медведей: завоевание Манчжурии, с присоединением Кореи, Монголии и вассализацией Тибета, с японской контрибуцией, спасало систему хищнического земледелия и открывало ценные возможности именитому купечеству российскому.

Надо ли напоминать о той стремительности, с которой символисты ринулись воспевать сперва овладение Тихим океаном, потом и революцию: оба понятия отожествлялись с их эсхатологическими чаяниями. Не успел этого сделать только новоявленный тогда Михаил Кузьмин, но этот поэт имел самостоятельные пути к общему неприятию мира. Это был эстетический гедонизм и коллекционерство. Оно подразумевалось у старших, но не выговаривалось, считаясь делом слегка зазорным. Нужны были опыты филологического коллекционерства Вячеслава Иванова, чтоб любовь Кузьмина к раритету стала простительной и закрыла исхищренностью фразы усовершенствованную систему Бальмонта. Круг символизма определенно замыкался. Революция удалась столь же, как и покорение Азии. Проклятый мир не провалился, надежды на Страшный Суд лопнули. Оставалось принять мир или повеситься. В аудитории символистов многие избрали второй путь. Сами же они, к чести их будь сказано, предпочли первое. Но как быть с почтенной публикой,—море-то ведь не загорелось? Публика сама переменилась.

II.

Не вдруг, конечно: вдруг ничего не делается, и это обстоятельство помогло символистам отпраздновать победу. Их стали читать, хотя критика еще поругивала. Подросли те мальчики и девочки, которых родители в свое время бранили за предосудительное чтение «негодяев» (термин, которым «Вестник Европы» характеризовал Бальмонта и Брюсова), «смрадное идиотство» (определение гамсуновского «Пана» в «Русском Богатстве») и культивирование «непроглядной скуки» (отзыв В. М. Фриче о Саломее Уайльда). Они образовали восторженную аудиторию своим учителям и наперебой раскупали их книжки, благо деньги у них завелись. Это заставило символистов пересмотреть вопрос о негодности мироздания. Трудно ведь человеку не принимать мира, который печатает и покупает его произведения, тем более, что за эпидемией самоубийств началось повальное принятие российского быта и даже более того.

Случилось же это вот как. Сорвавшись на попытке ограбить Азию, имперское правительство, во спасение своей финансовой системы, вынуждено было пойти на поклон к западному капиталу. Аграрные события пятого и шестого года понизили средства баланса утекающего по процентам золота и вывозимого для его возвращения зерна. Понадобились новые займы и их гарантии. Двери для ввоза иностранного капитала пришлось приоткрыть, а он оказался промышленным и потребовал для себя большей свободы. К тому же и местная денежная концентрация, вследствие спешной продажи беспокойных земельных угодий, вела к усилению индустрии. Банки были консолидированы, связаны с иностран-

ными предприятиями этого рода и перестали лопаться. «Сбережения» попадали в верные руки, усложнившиеся имущественные отношения давали хорошую пищу деятельности юристов, техники не могли пожаловаться на безработицу, служба в банках и различного рода конторах была много выгодней государственно-чиновничьей карьеры: вообще свободные профессии оказались делом удобным и достаточно удовлетворительно обеспечивали мелкую буржуазию города, чистую публику, читателей книжек.

Они не только приняли мир, но даже стали считать нехорошим делом его неприятие. Больше того, это неприятие становилось им совершенно непонятным, отрицание быта, проповеданное символистами, тоже не могло находить у них сочувствия. Конечно, быт комедий Островского был для них ненужен: но это ведь была только история, недостаточно далекая, чтоб стать курьезной: нечто в роде неприятного воспоминания.

Проходившая ускоренным темпом перестройка жизни заставляла будущих поэтов современности отзываться на изменения среды с большей поспешностью и бо̀льшим радикализмом, чем это делали старшие. Правда, их еще не печатали, и рукописный текст можно было переработать при случае, но внутреннюю работу для такой операции, тем не менее, проделывать приходилось. У человека искреннего, а мы говорим о поэтах, подобное занятие не может протекать безболезненно: нужно оправдание, хоть в собственных глазах. Оно не замедлило отыскаться: зверь, как известно, бежит на ловца.

То было время, когда Лоренц доказывал свою с тех пор знаменитую теорему и ныне препрославленный Эйнштейн подавал Берлинской Академии Наук свой первый меморандум по теории относительности. Популярные изложения этих новинок стали самым дорогим для молодых поэтов открытием. Эта молодежь не знала еще тогда, что ей придется принять имя еле возникавшей в Италии школы, о существовании каковой в России осведомлены не были. В. Хлебников и Д. Бурлюк именовали себя попросту импрессионистами и печатались впервые в ультра-эстетском издательстве Бутковской, тесно связанном с таким новаторством, как «Старинный Театр».

В. Хлебников, как бы к нему или, верней, к его поэзии ни относиться, является родоначальником всей новой, недавно, а теперь всей современной русской поэзии (не исключая и творчества Демьяна Бедного, хоть я не сомневаюсь, что известный применитель свободного стиха будет крайне изумлен сообщением о такой своей наследственности). Одной из замечательнейших сторон его действия надо считать то обстоятельство, что техника его не претерпела почти никаких изменений со времени его первых напечатанных работ. Да и повествовательно-учительная часть тоже.

Мысль об относительном значении времени приобрела у него характер навязчивой потребности обосновать собственную теорию совпадения двух точек в этой форме познания. Относительность всякого суждения привела к необходимости обосновать практически доказательство

относительности всякого понятия и повела к маниакальному упражнению в придавании любому корневому реченью всевозможных значимостей. Относительность всякого восприятия и ответной на него реакции побудила предпринять работу над созданием всеметрического ритма. Так как это была первая попытка и притом, как видите, довольно всеобъемлющая, то метод ее реализации должен был и естественно стал крайне примитивным. Разложение символизма, ставшее общедоступным методом и упрощенным трафаретом стихописания, могло только способствовать наименьшему сопротивлению новой поэтической линии. Она у Хлебникова пошла от того угла символистской печки, где был приклеен голубкинский барельеф Вячеслава Иванова, и недаром его литературный импрессарио Д. И. Бурлюк в свое время портретировал ивановского вульгаризатора Сергея Городецкого.

Грамматические опыты Хлебникова имеют прецеденты эстетического порядка в работах названных поэтов, его архаизм отмечен их наследственностью и без них был бы невозможен. Его относительность может быть (и бывала) обернута как непринятие мира,—на то она и относительность.

В смысле построения понятий примитивность метода была явной. Брался любой корень, грамматика третьего класса гимназии, ч. I, Этимология, раскрывалась на главе о суффиксах и к избранному для операции корню приписывался этот материал. Таким же путем использовывались флексии и приставки. Это называлось словоновшеством. Так как часть этой семантики претендовала на вытеснение из русского языка «безобразных варваризмов», то речь Хлебникова приобретала весьма диковинный вид и казалась ультра-архаичной.

Ритмическое единство достигалось так: в стих набивали возможно большее количество нейтральных или односложных слов, ударяемость которых оставалась под сильным сомнением, а последующие строчки писались уже в другом метре.

Все это было, как легко усмотреть даже из столь беглого изложения, далеко от теорий Ф. Маринетти. Все это было очень примитивно и наивно. Но именно эти качества привлекли к Хлебникову сочувствие молодежи, впечатлительность которой была утомлена до отвращения утонченным педантством символистов, непосредственным продолжателям коих предоставлялось разлагаться и умирать под различными замысловатыми эпитафиями в роде Акмэизма, Интуитивизма, Эолоарфизма и прочих фракционных заглавий эпигонной поэтики. Молодежь взялась разрабатывать хлебниковский хаос и придавать ему космическое подобие при помощи собственных вкусов и привычек, приобретенных от того символиста, какой данному молодому больше нравился. Никто футуристом еще не назывался. Этого забывать не стоит.

Игорь Северянин был человек невежественный вообще и лингвистически невежественный в частности. Итальянского он не знал, переводов Маринетти на русском языке еще не было, но ему хотелось «называться» чем-нибудь. Футуризм он связывал с личной будущностью и к

мало вразумительному для себя иностранному речению прибавил приставку эго. Теория словоновшества у него развивалась тоже, главным образом, за счет приставок; немного меньше он словотворил в области построения глагола от существительных; особенно эффектный результат получался от такой операции с варваризмами, и вот в этом месте и начинается расхождение двух ветвей молодежи после седьмого года.

Наивность и примитивность эго—футуристов была не меньше, чем у Хлебникова, но она была свободна от последних колебаний мировоззрения: они пришли поздней. Революции они не переживали, и реакция к ним не относилась. Мир можно было принимать безотносительно, он был хорош и сам по себе, как есть. Надо помнить, что внешность наших городов к тому времени изменилась: символисты еще ездили на конках и детские впечатления говорили им о Старых Рядах в Москве и о славных временах питерского Щукина Двора, о стеариновых свечах, о плоских горелках керосинового освещения и прочей российской серости, от которой приходилось утешаться греко-римскими красотами. Но школа современников Игоря Северянина уже не была Толстовской гимназией, и богиня Афродита имела над их конкретной фантазией меньшую власть, чем лакированные ботинки и не менее лакированный лимузин. Поэтизирование этих домашних предметов оказалось делом нетрудным. Почва была подготовлена Михаилом Кузьминым. К нему Игорь Северянин относится, как Хлебников к Сергею Городецкому.

Что касается до ритмической характеристики первого русского «футуриста», то надо сказать, что она последовательно противоположна хлебниковской: в противоположность старшему поэту, Игорь Северянин разнообразит свой трехдольник накоплением большого количества многосложных слов. Этот метод оказался удобнее, стих более плавным и удобочитаемым, место ударного слога находилось легче, и читателю не приходилось его разыскивать, переворачивая строчку на все лады. У Игоря Северянина нашлось более последователей, чем у Хлебникова еще и по этой формальной причине.

Но реакция против несовременности символизма потребовала и переработки поэтического словаря. Людям, которым прилично жилось и которые стали довольствоваться внешним миром, естественно было принять и язык внешнего мира: приближение поэтической речи к повседневному разговору стало одной из задач молодых. На этом пути имелся опыт Кузьмина. За ним пошли, но исправляя и дополняя. Исправлению подлежали остатки миронеприятия, имевшие выражение в стилизации и ретроспективности кузьминской поэтики. Каким бы эстетическим гедонистом ни был автор «Крыльев», безоговорочное принятие действительности, а тем более ее прославление, по его времени было делом слишком зазорным. На все эти проказы он накидывал флер историзма, этой торговой марки XIX века, а если решался говорить о прелестях современности, то делал это прикрываясь курьезом и опять же стилизацией современности, под, скажем, XVIII столетие. Потом можно было прибавить мистики, которая у символистов покрывала и оправдывала

решительно все. Для десятых годов такая жертва была ненужна. У них был свой стиль и лучшего они не хотели.

Высокая пудреная прическа маркизы была легко и безболезненно заменена модной шляпкой кокотки, «шабли во льду, поджаренная булка»—«ананасами в шампанском», страсбургским пирогом и таинственным «коктеблем», очевидно, происшедшем из скрещения коктайля и летней резиденции поэта Макса Волошина. Если героини Грааля Арельского находили удовольствие в распивании эклера, то и читатель, особенно провинциальный, радовался возможности их устами это твердое тело пить. «Все только мелочи», как писал когда-то Михаил Кузьмин. Это могли бы повторить за ним молодые фланеры губернской улицы, покинувшие кинематограф, где два часа под ряд предавались изучению быта высшего света на 20 тысячах метров картины «В когтях развратницы или герцогиня Пантера. Серия Белых рабынь».

III.

Должно ли напоминать, что Игорь Северянин оказался поэтом одной книги? Что усовершенствованный им стих Кузьмина, усовершенствовавшего Бальмонта, порожденного Надсоном, скоро застыл в формуле найденного новшества и слишком поспешно, слишком заметно стал выравниваться в самый неусовершенствованный трехдольник? Стоит ли напоминать, что именно в поэзии эстета Игоря Северянина, первого, кто решился ввести ругательную полемику с Надсоном в стих, этот самый стих перестал существенно отличаться от техники Надсона? Что с ним это случилось значительно скорей, чем с А. Блоком,—это известно каждому его читателю, но не всем понятно.

А причина была та, что со времени выступления Хлебникова, прошел порядочный срок, и промышленный подъем решительно начинал обнаруживать свою искусственность: все эти иностранные предприятия, гарантированные займы, стратегические дороги и экспортные конторы основывались не для настоящих потребностей населения, которое продолжало в большей своей массе беднеть и разоряться. Столыпинские мужички никого не обманывали, кое-кто начинал тревожиться. Поэтому появление Владимира Маяковского на эстраде перестало казаться явлением исключительной возмутительности, и этого великолепного декламатора стали слушать и как поэта.

В ряды интеллигентов он попал путем шестидесятников, но в противоположность им от такой перемены обстановки в восторг не впал. Более того. Городские прелести, очень остро ощущавшиеся его молодыми чувствами, были для него источником великих и всяческих огорчений, терзаний и той обиды, которую не прощают врагу при жизни, да не всегда забывают и после его смерти.

Ранние вещи этого неплодовитого поэта (он читал много и поэтому кажется, что им написано не меньше Брюсова) обнаруживают сильное влияние Блока. Это характерно: Блок был одним из наиболее бесплотных

символистов и наиболее усердным непринимателем мира, даже обходясь без санкции Второго Пришествия. Только Маяковский проявлял больший темперамент, и его требования к Прекрасной Даме были гораздо определенней, чем у Блока, а огорчение развертывалось не в тихую грусть, а в бурный протест, переходивший в протест социальный.

Игорь Северянин был хорош на первых порах, он будил аппетит, а потом приходилось жаловаться Маяковскому, и его влияние на северянинцев росло не по дням, а по часам. Формально, пока молодые люди были еще слишком смирны, чтоб итти за ним по пути протеста, и утешались в других местах: им этого хватало, как и «новой метрики Маяковского», основанной на совершенно небывалом в российской поэзии начале—зрительном. Все гениальные вещи просты. Ударная сторона помянутой метрики особенных усложнений не представляет: она проще и способа Северянина, и методики Хлебникова, к чьей группе примыкал Маяковский. Последний убирал иногда один—два слога из стиха, иногда прибавлял в него столько же. Использование Хлебниковым односложных речений в рифме широко применялось Маяковским для образования этих украшений стиха из групп слов, среди которых только одно несло ударение, место какого определялось по тому целому слову, которое было срифмовано с этим коллективом. Так в рифму попали предлоги и наречия. Но главное новшество было не в том. Маяковский плохо соображал насчет знаков препинания, а стих у него был декламационный. Чтобы отметить перерывы чтения, пришлось заменить предательские запятые, точки и прочие—пробелами и постишной остановкой. Типографически это выглядело так ново, что на это нельзя было не наброситься.

Так поступил Вадим Шершеневич, следуя примеру своего альтер эго—Константина Большакова. Шершеневич был, не в пример прочим, человеком образованным и начитанным: он, повидимому, первый прочел Маринетти, чьи манифесты к тому времени были напечатаны по-французски у Сансо, за счет автора, раздарены с нежными надписями по всему Парижу, и их бесчисленные экземпляры покрывали Сенскую набережную в течение целого сезона. Провинциальная затея не могла иметь успеха в столице, но в провинции, какой являлась Россия, еще не признанная официально за колонию (это было в будущем и на то потребовались героические усилия русских патриотов), дело пошло.

Тем более, что надо было новизны и перемены во что бы то ни стало. Жизнь развивалась с такой быстротой, что даже продолжатели Андрея Белого в «Лирике» чувствовали в этом потребность; по признанию одного из них, в будущем ясно обозначались дыра и труба.

Культ скорости, провозглашенный Маринетти, быстро был усвоен молодежью, а также и новой аудиторией. Начался медовый месяц футуризма. Ругать его переставали даже в толстых журналах кадетов, а публика раскупала любую макулатуру с его штампом. Авто-хозяева и авто-поклонники понимали прелести динамизма: это, впрочем, было единственное из проповеди Маринетти, нашедшее себе применение в русской, так называемой футуристической лирике. Впрочем, она не

только не следовала законодателю Миланской школы, но и находилась с ним даже в вопиющем противоречии.

Действительно, боевым лозунгом лиризма итальянского севера, переживавшего буйный и менее искусственный, чем в России, промышленный подъем, было отрицание всякого архаизма и даже всякого пассеизма, в чем бы и где бы он ни выражался. Хлебников был до последних пределов архаичен и по языку, и по привязанности к древле русским сюжетам, и по преданности истинно русскому синтаксису. Деревенские мотивы были запрещены итальянцами: они преобладают у Хлебникова, процветают у Игоря Северянина и украшают творчество поэтов Центрифуги,—издательства, основанного левой группой «Лирика» и ставшим оплотом позднего вида русского футуризма. Любовные мотивы были очень энергично отвергнуты учениками Маринетти, и читатели Лачербы могут вспомнить открытое и коллективное письмо Маринетти, Карра и К-о, обращенное к Арденго Соффичи, заподозренному в такой ереси, хотя он непосредственно и не писал про любовь, а только про меланхолию. Весь наш футуризм, за единичными исключениями, сплошь эротичен. У позднего футуриста С. Боброва любовная лирика иногда уступает место философии: для итальянского движения это означало попасть из огня в полымя, метафизика была предана позору наравне с любовью, природой и архаизмом. Междометие, которым так широко пользовались миланцы, заполняя им целые четверостишия (Нодье, кстати сказать, составлял из этого рода речений целые главы), было принято в обиход только Вадимом Шершеневичем и то эпизодически, и то в 1915 году, когда идеология русского футуризма совершенно обнаружила свою оторванность от кузенов.

Влияние российской биржи не проникало вглубь мелкой буржуазии города, и поэтому, если последняя и была в общем довольна создавшимся положением, довольна до полной потери желания революции, с которой она до 05 года так мило заигрывала, то довольство это было совершенно пассивно: жертвовать собой за поддержание существующего правительства она ни в коем случае не собиралась, а личному ее благополучию угрозы еще не было. Поэтому она, в противоположность северо-итальянским одноклассникам, не была ни шовинистична, ни империалистична: она хотела только, чтоб ее не трогали. А когда это случилось, то первое ее негодование обратилось на нарушителей спокойного пищеварения в этом лучшем из миров.

Но немцы пробыли в роли злодеев очень недолго,—ровно столько, сколько потребовалось мобилизационным отделам времени для рассылки призывных повесток большей части городского населения. Тогда война стала ужасом и мерзостью. Патриотизм перешел в самоокапывание, идеология новой России путем Земгора процвела. И в то время, как последовательные итальянские футуристы, а таких там оказалось большинство, записывались добровольцами во французские полки (Италия еще не выступала) и агитировали за участие своей страны в великолепной потасовке—наши футуристы писали и читали пламенные проклятия

войне. Исключением был В. Шершеневич, но он был особенным футуристом, да и его классовый антураж был несколько иным, чем среда поэтов, добывавших себе пропитание проводкой электрических звонков, в свободное от музы время.

После изложенного мне, вероятно, не придется слушать упреков за то резкое различие, какое я делаю между двумя поэтическими школами, имеющими общее имя, покрывающее совершенно различные приемы и тенденции, основанные почти одновременно, независимо друг от друга, и порожденные подобными, но не одинаковыми условиями экономического развития двух молодых в хозяйственном отношении стран.

IV.

Повышение личного благосостояния мелкой городской буржуазии бросалось всякому, даже не особенно внимательному наблюдателю быта русского общества в первые шесть месяцев войны. Многим стали доступны такие вещи, о каких им раньше и думать не приходилось: та некоторая оппозиционность, которая намечалась еще в рядах упомянутой общественной группы на первых порах военного бытия, быстро исчезла, и так называемые общественные организации из оппозиционных нечувствительно превратились в архиверноподданные. Роскошь и цветистость городского быта, поэтически преувеличиваемые довоенной риторикой северянинцев, сделались приятной действительностью. Когда процветают идеалы поэта, процветает и поэт.

Так русский футуризм сделался явлением принятым, приятным и в лице одной из своих фракций—даже любимым проявлением словесного искусства. Симпатии распространились и на смежные группы, хотя не всем они совпадали с петербургским бардом в своем отношении к действительности. Игорь Северянин очень хорошо определял свое отношение к серым героям, и восторги его перед наступающими победоносно на Будапешт не мешали ему откровенно признаваться, что сам он не намерен предаться подобному занятию. Разве только, когда все они будут перебиты. Да и то—предложение почтенной публике вести ее на Берлин делалось в форме, не допускавшей сомнений в отказе от такого самопожертвования со стороны симпатичного мужчины. Других не очень слушали, не очень понимали, но принимали к сведению по доверенности Северянина. Потом стали заниматься и ими.

Я уже говорил, что злоупотреблять можно всем. Правительство последнего императора злоупотребило многим, в том числе и эмиссией бумажных денег и возможностями эвакуации канцелярий из оставленных территорий, добившей довоенный транспорт, и терпением христолюбивого крестьянства. Положение портилось, жить становилось трудней, а вкусы уже успели развернуться, аппетиты стали шире, инициатива к личному обогащению давала слишком приятные результаты, чтоб не стать качеством ценным и почитаемым. Вы помните оргии спекуляции, справлявшиеся во всех крупных российских центрах в 15 и 16 годах?

Вы помните кабацкий разгул и вызывающую роскошь кофейных заседаний и театральных разъездов? Если она не била в нос первое время, то потому, что контраст положения других слоев общества на улицу еще не был вынесен. Но когда хлебные и сахарные хвосты, выроставшие у лавок с четырех утра, пересекли поезда разъезжающихся по домам жизнелюбцев, тогда для понимающих стало ясно, чем кончится это беспечальное житье, и жестокие слова Маяковского нашли себе оправдание во взволнованных чувствах некоторых современников. Отмахиваться можно было еще временностью явления и, сваливая все на войну, ожидать и призывать ее окончание, как всеисцеляющий бальзам: поэзия С. Боброва выполняла эту функцию с высокой добросовестностью и непоколебимой убежденностью в своей правоте. Некоторый налет парадоксальности мешал несколько ее широкому распространению, в ней усматривали, пожалуй, по тому времени, кое-что от символистского неприятия мира, но ошибались—поэт этот не отставал от сознания своего класса, а опережал его, кажется, бессознательно.

Потому, что эта группа не переменила своей манеры при крушении монархии, самое крушенье в первые минуты было понято, как ликвидация войны, приветствовано в качестве такого предвестника, но потом благовещение не состоялось и было даже признано ничтожным и не происшедшим. Появилась опасность бо́льшая, чем внешний враг. Благополучию мелкой городской буржуазии, пробравшейся к власти, угрожала сила, которую недавно наш общий друг Ллойд-Джордж определил, как опаснейшую гуннов. С ней надо было бороться, но расхлябанность, пьянство, кокаинизм и проституция, небывалой широты и шикарности, сделали свое дело. Вместо борьбы процвела пассивность и желание наглотаться всем, чем можно, с наибольшим разнообразием и наивозможнейшей быстротой.

Когда волны потопа несколько осели и «родному русскому слову стало опять дело до стихов», литературный мир оказался в довольно странном аспекте. Любимые устои поэзии тех толстых журналов, которые в представлении российского мещанства олицетворяли собой литературу вообще, все эти Андреевы, Куприны, Бунины и вообще—пропали, сгинули, испарились на сторону белых,—в пределах республики советов остались люди, толстому журналу неведомые. Поэзия успела уже стать футуристичной.

И чем более развивалась перестройка, предпринятая Рабоче-Крестьянской властью, тем шире разливалось влияние футуризма. Он нашел питательную среду для своих прогрессивных элементов в окружающей его действительности. Когда футуризм объявлял, что его задача не в создании совершенных немедленно произведений, а в подготовке оснований для будущей поэзии, он находился в полном соответствии с той жизненной программой, которая все усилья направляла к созиданью будущего общества, когда события общественной жизни менялись и следовали друг другу с калейдоскопическим разнообразием и кино-быстротой. Футуризм находился в области своей излю-

бленной динамики, когда язык переполнился новообразованными словами и построение их вошло в привычку, требующую уже теперь введения ее формул в систему грамматики. Футуризм мог видеть в этом явлении реализацию своих исконных заявлений и требований о словоновшестве и словотворчестве. Технически и формально поэзия стала футуристической.

Тем не менее положение футуризма до смешного напоминает положение его врага символизма, после шестого—седьмого года нашего столетия. Он не признан только теми самыми людьми, которые в свое время не признавали и его предшественника, он распространен в той же мере, как и тогдашний символизм; но, как и тогдашний символизм, подвергается фракционному дроблению, в его собственной среде возникают внешне тожественные ему по технике группы поэтов, претендующие на звание новых школ, провозглашающих разнообразные, но быстро забывающиеся программы и определенно отмечающие, что футуризм, как литературная секта перестал существовать, а как литературное движение—разлагается.

V.

Что общеприемлемость какой-нибудь доктрины уничтожает возможность сектантской ее защиты—понятно. Трудней объяснить себе причину разложения победившего литературного метода. Надо обратить внимание на ту среду, из которой вышли, в которой работают и к которой обращаются современные поэты.

Искусство принадлежит к ценностям культурного ряда, а культура создается в результате организационной работы многих поколений господствующего класса. Пролетариат, ныне осуществляющий свою классовую диктатуру, еще слишком мало времени находится у власти для того, чтобы создать свою науку, свое право, свою этику, свое искусство. В этом смысле он еще потребитель. Производят искусство остатки низверженных классов, главным образом, все та же мелкая городская буржуазия. Ее представители и создают стойкие подобия своих чувств, передавая эти модели тем, кто в них нуждается. Что же это за чувства, как живется теперь этой общественной прослойке?

В подавляющем большинстве—плохо ей живется. Не все пристроились на пайковые места, жалованья не хватает, еженедельно грозит выселение, мобилизация того или иного свойства, ежедневно приходится изворачиваться как для избежания помянутых опасностей, так и для простого добывания пищи и дров. Последнее до сих пор невозможно, почти невозможно в легальных пределах, предпоследнее только недавно стало легализованным, под именем покупки излишков. Отсюда, конечно, оппозиционность существующему порядку: дискуссионно-политическая оппозиция: меньшевизм, анархизм, меньше-эсэровство, чуть больше кадетство, еще больше черносотенство и самый неожиданный антисемитизм (до смешного заразивший даже евреев); поэтически: непринятие

мира, вообще, существующего пафоса господствующего класса в частности, то-есть аполитизм, ненависть к принципу организации: принципиальный индивидуализм, своевольничанье; внеполитичный протест—апология бандитизма и упоение рассказами о разбойничьих подвигах; непринятие господствующей идеологии; протест против рационализма—мистика, демонстративная религиозность, появление в стихах и прозе такого осмеянного футуристами литературного персонажа, как небезызвестный Господь Бог и многое в том же роде. Особенно интересна одна подробность в современном укладе жизни исследуемого общественного явления: большинство этих людей живет старыми запасами, распродавая уцелевшее от реквизиций, переселений, вселений и уплотнений имущество, приобретая на него предметы питания, то-есть непрерывно съедая свои средства существования без возможности и надежды пополнить их чем-либо новым в том же роде: такое новое перестало производиться в Р. С. Ф. С. Р., его можно найти только за ее пределами, и крик: «в Москву, в Москву», сменился воплем: «за границу» или даже «в никуда».

Мне пришлось привести не случайно заголовок книги одного талантливого имажиниста, среди продуктов распадения того литературного течения, которое внешне как бы одержало победу на всех фронтах, а теперь умирает, потому что исчезло из его питательной среды то отношение к собственному быту, которое его породило и поддерживало его существование.

Вопреки всем нападкам имажинисты—явление органически связанное с настоящими условиями существования мелкой городской буржуазии. Пусть техника их стихов—футуристична, пусть большая их часть была в свое время в рядах футуристов, пусть некоторые критики обличают их в сплошном или систематическом присвоении до них написанных строчек,—мы знаем, чем живет и питается современный обыватель, мы знаем, какое участие принимает он в производстве страны, мы знаем, как ему приходится использовать нелегальное распределение краденных продуктов для поддержания своей жизни, и поэтому литературные хищения имажинистов только доказывают их своевременность и органичность. Они последовательны и в методах своей издательской деятельности, сплошь нелегальной, и в способах сухаревского распространения своей литературы. Они являются истинными представителями чувств и идеологии всех совбуров, совбарышень и совспекулянтов, не только в шершеневичевском аполитизме, не только в мариенгофской эротике или кусиковской экзотике, но и в есенинской религиозности, в его разбойничьем пафосе, столь милом сердцу любителей кулацких восстаний, и... сердцу бывших народников, ничего не забывших из времен своей грешной молодости и ничему не научившихся в этой области от партийных билетов, украшающих ныне их почтенную старость.

Тот факт, что на ряду с этой старшей группой эпигонов футуризма продолжают возникать, образовываться и почковаться все новые поэтические секты, показывает, что окончательной формулы, объединяющей чувства обывателя, еще не найдено. Жизнь его слишком беспокойна и

превратна, чтоб в ней могло что-нибудь основательно отстояться. Дальнейшие события в области этой поэзии зависят от характера ближайшего развития нашего производства и от тех изменений, какое оно внесет в современный уклад городского быта.

VI.

Ошибочно было бы противопоставлять этому течению группу, известную под именем пролетарских поэтов, в самом титуле которых имеется некоторое недоразумение. Люди, ее образующие, вышли из рабочей среды, но рабочими быть перестали по большей части вот уже несколько лет. Живут они не на фабриках, непосредственного участия в производстве не принимают, и по роду деятельности должны быть отнесены к лицам так называемых свободных профессий, то-есть все к той же городской мелкой буржуазии. Конечно, они недавно в ее рядах, конечно, они считают, что их теперешнее положение выше того, которое они занимали раньше,—не станем с ними спорить по этому поводу, а примем к сведению такой факт и тогда мы увидим, что отношение к происходящему у них должно быть диаметрально противоположно отношению имажинистов, ничевоков, презентистов, экспрессионистов, ледоколистов, вагрампофлейтистов и прочая, и прочая, и прочая.

Оно и является таковым: среда, их питающая, то же иная: это та группа старой и новой интеллигенции, которая ведет ответственную и натурпремированную работу, обеспечена жилищем и топливом, в услугах спекулянта не нуждается, личного запаса всяких предметов обмена не имеет и ни переселений, ни мобилизаций поэтому не боится. Она основательно погрязла в канцелярии и потому обюрократилась, и потому очень ревниво относится ко всякой критике, особенно печатной. Ее оптимизм очень искренен, и не ее вина, если он носит официальный характер. За краткостью своего довольно уединенного существования, она не успела создать культуры, как не успела создать достаточно ощутительного производства. В последней области мы еще находимся в периоде овладения продуктами капиталистического строительства и живем в них, как в реквизованном особняке. Общественный слой, о котором я говорю, еще очень тонок, неоднороден, люди его образующие принесли с собой остатки своего прежнего быта и его навыков, чувства их могут быть объединены и обобщены только в области политики. Перегруженность работой не оставляет им достаточно свободного времени для общения с людьми, а если такое и удается осуществить, то производится оно в узком и тесном кругу товарищей по работе: люди других социальных группировок слишком неприятные собеседники, да и политически опасно их к себе подпускать,—если не напакостят, то карьере повредить могут.

То обстоятельство, что мировая революция развивается с быстротой, вынуждающей Р. С. Ф. С. Р. в деле своего экономического спасения рассчитывать главнейшим, а до самого недавнего времени единственным образом на собственные средства, помогает забывать, что настоящая

ценность нашего государства в том, что оно является единственным участком территории мировой борьбы пролетариата, где низвержен крупный частный капитализм. Все больше забывается средняя буква нашего пентаграмматона, и национализму представляются неожиданные возможности. О патриотизме говорить не приходится: идея государства веками смешивалась с понятием его земельной площади, и победоносная борьба за коммунистические советы ведь только еще протекала в пространстве.

Я остановился с такой подробностью на анализе изложенного социального явления,—с подробностью, которая может показаться излишней, но считал необходимым ее в виду полной неразработанности вопроса и тем несправедливым нападкам, которые за последнее время участились по адресу группы пролетарских поэтов. Нападки эти столь же несправедливы, как и не заслуженны.

Если в период первых выступлений техника пролетпоэтов и повторяла приемы Маяковского, то объяснение такому случаю легко найти в неуравновешенности структуры того общественного слоя, в котором протекала поэтическая работа этих лиц, и вызываемым подобным обстоятельством динамическим направлением формы. Надо указать и на то, что Маяковский был единственным большим поэтом, в те дни безоговорочно повернувшим на путь мировой революции вообще и на дорогу советского строительства в частности. В настоящее время поэты «кузницы» все более поворачивают в сторону изобразительных приемов символизма. Что они вынуждены быть эклектиками, кажется, достаточно ясно показано выше, но необходимость их отхода от футуризма требует некоторого пояснения.

Мы видели, как футуризм, правда, постепенно перешел из должности поэзии будущего на амплуа поэзии настоящего, к чему его привела его диалектическая антитеза символизму в отношении к миру. Я указал также и на то обстоятельство, что среда, в которой развивается поэзия интересующей нас группы литераторов, отличается замкнутостью. В силу отмеченных мной предпосылок всякого поэтического начинания у наших лириков эта замкнутость должна приобрести особенный, доходящий до агрессивности отпечаток. Так оно и есть в действительности: они замкнуты не только в организационном смысле, не только в своих коллективных выступлениях, когда они избегают появляться на трибуне, обмирщенной чужими и погаными предшественниками, но и в самых выражениях своих чувств, в самом выборе тех своих треволнений, которые им приходится выражать ритмически. Если наши потомки захотят составить себе картину жизни республики наших дней и обратятся для этого к писаниям пролетарских поэтов, в виду программного заявления последних об их принципиальной привязанности к действительной жизни, получится такая идиллия, перед которой Теокрит покажется Гартманом, и исследователь погрузится в глубочайшее недоумение, буде он не лишен иных источников исторической характеристики современной нам эпохи. Пролетарский поэт обязан писать оптимистические стихи во всяких обстоятельствах, ибо он окружен врагами, которые будут радоваться малейшему выражению беспокойства с его стороны. Таким образом, эта

поэзия оставляет ряд чувств и ощущений современного нам поэта пролетария без воплощения: она даже и для этого слоя новой интеллигенции является недостаточно емкой, но в неискренности ее обвинить нельзя. Вместе с тем ряд ограничений, о которых пришлось упомянуть, образует своеобразное отношение к действительности, в силу которого добрая ее половина, если не больше, оказывается за пределами поэтического наблюдения или изображения. Получается положение, обратно повторяющее позицию имажинистов с компанией: другая, но вполне аналогичная форма обновленного непринятия мира. Не даром теория предпочтительности образного письма, защищаемая имажинистами, нашла своих последователей среди теоретиков пролетарской группы, не случайно также и все усиливающееся тяготение той же группы к символистической форме.

Изложенное заставляет меня видеть и в пролетарской поэтике нашего времени только поэтическую секту, не имеющую шансов сохранить свои родовые признаки ко времени создания нового литературного движения, которое возможно только при условии большего уплотнения и большей однородности тех социальных слоев, что в данное время участвуют в культуре страны. Их теперешняя структура, недостатки и болезни коренятся в тяжелых условиях нашего производства.

Чем больше усилий будет приложено всеми к созданию его подъема, тем скорей исчезнет и уродливая пришибленность, и безобразная исковерканность наследников старой городской интеллигенции, тем скорей изживется канцелярская замкнутость и бюрократическое изуверство интеллигенции новой, тем скорей появится возможность к созданию истинно жизненной и действительной поэзии, равной в своих достижениях величию поставленных нами задач и перенесенной за них борьбы.

Выполнение такой работы выходит далеко за пределы литературы вообще и поэтической критики в частности. Но та жизнь, которая создает революцию на всей поверхности земного шара, тоже переходит и уже перешла все пределы не только возможных классификаций, но и возможных предвидений. Легкомысленно поэтому было бы пробовать определять характер новой поэтики. Проще и полезней сознаться в полном своем к тому бессилии. Но если мы не можем предсказывать, то мы не смеем запретить себе желания ее увидеть, и от нас, а не от кого другого, зависит возможность приблизить к себе эпоху ее осуществления. Каждый новый станок, пущенный в ход, приближает ее к нам больше, чем каждый новый сонет; каждая загоревшаяся домна делает для будущей поэзии больше, чем самая совершенная по технике или по чистоте идеологии поэма; каждое проснувшееся от спячки веретено—больший вклад в поэзию будущего, чем самый благозвучный стих.

К мыслям такого порядка нас приводит исследование любого явления современности, и если мне сейчас приходится говорить о примате станка над стихом, то только потому, что я отправлялся от стиха в моем изложении. Мы живем в настоящем, но живем будущим и мы хотим и должны стать его участниками.

АПОЛЛОН. Из серии гравюр „Останкино".

ИЗ НОВЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ШЕКСПИРЕ.

Новая гипотеза об авторе «шекспировских» произведений.

В. М. Фриче.

I.

Шекспирология обогатилась еще одной попыткой решить «величайшую литературную проблему»—the greatest literary problem of the world—как бэконианец Бакстер назвал проблему об авторе «шекспировских» произведений! Ныне даже консервативная английская шекспировская критика вынуждена признать, что «шекспировский вопрос» существует, что он—не праздная выдумка помешанных на сенсации ловкачей американского типа. Симптоматичными в этом смысле являются три статьи в таком отнюдь не «революционном» журнале, как «Nineteenth Century and after», в 1917 г. Авторы двух из этих статей, Кросс и Хорман, готовы согласиться, что сомнения в правильности ортодоксального взгляда не лишены основания, а третий автор—Симпсон идет еще дальше и заявляет, что творцом «шекспировских» произведений был, конечно, не актер из города Стрэтфорда, оставляя в то же время открытым вопрос об их подлинном творце.

В итоге новейших разысканий в этой области шекспировская критика разделилась в настоящее время на следующие группы.

1) Ортодоксы, правоверы, стрэтфордианцы—их все еще большинство.

2) Старобэконианцы, считающие автором Фрэнсиса Бэкона.

3) Новобэконианцы, приписывающие эти произведения брату Фрэнсиса Бэкона, дипломату Антони Бэкону (Альвор).

4) Рэтлэндианцы, доказывающие, что автором был гр. Роджер Мэннерс Рэтлэнд (Блейбтрен, Бостельмэн, Демблон).

5) Агностики, решительным образом возражающие против авторства Шекспира, но оставляющие вопрос о подлинном авторе открытым (Гринвуд).

Ко всем этим разнообразным течениям в области новейшей шекспирологии в самое последнее время присоединилось еще одно, столь же «еретичное», с ортодоксальной точки зрения, как и мнение бэконианцев и рэтлэндианцев,—гипотеза, гласящая, что творцом «шекспировских» произведений следует признать *Вилльяма Стэнли*, шестого *графа Дерби*.

Нерешительно, скорее в виде намека, эта гипотеза была впервые высказана Джемсом Гринстрит в ряде статей, помещенных в журнале «The Genealogist». Знакомя читателей с биографией и личностью дотоле неведомого аристократа - писателя гр. Дерби, Гринстрит подчеркивал некоторое странное сходство между ним и Шекспиром, однако не делал отсюда вывода, что имя «Шекспир» было псевдонимом гр.

Дерби. Этот вывод сделал французский ученый Лефрен (Lefrane), много работавший над этим вопросом и в 1919 г. опубликовавший результаты своих изысканий в двухтомном исследовании, озаглавленном: «Под маской Шекспира. В. Стэнли, VI граф Дерби» (Sous la masque de S. W. Stanley, VI Comte de Derby).

Как сделал Лефрен свое «открытие»? Перелистывая опубликованный в 1869 г. Colendar ot State Papers (t. CCLXX), он натолкнулся на ряд интереснейших писем, писанных в 1599 г. агентом - католиком Феннер. Это была эпоха, когда католическое дворянство Англии готовило восстание против Елизаветы. Заговор поддерживали католические правительства континента. Их агент—Феннер—и должен был докладывать им о настроениях английской знати. Центром заговора предполагалось сделать Вилльяма Стэнли, гр. Дерби, однако на него нельзя было «рассчитывать», ибо—как докладывал Феннер в своих донесениях в Антверпен и Венецию—граф живет уединенно в одном из своих поместий и всецело ушел в работу над *пьесами для комедиантов* (is busyed only in penning comedies for the commonplagers). Так как ни в 1599 г., ни после этой даты *под именем гр. Дерби не появилось никаких пьес*, то не он ли скрывается под псевдонимом «Шекспир», раз после разрушительной критики «еретиков» из шекспиристов не может быть сомнения в том, что актер Шекспир из Стрэтфорда только подставное лицо—deputy—для подлинного автора?

II.

Старая аристократическая фамилия лордов Стрэндж, графов Дерби, была в XVI в. представлена двумя братьями. Старший—Фердинандо (имя, несколько раз встречающееся в «шекспировских» пьесах) родился в 1559 г., окончил Оксфордский университет, играл заметную роль при дворе Елизаветы, покровительствовал поэтам Грину, Чанману, Нэшу, был сам поэтом, *произведения которого до нас не дошли*, за исключением одной пасторали, помещенной в сборнике «Belvedere or the Garden of the Muses»[1]), покровительствовал не только поэтам, но и актерам, содержал лучшую тогдашнюю труппу (бывш. труппу Лейстера), к которой (с 1588 г.) принадлежал актер В. Шекспир, и умер насильственной смертью, отравленный в 1594 г. Брат его, Вилльям Стэнли, на которого заговорщики—дворяне возлагали надежды, как на главу восстания против Елизаветы, но на которого, по словам агента Феннера, рассчитывать, однако, не приходилось, ибо он писал пьесы для актеров,—был моложе брата на два года. Он окончил Оксфордский университет, много путешествовал (с 1582—1587 г.), посетил Францию, северную Италию, Германию (Виттенберг?), побывал даже в России, если верить со-

[1]) Часть серии книг, вышедших, повидимому, из лич. кружка гр. Эссекса под редакцией Бодингема. Кто это,—неизвестно. Очевидно, тоже псевдоним. См. Alvoz: A. Bacon.

временной брошюре о нем, как о некоем легендарном путешественнике (A brief account и т. д.). Как и старший брат, он был любитель театра, и в его замках Лэсэмгоуз и Ноусли в Ланкошайре пребывало—как видно из расходных книг—не мало трупп, среди них и труппа брата, при чем последняя в 1587 г. (в июле), совершив маршрут Бас—Глоустер—*Стрэтфорд на Ноне*. А именно в 1587 г. Шекспир покидает родной Стрэтфорд, чтобы потом объявиться в Лондоне в качестве актера—не в этой ли труппе он и начал свою «артистическую» карьеру?

В 1594 г. Вилльям Стэнли поступил в юридический колледж Lincoln и в том же году, после смерти брата, получил титул графа Дерби. В продолжение многих лет пришлось ему вести с вдовой брата процесс из-за наследства, и во время этой тяжбы обе стороны неоднократно обращались за содействием к Фр. Бэкону. В 1595 г. гр. Дерби женился на Елизавете де Вир, блестяще отпраздновав свою свадьбу. Занимая ответственные административные посты, он должен был участвовать в военной экспедиции гр. Эссекса на Азорские острова и фактически участвовал в его ирландском походе в 1599 г. вместе с графом Соутемптон и Рэтлэнд. Сосед по имению придворной фрейлины Мэри Фиттон, друг гр. Г. Пемброк, одно время жениха сестры его жены, гр. Дерби в 1610 г. выиграл процесс у вдовы брата, после чего его материальное положение значительно улучшилось. С 1623 г. он жил в уединении и умер в преклонном возрасте в 1642 г.

III.

Предположим на мгновенье, что именно гр. Дерби и есть автор «шекспировских» творений—тогда удовлетворительно в них могут быть объяснены следующие подробности.

1) Близкое знакомство поэта с аристократическим миром, в частности, если прав Sarrazin (aus Sh. Meisterwerkstatt), сходство Виолы и герцога из «Двенадцатой ночи» с Мэри Фиттон и гр. Г. Пемброк.

2) Университетское образование поэта, его тяготение к «университетскому» жанру драмы, к какому относится, до известной степени, и «Гамлет», поставленный в Кэмбриджском и Оксфордском университетах, с таким характерным, в данном случае, отрывком, как отрывок о Дидоне, с утверждением Полония о том, что он в студенческие годы играл Цезаря, убиваемого заговорщиками, при наличии такого факта, как постановка в 1582 г. в Оксфордском университете пьесы Caesar interfectus, о чем могли помнить только бывшие студенты или оригинал Полония, лорд Берлей, а отнюдь не актер Шекспир.

3) Юридические познания поэта (о них из новейших работ см. Shakespeare's England, т. I.) и знание обычаев Lincoln (см. «Генрих VI», ч. I).

4) Знакомство поэта с такими местностями Франции, как Тур, Орлеан, Анжер, Блуа (см. «Генрих VI»), и с двором Генриха Наваррского (см. «Бесплодные усилия любви»).

5) Знакомство поэта с городами северной Италии (из новейших работ на эту тему см. статью Sullivan в «Nineteenth Century» 1918 г. № 1—2).

6) Знакомство поэта с естественно-научными трудами Бэкона.

7) Знакомство поэта с военным бытом, с Ирландией («Генрих V»).

8) Интерес его к английской истории, в событиях которой род графов Стэнли-Дерби сыграл не малую роль (см. «Генрих VI», ч. II и III; «Ричард III», где фигура Томаса Стэнли занимает больше места, нежели в хронике Голинтеда, и где Т. Стэнли венчает Генриха VII, так что вся пьеса сводится к апофеозу не только Тьюдоров, но и фамилии Стэнли, после этого получившей титул графов Дерби).

9) Знакомство поэта с мифологическими пьесками, которые ставились в дни Пасхи («Два веронца», «Зимняя сказка») и в Иванов день—ремесленниками («Сон в летнюю ночь»), именно в Честере, находившемся по соседству с имением гр. Дерби.

10) Примирительно-праздничное настроение таких пьес, как «Цимбелин» и «Буря», написанных около 1610 г., объясняется, быть-может, тем, что в 1610 г. гр. Дерби выиграл свой процесс с вдовою брата и состоялось примирение двух враждовавших фамилий (уже Монтегю указал, что эти пьесы были созданы специально по поводу такого примирения двух семейств из великосветского общества).

11) В «Буре» выражен взгляд на магию, противоположный ходячему отрицательному мнению тогдашних английских драматургов, а именно, рядом с «черной» магией (Сикоракс) поставлена магия «белая» (Просперо),—взгляд, совпадающий с взглядом придворного звездочета Елизаветы Джона Ди, стоявшего, как видно из его дневников, близко к гр. Дерби. И, конечно, только высокопоставленный аристократ мог отважиться в дни царствования Якова, гонителя чернокнижия и ведьм, защищать публично магию.

12) Между тем, как в истории Бельфэрэ, послужившей источником для «Гамлета», Фенго убивает короля во время пиршества мечом, дядя Гамлета о т р а в л я е т его отца. Почему? Если принять во внимание, что в первом inquarto «Гамлета» шут Иоррик умер 12 лет назад, а во втором—23, то возможно, что первое было написано в 1593—1594 г. (ибо второе вышло в 1604), а в 1594 г. брат гр. Дерби умер—о т р а в л е н н ы й.

13) Поэт хорошо знал валлийские типы, нравы и даже наречия, не потому ли, что имение гр. Дерби граничило с этой местностью.

14) Язык поэта—северо-английский, язык Ланкашайра, откуда родом и был гр. Дерби.

Опускаем ряд менее существенных мелочей.

Объясняя не мало подробностей в произведениях «Шекспира», необъяснимых с ортодоксальной точки зрения, гипотеза Лефрена лишена тех трудностей хронологических, которые вырастают перед сторонниками гипотезы о гр. Рэтлэнде, особенно если принять во внимание

тенденцию новейших шекспиристов относить даты «шекспировских» произведений все дальше назад.

Но и сна не решает «величайшей литературной проблемы».

Так,—один пример—Лефрен вполне основательно утверждает, что «датский» колорит второго «Гамлета» предполагает личное знакомство поэта с Данией, но как раз в Дании гр. Дерби, повидимому, не был. А затем—как объяснить, почему гр. Дерби после 1612 г. как поэт подает в отставку, тогда как он прожил еще 30 лет. И, наконец, в посвящении полного собрания сочинений Шекспира все же сказано, что автор в 1623 г. уже не был в живых.

Не разрешая «величайшей литературной проблемы», исследование французского ученого, однако, снова—рядом любопытнейших мелочей—ставит вне сомнения, что творцом этих произведений не был и не мог быть актер Шекспир, вместе с тем делая вероятным, что автором некоторых из этих пьес мог быть гр. Дерби (напр., «Бесплодных усилий любви»).

Исследование французского ученого усиливает, таким образом, позицию той группы шекспиристов, выше не упомянутой, которая усматривает в произведениях «Шекспира» такой же коллективный труд, каким были гомеровские поэмы (см. White. Our english Homer).

И, во всяком случае, кто бы ни был творцом или кто бы ни были творцы этих произведений,—искать их надо—как это и делается—в среде английской знати, литературно-одаренные члены которой, не желая «скомпрометировать» себя своим писательством, не желая «закрыть перед собою дорогу к высшим государственным должностям» (слова Клеримонта в недавно переведенной комедии Бен Джонсона «Эписин»), вступали, по словам другого современника «Шекспира»—Грина (Farrewell to Folly), в «соглашение с каким-нибудь Батилом» (плохоньким литератором), дабы он «подписывал их стихи своим именем», как подставное лицо, как deputy, каким и был актер Шекспир для некоего великого незнакомца или для группы таких талантливых анонимов из среды английской аристократии елизаветинской эпохи.

ГАЗЕТА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ.

Вл. Виленский (Сибиряков).

Печать в современном Китае лучше всего отражает те большие социальные сдвиги, которые произошли в нем в течение последних десятилетий, под напором революционных сил, бушующих по сие время в миллионных толщах просыпающегося Китая. В ней, как в зеркале, отражаются те новые общественные группировки, которые сейчас кристаллизуются и складываются в китайской общественности.

В ней же нах дят свое отражение и те идеи, которые двигают и питают происходящую в современном Китае ожесточенную борьбу за власть, за привилегии, за справедливость и т. п., что выдвигается с разных сторон борющимися группировками и партиями, заявляющими о своем существовании.

Китай пережил основательную революционную встряску которая и превратила его из монархии в республику Но власть оказалась в руках милитаристических групп, которые в своем большинстве оказались игрушкой в руках империалистической Японии. Это особенно сильно сказалось в приложении к северному полуфеодальному Китаю, где традиции манчжурской династии Дай-цинов еще сильно давали себя знать в тенденциях и стремлениях к реставрации. Против этих тенденций и выступил более втянутый в сферу международных торговых отношений промышленный Юг Китая—колыбель нарождающейся китайской буржуазии. Отсюда и идет та нескончаемая борьба между Югом и Севером в Китае. В эту борьбу оказалась втянутой вся китайская интеллигенция, особенно молодежь, представляющая собою молодой Китай, и это повело к тому, что на ряду с оружием, которое находилось в руках милитаристов, на арене борьбы все больше и больше начала занимать почетное место и печать—этот могучий фактор человеческой культуры.

Число периодических изданий в Китае (газет и журналов), выходящих в настоящее время в разных городах, достигает до 800. Из них две трети являются китайскими. В последние годы отзвуки мировой революции, несмотря на все усилия Антанты и особенно Японии, в качестве доверенного лица, спекающего современный Китай, в последний стали проникать «новые идеи». Это повело к тому, что китайская печать начала не только заметно пропитываться этими новыми идеями, но и обогащаться большим количеством либеральных и даже радикальных изданий, имеющих целью ознакомить китайское общественное мнение с социально-политическим движением в Европе.

Наиболее крупными центрами, по числу выходящих в них периодических изданий и по тому влиянию, которое эти органы печати оказывают на китайскую общественность всего Китая, являются: Пекин, Тянь-Цзин, Шанхай и Кантон. Популярные периодические издания, печатающиеся в этих городах, расх дятся буквально по всему Китаю достигая самых отдаленных углов Китая в оригиналах или в виде перепечаток в провинциальной печати. Распространению газет и других произведений печати много способствует образцово поставленное почтовое дело в Китае, налаженное французами. Кроме того, этому способствуют ученические организации, имеющие в каждом провинциальном городе, а равно и в деревнях, бесплатные читальни, которые делают газету доступной китайской массе.

Еще года четыре тому назад все периодические издания в Китае выходили на так называемом литературном языке. Для чтения газеты на литературном языке необходимо быть очень образованным челове-

ком, т.-е. знать не менее 12—13 тысяч китайских иероглифов и соответствующее количество литературных выражений. Четыре года тому назад усилиями профессора Пекинского университета доктора Ху-ши произведена целая революция (в либеральных китайских кругах так и окрестили «литературной революцией») путем введения в печать разговорного языка, где для понимания и чтения газеты нужно всего от 3 до 5 тысяч иероглифов, что делает книгу и газету доступной китайскому пролетариату. Сейчас большинство китайских газет и журналов пишутся исключительно на разговорном языке. Литературный язык считается признаком консерватизма, пережитком китайской схоластической учености, к которой не должно быть возврата. Только китайские официальные издания печатаются на литературном языке.

Всю китайскую прессу можно было бы разбить, для лучшего понимания ее, не несколько групп.

Первая группа—газеты официальные, субсидируемые китайским правительством. Вторая группа—газеты полуофициальные, субсидируемые средствами отдельных министров и «ду-цзюнев» (губернаторов) различных провинций. Обе эти группы читаются преимущественно чиновными кругами. Газеты либерального направления этой группы имеют распространение среди групп оппозиционно-настроенных по отношению к пекинскому правительству, младокитайцев, сочувствующих западным идеям.

Очень близко к этим кругам читателей примыкает третья группа газет—органы влиятельных китайских партий «Ань-фу», «Цзяо-тунь», «Цзинь-бу-дань», «Го-мин-дан», «Цзясь-тунь-си» и «Чжень-сюе-хей»).

Четвертая группа—газеты, издаваемые Японией на китайском языке. Этих газет много; многие из них являются старыми изданиями, которые уже в течение 20 лет обрабатывают китайское общественное мнение. Читаются они всеми интересующимися внутренней и внешней политикой Китая, ибо эти газеты содержат информацию, которая не доступна для китайских газет. Очень близко к этой группе стоит пятая группа—газеты субсидируемые английскими, американскими и др. посольствами в Китае. Читаются они либерально и оппозиционно настроенными группами, ибо эти газеты, благодаря своей экстерриториальности, могут нападать на членов правительства, не боясь репрессий. Шестая группа—желтая пресса, газеты, совершенно не интересующиеся политикой и обычно помещающие на своих страницах лишь происшествия и рассказы пикантного содержания. Эта часть прессы находит своих читателей среди мелких чиновников и лавочников.

Несколько особняком стоит седьмая группа—либеральные газеты, издаваемые при участии профессоров, студентов и независимых журналистов на средства купечества, оппозиционно настроенного к пекинскому правительству. И, наконец,—радикальная пресса, проповедующая идеи социализма. Эта последняя народилась только в последние годы, но получает все более и более сильное влияние и распространение.

* * *

На первом месте по количеству выходящих периодических изданий является *Пекин*. В нем насчитывается около 80 периодических изданий на китайском языке и около 10 на других языках. Наиболее распространенными и популярными являются:

«*Пекинская Газета*» (Бей-цзинь-жи-бао), старейшая газета в Пекине, официоз китайского правительства. «*Общественное Мнение*» (Миньши-бао). «*Шунь-тянь-ши-бао*»—газета, издаваемая японским посольством в Пекине. Пользуется огромной популярностью среди китайских чиновных кругов. «*Общественная Польза*» (И-ши-бао)—орган американского правительства; пользуется большим распространением среди китайских либеральных кругов и китайцев-христиан. «*Патриотизм*» (Ай-го-бао)—излюбленная газета мелких служащих правительственных учреждений, орган пекинских мусульман. «*Утренняя Газета*» (Чень-бао)—наиболее либеральная из пекинских газет, орган партии прогрессистов (Цинь-бу-дань), издается при участии председателя этой партии Лян-Си-чао и профессоров Пекинского университета. Газета очень благожелательно относится к России. «*Гун-янь-бао*»—орган милитаристической партии «Ань-фу» (порядок и спокойствие). «*Азия*»—издается на средства японского посольства в Пекине. «*Военно-Морская Газета*» (Лу-хай-цеюнь-жи-бао)—орган военного и морского министерства. «*Ежедневник студентов Пекинского университета*» (Бей-цзин-да-сбэ-шен-жикан).

Кроме этих органов, распространенными являются следующие журналы, тоже издающиеся в Пекине: «*Еженедельник студентов Пекинского университета*», «*Борьба*» (Фень-доу) — орган студентов анархистов Пекинского университета. «*Новое Течение*» (Синь-чао) — журнал, издаваемый студентами и профессорами прогрессивного направления. «*Новое Общество*»—орган общества «Социального прогресса».

Из изданий, выходящих в Пекине на европейских языках, нужно отметить следующие:

«Pekin Dali News»—полуофициальный орган пекинского правительства. «Pekinj Leador»—орган партии «Цзинь-бу-дан»; субсидируется Лян-ци-чао. «Ghina Standard»—орган японского посольства в Пекине; благодаря прекрасно поставленной информации может считаться лучшей газетой из выходящих на английском языке в Китае. «Journal de Pekin—орган французских социалистов (Альберт Тома и др.)и пекинского Франко-Китайского о-ва. Редактор, бывший секретарь А. Тома Mr Nachbauer. Серьезное внимание уделяет России «Politique de Pekin»—орган французского посольства, в издании и информации которого принимают участие и другие посольства.

Вторым крупным газетным центром является *Шанхай*, где большинство редакций находятся на иностранных концессиях, т.-е. вне досягаемости китайских властей. Из 60 периодических изданий, выходящих в Шанхае, наибольшей популярностью пользуются следующие издания:

«*Шень-бао*»—старейшая газета в Шанхае. Несмотря на ее консервативное направление, она пользуется большим распространением. Считается самой богатой и образцовой, в смысле постановки, китайской газетой. Ежедневный тираж ее достигает 7000 экземпляров. «*Шанхайская Газета*» (Шанхай-жи-бао)—орган японского генерального консульства в Шанхае. «*Новости*» (Синь-вонь-бао). «*Современник*» (Шибао)—орган китайцев-христиан. «*Китайская Новая Газета*» (Чжун-чжоусинь-бао)—орган демократическо-народной партии «Гоминдан». «*Современные Известия*» (Ши-ши-синь-бао)—орган партии прогрессистов «Цзиньбу-дан». «*Республиканская Газета*», «*Общественное Мнение*», «*Республиканская Новая Газета*», «*Шанхайские Новости*», «*Азия*» (Я-чжоу-жи-бао)—газета субсидируемая и инспирируемая японским генеральным консульством в Шанхае. «*Воскресный Обзор*» (Синь-им-пинь-лунь)—газета радикального направления, симпатизирует Советской России; уделяет весьма серьезное внимание изучению рабочего вопроса в Китае.

Из журналов следует отметить «*Реконструкция*» (Цзянь-ше)—ежемесячный журнал, одно время редактировавшийся отцом китайской революции, д-ром Сун-ят-сеном; является органом демократическснародной партии «Гоминдан». «*Новая Юность*» (Синь-цин-нянь)—лучший из китайских журналов радикального направления. В журнале принимают участие профессора Пекинского университета и лидеры рабочих организаций. «*Освобождение и Реконструкция*» (Цзе-фан-юй-гай-цзао)—журнал, целиком посвященный изучению социально политических вопросов. Много этот журнал уделяет внимания принципам строительства Советской власти в России; нужно отметить, что этот журнал первым напечатал полный текст Советской Конституции (от 15 ноября 1919 г., книжка шестая).

Тяньцзин является третьим местом средоточения газетного дела в Китае, но благодаря своей непосредственной близости к Пекину, а также тому, что в Тяньцзине находится резиденция ду-цзюня Чжилийской провинции Цао-куня, многие радикальные издания сейчас придушены.

Из десятка периодических изданий, выходящих на китайском языке в Тяньцзине, либеральными считаются следующие два: «*Тяньцзинь-би-ши-бао*»—газета, издаваемая американским посольством в Пекине. Пользуясь своей экстерриториальностью, она ведет очень часто решительныые атаки против Японии и милитаристов. Другая газета «*Цзинь-цзинь-тай-у-ши-бао-Пекин-Тяньцзин-Таймс*»—издается при редакции английской газеты того же названия и является органом английского посольства в Китае.

В Тяньцзине же долгое время издавалась большая газета «*Да-Гун-бао*», являвшаяся органом клуба «Ань-фу», хотя она и старалась всячески замаскировать свое отношение к этой партии китайских милитаристов.

Здесь же сосредоточен штаб английской и американской печати в виде нескольких органов, обильно снабжаемых средствами.

Наконец, *Кантон*—этот центр южного революционного Китая представляет также большой интерес в смысле периодической китайской печати. Но в Кантоне, где идет бурная политическая жизнь, очень часто переходящая в вооруженную гражданскую борьбу, сопровождающуюся сменой власти, печать очень часто подвергается преследованиям, разгрому и т. п., особенно плохо приходилось печати во времена господства милитаристических ставленников пекинского правительства, когда те временами оказывались у власти в Кантоне. Так, в конце 1919 г. редактор одной из наиболее радикальных газет «Миньчжу-бао» был расстрелян по приказанию ду-цзюня Гуанданской провинции за нападки на партию провинции Гуан-си.

Наибольшим влиянием в Кантоне пользовались в 1920 году следующие органы печати: «*Китайская Новая Газета*», «*Великая Справедливость*», «*Китай*», «*Республиканская Газета*», «*Общественник*» (Цюн-бао). Кроме этого, в Кантоне издается англо-китайская газета «Canton Times» и «Far Êastern polit»—ежемесячный журнал, издаваемый на английском и французском языках Обществом изучения дипломатических вопросов.

* * *

Приведенный нами перечень газет, издающихся в Китае, указывает на ту опеку, которая имеет место со стороны держав Антанты, беззастенчиво при помощи своих официозов и других рептилий обрабатывающих общественное мнение Китая. Но если на это дело не жалеют средств Америка, Англия и Франция, то Япония положительно орошает золотым дождем Китай: совершенно не считаясь с расходами, густо насаждает в Китае свою прессу и информационные агентства

Считая прессу могучим орудием для проведения своей политики, Япония не ограничивается изданием своих японских газет, но не жалеет денег на инспирирование китайской прессы. Кроме большого количества газет на японском языке, выходящих во всех крупных городах Китая японцами издаются газеты на китайском и английском языках. Во всех почти открытых для иностранной торговли портах Китая и Манчжурии имеются японские телеграфные агентства, информирующие почти все китайские газеты. Этому много содействует бедность китайских газет, не имеющих возможности пользоваться своим информационным аппаратом. На этом в немалой степени и зиждится успех японского влияния в Китае. Интересно отметить следующее явление: китайцы ненавидят японцев, в стране растет широкое антияпонское движение, а китайская пресса питается японской информацией, которая тонко и умело сглаживает «шероховатости» общественных настроений. И это в значительной мере надо отнести насчет умело поставленной работы информационных телеграфных агентств. Наиболее влиятельными агентствами является: «Восточное Телеграфное Агентство», «Всеобщее Агентство». Отделения этих агентств имеются в каждом открытом порту Китая, а корреспонденты почти во всех городах

Китая. Из второстепенных агентств следует отметить «Шанхайское Информационное Агентство», «Восточно Манчжурское Информационное Агентство» (Манчжурия), «Манчжурское Информац. Общество» (Мукден) и «Информационное Агентство для внутренней и внешней Монголии».

Для иллюстрации японской предприимчивости в заключение мы приведем список издаваемых японцами в Китае газет на японском, китайском и английском языках (этот список нам был предоставлен тов. С. П.)

В *Пекине* издаются «Шунь-тянь-ши-бао» (кит. яз.) «Новый Китай» (еженед. на яп. яз.) и «Новый Китай» (ежемесячн. на яп. яз). В *Тяньцзине*—«Тяньцзинская Газета» (яп. яз.), «Тяньцзинская Критика» (яп.), «Китайско-японское общественное мнение» (яп.). В *Цзинаньфу* (Шаньдунь)—«Цзинаньфуская Газета» (кит.), «Цзинаньфуньский Современник» (яп.), «Сейто-Симбун»—«Цзньдасская Газета» (яп.). В *Чифу*—«Чифусская Газета» (кит.). В *Шанхае*—«Шанхайская Газета» (яп.), «Шанхайские Новости» и «Азия» (кит.). В *Ханькоу*—«Ханькоуская Газета» (кит.). «Хубейско-Гаудунская Газета» (кит.). «Ханькоуские Известия» (яп.). В *Кантоне*—«Минь-го»—«Республика» (кит).—В *Гонконге*—«Гонконгская Газета» (яп.). В *Фучоу*—«Минь-бао», «Фуцзянская Газета» (кит.). Та же самая картина наблюдается и в Манчжурии. В *Харбине*—«Северная Манчжурия» (яп.). В *Чаньчуне*—«Чаньчунская Газета» (яп.). В *Гирине*—«Гиринский Современник». В *Телине*—«Телинский Современник» (яп.) и «Манчжурская Пустыня». В *Мукдене*—«Мукденские ежедневные известия» (яп.), «Мукденский Современник» (кит.). При редакции этой газеты издается еще специальная газетка для упрочения японского влияния в Монголии. В *Ляояне*—«Ляоянская Новая Газета» (яп). В *Аньдуне*—«Аньдуньская Новая Газета». В *Ньючжуане*—«Маньсю-симбун»—«Манчжурская Газета» (яп.) В *Дальнем*—«Манчжурские Известия», «Восточная Газета» (кит.) и «Ляодунская Новая Газета» (яп.).

Приведенный нами список говорит сам за себя.

* * *

Последние годы для Китая характеризуются пробуждением китайской общественности. Не по дням, а по часам растет самосознание китайской интеллигенции, которая всячески стремится содействовать пробуждению своего народа от вековой спячки.

Прессе четырехсотмиллионного Китая, постепенно освобождающейся от иностранного влияния и становящейся действительной выразительницей общественного мнения страны и проводником мировых идей, предстоит огромная будущность. Эта важность прессы в деле воспитания широких народных масс давно уже сознается передовыми людьми Китая. При Пекинском университете по инициативе ректора Цай-Юань-пей в университете читаются лекции по журналистике. Кроме того, при Пекинском университете существует «Общество изучения журнализма», имеющее свой печатный орган. С 1912 года в Китае

существует «Союз китайских журналистов», представляющий из себя сплоченную организацию, с которой считаются даже милитаристические группы. Отделения этого союза имеются почти в каждом провинциальном городе, где выходит 3—4 газеты.

В мае 1920 года в Кантоне был даже созван широкий съезд китайских журналистов, на котором обсуждались вопросы, связанные с внешней и внутренней политикой Китая, а также вопрос об освобождении китайской прессы от иностранной зависимости и поднятия общего ее уровня на должную высоту. Тогда же, по почину кантонских журналистов отправлена в Советскую Россию делегация от «Союза китайских журналистов» для ознакомления общественного мнения Китая с истинным положением дел в Советской России и организацией ее государственного устройства.

Неудивительно поэтому, что на ряду с интересом к Р. С. Ф. С. Р., а также и с ростом рабочего движения на тихоокеанском побережьи промышленнаго южнаго Китая, где уже несколько лет как дымятся фабричные трубы,—возник и интерес к идеям коммунизма, что породило за последние два года довольно большую переводную литературу и возникновение целого ряда коммунистических газет и журналов.

Так, например, начали издаваться газеты «*Общественник*» (Цюньбао) в Кантоне, «*Гражданин*» (Мин-го-жин-бао)—ежедневная газета в Шанхае, «*Труд*» (Лай-бао)—в Тяньцзине, «*Народ*» (Минь-синь)—в Фукиене.

Возникли также журналы: «*Коммунистическая Партия*» (Гун-чан-дан), «*Новая Молодежь*» (Синь-минь-нянь), «*Восход*» (Шу-гуан), «*Пролетарий*» (Лао-дун-чже), «*Голос Труда*» (Лао-дун-инь), «*Класс Трудящихся*» (Лао-дун-цзе), «*Рабочий и Женщина*» (Лао-дун-юй-фу-нюй), «*Воскресное Образование* (Синь-ни-цинь-лунь) и др.

Все эти журналы и газеты ведут широкую пропаганду идей коммунизма, содействуя росту самосознания широких слоев трудящейся бедноты китайского народа, среди которого накопилось слишком много недовольства против той нищеты и рабства, в которых томятся трудящиеся классы китайского народа.

Современная китайская печать играет роль застрельщика в борьбе за освобождение трудящихся Китая, и нужно отдать ей справедливость, при всей сумме тяжелых и неблагоприятных условий она делает много, и мы уверены, что сделает еще больше для облегчения родов китайской революции, которая, надо верить, близко.

УГОЛОК ОСТАНКИНО. Из серии гравюр „Останкино“

О БИБЛИОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.

Н. Сомов.

Н А. Рубакин — известный книговед и популяризатор научных знаний. С 1908 года живет в Кларане, в Швейцарии. В последнее время много работает для пропаганды создаваемой им новой дисциплины «Библиологическая психология».

С основными чертами нового взгляда на книгу, которые развивает в «библиологической психологии» Н. А. Рубакин, мы и хотим познакомить читателя.

Сущность его можно формулировать так: читаемая книга—это не есть сама книга, а, наоборот, читаемая книга это есть сам читатель книги. Яснее говоря: читательское восприятие книги—все, а содержание книги—ничто.

Объектом библиологической психологии является не только книга, но и всякое печатное слово, до газеты, циркуляра и рекламы включительно. И не только слово печатное, но и писаное, например, частная переписка и другие интимные человеческие документы. И не только слово писаное, но и устное. Ибо между словом печатным, писаным и устным нет никаких границ. Одно постоянно переходит в другое. Объектом ее служит также ораторское и драматическое искусство, декламация и т. п. Вот объекты библиологического изучения с точки зрения того впечатления и влияния, какое это все производит на других.

Такова библиологическая психология в самом широком смысле, но библиологическая психология в ее отношении к книге есть наука о всех психических явлениях, которые так или иначе связаны с книгой, с ее происхождением и циркулированием, утилизацией, потреблением и ее влиянием на личную, семейную, социальную и мировую жизнь. Она есть, таким образом, психология книги и книжного влияния и значения.

Прежде всего библиологическая психология ставит своею целью исследование зависимости следующих трех родов явлений: читателя, книги и автора. Их зависимость может быть выражена математически, при помощи формул, простых и всем понятных. Может быть выражена формулой всякая книга, любой читатель, любой автор и их соотношения.

Библиологическая психология оперирует, главным образом, со следующими понятиями: мнема, энграма и экфория.

Все богатство, разнообразие, степень и вообще характер запасов индивидуальной памяти составляет то, что Рихардом Семоном называется *мнемою*. Мнема—это все то, что человек видел, слышал, чувствовал, испытал, весь вообще его житейский опыт, понимаемый в самом

широком смысле слова, как опыт личный, семейный, социальный, исторический и фило-генетический. Мнема данного индивида зависит не только от окружающей его среды, но и от антропологических и биологических особенностей его. А отсюда следует, что нет полного тожества двух мнем, как нет и полного тожества двух людей. Речь может итти только о сходстве мнем. Жизнь делает в нашей индивидуальной мнеме новые записи, называемые *энграмами*. Всякое читаемое или слышимое слово связано с тем или иным запасом таких энграм, которые могут оживать. Такое оживание получило название *экфории* (от греческого слова ekforeo—выношу, потому что при этом явлении снова как бы выносятся из мнемы и оживают в ней накопленные энграмы). Экфория представляет собою явление столь же неизбежное и необходимое, как и всякое другое явление природы, и дает начало тем проекциям, которые сооружаются всяким читателем или слушателем в процессе восприятия им чужого слова. Всякий читатель или слушатель принимает свою собственную проекцию слова за содержание читаемого или слышимого слова. Поэтому всякая книга есть не что иное, как читательская проекция читаемой книги, а эта проекция есть не что иное, как функция ее читателя, его психологии индивидуальной, социальной, видовой и т. д. Содержание вкладывает в книгу каждый читатель сам от себя. Пока он его не вложил, книга представляет собой мертвый капитал. Но лишь только содержание в нее вложено,—оно уже не ее, а читательское. Поэтому и можно сказать: книга—это есть сам читатель книги.

Отсюда следуют два основных закона библиологической психологии.

1. Закон Гумбольта-Потебни. Каждое слово, как и всякая книга, не есть передатчик какого-либо содержания, а лишь возбудитель психических переживаний. Ни у какого слова, как и ни у какой книги нет ей лично свойственного содержания.

2. Закон Семона. Сходство возбуждений, производимых одной и той же книгой на двух разных читателей, всецело зависит от сходства их мнем.

Библиологическая психология имеет и свой особый метод. Сущность его заключается в том, что с его помощью изучается не содержание книг, а читательское восприятие их.

Психические явления, возбуждаемые в мнеме, можно классифицировать по следующим категориям: 1) отношение, 2) основные понятия, 3) чувствование, 4) представления, образы, 5) эмоции, аффекты и 6) волевые импульсы.

Этой классификацией пользуются для построения библио-психологических кривых. Принцип библио-психологических кривых состоит в следующем: на оси ординат—классификация психических явлений, а на оси абсцисс—читаемый текст. Читатель данного текста ставит точки, соответствующие словам текста, против той или другой категории психологической классификации, обозначенной на оси ординат. Стоит

лишь затем соединить линией точки—и получится библио-психологическая кривая.

Такая кривая является необходимой вот для чего: она делает возможной библио-психологическую статистику. Статистику тех точек, какие будут проставлены данным читателем в данный момент на каждой линии, соответствующей той или иной категории психических явлений, отмеченных на оси ординат. Подсчитывая эти точки, мы узнаем число психических возбуждений данной категории, полученной данным читателем при чтении данного текста. А число этих точек может служить характеристикой этого читателя в данный момент, ибо сам читатель фиксирует свои состояния, вычерчивая такую библио-психологическую кривую. Подсчитав точки, можно подвести им общий итог, а также вывести и процентное отношение точек, относящихся к каждой отдельной категории, к общему числу их во всем изучаемом тексте.

Таким образом, является возможность получить библио-психологические коэффициенты или объективно характеризовать субъективные состояния, переходя, согласно научной теории статистики, от изучения явлений индивидуальных к массовым.

Вот пример. Дана была фраза на французском языке: «Да здравствует книга, могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость!»

Категории.	Число точек.	%
1	10	33,5
2	3	11,5
3	1	3,8
4	2	7,7
5	6	23,1
6	4	15,4
6	26	100

Таким образом, является возможность переходить от чисел, характеризующих читательскую индивидуальность, к цифрам, характеризующим среднего читателя. А от средних читателей—к типам их.

Таким же путем устанавливается тип книги. Отсюда выясняется одна из основных идей библиологической психологии: идеал типов книг, типов читателей и типов их соотношений.

Из того, что было сказано выше, следует: понятие «книга, которая хороша для всех», должно быть совершенно отброшено. Хорошими или худыми бывают результаты чтения, а не сами книги, а они зависят от читателя, от его типа, от его мнемы, а эта последняя зависит от личной, семейной и социальной среды. Худые книги могут производить на иного читателя очень хорошее действие—и обратно. Значит, всякий, кто имеет дело с книгами, должен поставить на место понятия «книги хорошей» понятие «книги подходящей», то-есть возбуждающей то, что желательно возбуждать,—но это всецело зависит от мнемы. Значит, ее и необходимо принимать в расчет, как и книгу.

Мнема кладет определенный предел «натиранию очков со стороны», мнема стоит выше книги, выше пропаганды и пропагандиста. Какой из пропагандистов побеждает в конечном счете? Вовсе не тот, кто более ловок и кто более способен делать Suggestion, а тот, кто лучше всего знает мнему тех, на кого он желает действовать. Результат самой ловкой, настойчивой и дорого стоющей пропаганды слетает как пыль под мощным напором жизни, создающей читательскую мнему. Знание человеческой мнемы делает слабых сильными. Таков практический вывод, какой не может не сделать библио-психолог, изучающий пропаганду идей, оценок и тенденций. Но то же самое можно сказать и о пропаганде всяких научных знаний, как школьной, так и внешкольной: если у субъективной научной пропаганды не имеется соответствующей мнемы,—даже самая лучшая педагогия ничего не уложит в душу учащегося объекта пропаганды, подобно тому, как никакой педагог не в силах объяснить слепому, что значит красный цвет. Хотя самое слово «красный» этот слепой и запомнит, но это слово не будет иметь под собой никакого реального ощущения (мнемы, энграмы).

Второй практический вывод из основных принципов библиологической психологии: нельзя заставлять людей разных психических типов штудировать науки и вообще развивать свой ум по книгам одного и того же психического типа. Эти библио - психологические истины не поняты еще многими, но они уже учтены самой жизнью, потому что всякий, кто хорошо знаком с современными книжными богатствами, не может не признать следующего факта: каждый психический тип создает бессознательно литературу своего типа для людей этого же самого типа. Именно на этих последних каждый автор и может рассчитывать. Огромное большинство книг в каждой национальной литературе представляет собой не что иное, как переводы с языка и психологии какого-нибудь одного психического типа на язык какого-нибудь другого типа, существующего в пределах той же нации. В этом и состоит тайна популяризации и всякой литературной деятельности, до газетной включительно. Обучение же в школах должно итти по всем книгам своего собственного психического типа. Чтение лекций и ораторское искусство тоже предполагает определенное соотношение между типом лектора или оратора и его аудитории. В настоящее время, как известно, типы учеников изучаются и принимаются в расчет, тогда как никто не позаботился сделать это же самое относительно типов педагогов. Хотя каждый из нас знает, по своему собственному опыту, какое громадное влияние производит на учеников личность педагога.

Но особенное значение имеет библиологическая психология для организаторов библиотек, на выяснении которого автор останавливается в своем докладе. Скажем, что, согласно принципам библиологической психологии, библиотеки должны иметь книги для читателей не только различных ступеней подготовки, но и для всех психических типов, наиболее распространенных в районе этой библио-

теки. Библиотечная статистика, пользуясь читающимися книгами, как библио-психологическим реактивом на читателей, может очень быстро и практично выяснить, какие именно типы преобладают среди населения данного района,—типы читателей, наиболее часто встречающиеся. Словом, дело идет о коренной реформе всего библиотечного дела. Кстати сказать, сам Н. А. Рубакин двенадцатилетним мальчиком работал в частной библиотеке своей матери в Петрограде и не бросил этой работы в той же библиотеке в течение 32 лет. Здесь он видел, как иные читатели над Достоевским и Толстым спали, научных книг, даже популярных, не понимали и т. д. Почему так? Тогда он этого еще не понимал и объяснял все это невежеством, малым развитием, рутиной, узкими материальными интересами, бедностью и царизмом, который до 1917 года не переставал душить народного образования. Но причина оказалась сложней. Одно дело—книги хорошие, и совсем другое дело—книга подходящая, т.-е. подходящая для данного читателя в данной обстановке.

Теперь о реформе работ авторов. Библиологическая психология, разумеется, отнюдь не делает никакого покушения на писательский гений и талант. Кто ей припишет такого рода замыслы, этот лишь покажет свое собственное непонимание самой сути этой науки. Библиологическая психология для литературного гения и таланта—то же, что теория музыки и звука для талантливого музыканта, теория красок и перспективы—для талантливого художника, а физика, химия, механика и математика—для талантливого техника. Эти науки вовсе не убивают таланта, а лишь вооружают его. Поэтому и библио-психологическое образование писателя и поэта тоже не может убить их таланта. Все гении, даже те, кто ни в чем не желает походить на других людей, все-таки принуждены повиноваться законам природы. Библиологическая психология стремится к открытию законов природы в своей области. И если она действительно открывает их, пусть попробует какой-либо писатель не повиноваться им.

Библиологическая психология имеет значение и для драматического искусства, ибо она будет спасать для потомства то, что теперь гибнет вместе со смертью артиста,—именно, его игру, его роль. Записи драматического таланта представляют собой не что иное, как библио-психологические кривые, начерченные самими артистами.

Кроме того, они имеют значение для истории и теории литературы, для социальной психологии, этнологической психологии и классовой психологии.

Библиологическая психология опирается на правду жизни, т.-е. на мнему, и поэтому она нужна для жизни. И жизнь поддержит ее.

22 октября 1916 года Международный Институт Библиографии в Брюсселе и Институт Ж.-Ж. Руссо в Женеве совместно организовали особую Секцию Библиологической Психологии.

С 9 июня 1920 года местопребыванием Секции Библиологической Психологии сделался г. Кларан в Швейцарии, библиотека Н. А. Руба-

кина, а заведывание Секцией было поручено Н. А. Рубакину. Функции Секции заключаются в следующем:

1) исследование, при помощи точных научных методов, явлений чтения.

2) организация анкет в этих целях в Швейцарии и в других странах;

3) выработка теории и практики библиологической психологии в целях облегчить распространение и усвоение народными массами тех духовных сокровищ, какие созданы человечеством всех веков и народов;

4) составление и издание книг по теории и практике библиологической психологии.

Летом 1920 г. Секция выработала систематическую серию диаграмм и графиков для Международного Конгресса Международных Ассоциаций, имевшего место в Брюсселе от 5 по 20 сентября 1920 г. Для этого же Конгресса был приготовлен доклад Н. А. Рубакиным о Библиологической психологии. Этот доклад появился в трудах Конгресса.

Тот же доклад был читан 24/XI 1920 г. Н. А. Рубакиным на публичном собрании в Институте Ж.-Ж. Руссо в Женеве. Тогда же на заседании особой комиссии был намечен план работ Секции в целях использования библиологической психологии для народных библиотек Швейцарии. В комиссию вошли профессора и директор «Института Ж.-Ж. Руссо», затем проф. Женевского университета Ш. Балли, Г. Гарди (директор университетской библиотеки в Женеве), Деларю, директор школы «Des Hautes Etudes socialdes es femmes», и др.

Та же наука положена в основу работ Международного Библиографического Института в Брюсселе, согласно заявлению проф. П. Отлэ, директора вышеназванного Института.

ЛИТЕРАТУРА О ТЕАТРЕ.

(Обзор).

П. Коган.

„**Вестник Театра**“, изд. Тео Наркомпроса 1—5 [№№ 1—80 (1 апреля 1919—5 апреля 1921) „**Культура Театра**“, №№ 1—4 (1 февраля 1921—5 апреля 1921). Журнал Московских ассоциированных театров». „**Вестник Работников Искусства**“. Ежемесячный журнал, №№ 1—6. Орган всер. проф. союза раб. искусств. 1921. **П. О. Морозов.** «История европейской сцены». Вып. I. Петерб., 1919, изд. Тео Наркомпроса. **П. М. Керженцев.** «Революция и театр». Изд. «Денница». Москва, 1918. **П. М. Керженцев.** «Творческий театр». Петерб., 1920, 4-е изд. Госуд. Издательство. **Гайдебуров, П. П.** «Народный театр». Первые итоги. Изд. Петрогр. союза рабоч. потребит. общ. 1981. **Ромэн Ролан.** «Народный театр». Пред. Вяч. Иванова. Изд. Тео Наркомпроса. Петерб., 1919. **Л. Левро.** «Драма и трагедия во Франции». Изд. Тео Наркомпроса. Петерб.—Москва, 1919. **Временник Театр. Отдела Наркомпроса.** Петерб.—Москва. Вып. I и II, ноябрь 1918—февраль 1919. «Народный театр». Изд. секции содействия устройству деревенских, фабричных и школьных театров, №№ 1, 2, 3 и 4, март, июнь 1918. **Николай Эфрос.** «Мария Николаевна Ермолова». К 50-летию сценич. деят. Москва, 1920. **Николай Эфрос.** «Пров Садовский». Петерб., 1920. **Николай Эфрос.** «М. С. Щепкин». Петерб., 1920. **Н. В. Скородумов.** «Устройство сцены и декораций в народном театре». Москва, 1920. Сокращ. изд. книги того же автора. «Новый метод упрощенных постановок». **Краткий [справочник по народному театру.** Сост. *В. И. Четыркиной.* Изд. всер. ц. союза потр. о-ва. Москва, 1919. **Сборник историко-театральной секции.** Т. I. Изд. Тео Наркомпроса. Петерб., 1918. **Сергей Игнатов.** «Начало русского театра и театр Петровской эпохи». Гос. Изд-во. Москва, 1920. „**Схема к изучению спектакля**“. Работы слушателей курсов мастерства сценических постановок. Петерб., 1919. Изд. Тео Наркомпроса.

Ни в одной отрасли искусства Октябрьская революция не вызвала такой напряженной борьбы, как в сфере театра. В острые моменты этой борьбы резко обозначились границы, отделяющие противников друг от друга. В одном лагере—культ мастерства, «чистого», «самодовлеющего» искусства театра. Для другого—театр могучий, театр политической и общественной борьбы, сила, скрепляющая чувства и настроения коллектива, выковывающая волю трудящихся масс. Театр—отдых, театр—развлечение после тяжелого неприглядного труда или театр—элемент труда, облекающий его в театральные и особенно в ритмические формы и этим путем усиливающий его интенсивность? Артисты, как своеобразная каста, творящие на путях интуиции, или артисты, по характеру творчества ничем не отличающиеся от металлистов, столяров и всяких других производителей? Артисты-профессионалы или самодеятельные народные массы в лице фабричных и деревенских театральных кружков,—кто из них явится творцом театра, отвечающего запросам революции?

Бой завязался по всей линии. На одной стороне свято охраняли традиции, незыблемость рампы, неприкосновенность текста, уединенную работу таланта, замкнутость мастерских, самоуправление театров и

ложно понятую свободу артиста. На другой требовали разрушения рампы, свободного обращения с освященным веками текстом, переделки классических пьес во имя задач момента, вовлечения зрителей в представление, приобщения широких масс к самому делу строительства театра, национализации театров и мобилизации артистов. Массовые зрелища, всевозможные «недели» и «субботники» и даже маневры войсковых частей, облеченные в театральные формы, попытки театрализовать исторические дни (первое мая, день Октябрьской революции, день Парижской Коммуны), импровизация, получившая широкое распространение и в качестве предмета преподавания в театральных студиях и в качестве одной из форм театрального представления, наконец, синтез искусств и формальный и органический,—этим далеко не исчерпывается стремительный поток идей, исканий и достижений, которым ознаменовалась театральная жизнь революционной эпохи.

«**Вестник Театра**»—наиболее полная летопись этих исторических дней. Вереницей проносятся отражения достопамятных поединков, театральных дискуссий, сенсационных постановок. Перелистывая один за другим эти девяносто номеров органа театрального отдела, кажется, еще слышишь отголоски бушующих страстей и яростных битв, в грохоте которых рождалась та или иная театральная идея, отвоевывалась какая-либо новая форма.

Первый номер журнала вышел 1 февраля 1919 года. Первые месяцы—первые встречи двух миров. Старые эстетические представления находят на страницах журнала даровитых выразителей в лице известных поэтов, драматургов, театральных критиков и деятелей театра—Вячеслава Иванова, Георгия Чулкова, И. А. Новикова, Н. Е. Эфроса, Сергея Игнатова, Суллержицкого и др. Но уже с первых номеров журнала появляются статьи Керженцева, пролеткультовцев, пишущего эти строки, В. Тихоновича и других писателей, противопоставляющих профессиональным театрам идею самодеятельного театра рабочих и крестьянских масс. «Вестник Театра»—единственный центральный орган. Академические театры еще не объединились в ассоциацию. «Культура Театра» еще не существовала. И в «Вестнике Театра» мирно уживались рядом самые разнообразные течения. Рядом с традиционными рецензиями о новых постановках, с обычной информацией о событиях из жизни знаменитостей артистического мира,—отдел «На новых путях», информирующий читателя о небывалом явлении, о тысячах фабричных и деревенских театральных кружков, покрывающих советскую Россию, о первых попытках пролеткультовских студий, о любопытнейших бытовых картинах, о крестьянах, не позволявших девкам выступать на сцене, о стариках-крестьянах, примирение которых с коммунизмом начиналось через театр. Это—период, когда театральным делом в республике заведывала О. Д. Каменева, и когда через театр впервые приходили к Советской власти писатели, артисты, художники. В первых номерах «Вестника Театра» находили и первые статьи А. В. Луначарского «О революции и кризисе театра», в которых надолго устанавливается двоякая линия театральной политики

Наркомпроса: охрана истинных ценностей и достижений прошлого и широкий простор новым театральным исканиям и формам, созвучным революции.

Политика Луначарского подвергается нападкам с обеих сторон, и «Вестник Театра» отмечает все главные моменты борьбы. Центротеатр, бесцветная история бесславного учреждения, постепенно превратившегося в комитет для заведывания несколькими академическими театрами. Далее,—первый всероссийский съезд по рабоче-крестьянскому театру, сыгравший важную роль в деле разъяснения и углубления проблем, связанных с борьбою за социалистический театр. Ряд ценных номеров, посвященных специально рабоче-крестьянскому театру, кульминационный момент торжества его идеи. Обе стороны расходятся все более и более, и когда появляется Мейерхольд, с его лозунгом театрального октября,—сожительство в одном органе становится невозможным. Срединные позиции разбиваются, все, что стоит по ту сторону октября, образует неестественный союз, почуяв общего врага. Таиров, Станиславский и Южин, Камерный, Художественный и Малый театры оказываются под одним знаменем, забыли свои разногласия и создают свой орган—«*Культуру Театра*». Каждая новая постановка, каждая статья вызывает бурю. «Вестник Театра» отмечает театральные «события», конференцию заведующих художественными подотделами, битвы вокруг драматургии А. В. Луначарского, не менее ожесточенные поединки на «понедельниках» «Зорь», на пролетарской арене, вокруг «Благовещения», «Мистерии Буфф» и т. д. Стенографические отчеты об этих «событиях» дадут богатый материал будущему историку театра. Дополнением к «Вестнику Театра», важным в глазах будущего летописца, могут служить два выпуска «Временника», хроника планов, проектов, учреждений, отделов, подотделов, секций и подсекций, институтов и проч., возникавших и умиравших с головокружительной быстротой. Мало уцелело от этих начинаний. Но в этих грандиозных замыслах сказывается пламенная вера и гигантский размах первых месяцев революции.

В противоположность воинствующему духу, бушующему на страницах «Вестника Театра», тихим покоем веет с колонок «**Культуры Театра**». Там театральное дело вынесено на улицу, массы приобщены к строительству театра,—здесь академики, замкнувшиеся в своих мастерских, надменные своими заслугами, своими послужными списками, в лучшем случае снисходят к массам с учительскими намерениями. Там мятежные революционеры,—здесь аристократы, не желающие расстаться с привычным комфортом. Правда, и здесь упоминается о духе времени, о народных массах, на радость артистам, пришедшим в театр. Но сквозь эти неизбежные в настоящее время фразы сквозит плохо скрытое презрительное и жалостливое снисхождение. Эти люди, гласит программная статья А. Южина в первом номере, «естественно еще не привыкли разбираться в тех сложных художественных формах, которых достиг театр и драматическая литература, в тех символах и образах, которые требуют более утонченного органа восприятия, чем может быть у людей, веками

исторического насилия оторванных от всякого соприкосновения с культом художественной красоты. Им надо помочь разбираться не только в том, что они видят, но и в их личных переживаниях воспринятого» («Культура Театра», № 1, стр. 4).

«Помочь!»—И «Культура Театра» помогает.

Ассоциировавшиеся театры разъясняют массам свои задачи, пути, которыми они идут к осуществлению этих задач. Таиров, объясняя мотивы, побудившие его поставить «Благовещение», заявляет, что Камерный театр стоит на позиции театра действенного, т.-е. динамического. «Отталкиваясь на одной из крайних своих границ от арлекинады, т.-е. такого театрального представления, в котором исходным мотивом динамизма (действия) является более или менее внешняя интрига, влекущая искрометное, полное неожиданностей и внезапных толчков (трюков) развитие спектакля, на другой своей границе театр неизбежно приходит к мистерии, т.-е. к такому театральному представлению, в котором исходным мотивом динамизма является заложенная внутри человечества *вера*, сила и искренность которой может двигать горами,—вера, влекущая спектакль по пути максимальной насыщенности и напряженности чувства (эмоций)» («Культура Театра», № 1, стр. 8). Вот почему после «Брамбиллы» (арлекинады) Камерный театр нашел нужным заняться «Благовещением» (мистерия). «Только в работе над мистерией и арлекинадой актер может выявить себя до конца и утвердить во всей полноте свое искусство» (стр. 8).

В этой фразе ключ к пониманию не только основных пружин, движущих всей работой Камерного театра, но и той платформы, на которой объединились несходные и часто враждебные друг другу ассоциировавшиеся театры. Это—платформа спецов, профессионалов, которые все готовы принести в жертву для того, чтобы «актер мог выявить себя до конца». У Таирова этот самодовлеющий профессионализм достигает геркулесовых столбов, у других авторов «Культуры Театра» он сказывается слабее, но он—основа, на которой зиждется вся работа ассоциировавшихся театров и направление их органа. И эту идею, красною нитью проходящую через все статьи «Культуры Театра», не могут заменить фразы о запросах времени и явно искусственные попытки Таирова доказать, будто «Благовещение» чем-то созвучно революционной нашей эпохе. Нельзя не отнестись с уважением к добросовестным мастерам, готовым жизнь положить за свое мастерство. Нельзя не согласиться с мыслями Н. Эфроса, что «агитационное, пропагандистское значение пьесы прямо пропорционально ее художественным качествам и обратно пропорционально ее агитационной нарочитости» («Культура Театра», № 4, стр. 8). Все это такие очевидные истины: «мастерство есть вещь ценная», «нарочитая агитационность—вещь во всех отношениях плохая». И все-таки «Культура Театра» не дает ответа на самый значительный вопрос: почему образцовые наши театры и величайшие мастера так мало волнуют, так чужды тому, что происходит вокруг нас? Почему «Благовещение» и «Ромео и Джульета» могут быть ценны и нужны в интересах развития техники

и муштровки актера,—почему они монотонны и скучны на сцене Камерного театра и таким холодом веет от них?

Значительное место «Культура Театра» отводит вопросам (иногда специально-узко поставленным) мастерства («Машина в театре», А. Грановского, «Антракт», Н. Волкова, «Художник и сцена», Абр. Эфроса и т. п.), деятелям искусства (Гельцер, Сук), либретто, подписанным именами Луначарского, обоих Эфросов, Волькенштейна, Шершеневича и представляющим иногда талантливые критические и историко-литературные очерки. В общем журнал не в чем упрекнуть и не за что похвалить. Он высказывает истины, в которых никто не сомневается, но он не чувствует за собой обязанности, а может-быть, сил вдохнуть жизнь в эти старые истины, двинуть вперед театральное искусство, углубить проблемы театра. И когда читаешь статьи лучших режиссеров и артистов Москвы, невольно задаешься вопросом: каким образом такие глубокие замыслы приводят к таким скромным результатам, почему такая фанатическая преданность своему искусству, такое знание техники, такое богатство эрудиции и таланта не могут вывести театр из тупика, в который он зашел? Так велики уменье и напряжение сил—и такие неудачи на сценических подмостках! И сколько бы ни спорили о технике и мастерстве, сколько бы ни разъясняли свои задачи вожди ассоциировавшихся театров на страницах «Культуры Театра», журнал прекрасно отражает тот «вечный покой», в котором застывает всякий профессионализм, ставший самоцелью, утративший чутье жизни, чуждый пафосу творческих сил, кующих грядущие.

Среднее место «между воинствующим» «Вестником Театра» и академической «культурой» занимает орган всерабиса «**Вестник Работников Искусства**»,—между двумя течениями, которыми в той или другой степени окрашивается театральная литература революционного периода. Помимо богатого информационного отдела, освещающего жизнь всероссийского союза работников искусств, читатель найдет здесь ряд статей, посвященных вопросам искусства, главным образом, в связи с проблемами, выдвинутыми революцией (Роланд Гольст, «Коммунизм и сцена»; П. С. Коган, «Итоги»; Эм. Бескин, «Свобода и правда искусства» и т. д.). Журнал носит несколько эклектический характер, но дает не лишенные ценности сведения о материальной стороне жизни художественного мира в новых условиях, начиная с пресловутых ставок и кончая пайками. К типу «Культуры Театра» примыкает ряд исторических работ и сборников разной ценности. Ученые и архивисты продолжали делать свое дело, писали статьи и исследования, касающиеся прошлого театральной жизни, иногда какой-нибудь детали, неизвестно зачем выдвинутой в наше бурное время. Типичным изданием этого рода является «**Сборник историко-театральной секции**», где находим ряд статей, написанных для специалистов (П. О. Морозов, «Драматическая литература и театр в Италии со времени ее политического возрождения»; Б. Сильверсван, «Король Лир»; «Театр и сцена эпохи Шекспира»; С. Э. Радлов, «О технике греческого актера»; П. Гнедич, «Хроника русских драматических спектаклей

на императорской петербургской сцене 1881—1890 годов»; А. М. Брянский, «Переписка А. Э. Мартынова»; В. Всеволожский-Гернгрос: «Библиографический и хронологический указатель материалов по истории театра в России XVII и XVIII веков).

Более ко времени такие книги исторического содержания, которые могут быть доступны широким массам. Среди них первое место следует отвести лекции недавно скончавшегося **П. О. Морозова:** «История европейской сцены». К сожалению, вышел только первый выпуск, посвященный греческому и римскому театру. Несмотря на конспективный характер лекций, книжечка эта может служить полезным пособием для массового читателя для ознакомления с классическим театром. К таким же полезным пособиям принадлежит и брошюра **С. Игнатова:** «О начале русского театра и театре Петровской эпохи», и этюд **Л. Левро,** представляющий сжатую историю французской драмы, начиная с зачатков литургической драмы и кончая Ростаном.

Три книги **Н. Е. Эфроса** о Щепкине, Прове Садовском и М. Ермоловой написаны в старомодном стиле: автор любит щепкинский дом, и неохотно расстается с тенями, витающими в его «милой» зале. Он верит, что «во всех искусствах главными создателями сценических ценностей и определителями театральных судеб являлись отдельные исключительно крупные личности» («Щепкин», 7). Он охвачен легкой грустью, подернутой налетом сентиментальности о том, что ему не пришлось видеть всех своих любимцев и приходится писать о них по мертвым печатным материалам или по воспоминаниям современников. Жизнь коротка! Кто видел Щепкина, тому не привелось видеть Ермолову, и наоборот... Эта влюбленность Н. Е. Эфроса в своих героев придает интерес его монографиям, в которых ярко обрисованы жизнь, характеры и значение трех корифеев русской сцены.

Если с аристократической «Культурой Театра» можно сблизить всю эту историческую литературу,—литературу биографий, воспоминаний, материалов, то революция вызвала к жизни ряд книг по театру, проникнутых чутким отношением к современности и ее запросам. Среди них есть издания деловые, руководства для фабрики и деревни. Таков, напр., полезный, хотя уже несколько устарелый «**Справочник по народному театру**», где массовый читатель, интересующийся театром, найдет ряд практических советов относительно репертуара, предметов, необходимых для минимального оборудования декоративной мастерской, относительно системы декораций и т. д. Десятки тысяч фабричных и деревенских театров, возникших в годы революции, требуют немедленного указания путей и средств, хотя бы несовершенных, но скорых и практически осуществимых, для утоления театрального голода. Поэтому кстати вышло сокращенное издание известной книги **Н. В. Скородумова:** «Устройство сцены и декораций в народном театре» с чертежами,—брошюра, которая окажет, несомненно, большую помощь любителям театра, вынужденным применять свои силы в глухих углах, обладающих для декораций и сцены скудными средствами в роде доски и бумаги. Руководящие указания мас-

совый, особенно деревенский театр найдет и в трех единственных номерах **«Народного Театра»**, журнала, издававшегося секциею содействия устройству деревенских, фабричных и школьных театров (Толбузин, «Декорация и обстановка на сцене народных театральных кружков»; Шемшурин, «Складная мебель», «Упрощенный метод изготовления костюмов», «Сетка, заменяющая колосники»; А. Родионов, «Народный театр и революционное законодательство» и т. п.).

Но революция породила не только эти руководства, имеющие практический характер. Она подарила нам несколько книг крупного идеологического значения. Книга «Народный театр» принадлежит перу одного из самых даровитых и серьезных деятелей **П. П. Гайдебурова,** посвятившего свою жизнь делу создания народного театра на основе высоких художественных требований. Тенденция просвещенчества, отсутствие нового репертуара, влияние театральных традиций нередко ослабляют революционный дух этой книги, но богатый опыт автора, руководителя общедоступного театра, постоянное соприкосновение с массами, наблюдения, взятые из жизни, а не из книг, и высота требований, предъявляемых театральному искусству, выдвигают работу Гайдебурова на видное место среди аналогичных трудов. Самые важные проблемы—о сотворчестве зрителя и артиста, о неудовлетворительной архитектуре современного театра, об основах нового репертуара—подвергнуты глубокой и всесторонней разработке. Еще более значительной является книга **Ромэна Ролана** на ту же тему. В его «Народном театре» все вопросы поставлены глубоко и четко. Эту небольшую книгу следует признать классической работой. В своей критике профессионального театра автор «Кристофа» смело идет до конца. Он не мирится с современным искусством. Ему нужна прекрасная жизнь, тогда не будет надобности в искусстве. «За возвращение молодости, здоровья, за возможность наслаждаться природой, за женщину, беззаветно любящую, за здоровых детей я отдам все свое искусство. Вот оно. Дайте мне остальное». Приведя эту реплику Вагнера, Ромэн Ролан заявляет: «Если нам удастся дать немного этого «остального» обездоленным, внести немного радости в жизнь, и если придется делать это за счет искусства, то мы об этом не пожалеем». Известные книги **Керженцева** построены на этой же основе. Интересные данные о массовом театре на Западе, прямолинейные мероприятия, иногда даже слишком прямолинейные, рекомендуемые автором в деле строительства социалистического театра у нас,—все это сыграло значительную роль в истории развития театральных идей в годы революции.

Позволяю себе в заключение привести несколько строк из моей книги—«В преддверии грядущего театра»: «Когда спрашивают, где гениальный пролетарский поэт, которого можно было бы противопоставить Шекспиру или Ибсену, вопрос становится неверно. Если бы такой поэт и появился, в этом не было бы ничего нового. Когда появится первая мастерская, в которой все работники—художники, из которой выходят предметы первой необходимости великой художественной ценности, мы скажем, что пролетариат создал произведение искусства, перед которым

потускнели «Гамлет» и «Бранд». Когда появится первый город-сад, в котором каждая улица будет художественно задуманным произведением, тогда можно будет говорить о ничтожестве Эрмитажа и Лувра перед этим необычайным творением».

КОНСТИТУЦИЯ СОВЕТОВ.

(Обзор).

М. Рейснер.

Кий. Республика Советов. Под редакцией и с предисловием А. В. Луначарского. Петроград, 1918. 1—16.—**Н. Крупская.** Конституция Р. С. Ф. С. Р. Москва, 1918. 1—16.—Союз с.-р. максималистов. **Трудовая советская республика.** Выпуск № 3. Москва, 1918. 1—16.—**А. А. Зверин.** Союз соц.-рев. максималистов. Советская власть. **Сборник статей.** Нижний-Новгород, 1918. 1—32.—**К. Еремеев.** Социалистическая Советская Республика. Москва, 1919. 1—16.—**С. Равич.** Что такое Республика Советов. Петроград, 1919. 1—32.—**Н. Глебов.** Наш основной закон. Разъяснение конституции Р. С. Ф. С. Р. Москва, 1918. 1—40.—**В. А. Карпинский.** Что такое Советская власть и как она строится? Издание 2-е, исправленное и дополненное. Москва, 1918. 1—32. **Пролетарская Революция и Право.** Конституционная книжка двухнедельного журнала Народного Комиссариата Юстиции, № 3—4. Москва, 1918. 1—112.—**Проф. Г. С. Гурвич.** Основы Советской конституции. Выпуск I. Смоленск, 1921. 1—VII. 1—141, 1—27.—**Г. С. Гурвич.** Вся власть Советам. Статья в журнале «Пролет. Революция и Право», 1918 г. 1—21.

Такое крупное явление в социальной и политической истории Европы, как появление в России после революции Советского строя, получившего выражение в Конституции Советов, казалось бы, должно было вызвать многочисленную и научно-разработанную литературу о новом порядке прежде всего в самой же России. Событие это в истории учреждений по громадности своего значения может быть приравнено разве к возникновению парламентаризма или современной федеративной демократии. И тем более можно было рассчитывать на внимательное и углубленное освещение этого факта, что не только европейская, но и русская наука насчитывала в рядах своих государствоведов несколько довольно крупных имен. Можно сказать без преувеличения, что самый факт рождения именно в России новых политических форм был своего рода подарком для русской науки, которая получала возможность первая, и в непосредственной близости, наблюдать как зарождение, так и позднейшее развитие Советского строя. В виду сказанного в высшей степени поэтому является оправданным ожидание, что представители русской науки за четыре года, истекших с начала революции, дадут нам ее объективное и научно-обоснованное изложение.

К сожалению, все подобные ожидания с нашей стороны оказываются весьма преувеличенными. В приведенном выше списке брошюр и книжек по Советской Конституции мы находим только одну книгу, написанную по данному вопросу специалистом, тов. Гурвичем (молодым профессором Смоленского университета), если не считать выпущенного мною в 1920 году литографированного курса лекций, читанных по Советской конституции в Академии Ген. Штаба, все же остальные русские государствоведы ограничились по адресу республики Советов торжественным молчанием. Мы говорим здесь, конечно, о тех ученых, которые не эмигрировали, но остались в пределах России и, следовательно, могли, если желали, присмотреться к Советам в их реальной форме со всеми их детскими болезнями и новизной классового изобретения. С эмигрантов спрашивать много не приходится: они питаются таким невероятным количеством лжи и сплетни, что лишь немногие сохраняют, несмотря на классовую ненависть, способность трезвого научного суждения. Но наши «советские» ученые в наших «государственных университетах»—вот от кого в праве были ожидать революционные массы отклика на редкостный акт массового социального творчества...

Увы, ожидания эти до сих пор были напрасны. Науки государства Советов еще нет. Одни считают эту новую форму «еще не установившейся», другие видят в ней исторический пережиток старых аристократических (?)«советов» средневековья, третьи «признают» только старые шаблоны либерального и демократического «конституционного права», четвертые попросту ждут, когда они вообще вернутся от «ужасов» советизма к излюбленной старинке довоенного лицемерия и политического цинизма... Тем с большим вниманием и благодарностью оцениваем мы те посильные опыты в области освещения Советского строя, которые даны нам, быть-может, не столь специально подготовленной, но близкой революции и дружеской рукой. Как и следовало ожидать, большая часть таких попыток относится к разряду популярной и агитационно-пропагандисткой литературы, вызванной к жизни очень понятной причиной—необходимостью дать массам хоть какое-нибудь последовательное описание и оценку выдвинутых впервые на историческую сцену Советов.

Сообразно исторической эпохе развития Советского строя встречаем мы и различные настроения и течения в самом понимании Советов. Без преувеличения можно утверждать, что первое время Советского строительства было еще очень далеко от истинного усвоения их природы и особенностей. На первом плане были еще идеалы демократии или народовластия в их обычном виде. Советы казались тогда лишь одной из форм уже существующей и делающей лишний шаг вперед демократии. Таким именно духом проникнута брошюра, автор которой скрылся под псевдонимом «Кий». Уже словами тов. Луначарского республика Советов характеризуется в предисловии, как цель стремления «демократов неумеренных», идущих навстречу «новой

форме демократии, стихийно зарождающейся в недрах революции». На этой точке зрения стоит и сам автор, Кий, который царству «насилия» противопоставляет систему «доверия» и затем рисует нам идеал и сущность «народовластия». Для осуществления же последнего считается необходимым «полное упразднение всего аппарата власти имущих классов, полиции, чиновничества, постоянной армии,—и обезвреживание духовенства и педагогического персонала».

Насколько воззрения автора проникнуты идеалистическими воззрениями народовластия, показывает хотя бы тот факт, что тов. Кий не только требует выборность для замещения командного состава ополченских или милиционных войск, но даже «педагогического персонала и «духовенства» (?). Само же народовластие понимается определенно, как организация «громадного большинства населения» и его власти над меньшинством, а власть Советов оправдывается не столько диктатурой пролетариата, сколько именно «стремлением» избавить полупролетариев городов и деревень от «политического и экономического гнета». Даже «социализация и муниципализация» важнейших богатств понимается здесь как путь «самоуправления» и «экономических преобразований»... Как очевидно, в данной брошюре мы менее всего имеем перед собой сколько-нибудь отчетливую картину Советского строя, как он есть, но первоначальный весьма робкий набросок чаемого и ожидаемого. Неудивителен поэтому в брошюре и вопрос о том: «Хватит ли у новой России хоть сколько-нибудь интеллигентных сил на то, чтобы справиться со всей сетью Советов?..»

Спрашивается теперь, могли ли тов. Кий и писавший уже в январе 1918 г. свое предисловие тов. Луначарский дать более точную и положительную картину Советского строя в то время? Думаем, могли. Ибо уже в конце 1917 г. составляется и в 1918 году выходит в свет книга журнала Нар. Ком. Юст. «Пролетарская Революция и Право», где помещена статья тогда одного из сотрудников Отдела Законод. Предположений Г. С. Гурвича, который дает, с одной стороны, весьма живую историю становления власти Советов на местах, а с другой—научно освещенный и положительный очерк первоначального устройства Советов и их Исполнительных Комитетов, круга ведомства этих учреждений, их финансовой системы и борьбы с интеллигенцией за ее участие в советских учреждениях. Казалось бы, материалы тов. Гурвича, почерпнутые не только из специальных анкет и личного общения с тов. делегатами с мест различнейших Советских органов и из разных местностей, были в той же мере доступны автору брошюры Кию, как и тов. Гурвичу.

К брошюрам, вышедшим еще до обнародования конституции Советов, частью во время ее издания, принадлежат и два выпуска партии социалистов-революционеров максималистов, посвященных Советскому строю. Первый из них представляет брошюру А. А. Зверина, второй—коллективный труд нескольких авторов-максималистов. В обеих брошюрах особенно резко подчеркивается как раз тот демокра-

тизм или народовластие, с которым мы уже познакомились в брошюре тов. Кия. Брошюра Зверина более общего содержания. Основой всего здесь является «народ» или, лучше, «трудовой народ», который далее живописно характеризуется несколько в народном стиле, как «свой же брат сиволапый, полуграмотный мужик, солдат, матрос, черномазый рабочий», в противоположность «заправским властителям и законодателям»—«адвокатам, судьям, генералам, офицерам» и вообще буржуазии. После очень недурной критики буржуазной демократии автор дает изображение Советов именно как демократии самоуправляющейся в истинном смысле слова, в которой трудящимся дана наибольшая и действительная возможность «непосредственного вмешательства в законодательство и управление страной». Отмечена и необходимость захвата у буржуазии ее главного орудия борьбы—ее богатства, или, иначе, ее «обезоружения». К величайшему, однако, удивлению нашему, тут же вдруг оказывается, что Советы как раз лишены возможности вести эту борьбу, так как, дескать, «народ Советам не дал никакой физической силы, которая дала бы им возможность провести свои постановления помимо народа». Что эта значит? Надо ли Советам для исполнения своих постановлений каждый раз спрашивать еще нового разрешения избирателей? Следует ли разуметь здесь исключительно добровольное подчинение? И что эта за «народ», о котором идет речь?

Все эти вопросы, однако, легко разрешаются, если мы обратимся ко второй брошюре того же издательства. Правда, в этой последней мы уже находим много интересных фактических данных по истории происхождения Советов, хотя и здесь, с одной стороны, замалчивается их стачечный характер, а с другой стороны, совершенно неправильно им придается какой-то синдикалистский оттенок. Но во всяком случае здесь уже раскрывается понятие «народа», как совокупности всех «трудящихся», или «трудового народа», включая в это понятие не только рабочих, но и «трудовое крестьянство» и «трудовую интеллигенцию», при чем расслоение второй и третьей категории на трудовые и нетрудовые слои в расчет не принимается. С другой же стороны выясняется и значение того отсутствия у Советов «физической силы», о чем выше говорил А. А. Зверин. В сборнике прямо и открыто ведется нападение на партию большевиков по вопросу о диктатуре пролетариата. И это тем более непоследовательно, что, с одной стороны, признается громадность задач и слабость сил, а с другой—отрицается самая необходимость этим вызванной к жизни централизации.

Так, во-первых, мы читаем что «предпосылками Трудовой Республики являются» «конфискация и обобществление всего достояния эксплуататоров трудового народа... введение всеобщей трудовой повинности, уничтожение классав и, следовательно, теперешняя классовая борьба с буржуазией», Советская Россия задыхается «в тесном обхвате извне и в мятежах изнутри», необходима «концентрация средств труда» и «общественно-планомерное хозяйство». В действительности же перво-

начальная организация Советов, как подтверждают авторы сборника, во-вторых, представляет собой далеко не утешительную картину: «Советская Россия представляет на деле бесконечное количество слабо связанных волостей, уездов, губерний, городов и фабрично-заводских районов», при чем «по инерции, по традиции, по привычке наши местные Советы»... не всегда охотно исполняют волю центральных Советских органов. Выполняется...лишь то, что связано с получением непосредственной выгоды, остальное «запамятывается»... При таком положении вещей, казалось бы, единственный выход в централизации и централизации... Так ведь и поступили коммунисты-большевики, которые в величайшем напряжении борьбы преодолели и местную анархию и слабость связи центра и мест. Но, в-третьих, наши авторы ставят в упрек именно большевикам и их единственному в своем роде централизованному партийному аппарату, что они «подчинили» массы «дисциплине единодушных решений» и построили «государственный аппарат по типу централизма, усиленно прививая начала единоличной диктатуры».

О последовательности и правильности суждений наших народолюбцев уже произнесла свое суждение история, которая целиком оправдала и диктатуру пролетариата и диктатуру его партии в период совершенно исключительной борьбы нескольких красных губерний, объединенных вокруг партии большевиков, против всего мира. И, пожалуй, только теперь могли бы быть признаны в известной степени обоснованными пожелания тогдашних максималистов относительно расширения и укрепления самоуправления и самодеятельности местных Советов и местного населения в деле управления и хозяйственного строительства. Теперь мы, действительно, можем перейти и действительно переходим к расширению и углублению демократических начал Советского строя. Но тогда—три года тому назад—такие протесты и претензии были, по крайней мере, утопичными. Мы не отвечаем здесь еще на другой упрек максималистов—в стихийности нашей политики и в то же время в ее надуманности и отвлеченности,—эти упреки отрицают сами себя. Что же касается самой организации Советов, то здесь максималисты не сказали ничего, чтобы впоследствии не было в более полном и отчетливом виде воплощено Советами, объединенными вокруг коммунистической партии.

За максималистами здесь можно признать разве ту большую заслугу, что они довольно верно наметили те основные пункты Советского устройства, которые впоследствии стали предметами оживленных споров и борьбы различных междусоветских, партийных и междупрофессиональных течений. Таковы, например: об отношении делегатов и избирателей, о привлечении масс к участию в Советской работе, о деловом ее характере, о мерах контроля, о централизации и децентрализации, о пределах ведомства и власти Советских органов, о роли В. Ц. И. К. и Сов. Нар. Комисаров и т. д. И если даже эти вопросы только ставились и освещались в духе крайнего, полуанархического

демократизма, то нельзя не видеть в самой постановке таких вопросов некоторого почина в деле организационного творчества и намечения путей последующего строительства. К сожалению, как мы увидим ниже, у слишком многих товарищей, писавших о Советском строе и конституции, эти важнейшие вопросы не нашли вовсе ни освещения, ни выяснения.

Так, брошюра Н. Крупской, под заглавием: «Конституция Р. С. Ф. С. Р.», посвящена по существу только двум вопросам: во-первых, подробному разъяснению «Декларации трудящегося и эксплуатируемого народа» и, во-вторых,—изложению и комментированию тех «прав» трудящихся, которым конституция посвящает статьи 13—21. Самому устройству Советов отведена самая незначительная часть текста, при чем изложение ограничивается почти дословной передачей некоторых статей конституции в сокращенном виде. О таком ограничении темы автором можно только пожалеть, так как, с одной стороны, «декларация» и «права» представляют собой наиболее понятную часть основного закона Советов, а с другой—особенно было бы желательно применение продуманного марксистского подхода и отчетливого, простого и почти художественного изложения тов. Крупской как раз к наименее ясным и важным для практики отделам конституции. А в той форме, как мы имеем упомянутую брошюру сейчас, она имеет только агитационное значение. Самую «конституцию» она затрагивает очень мало.

Брошюра тов. С. Равич страдает подобным же недостатком. Заглавие и здесь обещает гораздо больше того, что она в действительности дает. Казалось бы, в ответ на поставленный на книжке вопрос—что такое республика Советов?—мы в праве были бы ожидать подробного и отчетливого изложения того, что она из себя представляет. Вместо этого мы имеем, во-первых, довольно живо написанную критику форм буржуазной демократии, во-вторых, краткий очерк происхождения советов и, в-третьих, недурное изложение задач и общей сферы деятельности некоторых народных комиссариатов. Все это очень полезно знать советскому гражданину, но мы очень сомневаемся, чтобы таким путем он получил достаточно полное представление о том, что же такое, наконец, эта самая «республика Советов»? Отметим, что даже не все народные комиссариаты оказались перечисленными и освещенными в изложении тов. Равич. Ни наркомат продовольствия, ни юстиции, ни торговли, ни путей сообщения, ни почт и телеграфов, ни госуд. контроля почему-то не попали в список нашего автора. Почему? А между тем после перечисления отделов в брошюре говорится: «Вот приблизительно все отделы, которые существуют в нашем Советском строительстве». Очевидно, не все. Еще больше приходится пожалеть о другом. Тов. Равич подходит и к весьма важным вопросам нашей конституции и устройства, ответ на которые особенно желателен. Так, например, она упоминает о «демократическом централизме»—принципе, который играет, как известно, очень большую роль в нашем

строительстве. И что же?—Никакого пояснения того, что̀ такое этот централизм, мы в брошюре не находим.

В заключение несколько замечаний по поводу изложения устройства буржуазных республик. Во-первых, совершенно непонятно, почему автор считает наиболее «типичной» республикой современную Францию? Мы бы полагали, что как раз Франция представляет собой наименее типичную республику, так как исторически она представляет собой недоделанную монархию, а в организационном отношении служит примером разве для некоторых южно-американских республик довольно отсталого типа. Тем более наше возражение имеет место, что несколькими строками дальше сам автор говорит о Швейцарии и Соединенных Штатах Америки, как о наиболее «совершенных» формах современной демократии. Спрашивается, во-вторых, почему автор считает, что в упомянутых последних республиках существует однопалатная система представительства, когда на самом деле там имеется до настоящего времени две палаты, верхняя и нижняя, пользующиеся в деле законодательства равными правами? Каким образом, в-третьих, французская палата депутатов превратилась в «национальное собрание», тогда как, как известно, национальным собранием называется соединенное собрание палаты депутатов и сената (верхней палаты), которое и обладает правами учредительнаго собрания? Почему, в-четвертых, референдум или всенародное голосование автор считает временным и факультативным учреждением, сохранившимся в отдельных кантонах Швейцарии, когда на самом деле теперь всенародное голосование в обязательной форме принято не только в отдельных кантонах, но и в союзной конституции Швейцарии, в союзной конституции Австралии и в целом ряде штатов Северной Америки? И т. д. Мы не можем допустить, чтобы тов. Равич были неизвестны факты, о которых писалась брошюра...

Брошюры тов. К. Еремеева, несмотря на то, что она носит подзаголовок «Отдел Советской пропаганды В. Ц. И. К.», в серьез принимать нельзя, ибо она написана вовсе не о «Социалистической Советской Республике», как стоит на заголовке, и притом написана таким языком, который весьма плохо передает ее содержание. Советской республике и ее строю в брошюре отведено минимальное место, главным же содержанием ее является призыв к исполнению революционного долга путем устройства коммун, поддержки Красной армии, устройства и охраны путей сообщения и т. д. Брошюра имеет целью просвещение и агитацию, главным образом, среди крестьянских масс, а посему автор старался написать ее, что называется, самым крестьянским и простецким языком. К сожалению, тов. Еремеев переборщил несколько в этом направлении, и получились, с одной стороны, выражения в роде «надо в ту точку потрафлять», а с другой—общий тон несколько раешного склада, а следовательно, как раз для крестьянина не убедительный, ибо крестьянин считает серьезными вещами только то, о чем и говорят серьезно. С другой же стороны, и

самый смысл порой страдает от такой подделки «под мужичка». Ради подтверждения приведем хотя бы такую фразу: «Как общегосударственные дела при старом режиме делались?» И следует ответ: «А так, что, напр., лучшее продовольствие было только у богатых: мошна туга, ешь до отвала, чего хочешь». Недурное общегосударственное дело...

Брошюра тов. Н. Глебова принадлежит к другой категории. Она ставит себе определенную задачу—дать разъяснение или комментарий к самому тексту Советской конституции. Задача эта разрешается таким образом, что после каждой из статей основного закона, излагаемого в порядке его официального текста, следует пояснение или объяснение, написанное простым и понятным языком. Большая часть таких разъяснений вполне отвечает своей цели и способна дать самому неподготовленному читателю отчетливое представление о нашей конституции. Такой комментарий тем более необходим, что, как известно, самый текст закона далеко не отличается ни простотой, ни доступностью изложения. «Автономный», «аннексия», «декларация», «активный», «пассивный», «федерация», «фонд» и тому подобные термины, вполне доступные среднему интеллигенту, являются настоящим камнем преткновения для простого деревенского человека. Желательно было бы переиздание брошюры тов. Глебова в дополненном и исправленном виде еще и потому, что за время с 1918 г. произошло много перемен не только в нашей экономической политике, но и некоторых принципиальных наших отношениях. Такова хотя бы линия нашего отношения к буржуазии.

К подобному же разряду комментариев Советского строя принадлежит и книжка В. А. Карпинского. Однако, нельзя не признать ее значительно более ценной, нежели брошюра Глебова. Во-первых, она более самостоятельна и не связана рамками самого текста конституции. Во-вторых, она более живая и дает много материала, почерпнутого прямо из практики. Первое издание работы тов. Карпинского вышло в сотрудничестве с тов. Лацисом еще до появления Советской конституции. Второе, дополненное и исправленное, уже включило в себя тот материал, который дает конституция. Недостатком брошюры является ее краткость, которая по целому ряду весьма важных вопросов приводит прямо к календарному перечислению отделов и подотделов без выяснения их связи, пределов власти и степени зависимости от местных и центральных учреждений. Несколько портят брошюру и такие выражения, которые не только теперь, но даже в 1918 году были явным преувеличением. Таково положение, что будто бы «в наше время, когда идет самая отчаянная борьба между рабочим людом и старым миром, беспартийных людей нет и не может быть. Или ты против Советской власти, или за нее. Серединки нет». Здесь, несомненно, спутаны два понятия: партийность и приверженность к Советам, и получается нелепость, будто бы всякий сторонник Советского строя должен быть во что бы то ни стало коммунистом, иначе

он зачисляется в белогвардейцы. Лучше было бы таких изречений избегать. То, что было нами сказано выше относительно некоторой устарелости книжки тов. Глебова, относится и к брошюре тов. Карпинского. Общим недостатком обеих этих книжек должно признать полное почти умолчание по тем вопросам, которые уже выше были нами отмечены в брошюрах максималистов, а именно—о централизации и децентрализации, о бюрократизме и самоуправлении и т. д. Единственно, что более выгодно отделяет работу Карпинского, это разве то, что он хотя бы приблизительно пробует набросать предметы ведомства сельских, волостных и других местных Советов,—пункт, который и в самой конституции не нашел достаточного освещения.

Научное освещение конституции Советов мы находим прежде всего в работе тов Гойхбарга, помещенной в специальной книге журнала Нар. Ком. Юстиции. К сожалению, и по своему объему и по содержанию она далеко не отвечает на те по существу громадные и важные вопросы, которые возбуждает новый порядок. Это только очерк основных важнейших идей, положенных во главу угла республики Советов сравнительно с буржуазным порядком, и с этой стороны статья А. Г. Гойхбарга заслуживает полнейшего внимания. Она написана со свойственным этому автору талантом, тонкостью анализа и строгой последовательностью мысли; к тому же, как вышедшая из под пера человека, принимавшего живое участие в разработке одного из проектов конституции, и написанная под живым впечатлением некоторой борьбы среди различных течений в конституционной комиссии, она дает любопытный исторический материал для исследователей по конституции Советскаго строя. Еще более краткая статья тов. Стучки, помещенная в том же сборнике, подходит к характеристике конституции только с одной отороны,—а именно, поскольку организация Советов и их строй являются созданием и средством классовой борьбы пролетариата. Нельзя только целиком согласиться с последним автором в его утверждении, что Советская конституция есть целиком «конституция гражданской войны». Как показывают факты, эта конституция имеет гораздо более широкое и длительное значение.

Г. С. Гурвич в первом выпуске своего курса дает по существу первую попытку научной конструкции Советской власти в виде печатного руководства. Задуман этот курс довольно широко. Он не только излагает некоторые основы общего учения о государстве, но и некоторые части того, что теперь принято называть вообще учением исторического материализма. Так, в книге тов. Гурвича мы находим и вопрос о «Государстве, его происхождении и характере», и о «Государственной власти и диктатуре», и о «Представительном правлении в буржуазном государстве», и об «Уничтожении государства, как конечной цели пролетариата», и о «Понятии конституции, как основном законе». И нужно кстати отметить, что автор в сопоставлении этих глав и отделов далеко не следовал никакой школьной рутине. Наоборот, он слишком увлекся свободой изложения и без особого стеснения

не раз нарушил необходимую последовательность своего курса. Так, учение о конституции предшествует главе о происхождении государства. Теория классовой природы государства следует за главой об его эксплуататорской роли и насильственном характере, изложение основ буржуазного строя сменяет собой характеристику диктатуры пролетариата и т. п. Другими словами, самый живописный беспорядок, который смеется над исторической последовательностью и менее всего может быть оправдан сравнительным методом.

По содержанию книга Г. С. Гурвича представляет весьма не равноценный материал. Есть отделы и главы, где автор прекрасно справляется со своей задачей. Такова, например, характеристика буржуазной государственности с ее призрачной демократией и поддельными правами равенства и свободы. Очень неплоха и картина Советского строя с его пролетарской диктатурой и своеобразием Советской системы. Во многих местах изложения чувствуется и знакомство автора с научной литературой и уменье поставить понятия и принципы старой юриспруденции под яркий свет исторического материализма. Но с чем автор положительно не справился—это с некоторыми общими понятиями, и в частности—с понятием государства. Правда, в этом пункте требовалось проделать большую и самостоятельную работу, ибо как раз здесь мы находим наибольшую незаконченность и неясность марксистской литературы. Однако, совершенно необходимо было уяснить данное понятие и дать научное определение государства, а не довольствоваться обрывками вульгарного марксизма.

Получилась легковесность и поверхностность, которая менее всего может быть поставлена в заслугу автору. К сожалению, и форма выражения автора не всегда соответствует серьезности содержания. Все же книжка имеет свои достоинства.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ И ПЕЧАТНОЕ ДЕЛО

НАША ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Ил. Вардин.

I.

Тов. Е. Преображенскому принадлежит удачная фраза: если хорошая литература содействует революции, то революция не содействует хорошей литературе. Наша периодическая печать является ярким показателем того, что революция в самом деле «не содействует хорошей литературе». Советская республика не имеет хороших газет, издательское дело у нас поставлено из рук вон плохо.

Причины этого явления совершенно ясны; наши лучшие публицисты, журналисты, литераторы должны все внимание отдавать государственной работе. Новые силы в значительных размерах появиться в годы титанической борьбы не могли. Борьба и работа поглощала все. Публицистикой и журналистикой приходилось заниматься кое-как, между делом. Дошло до того, что журналиста, литератора, как профессию, мы «не признаем». В наших многочисленных анкетах встречаются всевозможные профессии, но «журналиста» в них нет.

Но так как всякое серьезное дело нуждается в специалистах, а у наших газет как раз необходимого им специалиста коммуниста нет, то в итоге наша печать являет собою весьма грустную картину.

Вчера и позавчера нам и думать как следует об этом было невозможно: все внимание, все силы, все средства были обращены на фронты. Сегодня, когда борьба окончена, когда пред нами сложнейшие задачи мирного строительства, сегодня мы обязаны уделить печати самое серьезное внимание, поставить наше газетное и издательское дело на должную высоту.

Многие часто и не задумываются над тем, какое колоссальное значение имеет газета.

В марте 1919 года 8 Всероссийский съезд Р. К. П. в специальной резолюции о партийно-советской печати напоминал, что «*пресса является могучим орудием пропаганды, агитации и организации, незаменимым средством воздействия на самые широкие массы*». Мысль эта, очевидно, не проникла в сознание даже местных руководящих

элементов нашей партии, ибо иначе как объяснить то во всех отношениях безобразное положение, в котором находится наша местная печать?

Главные болезни нашей печати сводятся к следующему.

Прежде всего, отсутствует в них биение пульса живой жизни. Статьи растянуты, непопулярны, скучны и далеко не всегда политически и технически грамотны. Местная жизнь почти совершенно не освещается. Связи с органами хозяйства, освещения их работы нет. Даже отчеты о заседаниях советов и исполкомов подаются протокольно, «по-казенному».

Почему это так? Работников нет. Люди, умеющие руководить газетой, заняты другими делами,—собирают налог, проводят кампании, сидят в отделах, президиумах. Считается, что газета—это такое дело, потребности которого могут быть удовлетворены в десятую очередь.

Далее, газета не имеет необходимых материальных средств. Финансированием редакций до сих пор было занято около 7—8 ведомств и учреждений—в результате даже денежными знаками наши газеты не обеспечены и в минимальной степени. Газетный работник совершенно не обеспечен. Наш литературный тариф едва ли не самый нищенский из всех тарифов...

Печать попала в «канцелярский переплет», ей дали место в «схеме», и она очутилась в самом дальнем углу—где-то в «секции» или «отделении» «подотдела». От партии, от совета она оказалась отрезанной. Там и голос ее не всегда слышен...

II.

Но все-таки, что из себя представляют наши газеты? Обратимся к фактам.

В Поволжьи—страшный голод. Вся огромная область стоит перед лицом смерти. Какова в данном случае задача поволжской газеты? Во-первых, она должна дать точную картину того, что происходит. Во-вторых, она должна указать населению, где выход. Мероприятия власти, размеры и характер возможной помощи, вопрос о взаимопомощи, вопрос о *будущем* сельского хозяйства, вопрос об улучшенном земледелии, о посевах, о переселении, об иностранной помощи,—все это подробно, толково, систематически должна разъяснить волжская газета. Голоду и ее последствиям волжская газета ежедневно должна посвящать не менее, чем три четверти своего материала, а в иные моменты вся газета от первой до последней строчки должна быть посвящена этому основному, решающему вопросу. Волжская газета должна не только разъяснять—она должна стать—*должна была* стать могучим орудием организации и духовной мобилизации голодающего населения, «незаменимым средством воздействия на самые широкие массы».

в наших условиях он должен надолго приковать к себе внимание. По тем же причинам за первоначальным изучением его приходится обращаться к идеалистическому прототипу его у Гегеля.

* * *

В целях популяризации и для нужд школьного употребления у нас неоднократно делались попытки нумеровать и перечислять в форме таблицы принципы диалектики. На деле получалось нечто вредное: диалектика формализировалась, вместо живых, изменяющихся, переходящих в свою противоположность диалектических категорий, мы получали застывшие, мертвые схемы. «Диалектика природы» должна уберечь нас от этой противоестественной операции. Все в ней построено на отрицании мертвых, неподвижных, односторонних понятий.

К чему сводится внутренний смысл «Диалектики природы»? В конечном счете к тому же, что̀ исторически и логически выразилось в диалектическом материализме. Старый до-марксовский материализм был по преимуществу механическим, метафизическим материализмом. Отдельные моменты диалектического мышления пробивались в нем согласно народной поговорке: «Гони природу в дверь, она придет в окно». Конечно, такое положение вещей определялось объективными условиями, но факты остаются фактами. Не входя здесь в рассмотрение причин, мы лишь повторим за Марксом и Энгельсом, что деятельную, активную сторону философии, диалектику развивал классический немецкий идеализм от Канта до Гегеля. Однако здесь мы имели лишь диалектику чистых понятий, диалектику, оторванную от земного базиса. Если, употребляя удачное выражение А. М. Деборина, там, у старых материалистов, материализм без диалектики оказывался *слепым*, то здесь, у немецких идеалистов, диалектика без материализма оказывалась *пустой*. Синтез, диалектический материализм, был дан Марксом и Энгельсом.

Но кроме общего философского решения проблемы надлежало конкретно развить исходные положения и в области общественных наук, как осмысливания общественного бытия, и в области наук естественных, как осмысливания, говоря по аналогии, бытия естественного. В первом направлении задача решалась историческим материализмом. Во втором направлении, как это ни странно, дело обстояло сложнее. Идеалистическая точка зрения, правда, легко преодолевалась хотя бы стихийным материализмом естествоиспытателей. Но, как известно из области того же обществознания, от стихийности до сознательности путь не короткий. Сознательный же материализм здесь означал материализм диалектический. Здесь-то и встретились затруднения. Материалисты-естествоиспытатели оказались не диалектиками. Правда, много помог Дарвин со своей опять-таки стихийной диалектикой. Но и этого было мало. Естественно-научные материалисты XIX века, Бюхнер, Фохт, Молешотт, Чольбе, были и материалистами, и дарвинистами, и даже атеистами, но они не были *диалектиками*. Получился парадокс: природа диалектична, а исследователи природы обладают метафизическим мышлением!

Смысл «Диалектики природы» в том, что *Энгельс раскрывает естествоиспытателям диалектическую сущность природы*. Само по себе естествознание накопило уже достаточное количество фактов для такого вывода, но оно за весьма немногими исключениями не в силах охватить их, не в силах подвергнуть их рациональной, философской обработке, и поэтому, именно поэтому такие научные звезды, как дарвинист, едва ли не раньше самого Дарвина, Уоллес, или химик Крукс, открывший таллий, скатываются в объятия спиритизма.

Если мы верим спектрально-аналитическим наблюдениям Крукса, если мы доверяем открытиям Уоллеса, то почему мы не верим их спиритическим наблюдениям и открытиям? Если вся истина воплотилась лишь в естествознании, если «естественная наука сама себе философия», то где критерий истины, как не в ней самой? Но именно такая постановка вопроса неправильна. Есть философия, конкретизируемая как методология, именно как материалистиче-

Но, быть - может, в других районах республики дело обстоит лучше? Увы,—этого никак нельзя сказать. Перед нами—«Спутник Коммуниста», орган Тверского губкома. В Твери издается весьма недурная газета «Тверская Правда». Относительно же уездных газет Тверской губ. тов. Лебедев в «Спутнике» пишет:

«Рассматривая наши газеты, неизбежно придешь к выводу, что у нас часто пишутся черезчур длинные сухие статьи, для чтения которых у малограмотного крестьянина и рабочего не хватит времени и терпения. *Нет живости, сокращенности боевых лозунгов, ударности*, зато—изобилие длиннейших приказов и циркуляров. Газета приобретает *казенный характер*. На правильную верстку газеты мало обращается внимания, и в конечном результате *газета выглядит уродливой*».

Здесь отмечены недостатки, которые присущи огромному большинству наших газет. В других губерниях не лучше, а *хуже* положение печати. Тверская губерния в этом отношении еще сравнительно благополучная губерния. Есть у нас немало газет, которые приносят нам прямой вред, ибо *извращают* политику Советской власти, компрометируют партию и власть перед населением. Мы могли бы привести огромное количество фактов, подтверждающих данное указание. Однако, вряд ли найдутся охотники, желающие оспорить наши утверждения.

III.

Главная беда печати в том, что партия, поглощенная борьбой на фронтах, не уделяла ей должного внимания. Печать находилась на положении «бедной родственницы».

В данное время в руководящих партийных кругах наметился определенный перелом. Ц. К. партии вплотную подошел к вопросу о положении периодической печати. На местные партийные организации производится необходимый «нажим», чтобы побудить их серьезно заняться этим огромной важности делом. В конце декабря созывается Всероссийский съезд журналистов, который объединит, наконец, на производственно-профессиональной почве всех работников печати.

Наша революция начнет, наконец, содействовать хорошей литературе. У нас появится, наконец, «признанный» и объединенный журналист. Нам удастся вытащить газету из ведомственного лабиринта. Она будет отодвинута от канцелярии и придвинута ближе к жизни и живой работе. Молодая Советская республика получит живую, яркую, «всезнающую», «всевидящую» рабоче-крестьянскую газету, которая будет пробуждать и просвещать, звать к борьбе и работе, учить работе по-новому, собирать и обобщать опыт новых строителей...

Мы создали невиданное в мире государство—мы должны создать невиданную государственную коммунистическую печать. *Наша газета не может искать образца в прошлом — она должна стать образцом для грядущего.*

СЪЕЗД ГОСИЗДАТА.

(3—6 октября 1921 г.).

Всероссийский Съезд Государственного Издательства (с участием представителей Центропечати и Роста) был задуман еще в прошлом году и назначен на 17 декабря 1920 года. В разосланной по радио программе съезда имелись уже и тогда больные вопросы взаимоотношений с Центропечатью, Роста, Наробразом, о плане издательской работы и др. По каким-то причинам в назначенное время съезд не состоялся и был перенесен сначала на 30 января 1921 года, потом на 12, на 28 февраля. Наконец, было решено созвать в октябре с. г. всероссийский съезд заведующих областными и губернскими отделениями Государственного Издательства, который и состоялся.

Из 62-х отделений на съезд прибыли представители 43. Делегатов с решающим голосом приехало 44, с совещательным 8. Кроме того, от центральных учреждений присутствовало 9 человек с решающим голосом и 10 с совещательным. Таким образом, общий состав съезда был 71 человек, из коих коммунисты составляли 60%. Подробный отчет о съезде напечатан в № 7—8 Бюллетеня Госуд. Изд-ва. Мы приводим лишь резолюции.

Резолюции съезда.

I. По всем докладам съезда принята следующая резолюция:

1) Съезд губернских и областных отделений Госиздата констатирует, что в силу причин, в обсуждение коих он сейчас не входит, до настоящего времени не было издательского плана, согласованного с требованиями момента и насущными потребностями республики.

2) По вопросу о взаимоотношениях с заинтересованными ведомствами съезд считает необходимым перейти на выполнение плановых изданий этих учреждений. Издательский план Госиздата должен состоять из согласованных и проникнутых единой идеей планов заинтересованных ведомств. Первое место в едином плане должно быть предоставлено для учебников Наркомпроса и для основной марксистской литературы. Ведомства должны выделить редакционные коллегии, утвержденные Госиздатом и работающие под его руководством.

3) По вопросу о введении платности изданий в связи с экономической политикой съезд полагает, что такое мероприятие должно быть введено лишь с сугубой осторожностью (введение платности должно иметь целью создание хозяйственного плана работы, не преследуя прибылей).

4) Организационная разобщенность Центропечати, Госиздата и органов, ведающих периодической печатью, привела к тому, что работа, внутренне тесно спаянная, протекала до сих пор вразброд. Съезд считает необходимым произвести организационное слияние Центропечати,

органов, ведающих периодической печатью и Госиздата в целях урегулирования общей по существу работы.

5) Рассматривая Полиграфический отдел, как подсобный орган Госиздата, съезд, не претендуя на управление полиграфической отраслью производства в целом, считает необходимым, чтобы наиболее оборудованные типографии были целиком переданы в распоряжение Госиздата, эксплуатация которых происходила бы на договорных началах.

6) По вопросу о слиянии органов Госиздата с Губнаробразами на местах съезд полагает, что такое слияние приводит к чрезвычайной путанице, и находит целесообразным организационное размежевание под непосредственным управлением Госиздата в Москве, оставляя общее руководство за Наркомпросом в центре.

7) Считаясь с исключительной важностью и высоко квалифицированным характером работы Петроградского Отделения Госиздата, съезд указывает Ц. У. Г. на необходимость всемерной поддержки Петрогосиздата в целях усиления общегосударственных рессурсов и сохранения аппарата, давшего крупные в качественном отношении образцы книгопечатного дела.

II. О взаимоотношениях Главного Управления и мест съезд констатирует:

1) Связь Главного Управления с местами была крайне слаба.

2) Работа шла вразброд, т. к. не было объединяющего руководства со стороны центра, а потому съезд считает необходимым:

А) В области организационной: 1) Необходимо провести более планомерное назначение заведующих губернскими и областными отделениями, которое должно происходить с ведома и согласия центра.

2) Главному Управлению следует усилить свой организационно-инструкторский аппарат, увеличив число инструкторов.

Б) О бюллетене. Признавая необходимость и полезность издания в целях взаимной информации, съезд все же находит, что в настоящем своем виде оно не в состоянии выполнить все задания, которые на него возложены, а потому предлагает:

1) Бюллетень расширить, сделав его двухнедельным периодическим изданием.

2) Поставить на должную высоту редакционную и инструкторскую часть.

3) Предложить местам постоянной и регулярной информацией, оживить его и приблизить к себе.

В) В издательской работе: 1) Съезд находит, что издательская деятельность республики должна итти не разрозненно, а по общему государственному плану.

2) Места должны быть осведомлены об издательских заданиях центра и вовлечены в эту работу выполнением части своих заданий.

3) Места автономны в своей местной издательской деятельности, т.-е. проведение местных агиткампаний, статистических работ в губернском масштабе, научных исследований местного характера и т. д.;

всю же остальную свою работу они строго согласуют с Главным Управлением, точно подчиняясь его редакционному руководству. Съезд обращает внимание мест на необходимость более регулярной и аккуратной присылки Главному Управлению отчетных ведомостей.

III. Резолюция т. Хейфеца.

1) В целях упорядочения издательской работы в республике съезд считает необходимым, чтобы вся литература Агит-Проп-Отдела, приуроченная к данному моменту, должна издаваться центром в общероссийском масштабе, но при непременном условии, чтобы эти книги и листовки были своевременно разосланы по местам, чем будет ликвидирована та лишняя работа по выпуску тех же изданий, которая происходила до сих пор.

2) Издание же литературы, имеющей постоянный характер, напр., учебной, марксистской, ученой и т. д., должно происходить в следующем порядке: Центральное Управление в конце каждого отчетного года оповещает все отделения Государственного Издательства о том, что̀ оно считает нужным издать в следующем году, просит их присылать списки своих предполагаемых изданий с подробными рецензиями. Собранные материалы Центральное Управление согласовывает, систематизирует, устанавливает тираж принятых изданий и предоставляет в распоряжение соответствующего отделения Госиздата нужное количество бумаги, при чем эта работа должна быть проведена Центральным Управлением в самом срочном порядке.

3) В целях ликвидации крайне ненормального положения, создавшегося на местах в связи с подчинением Госиздата, многим учреждениям, предъявляющим к нему огромные требования—печатать разного рода отчеты, протоколы и т. д.; съезд предлагает Центральному Управлению войти с ходатайством в Совнарком об издании постановления, согласно которому ни один отчет, ни протокол съездов в разных учреждениях и организациях, не выходящие за пределы данной губернии, области, не должны печататься.

По вопросу о платности произведений печати съездом принят следующий проект декрета:

На основании декрета от 5 августа с. г. о взимании платы за различные предметы, отпускаемые государством, и с целью урегулирования и более планомерного распространения произведений печати, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Ввести с 1 ноября платный отпуск всех произведений печати, в том числе и газет, всем государственным и общественным учреждениям и частным лицам (розничная продажа, подписка).

2) Цены на вновь выходящие книги, газеты и журналы, выпускаемые Госиздатом, устанавливаются сообразно фактической себестоимости их и со включением организационных расходов.

3) Цены на все книги и иные печатные произведения, ранее напечатанные, находящиеся в распоряжении Центропечати, устанавливаются последней по соглашению с Госиздатом.

4) Установленные цены обязательны для Центропечати и ее местных органов и всех учреждений, организаций и лиц, получающих произведения печати для продажи, и до установленного срока изменены быть не могут.

Примечание. Разрешение на производство торговли произведениями печати выдаются в Москве Центропечатью, а в Петрограде — Совцентропечатью; в других местностях соответствующими Губотделениями Центропечати, по соглашению с Губиздатом при условии подчинения специально установленным правилам для производства торговли произведениями печати.

5) Плата за отпускаемые произведения печати взимается с Государственных Центральных учреждений, имеющих соответственные сметные ассигнования, путем перечисления, с остальных учреждений и отдельных лиц—путем внесения оборотных ассигновок или денежных знаков.

6) При отпуске произведений печати Центропечать и ее местные органы строго руководятся установленными Ц. К. П. принципами распределения литературы, ставя основной своей задачей обслуживание культурно-просветительных учреждений и снабжение произведениями печати трудящихся.

7) Отпуск газет рабочим и служащим по коллективной подписке производится по пониженной плате, установленной Ц. К. П. в центре, на местах—по соглашению Губпечати и Губполитпросветом.

Примечание. Разница между номиналом и пониженной платой, по которой газета отпускается рабочим и служащим, уплачивается Главполитпросветом.

8. Красноармейские части и воинские организации снабжаются газетами и литературой за счет Реввоенсовета республики по особо установленной норме.

9) С целью предоставления трудящимся более широкого пользования газетами во всех городах и сельских пунктах органами Центропечати производится расклейка газет по заданиям и за счет Главполитпросвета и его местных органов. Отпуск агитационной, информационной и ведомственной литературы производится целиком или частично за счет заинтересованных учреждений и ведомств.

10) В развитие настоящего декрета Центропечати по соглашению с Госиздатом составить дополнительные инструкции.

КНИЖНОЕ ДЕЛО НА ЗАПАДЕ.

И. Звавич.

(Статистическая справка).

Статистические сведения, иллюстрирующие содержание литературы, выходящей в Западной Европе, дают картину духовной жизни Европы, быть-может, с большей полнотой, чем заявления и речи политических ее деятелей. «Скажи мне, что ты читаешь, и я тебе скажу, кто ты»,—этот афоризм можно применить и к современной Европе.

Книжная статистика последних лет отмечает влияние истекшей мировой войны прежде всего в виде сокращения количества выходящих изданий. К сожалению, данные за 1921 год еще отсутствуют, и нам приходится руководствоваться статистикой 1919 и 1920 годов, когда значение мировой войны в духовной жизни Европы сохраняло исключительно выдающееся значение. Вплоть до конца войны мы наблюдаем, например, в Англии и Франции, постепенное падение количества выходящих изданий, начиная с 1914 года. Культура, если показателем считать количество выходящих книг, вообще перемещается во время войны в нейтральные страны. Особенно значительно в этом смысле пострадала от войны Франция. Сокращение количества выходящей литературы в особенности коснулось беллетристики, т.-е. наиболее читаемых населением книг. Если в 1910/11 гг. количество выходящих во Франции книг [1]) составляло 11.266 названий в год, и превышало, таким образом, количество изданий в Дании (3305) более чем в $3^1/_2$ раза, а в Голландии (3777) в 3 раза, то в 1918 году Дания уже обогнала Францию—4305 против 4284 названий; Голландия же значительно приблизилась к Франции—3746 названий. Если в 1919 году Франция и несколько обогнала Голландию и Данию (5171), то по сравнению с данными довоенного времени указанная цифра не составляет и половины книг.

Перехожу к книжной статистике по отдельным странам. Возьмем прежде всего страны Антанты—Англию и Францию. В Англии [2]) падение количества выходящих ежегодно изданий, начавшееся уже с 1913 года, абсолютно меньше, чем во Франции; в 1919 году в Англии также наблюдается повышение количества выпускаемых книг.

1910 г.	10.804 названий.	1915 год	10.665 названий.
1911 »	10.914 »	1916 »	9.149 »
1912 »	12.067 »	1917 »	8.131 »
1913 »	12.379 »	1918 »	7.716 »
1914 »	11.537 »	1919 »	8.622 »

[1]) Bibliographie de France за 1920 год.

[2]) По сведениям Sammelmappe des Auswärtigen Amtes: № 26 от 8 апреля 1921 г.

По отдельным отраслям знания изданная в Англии в 1919 году книжная литература распределялась следующим образом:

1. Философия	229	названий.
2. Религия	766	»
3. Общественные науки	824	»
4. Право	261	»
5. Воспитание, педагогия	259	»
6. Филология	182	»
7. Естественные науки	434	»
8. Технология	686	»
9. Медицина, здравоохранение	367	»
10. Сельск. хозяйство, огородн.	228	»
11. Домашнее хозяйство	47	»
12. Торговля	139	»
13. Изящные искусства	127	»
14. Музыка (сочинения)	29	»
15. Игры и т. п.	96	»
16. Всеобщая литература	281	»
17. Поэзия и драма	495	»
18. Романы	1217	»
19. Произведения для юношества	564	»
20. История	432	»
21. Путешествия	211	»
22. Землеведение	126	»
23. Биография	295	»
24. Общие сочинения справочн. издан.	121	»
25. Армия и флот	216	»
Итого	8622	названий.

При рассмотрении вышеуказанных данных по книжной статистике Англии обращает на себя внимание относительное преобладание философии и религии. В английской духовной жизни философия и религия занимают непропорционально крупное место, обнимая собой около $^1/_8$ всей выходящей литературы. Для России, напр., представляется совершенно невозможным подобное соотношение. Общественные науки, если мы будем под ними подразумевать, кроме прямо указанных в рубрике «общественные науки», также право и историю, охватывают 1507 названий, или всего в полтора раза больше, чем религия и философия. Вообще общественные науки, сравнительно с другими отраслями знаний, занимают менее выдающееся место, чем это можно было бы предполагать. Беллетристика, литература, изящные искусства и биография охватывают около 3000 названий, или в 2 раза более наук общественных и более чем в полтора раза превышают науки естественные. Эти последние обнимают собой всего 1888 названий (под науками естественными будем понимать: медицину, технологию, сельское домашнее хозяйство, землеведение, т.-е. все науки прикладные и естественные науки собственно). Теоретической естественной литературе не отведено значительного места среди выходящих изданий в противоположность прикладным знаниям.

Книжная статистика Франции за последние 10 лет показывает следующее развитие книжного дела (количество выходящих изданий) [1]).

1910 г.	11.266 названий.	1915 г. . . .	3.897 названия.
1911 »	10.396 »	1916 » . . .	4.786 »
1912 »	9.645 »	1917 » . . .	4.802 »
1913 »	10.758 »	1918 » . . .	4.284 »
1914 »	8.511 »	1919 » . . .	5.171 »

Вышедшая в 1919 году литература распределяется следующим сбразом по отдельным отраслям знания:

1. Экономическая и социальная жизнь . . .	1233	названия.
2. Воспитание и педагогия	535	»
3. Религия	410	»
4. История	988	»
5. Землеведение и путешествия	56	»
6. Точные и естественные науки	154	»
7. Медицина	321	»
8. Искусство	94	»
9. Литература	1154	»
10. Иностранные тексты	226	»
Итого . . .	5171	название.

Если Францию и зачисляют иногда в число безрелигиозных стран [2]), то все же религия занимает довольно почетное место—около $^1/_{12}$ всех выходящих изданий, или почти столько же, сколько естественные науки и медицина вместе. Франция — приют иностранных эмигрантов; ни в одной стране, за исключением, быть-может, Соединенных Штатов, не наблюдается такого количества выходящих на иностранных языках книг.

Соединенные Штаты были значительно менее затронуты войной, нежели Европа. Так, количество вышедших книг составляло: [3])

1908 г.	9.254 названий.	1914 г. . .	12.010 названий.
1909 »	10.901 »	1915 » . .	9.733 »
1910 »	13.470 »	1916 » . .	10.445 »
1911 »	11.223 »	1917 » . .	10.060 »
1912 »	10.903 »	1918 » . .	9.237 »
1913 »	12.230 »	1819 » . .	8.594 »

Интересно отметить то обстоятельство, что падение количества выходящей книжной литературы, наступившее со вступлением Соединенных Штатов в европейскую войну, не приостановилось и в 1919 году. По отдельным отраслям знания вышедшее в 1919 году количество книг распределялось следующим образом:

---

[1]) «Bibliographie de France» за 1920 год «Le droit d'auteur». Berne 1919 г.

[2]) Например, Ю. Вольф в своей теории народонаселения. См. «Нов. идеи в экономике», № 2.

[3]) «Publisters Weekly» за 1919 год.

1. Философия	266	названий.
2. Религия и теология	695	»
3. Народное хозяйство, обществ. науки	846	»
4. Армия и флот	80	»
5. Право	204	»
6. Воспитание и педагогия	244	»
7. Филология	250	»
8. Точные науки	586	»
9. Прикладные науки, технология	507	»
10. Медицина, здравоохранение	401	»
11. Сельское хозяйство	407	»
12. Домашнее хозяйство	98	»
13. Торговля	337	»
14. Изящные искусства	98	»
15. Музыка	63	»
16. Игры, спорт	64	»
17. Всеобщая литература, очерки	339	»
18. Поэзия и драма	500	»
19. Романы	904	»
20 Произведения для юношества	433	»
21. История	812	»
22. Землеведение и путешествия	146	»
23. Биография и генеалогия	265	»
24. Энциклопедия и справочн. издания	49	»
Итого	8.594	названия.

Если в Англии «право» и стоит лишь несколько выше количества изданий, падающих на «армию и флот», то Соединенные Штаты в этом отношении являются несколько более мирными. Зато в области религии, теологии и философии обе державы англосаксонского мира не отстают друг от друга. Общественные науки обнимают в Соединенных Штатах 1800 названий, немногим более, чем в Англии. Здравый смысл янки отличает, однако, содержание выходящей литературы: засилие теологии компенсируется большим количеством изданий в области прикладного знания (около 1700 названий) и точных наук.

К сожалению, в данное время у нас отсутствуют данные по книжной статистике Германии и вообще стран средней Европы. Из нейтральных возьмем Швейцарию и Данию.

В Швейцарии количество вышедшей литературы составляло: [1])

1916 г.	1583	названия.
1917 »	1720	»
1918 »	1767	»
1919 »	1626	»

В нейтральной стране, как Швейцария, развитие книжного дела во время войны идет обратным, по сравнению с странами Антанты, порядком. Во время войны количество выходящих книг растет; напротив, в 1919 году падает, и, очевидно, перекочевывает в соседние, закон-

[1]) «Sammelmappe des Auswärtigen Amtes», № 26 от 8/IV 1921 г.

чившие войну страны. По отдельным отраслям знания вышедшая в 1919 году литература распределялась следующим образом:

1. Теология и религия	86	названий.
2. Право, обществ. науки, политика, статистика	340	»
3. Военное дело	7	»
4. Медицина	57	»
5. Естественные науки и математика	48	»
6. Философия	23	»
7. Воспитание, педагогия и произведения для юношества	162	»
8. Филология, история литературы	51	»
9. Беллетристика	276	»
10. История и биография	185	»
11. Землеведение и путешествия	50	»
12. Торговля и промышленность	57	»
13. Технология, инженерные науки	39	»
14. Сельское домашнее хозяйство	41	»
15. Изящные искусства	85	»
16. Справочные издания	2	»
17. Разные	117	»
Итого	1626	названий.

Довольно выдающееся место среди вышедшей в 1919 году литературы в Швейцарии занимают общественные науки (включая историю)—именно 525 названий, или около трети всех изданий. На немецком языке из 1626 сочинений вышло 1105, на французском—440, на итальянском—17, на разных языках—35.

В Дании за последние 10 лет было издано:

1910/11 г.	3305 назван.	1915/16 г.	3931 назван.
1911/12 »	3633 »	1916/17 »	3948 »
1912/13 »	3532 »	1917/18 »	3687 »
1913/14 »	3635 »	1918/19 »	4305 »
1914/15 »	3735 »	1919/20 »	4486 »

С 1 апреля 1919 года по 1 апреля 1920 года в Дании вышло, таким образом, 4486 названий книг [1]). По отдельным отраслям знания вышедшая в 1919/20 году литература распределялась следующим образом (данные датской королевской библиотеки):

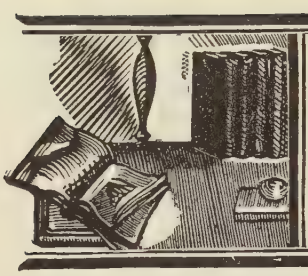
1. Теология	354	названия.
2. Право	45	»
3. Медицина	108	»
4. Философия	98	»
5. Воспитание и педагогия	167	»
6. Политика	71	»
7. Изящные искусства	107	»

[1]) Börsenblatt fur den deutschen Buchhandel». Sammelmappe des Ausw. Amtes, № 26 от 8/IV 21 г.

8. Естественные науки	273	названия.
9. Технология	237	»
10. История и география за-границы	177	»
11. История и география Дании	991	»
12. Мемуары	187	»
13. Филология, языкознание	150	»
14. История литературы	86	»
15. Изящная литература	1438	»
16. Игры	15	»
Итого	4486	названий

Ограничим нашу справку этими цифровыми сведениями.

Примеч. редакции. Было бы желательно, чтобы наша Центральная Книжная Палата, ничем не проявляющая своей деятельности в области разработки книжной русской статистики, занялась бы составлением справки, которая в сжатых цифрах показала бы нам картину развития книжного дела в России, начиная с 1914 г., по 1917 г., и далее—с 1917 до последнего времени.



ОТЗЫВЫ О КНИГАХ

СОЦИАЛИЗМ И КОММУНИЗМ.

Л. ТРОЦКИЙ. Новый этап. Мировое положение и наши задачи. Государственное Издательство. 1921. Стр. 160.

Новая книга тов. Троцкого посвящена новому этапу в развитии пролетарской революции.

Первая часть книги «Мировое положение» заключает в себе попытку общей характеристики мирового положения, как оно сложилось в середине 1921 г. В основу этой характеристики положен доклад т. Троцкого на III Конгрессе Коммунистического Интернационала.

Вторая часть—«Школа революционной стратегии» излагает тактические уроки III Конгресса в связи с общей оценкой его значения.

Книга т. Троцкого является ценнейшим руководством к изучению теории и практики международного коммунистического движения и основных принципов революционной стратегии. Почему мировая война была началом величайших массовых движений и революционных боев? Идет ли развитие в сторону революции или же приходится признать, что капитализм справился с теми затруднениями, которые выросли из войны, и приближается к восстановлению капиталистического развития на новых послевоенных началах? Какую роль играла Европа в мировом хозяйстве до войны и в чем выражается хозяйственный упадок Европы? Обострились ли классовые противоречия после войны, разбогатело ли крестьянство, что стало с рабочим классом после войны, выиграла ли мелкая и средняя буржуазия в результате последней, как складываются ныне международные отношения, каковы перспективы революционного движения и его основные источники,—вот те кардинальной важности вопросы, на которые с поразительной ясностью и логичностью отвечает автор в первой части своей книги.

Столь же богата и поучительна, по своему содержанию, вторая статья «Школа революционной стратегии», представляющая памятную всем слышавшим ее речь т. Троцкого, произнесенную им на собрании членов московской организации нашей партии и вскоре после Конгресса.

Некоторые товарищи, говорит тов. Троцкий, представляют себе дело слишком просто, поскольку речь идет о победе пролетариата. Мы имеем сейчас не только в Европе, но и в мировом масштабе такое положение, когда мы можем сказать с абсолютной уверенностью, что буржуазный строй себя исчерпал до дна. Означает ли это, что гибель буржуазии автоматически и механически предопределена! Буржуазия есть живой класс, который вырос на определенных хозяйственных, производственных основах. Этот класс не есть пассивный продукт экономического развития, *а живая действующая активная историческая сила.* Низвергнуть этот класс, хотя и осужденный историей, не так легко и просто, как могло казаться.

Тот период, в котором находится Европа и весь мир, является, с одной стороны, эпохой распада производительных сил буржуазного общества, а с другой,—*эпохой высшего расцвета контрреволюционной стратегии буржуазии.* Никогда контр-революционная стратегия, т.-е. *искусство комбинированной борьбы против пролетариата всеми методами* от слащайшей профессорско-поповской проповеди и до пулеметного

расстрела стачечников, не достигала такой высоты, как сейчас.

Можно поверить американскому статс-секретарю Лансингу, что Ллойд-Джордж не знает географии, не знает экономики и проч. и проч. Но тот же Ллойд-Джордж—доказывает т. Троцкий—скопил в своей голове все навыки обмана и насилия над трудящимися от самых изощренных и тонких, до самых кровожадных, усвоил себе весь опыт, который в этом отношении дала прошлая английская история, и все это изощрил и развил на опыте, который дали последние тревожные годы. Ллойд-Джордж является в своем роде превосходным стратегом буржуазии, которой угрожает историческая гибель. У английского пролетариата таких стратегов нет. Во Франции стратегами, подобными Ллойд-Джорджу, являются Мильеран и Бриан, бывшие члены партии рабочего класса. В Италии и Германии мы также находим во главе правительства квалифицированных контр-революционных стратегов, в которых сосредоточен весь опыт классовой буржуазии, накопленной в борьбе за ее развитие, обогащение, утверждение и самосохранение.

Задача рабочего класса, как европейского, так и мирового, состоит в том, чтобы продуманной стратегии буржуазии противопоставить свою революционную стратегию, также продуманную до конца.

Коммунистическая партия, фактически все более становящаяся во главе рабочего класса Европы, должна в борьбе маневрировать, наступая, отступая, укрепляя свое влияние, завоевывая новые позиции, пока представится благоприятный момент, чтобы опрокинуть буржуазию. Это—сложная стратегическая задача. И последний Конгресс поставил эту задачу во весь рост. С этой точки зрения—формулирует т. Троцкий—III *Конгресс Коммунистического Интернационала былвысокой школой революционной стратегии.*

Революционная борьба за власть имеет свои законы, свои приемы, свою тактику, свою стратегию—и кто этим искусством не овладеет, тот не будет знать победы. Это искусство тактики и стратегии вовсе не сваливается на рабочий класс или на его коммунистическую партию, как дар с небес. Искусству тактики и стратегии, искусству революционной борьбы можно научиться только на опыте, путем критики и самокритики.

В дальнейшем т. Троцкий изучает опыт итальянского рабочего движения, итальянский коммунизм, его затруднения и задачи, мартовские события в Германии, стратегию германской контр-революции, плюсы и минусы французской коммунистической партии, — как материал для выработки тактической линии Интернационала в ближайшую эпоху.

III Конгресс—резюмирует т. Троцкий—не дал и не мог дать сигнала к общему наступлению. Он формулировал задачу коммунистических партий, как задачу *подготовки* к наступлению, как задачу идейного завоевания большинства трудящихся города и деревни. Это вовсе не значит, что революция «откладывается» на не определенный долгий ряд лет. Ничего подобного: мы ускоряем революцию, а главное, обеспечиваем ее победу глубокой, всесторонней и тщательной подготовкой к ней.

«Не поворот направо, а серьезная подготовка к завоеванию власти».

Говорить о блестящем стиле автора, о выдающейся ясности и красочности изложения, о логичности построения его докладов — значит, говорить известные всем вещи.

В данный момент, когда от каждого коммуниста мы требуем самого продуманного отношения к тактике и программе нашей партии и Коминтерна, необходимо рекомендовать книгу т. Троцкого усиленному вниманию всех товарищей.

Мих. Павлович.

МОРИС ХИЛКУИТ. История социализма в Соединенных Штатах. Библиотека научного социализма под редакцией Д. Б. Рязанова. Серия историческая. Перевод с 5, исправленного и дополненного, издания М. И. Бройде. Издание второе. Государственное Издательство. Петербург, 1920 г. 286 стр. Цена 170 руб.

Для наших дней, когда в восточном полушарии собирается гроза нового империалистического столкновения, где

главным действующим лицом на ряду с Японией будут Соединенные Штаты, книга Мориса Хилкуита — «История социализма в Соединенных Штатах» приобретает особенный интерес и особенно для пролетариата, который должен будет неизбежно вмешаться в это империалистическое столкновение и использовать все противоречия борющихся сторон во имя торжества мировой социальной революции.

После «Истории американского социализма», принадлежащего перу Джона Гомфрея Нейеса (вышла в свет в 1870 г.) книга Хилкуита, несомненно, является наиболее популярной из работ по истории социализма в Соединенных Штатах. В Америке она выдержала свыше пяти изданий. У нас, в России, она также издается вторично. Книга Хилкуита делится на две части, первая из которых дает интересный очерк истории утопического социализма; другая часть книги посвящена развитию современного социализма в Соединенных Штатах.

Первая часть представляет большой интерес в том отношении, что Соединенные Штаты долгое время были главным поприщем для практического испытания разных коммунистических систем и экспериментов, которыми занимались различные коммунистические общества. Перед читателем вереницей проходят яркие образы практического творчества утопистов с их радостями, неудачами и неизбежным крахом начинаний. От сектантских коммунистических обществ, через Оуэновский и Фурьеристский периоды, Хилкуит ведет читателя к истории Икарийских общин, с тем, чтобы от опытов утопического социализма перейти к современному рабочему движению в Соединенных Штатах.

Интересно отметить, что из всех попыток коммунистических начинаний в Соединенных Штатах больший успех имели сектантские или религиозные общины, которые были более долговечны и достигали высокой степени материальных успехов. Утопический социализм был построен, главным образом, на этических предпосылках и представлял как бы слепое возмущение против зол растущей капиталистической системы производства.

И это вполне соответствовало тому положению, в котором Соединенные Штаты находились в первой половине прошлого столетия. В Европе тогда доминирующими факторами были мануфактура и индустрия — Америка была страной независимых фермеров; земельные просторы Америки делали земледелие главным, легким и доходным предприятием большинства американцев. Эти же причины устраняли такие явления, как безработица. Земледелие оттягивало к себе рабочие руки и держало заработную плату на высоком уровне.

В политическом отношении Соединенные Штаты были тогда юной республикой, где «неотчуждаемые права человека на жизнь, свободу и счастье», — гордые слова декларации независимости, еще ясно звучали в ушах американцев. Неудивительно, что такое положение создало предпосылки к национальному оптимизму и удовлетворенности, которые притупили восприятия классовых противоречий, которые к тому же были слабыми.

Но время шло. Соединенные Штаты из самодовольно благополучной страны фермеров превратились в страну необычайного индустриального развития. «Идеальная республика равных и независимых граждан» превратилась в арену ожесточеннейшей классовой борьбы. Чтобы судить о тех гигантских переменах, которые произошли в социальной структуре Соединенных Штатов и их экономике, мы позволим привести несколько цифр, которые дает Хилкуит.

В 1805 г. население С. Ш. было равным приблизительно 23 миллионам, через 60 лет оно возросло свыше 85 миллионов. В 1850 г. богатство С. Ш. исчислялось в 7 миллиардов долларов и распределялось относительно равномерно среди населения; в 1905 г. «национальное богатство» достигло 95 миллиардов дол., при чем более половины его было сконцентрировано в руках 40.000 семейств, т.-е. 1/4 % всего населения. В 1870 г. предложение труда далеко отставало от спроса; через три десятилетия в С. Ш. существовала уже постоянная армия безработных более чем в 1.000.000 чел. В 1870 г. Америка почти не знала стачек и локаутов; в пе-

риод между 1881 и 1884 гг. в С. Ш. произошло более 14.000 стачек между трудом и капиталом, в которых участвовало свыше 4.000.000 рабочих.

К сожалению, приведенные Хилкуитом цифры носят исторический характер. Действительность наших дней дает еще более разительную картину индустриального роста Соединенных Штатов, вместе с тем и той суммы противоречий классовой борьбы и самых резких социальных контрастов, которые свойственны современным Соединенным Штатам,— поистине капищу желтого дьявола—капитализма.

Современное социалистическое движение в С. Ш. начинается приблизительно от 1848 г. и, главным образом, связывалось с движением среди германских эмигрантов-рабочих. Это были первые робкие шаги рабочего движения, которым суждено было потонуть в волне междоусобной войны, вспыхнувшей в С. Ш. Новый рост социалистического движения начинается, примерно, с 1867 г. и длится до 1877 г., когда начинает оформливаться Социалистическая рабочая партия. Наконец, развитие широкого профессионального движения организационно выливается в Американскую федерацию труда, в которой в настоящее время хозяйничает Самюэль Гомперс.

В начале января 1905 года на тайной конференции в Чикаго возникла новая организация, сейчас известная всем — «Индустриальные рабочие мира». Это — наиболее интересная попытка организации труда в С. Ш. в новейшее время. Возникновение этой организации есть реакция против позиции вожаков Американской федерации труда—Гомперса и других, ратовавших за «чистый» трэд-юнионизм, который временами превращался в откровенную вражду к социалистическому движению. Страницы книги Хилкуита, посвященные истории американской федерации труда, приобретают особенный интерес, когда мы имеем возможность сейчас проследить, куда привела эта политика Самюэля Гомперса.

Интересны также страницы, посвященные драматической борьбе рудокопов в Колорадо, закончившейся громким процессом Мойер-Хейвуд, которых обвиняли не больше, не меньше, как в убийстве. Это—тот Хейвуд, который является теперь гостем первой республики рабочих и крестьян Р. С. Ф. С. Р.

Какие же перспективы социализма в Соединенных Штатах?

«Несмотря на то, что социалистическое движение в С. Ш. сделало крупные успехи, все же рост его совершается медленнее, чем в какой-либо другой цивилизованной стране». Этот вывод Хилкуита, сделанный им в 1903 году, остался таковым же и в 1909 г., когда он пересматривал и исправлял свою книгу. Корни этого медленного роста он видит в том, что хотя современная «капиталистическая» система производства в С. Ш. и достигла необычайно высокого развития, однако, развитие это сравнительно новейшего происхождения, что, при условии относительного благосостояния страны (на базе развитого земледелия), задержало образование постоянного класса рабочих, а без этого рост современного социалистического движения невозможен. Позднее создавшиеся кадры рабочих, замкнувшись в трэд-юнионах, проявили большой консерватизм, сравнительно с западно-европейским пролетариатом. Причиной этого был могучий рост профессионального движения, большая материальная мощность трэд-юнионов и та политическая индиферентность, выросшая на почве своеобразной политической системы С. Ш., которая для «свободной Америки» характеризуется политической продажностью и властью золота. «Американский рабочий питает презрение к продажной политике, что вряд ли могло способствовать развитию радикального движения в пользу политической реформы», говорит Хилкуит.

К сожалению, интересная книга Хилкуита доводит историю социалистического движения только до 1908 года, и мы считаем большим упущением редакции, что она не снабдила эту книгу введением, которое дало бы беглый очерк развития социализма в С. Ш. с 1908 г., хотя бы по момент русской пролетарской революции.

Вл. Виленский (Сибиряков).

FRIEDRICH ENGELS. Sine Biographie von Gustav Mayer. Erster Band. Friedrich Engels in seiner Frühzeit 1820 — 1851. Berlin Verlag von Julius Springer 1920. S. VIII + 430.

FRIEDRICH ENGELS. Schriften der Frühzeit. Aufsätze, Korrespondenzen, Briefe, Dichtungen aus den Jahren 1838 — 1844 nebst einigen Karikaturen und einem unbekannten Jugendbildniss des Verfassers. Gesammelt und herausgegeben von Mayer. Berlin, 1920. S. XIV+317.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС. Биография, написанная Густавом Майером. Первая часть. Юность Фридриха Энгельса (1820—1851). Берлин. Изд. Юлиуса Шпрингера. 1920. Стр. VIII+430.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС. Юношеские произведения. Статьи, корреспонденции, письма, стихотворения с 1833—1844 г., с приложением нескольких карикатур и неизвестного юношеского портрета. Собраны и изданы Г. Майером. Берлин, 1920. Стр. XIV+317.

Первый том этой обширной работы дает чрезвычайно интересные и до последнего времени совершенно неизвестные подробности о духовном развитии Энгельса в его ранней юности и о начале его литературной и политической деятельности — период дружбы с берлинским кружком «свободных левых гегелианцев, жизнь в Англии 1842 — 44 г. Жизнь в Париже 46—47 г., участие в революции 48 г. и т. д. до переселения в Англию в 1850 г., когда выяснилась победа реакции.

О детстве Энгельса вообще имеется мало данных. Он был старшим из 8 детей богатого купца и фабриканта в Бармене. Интересно приводимое Майером письмо отца к жене от 27 авг. 1835 г. «Фридрих на прошлой неделе принес посредственные отметки. По внешности он стал, как тебе известно, более изящен (manierlicher), но, несмотря на все прежние строгие наказания, он не научился быть послушным даже из страха перед наказанием. Опять к своему огорчению, я нашел в его письменном столе истрепанную книжонку из библиотеки для чтения—рыцарский роман XIII века. Замечательна эта беззаботность, с какой он оставляет эти книги в своих ящиках. Да сохранит бог его душу — мне часто становится страшно за этого во всем остальном прекрасного мальчика».

17 лет Энгельс поступил на службу в коммерческое предприятие. Выбирая карьеру купца, он в то же время серьезно думал о лаврах поэта. Он подражал Фрейлигграту как в стихах, так и в выборе профессии.

В ортодоксальной набожной семье Энгельсу была привита религиозность, от которой ему пришлось освобождаться. Майер подробно изображает этот процесс освобождения. Влияние на умственное развитие Энгельса оказали последовательно Шлейермахер, Штраус, а через последнего Энгельс пришел к изучению Гегеля. Материал для этого периода биографии Энгельса имеется в письмах его к его друзьям, братьям Греберам.

«В 18 лет, — пишет Энгельс в одном из этих писем, — когда познакомишься со Штраусом, с рационалистами и с церковной газетой, тогда приходится выбирать одно из двух: или читать все, не думая, или начать сомневаться в своей Вуппертальской вере. Я не понимаю, каким образом ортодоксальные проповедники могут оставаться такими же верующими. Ведь в Библии очевидные противоречия. Самые подлиннейшие слова Христа в каждом евангелии звучат по-иному. Но в милом Бармене об этом не говорят и учат совсем иным правилам. На чем основывается старая ортодоксия? Единственно на неповоротливости ума». В этих письмах мы встречаем все обычные соображения критиков священного писания. Зачем бог допустил противоречия? Разве он не предвидел теологических споров между лютеранами и католиками? Или он это сделал сознательно, чтобы вызвать спор,—но этого невозможно допустить. Или не предусмотрел, что тоже невозможно. Если имеется хотя бы одно противоречие,—вера в Библию разрушена. Мы не должны вредить мухе, которая крадет у нас сахар. Неужели бог должен так жестоко и на вечные времена наказывать человека за его невольные бессознательные ошибки? Неужели Берне, Спиноза, Кант подлежат вечному осуждению? Христианство при-

несло с собой везде улучшение, как твердят ортодоксы, почему же теперь движение вперед должно остановиться? Рассуждая так, Энгельс чувствует, что он на пути, «ведущем к большим неприятностям извне, но это должно вернуть внутренний мир».

В декабре 1839 г. Энгельс пишет: «Теперь я через Штрауса прямым путем дошел до гегелианства. Мне придется воспринять в себя еще много значительных вещей из этой колоссальной системы». В другом месте он пишет по поводу идей Гегеля: «Чудовищно огромные мысли страшно захватывают меня». Философия Гегеля захватила Энгельса своим революционным содержанием. Она была прекрасной школой, в которой созрел его ум. «Для молодежи, — пишет он в 1841 г.,—есть теперь пробный камень—новая философия. Надо пробиться сквозь нее и не потерять юношеского вдохновения. Кто испугается густого леса, в котором стоит дворец идеи, кто не проложит себе туда дорогу мечом и не разбудит поцелуем спящей красавицы, тот не достоин ее царства, тот может итти, куда хочет, сделаться сельским пастором, купцом, асессором или кем хочет, может взять себе жену, рожать детей, но современность не признает его своим сыном». В 1841 году Энгельс жил в Берлине и близко сошелся с берлинским кружком левых гегелианцев. Гегелевская философия помогла Энгельсу освободиться от религиозности. В апреле 1842 г. он выпустил брошюру против Шеллинга, в которой он является последовательным атеистом. Христианство, по его словам в предисловии к брошюре, не является более преградой для молодых гегелианцев. Теперь началась новая эпоха в развитии человеческого сознания. В области мысли совершился громадный переворот. Предшественниками этого переворота являются французские философы XVIII в., теперь же он находит свое завершение в философии Гегеля.

В шуточном стихотворении «Наглоугрожаемая и чудесным образом спасенная библия, или торжество веры»,—«Die frech bedränte jedoch wunderbar befreite Bibel» Энгельс высмеивает религиозное мракобесие и в заключительной сцене изображает, как весь ад, олицетворяющий революционную силу критического мышления, под предводительством Бруно, Бауэра и Гегеля бурным натиском почти уже побеждает небесные силы и полчища верующих, как вдруг сверху падает листок пергамента с надписью «смещен», и неверие оказывается посрамленным. Энгельс имеет здесь в виду запрещение Бауэру читать лекции, постигшее его в 1842 г.

В том же 1842 г., несколько позднее, Энгельс разошелся с левыми гегелианцами. В своей статье против лекций А. Юнга «О современной и немецкой литературе» Энгельс развивает мысль, что эстетическая точка зрения должна отойти на задний план перед борьбой принципов и перед политическим движением.

Когда Энгельс осенью 1842 г. приехал в Англию, где пробыл до весны 1844 г., он все еще был пропитан немецким идеализмом.

«Обстоятельство ясное для всех в Германии,—пишет он в своей корреспонденции в «Рейнскую Газету», — недоступно пониманию тупоголового бритта — именно, что так называемые материальные интересы никогда не могут играть в истории роли самостоятельных руководящих целей, но всегда служат бессознательно или сознательно какому-нибудь принципу, который руководит ходом исторического прогресса.

В Англии Энгельс нашел то, что не было в Германии—именно гораздо более развитые капиталистические отношения. В корреспонденции он описывает внутреннее положение Англии, указывает на отсталый политический строй, на отсталое законодательство, на то, что «Англия по уши увязла в средневековьи», что это страна бедная; все ее богатство—это ее географическое положение, железные и каменно-угольные копи и некоторое количество сочных лугов. Что Англия, вывозя свои машины, сама готовит конкурентов своей промышленности, что в Англии от $^1/_3$ до $^1/_2$ всего населения принадлежит к пролетариату; рассказывает о столкновении рабочих с полицией и в заключении говорит: «При таком положении Англии, как оно изображено здесь, неминуемо должен наступить в самом непродолжительном времени всеобщий голод среди пролетариата, и

страх перед голодною смертью станет сильнее страха перед законом. В Англии эта революция неизбежна. Но как и во всем, что совершается в Англии, и эту революцию начнут и проведут не принципы, а интересы. Только из интересов разовьются принципы, т.-е. революция будет не политической, а социальной».

В корреспонденциях Энгельса видно, как старый идеализм и буржуазная точка зрения разрушаются под влиянием непосредственного изучения борьбы и противоречий современного капиталистического общества. За период своей жизни в Англии до 1844 г. Энгельс сделался коммунистом. Он не вполне еще отделался от остатков утопизма, но уже близко подошел к научному социализму.

В статье, напечатанной в органе Р. Оуэна «Новый нравственный мир», в ноябре 1843 г.,—Энгельс пишет: «Развитие во Франции, Германии и Англии идет разными путями, но цель одна — общность имущества — коммунизм. Разница коммунистических взглядов в этих трех странах происходит оттого, что они дошли до своих взглядов разными путями. Англичане практикой, французы — через политику, немцы — через философию. Французам на долю выпало пережить все формы политического развития, пока, наконец, они не дошли до коммунизма. Их Великая революция положила начало демократии в Европе. Но политическая демократия одна сама по себе есть противоречие в самой себе,— это «лицемерие», «богословие» в смысле Фейербаха и Бруно Бауэра. Политическая свобода, даже политическое равенство в действительности означает не более как рабство. Всякое правительство содержит противоречие, которое требует разрешения и которое ведет или к непримиримому деспотизму, или к такой истинной свободе и равенству, которые могут осуществиться лишь при коммунизме».

Из множества интересных пунктов, о которых невозможно упомянуть в краткой заметке, отметим подробности о рукописи «Немецкая идеология»—в той ее части, которая посвящена материалистическому пониманию истории. Это одна из первых занесенных на бумагу формулировок теории Маркса. В предисловии к коммунистическому манифесту Энгельс рассказывает, что когда весной 1845 г. он встретился с Марксом, — последний изложил ему свою теорию в ясных выражениях. Рукопись же «Немецкая идеология» была написана за время от сентября 1845 до августа 1846 г. Прежде чем отправить в печать своего «Людвига Фейербаха», Энгельс в 1888 г. просмотрел снова эту старую рукопись. «Отдел о Фейербахе в ней не кончен,—говорит Энгельс в своем предисловии к Л. Фейербаху.—Готовая часть представляет собой изложение материалистического понимания истории, показывающее, до какой степени не полны были наши тогдашние историко-экономические сведения».

В этой первой формулировке имеются все основные мысли теории Маркса. Отправной точкой исследования является не сознание людей, а сами люди и материальные условия их существования. Идеологическое, неправильное сознание, которое изображает людей и их отношения в перевернутом виде, является неизбежным на известной ступени общественного развития. Строй общества обусловливает сознание людей, а сам определяется, в свою очередь, уровнем развития производительных сил. С разделением труда, с отделением потребления от производства смогли вступить в противоречие друг с другом три момента: производительные силы, общественный строй и сознание. Борьба за политические формы, за избирательное право — все это не что иное, как битва классов. Класс, господствующий материально, является в то же время господствующей духовной силой. Наступает момент в развитии производительных сил, когда машины и деньги становятся не столько производительными, сколько разрушительными силами. Пролетариат является представителем той революции, которая положит конец классам и классовому господству. Освобождение пролетариата может произойти только революционным путем. Господствующий класс не уступит власти добровольно, и революционный класс в ходе революции станет способным к тому, чтобы основать новое общество. Коммунистический строй неизбежен, потому что подчинить производ-

ство влиянию каждого члена общества можно лишь в том случае, если подчинить его всем людям, объединенным и организованным. Для классового движения пролетариата не явится препятствием то обстоятельство, что крупная промышленность в разных странах развита не одинаково, а в каждой отдельной стране не одинаково распределена. Отсталые страны находятся под влиянием передовых. Внутри же страны промышленный пролетариат увлечет за собой всю остальную массу трудящихся. Таков в кратком изложении ход мыслей этого отрывка.

Работа Майера представляет большой интерес. Материал, извлеченный им на свет, обширен и ценен. Он проникнут симпатией к Энгельсу и стремится быть объективным. Это все несомненные достоинства. Но буржуазная точка зрения мешает ему часто выдвинуть вперед важнейшее. Всякий исследователь, интересующийся Энгельсом и марксизмом, будет благодарен Майеру за его труд и особенно за материалы, опубликованные им в дополнительном томе «Юношеские произведения Ф. Энгельса. Статьи, корреспонденции, письма, стихотворения с 1838 — 1844 г.».

В. Адоратский.

Сочинения Г. В. Плеханова. Том первый. Части 1 и 2 (1878—1884 года). Госуд. Издат. Петербург, 1920 г. 380 стр.

Если исключить несколько корреспонденций, которые написаны Плехановым о Донских станицах и о волнениях среди петербургских рабочих, да воспоминания о Михайлове, то все остальные вещи, собранные в первом томе, представляют огромный интерес с разных точек зрения. (Мы не хотим этим сказать, что корреспонденции Плеханова не имеют значения. Они представляют в высшей степени интересные показания современника).

Не говоря уже о таких вещах, как «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», которые на многих своих страницах затрогивают животрепещущие и для нас сейчас вопросы, даже небольшие статьи Плеханова, помещавшиеся им в народнических журналах «Земля и Воля» и «Черный Передел», имеют большое значение, так как, во-первых, показывают, как последовательно и шаг за шагом развивались взгляды этого большого человека и, во-вторых, как и какое влияние оказывали но него учение Маркса и Энгельса.

Читая статью за статьей как будто сам присутствуешь в той лаборатории плехановской мысли, которая под влиянием Марксова учения освобождалась от всех предразсудков и наростов самобытных российских революционных и философских теорий.

Уже из первой статьи, напечатанной в № 3 журнала «Земля и Воля» в 1879 г. видно, что Плеханов разделяет основные положения учения Маркса. («Закон экономического развития общества и задачи социализма в России»): он цитирует мысль Маркса: «Когда какое-нибудь общество напало на след естественного закона своего развития, оно не в состоянии ни перескочить через естественные формы своего развития, ни отменить их при помощи декрета, но оно может облегчить и сократить мучение родов»; и цитируя это положение, он понимает и разъясняет «роль капитализма в деле постепенного сплочения рабочих масс» (стр. 11).

Но, разделяя основные положения учения Маркса и понимая роль капитализма, Плеханов, однако, еще держится народнической веры в особые пути развития России, верит, что «одно из требований западно-европейского социализма, коллективизм владения, составляет у нас существующий факт»... и что перед социалистами в России стоит такая же практическая задача, какая стояла перед «титанами народно-революционной обороны» Болотниковым, Булавиным, Разиным и Пугачевым.

Основой этой веры и для Плеханова была вера в русскую общину, и при помощи этих коммунистических общинных начал русского крестьянина он думал тогда «облегчить муки родов»; но уже тогда Плеханов вносил поправку в обычное понимание революционеров-народников с их упованиями единственно на русского крестьянина.

В статье с тем же заглавием, что мы только что привели (в № 4 «Земли и

Воли»), Плеханов развивает мысль, что одно восстание деревень будет подавлено, если к нему не придет на помощь городская революция, при чем главным действующим лицом этой городской революции должен быть рабочий.

Небезынтересно и теперь еще читать те строчки этой статьи, где Плеханов очень просто и ясно разъясняет, что сила революции будет тем успешнее, чем больше будет революционизирована вся масса городских рабочих, ибо «история создается народом, а не единицами» и хотя «личности гибнут, но революционная энергия единиц переходит сначала только в оппозиционную, а затем, мало-по-малу, в революционную энергию масс».

Эта апелляция к массам, это скептическое отношение к «личностям» приобретает еще более определенные очертания в следующем 1880 году, когда Плеханов в первом номере «Черного Передела» заявляет, что для русской социально-революционной партии, «при оценке различных сторон и форм народной жизни», критерием должны являться положения научного социализма.

В статье, напечатанной в № 1 «Черного Передела», Плеханов уже совершенно определенно заявляет, что «экономические отношения в обществе признаются нами основанием всех остальных, коренною причиной не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов», что они (эконом. отношения) «в обществе служат субстратом для всех остальных категорий человеческих отношений».

В том же первом номере того же издания Плеханов еще яснее раскрывает свое понимание основных положений научного социализма, когда он обсуждает вопрос о роли и значении капитализма для революции.

Плеханов подчеркивает реакционную сущность мелкого крестьянства и развивает мысли о том, что подготовительной ступенью к социализму является по необходимости капитализм. Правда, и здесь, в этой статье, чувствуются отголоски народнических воззрений, но вместе с тем уже ясно видно, что Плеханов не сторонник «особенного, крестьянского социализма» и что он возлагает очень большие надежды на развивающуюся русскую промышленность, которая передвигает центр тяжести революции к промышленным пунктам.

В течение 1881 и 1882 годов воззрения Плеханова принимают все более и более марксистский характер, а к 1883 году они уже более или менее определяются окончательно. В рецензии по поводу биографии Щапова, написанной Н. Я. Аристовым, Плеханов безо всяких оговорок заявляет себя сторонником «социальной демократии».

В течение 1883 и 1884 годов появляются такие крупные произведения Плеханова, как «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия».

В этих сочинениях Плеханов становится во весь рост, и противникам туго приходится под ударами его несокрушимой критики.

В предисловии к изданию своих сочинений в 1905 году, перепечатанном и ныне, Плеханов так характеризует свою теоретическую эволюцию от народничества к марксизму.

«Когда я понял, к каким теоретическим выводам должно приводить правильно понятое материалистическое объяснение истории, и когда я стал марксистом, я понял также и то, что душу марксизма составляет его метод. Я с восторгом читал и перечитывал слова молодого Энгельса в «Deutsch-Französische Jarbücher»: «Еще очень не совершенна та общественная философия, которая выдает два-три положения за свой конечный результат и предлагает «Морисоновы пилюли». Нам не так нужны голые результаты, как изучение. Результаты без развития, которое ведет к ним—ничто, это мы знаем уже со времени Гегеля. А результаты, которые фиксируются, как неизменные, и не кладутся в основу дальнейшего развития, хуже, чем бесполезны». Поэтому и я не столько дорожил нашими тогдашними «результатами», т.-е. практической программой группы «Освобождения Труда»,—сколько методом марксизма, его точкой зрения, огромные преимущества которой мне хотелось выяснить «русским социалистам»... (стр. XII).

Вот этот метод Маркса и был тем могучим орудием в руках молодого Плеханова, который, пользуясь им, наносил

сокрушительные удары своим врагам, вскрывал метафизическую и реакционную подоплеку их теорий и, обдирая словесную шелуху их идеологии, показывал те экономические основы, из которых эти идеологии выростали.

Самые жгучие и вместе с тем самые сложные вопросы теории и практики тогдашних революционных программ и тактики, самые хитроумные и облеченные в самую ученую внешность самых авторитетных представителей революционных партий подвергал Плеханов очистительному огню Марксова метода, и как из огня плавильной печи, самые, казалось, незыблемые, теории превращались в жидкую массу, при чем и здесь тот же метод Маркса помогал Плеханову очень быстро указать, что в этой массе драгоценный металл, а что никуда негодный шлак.

Шлаков оказалось очень много, и вот почему на Плеханова и его учеников так яростно ополчились все бывшие его сторонники, даже друзья.

Ведь, в самом деле,—Герцен, Ткачев, Бакунин, Лавров, Чернышевский,—все они проходят перед читателем, который чувствует, как этот могучий метод Маркса вскрывает истинную сущность учений этих владык дум и как очень часто от этих учений остается только один дым, быстро улетучивающийся.

Сила плехановской аргументации была неотразима еще и потому, что все доводы своих противников он знал не хуже их, ибо вырос, можно сказать, под одной кровлей со многими из них.

Материалистическая философия, диалектический метод Гегеля-Маркса и дали возможность Плеханову так хорошо подойти к конкретной русской действительности.

Плеханов, благодаря именно этому методу, не остановился в недоумении перед завоеваниями современной науки и, превращаясь сам в настоящего марксиста, не дал увлечь себя тем естественно-историческим теориям, которые снова приводили своих последователей в тихую гавань идеализма.

Семидесятые и восьмидесятые годы были как раз годами небывалого развития физико-химии и ее технических приложений.

Герц, Оствальд, Гельмгольц, Ван-Гофер и целая плеяда молодых ученых за границей; Менделеев, Бекетов и их ученики в России; математики, физики, химики, биологи, в своих исследованиях давали все новый и новый материал, подтверждающий философскую концепцию Маркса. Но буржуазии нужно было бороться с этим революционным учением, и вот сикофанты буржуазного строя из ученых начинают наступление против материализма по всей линии.

Все эти новые теории, школы, аргументы, доводы против материализма облекаются в ученые одежды и прикрываются великим авторитетом точных наук, так что нужно было и много знаний и необыкновенное усвоение или, вернее, овладение методом Маркса, чтобы не испугаться предстоящей борьбы.

Плеханов и был тем человеком, который понимал, что если новая партия хочет быть серьезной партией, претендующей когда-либо на победу, то она должна не бояться самых сложных теоретических вопросов, не должна пренебрегать ими и, как раз наоборот, должна всегда пользоваться своим революционным методом при исследовании всякого рода важных конкретных вопросов.

Вот почему Плеханов так негодовал всегда, если он замечал, что партия чуждается теории, что ее члены сплошь и рядом оказываются «за пределами философии».

Остается только пожалеть, что сочинения Плеханова выходят в свет так медленно,—«Критика наших критиков», «За двадцать лет», «От обороны к нападению», не говоря уже о других статьях, разбросанных по журналам и газетам, как русским, так и заграничным, ведь все эти сочинения являются библиографической редкостью.

Между тем сочинения Плеханова могут и будут долго еще служить тем путеводным огнем, который в состоянии вывести на правильную дорогу всякого заблудившегося в дебрях современного идеализма.

Даже в ошибках своих Плеханов остается все тем же Плехановым, полным свежести и очарования.

В этом отношении первый том сочинений Плеханова не потерял своей

злободневности и поныне, ибо ведь и в работе «Социализм и политическая борьба» и в «Наших разногласиях» разбирается один из важнейших вопросов революции,—вопрос о захвате власти.

Известно, что Плеханов разошелся по этому вопросу с большевиками еще в 1905 году, когда тов. Ленин выдвинул свою идею диктатуры пролетариата и крестьянства.

В «послесловии», написанном к работе «Социализм и политическая борьба» в 1917 году, т.-е., можно сказать, в самый момент осуществления этой диктатуры пролетариата, Плеханов продолжал упрямо повторять то, что было правильно по отношению к народникам, не опиравшимся на рабочий класс и революционное крестьянство 40 лет тому назад, и что было абсолютно неправильным по отношению к рабочей партии, ведущей вот уже 4 года за собою стомиллионный народ.

Плеханов говорит в этом послесловии: «В другой статье «Еще раз социализм и политическая борьба», помещенной в 1900 году в первой книжке «Зари», я отстаивал ту мысль, что так как момент падения старого порядка не может совпасть у нас с моментом социалистического переворота, то наш рабочий класс совершил бы огромную политическую ошибку, если бы захотел изолировать себя от других классов общества, заинтересованных в завоевании и упрочении политической свободы. Эта мысль тоже получила всеобщее признание, по крайней мере, в среде наших марксистов. *Но уже в 1905 году Ленин и его единомышленники* стали всеми силами стремиться к изоляции «пролетариата и крестьянства». Теперь это стремление появляется с новой силой. Почти излишне прибавлять, что оно отнюдь не может быть оправдано действительным соотношением сил в нашей стране, и что здесь мы опять имеем перед собой один из старых идейных пережитков. Что оно может наделать страшно много вреда, этого не видят только слепорожденные».

Старушка история зло подшутила над одним из самых великих учеников Маркса, как только он, этот славный и умнейший из учеников, забыл заветы своего учителя и, анализируя русскую действительность эпохи 1905 — 1917 гг. перестал пользоваться тем методом, которым он до того так хорошо владел.

За всем тем даже в своих ошибках Плеханов остается все тем же Плехановым, и если пройти мимо его неправильных и мелочных нападок на Ленина, в роде того, что будто бы последний проповедывал в России теорию Ж. Б. Сея, то становится понятным источник его ошибок: слишком долгая оторванность от русской действительности, слишком сильное проникновение в переживания западно-европейских партий Второго Интернационала—вырвали из рук Плеханова его могущественный метод.

А все же как живительны еще ключи здоровой и свежей мысли Плеханова. Наша партия, особенно молодые товарищи, должны особенно часто обращаться к источникам этой мысли.

В. И. Невский.

Иванов-Разумник. А. И. Герцен. 1870—1920. Петроград. Изд. «Колос». Стр. 185. 1920 г.

Не «Герцен», а «О Герцене»—так следовало бы озаглавить эту книгу. Это ряд статей, написанных в разное время по разным поводам («Маленький роман» Герцена—1912. «Герцен и Михайловский — 1905. «Драмы Герцена» — 1912. «Герцен и революция 1848 г.»—1912. «Герцен о демократии и мещанстве»—1912. «Два пути»—1913. «Философия истории Герцена»—1908), и только две: «Победы и поражения» и «Герцен о наших днях», сравнительно недавнего происхождения (1917—1918). Некоторые из этих статей соприкасаются по теме, и в них не только те же тезисы, те же мысли, но и порою те же цитаты. И хотя многие существенные стороны мировоззрения и деятельности Герцена и нашли себе освещение в этих статьях—*всего* Герцена они не рисуют... Так, Герцен—беллетрист перед нами в двух статьях («Маленький роман» и «Драмы»), однако, о главнейших беллетристических трудах его не говорится ничего. Есть

статья о «Герцене и Михайловском», а о Герцене и современной ему революционной интеллигенции — ни слова и т. д. В статье о философии истории Герцена много толкуется об его «имманентном субъективизме», так как автор книги разделяет эту «философию», и обойдено совершенно молчанием, что Герцен при объяснении исторических событий потом становился на классовую точку зрения,—на точку зрения борьбы классов (равно как и при объяснении литературных явлений—сравнить хотя бы его характеристику Скриба). На всем лежит налет идеализации «русского социализма», порою переходящий в идеализацию самого Герцена, как, напр., в эпизоде с Медведевой, столь характерном, с одной стороны, для романтической экзальтации дворянской интеллигенции 30 годов, а с другой — для эгоистической сухости этих людей, так явно сказавшейся в попытках Герцена и Наташи «устроить» Медведеву Елену повести «Там», т.-е. попросту «отделаться» от нее.

Интерес злободневности представляет статья «Герцен о наших днях», где автор удачно применяет его характеристику французских соглашателей 1848 г. к правым социалистам революционерам 1917 г.—этим «мещанам социализма», этим «слугам старого мира», пытавшимся «утопить революцию в мещанском болоте»,—где автор с удовлетворением констатирует, что «Россия выпуталась из партийного соглашательства» и вышла из власти тех «революционеров», которые, выражаясь словами Г., стали «между народом и мещанством», основав свою власть на «попытке нелепого примирения», и где решительно заявлено: «Пусть духовные мещане, социалисты и не социалисты, всеми силами поддерживают «старую Европу»—тем упорнее пойдем мы по нашему пути. Пусть мы не дойдем, пусть дойдут дети детей наших—разве в *этом* дело, разве *это* дорого, ценно и важно? Лишь бы была вера в путь, ведущий хотя бы к первым ступеням внешнего раскрепощения человечества, лишь бы издали, в тумане, видеть обетованную землю».

Наша литература о Герцене не богата. Потому и эта книга о нем не лишняя, хотя и воспроизводит она не *всего* Герцена и истолковывает его с той точки зрения, которая автором изложена уже в его «Истории русской общественной мысли», ничего нового в этом отношении не прибавляя.

В. Фриче.

„ВПЕРЕД". Сборник статей, посвященных памяти П. Л. ЛАВРОВА, под редакцией П. Витязева. Изд. Т-ва „КОЛОС". Петерб., 1920. Стр. 64.

Настоящий сборник, составленный группой левых народников (Витязева, Трутовского, Иванова-Разумника и др.), со включением анархиста (Б. Стоянова), к 20-летию смерти Лаврова, представляет несомненный интерес, знакомя с разными сторонами миросозерцания знаменитого социалиста. Правда, на 64 страницах, хотя бы и компактных, очень трудно осветить всю идейную деятельность Лаврова. В частности значение его в русском революционном движении 70-х и 80-х годов, не как автора «Исторических писем», а как редактора «Вперед» и «Вестника Народной Воли», совершенно не отмечено. Правда и то, что в виду торжественно-юбилейного характера сборника и народнического мировоззрения его авторов, в сборнике совершенно отсутствует *критический элемент*, и весь он проникнут почтительным благоговением учеников к «главе школы». И все же, как мы уже указали, сборник представляет несомненный интерес, как для общего ознакомления с мало известным у нас Лавровым, так и подчас новыми точками зрения на его идейное наследие.

Особенно интересная (и красиво написана) первая статья, принадлежащая перу П. Витязева и отмечающая ту роль, какую играл *случай* в превращении Лаврова из кабинетного ученого в одного из вождей революционного социализма, равно как и то совершенно неожиданное для него самого значение, какое получили знаменитые «Исторические письма». Но при этом, конечно, народнические взгляды автора статьи мешают ему понять, что в основе «загадочного» влияния «Исторических писем»

на молодежь 70-х годов лежит не только проповедь «отдать долг народу», *но и то прославление интеллигенции*, тот культ «критически мыслящих личностей», которые так резко отличали Лаврова от Маркса и которые были как раз по плечу нашей интеллигенции.

Интересна заметка о Лаврове и Михайловском, выясняющая влияние Лаврова на своего младшего единомышленника. Для тех, кто не читал книги Лаврова о коммуне, очень кстати, особенно в наше время, будет статейка Иванова-Разумника, из которой достаточно видно, как «умеренный» Лавров, этот «постепеновец», в глазах наших бунтарей 70-х годов, совершенно «по-большевистски» оценивал коммуну и высказал ряд «большевистских» же мыслей о роли диктатуры во время революции. Известный интерес представляют также статьи Трутовского и Стоянова об элементах социализма и анархизма во взглядах Лаврова. Только то, что им кажется «мостиком» от социализма к анархизму, каким-то «преодолением» того и другого, объясняется проще главным недостатком социально-политических взглядов Лаврова: общей расплывчатостью и неопределенностью, равно как и неустойчивостью их, приводившей к ряду противоречий в разные эпохи его жизни, в зависимости от тех или иных влияний. Достаточно вспомнить, напр., как Лавров несколько раз радикально менял программу предполагавшегося органа «Вперед», приноравливаясь к воображаемым вкусам тех групп, от имени которых должен был высказываться этот орган; или ту детски-наивную теорию пропаганды в геометрической прогрессии, по которой каждый социалист, в течение известного времени, мог создать не меньше 5 последователей, каждый из этих 5, в свою очередь, тоже, по крайней мере, еще 5 и т. д., так что через несколько лет вся царская Россия покрылась бы сознательными социалистами.

Теорию эту Лавров совершенно серьезно преподносил своим читателям, и над ней остроумно смеялся впоследствии Плеханов.

Что касается статей, посвященных философии и социологии Лаврова (Сорокина, Шпета, Гизетти, Радлова), то они оставляют читателя в значительной степени неудовлетворенным, как вследствие меньшей актуальности самих вопросов, так и вследствие краткости статей, которая особенно ощущается в изложении вопросов отвлеченных, вопросов общего миросозерцания.

В общем и целом сборник «Вперед» (заголовок его точно воспроизводит название газеты Лаврова, выходившей в Лондоне в 1875—76 гг.) является, при всей своей краткости и др. недостатках, безусловно полезным вкладом в нашу литературу по истории русского социализма и может побудить читателя к более детальному ознакомлению с подлинными сочинениями Лаврова.

Б. Горев.

Российская Коммунистическая партия (большевиков) в постановлениях ее съездов 1903—1921 гг. Сборник резолюций съездов партии. Пбг. Гос. Издательство. Издано Петерб. бюро Комиссии по изучению Окт. революции и истории Р. К. П. (больш.). Стр. V+182. 15.000 экз.

Изданный Петербургским бюро Истпарта сборник резолюций не сопровождается каким-либо «авторским» текстом. В такой форме он может претендовать лишь на роль справочника при наличности трудности достать сейчас опубликованные в свое время протоколы съездов. Конечно, и в этой форме он нужен и пригодится не раз, но все же приходится жалеть об отсутствии хотя бы минимума редакторских пояснений. Без них малоподготовленный читатель,—а таковых огромное большинство из числа пролетариев-коммунистов, т.-е. элемента, который прежде всего должен иметься здесь в виду,—может не редко быть «введен во искушение», вместо поучения.

Возьмем для примера отдел «Партия и профессиональное движение». На стр. 41 наш предполагаемый читатель-пролетарий находит «Резолюцию Объединительного Съезда Р. С. Д. Р. П.» (Стокгольм, 1906 г.). Здесь, в числе других «мотивировочных» пунктов, в пункте 4 говорится, что экономическая борьба «может повести *к прочному* улучшению по-

ложения народных масс при условии правильного (?) сочетания ее с политической борьбой пролетариата». Во-первых, какое может быть *прочное* улучшение при капитализме вообще? Во-вторых, разве же оно может быть достигнуто «экономической» борьбой в профсоюзах—хотя бы и при «правильном» (что такое «правильное»—полное подчинение партии или наоборот, полная независимость от нее?) сочетании с политич. борьбой? От Маркса мы знаем, что, наоборот, *ни одно* из приобретений экономической борьбы пролетариата абсолютно не прочно, пока живет и эксплуатирует рабочего капитал. Как же объяснит себе сказанный читатель такую вопиющую «несуразицу», помещенную в числе других официальных постановлений высшего законодательного органа партии—ее съездов?

Откуда ему знать, что такое «Объединительный» съезд? Откуда знать, что на нем, под внешним лозунгом «объединения», яростно боролись за партийную власть два течения — большевики и меньшевики, революционно-пролетарское крыло и мелкобуржуазно-соглашательское? Что в большинстве оказалось на этом съезде последнее, и что это *его* мещанская печать поставлена на данном пункте резолюции? И вот коммунист-рабочий, не знакомый со всеми этими фактами нашего, уже отдаленного прошлого, оказывается в полном смущении. Мало помогает в этом смысле и то, что дальше следуют по тому же вопросу резолюции чисто-большевистских съездов VI, IX и X. Смешение «стилей» без всяких комментариев оставляет все же впечатление неразрешенного противоречия.

И так по многим, почти по всем рубрикам. Даже резолюции чисто-коммунистические, напечатанные друг за другом, в хронологическом порядке, без малейшего пояснения, способны смутить не одного читателя. Так, резолюция III съезда (Лондон, 1905) «об отношении к крестьянскому движению», говорящая о «самостоятельной организации сельского пролетариата» и «непримиримой противоположности его интересов интересам крестьянской буржуазии», способна самым резким образом столкнуться в голове массового партийного читателя с резолюцией VIII съезда «об отношении к среднему крестьянству». Ибо отношение это, как известно, союзническое, а между тем «середняк», как само собой разумеется, принадлежит все же более к мелкой буржуазии, чем к сельскому пролетариату. Массовый читатель вряд ли оценит, что между двумя резолюциями лежит 14 лет и прошло две колоссальных революции. Он не разберется, что все это лишь вопросы тактики, меняющейся с исторической обстановкой.

Ему все это надо рассказать и растолковать.

И потребовалось бы для этого лишь по нескольку строк введений или примечаний, без особого углубления «во тьму времен». Иначе книжка сохраняет свою цену преимущественно лишь для тех, кто так или иначе имеет прикосновение к изучению истории партии, но они, пожалуй, предпочтут обратиться к полным протоколам и к другим источникам. Наше мнение—без небольших комментариев издавать таких сборников почти не имеет смысла. И неужели в нашем Истпарте или в его петроградском бюро не найдется товарища, могущего дать такие элементарные комментарии?

Тем не менее, и в настоящем своем виде сборник, конечно, отражает главные черты исторического хода развития партии. Так, даже первая из помещенных в нем резолюций—резолюция II съезда (Лондон, 1903 г.) «о демонстрациях» наглядно характеризует боевую *революционность* русской социал-демократии по сравнению с социал-демократией «цивилизованного» Запада. Здесь прямиком говорится, что, «постепенно разрастаясь, демонстрации должны привести и частью приводят уже к ряду вооруженных столкновений народа с правительственной властью, подготовляя тем самым народные массы к всероссийскому восстанию против существующего строя». Затем резолюция входит в самую технику дела, настаивая на необходимости «давать активный и, по возможности, вооруженный отпор полицейским ордам» и на пропаганде в войсках. Тут, так сказать, в колыбели пролетарской партии уже видно, почему первая имен-

но Россия вступила затем на путь пролетарской революции.

И в дальнейшем эта грозная нота надвигающейся «разделки» так верно сохраняется, что, не говоря уже о чисто «большевистском» III съезде, даже тот же «Объединительный» съезд вынес более или менее приличную резолюцию «о вооруженном восстании», лишь слегка «подмоченную» аксельродовскими «осторожностями», клонящимися в сторону «подготовки условий для победы восстания», на место прямой организации восстания. Но и эти оговорки психологически понятны в тот момент разгрома первой революции. Придет момент, и резолюция VI съезда (август 1917 г.) о «политическом положении» резко и отчетливо заговорит, как о «задаче этих революционных классов» (пролетариата и деревенской бедноты, — о «напряжении всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее... к социалистическому переустройству общества».

Характерно также, как рано партия стала на резко-определенную позицию и по отношению к непролетарским партиям. Резолюция Плеханова на II съезде «об отношении к либералам», приведенная в сборнике рядом с соглашательской резолюцией Старовера (которая, впрочем, получила большинство) накануне еще первой, «противо-самодержавной» революции, «приветствуя пробуждение политического сознания русской буржуазии», подчеркивает в то же время необходимость «разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии».

Продолжение этой, на поверхностный взгляд, противоречивой тактики и привело через 14 лет к двум победам: свержению царя—во временном, на один момент, союзе с буржуазией; свержению затем буржуазии в октябре.

Точно так же историческая проницательность нашей партии запечатлелась в резолюции III съезда «об отколовшейся части партии», т.-е. о меньшевиках. Здесь еще в 1905 г. перечислены все грехи этих подголосков буржуазии,—те самые грехи, которые выступили так ярко на свет во время эфемерного (краткосрочного) правления «социалистических» министров Церетелли и Скобелева вместе с Керенским. Резолюция и до сих пор так удивительно свежа, так бьет не в бровь, а в глаз всяческому соглашательству, что заслуживает цитирования почти целиком:

«Съезд констатирует, что в отколовшейся части группируются оттенки, характеризующиеся общей тенденцией принижать значение элементов сознательности в пролетарской борьбе, подчиняя их элементам стихийности. Представители этих оттенков.

1) «в вопросе организационном—

а) *«теоретически* выставляют несоответствующий планомерно-оформленной работе Партии принцип *организации-процесса*,

б) «на практике же, обращая к наименее сознателеной части партии проповедь широкого, не считающегося с объективными условиями русской действительности применения *выборного начала*, пытаются подорвать... основы партийной связи.

2) «В *вопросах тактических* они проявляют себя стремлением сузить размах партийной работы, высказываясь:

а) против *законченно-независимой партийной тактики* по отношению к либерально-буржуазным партиям,

б) против возможности и желательности для нашей Партии взять на себя *организующую роль в народном восстании»*...

Все это, как Сеньке шапка, и до сих пор годится для Мартовых и Аксельродов, продолжающих и по сие время в розницу продавать социализм буржуазным господам для нужд их политической промышленности.

Большое сравнительно место в сборнике занимают резолюции современных съездов VIII, IX, X. Само по себе это почти бесполезная затрата бумаги, ибо резолюции эти имеются и в протоколах, и в газетах, и в специальных сборничках резолюций по каждому съезду. В данном издании они легко могли бы быть заменены опять-таки пояснениями редакции относительно необходимого изменения партийных заданий, в связи с новым положением Партии, как *правящей* огромным политически-хозяй-

к переработке всей политической экономии, с оснований ее — к истории, к естествознанию, к философии, к политике, к тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот во что они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» (89—90).

В. И. чрезвычайно высоко ценил эту переписку и считал необходимым самое широкое распространение важнейших писем.

В конце сборника помещена библиография марксизма, составленная В. И. для Энциклопедического словаря Граната и дополненная позднейшими заметками, сделанными им в его экземпляре этого словаря.

Все статьи в настоящем сборнике воспроизводятся так, как они в свое время были опубликованы, но статья «Карл Маркс» (для Энциклопед. словаря Граната), урезанная по цензурным соображениям, здесь появляется впервые в полном виде, восстановленная по рукописи. Это придает этой статье теперь еще бо́льшую ценность. Она представляет из себя наиболее сжатое, полное и блестящее изложение сущности марксизма.

Вот краткая характеристика диалектического метода, которая раньше в статье отсутствовала и теперь появляется в печати впервые.

«В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе («отрицание отрицания»), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное, «перерывы постепенности»; превращение количества в качество; внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь всех сторон каждого явления (при чем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычно) учения о развитии (Ср. письмо Маркса Энгельсу от 8 янв. 1868 г. с насмешкой над «деревянными трихотомиями» Штейна, которые нелепо смешивать с материалистической диалектикой) (13).

Статья «Маркс об американском «черном переделе» — это блестящий образец того, как надо, изучая произведения Маркса, уметь связывать их с современностью и выводить уроки применения диалектики к разрешению вопросов, сходных по существу, но выдвигающихся в новой обстановке, в иных условиях. Подобно тому, как В. И., изучая Маркса, умел связывать это изучение с современностью, так же надо изучать произведения самого В. И. Сжатый, живой, зажигающий читателя революционной страстью слог собранных статей (напр., предисловие к письмам Кугельмана), изложение, обращающее внимание на самое существенное, на «живую душу марксизма», революционную диалектику — это образец лучшей характеристики марксизма.

Настоящий сборник необходимо перевести на иностранные языки, чтобы сделать его изучение доступным самым широким кругам передовых рабочих.

В. Адоратский.

Н. К. КРУПСКАЯ. О Владимире Ильиче. Гос. Изд. М. — Л. 1925 г. Стр. 24.

«Не как книжник подошел он к Марксу. Он подошел к Марксу, как человек, ищущий ответов на мучительные, настоятельные вопросы. И он нашел там эти ответы. С ними пошел он к рабочим». Так говорит Н. К. Крупская, быть может, вернее всех (несмотря на то, что близость к великому человеку часто препятствует видеть его всего не только как великого, но и как чело-

факты многократных попыток международного пролетариата к сплочению задолго до I Интернационала и даже ранее 1847 г., когда К. Маркс (этого никак не мог опровергнуть и автор) закончил свой «Коммунистический манифест» известным возгласом: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». И если автор цитирует все эти факты «в пику» марксистам, то он просто-напросто не читал их книг об Интернационале. То же и об участии К. Маркса в создании I Интернационала. Стоило автору прочитать хотя бы Меринга—«Биографию К. Маркса», чтобы не ломиться в открытую дверь. Да и не все ли равно, в конце-концов, был ли Маркс инициатором I Интернационала или нет. Вопрос в том—был ли он его *главой* и *лидером*. А ни того, ни другого не отрицает сам автор. Напротив—за это-то лидерство он и бранит всячески Маркса. По заслугам ли—другое дело.

Но автор с его точкой зрения «либертарного социализма» (так и говорит: «социализма!», см. стр. 8 и др.), конечно, полагает, что бранит по заслугам. Маркс, видите ли, исказил первоначальную, «здоровую» основу I Интернационала, заложенную преимущественно французскими рабочими-прудонистами (тоже, очевидно, «социалистами»), именно основу «общечеловеческой справедливости» и «демократического равенства прав и обязанностей» По этому поводу цитируется, как некий разоблаченный секрет, известное и переизвестное (именно по *марксистской* литературе) письмо Маркса к Энгельсу от 4 нояб. 1864 г., где Маркс радуется, что ему удалось обезвредить в «Введении к уставу» прудонистские пустые фразы об «истине, нравственности и справедливости» и о «равных правах человека и гражданина». Кто мало-мальски *слышал* лишь о Марксе, знает, что этим испакошенным буржуазными лицемерами фразам Маркс противопоставляет реальное, боевое учение «классовой борьбы». Автор же, вслед за всеми буржуазными критиками, старается изобразить дело так, будто Маркс—за несправедливость и неравноправие! Хорошо, что пролетарии все же грамотны и могут читать произведения Маркса и марксистов, а не только лебедевский вздор.

Как понимает роль Маркса в I Интернационале наш автор, видно и из того, что точку зрения Маркса он считает «политической», тогда как, мол, точка зрения рабочих-основателей Интернационала была «экономической». Для иллюстрации цитируется то же «Введение к уставу», где говорится о «*подчинении* всякого политического движения экономическому освобождению рабочих». В противоположность этому приводятся слова Маркса из «Вступит. адреса» Интернационала: «Первый долг рабочего класса состоит в завоевании политической власти». Как будто тут есть хотя бы тень противоречия! Как будто власть пролетариата, диктатура пролетариата целиком *не подчинена* у Маркса единственной, великой цели—полному экономическому освобождению путем создания коммунизма.

Совершенно такой же детски-наивной ошибкой или таким же недобросовестным софизмом (кто его знает?) является и утверждение, что все дальнейшее развитие Интернационала, поскольку оно оставалось в руках Маркса и позже социал-демократии и коммунистов, шло под знаком «*государственного* коммунизма»—не как переходного момента к бесклассовому, следовательно, и безгосударственному обществу, а как «самоцели». Маркс-де и его последователи представляют себе самую цель развития—будущее коммунистическое общество — как централизованное государство со всеми прелестями властного угнетения, а мы—вот, «рабочие социалисты» (так зовет автор анархо-синдикалистов на стр. 97), мы—за «будущее общество свободных трудовых коммун, объединенных между собой на основах договора в федерации». И даже нынешнее преддверие этого общества, Интернационал, представляется этим «рабочим социалистам» тоже, как «свободный союз свободных рабочих федераций, объединенных между собой *лишь солидарностью интересов*», т.-е. полное устранение централизованной организации.

Мы охотно дарим автору и его единомышленникам их никчемную «федеральную» организацию (?) Интернационала, означающую на деле не более, не менее, как отказ от всякой организации,

а в связи с этим, от революционного подавления хищнического и насильнического класса буржуазии. В таком, поистине, идиотском отказе Маркс и коммунисты, конечно, не повинны. Другое дело—конечная цель развития. Действительно, социал-демократия в ее большинстве, преобладавшем во II Интернационале (но не Маркс и не I Интернационал в его большинстве) грешила излишней любовью к государству даже в идеале социализма, о котором говорилось, как о «государстве будущего». Тут, несомненно, буржуазия наложила свою лапу на мозги вождей социал-демократии. Но в чистом виде учение Маркса никогда иначе не говорило, как о «бесклассовом коммунизме», а отсутствие классов есть отсутствие классового угнетания, т.-е. государства, даже по Лебедеву.

Таким образом, все истолкование им истории I, II и III Интернационала, как борьбы «государственников», падает само собой. Более того, оно-то и является на самом деле *утрированно политическим*, ибо целиком сосредоточивается на *политической* стороне дела («власть» и «безвластие»), т.-е. на второстепенной его стороне, на «надстройке», вместо экономического «фундамента». Если бы анархо-синдикалисты действительно так дорожили экономикой, как они об этом кричат, то и в изложении истории Интернационала выдвигали бы ее на первый план. А тогда бы они увидали, что борьба шла по другому разрезу: по разрезу классовой (следовательно, в первую голову экономической) борьбы последовательного, чисто-революционного, пролетарского авангарда против всевозможных мелкобуржуазных искажений, уклонений и отвлечений от прямого пути классовой борьбы. Но если бы они в силах были стать на эту *единственно выдержанную* экономическую точку зрения, то они бы перестали быть анархо-синдикалистами, т.-е. одною из разновидностей мелко-буржуазного затуманивания пролетарских мозгов,

Что они только—подобная разновидность, ярко показывает книжка Лебедева. Он в ней цитирует, напр. (стр. 99), с величайшим сочувствием мещански-пацифистскую фразу прудонистов: «Международное товарищество рабочих, поставившее своей целью привести пролетариат.... если возможно, *мирным путем* к полному освобождению». На 103 стр. он уверяет, что для социальной революции «необходима не только одна *сила*, но и *дух*, воодушевляющий и направляющий эту силу». Замечательно оригинальное открытие Америки, чрезвычайно, впрочем, характерное для мелкого буржуйчика, потихоньку крестящего себе пуговицу, когда думает о «насилиях» пролетарской революции над «цветом (буржуазной) интеллигенциии». А это великолепное прославление никого иного, как... желтого Амстердамского конгресса профсоюзов в 1919 г., который рекомендуется автором читателю в таких словах: «как только замолкли пушки и пулеметы мировой бойни, тотчас же европейские рабочие приступили к разрешению своей задачи» (т.-е. созданию «действительно» *рабочего* Интернационала). Потом захлебывается от восторга, что это—«Международная Федерация» профсоюзов, что в ней «около 30 милл. человек рабочих», и что она «может сыграть выдающуюся роль в деле восстановления и организации народного хозяйства, расшатанного 5-летней войной». А где же, спрашивается, была эта «мировая рабочая» организация *во время* мировой войны? Почему с ней не боролась? Почему пришла к шапочному разбору? Но что ставить автору коварные вопросы? Он—не за «силу», он за «дух».

«Духовное» ближайшее родство с мещанскими исказителями Интернационала не ясно только затуманенному фразами о мнимом «прямом действии» мозгу автора. Только поэтому он считает себя в праве возмущаться «оппортунистическо-реформистской платформой» II Интернационала, выразившейся, мол, в создании такого постоянного Международного секретариата, который занимался лишь «собиранием материалов, составлением отчетов, изданием брошюр и т. д.» (стр. 83). Ведь на самом деле этот призрачный «секретариат» и есть идеал анархо-синдикалистской организации, без мяса и костей, без центра и мозга. Это и есть пресловутый «союз федераций объединенных лишь солидарностью».

Разница лишь в словах: одни (меньшевики, эсэры, все «центристы» и «независимцы») называют это «принципом независимости», другие — «принципом федеративности». А сущность зеркально тождественна. Вот почему те и другие сходятся в одном и том же желтом доме Амстердама.

Историческое, класссовое сходство— неотразимое. Жалкие, куцые, мещанские идеишки. Жалкая, купая книжонка, пережевывающая сто раз опровергнутую безжалостным критиком-Историей мещанскую «критику» на действительно двигавшие развитием Интернационала великие, революционно - пролетарские идеи.

А. Дивильковский.

Проф. М. А. КУРЧИНСКИЙ. Апостол эгоизма. Макс Штирнер и его философия анархии. Изд. «Огни». Петроград, 1920 г. Стр. 252.

Компиляции могут быть полезными руководствами, но тогда следует, во-первых, не претендовать на оригинальность, во-вторых, автор такой компиляции должен быть объективен и воздерживаться от проведения собственной тенденциозной точки зрения. Книжка М. Курчинского на одну треть—пересказ биографии, написанной Маккаем, на другую—пересказ работ Баша, Кроненберга, Крейбига и моих, а последняя треть—изложение взглядов Штирнера «словами самого же разбираемого автора». Курчинский, повторяя высказанное уже Марксом, Мерингом и др., признает, что терминология Штирнера «чрезвычайно своеобразна, и он придает многим понятиям совершенно необычайный смысл, приводящий к недоразумениям; если два слова находятся в этимологической связи или лишь сходно звучат, то он делает их солидарно ответственными друг за друга; если же у одного слова несколько значений, то по мере надобности это слово употребляется то в одном, то в другом значении, при этом с таким видом, как будто говорится об одной и той же вещи, только в различных преломлениях (стр. 34). Но как будто признавая это, вернее, почти буквально повторяя замечания Маркса, автор сам оперирует этой этимологической эквилибристикой и, используя штирнеровскую метафизическую фразеологию и его рационализм, нанизыванием ряда цитат, буквально толкуемых, легко «показывает» индивидуалистический эгоизм в доктрине Штирнера и «крайность» его «анархизма». Идеалист чистейшей воды, наш ученый компилятор признает лишь вечные понятия и вечные свойства человеческого духа, и очень удивляется тому, как это понятия и свойства человеческого духа могут иметь классовое содержание. С высот своего ученого Олимпа он с большим апломбом утверждает (стр. 74), что так как чувство эгоизма присуще всем людям и является «естественным», то никакого буржуазного эгоизма быть не может. Ученый автор не знает, что и «человеческое мышление» и способ мышления отдельной личности есть отражение классового состояния и складывается под влиянием наследственности, воспитания, рода занятий, социального положения и целого ряда других факторов. Появление «эгоизма», его социальное содержание, характер, направление и цель—иные у буржуазии и пролетариата. Это отлично понимал восемьдесят лет тому назад Штирнер, но этого не хочет понимать его самоновейший русский «толкователь». И любопытнее всего то, что наш самостоятельный ученый повторяет высказанный другими совершенно правильный взгляд, что на Штирнера оказали сильное влияние Прудон и Вейтлинг; но, по Курчинскому, он почерпнул у этих социалистов только материал для построения своего внепланетного эгоизма и «индивидуализма вообще». К сожалению, размеры рецензии не позволяют нам детально показать проф. Курчинскому, что 1) Штирнер не мог говорить о внепланетном эгоизме, эгоизме нуменальном, и что 2) классовый эгоизм нечто весьма реальное.

Для чего вообще написана объемистая книга Курчинского, на какого читателя она рассчитана и каковы выводы ценного исследования? Выводов три. Первый: «Характерной особенностью всей штирнеровской книги является... дерзание» (Неужели из-за этой банальности стоило огород городить?!»); второй: его произ-

ведение еще раз подтверждает торжество идеализма—то, «столько раз отрицавшееся и все-таки, в конце-концов, торжествующее положение, выражающееся в словах: «над миром царствуют идеи» (кстати сказать, буквальное повторение Карла Иоэля, очерк которого его русский единомышленник Курчинский основательно использовал); наконец, третий, самый ценный: книга Штирнера «могла бы принести некоторую пользу той части русской интеллигенции, которая черезчур позыбыла, из-за служения общим целям, права и интересы личности»; и это благотворное влияние «могло бы принять хотя бы оттенок борьбы за право» (стр. 251). Последний вывод, отвечающий на первые два из поставленных нами вопросов, выражен слишком осторожно и туманно, но все-таки достаточно ясно. Но это ли проповедывал Макс Штирнер?

Хотя автор «неоднократно цитирует» работы автора этих строк, но чаще—не цитирует; между тем значительная часть его книги составлена по моим двум работам: «Обзор литературы о Штирнере» 1909 г. и «Социальная философия Штирнера», 1913 г. Пользуясь ими, как путеводителем, ученому автору следовало бы оговорить это хотя бы в предисловии. Выпустив книгу в 1920 г., он, по странной случайности, оперирует лишь той литературой, которая написана до 1907г., а именно до этого года я довел мой обзор литературы о Штирнере; по той же странной случайности, ему не известен ни один английский, американский, скандинавский, бельгийский и др.комментаторы Штирнера (мой обзор включает только французскую, немецкую и итальянскую литературу), а из французских, немецких и итальянских он называет только тех, которые указаны в моем обзоре... По вопросу о влиянии Штирнера на Ницше он как будто не соглашается с моими замечаниями, но тут же прибавляет, что я иду «по пути, уже намеченному на Западе» (стр. 238), при чем опять-таки ссылается только на тех писателей, взгляды которых приведены в нашей сводке; а несколькими страницами ниже он повторяет мои же замечания, выдавая их за продукт своей глубоко оригинальной мысли. Курчинский определенно пользуется нашей работой, забывая оговорить это, на сл. страницах своего труда:4, 5. 17, 18, 26, 34, 35—37, 78—79, 83, 117, 145, 207, 225, 227—231, 237—240, 241. Он «неоднократно» приводит взгляды Баша, буквально списывая их с нашего изложения книги Баша, сохраняя даже все опечатки.

Но, несмотря на двенадцатилетнее изучение не им собранных материалов, М. Курчинский ни одного нового слова не прибавил к уже сказанному русской критикой о Штирнере. Если бы он ограничился пересказом чужих мыслей и новой сводкой уже полученного им готовым материала, то его книжка была бы даже не бесполезной; но, к сожалению, он претендует на «освещение» и «выводы». Ни в том, ни в другом нет ничего оригинального, ничего своего, книга «Апостол эгоизма»—типичный фабрикат буржуазной мысли, и чтение ее ничего не даст ни для уяснения смысла и значения доктрины Штирнера, ни для понимания социальных проблем современности.

Б. Гимельфарб.

ИМПЕРИАЛИЗМ И МИЛИТАРИЗМ.

Граф Чернин. „В Мировую Войну“ (Tschernin, Im Veltkriege. **Берлин, 1919 г. 428 стр.**

Вдовольно богатой уже австро-германской литературе мемуаров, посвященных войне, книга Чернина занимает бесспорно одно из первых мест. Это объясняется не только тем, что автор ее являлся ответственным руководителем австрийской внешней политики в 1917 и 1918 г.г., в период, когда, можно сказать, решались судьбы австро-венгерской монархии. Чернин интересен как человек с чрезвычайно тонким проницательным умом, умеющий всматриваться в то, что лежит под внешней оболочкой событий, чувствовать надвигающиеся исто-

рические силы и в то же время одаренный выдающимся литературным талантом. Ему приходится рассказывать о крушении Австро-Венгрии. Он начинает с изображения событий, происшедших в роковую неделю между австрийским ультиматумом, обращенным к Сербии и объявлением войны. Здесь выясняется, между прочим, что граф Тисса, которому обычно приписывается чуть ли не главная инициатива вовлечения Австрии в войну, относился, напротив, к ней весьма сдержанно. Но дело не в отдельных виновниках, а во всем роковом сцеплении обстоятельств. Чернин и здесь, как и в Польше, всячески предостерегает от того, чтобы искать козлов отпущения. С одной стороны, принятие сербского ультиматума явилось для Австрии источником роковых событий. С другой—положение, создавшееся в Сербии летом 1914 года, представляло для Австрии самую серьезную опасность, игнорировать которую было бы невозможно. Международное положение Австро-Венгрии не соответствовало ее реальным силам, и не даром престарелый австрийский посол в Константинополе граф Паллавичини, с которым Чернин виделся незадолго до войны, высказывал самые пессимистические прогнозы. У Австрии назревает конфликт с Россией из-за Ближнего Востока. Победить в нем для нее почти невозможно и избавиться от него она может лишь, уйдя с Балкан и предоставив России свободное место. Уже бухарестский мир 1913 г. создал для Австрии такое положение. Она могла из него выйти лишь отказавшись от своей великодержавной роли. Но можно ли бы ликвидировать эту роль без войны, без поражения? Во всяком случае, как говорит Чернин, колокол, зазвучавший в Сараеве над телом убитого Франца Фердинанда, звучал погребальным звоном для самой Габсбургской монархии.

Чернин посвящает яркую, можно сказать, художественную характеристику личности эрцгерцога, на которого возлагались такие надежды, но который сам являл уже какие-то черты упадочности и династического вырождения. Его программа, близкая к программе крестьянско-социалистической партии, имела в виду освобождение Австрии от господства Венгрии и движение в сторону автономии областей и народностей. Но в то же время он был искренний друг Германии и не хотел свести австрийскую политику с того пути, на который ее поставил лично ему антипатичный граф Эренталь. Его попытка закончилась неудачей вследствие сопротивления той же самой Венгрии. Неправильно представлять его себе носителем воинственных замыслов и видеть в нем человека, сознательно ведшего Австрию к войне. В этом смысле смерть его сделала больше, чем жизнь.

Точно так же Чернин готов ослабить ответственность другого человека, на коего в наибольшей степени пал одиум войны—императора Вильгельма. Опять-таки дело вовсе не в некоторых деспотических замашках, которые были свойственны бывшему германскому императору; дело в той удушливой, можно сказать, ядовитой атмосфере раболепства и лжи, которыми был он окружен, в атмосфере еще худшей, чем та, какая господствовала при Венском дворе. В общем, самое изображение того, во что обращается современная монархия, как бы предвещает и ее судьбу. Чернин, воспитанный в духе строгого монархизма, относящийся с большим беспристрастием, даже с благожелательностью к монархам срединных империй, однако не может от себя скрыть несоответствия самого института монархической власти, как она сложилась в Германии и Австрии, с властными запросами времени.

Из отдельных тем, связанных с войною, Чернин подробно останавливается на участии румын, о котором он хорошо знал в качестве дипломатического представителя Австро-Венгрии. Для него с самого начала было ясно, что перед Румынией стоит альтернатива—либо остаться нейтральной, либо вступить в войну на стороне центральных держав. После бухарестского мира, после сербского ультиматума выступление Румынии на стороне Австро-Венгрии совершенно исключалось. Но и самое сохранение нейтралитета требовало совершенно иной политики со стороны Австро-Венгрии, в особенности Венгрии, в смысле даже не столько территориальных усту-

пок, сколько изменения режима, под коим жили трансильванские румыны. Но опять-таки Чернину пришлось столкнуться с этим основным препятствием для Австро-Венгрии выйти из наличного кризиса—с сопротивлением Венгрии, в частности Тиссы.

То же самое препятствие сказалось и в другом вопросе—в польском. Этот вопрос был связан с величайшими трудностями и, очевидно, решение, данное в указах, изданных одновременно германским и австрийским императорами 5 ноября 1916 г., не могло считаться окончательным. Здесь, с одной стороны, провозглашалось самостоятельное польское государство, а с другой—оно оставалось территориально разделенным между Германией и Австрией. И характерно, что самыми противниками соединения или связи Польши с Венгрией оказались венгры. Для Тиссы это был род триализма, при котором Венгрия из половины стала бы третью. Интересы Австро-Венгрии в целом решительно приносились в жертву интересам положения Венгрии в двуединой монархии. А между тем это положение было слишком сильным, чтобы австрийская политика смогла не считаться с этим постоянным давлением Будапешта. Тисса вел политику национального эгоизма, который так проявился в экономической области, в упорном нежелании Венгрии сколько-нибудь содействовать снабжению Австрии продовольствием, войти в общий план снабжения.

Очень большое место у Чернина занимает история попыток заключить мир. Это понятно: уже в начале 1917 г. он убедился в безумии войны и в том, что срединные империи не могут рассчитывать на какую-нибудь блестящую победу. Неограничная подводная война между тем лишний раз показала всю зависимость Австро-Венгрии от Германии. Сама Австро-Венгрия не имела никаких особых мотивов ее начинать—тем более, что такая война грозила разрывом с Америкой. Но в то же время, если бы она и не приняла деятельного участия здесь, вся ответственность за подводную войну, которую вела ее союзница, пала бы все равно на Австрию. Да и Германия не могла бы допустить, чтобы в Средиземном море свободно циркулировал коммерческий флот держав согласия и таким образом блокада была бы прорвана. Подобным путем Австрия была втянута в войну и с Америкой, с которой никакие реальные интересы ее не разделяли.

Во всяком случае в 1918 г. и преемник Франца Иосифа император Карл, и призванный им к власти граф Чернин ставили своей главной задачей добиться мира. С величайшим интересом отнесся Чернин к попытке, которая была сделана перед самой русской революцией и которая исходила, очевидно, от России—попытки вступить в сепаратные переговоры с Австрией. Были намеки на такую же готовность Италии «постучаться в дверь»—но все это оказалось даже меньше, чем пробными шарами. Важнее было другое. В 1918 г. граф Чернин окончательно убеждается, что мир возможен лишь на почве отказа Германии и Австрии от всяких империалистических лозунгов. В общем он стоял на почве программы 14 пунктов Вильсона. Призыв к миру без аннексий и контрибуций, сделанный во время русской революции, точно так же находит его сочувствие.

Программа Чернина и заключалась в отказе от аннексий и контрибуций, безусловном полном очищении Бельгии, очищении, вообще, Австрией и Германией занятых ими территорий, одновременно с чем государства получат назад отнятые у них территории—в том числе и колонии. Наконец—в присоединении Австрии и Германии к постановлениям о разоружении, обязательному арбитражу и гарантиям вообще против войны. И если этого требует мир, лучше пойти на дальнейшие жертвы, например, на возвращение Эльзас-Лотарингии Франции, взамен чего Австрия могла бы отдать Галицию Польше, которая сделается частью Германии. Но эта программа была безнадежна. С одной стороны, слишком сильны в 1917 г. еще в Германии были голоса и влияния военной партии, наиболее ярким представителем которой являлся Людендорф. Для этих людей все разговоры о мире, о разоружении и т. д. казались лишь демонстрацией слабости. С другой—такое импери-

алистическое настроение господствовало и в лагере держав согласия. Фош был единомышленником Людендорфа.

Антанта никогда не хотела мира, который сколько-нибудь отвечал бы принципам программы Вильсона. Сам Вильсон вступил в войну без предварительных, поставленных Англии и Франции, условий и, пославши им на помощь американские войска, потерял единственный момент, когда он мог заставить их принять свою точку зрения. При таких условиях мир объективно не мог быть заключен. Не мог он быть заключен и отдельно Австро-Венгрией. Немецкие историки постоянно повторяют обвинение против Чернина в том, что он за спиной Германии готовил сепаратный мир. Чернин это решительно отвергает уже потому, что в 1917 г. Австрия была фактически слишком связана с Германией: выйти из союза значило вступить с ней чуть ли не в вооруженную борьбу. Главное, что и для Австрии не оставалось выбора. Известно было, что Лондонская конференция еще весной 1915 г. гарантировала Италии Триест и большую часть Австрийского Тироля с Бренером—эти местности, которые в силу своего прошлого, согласно принципу национального самоопределения, конечно, должны были остаться за Австрией, а не отдаваться Италии. Одна Австро-Венгрия была бессильна, и она могла лишь воздействовать на Германию в духе большей уступчивости со стороны последней. Когда Чернин говорил, что австрийские войска будут стойко оборонять неприкосновенность германской территории, но не смогут употребляться для поддержки германских завоевательных планов, он встречался почти с обвинением в измене и, несмотря на июльскую резолюцию германского рейхстага о мире, проведенную эрцгерцогом по соглашению с Черниным, правящие силы Германии еще не понимали всего трагизма создавшегося положения, — не понимал его и новый канцлер Михаэлис, сменивший неудачливого Бетмана-Гольвега.

С особым интересом прочтет русский читатель главу о Брест-Литовском мире. Из нее видно, в каком бедственном положении находилась тогда Австро-Венгрия и как для нее был важен мир с Украиной—еще более, чем с Россией. Этот последний мир, заключенный с правительством Голубовича—с Радой—Чернин называет хлебным миром, т. к. Украина представляла из себя единственное место, откуда голодающие части Австро-Венгрии могли получить продовольствие. С этой точки зрения он считает, что результат мира его оправдает. В то же время потребность скорее заключить мир с Россией заставила его вести политику, несколько отличную от той, которую вел Кюльман, совершенно расходившуюся с настроением высшего командного состава. Так, Чернин считал возможным, чтобы области России, занятые немецкими войсками, судьба которых в будущем должна решиться самим заинтересованным населением,—в настоящее время были бы переданы какому-либо нейтральному государству, но и здесь, если австрийцы могли проявить самостоятельность по отношению к Украине, то в общих линиях Брест-Литовского мира они целиком должны были пойти за Германией. Много здесь приводится воспоминаний и впечатлений, полученных Черниным от представителей Советской России, прежде всего от Троцкого. Разногласие австрийской и германской политики наглядно сказалось и по поводу бухарестского мира, где Чернину удалось добиться несколько менее беспощадных условий для Румынии. Германия хотела длительной оккупации, захвата железных дорог, нефти и т. д.

На этом моменте заканчиваются интересные и содержательные воспоминания Чернина,—на моменте, когда он принужден был оставить власть, принесенный в жертву императором после разоблачения с письмом его к принцу Пармскому. Он входит в роль наблюдателя мировых событий, перед ним развернутых. И здесь последние страницы его книги производят очень сильное впечатление. Он видит крушение старого мира,—крушение, которое так же сказывается у победителей, как и у побежденных.

Книга Чернина, без сомнения, является одним из наиболее значительных произведений, касающихся империалистической войны.

С. Котляревский.

КАРЛ ЛИБКНЕХТ. Милитаризм и антимилитаризм в связи с рассмотрением интернационального движения рабочей молодежи. Перевод с немецкого. Стр. 218. Ц. 150 р. Государственное Издательство. Петербург, 1921 г.

Милитаризм не есть какой-либо «посторонний» нарост на теле капиталистического государства, как это пытаются порой доказать буржуазные сентиментальные пацифисты, полу-наивно, полулицемерно думающие, что с капитализма можно вытравить, срезать милитаризм, как срезают бородавку. Эти сладенькоколжливые мечты о «безобидном», «мирном» капитализме, конечно, не стоят ломаного гроша. Милитаризм есть необходимая, неизбежная и постоянная составная часть капитализма. Милитаризм—одно из самых колких острий капитализма. Он есть не только орудие добывания барышей—путем войн,—но и орудие охраны барышей, ибо милитаризм, как и весь государственный аппарат капитализма, есть орудие классового господства буржуазии и направлен против пролетариата.

Эту классовую сущность милитаризма Либкнехт вскрывает с самого начала в предисловии, приводя знаменитую фразу Бисмарка: «*Социал-демократический вопрос является военным вопросом...* Социал-демократия стремится ныне (это говорилось в 1882 г.; тогда германская с.-д. еще не превратилась в партию сюртучных социалистов, прямых изменников—Г. Б.),—стремится к тому, чтобы завербовать в свою среду унтер-офицеров... Что же будет, если войска откажутся стрелять в своих отцов и братьев, как того требовал кайзер?» Этот великолепный цинизм канцлера-фельдфебеля как нельзя более ярко обрисовывает роль и назначение военщины во внутренней политике господствующих классов.

Книга Либкнехта разделена на 2 основных части: первая—«Милитаризм», вторая — «Антимилитаризм». В первой главе автор выясняет роль оружия при установлении отношений классового господства и сохранении последнего,—когда класс, гибель коего *экономически* назрела, некоторое время еще может *политически* удерживать свое господство, в значительной мере именно благодаря обладанию источниками производства и запасами оружия (оружия в широком смысле, т.-е. всей военной техники). Либкнехт намечает затем главнейшие этапы развития и эволюции милитаризма—от эпохи, сменившей первобытный так наз. коммунизм, где милитаризма, как орудия классовой борьбы, не могло быть, ибо не было классов, и где оружие было одновременно орудием труда (охоты),—от эпохи первоначального деления на классы, через милитаризм античного мира, феодализма и т. д.—до капитализма.

Вторая глава посвящена анализу капиталистического милитаризма, а также маринизма (т.-е. «флотского милитаризма», морского). Либкнехт указывает, что наиболее соответствующей капитализму является армия постоянная, основанная на всеобщей воинской повинности. Далее автор на многочисленных примерах объясняет (коротко) суть «милитаризма вовне», а также разоблачает ложь или никчемность буржуазных пацифистов с их мечтами о «разоружении» и т. п. Затем обрисовывается отношение пролетариата к войне и военщине. Наконец, производится анализ военного устройства различных стран, в том числе и царской России.

В третьей главе разбираются «средства и способы воздействия милитаризма».

В дальнейшем книга разоблачает грубое обращение с «нижними чинами», продолжающее процветать под личиной внешнего лоска и «демократизма». Затем приводится стоимость милитаризма, безумные и непрерывно возрастающие военные расходы.

Очень интересен анализ роли капиталистических армий в чисто-экономической борьбе против рабочих, в которой солдаты выступают в качестве штрейкбрехеров, а также—конкурентов рабочих, — например, во время отпусков. Затем обрисовывается роль армии, как военной силы, подавляющей стачки. Этот отдел завершается довольно подробным перечнем массовых избиений и убийств рабочих, совершонных военными отрядами во время подавления забастовочного движения в разных странах. Далее Либкнехт выявляет реакционную роль

различных «военных союзов» («кригсферейнов») в борьбе против стачек и в политической борьбе против рабочего класса (напр., во время выборов). Завершается первая часть книги указанием на гигантские трудности, ожидающие пролетарскую революцию, которой придется иметь дело с противником, вооруженным до зубов.

Вторая часть—об антимилитаризме есть преимущественно сводка фактов борьбы против милитаризма в различных странах, в частности—возникновения рабочих союзов и их борьбы с военщиной. Под конец Либкнехт обсуждает различные способы ведения этой борьбы; проводит грань между анархическими и социал-демократическими методами,—отрицательно оценивая, разумеется, первые. В заключение автор указывает на громадное значение пропаганды среди молодежи: «у кого в руках молодежь, у того—армия».

В книге много недостатков. Это именно, главным образом, *сводка* материалов,—как об этом предупреждает, впрочем, в предисловии сам автор. Не надо забывать, что она является лишь переработкой одного его публичного доклада.

Книга написана в 1906/7 гг. В ней нет поэтому данных ни о сумасшедшей скачке вооружений, непосредственно предшествовавшей войне 1914 г., ни о крушении антимилитаристской борьбы II Интернационала. Нет еще в этой книге отчетливого, острого революционного направления. Пожалуй, можно сказать, что в этой книге нет еще—целиком—того Либкнехта, которого мы помним и любим, нашего боевого товарища, пылающего сердца революции, того Либкнехта, который сам погиб от пуль прусского офицерья, этого худшего продукта милитаризма.

Тем не менее, книга имеет ценность для уяснения сущности милитаризма, этой одной из безобразнейших фурий, которых буржуазия напускает на пролетариат. Именно теперь, в эпоху колоссального послевоенного кризиса, мы видим правильность прогноза Либкнехта о том, что господствующие классы, утрачивая экономическую почву, будут еще некоторое время удерживать власть благодаря, отчасти, обладанию вооруженной силой. Остается в полной силе и мысль об огромном значении пропаганды среди молодежи.

Прочитать книгу Либкнехта, во всяком случае, полезно для каждого работника революции. Издана хорошо.

Г. Бергман.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА.

БОРЬБА ЗА ПЕТРОГРАД. 15 октября—6 ноября 1919 года. Стр. 320. Ц. 200 р. Государственное Издательство. Петроград, 1920 г.

В трехлетней классовой борьбе Питер и питерцы неизменно боролись по девизу: «всегда—впереди, всегда—первые». Рабочие Петербурга бились на всех фронтах—и в то же время отстаивали и свой город. Героизм, сознательность, стойкость их есть явление вполне закономерное: Петербург — город с высоко-концентрированной (как в редких центрах Европы), крупнейшей промышленностью, а стало-быть, и с наиболее сплоченным, классово-сознательным, организованным пролетариатом.

Но по тем же причинам Питер,—и по своему географическому положению, как экономический и социально-политический столп революции, ее выход к морю, ее рупор, обращенный к западно-европейскому пролетариату,—Питер привлекал усиленное злобное внимание белых. Поэтому история борьбы за Петербург есть история отчетливейшей и ожесточеннейшей войны классов. И первое, что бьет в глаза при чтении разбираемой книги, что красной нитью проходит через все ее страницы,—это именно то обстоятельство, что в борьбе на берегах Финского залива билась не только армия, как таковая, — но что непосредственное и величайшее участие принимал в войне, в обороне и наступлении *весь рабочий город*.

Вводным словом Зиновьева книга посвящается международному пролетариату, с тревогой и братским сочувствием всегда следившему за боевыми действиями *Северного Пионера* мировой революции. Затем следует первая часть сборника—«Внешний фронт». Сначала идут оперативные сводки с 15/X по 6/XI, заключающиеся двумя картами: первая изображает наступление белых, по второй—следим за их бегством. Много воды и крови утекло с тех пор; центр тяжести классовой борьбы перенесен в экономику; но с живым интересом читаешь сводки; будто оживают карты, покрываются живыми рядами бойцов, и четко встают в памяти грозовые эпизоды тех дней...

Первая часть заключена сжатыми военными обзорами.

Часть вторая — «Героический город». Она начинается статьей Троцкого, проводящей параллель между борьбой за Питер с Керенским и Красновым в конце октября 17-го года—и борьбой с Юденичем: «Уже не тысяча казаков наступает на Петроград... Петрограду угрожают десятки тысяч белых солдат, прекрасно вооруженных. Английские корабли выбрасывают на наше побережье пятнадцатидюймовые снаряды. Но да и мы стали сильнее». Этими фразами очерчен масштаб борьбы. Далее схвачен всемирно-исторический смысл ее: «Борясь за Петроград, мы отстаиваем не только колыбель пролетарского восстания, но боремся сами непосредственным образом за его мировое распространение». И сбывшийся, осуществленный обет: «Петрограда мы не отдадим. Петроград мы отстоим».

Как же отстояли Петроград?

Об этом повествует целый ряд статей, очерков. Питер, в первую голову, *сам* отстоял себя. В книге рассказывается, каким бешеным темпом работали тогда в Питере *все* организации: профсоюзы, компрод, комздрав (если б они всегда так работали!)... И, главное, как жила рабочая масса: тысячами шли рабочие на фронт, оставшиеся работали с колоссальным напряжением, особенно на заводах, имеющих хоть какое-либо отношение к обороне, — и в то же время обучались «вскользь» военному делу. Многие работали по 12—13 часов в день. Ярко показали себя работницы. В статье С. Равич рассказывает, как было мобилизовано 14 тысяч работниц—их разбили по отрядам, иные ушли на фронт в качестве саперок, санитарок, пулеметчиц и бомбометчиц. Иными заменяли в городе мужчин-милиционеров.

Статья Ф. Нелюбина рисует героизм и заслуги *курсантов*, и здесь (как на других фронтах) спасавших положение в наиболее критические часы. Есть еще статьи и речи Зиновьева, Радека и др.

Третья часть—«Петроград и Антанта». Первый отдел посвящен описанию известного траги-фарса: как английский генерал Марш и кавалерийский капитан Барш пинками и окриками создали «северо-западное правительство» Лианозова. Второй отдел дает образчик той невообразимой лживой шумихи, которая была поднята европейской буржуазной печатью по случаю чаемого падения Питера, а затем Москвы... Дальше описывается трусливая, шаткая политика Эстонии и Финляндии. Приведены сообщения английской прессы об издержках Англии на поддержку русской белогвардейщины. Наконец, читаем описание заговора, раскрытого в те дни в Питере, имевшего связь с «Национальным Центром» и т. п.

Часть четвертая—«Документы борьбы». Все они проникнуты возбуждением и суровой твердостью решающей борьбы. Тут есть приказы, воззвания и проч. Отметим здесь известную статью Троцкого—«Петроград обороняется изнутри», намечающую план внутренней обороны города, превращение его в роковой капкан для неприятеля, если бы последнему удалось ворваться в Петербург. Любопытно «обязательное постановление» генерала Пермикина после занятия им Гатчины. Пункт 2. «Каждый должен немедленно заявить коменданту о всяком известном ему коммунисте или комиссаре, живущем в городе». П. 3. «Всем домовладельцам немедленно дать сведения о всех коммунистах, комиссарах и неблагонадежных элементах, проживающих в доме». Для чего эти «сведения»—понятно само собой. Пункт 12. «За нарушение какого-либо из этих пунктов смертная казнь через повешение». П. 17. «Часы переставить на 1 час назад».

Отметим еще приказ Троцкого о «двух Англиях», напоминающий армии, что на ряду с Англией, питающей Юденича, «с Англией барыша, насилия, подкупа, кровожадности—существует Англия труда, духовного могущества, великих идеалов международной солидарности». Как всегда и везде, этот приказ переносит мысль и волю борцов в область революционного интернационализма. Интересен и ценен психологически другой приказ—о танках: «Бессмысленный страх перед танками ничем не лучше лошадиного страха перед автомобилем... Товарищ красноармеец! Когда внезапный и бессмысленный страх охватит твое сердце при слове «танк», вспомни перепуганную лошадь перед автомобилем, вспомни и устыдись: ведь человеку даны не лошадиный разум и не лошадиное сердце».

Наконец, достойна внимания телеграмма полковника Авалова-Бермонта и сенатора графа Палена, с просьбой о помощи против Советской России. Телеграмма адресована меньшевистскому социал-демократическому правительству Германии. Полковник-авантюрист и граф знают меньшевиков так же хорошо, как знаем их мы!

Пятая и последняя часть сборника — «В галлерее бессмертных». Здесь обрисованы светлые личности павших рабочих и коммунистов: Иустина Жук, Чекалова—председателя Шлиссельбургского Совета и других.

В «Приложении» помещены выдержки из книги Троцкого «Терроризм и коммунизм», посвященные сравнению парижского рабочего дней коммуны и питерского пролетариата.

В сборнике довольно много иллюстраций, изображающих, главным образом, устройство внутренней обороны Петербурга, отряды работниц и т. д. Есть фотографии некоторых убитых товарищей.

Издан сборник хорошо. Печать крупная. Иллюстрации (фотографии) воспроизведены чисто и четко.

Недостатки: излишек статей и речей. Правда, многие из них служат как бы рассказом о происходившем в Питере и на подступах к нему. Но их можно бы сократить.

Нового в этом сборнике нет, в сущности, почти ничего. Ново лишь то, что все старое, уже известное, собрано (хотя и без достаточной систематизации) воедино. В этом-то и заключается ценность сборника. Кто его прочтет, перед тем со всей яркостью встанут огненные дни классовых боев, развернется вполне ясная картина не только «борьбы за Петроград», но всех пережитых битв во всем гигантском их размере.

Нужны еще и еще сборники, посвященные минувшей борьбе. Они будят мысль, волю и чувство, срывая кору времени с величавых образов недавнего прошлого; они дают *опыт;* они приучат ценить победу, ибо из них видно, какой дорогой ценой она добыта.

Г. Бергман.

Н. СВЯТИЦКИЙ. К истории Всероссийского Учредительного Собрания. Съезд членов Учредительного Собрания. (Очерк событий на востоке России в сентябре—декабре 1918 г.). Меньшинство партии социалистов-революционеров. Просветительное Кооперативное Изд. Т-во „Народ". Москва, 1921 г. 174 стр. Цена не обозначена.

ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА УЧРЕДИЛОВЩИНЫ. Историко-литературный сборник, посвященный памяти погибших коммунистов при занятии Самары чехами 8-го июня 1918 г. Издание Самарского Общегородского Комитета Р. К. П. (б.). Самара. 1919 г, 80 страниц большого формата. Цена 10 руб.

Обе лежащие перед нами книжки посвящены тому периоду русской революции, который в историю последней вошел под названием—«Учредиловщины». Этот период начался чехо-словацким мятежом в Самаре 8 июня и закончился в Омске 18 октября 1918 года «колчаковщиной».

Исторически социальное содержание этого периода характеризовалось тем, что в развернувшейся широкой классовой борьбе на политическую арену пытались выступить мелко-собственнические слои в качестве сил, претендующих на политическую власть.

Штыками чехо-словаков эти мелкособственнические слои в лице партии с.-р. взяли на момент власть в свои руки, прикрывшись аншлагом Всероссийского Учредительного Собрания. Но мелкий собственник не может избавиться от зависимости от крупного собственника. Это неизбежно привело к тому, что эсэры, расчистив почву для крупной буржуазии, должны были уступить ей свое место. «Учредиловщина» умерла — родилась «колчаковщина».

Н. Святицкий является активным участником «Комуча» (Комитета Учредительного Собрания) и принадлежал к левой части его членов, съехавшихся в Уфу на т. н. Государственное Совещание, которое избрало «безвольную и разношерстную» директорию (оценка принадлежит Святицкому). Рассказывая о борьбе между кадетскими группировками и эсэрами, которая предшествовала избранию директории, Святицкий подчеркивает, что «правые группировки (главн. обр., кадеты) обнаружили упорное стремление вовсе не признавать власти Учредительного Собрания данного состава». Отсюда и получилась, несмотря на достигнутый компромисс, коалиционная власть «весьма сомнительного демократического качества», в состав которой, однако, эсэры пошли.

Характеризуя первые шаги деятельности этой директории, Святицкий рисует картину возмущения Авксентьева деятельностью другого члена директории—Вологодского, который помчался на Дальний Восток навстречу союзникам в расчете на получение займа и помощи. Читатель может подумать, что Авксентьева возмущал акт низкопоклонничества и лакейской поспешности. Нет. Возмущение относилось к тому, что Вологодский больше старался для Сибирского Правительства, чем для директории. И эта картина характерна для всей последующей истории внутренних взаимоотношений в директории, приведших к тому, что директория, в лице ее эсэровской части—Авксентьева и Зензинова, должна была отречься не только от «верховной власти», но и вообще от какого бы то ни было участия в политической деятельности. Святицкий старается смягчить этот печальный для эсэров финал и пытается утверждать, что Авксентьев никакого «отречения» не подписывал; но дело не в этом, важен тот факт, что коалиция и на этот раз не оправдала себя и привела к тому, что представители крупной буржуазии, поддерживаемые международной буржуазией, проглотили адвокатов мелко-собственнических группировок. Вологодский остался премьером «верховного правителя» Колчака, Авксентьев и Зензинов должны были поехать в Европу...

К сожалению, читатель напрасно стал бы искать в книге Святицкого подлинной истории этого любопытного этапа русской контр-революции, подкрепленной документами. Документальных данных у Святицкого нет. Перед нами просто мемуары участника, который рассказывает больше о том, что думала, переживала и как комбинировала группа людей в два—три десятка человек, которая была одновременно и Центральным Комитетом П. С.-Р. и членами У. С. При этом, принадлежа, как мы отмечали выше, к левой группировке, Святицкий больше всего стремится оттенить ту позицию, которую занимала его группа.

Много места уделяют мемуары Святицкого обстановке, в которой происходили всякого рода «торжественные» заседания «Комуча». Описана уфимская «Сибирская гостиница», попало на страницы истории екатеринбургское епархиальное училище, где готовится заседать «Комуч». Но напрасно вы стали бы искать анализа социально-экономической обстановки, окружавшей «Комуч», отношения к нему крестьянства,—этой базы эсэров,—на это вы не найдете и намека.

Кончаются мемуары Святицкого переговорами с уфимским ревкомом, где группа комучевцев в лице Вольского, Святицкого, Шмелева, Ракитникова, Буревого и Черненкова капитулировала, признав Советскую власть, и отказалась от борьбы с последней. Интересно, что против этой группы, присвоившей впоследствии наименование «меньшинства П. С.-Р.», выступил с обвинением Чернов. По этому поводу Святицкий счел необходимым написать полемическую статью, которая приложена к рецензируемой

книге. Вот как Святицкий здесь объясняет результат этих переговоров.

«К чему, в сущности, свелись уфимские переговоры?»—задает он вопрос, и отвечает: «С нашей стороны—к тому, что мы обязались прекратить вооруженную борьбу с Советской властью и согласились обратиться к колчаковским войскам с призывом бросить борьбу с большевиками и выступить с оружием в руках против буржуазной реакции,—только и всего. *Никаких других обязательств*, сверх этого, *мы не давали и не предполагали* давать».

* * *

Вторая книжка—«Четыре месяца учредиловщины»—представляет собою сборник статей, тоже участников борьбы на учредиловском фронте, только с красной стороны. Из ряда статей здесь выделяется статья тов. Дорогойченкова «Крестьянство и Учредиловщина», которая дает картину разрыва между крестьянством и эсэрами, что привело последних к той беспочвенности, которая и была главной причиной гибели «Комуча», а вместе с ним и эсэров, как партии.

На самом деле, эсэры рассчитывали на мелко-собственнические интересы крестьянства, и в этом они были правы: но они позабыли, что доминирующее значение для крестьянства имела земля, которую они получили от большевиков, как результат победы Октябрьской революции. Коалиция же эсэров с кадетами заставляла крестьянство относиться осторожно к новой власти, ибо в его глазах кадеты были «неблагонадежны». Мало симпатии крестьянство проявило и к чехам, бывших для них чужеземцами, которых нужно было кормить,—этих обстоятельств эсэры не учли.

Интересны также статьи: Л. Могилевского—«Чехо-словаки» и В. Новикова—«Комитет Членов Учредительного Собрания». Последняя статья касается самарского периода, предшествовавшего уфимскому Государственному Совещанию.

Кроме статейного материала в сборнике помещено несколько воспоминаний очевидцев чехо-эсэровского владычества в Самаре, а также воспоминаний о жертвах, которые связаны с днями кратковременного торжества чехо-эсэровской реакции на берегах Волги.

Вл. Виленский (Сибиряков).

РОМАН ГУЛЬ. Ледяной поход (с Корниловым). Изд. Ефрон. Берлин. 158 стр.

В начале 1918 г. Корнилов начал формировать белогвардейскую армию в Ростове. Роман Гуль (офицер) примкнул к этой армии.

В Ростове эта армия продержалась недолго. Вскоре (в конце зимы начала 1918 г.) под натиском советских отрядов они начали отступление в глубину степей, на Кубань. С невероятными трудностями, отбиваясь от преследовавшей советской армии, поддерживаемой населением, корниловцы добрались до Екатеринодара, пытались взять его, но были разбиты. Здесь же был убит и Корнилов. Остатки армии должны были снова начать отступление. Им удалось пробиться на Дон, где в это время началось восстание казаков. Этот поход, где белогвардейцам пришлось вынести невероятные лишения, известен под именем «ледяного похода». Его-то и описывает Роман Гуль, бывший его участником.

Книжка читается с большимъ интересом.

Роман Гуль, сын помещицы, пострадал от революции: его имение было взято крестьянами; во время похода он и его брат были ранены. Он не любит большевиков. Это сквозит во всей книге. Всякий раз, как он описывает их или крестьян, им сочувствующих, он рисует их как людей, с тупыми, зверскими лицами. Он ненавидит и революцию: по его словам, у революции «под красной шляпой вместо лица — рыло свиньи».

Когда Гуль едет в Ростов, он мечтает, что «туда сбежалось все лучшее. Отсюда тронется волна национального возрождения. Буржуазия—Минины, офицерство—Пожарские».

Автор—враг большевиков; он идеализирует белогвардейцев. И тем не менее, правда жизни берет свое. Автор рисует

глубокое сочувствие рабочих и крестьян к большевикам, их вражду к добровольцам и зверства этих последних.

«Нас окружили рабочие,—пишет он,—смотрят злобно и не желают этого скрыть».

Но особенно много разбросано в книжке маленьких, бесхитростных сценок, рисующих зверства и грабежи белогвардейцев. Приведем несколько таких сценок.

Вот некий К-ой (бывший «артист плохого шантана») рассказывает, как он «ликвидировал» какого-то рабочего, вся вина которого состояла в том, что у него «морда самая комиссарская».

«Я сюда чай пить пришел, а его к Духонину отправил».—«Застрелил?» спрашивает кто-то.—«На такую сволочь патроны тратить! Вот она, матушка, да вот он, батюшка». К-ой приподнял винтовку, похлопал ее по прикладу, по штыку и захохотал» (25).

А вот картина, как добровольцы хотят «сестру пленную заколоть».

«Три офицера, во главе с подполковником К., и несколько солдат корниловского полка с винтовками лезли к вагону, отпихивали караул и ругались: «Чего на нее смотреть.... ее мать! Пустите! Какого чорта еще!»

Пленную удалось отстоять. Подполковник К-ой шел, тихо ругаясь матерно и бормоча: «Все равно, не я буду, заколю»... (30—31)

А вот сцена расстрела пленных (человек 50—60), взятых в селе Лежанке:

«Подполковник Нежинцев скачет к ним, останавливается...

— «Желающие, на расправу!—кричит он.

«Вышли человек пятнадцать. Идут к стоящим кучкой незнакомым людям и щелкают затворами.

«Прошла минута. Долетело: «пли!»... Сухой треск выстрелов. Крики, стоны.

«Люди падали друг на друга, а шагах в десяти, плотно вжавшись в винтовки и расставив ноги, по ним стреляли, торопливо щелкая затворами. Упали все. Смолкли стоны. Смолкли выстрелы. Некоторые расстреливавшие отходили. Некоторые добивали штыками и прикладами еще живых» (64—65).

В той же Лежанке «к подполковнику К-ому подходит хорунжий М., тихо, быстро говорит: «Пойдем, австриец... там»...—«Где?... Идем». В темноте скрылись. Слышатся их голоса... возня... выстрел... стон... еще выстрел.

«Из темноты к нам идет подполковник К-ой. Его догоняет хорунжий М.—и опять быстро: «Кольцо,—нельзя только снять».—«Ну? Нож у тебя?»... Опять скрылись... Вернулись.—«Зажги спичку», говорит К-ой. Зажег. Оба близко, склонясь лицами, рассматривают.—«Медное... его мать!—кричит К-ой, бросая кольцо.—Знал бы, не пошел... его мать»...(67—88).

А вот сцена, как пороли крестьян добровольцы в той же Лежанке.

«Верхом подъехал знакомый офицер В-о.—«Посмотри, нагайка-то красненькая!» смеется он. Смотрю: нагайка в запекшейся крови. — «Отчего это?»—«Вчера пороли там молодых...»—«Ты порол?»—«Здорово, прямо руки отнялись, кричат сволочи», захохотал В-о.

— «А как пороли? расскажи!—спросил кто-то.

— «Пороли как? Это поймали молодых солдат, человек двадцать, расстрелять хотели; ну, а полковник тут был, кричит: всыпать им по 50 плетей!

«Выстроили их в шеренгу на площади. Снять штаны! Сняли. Командуют: ложись!—Легли.

«Начали их пороть. А эсаул подошел: что вы мажете! кричит. Разве так порют? Вот как надо!

«Взял плеть, да как начал! Как раз! Сразу до крови прошибает. Ну, все тоже подтянулись» (69).

А вот еще сценка все в той же несчастной Лежанке.

«Захватили мы несколько пленных на улице. Хотели к полковнику вести. Подъехал капитан какой-то из обоза, вынул револьвер... раз... раз... раз... всех положил» (69).

«Да,—перебил другой офицер,—я забыл сказать. Знаете, этих австрийцев, которых мы не тронули, всех чехи перебили. Я видал, так и лежат все кучей» (70).

«Что народу-то, народу побили... невинных-то сколько... А из-за чего все? спроси ты их»... говорит один старик, когда белогвардейцы уходили из Лежанки».

«В Лежанке было 507 трупов», поясняет автор.

А вот сцена в станице Березянской. — «Слыхали? Корнилов приказал старым казакам на площади молодых пороть?»—рассказывает один офицер.

Из Березянской корниловцы идут в станицу Журавскую. По дороге около Выселок происходит бой. «Взяли пленных. Подп. К-ой стоит с винтовкой на перевес. Перед ним молодой мальчишка кричит: пожалейте, помилуйте!

«А... твою мать! Куда тебе—в живот, в грудь? Говори»... бешено-зверски кричит К-ой.

«Пожалейте, дяденька!»

«Ах! Ах!—слышны хриплые звуки, как дрова рубят. Ах! Ах! И в такт им подп. К-ой ударяет штыком в грудь, в живот стоящего перед ним мальчишку... Стоны... тело упало...

«На путях около насыпи валяются убитые, недобитые, стонущие люди.

«Еще поймали. И опять просит пощады. И опять зверские крики.

«Беги... твою мать!» Он не бежит, хватается за винтовку; он знает, что такое «беги»...

«Беги... а то!» Штык около его тела,— инстинктивно отскакивает, бежит, оглядываясь назад, и кричит диким голосом. А по нем трещат выстрелы из десятка винтовок, мимо, мимо, мимо... Он бежит... Крик. Упал, попробовал встать, упал и пополз торопливо, как кошка.

«Уйдет!» кричит кто-то, и подпор. Г-нь бежит к нему с насыпи.

«Я раненый, раненый!» дико кричит ползущий, а Г-нь в упор стреляет ему в голову. Из головы что-то летит высоко, высоко во все стороны»... (84)

А вот эпизод после боя под станицей Лабинской.

«Капитан Ю. раненого застрелил, а другого Ф. и Ш. взяли. Ведут. Он им говорит, что мобилизованный, то, другое, а они спорят, кому после расстрела штаны взять (штаны хорошие были)» (102).

Заняли корниловцы Киселевские хутора. «Нигде ни души. Валяются убитые». Утром уходят дальше. «Над селом поднимается черными клубами дым, его лижет огонь красными языками. И скоро все село пылает, разнося по степи сизые тучи (105).

К вечеру корниловцы занимают Филипповские хутора. «Здесь та же картина. Ни одного жителя. Все как вымерло». «Ранним утром из Филипповских выезжают последние подводы (корниловцев), и опять все село застилается сизыми тучами. Сожгли».

Берут корниловцы Ново-Дмитриевскую станицу. «Сонные большевики, захваченные врасплох, взяты в плен. На другой день на площади строят семь громадных виселиц. На них повесили семь захваченных комиссаров» (113).

Хоронят убитого Корнилова. «Хоронили тайно, всего пять человек было. Рыли могилу, говорят, пленные красноармейцы. И их расстреляли, чтобы никто не знал» (134).

Возвращаясь на Дон, корниловцы снова зашли в Лежанку. Четверг страстной недели. В церкви служба. «Из церкви круглыми, нежными звуками вылетает пение и замирает в вечернем воздухе.

«Тут служба, а на площади повешенные», тихо говорит товарищ.

«Кто?»—«Да сегодня повесили комиссаров пленных» (147—148).

Пришли в станицу Мечетинскую. И здесь произвели экзекуцию. «А я вот вам штуку расскажу», говорит один офицер. «Здесь на площади баб как пороли, интересно» (152).

Такими жуткими картинками переполнена вся книга.

Но есть в ней картинки и другого рода: распри между генералами (Корниловым и Алексеевым) и их приближенными, или, например, описание того, как вернувшихся измученных корниловцев встретила ростовская буржуазия. Газеты посвятили им много статей. «Во всех газетах одно и то же: «вернулись герои духа», «титаны воли», «горсть безумно храбрых», «воодушевленных любовью к родине». В Ростове пущен лист сбора пожертвований в пользу «героев», от ростовского купечества собрано... 470 рублей, а раненых прибыло всего тысячи две» (157).

Немудрено, что на следующей странице автор заканчивает свою книжку словами.

«Вскоре мы с братом вышли из армии».

Н. Мещеряков.

Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ. Легкомысленный путешественник. Государственное Издательство. 1921. Стр. 64.

Осенью 1920 г. в Грузию прибыла довольно многочисленная делегация желтого II Интернационала вместе с вождем $2^1/_2$ Интернационала—К. Каутским.

Делегаты II Интернационала не долго оставались в Грузии. Дольше остался там Каутский. Он прожил в Грузии около $3^1/_2$ месяцев и, вернувшись в Германию, издал книжку, в которой рассказывает о своих «впечатлениях и наблюдениях».

В своей книжке Каутский приходит от Грузии в восторг. В Грузии «пролетариат держит в своих руках политическую власть или, если хотите, осуществляет свою диктатуру, без всякого терроризма, средствами и способами демократии», пишет он в начале предисловия.

В Грузии осуществлена «полная свобода политических партий, полная свобода профессиональных союзов, свобода обсуждения вопросов, свобода пропаганды, коалиции и организаций». За последние годы, когда от Рейна до Тихого океана почти всюду вспыхивают кровавые восстания, Грузия, уверяет Каутский, на ряду с немецкой Австрией, представляет единственную страну, которая не видела подобных событий.

«Положение Грузии блестящее. В настоящее время нет ни одного правительства, которое было бы так прочно, как грузинское», писал Каутский в январе—феврале 1921 г. В предисловии он говорит, что, живя в Грузии, он не знал ни русского, ни грузинского языка, а потому не мог входить в «прямые сношения с людьми из народа». С грузинскими коммунистами он совершенно не виделся. Ни русских, ни грузинских газет не читал в подлиннике. Ему приходилось пользоваться переводчиками.

Тов. Мещерякову тоже пришлось прожить некоторое время в Грузии и как раз то время, когда там жил Каутский. В отличие от последнего, т. Мещеряков читал грузинские газеты в подлиннике, и это дало ему возможность цитатами из грузинских же газет доказать всю голословность утверждений Каутского, изображающего меньшевистскую Грузию в виде земного рая.

Тов. Мещеряков рисует тяжелое положение грузинского крестьянства, которому меньшевики не хотели ничего дать, говорит об упадке производительных сил страны при меньшевиках, о промышленном грюндерстве, выразившемся в открытии ряда гнилых, беспочвенных предприятий, характеризует грузинскую демократию. Как доказывает т. Мещеряков, в *грузинской учредилке не было ни одного крестьянина*. И это в стране, где, по словам Каутского, установлена диктатура пролетариата, а крестьянство составляет $^3/_4$ всего населения. Это отсутствие крестьянских депутатов в меньшевистской учредилке т. Мещеряков объясняет тем, что в Грузии много безработной интеллигенции, эта интеллигенция устремилась безудержно к депутатским местам, чтобы, попав в учредилку, устроить себе тепленькое местечко и привольную жизнь. Крестьянам места не нашлось совершенно, рабочие должны были потесниться.

Автор подробно останавливается на утверждении Каутского, будто Грузия меньшевиков—единственная страна, которая не знала кровавых восстаний, и в опровержение этого ни на чем не основанного заявления очень кстати цитирует книжку грузинского меньшевика Валико Джугели «Тяжелый Крест», который сам руководил подавлением бесчисленных крестьянских восстаний в Грузии и посвятил описанию своей зверской расправы над «взбунтовавшимися рабами» обстоятельный дневник, изданный в Тифлисе в 1920 году.

Крестьянские восстания усмирялись со страшной жестокостью. Так, в небольшой Осетии (во всей Грузии считается 50—60 тысяч осетин) было сожжено 27 селений. Семьи восставших крестьян—женщины и дети—запирались в избы и там сжигались. И при взгляде на зловещие, ночные огни, подымавшиеся над горевшими домами восставших крестьян, один из товарищей Валико Джугели сказал последнему. «Я начинаю понимать Нерона и великий пожар Рима». В таком превыспренном тоне рассказывает сам о себе и о своих подвигах Джугели.

Т. Мещеряков останавливается также на национальном вопросе в Грузии,—вопросе, который Каутский почему-то обходит молчанием. Грузинское правительство вело самую узкую национальную политику, лишало подчиненные национальности всяких прав. Автор цитирует, между прочим, английскую книгу: «В Деникинской России» противника Советской власти Бехгофера:

«Свободное и независимое социал-демократическое государство Грузии всегда останется в моей памяти, как классический пример империалистической малой национальности и по отношению к захватам территорий вне своих пределов, и по отношению к бюрократической тирании внутри государства. Шовинизм его превосходит всякие пределы».

Новая работа т. Мещерякова является прекрасным дополнением к его брошюре «В меньшевистском раю», отзыв о которой мы дали уже в первой книге «Печати и Революции».

Было бы необходимо, чтобы широким рабочим кругам в Западной Европе и Америке была дана возможность ознакомиться с обеими упомянутыми работами т. Мещерякова.

Мих. Павлович.

РЕВОЛЮЦИЯ НА ВОСТОКЕ.

МИХ. ПАВЛОВИЧ (М. ВЕЛЬТМАН). Революционная Турция. Государственное Издательство. 1921 г. Москва. 127 страниц.

Новая книжка тов. Павловича—«Революционная Турция» представляет несомненный вклад в нашу скудную литературу о революционном Востоке. Нужда же в такой литературе настолько ясна для всякого работника, соприкасающегося так или иначе с Востоком, что о необходимости создания специальной библиотеки, посвященной Востоку, говорить не приходится.

Книжка тов. Павловича по существу является сжатой политической историей Оттоманской империи—Турции, которая складывается из ряда этапов: старой Турции,—Турции Энвер-Бея и Ахмед-Ризы, руководивших Турцией в момент мировой войны; Турции Кемаль-Паши, который ведет борьбу сейчас с Антантой и, наконец, этап намечающегося коммунистического движения, которое под влиянием русской пролетарской революции нашло себе отклик в толщах трудящихся масс современной Турции.

Первые главы рецензируемой книжки написаны тов. Павловичем до империалистической войны и носят на себе печать большей обработки и законченности. Особенно интересна вторая глава, дающая интересный анализ причин разложения старой Турецкой империи—этого «больного человека», как называли обычно Турцию европейские дипломаты, не раз порывавшиеся произвести раздел турецкого наследства еще при жизни «больного человека». Автор вскрывает социально-экономические и политические причины распада старой Турции, закончившиеся свержением султана Абдул-Гамида и младотурецкой революцией 1908 года.

Участие Турции в мировой войне и вся история борьбы за проливы и Малую Азию привела Турцию Энвер-Паши к разгрому и закончилась разделом ее между победителями. Но победители увлеклись дележкой добычи и за спорами и борьбою из-за Константинополя и Турецкого наследства проморгали начавшееся крупное национальное движение в Турции, которое привело к созыву Ангорского Национального Собрания и к образованию Национального Правительства собственно Революционной Турции, во главе которой стал Кемаль-Паша.

Образование независимой Турции и ее успехи в вооруженной борьбе за свою независимость перевернули вверх ногами всю восточную политику Антанты. Успехи Революционной Турции,—страны, которая пользуется исключительным влиянием во всем мусульманском мире, били по самому больному месту европейского империализма, колебля устои капиталистических держав - победительниц

во всех их мусульманских колониях: Алжире, Марокко, Тунисе, Триполи, Египте, Индии и т. п.

Этот фактор, имеющий огромное значение в международной политике сегодняшнего дня на Востоке, находит себе полное отражение в целом ряде глав книжки и обильно подкреплен выдержками из официальных документов. Автор уделяет много места дружескому соглашению Революционной Турции и Р. С. Ф. С. Р., которое обеспечило для Турции тыл и дало возможность развить максимальное сопротивление в развертывающейся в наши дни борьбе Турции с Грецией.

Особенный интерес для нас представляют главы, посвященные коммунистическому движению в Турции. Движение, конечно, слабо, оно тонет в общем национальном движении. Нет у него и широкой базы за отсутствием индустриального пролетариата, так как Турция—страна преимущественно земледельческая. Движение имеет пока свои корни в беззе-мельном крестьянстве (около 30%) и солдатской массе турецкой армии. Турецкая коммунистическая партия пока еще не вышла из стадии организации и связывается с именами тов. Измаила Хакки и трагически погибшего тов. Субхи, которому автор посвятил несколько прочувствованных строк в своей книжке. Стоит отметить еще так наз. официальную коммунистическую партию Турции—«Зеленое яблоко», своего рода турецкую зубатовщину, которая состоит на службе у турецкой буржуазии и играет значительную роль, как одно из препятствий росту подлинного революционного коммунизма в Турции.

Книжка имеет несколько схем территориального состояния Турции в разное время.

Революционная Турция—ключ к пониманию современной политической обстановки на Востоке, поэтому книжка тов. Павловича заслуживает не только широкого распространения в России, но и перевода как на западные, так и на восточные языки.

Вл. Виленский (Сибиряков).

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ. Народный Комиссариат по делам национальностей. Госуд. Издательство. 1921 г. 90 страниц. Москва.

Рассматриваемая нами книжка представляет небольшой сборничек, где собраны, главным образом, материалы, связанные с прениями по национальному вопросу на X съезде РКП. Эту же тему развивает и статья тов. Мих. Павловича: «X съезд РКП. и национальный вопрос», в которой автор делает ряд интересных обобщений и подчеркивает значение советских республик и принцип добровольной федерации их в борьбе с империализмом. Не менее важен другой вопрос, выдвигаемый им же,—это экономическая политика поднятия производительных сил автономных республик. Этот вопрос действительно огромной важности, и та постановка, которая ему дается Советской властью, прямо противоположна тем основным принципам, которые применялись капиталистическим миром: «Экономическая политика Англии, Франции, Голландии, Бельгии, Испании и т. д. имела основною целью не допустить развития туземной промышленности в колониях». В «Капитале» Маркса мы имеем иллюстрации этого: «Поля Индии белеют костями ткачей». Сейчас, когда мы перевертываем обычные представления основ национального вопроса в сторону пересмотра их в интересах наиболее угнетенных и эксплуатируемых наций, мы, конечно, должны серьезно задуматься над вопросами подведения экономического базиса для всей национальной стройки советских республик.

Большой теоретический интерес представляет статья И. Сталина: «К постановке национального вопроса», где автором выдвигается несколько моментов, уточняющих современную постановку национального вопроса. Национальный во-

прос есть часть общего вопроса—освобождение колоний. Коммунисты уничтожают стену между белыми и черными, между «культурными» и «некультурными» рабами империализма. Это—первый момент. Вторым моментом является признание за нациями и колониями права на государственное отделение и на образование самостоятельного государства. Третий момент—установление и вскрытие органической связи между капиталом и национально-колониальным вопросом. «Если Европа и Америка могут быть названы фронтом, ареной основных боев между социализмом и империализмом, то неполноправные нации и колонии, с их сырьем, топливом, продовольствием, громадным запасом человеческого материала, должны быть признаны тылом, резервом империализма. Чтобы выиграть войну, нужно не только победить на фронте, но и революционизировать тыл противника и его резервы». Такова современная постановка национального вопроса с точки зрения стратегии революции.

Наконец, следует отметить еще статью Трайнина: «Советская власть и освобождение национальностей», которая является попыткой систематизировать трехлетний опыт Наркомнаца в области практического осуществления нашей национальной политики. Чрезвычайно интересна глава о культурных достижениях освободившихся национальностей. В книжке имеется схема Наркомнаца и ряд приложений в роде «Положения о Совете национальностей» и др., что делает книжку ценной в качестве справочника для работника по делам национальностей.

Вл. Виленский (Сибиряков).

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

СЕМЕН МАСЛОВ. Крестьянское хозяйство. Очерки экономики мелкого земледелия. Гос. Издат., Москва, 1921. Без цены, 398 стр.

На титульном листе стоит: «четвертое издание, 1920». На обложке значится: «пятое издание, 1921». Видимо, не легко было Гос. Издательству преодолеть трудности по выпуску этой пустой, никчемной, беспринципной, ученической книги.

Перед нами крайне неискусная, неумелая, несерьезная сводная работа, лишенная теоретического стержня, не пригодная для практических целей, отставшая на четверть века от современного уровня науки о крестьянском хозяйстве, способная во многих случаях дать совершенно превратное представление об «изучаемом» предмете. Собственно, об этой книге не стоило бы распространяться. Приходится лишь в двух словах иллюстрировать, обосновать высказанное мнение.

Книга заключает в себе, можно сказать, теорию, историю и практику, т.-е. характеристику современных аграрных отношений в России. Под *современными* отношениям и надо, впрочем, понимать—*дореволюционные* (о революции и ее результатах в деревне в книге имеются только случайные, «редакционные», для приличия вставленные упоминания; даже такие источники, как перепись 1916 года, совершенно игнорируются в «переработанном и дополненном издании»). Теория же и история изображаются в популярной форме. Например,—«прибавочная ценность и есть прибыль капиталиста»; или—«из истории известно, что капитал появился только в новейшее время: прежде ни денег, ни капиталистических предприятий не было»; или—«чрезвычайно рано, в отдаленные времена, на ряду с трудовым земледельческим населением, появилась усадьба господ: князя, рыцаря, боярина, помещика и т. п.; окружающее население, вместе с теми землями, которыми оно пользовалось, попадает в подчиненные отношения к владельцам усадеб; возникает поместье и поместное хозяйство». Для «исследования» в 25 печ. листов все это как будто бы немного слишком? Автор, как стародавний, желторотый студент-пропагандист, высасывает из пальца когда-то ухваченные краем уха истины. Но нездоровится им в его формулировке.

Не более, а пожалуй, еще менее полезным становится чтение книги, когда автор переходит к «новой деревне» (см. стр. 42 и сл.)... «При развитии денежного хозяйства изменился характер крестьянского хозяйства. Оно производит преимущественно рыночные продукты для сбыта. Но потребительный характер его от этого не изменился». Оставляя в стороне научную терминологию,—ведь это надо доказать, показать, иллюстрировать. Автор «доказывает»... цитатами из корреспондентов текущей статистики, да еще по Московской губ.!

Или посмотрите «исследование» о промыслах и об их причинах (стр. 57—60); или о наемном труде, а стало-быть, о *типах* крестьянского хозяйства, об его дифференциации. Даже тогда, когда к найму прибегают 30 дворов из сотни, автор остается невозмутим; и «доказывая» «потребительный характер» хозяйства, замечает: «в Самарской губ. к найму рабочих на срок крестьяне прибегают крайне редко»... Так писали в журналах, с «народническим» духом, лет 30 тому назад.

В книге, в сущности, *цифр* очень много,—чуть не на каждой странице. Но все они до странности случайны, не характерны, не солидны, взяты неизвестно почему. Внимательный читатель может заметить, что наша основная аграрная литература *была в руках* у автора. Но все же вся она как бы прошла мимо него. Свои «положения» он высасывает из пальца, как будто этой литературы и не было. Это потому, что в «исследовании» нет и признака станового хребта, самостоятельной мысли, исследовательского подхода.

Это касается не только исторических экскурсий и «изучения» нашего крестьянского хозяйства, но и отделов о развитии сел.-хоз. форм, вопроса о крупном и мелком земледелии и т. п. Впрочем, это не значит, что автор не привел целого ряда совершенно правильных (чужих, давно установленных) положений по многим пунктам аграрной теории и с.-х. экономии.

О *будущем* нашего крестьянского хозяйства автор предпочитает помалкивать. Только так можно понять его кислые, ничего не говорящие страницы, касающиеся с.-х. кооперации.

Наилучшими частями книги, т.-е. как будто вполне безобидными, являются—бесхитростное изложение элементарных принципов с.-х. экономии (гл. V) и, пожалуй, страницы о формах землевладения. Но жалко смотреть, как в 1921 году тут же трактуется вопрос о крестьянской *аренде* в России!

Самое *изложение* портится, вероятно, тем, что в книгу, в качестве дополнений, включены работы автора, печатавшиеся в разных изданиях в виде статей: это придало *внешности* книги большую расплывчатость, беспорядочность, бессистемность.

Ник. Суханов.

Н. А. КАБЛУКОВ. Задачи и способы собирания статистических сведений. Издание Центр. Статист. Управления. Москва, 1920 г. Стр. 102.

Если бы нужно было рекомендовать популярное, доступное почти что самому неподготовленному читателю и в то же время совершенно выдержанное, с научной точки зрения, пособие по статистике—вряд ли можно было бы найти более удачную работу, чем книга проф. Каблукова о задачах и способах собирания статистических сведений. Предназначенная, как гласит подзаголовок серии, служить руководством для волостных статистиков, она написана живым языком, обильно иллюстрирована примерами и дает как общую теорию статистики, так и практические указания по собиранию статистических материалов.

Разумеется, ничего нового она не вносит ни в понимание задач статистики, ни в ее методологию. Не в этом и ее задача. Но действительно трудно было бы подобрать более идеальное руководство, пригодное, к слову сказать, не только для «волостного статистика», но и для всякого начинающего изучать статистику вообще. Для иллюстрации метода изложения достаточно привести хотя бы то объяснение теории вероятности—краеугольного камня теории статистики, особенно трудно воспринимаемого студентом,—которое дает проф. Каблуков. «Для пояснения того,—говорит он

(стр. 49—50),—что такое вероятность и почему приходится говорить о ней, а не о достоверности, приведем такой пример. В закрытый ящик или чашу положено 10 белых шаров, 5 черных и 2 красных. Если мы станем вынимать их оттуда, отмечать каждый раз, какого цвета шар вынут, и обратно опускать его туда, *не заглядывая* в ящик, то каждый раз будем вынимать шары при *том же количестве* шаров каждого цвета при каждом вынимании. Если мы сделали *много* таких вынимания, то какого цвета шар вынимался *чаще* всего? Каждый, надо думать, скажет: *вероятно*, белого. Но почему белого и почему только вероятно, ведь *каждый* раз шаров белого цвета было вдвое больше, чем черного, и впятеро больше, чем красного. Это отношение между шарами, это *условие для вынимания их* оставалось все время *постоянным, неизменным*. И по этой причине, в силу *этого* условия для вынимания белых шаров было, можно сказать, вдвое *более благоприятных условий*, чем для вынимания черных, и впятеро больше, чем для вынимания красных. Ясно поэтому, что они и должны были вынуться большее число раз, чем черные и красные. Но можем ли мы сказать, что именно вдвое больше раз, чем черных, и впятеро, чем красных? Нет. Мы даже говорим, что и вообще то обстоятельство, что белые шары должны были вынуться большее число раз—это только вероятно. А почему не наверное? Да потому, что только *одно* условие остается *постоянным*, неизменным. Только число тех, других и третьих шаров. *Все остальное*, отчего зависит вынимание того или другого шара, *меняется*: меняется направленье руки вынимающей; при всем желании оставить его неизменным, мы хотя на немного, но то отклоняем руку вверх, то вниз, то вправо, то влево, а в зависимости от этого она и попадет то на тот шар, то на другой, то на третий и т. д.; точно так же происходят изменения и в направлении руки, опускающей шары; то рука опустится ниже, то выше, то выпустит шар просто, то бросит его, то совершенно тихо положит. Все это происходит не намеренно; при всем желании соблюсти каждый раз совершенно такое же опускание шара и так же одинаково направить руку при вынимании их, мы никак не можем быть уверены, что не произвели того или другого уклонения в ту или другую сторону. А все это и ведет к тому, что каждый раз шары расположатся в ящике по иному, хотя разница будет и невелика. От этого а также от того, как отклонится рука, обстоятельства, при которых вынимаются шары, будут при каждом вынимании отличаться друг от друга, хотя и незначительно. В зависимости от всего этого и происходит то, что при каждом вынимании шара вынется не какой-нибудь определенный шар. Но так как при этом общее число шаров каждого цвета остается постоянным, и число белых постоянно вдвое больше числа черных, а кроме того, и те обстоятельства, которые влияют на различие в расположении шаров, не беспредельны, а будут повторяться, то и те отклонения, которые происходят каждый раз то в ту, то в другую сторону, тоже будут повторяться при *большом* числе вынимания и, так сказать, покроют или сгладят друг друга. То условие, которое остается *постоянным*, т.-е. численное отношение шаров разного цвета, повторяется при каждом вынимании, а потому оно и должно, так сказать, взять верх над *меняющимися* условиями и проявиться. Это и заставляет нас думать, что *вероятно большее* число раз вынется белый шар, так как его больше, чем других. Но для этого надо, чтобы было произведено именно такое количество вынимания, такое *большое* число их, когда действительно *приблизительно* сравняются и покроют друг друга отклонения в ту и другую сторону. Совершенно же сравняться они не могут, потому что, при постоянстве общего условия, все же остаются различия для каждого отдельного вынимания. *При каждом отдельном* вынимании *постоянное* условие, заключающееся в определенном числе шаров разного цвета, и то меняющееся условие, которое, так сказать, подводит под вынимающую руку какой-нибудь из разноцветных шаров, выступают друг подле друга, можно сказать, с равной силой, и потому мы не можем предусмотреть, какое из них в каждом отдельном вынимании возьмет верх, поэтому мы и

не можем ни с какой вероятностью предусматривать, какого цвета шар вынется при отдельном вынимании. А отсюда и выходит, что к *отдельному* выниманию, или в человеческой жизни—к *отдельному человеку не приложимо* такое заключение по вероятности, *которое относится ко всей совокупности* или к целой группе людей».

Эта цитата, несмотря на свой размер, приведена нами потому, что она представляет собой яркий образец той популярности, какую придает проф. Каблуков сложнейшим вопросам теории статистики. В ней, как в фокусе, собраны все популяризаторские достоинства автора. И так как вся книга представляет собой превосходную популяризацию статистики, то в общем и целом можно сказать без опасения повторения только одно: если бы понадобилось рекомендовать действительно популярную работу для начинающих изучать статистику—лучшего руководства, чем данная работа проф. Каблукова, трудно было бы найти.

Б. Яроцкий.

DR. HENRYK RADZISZEWSKY. Polska idea economiczna. Warszawa, 1918. Стр. 124.

Др. ГЕНРИХ РАДЗИШЕВСКИЙ. Польская экономическая идея. Варшава, 1918 г. Стр. 124.

Новая работа д-ра Радзишевского, известного писателя по экономическим и финансовым вопросам, написана под влиянием текущего политического момента—возрождения Польши. Имеется ли прочное основание для того, чтобы быть уверенным в том, что возрожденная Польша может развиваться, как самостоятельный экономо-политический организм,—вот тот вопрос, какой был поставлен жизнью. Польская политическая и экономическая мысль во множестве брошюр и книг стремилась дать оптимистический ответ на поставленный жизнью вопрос, при чем отправной точкой для размышлений польских экономистов и государствоведов служили исторические судьбы польского народа, рассматриваемые польскими учеными в аспекте политического романтизма, послужившего препятствием даже таким трезвым ученым, как пр. Бальцер, подойти к оценке прошлого более спокойно и трезво, заменив романтику положительным знанием. Появление работы Г. Радзишевского продиктовано естественным желанием получить определенный ответ на докучливый и недоуменный вопрос, имеются ли в польской жизни какие-либо основания для интенсивного развития народного хозяйства. Положительным ответом на поставленную проблему и является книга. В своих ранее опубликованных финансово-экономических работах др. Радзишевский всегда выступает, как положительный исследователь, отправляющийся от определенного конкретного материала, дающего ему основания для тех или других обоснованных выводов. Новая работа того же автора—продукт политического романтизма. Прошлое Польши в народно-хозяйственном отношении, по мнению автора, может служить основанием для факультативной оценки предстоящего народно-хозяйственного развития. Работа не отличается новизной по своему содержанию, но она интересна с опытно-показательной точки зрения, как реальное отражение великодержавных мечтаний представителей современной польской политической мысли. Правительственная власть в Польше, с момента образования государственного организма, относилась с неизменным вниманием к развитию производительных сил и к разработке природных богатств в Польше. Благодаря этому Польша уже в XIII в. была цветущей страной в экономическом отношении. Особенно процветали города, ставшие центром торговли. Народно-хозяйственное развитие Польши выдвинуло на очередь вопрос, легший в основу всей внешней политики Ягеллонов, о выходе к морям, главным образом, к Балтийскому. Благодаря этой политике и благоприятной международной экономической конъюнктуре в Польше наступила эпоха величайшего расцвета народного хозяйства. Автор собрал довольно много фактического материала, подтверждающего его точку зрения, впрочем, общепринятую в современной польской историко-экономиче-

ской литературе. Если бы автор был знаком с таможенными книгами XVI в., то рост вывозной торговли можно было бы представить в более отчетливом виде. В эпоху расцвета торгового капитала политическое самосознание польского общества получило вполне отчетливое выявление. Поляк (шляхтич) живет только для государства и Бога. Службой Богу и отчизне определяется вся общественно-политическая физиономия шляхтича, и в этом залог, по мнению автора, будущего здорового политического настроения. Как жаль, что политический романтизм автора дал возможность ему игнорировать объективные данные, представляющие общественно-политическую мораль командующего класса в несколько ином освещении. Впрочем, термин «класс» совершенно не употребляется автором и заменен везде собирательным словом «поляк». За «золотым веком» наступила эпоха упадка, и только после первого раздела Польши началось экономическое возрождение оставшейся Польши. Автор в восторге от хозяйственной деятельности и практичности польских магнатов, ставших насаждать фабрики и заводы, обративших внимание на рациональную постановку польского хозяйства, выдвинувших на первый план крестьянский вопрос, приступивших к организации кредитных кооперативов натурально-денежного характера и т. д. И тут романтика помешала автору объективно посмотреть на факты и оценить их так, как это должен был сделать всякий исследователь; тем более, что этого вопроса касались и польские и русские исследователи и в особенности пр. Воблый, давший исчерпывающую отрицательную характеристику шляхетского индустриального движения. То же следует сказать и об отношении к крепостному праву, к сельскому хозяйству. Вообще, автор предпочитает иметь дело с настроениями и идеями, чем с компрометирующими его фактами. Др Радзишевский совсем не касается XIX века. И это понятно. Промышленный расцвет бывшей единой Польши зависел не от общественной морали поляка, а определялся либо благоприятной для польской буржуазии торговой политикой со стороны России, либо немецким экономическим развитием. Да и сам гражданский настроенный шляхтич сдавал свои позиции и уступал место более трезвому иностранному капиталу, о котором автор везде умалчивает. Польский экономический идеал в прошлом благоприятствует оптимизму настроений, как самого автора, так и других экономистов. но, если порвать самым решительным образом с политической романтикой и оставаться на почве факта, считаясь с международным положением Польши и состоянием мирового хозяйства, то оптимизму не будет места, и экономическое развитие и состояние Польши рисуется в ближайшем будущем едва ли в радужных тонах. Нельзя не считать работ такого рода вредными во всех отношениях.

В. Пичета.

А. А. БАУЭР. Уход за паром и ржаным полем. Гос. Издательство. Донское отделение. 1921. 65 стр.

Первое издание этой книжки вышло в 1916 году в виде пяти выпусков под общим заглавием «Уход за ржаным полем», и в виду поступавших новых требований со стороны общественных агрономических и культурно-просветительных организаций автор приступил к второму изданию книги, не разбивая ее на выпуски.

Составитель брошюры широко воспользовался последними данными опытных учреждений северной нечерноземной полосы России; в главе седьмой «Чем еще можно удобрять землю под рожь» указал на новые удобрения, выдвинутые жизнью в связи с сокращением ввоза искусственных туков и производства их в России и обращает особенное внимание на золу, обыкновенно выбрасываемую у нас в мусорные ямы, между тем как она является не менее ценным удобрением, чем ввозимые раньше в громадном количестве заграничные соли, заключая в своем составе два рода нужной растениям пищи—калийной и фосфорнокислой, заменяя таким образом калийные удобрения (каинит, калийную соль) и одновременно фосфорнокислые (суперфосфат и томасшлак).

Автор не достаточно выпукло оттенил значение наибольшего захвата выпадающей влаги, не дал общих указаний о борьбе с засухой, как-то: значение влаги для почвы, подготовка земли под озимь, способы посева, борьба с сорною растительностью, пахота под зябь и ранние пары, как мера накопления и сбережения почвенной влаги; нет указаний на использование в засушливых местах оврагов, балок и лощин для устройства запруд, на значение, в целях увлажнения, облесения полей, песков, склонов; не затронут вопрос о значении разнообразия культур и улучшенных севооборотов, обеспечивающих поля от недорода.

Остальные вопросы, касающиеся времени посева ржи, о способах посева, улучшения семян ржи, о качествах посевных семян, об очистке и сортировке их, о грибных болезнях ржи—разработаны детально, изложены популярным языком, и книжка вполне доступна для чтения в деревне.

Д. Бессер.

„СПУТНИК КОММУНИСТА", № 4. (Еженедельник Московск. К-та Р. К. П. 1921 г.

«Мал золотник, да дорог», говорит русская пословица. Эту пословицу можно применить к разбираемому журналу. На 4—5 листах чрезвычайно трудно охватить вопрос о голоде и всю нашу необъятную «новую экономическую политику»—и все-таки журнал умело справился с нелегкой задачей. Задача трудна именно потому, что материалам из этой области нет конца-края, и выделить существенное, центральное и необходимое для данного момента—дело не малой трудности. Когда прочтешь журнал, составляется совершенно цельное, всеобъемлющее и отчетливое представление о всех сторонах голодной кампании и этого загадочного сфинкса—новой экономической политики. Блестящая речь тов. *Троцкого* вводит нас в тайники международных заговоров, помыслов и приготовлений к интервенции, от которой так много зависит и путь и темп нашей экономической жизни, быстрота и полнота ликвидации голода. Доклад тов. *Красина* о «Военной торговле» подробно останавливает наше внимание на уже достигнутых в этом направлении успехах, а равно и возможных перспективах. По фактам и цифрам мы видим, как помыслы буржуазии скачут от интервенции к торговым договорам, как мощь Советского государства (а в первую очередь Красного оружия) заставляет наших врагов менять мечи на марки и стерлинги.

Мы готовы ко всему, но определенно хотим мира и мирных торговых отношений со всеми государствами. Правильно организованные—эти отношения помогут нам широко реализовать у себя внутри те задачи, которые ставим себе новой экономической политикой. Сущность этой политики, применительно к сельскому хозяйству и крупной фабричной промышленности, анализирует в своем докладе тов. *Каменев*. Он указывает, каким образом мы хотим поставить сельскую и городскую промышленность на путь прегрессивного роста и чего следует ожидать от наших усилий.

Отдел «Декреты Советской власти» сгруппировал все наиболее важное из области административного руководства в деле экономической политики, а другой отдел «Практика экономической политики на местах» дает нам краткий перечень достигнутых результатов, способствуя, таким образом, взаимному и широкому обмену проделанным практическим опытам.

Передовая: «Всероссийская помощь голодающим», открывает и всесторонне освещает агитатору пути в трудной кампании борьбы с голодом, а ряд следующих статей («Борьба с голодом», «Продовольственные перспективы» и др.) дают еще более детальный и основательный материал по разным областям общего голодного вопроса.

Хорошо и серьезно поставлен сжатый до максимума отдел «Политической хроники», дающий общее представление обо всем происшедшем за последний сравнительно небольшой период времени.

Стильный, строгий, рассчитанный в деталях «Спутник Коммуниста» партийному работнику будет действительным и верным спутником в повседневной работе.

Дм. Фурманов.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

ФЕРНАНД ПЕЛЛУТЬЕ. „История Бирж Труда". Книгоиздат. „Голос Труда": Петербург-Москва, 1919 г. Стр. 216.

В истории французского профессионального движения Биржи Труда по своей организационной структуре и по своим задачам отнюдь не напоминающие, вопреки своему названию, Бюро по найму рабочих, сыграли огромную формирующую все движение роль. Создаваемые как межсоюзные (интерсиндикальные) центры, на которые возлагалась прямая задача координирования культурно-просветительной работы синдикатов в первую очередь (собирание и обработка статистики рабочего движения, создание музея труда, организация печати, пропаганда и агитация среди наименее поддающихся союзному влиянию прослоек рабочего класса, в роде земледельческих рабочих и моряков)—Биржи Труда весьма скоро заняли место идеологических центров движения. Отсюда именно чаще всего исходили те общие лозунги, которые легли в основу синдикализма; здесь же воспитывались и идейные вожди синдикализма.

И это значение учтено был работниками французского профессионального движения, из среды которых выдвинулся и историк Бирж Труда в лице Фернанда Пеллутье. Во то время, как основательная работа по истории профессионального движения в целом принадлежит перу Поля Луи, в общем—практически далеко стоящего от непосредственной профессиональной жизни, история Бирж Труда написана человеком, который сам принимал живейшее участие во всем строительстве Бирж. И работа Ф. Пеллутье не даром считается основной, капитальной работой: она дает богатый материал как для историка, которому необходимо собрание фактов, так и для социолога, пытающегося уловить основное в том мощном общественном течении, которое оформилось к 1895 г. в виде французского синдикализма. Правда, дальнейшая проверка отдельных моментов в истории профессионального движения во Франции может вскрыть кой-какие недочеты в работе Пеллутье. В частности, как нам кажется, автор недостаточно освещает роль муниципалитетов, которые, содействуя организации Бирж, делали это, конечно, не в видах создания революционных центров, а ради образования бюро по найму. Правда, выводы автора зачастую не обладают той строгой научностью, которой обладают, скажем, осторожные выводы, содержащиеся хотя бы в истории английского тред-юнионизма, написанной Веббами.

Но за всем тем литература вопроса до сих пор еще не знает такой обстоятельной работы, как данная. Ибо в ней внимательно подобран почти весь важнейший материал и даны исчерпывающие вопрос выдержки из самых ценных, ставших уже архивными, решений и уставных положений.

К сожалению, ценнейшая работа Пеллутье значительно пострадала в том переводе, который издан в России «Голосом Труда». Переводчик частенько не знает, что «Нувель Галль» есть не что иное, как Новый Южный Уэльс в Австралии и т. д. и т. д. В общем, не имея под рукой французского текста, трудно с точностью установить, насколько далеко от духа работы Пеллутье удалился переводчик, слишком увлекшийся буквальностью, дословностью перевода. Но на каждой странице перевод производит впечатление сделанного не без непосредственной и постоянной помощи услужливого словаря...

Работа Пеллутье настолько ценна, что она заслуживает несравненно более бережного отношения к себе. И было бы желательно, чтобы макулатурный перевод, выпущенный издательством «Голоса Труда», заменен был переводом, более отвечающим действительной ценности «Истории Бирж Труда».

Д. Чекин.

Г. ЦЫПЕРОВИЧ. „Чему учит опыт"—союз швейной промышленности. Гос. Изд., Петербург, 1921 г. Стр. 88. Ц. 60 р.

Дискуссия о роли профсоюзов, начавшаяся во время VIII съезда Советов, одно время резко поставила вопрос о значении профессионального движения в строительстве хозяйственной жизни. Во время дискуссии выявились основные течения: так называемая «платформа 10», течение возглавлявшееся т. т. Троцким и Бухариным, и точка зрения работников, группировавшихся вокруг т. Шляпникова.

В чем заключалась основа разногласий—вряд ли приходится напоминать: дискуссия до сих пор живо запечатлена в памяти всех, так как она разлилась далеко за пределы профессионального движения и рамок Р. К. П., в которых она первоначально зародилась, и так как тезисы каждого течения распубликовывались как в общей, так и в специальной печати. Но ход дискуссии засвидетельствовал, что в сущности в самом же профессиональном движении учет практического опыта союзов страдает крайне важными дефектами. Вряд ли было бы ошибкой сказать, что такого учета, собственно, и не было. Ни В. Ц. С. П. С., как центр профессионального движения, ни отдельные Ц. К. к моменту возникновения дискуссии не располагали полной картиной реального участия союзов в организации производства. В распоряжении их имелись лишь крайне скудные и отрывочные сведения, чем вся дискуссия сводилась на плоскость чисто теоретического обсуждения того вопроса, который мог в действительности быть решен только на основании учета практики профдвижения и хозяйственного строительства.

Если так обстояло дело с сырым материалом отдельных союзов и всего профессионального движения, то в литературе дело обстояло еще хуже. Итогов опыта в ней совершенно не имелось. Общие работы, в роде брошюр т.т. Томского «Очерки профессионального движения в России» и А. Лозовского — «Профессиональные союзы в Советской России» лишь бегло освещали вопрос, да и то больше в разрезе строго теоретической трактовки его. Это, в свою очередь, создавало полную невозможность оперировать со строго доказательными данными в решении самого кардинального вопроса профессионального движения, вопроса о роли союзов в производстве.

Отчасти сознанием этого и вызвано опубликование небольшой, но изящно изданной и содержательной книжки т. Г. Цыперовича «Чему учит опыт». В своем предисловии автор так и мотивирует издание данной работы: «в дискуссии по вопросу о роли профсоюзов в производстве выяснилось, что многие из товарищей мало знают о том, что сделали за истекшие три с половиной года наши профсоюзы в области народного хозяйства»... «Предлагаемая книжка о Петроградском Союзе рабочих швейной промышленности ставит себе задачей на основании фактов опровергнуть неверный взгляд, согласно которому наши профсоюзы стоят спиною к производству».

Такая задача и выполнена автором с большим успехом. На протяжении 80 с лишним страниц т. Цыперович шаг за шагом прослеживает историю союза работников иглы и устанавливает постепенный ход взаимоотношений союза и производства. И картина, которая складывается из массы отдельных штрихов и эпизодов, является необычайно яркой и доказательной.

Фактически вся швейная промышленность Петрограда явилась плодом работы именно союза работников иглы. «У швейников,—констатирует автор, рассказав, в каком положении оказалась швейная промышленность города немедленно после Октябрьской революции,—вопрос шел о создании совершенно новой отрасли производства с новыми методами, в новых зданиях, с новой группировкой самых разнородных, не привыкших к такой обстановке рабочих». И швейники разрешили этот вопрос. Не имея никакой поддержки со стороны Советской власти, в первые моменты своего существования занятой укреплением диктатуры пролетариата в политической жизни страны, они создали первую государственную фабрику, к 1919 г. осуществлявшую уже в широ-

ком масштабе производственный план, занимавшую около тысячи рабочих и работниц. В начале 1919 г. без особых затруднений были открыты вторая и третья государственные фабрики. В то же время была произведена национализация ряда мелких мастерских, в которых было от 10 до 25 рабочих. Благодаря этой национализации удалось пополнить состав рабочих первой государственной фабрики и технически подготовить другие (стр. 24—25).

И в этой работе по строительству своей отрасли народного хозяйства Союз сыграл самую важную роль. В сущности, даже секция С. Н. Х. оказалась всецело в руках союза. И работа союза была такова, что позволила поставить дело военного обмундирования—на чем сконцентрировано было внимание всей промышленности в тяжелый год наступления Юденича—на необычайную высоту. «Точные данные,—говорит т. Цыперович,—устанавливают, что за этот тяжелый год, когда Союз и Секция выполняли самые требовательные наряды со стороны самого требовательного ведомства, новыми фабриками было выполнено 108% всех заданий. Другими словами, Союз не только стоял спиной к производству, но, можно сказать, вынес буквально это производство на своей пролетарской спине» (стр. 27).

Книга т. Цыперовича дает столько богатого материала, что в рецензии абсолютно невозможно дать сколько-нибудь исчерпывающую схему работы, проделанной в области организации швейной промышленности союзом работников иглы. Сказанного, однако, достаточно, чтобы показать, как ценен тот учет опыта отдельного союза—и даже не столько союза, сколько губернского отдела этого последнего,—который дан в работе т. Цыперовича.

И знакомство с этой работой, действительно, заставляет пожалеть, что до сих пор в области изучения практического опыта союзов в деле хозяйственного строительства мы имеем лишь одну попытку подъитоживания, если не считать брошюры т. Юзефовича «Три года работы» (кожевника). Нам нужно строить нашу линию практической работы на строгом и точном учете опыта. Нам нужно проверить наши теоретические построения на том же учете. А как раз этого учета и нет. И невольно, после прочтения книжки т. Цыперовича, хочется пожелать, чтобы эта книжка выполнила и вторую из поставленных ее автором задач:

«Побудить и другие союзы подъитожить свою трехлетнюю работу в области производства и дать массовый материал, на основании которого можно было бы притти к безошибочной оценке характера нашего профессионального движения в целом».

А. Чекин.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТЕХНИКА.

Л. П. МУРАВЬЕВ. Курс радио-телеграфного дела. Ч. I. Электротехника постоянного и переменного токов в применении радиотелеграфии. Третье исправленное и дополненное издание. Петроград. Отдел Военной литературы Р. В. С. Р. 1921. VII. 146 стр.

Курс радио-телеграфного дела Л. П. Муравьева—книга, хорошо известная радио-техникам. Перед нами ее первая часть—курс общей электротехники, представляющая основу, на которую будет опираться вторая, специальная часть, посвященная собственно радиотелеграфному делу.

Сведения, даваемые I частью, вполне достаточны для знакомства с основными вопросами общей электротехники, если предположить, что читатели знакомы с курсом физики в объеме школы 2 ступени. Так как книга Муравьева предназначалась им для техников морского радио-телеграфа и общий стиль книги и в настоящем издании остался прежний, то все выводы теории переменных токов даются автором без доказательств, изложить которые для читателей, не имею-

щих достаточной научной подготовки, представляется затруднительным.

Это, конечно, значительно суживает круг читателей и лишает книгу до некоторой степени ее общеобразовательного значения, так как читатели, которые хотели бы глубже проникнуть в сущность явлений, в более сложных вопросах, найдут в книге лишь окончательные выводы, без указаний, где они могли бы пополнить соответствующие пробелы в изучении теоретической стороны явлений.

Таким образом, и в настоящем изложении книга попрежнему предназначается лишь для радио-техников, для младшего командного состава военного радио-телеграфа и т. п.

Изложение книги простое и ясное. Снабжена она достаточным количеством чертежей, которые в третьем издании выпущены отдельно от текста.

В. Романов.

Electrotechnisches Bastelbuch, von Hanns Günther, 2 тома Stuttgart, 1920 .

Справочник по электротехнике Г. Гюнтера. Штутгарт.

Содержание книги чрезвычайно богато и подробно. Описание устройства различных типов элементов занимает 64 стр. Далее следуют: Аккумуляторы—40 стр. Включатели и т. п.—35 стр. Сопротивления — 40 стр. Измерит. инструменты — 40 стр. Второй том: Электромагниты и их применения—52 стр Телефоны—25 стр. Динамо-моторы — 45 стр Индуктории, трансформаторы, выпрямители—50 стр. Телеграфия без проводов и колебания высокой частоты—30 стр. Гальванопластика—20 стр.

Уже из этого перечня видно, как богато содержание этой книги; мелкие ценные подробности в самом тексте делают его еще богаче. Посмотрим, напр., главу о телеграфии без проводов: здесь есть такие технически важные и обыкновенно опускаемые подробности: клавиша для сильных токов, укрепление антенны, заземление релле с зуммером.

В книге удивительно удачно сочеталась педагогичность изложения, простота изготовления приборов и настоящий технический дух. Все аппараты, предлагаемые книгой, просто выполнимы, но технически зрело обдуманны и целесообразны. Несомненно, что юноша, пользующийся этой книгой, приобретет чутье технического совершенства того или иного прибора—такие достоинства в книгах для учеников встречаются чрезвычайно редко. Великолепные рисунки еще более увеличивают достоинства этой книги.

Приходится пожалеть, что книга оперирует догматически: научные основания данной конструкции и ее расчет не приводятся даже в тех простых случаях, когда это никакого затруднения не представляет; очевидно, автор предполагает их известными читателю. Зато практические достоинства книги очень велики.

Несмотря на наши стремления сделать преподавание физики в нашей школе практическим, следует сознаться, что мы не далеко ушли в этом направлении. Кроется это обстоятельство, конечно, в недостаточной подготовке наших учителей, отсутствии соответственной литературы и т. д. Дело ограничивается у нас соответственными теоретическими заявлениями и самое большое внесением в программы технических сведений.

Но техническое сведение, не проверенное и не использованное, практически так же мало дает ученику практической складки, как и «теория». Только призвав ученика—а значит, прежде всего, учителя—к практической работе в духе рецензируемой книжки, мы подвинем дело вперед.

На этих основаниях мы считаем целесообразным издание этой книги на русском языке. Для полного ее успеха необходимо, однако, соблюсти два условия: во-первых, рисунки должны быть выполнены так же хорошо, как в русском издании, во-вторых, книга должна быть пополнена объяснениями и расчетами.

Н. Андреев.

BOND. Bei den Helden der Technik. Stuttgart, 1921. S. 222.

БОНД. У героев техники. Штутгарт. 1921 г. 222 стр.

В полубеллетристической форме (довольно элементарной и без притязаний

на художественность) книжка рассказывает, главным образом, о достижениях в области строительной техники в Нью-Йорке. Книга представляет собою перевод с английского. Рассказ ведется от имени одного из двух американских школьников, решивших посвятить летние каникулы ознакомлению с Нью-Йорком. Изложение простое, деловитое, в общем суховатое, но доступное для учеников второй ступени школы (более старших групп) и для привыкших к чтению рабочих. Технические термины встречаются, но не слишком узко-специальные, и чтения особенно не затрудняют. При всем том, оно потребует известной сосредоточенности, и к разряду «для легкого чтения» книгу отнести нельзя. Но зато она дает отчетливое представление о целом ряде последних технических успехов и о современном состоянии строительного или инженерного дела и близко связанных с ним других отраслей техники. Читатель знакомится в ней с современной техникой тушения пожаров, постройки небоскребов, каменных работ и землечерпания, устройства висячих мостов, устройства лифтов, проведения водопроводного туннеля под руслом реки, с способом сохранения динамита, с техникой спуска в воду судов; устройством сухого дока, подводной лодки, техникой поднятия затонувших судов; две случайных главы посвящены описанию центральной телефонной станции в Нью-Йорке. Описание ведется от имени школьника, лично не только наблюдавшего, но и в значительной степени принимавшего участие в разного рода работах, отчего выигрывает наглядность изложения. Достаточно подчеркнут опасный характер работ и проведено несколько выпуклых случаев катастроф, при которых хорошо выдвинут спокойный непоказной героизм отдельных рабочих. Но вообще говоря социальные моменты труда вовсе не затронуты. Усвоению книги очень много помогают рисунки, отлично выполненные (24 таблицы фотографий на отдельных страницах и 22 схематич. рисунка в тексте).

А. Смирнов.

ИСТОРИЯ.

ПРОФ. Н. И. КАРЕЕВ. История Западной Европы в начале XX века. (Второе издание. Издат. Отдел Моск. Научного Института. 1920. VIII. 506 стр.)

Настоящая книга представляет собою второе издание VII тома «Истории Западной Европы в новое время», выпущенного Кареевым в 1916—17 гг. в двух частях. Из второго издания автором устранены все примечания и ссылки, что дало возможность сократить книгу с 48 до 30 печатных листов. От этой урезки работа в значительной степени пострадала, ибо библиографические указания составляли, на наш взгляд, наиболее ценную часть «Истории Западной Европы».

Книга заключает в себе 12 глав, посвященных истории европейских государств за первые 14 лет XX века, кроме того, особые главы отведены «культурным итогам прошлого столетия», «международным отношениям на рубеже XIX и XX веков», «главным экономическим явлениям в Западной Европе в первые годы XX века», «рабочему движению и социализму» и «наиболее характерным явлениям» в духовной культуре (гл. I, II, IX—XI). Последняя (XII) глава содержит обзор международной политики от балканского кризиса до начала мировой войны.

Как известно, автор весьма далек от марксизма и является сторонником так называемой субъективной школы, исписавшим не одну сотню страниц в опровержение социалистической теории Маркса. И все же, характеризуя современное состояние обществознания, проф. Кареев вынужден признать, что «последнее десятилетие XIX века было временем наибольшего влияния теории экономического материализма, которая получила значение не только одного из общих социологических учений на ряду с другими, но и широкое общественное распро-

странение в качестве социологической доктрины, принятой социал-демократией» (421). Более того, приходится констатировать, что «тлетворного» влияния исторического материализма не избежал и сам автор, что сказалось хотя бы в том факте, что социально-экономической истории начала XX века отведено в разбираемой работе довольно видное место. Встречаются порой и материалистические объяснения тех или иных явлений, когда, напр., «отсутствие определенности и даже резкости программ во французских политических партиях» «ставится в прямую связь со слабостью общественной дифференциации в этой стране, или отсутствие единства во французском рабочем движении относится на счет значительного участия в нем мелко-буржуазных элементов (48, 49), или когда успешность агитации синдикалистов за всеобщую стачку объясняется тем, что «реальные отношения, в какие они (рабочие) были поставлены, стихийно тоже толкали их на стачки» (357).

Но случаи, когда проф. Кареев впадает в марксистскую ересь, весьма немногочисленны и, разумеется, не типичны для разбираемой работы. Обычный подход автора к культурным явлениям начала XX века—чисто идеалистический. Проф. Кареев констатирует, напр., успехи женского образования, но ему и в голову не приходит поставить их в связь с ростом применения женского труд в промышленности, разорением мелко-буржуазных слоев и т. п. (см. 399—400). Вся характеристика наиболее типичных явлений духовной культуры совершенно обособлена от социально-экономического строя Европы начала XX века. Не менее характерно и объяснение отрицательного отношения буржуазных женских организаций в Англии ко всеобщему избирательному праву (349), или «непопулярности» на континенте англо-бурской войны (21). Идеалистическая беспомощность автора особенно заметна при анализе международных отношений. Можно ли, напр., удовлетвориться таким объяснением «враждебной встречи английских и русских интересов» на Балканах: «Англия здесь всегда хотела того, чего не желала Россия, и всячески противодействовала русским стремлениям. Это сделалось даже... своего рода догматом английского правительства» (22),

Говоря о политическом развитии Франции и Англии с начала XX века, автор приводит немало фактических данных, весьма красноречиво свидетельствующих о банкротстве буржуазной демократии и так называемом кризисе парламентаризма (стр. 51—78, 96 и др.), но почему-то не делает соответствующих выводов, хотя еще до войны по этому вопросу имелась специальная литература [1]).

Говоря о различных течениях внутри Второго Интернационала, автор подробно останавливается на ревизионистах и социал-патриотах, но противопоставляет им лишь «ортодоксов», т.-е. «центр»; о левом же крыле социал-демократии, которое существовало и до мировой войны, упоминается вскользь (360—2,368).

Проф. Кареев писал свою книгу в конце 1916 г., в разгар мировой войны, когда среди русской либеральной и даже радикальной интеллигенции преобладали шовинистические настроения. Это обстоятельство наложило роковой отпечаток на всю «Историю Западной Европы в начале XX в.», в которой находим все догматы союзнической ориентации; здесь и особо зловредный германский милитаризм, и национализм, пропитавший сознание всей нации, от Вильгельма до последнего рабочего, и необычайно совершенная система немецкого военного шпионажа, и стремление «немецкой нации» к мировому господству и в том числе к «порабощению славян, стоявших на ее пути» и т. д. и т. д. (см. стр. 176—182, 424, 493).

С другой стороны, перед читателем проходит умилительная фигура Эдуарда VII, этого «мягкого и добродушного старика», «миротворца», «посещавшего других государей, вступавшего в политические разговоры с иностранными министрами и улаживавшего личным участием разные дела в интересах Англии и европейского мира»; не менее миролюбивого его министра—сэра Эдуарда Грея, поставленного ходом событий в трагич-

[1]) См., напр.: Его же. Конституционная эволюция Англии. Еллинек. Конституции, их изменения и преобразования.

нейшее положение: не то усиливай траты на вооружение, чтобы не отстать от Германии, не то урезывай морской бюджет, чтобы либеральное министерство сохранило симпатии рабочих! Франко-русская дружба тоже, оказывается, должна была в первую голову «служить делу обеспечения европейского мира». Вообще, между тем как Германия усиленно готовилась к войне, «в других странах брали верх пацифистские стремления» (29—30. 96—7; 136,473,424),—ни во Франции, ни в России не было воинственного настроения, не было его и в Англии (490).

Самодержавная Россия фигурирует у проф. Кареева, как едва ли не самая бескорыстная и миролюбивая страна, вынужденная лишь обороняться от натиска со стороны Германии и Австрии. Судите сами. Самое большее, что хотело царское правительство—это отмены 63 ст. берлинского договора, по которой русским военным судам не дозволялся проход через Босфор и Дарданеллы без разрешения султана. Если Россия и работала над созданием балканского союза, то только потому, что «австро-германский» натиск грозил экономической и политической независимости и сербов и болгар (424,436,456). Только накануне войны у России появилось, как деликатно выражается проф. Кареев, «более активное отношение к вопросу о проливах», что встретило благосклонное к себе отношение со стороны Англии и Франции (466).

После всего сказанного читатель уже вполне подготовлен к восприятию той непреложной «истины», что именно Германия хотела *мировой* войны и была ее виновницей. Эта «истина» доказывается затем проф. Кареевым поведением Германии, начиная с австро-сербского конфликта и до объявления ею войны России. Австрийский ультиматум был послан Сербии с ведома берлинского двора: именно Германия советовала Австрии не удовлетворяться ответом Сербии и начала передвигать войска к французской границе; отказалась затем от роли посредницы между Сербией и Австрией, на чем настаивали державы «согласия»; Вильгельм II сорвал уже наладившееся было соглашение между Веной и Петербургом, а затем предъявил русскому правительству ультиматум о прекращении мобилизации и, не получив удовлетворительного ответа, объявил России войну (474—489). Момент показался более подходящим, так как «военные преобразования» во Франции были только еще начаты, а в России «дни пребывания в ней президента Французской республики (20—23 июля нов. ст., т.-е. всего за неделю до начала войны) были омрачены (!) грандиозными рабочими беспорядками, в которых при желании можно было усматривать начало революционного движения» (181).

«Все доступные нам фактические данные,—заключает автор, — указывают на то, что последнее решение, которое привело к войне... было принято Вильгельмом II» (ib.).

Было бы излишне доказывать, что все эти концепции не выдерживают никакой научной критики. Если уж употреблять термины морального порядка, то придется признать, что «виноват» в кровопролитии 1914—18 годов не германский империализм и не империализм какой-нибудь отдельной страны, а империализм вообще. К такому выводу можно было прийти, внимательно и беспристрастно изучая хотя бы только колониальную политику «великих» держав.

Теперь мы имеем и иного рода доказательства. Пролетарская революция в России дала в руки историков документальное подтверждение того факта, что мировая война вовсе не была провокацией со стороны Германии. Секретные документы, найденные в русском министерстве иностранных дел и опубликованные т. М. Н. Покровским [1]) весьма красноречиво свидетельствуют о том, что мировая война нужна была Антанте не меньше, чем Германии, что грандиозное кровопролитие подготовлялось державами «согласия» еще с 1919 г. (русско-итальянский договор относительно проливов), что захват Константинополя и проливов был определенной целью русского правительства, что к апрелю 1914 г. наладилось и англо-русское со-

[1]) См. «Еженедельник Правды» 1919 г., №№ 5, 6, 7; а также «Вестник Нар. Ком. Ин. дел», 1919, № 1. (М. Покровский. «Три совещания»).

глашение относительно проливов. II Англия и Франция готовы были выступить на стороне России в случае военного столкновения последней с Австрией, как только в войну будет вовлечена Германия, наконец,—что желательность войны с Германией трижды обсуждалась на секретных совещаниях русских министров: в 1908, в декабре 1913 и 8 февраля 1914 г., при чем на последнем из них представители военного министерства заявили, что они «совершенно готовы» к «единоборству» с Германией. Таково было действительное настроение держав «согласия», что не мешало, конечно, дипломатам неустанно твердить о своих миролюбивых намерениях и дурачить народные массы.

С другой стороны, крушение монархии в Германии дало возможность опубликовать чрезвычайно важные *немецкие* документы, относящиеся к началу войны [1]). Несмотря на то, что их издание было предпринято К. Каутским с нарочитой целью доказать, что «виновником» войны было германское правительство, их изучение приводит к заключению, что именно Вильгельм особенно старался локализировать войну, не допустить ее превращения в мировую; это вынужден был признать затем в своей полемике с Дельбрюкком и сам Каутский [2]).

В «Заключении» автор пытается набросать общую характеристику уже разразившейся мировой войны, наметить ее цели и предсказать возможные последствия, но не дает ничего, кроме довольно туманных рассуждений в роде того, что «два великих союза спаялись... общими интересами, среди которых первое место принадлежит государственному самосохранению и развитию» (494); или размышлений на тему о желательности победы России и ее союзников, которые «служат в этой войне лозунгом прогресса, а не реакции» (497).

Несмотря на все отмеченные дефекты, и дефекты весьма крупные, все же, при полном отсутствии литературы по истории начала XX в., приходится признать переиздание работы проф. Кареева весьма нелишним.

Н. Лукин.

DR. ADRIAN DIVEKY. WEGRZY a POLACY W XIX STULECIU, Warsz.—Krak. 1918, стр. 208.

DR. АДРИАН ДИВЕКИ. Венгры и поляки в XIX столетии. Варшава—Краков, 1908. Стр. 208.

Работа dr. Diveky посвящена вопросу о польско-венгерских политических отношениях в XIX столетии и заслуживает полного внимания со стороны лиц, интересующихся вышеназванным вопросом. Написанная на основании свежего архивного материала, который в значительной своей части дан в виде приложения к исследованию, она особенно ценна тем фактическим материалом, которым вся работа насыщена в достаточной степени. В этом отношении труд dr. Diveky не вызывает в читателе упрека по адресу автора в недостаточной обоснованности своих утверждений и положений. Зато в методологическом отношении работа не может удовлетворить читателя, стремящегося к изучению исторических явлений в их социологической обстановке, а не только к фактическому осведомлению в исследуемом вопросе. На протяжении всего исследования автор остается только фактическим рассказчиком, и нигде не стремится подойти к анализу своих материалов с социально-экономической точки зрения, которая позволила бы автору выяснить, что венгерско-польское национальное движение имело исключительно шляхетский характер, неудача которого, главным образом, зависела от равнодушного отношения к ним со стороны крестьянской массы, с которой революционные деятели, как в Венгрии, так и в Польше, почти не считались. Между тем национально-политическое движение могло бы стать национальным только при условии участия в нем народной массы в виде крестьянства. Сложившиеся социально-экономические ус-

---

[1]) Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch (B. I—IV).

[2]) См. K. Kautsky Wie der Weltkrieg entstand. Delbrück, Kautsky und Harden. Kautsky, Delbrück und Wilhelm II.

ловия и отношения, как в Венгрии, так и в Польше, заставляли крестьян относиться более чем равнодушно к шляхетским политическим настроениям. Переход крестьян на сторону шляхетства в его политических стремлениях был возможен только при условии отказа от социально-политической диктатуры землевладельческого класса, что фактически являлось неосуществимым. Равным образом, автору не удалось выяснить социально-экономическую основу панславистского движения, столь враждебного, как венгерскому, так и немецкому национально-политическому движению. Благодаря этому, ряд первостепенных проблем затронутых автором в своем исследовании, остался без достаточного научного анализа, а потому не вполне ясно и отчетливо разъясненным. Исследование. A. Divéky состоит из вступления и семи глав. В своем вступлении автор указывает на старинность дружественных отношений между венграми и поляками, подчеркивая вместе с тем, что политические судьбы польского государства имели большое значение для экономического развития и государственного хозяйства самой Венгрии, которая, кроме того, имела давнишние исторические права на Галицию, и что венгры никак не могли помириться с тем, что Галиция была присоединена к Австрии, а не к Венгрии. Недовольные такого рода решением галицийского вопроса, венгры в 1825 и в 1830 гг. подымали на сейме вопрос о присоединении Галиции к Венгрии, но общая международная конъюнктура и противодействие Николая I не позволили осуществить план этого воссоединения. Первая глава посвящена вопросу об отношении венгров к польскому восстанию 1830 г. Автор указывает, что в противоположность Англии и Франции, отделывавшихся выражением только лишь платонического сочувствия повстанцам, и Австрии, порвавшей самым решительным образом всякие сношения с повстанцами, венгры проявляли свои симпатии открытыми заявлениями и постановлениями. В следующей главе автор изучает проблему отношения поляков к венгерскому восстанию 1848 г. Польская эмиграция стремилась оказать восставшим венграм всяческое содействие, как агитацией в прессе, так и реальной помощью. В успехе венгерского национального движения поляки видели залог будущего своего политического возрождения. Поляки предполагали оказывать помощь венграм путем организации польских легионов, но от этой мысли пришлось отказаться из боязни дать повод к российской интервенции. Поляки участвовали в венгерском восстании индивидуально. Общее количество участников поляков было не более 2000, между тем по русским источникам количество последних определяется более чем в десять раз. И, тем не менее, интервенция все-таки состоялась. Автор, касаясь этого вопроса в отдельной главе, совершенно прав, когда причину вмешательства Николая I в австро-венгерские отношения видит не столько в характере и политических вкусах Николая I, сколько в боязни последнего снова сделать польский вопрос актуальным. В следующей главе dr. Divéky затрогивает, и притом довольно бегло, вопрос об отношении венгерцев к восстанию 1863 г. Последнее выразилось в агитации в европейской прессе и в романтическом желании поднять восстание в Галиции, Венгрии, Юго-Славии. Наконец, последняя глава отведена характеристике польской политики гр. Андраши. Нельзя не согласиться с автором, что вся эта политика была антирусской по преимуществу.

В. Пичета.

В. В. СТРУВЕ. Израиль в Египте. С рисунками. Культурно-исторические памятники древнего Востока. Под общей редакцией Б. А. Тураева. Петроград, 1920 года. 52 страницы.

Начиная с 1914 года, начала выходить в свет серия работ, посвященных обследованию культурно-исторических памятников древнего Востока. Инициатором и редактором этой серии был покойный академик Б. А. Тураев, стяжавший себе неувядаемую славу в области востоковедения. Каждый, имеющий в руках работы этой серии, может только быть благодарен инициатору этого

столь необходимого, ознакомления широких слоев читающей публики с культурно-историческими памятниками древнего Востока. Мы имеем ряд строго-научных разработанных тем, как «Законы вавилонского царя Хаммураби», «Арамейские документы иудейской колонии на Элефактике V века до Р. Х.», или «Древне-египетская повесть о двух братьях» и, наконец, «Памятники египетской религии в Фиванский период».

Разбираемая работа посвящена одной из самых основных проблем *праистории* Израиля.

В введении автор, являющийся одним из старших учеников проф. Тураева, говоря о рассказе в св. писании о пребывании Израиля в Египте, отмечает, что взгляд на историческую ценность Библии теперь сильно изменился. Признавая художественность повествования, современная историческая критика не признает ее для праистории Израиля достоверным источником. Она видит в сведениях Библии о пребывании евреев в Египте признаки сказаний в виде довольно большого фантастического элемента и многочисленных фолькаористических мотивов, которые, конечно, не могут являться материалом для исторических построений. Чтоб превратить содержание сказаний Библии в цепь достоверных исторических фактов, надо найти подтверждение данных книг—Бытия и Исхода египетскими текстами. Задачей автора настоящего труда и является установление всех свидетельств египетских текстов, которые могли бы быть поставлены в связь с пребыванием Израиля в долине Нила. С этой задачей проф. Струве справился прекрасно. Он изучил весь необходимый для него материал, извлек все нужное для выяснения данного вопроса и пришел к определенным выводам являющимся, новыми.

На путь исследования египетских источников еще в III столетии до Р. Х. стал египетский историограф Манефон. Под влиянием александрийских евреев, он заинтересовался временем пребывания их предков в Мицраиме и хотел отождествить это с тем или иным фактом истории родной страны.

Считая несостоятельной первую версию Манефона, а именно отождествление прихода и исхода Израиля с завоеванием Египта чикеосами, В. В. Струве остановился на второй версии, а именно, на совпадении пребывания народа Яхве в долине Нила одновременно с несколькими событиями египетской истории и с известной религиозной реформой Эхнатона и со смутами перехода от XIX к XX дин. и, наконец, с ассирийским завоеванием.

В своей первой главе проф. Струве рассматривает проблему — «еврей—срч».

Он останавливается на этническом составе Палестины до вторжения туда еврейских племен, пользуясь для этого памятниками Египта эпохи древнего и среднего царства. Поставив вопрос о тождестве срч и свч, т.-е. евреев, автор признает это вполне возможным, а также и по смыслу содержания свидетельств и по согласованию с общей хронологией. Но если срч и евреи—Хабиру, Шасу тождественны между собой, это безусловное отождествление евреев с Израилем абсолютно невозможно. Отказавшись от заманчивого сближения прихода Израиля и Тель-Амарнской культуры, автор переходит к следующей главе «Проблема Израйля".

Установив родину Израиля в южной части Палестины и степях Кодеша и определив время его прихода туда (первый год царствования Сети I. 1313), Струве считает возможным появление Израйля в Египте в конце XIII века. Один из папирусов эпохи Мернента дает действительное указание на приход Израиля в Египет. Годы голода, рассказ об Иосифе, занявшем первенствующее положение в Египте, вспоминается при чтении папируса Харрис. Фараоном притеснения и исхода евреев, как доказывает Струве, нашедший подтверждение в египетских источниках, действительно мог быть Рамсес III. Следовательно, если датой исхода Израиля является смерть Рамсеса III, т.-е. 1170 г. до Р. Х., приход же установлен в эпоху Мернента, именно с 1220 г., то пребывание Израиля в Египте обнимало лишь 50 лет.

Заканчивая свой обзор, автор указывает на то, что египетские тексты, ока-

залось, подтвердили важнейшие вехи библейской традиции о пребывании Израиля в Мицраиме; они даже дают установить точные хронологические рамки этого события. Безусловно, это имеет огромное значение для оценки Библии, как исторического источника.

Критика первых книг священного писания должна быть известным образом пересмотрена.

В конце книги находятся обильные примечания.

К сожалению, в тексте имеются опечатки.

Т. Козьмина.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ.

НИК. АШЕШОВ. А. Н. РАДИЩЕВ. Первый русский республиканец. Гос. Изд. Петербург, 1920.

Брошюра об А. Н. Радищеве представляет собою попытку популярного изложения взглядов знаменитого русского основоположника республиканских течений в России. Стремление к популяризации доходит у автора до того, что он самым добросовестным образом каждый приведенный им в подлиннике абзац из длинной оды Радищева «Вольность» снабжает пояснительным замечанием, а очень часто и переводом на современный язык— в том, очевидно, предположении, что массовый читатель самостоятельно не разберется в особенностях стиля и языка литературы конца XVIII в.

Все это, может-быть, и очень хорошо, так как имя Радищева и его воззрения на природу самодержавия действительно должны быть известны широким массам. Можно только пожалеть о том, что автор не воспользовался случаем просто, но достаточно вразумительно пояснить своему читателю из народа, почему республиканские идеи Радищева и его лозунги о народовластии, об освобождении крестьян от крепостной зависимости и т. д.— оставались долгое время без реального содержания, не претворяясь в жизнь. Словом, исторической перспективы в изложении судьбы идей Радищева в брошюре не чувствуется, и то немногое, что на последних двух страничках проскользнуло в форме намека на исторический подход к оставленному Радищевым политическому наследству, очень темно, запутанно, изложено совсем непопулярно (т.-е., лучше сказать, неясно расплывчато или двусмысленно) и в значительной мере обесценивает в общем и целом полезный труд автора. Вот для примера одна цитата:

«Радищеву снились пленительные сны, благородные, чистые и невинные. Эти сны сделались теперь [1]) научно обоснованными и покоящимися на реальных отношениях требованиями программ демократии. И эти требования, будучи благородными и чистыми, являются уже и грозными: это не мечтания юноши, а требование зрелого мужа, умеющего поддержать силою свое право, пока оно не отлилось в законе».

Нарочитый или ненарочитый прием,— но все здесь туман, туман и туман.

О каком научном обосновании демократических «требований» идет здесь речь? Если о рабочей «демократической» программе, основанной на *научном социализме*, то автору следовало бы прямо так и сказать, да еще при этом пояснить, что научный социализм *противопоставляет* свою позицию всякого рода утопическим концепциям (а в том числе и «снам» Радищева), которые в лучшем случае глубоко и правдиво вскрывают язвы существующего строя, но не умеют (или в данной исторической обстановке не могут) подойти к объяснению данного

[1]) «Теперь», т.-е. когда «совершился всенародный суд над царем, низвергнутым с трона» или, иначе говоря, в период февр. революции 1917 г. (либо даже позже). Странно только, что автор насчитывает сто семнадцать лет, отделяющих 1917 г. от момента «пленительных снов» Радищева. «Путешествие из Петербурга в Москву» издано в 1790 г., и поэтому правильнее было бы говорить не о 117 г., а о 127.

исторического факта с материалистической точки зрения, а потому и являются лишь пророчествами лучших будущих времен или красивыми «мечтами», «благородными, чистыми, невинными снами» и т. п. Если же автор признаком научного обоснования наделил программы мелкобуржуазных современных групп, то по этому поводу можно было бы поспорить с ним: да уж так ли это? Неужели же «требования» эс-эров, энэсовцев и т. д. и т. д. покоятся на научных основаниях и на реальном соотношении сил («на реальных отношениях», как несколько неопределенно выражается автор)? Затем хочется спросить, что имел в виду автор сказать, утверждая, что «эти требования, будучи благородными и чистыми, являются уже и грозными» и что это есть «требование зрелого мужа, умеющего поддержать силою свое право, пока оно не отлилось в законе». Посмотрите на начало брошюры: «Сто двадцать девять лет тому назад, 26 июня 1790 года» и т. д. Таким образом, наш историк бросает свой ретроспективный взгляд с высоты политических событий 1919 г. Какие же программные задачи пролетариата после октябрьского переворота продолжают еще быть потенциально грозными (для кого?) и требующими с его стороны применения силы (против кого?), пока они не отлились в законе?.. Или речь и здесь идет не о программе захватившего политическую власть в свои руки русского пролетариата, а о неосуществленных лозунгах мелкобуржуазных демократических групп?.. В таком случае об этом нужно было бы сказать прямее, яснее, с изложением своего взгляда на природу всех desiderata демократии, а не вводить читателя в недоумение...

В общем и целом, за исключением неудачного заключительного аккорда, книга написана ясным и довольно живым языком. Есть несколько мест, вызывающих несущественные возражения, напр., категорическое утверждение автора, что вся наука шла к нам с Запада»... Это не совсем верно. Достаточно вспомнить хотя бы о Ломоносове. Или еще: «Аристократия дворянская и чиновная только слагались у нас во время Екатерины в ярко-определенную величину»... На самом деле дворянская аристократия давно уже была «ярко-определенной величиной, а аристократия из чиновников вполне выявилась уже при Петре I. Но эти мелкие недочеты не мешают признанию за книжкой положительных достоинств, ставящих ее в разряд желательной для народных библиотек популярной литературы.

П. Лепешинский.

Н. П. ПАВЛОВ-СИЛЬВАНСКИЙ. Павел Иванович Пестель. Биографический очерк. Гос. Изд. 1919 г. 31 стр.

В сущности, это не специально написанный «биографический очерк», а введение к изданию материалов под заглавием «Пестель перед верховным уголовным судом». Автор — известный покойный историк; «введение» написано содержательно, как введение, с массой дат, имен и фактов. Переизданное в виде отдельной брошюры, оно может служить удобным пособием для человека, уже знающего дело декабристов (напр., для справок перед лекцией, для газетной юбилейной статьи и т. п.), а как материал для чтения мало пригодно.

М. Ольминский.

П. Е. ЩЕГОЛЕВ. Петр Григорьевич Каховский. (Истор.-рев. библ. Петерб., 1921).

Книга Щеголева посвящена характеристике одного из 5 казненных декабристов. На основании, главным образом, писем Каховского из крепости к Николаю I, ген. Левашеву, а также собственноручных признаний его в следственной комиссии. Портрет Каховского сделан опытной рукой человека, умеющего разбираться в архивном материале. Но монография П. Е. Щеголева имеет характер не столько исторического анализа той эпохи, на фоне которой вырисовывается личность Каховского с присущими ему индивидуальными особенностями, сколько драматического этюда, где этот «один из пяти» фигурирует более в качестве трагического героя, чем

типичного представителя заговорщицкой группы, вышедшей из недр дворянской оппозиции в период встряски Европы бурями Великой французской революции и наполеоновскими войнами.

Поэтому читатель, удовлетворенный, быть-может, подробностями описания происшествий 14 декабря на Сенатской площади и иллюстрациями жандармского лицемерия Николая I, взявшего на себя роль судьи и палача своих побежденных врагов, в то же время напрасно станет искать в книге оценки общественно-политических взглядов Каховского в обстановке той работы мысли, которая характеризует наиболее яркое умственное течение в России среди европеизированных верхов дворянской интеллигенции 20 годов XIX в.

Автор склонен к идеализации своего «героя» и горько жалуется на то, что об этом полузабытом и оставшемся в тени «повешенном» революционере сами декабристы, оставившие свои воспоминания, «говорят одну—две незначительных фразы», в то время, как, вспоминая о Рылееве, С. Муравьеве, Пестеле, они возвышаются иногда до настоящего пафоса.

И немудрено. Как ни старается автор показать портрет «революционера-романтика» под сильно увеличительным стеклом, все же совершенно ясно, что Каховский не принадлежит к числу очень ярких звезд декабристской плеяды. Его миросозерцание не столько оригинально, сколько типично для группы декабристов, не столько носит черты ярко выраженной умственной индивидуальности, сколько иллюстрирует господствующие идеи передовой части дворянства того времени.

Например, по мнению автора, юридическое взгляды Каховского «показывают, что он в вопросах права далеко опередил своих современников и во многом предвосхитил идеи судебной реформы шестидесятых годов».

Каких современников? Современную ему обывательскую политически-малограмотную толпу? Да, это так. Видных сотоварищей по союзу? Это далеко не так.

Не говоря уж о знаменитой «Русской Правде» Пестеля, которая представляет лучший образчик творческой политической мысли того времени, воспитанной на французских мыслителях-конституционалистах (Монтескье, в особенности же Детю-де-Траси), над вопросами о судебной реформе очень много поработали декабристы Н. Тургенев и Никита Муравьев, взгляды которых на этот предмет систематизированы и представляют плод глубокого научного изучения данной области вопросов, подсказавшего, быть-может, целый ряд теоретических обоснований и для авторов судебной реформы 60 годов. В этом отношении Каховский был далеко не оригинален. Да и в других основах своего миросозерцания Каховский был в лучшем случае просто образованным человеком своего времени, воспринявшим ряд передовых идей, которые тогда носились в воздухе и яркими выразителями которых явились более отмеченные талантом и силою ума товарищи Каховского по тайному обществу. Очень вероятно, что Рылеев и другие видные декабристы оценивали Каховского исключительно с точки зрения его пригодности быть орудием самых решительных актов в момент переворота — вплоть до цареубийства. Не даром же они держали предназначенного ими на амплуа Занда Каховского довольно далеко от таинственной «Думы» и не спешили посвятить его в тайны организации.

Автор идеализирует, повидимому, Каховского и тогда, когда пытается представить своего героя в роли жертвы, соблазненной провокационными методами Николая I.

«Животный страх смерти, физических мук был чужд декабристам», утверждает П. Е. Щеголев. Вряд ли это достаточно тонко подмечено, и скорее прав М. Н. Покровский, иронизирующий в своей «Русской истории» над мифом о мужестве декабристов во время следствия над ними. Не один только С. П. Трубецкой проявил постыдное малодушие и молил палача о помиловании «La vie, Sire, la vie». И Рылеев, и Ал. Бестужев, и Каховский, и многие другие не могли удержаться от того, чтобы не вывернуть наизнанку свою душу перед следственной комиссией. В откровенных признаниях на следствии они буквально соперничали друг с дру-

гом. И вряд ли можно сомневаться в том, что у всех их сказалась природа романтиков, которых судьба толкнула на путь нешуточной борьбы с историческими пережитками феодально-крепостнического уклада, но у которых революционный романтизм быстро уступил свое место отчаянию и покаянному настроению сейчас же после неудачи.

И Каховский вовсе не был твердым и непреклонным Брутом. По словом П. Е. Щеголева, Николаю I удалось обольстить русского «Занда» очень невинной фразой: «Я сам есть первый гражданин отечества». «Итак, — умозаключает по этому поводу автор, — царственная игра зашла далеко. Каховский забыл свое недоверие к власти, и Николай стал для него отцом отечества, а то что произошло на Сенатской площади, вдруг оказалось таким ненужным, братоубийственным и преступным».

Вряд ли прав автор, видя в «царственной игре» главную причину эмансипации Каховского от прежних его революционных настроений. Как ни растерялся несчастный «Брут» в обстановке Алексеевского равелина перед лицом смерти, но все же он был настолько политически грамотен, чтобы всерьез не думать о превращении волка в кроткого агнца. И вовсе не мысль об открытии им, Каховским, в лице Николая I новых, неведомых ему раньше черточек «гражданина», способного осуществить освободительные идеи декабристов, побудила его пойти в Каноссу, а вероятнее всего расчеты на дарование ему жизни: «Государь, — взывает он в своем письме к Николаю, — я ваш! И благом отечества клянусь, я не изменю вам! Мне собственно ничего не нужно, мне не нужна и свобода; я и в цепях буду вечно свободен»... Так молил несчастный своего палача, мечтая о перспективе «свободы в цепях — лишь бы только не окончательно сойти со сцены.

14-е декабря промелькнуло для него не как желанный праздник борьбы, неудачи которой не должны сломить гордой воли революционера, уверенного в конечном торжестве своих освободительных идей, а как революционная авантюра с жалким заключительным аккордом из пушечных выстрелов на Сенатской площади. И хотя в каземате душа пленника продолжает еще по инерции трепетать при слове «свобода», но, в сущности, оживлявший ее ранее революционный романтизм от нее отлетел, и перед Николаем I стоял уже не страшный враг с непримиримой ненавистью в душе к деспотизму, а размагниченный заговорщик, познавший, быть-может, тщету всей революционной затеи со стороны кучки дворян облагодетельствовать дворцовым переворотом крепостную Россию. Тут, в этом именно обстоятельстве, быть-может, и сказался величайший трагизм героев декабря 25 года, дорого заплативших за свои революционные миражи жестокой душевной реакцией, полным разочарованием и отказом от своих идеалов. Почтительное отношение к реальной политической силе и лозунг «спасайся, кто может» — становятся обыкновенно естественными последствиями всякой революционной драмы, не опирающейся на глубокие массовые движения. В своей трактовке упадочного состояния духа Каховского, попавшего в лапы инквизиторов, П. Е. Щеголев, повидимому, на такую точку зрения не считал нужным стать.

П. Лепешинский.

В. П. ДЕМОР. М. В. Петрашевский (Буташевич). Биографический очерк. Госуд. Изд. Петерб., 1920 г. Стр. 32.

Настоящая биография Буташевича-Петрашевского, входящая в состав петербургской «Историко-революционной библиотеки», является одной из наименее удачных брошюр этой серии. Она представляет собою не что иное, как краткий пересказ известных статей Семевского о Петрашевском, помещенных в «Голосе Минувшего» за 1913 и 1915 годы. Автор брошюры настолько широко и свободно пользуется своим источником, что иногда воспроизводит его почти дословно. Впрочем, в брошюре есть кое-что новое, у Семевского отсутствующее. К сожалению, это новое относится не столько к биографии Петрашевского, сколько к биографии автора брошюры. Последний считает нужным подчерки-

вать свою родственную связь с Петрашевским. Из его брошюры читатель узнает, что автор приходится Петрашевскому племянником, что он доставил Семевскому «Большой материал» для биографии своего дяди, что в 1903 г. он «на свои средства» обнес могилу Петрашевского деревянной оградой и поставил на ней крест, что отец автора был генерал-лейтенантом и начальником штаба корпуса инженеров, что свои письма к отцу автора Петрашевский «всегда заканчивал» словами: «желаю вам и всем вашим всего лучшего, остаюсь любящий вас».

Пользуясь таким надежным источником, каким являются статьи Семевского, автор, тем не менее, не сумел избежать весьма рискованных утверждений. Так, напр., он уверяет читателей, что генерал-губернатор Восточной Сибири Муравьев-Амурский играл не только в либерализм, но даже в анархизм (!).

Ограничиваясь данными чисто биографического характера, автор не счел нужным дать характеристику общественно-политических взглядов Петрашевского. Вместо этого он преподносит читателям рассуждения о том, что Петрашевский отличался «горячей любовью к человеку, глубокой убежденностью, что борьба за человеческие права и свободу составляет долг истинного гражданина, открытой ненавистью к произволу власти и к попранию его человеческого достоинства, высокими социалистическими идеалами». Эти и другие не менее бессодержательные фразы заменяют изложение и оценку взглядов и убеждений Петрашевского. Автор не замечает, что указанные им черты характера Петрашевского не дают представления о его личности, в виду того, что они свойственны весьма и весьма многим социалистам и революционерам.

Автор переоценивает роль Петрашевского, приписывая последнему «огромное значение» в истории русского революционного движения. В чем именно заключается это значение, автор толком не объясняет. Впрочем, сожалеть об этом не приходится, ибо об истории революционного движения автор имеет весьма смутное представление. Об этом свидетельствуют его утверждения, будто убеждение интеллигентов 70 годов в необходимости для подготовки революции длительной пропаганды было «целиком воспринято» у Петрашевского, что хождение семидесятников в народ заронило в народные массы идею социализма и т. п.

О широте политического кругозора автора брошюры свидетельствует хотя бы следующее его утверждение: суровое отношение к Петрашевскому следователей и жестокий приговор над ним объяснялись тем, что «жалкие посредственности, какими было в то время большинство «высокопоставленных» лиц, не могли переносить умственного превосходства какого-то мелкого чиновника и ту правду, которую он бросал им в глаза на следствии».

Б. Козьмин.

М. А. БАКУНИН. Исповедь и письмо Александру II. Вступительная статья „Мих. Бакунин в эпоху сороковых-шестидесятых годов“ Вяч. Полонского. Редакция журнала „Исторический Архив“. Гос. Изд. Москва, 1921. Стр. 142. Экз. 5000.

Вяч. Полонский, несомненно, прав, что «Исповедь» принадлежит к «числу самых потрясающих документов, какие мы знаем о революционерах».

Скажу более. Документ — необычаен, ибо все необычайно в нем: титанические масштабы самого революционера, надчеловеческая стихийность его устремлений, клокотанье разом и любовью и ненавистью. Беспощадное правдолюбие, без уступок, до конца — даже пред лицом всемогущего, мстительного тюремщика,—а рядом... исповедный тон грешника, легко и просто находящего угодные слова. Покаяние, переходящее в страстное немилосердное самобичевание, но... в каких-то глубинах, едва чувствуемым образом, жажда искупительного подвига сочетается с дерзкой, пренебрежительной иронией. Документ, в котором легковесные, полумальчишеские признания чередуются с многочисленными характеристиками народов, правительственных режимов, политических партий, поразительными своей широтой, глубиной и тонкостью проникновения в сущность

исследуемых явлений, яркостью художественного воплощения анализирующей и строющей мысли.

Документ этот заслуживает всестороннего глубочайшего внимания и при суждении его, как акта революционера, следует особенно остерегаться какой-либо нарочитой тенденциозности, злоупотребления мелодраматическими эффектами, стремления изобразить Бакунина чуть ли не ренегатом, отступником от своих идей, грешником, на коленях вымаливающим прощения и облегчения своей участи.

Уже Ю. М. Стеклов в своем обширном исследовании о Бакунине (М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность. Часть I. 1920), рассуждая об «Исповеди», как документе, принадлежавшем перу революционера, отметил, что для правильной оценки его необходимо иметь в виду исторические условия. «Первые русские революционеры 20, 30, 40 годов XIX века...— пишет он—будучи по преимуществу сами выходцами из дворянской, а зачастую военной среды, не чувствовали себя психологически настолько отчужденными от своих следователей и «духовников», как революционеры последующего периода. У этих революционеров из привилегированной среды в некоторые моменты сказывалась какая-то духовная связь, какая - то психологическая общность с их преследователями» (стр. 297).

Исследуя далее психологию документа, Ю. М. Стеклов останавливается на изумительном эпизоде «Исповеди», где Бакунин в патетически-приподнятом, романтическом тоне сообщает государю о «странной мысли», родившейся у него еще за границей во время Пражского съезда — написать ему письмо умоляющего, увещевающего, убеждающего характера. («Исповедь», стр. 99). На Ю. М. Стеклова рассказ этот производит впечатление «выдумки», дает повод утверждать о «сумбуре, царившем в голове Бакунина» и пр. Но — заключает Стеклов, припоминая анологичные случаи обращения Герцена к Александру II — все это показывает, насколько «революционеры того времени, выходцы из барской среды, психологически стояли близко к правящим сферам» (стр. 305).

Это соображение заслуживает самого серьезного внимания, ибо помимо декабристов, Бакунина и Герцена, помимо «барских выходцев», известно не мало случаев, когда демократически или революционно настроенные представители русской оппозиционной интеллигенции обращались к царю в тоне, невозможном с точки зрения современного революционера. Таковым было, например, стихотворное обращение Некрасова (по поводу покушения Комиссарова), таковым было известное ходатайство Чернышевского перед Александром II об отмене приговора по делу молокан, в котором угловатый, неподатливый, непримиримый Чернышевский доходил до «благословений его величества».

И в конце-концов, в «странной мысли» Бакунина, которая представляется Ю. М. Стеклову «выдумкой», — писать царю, объективно «странного» и психологически невозможного вовсе не так много.

Всегда взбудораженный, романтически настроенный, остававшийся в эту эпоху еще целиком на почве заветов утопического социализма, Бакунин, *конечно* мог мечтать о таком письме, конечно, мог в лихорадочно-подогретом воображении лелеять образ маркиза Позы и надеяться на неосуществимое, хотя бы в течение нескольких дней, хотя бы нескольких вдохновенных мгновений. — «Я вздумал вдруг писать к вам, государь... Письмо было многосложное и длинное, фантастическое, необдуманное, но написанное с жаром и от души; оно заключало в себе много смешного, нелепого, но также и много истинного, — одним словом, было верным изображением моего душевного беспорядка и тех бесчисленных противоречий, которые волновали тогда мой ум».

Нет, «фантастическое» письмо не было выдумкой «ad usum delphini», как полагает Стеклов, оно могло быть написано. И если допустить,—что вправду, на самом деле, Бакунин решил ловить государя на тонко выдуманный трюк, уже самая возможность такой мысли не показывает ли, что Бакунин дышал иным воздухом, чем дышим мы, что он мог надеяться заставить поверить не только в субъективную готовность революционера писать письмо абсолютному

монарху, но и в объективную возможность такого акта. И на меня весь этот эпизод, в его конкретной обстановке, не производит впечатления чего-то невозможного, уродливо - диспропорционального.

Есть в «Исповеди» еще горячее место, не допускающее сомнений в искренности автора и вместе подчеркивающее лишний раз своеобразие психологических нитей, единивших революционера с монархом. Это место—воспоминание Бакунина о своих юнкерских годах. Оно говорит о том прямо мистическом трепете, который охватывал Бакунина и его товарищей всякий раз, как они приходили в соприкосновение с государем. — «Вы были грустны, государь; мы молча окружали вас, смотрели на вас с трепетным благоговением, и каждый чувствовал в душе своей вашу великую грусть, хоть и не мог познать ее причины, — и как счастлив был тот, которому вы скажете, бывало, слово!..» и далее... — «Я ненавидел отвлеченное политическое лицо, олицетворенье самодержавной власти в России, притеснителя Польши, а не то Живое Величественное Лицо, которое поразило меня в самом начале жизни и запечатлелось в юном сердце моем. Впечатления юности не легко изглаживаются, государь!» (стр. 71). Эта юнкерская мистика, конечно, не могла не облегчить и позже Бакунину обращения к государю, ненавидимому как власть, как символ, как политическое лицо, но полному человеческого значения по нестершимся еще впечатлениям юности. Не могу, поэтому, никак согласиться с Ю. М. Стекловым, называющим это отношение Бакунина к царю по юнкерским реминисценциям, «явно деланным и рассчитанным». Да и Ю. Стеклов никак и ничем не аргументирует своего мнения, хотя многочисленые свидетельства современников могли познакомить его с аналогичными настроениями. Он перепечатывает целиком в своем исследовании интересующее нас место и ограничивается замечанием: «Все это так, и из песни слова не выкинешь» (стр. 300).

И невольно у каждого читающего «Исповедь» — думается нам — встает вопрос: да является ли «Исповедь» действительно покаянной? В какой мере могут быть приняты всерьез даже собственные заявления Бакунина о своих грехах, преступлениях, безумии, невозможности прощения?

Внешних заявлений раскаяния в «Исповеди» — бесчисленное количество и подчас, особенно в тех случаях, когда Бакунин пишет Николаю специфически приятные для него вещи, они производят тяжелое впечатление (см. стр. 48, 57, 62, 89, 91, 95, 137). Но, вчитываясь в «Исповедь», вы чувствуете, что центр ее — не в этих заявлениях, что они лишь неизбежный малозначащий придаток к льющемуся через край повествованию о своих мечтах и надеждах, о трагической невозможности их воплощения; они — лишь невольная дань условиям места, в которых находился Бакунин.

«Исповедь» нужна была Бакунину, конечно, не только для царя, конечно, не только для облегчения своей участи. Она нужна была ему для его личного душевного покоя, как средство отделаться от прошлого, испепелить его гнетущие призраки.

Исповедь — этап жизни, кипучей, необычайно сложной, то вдохновенно-пророческой, то богемно-бестолковой, этап, пройденный до конца и принесший Бакунину со святым «духовным пьянством», «пиром без начала и конца», восторгами пережитых мгновений, глубокую, незаглушимую ничем горечь разочарований, мучительный стыд за ошибки и неудачи. Отсюда—ненасытная жажда очищения от налипшей грязи, отсюда—жестокая «расправа» над прошлым, не давшим подлинного удовлетворения революционера. Они — естественный продукт обид и неудач этого первого этапа революционной деятельности Бакунина.

Перечтите страницы «Исповеди», в которых Бакунин характеризует немецкую эмиграцию в Париже 1844 г., Франкфуртское собрание, Дрезденскую революцию,—вы почувствуете полную меру его усталости от революционной фразеологии заговорщиков-авантюристов, комитетов, клубов, от сознания бесплодия и пустоты «революций», инсценированных болтливой, но бессильной демократией, вы почувствуете, почему он дал себя «взять» после Дрезденской не-

удачи... — «Я был изнеможен, истощен не только телесно, еще более нравственно и был совершенно равнодушен к тому, что со мною будет...» (стр. 137). Вы поверите в его ужасный страстный вопль, которым кончается его «Исповедь»... «Таким образом, окончилась жизнь моя, пустая, бесполезная и преступная»....

Волнуясь и спеша, казнил себя Бакунин. Его «Исповедь» — прежде всего исповедь перед самим собой. В ней излил он свою скорбь, свою усталость, свое отвращение. Кому бы, для кого бы ни писалась «Исповедь», кто бы ни читал ее — в ней стояли бы все те же слова, что нашел и царь.

Письма Бакунина к родным из Алексеевского равелина—полны страстного самобичевания, отказа от абстракций, фантазий, актов, продиктованных безумием эгоизма. «Будь же реальным человеком на реальной почве»,—вырывается в одном из его писем в обращении к брату... «Мысли слишком мучают и гнетут меня поздним и бесплодным сожалением прошедшего, поздним раскаянием»... — пишет он отцу. Только одна мысль жила неотступно в его мозгу и сердце: «Я одного только желал,—писал он однажды,—не примириться, не резиньироваться... сохранить до конца в целости святое чувство бунта».

Что же подлинно «покаянного» было в исповеди непримиримого бунтаря?

Прежде всего—неоднократно, настойчиво Бакунин предупреждает своего «духовника», что напрасны были бы от него ожидания предательства («Исповедь» стр. 48, 59, 70, 83 и др). Это вызвало недовольную пометку царя: «этим уже уничтожает всякое доверие..... одна чистая полная исповедь, а не условная, может почесться исповедью» (стр. 48).

Но, храня мертвое молчание о деяниях, могущих скомпрометировать других, Бакунин не щадил себя. Он не побоялся бросить в лицо своему тюремщику самую полную уничтожающую правду, и его беспощадные характеристики русских порядков, как и откровенные признанья о том, что полнило его душу предшествующие годы, а частью продолжало еще и жить в ней, уничтожают совершенно впечатление от его отдельных сентиментально-покорных заявлений.

После ряда почтительно-умиленных оговорок, извинений (стр. 48, 50, 54, 57 и др.), сейчас же вслед за патетическим обращением к государю, в котором Бакунин, как бы двинутый внезапным чувством, стирает все грани между собою и им и хочет открыть ему сердце, как своему «духовному отцу», Бакунин дает потрясающую картину русской действительности — полную безвыходного трагизма, полную уничтожающего смысла для правительственной власти и царя в первую голову (стр. 86—87).

И когда после вопроса — почему же всемогущая неограниченная власть не «употребит своего всемогущества на освобождение, на возвышение, на просвещение русского народа» — Бакунин признается в крамольных «в уме и писаниях» ответах на вопрос, вместо привычно-униженного: «Не мое дело рассуждать о сих предметах, знают государь да начальство, мое же дело повиноваться», его признания звучат убийственной нескрываемой иронией.

Наоборот, на протяжении всей «Исповеди» Бакунин неизменно свидетельствует глубокую преданность своим общественным идеалам. В этом случае ему приходит на помощь и его поразительно верный инстинкт, которым он определяет соотношение общественных сил и их грядущие судьбы. Его характеристики Западной Европы, с пророческой силой намечающие пути и будущее торжество коммунизма, его глубочайшее проникновение в самую сущность социально-психологической природы отдельных общественных классов (стр. 52 — 53), его беглые характеристики Германии, славянства, рассыпанные в разных местах «Исповеди», его уничтожающая критика парламентаризма (стр. 92—93), его мечты о «беспримерной» социальной революции (стр. 108)—останутся по силе, блеску, оригинальности и остроте материала редчайшими образцами мировой политической литературы.

Невозможно читать спокойно его описания февральской революции во Франции, невозможно без подлинного умиления читать его восторженный гимн «благородным увриерам» или русскому

«всеми угнетенному мужику» (стр. 65—66 и 88).

В «Исповеди»—пестрой, волнующейся, беспорядочной, богатой случайными эпизодами и отступлениями — во весь рост встает исполинская фигура самого Бакунина. Он весь—в становлении; кипит неудовлетворенной потребностью знания, жизни и действия» (49); жадный к плодам от «запрещенного древа познания добра и зла» (56); духовно пьяный от «безумного восторга, безумных надежд», готовый ежеминутно впасть «из безумия в безумье, из ошибки в грех, из греха в преступленье» (66—67); мгновенно забывающий реальную действительность—отсутствие людей, отсутствие средств; все надежды полагающий на «пропаганду, на могучий дух революции» (72); всегда имеющий своей «сподвижницей» веру и гонящий «сомненья, как недостойные» (84); чувствующий свою обреченность и радостно идущий на нее (116), но.... никогда не «чужой агент», не «раб чужой мысли», никогда неспособный «ни к злодейству, ни к подлости» (70).

«В моей природе,—пишет он,—был всегда коренной недостаток: это любовь к фантастическому, к необыкновенным, неслыханным приключениям, к предприятиям, открывающим горизонт безграничный и которых никто не может предвидеть конца. Мне становилось и душно и тошно в обыкновенном спокойном кругу.... Душа моя находилась в неусыпном волнении.... Искать своего счастья в чужом счастье, своего собственного достоинства в достоинстве всех меня окружающих, быть свободным в свободе других,—вот вся моя вера, стремление всей моей жизни» (стр. 93—94).

Трудно что-либо прибавить к этой великолепной самохарактеристике.

И вопреки мнению тех, кто в тревоге за возможное, якобы, потускнение образа любимого героя, за омрачение его имени, скорбит о появлении «Исповеди», надо, наоборот, приветствовать документ, с неслыханной силой и искренностью рисующий образование великой души великого революционера. Немногим дано было видеть тайный рост ее зреющих сил, тюрьма же раскрыла нам настежь двери в самые сокровенные углы ее.

Притом «Исповедь» принадлежит Бакунину, еще далекому от анархизма, с которым неразрывно навсегда связано его имя. Должен был пройти почти 15-летний период времени, пока убеждения Бакунина не получили окончательного завершения и не приняли определенно анархистского характера. На это определенно указывают и «большевистские» исследователи «бакунизма». Вяч. Полонский, далекий, в отличие от Ю. Стеклова, от каких-либо «реабилитаций» «Исповеди», тем не менее, подчеркивает, что «Исповедь.... ни в какой степени не должна бросать тени на анархическое мировоззрение Бакунина». (Предисловие, стр. 10).

Из предыдущего должно быть ясно, что, по нашему мнению, «Исповедь» вообще не может бросить никакой тени на мировоззрение Бакунина. Какое психологическое или фактическое значение могли бы иметь «иные», «нетвердые» и «несмелые», — по выражению В. Полонского,—страницы рядом с самой сокрушительной правдой, которую когда-либо довелось слышать в упор неограниченному монарху от ничем, никак не защищенной жертвы. И если «Исповедь» потрясает, то «не столько своим низменным тоном»,—в этом прав автор Предисловия, — но «глубоким и искренним осуждением былой деятельности». Но мы уже знаем его внутренние источники.

Стоит вспомнить, наконец, многочисленные отзывы и суждения о Бакунине лиц, действительно знавших его—Белинского в его письмах 1838 и 1842 гг. («идеальное прекраснодушие», «кипение жизни, беспокойный дух, живое стремление к истине», «вечно движущее начало, лежащее в глубине его духа»), Грановского («широкая, полетистая, в высшей степени благородная и крепкая натура»), Герцена («готовность первому итти на исполнение, готовность погибнуть, отвага принять все последствия»), Гильома, М. Неттлау, П. Кропоткина, Драгоманова, М. Рейхель, А. Баулер и др., чтобы лишний раз укрепиться в невозможности для Бакунина хотя чем-либо поступиться из своего святое-святых, чтобы купить отступничеством какие-либо практические житейские выгоды.

Какое впечатление произвело «покаяние» — известно. После слов Николая

(в передаче Герцена): «Он умный и хороший малый, но опасный человек, его надобно держать взаперти», Бакунин оставался 2 года 10 мес. в Алексеевском равелине Петропавловки, около 3 лет в Шлиссельбурге и только в 1857 г. был, наконец, милостиво отправлен в Сибирь на поселение.

Этим мы можем закончить беглое исследование психологии замечательного документа. В пределах рецензии было невозможно коснуться ряда важных и спорных вопросов, поднимаемых не только самой «Исповедью», но и обстоятельным Предисловием Вяч. Полонского. Таков, например, хотя бы пресловутый и все еще острый вопрос об оклеветании Бакунина,—вопрос, для полного и беспристрастного освещения которого, разумеется, еще не пришло время.

Задача же, поставленная себе автором Предисловия—поместить «Исповедь» в исторические рамки—выполнена очень удачно. Предисловие написано живым и популярным языком.

Алексей Боровой.

Л. Э. ШИШКО. Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. Гос. Изд. М., 1921 Стр. 91.

Эта книжка покойного Шишко является, очевидно, перепечаткой с матрицы из старого гранатовского издания. На 1-й стр. сохранилось даже прежнее обозначение издательства Гранат, 1920 г., а вся книжка набрана по старой орфографии. Таким образом, перед нами перепечатка без всяких перемен старых, дореволюционных статей. Это обстоятельство накладывает на книжку особый отпечаток некоторой цензурной осторожности и объективной сдержанности. Что же касается ее содержания, то она излагает аккуратно и добросовестно, с несколько академическим спокойствием, важнейшие факты радикального и революционного движения той эпохи и важнейшие литературные течения левого лагеря, останавливаясь подробнее на Чернышевском, Добролюбове, Писареве, Лаврове, Бакунине и Михайловском. Автор везде ограничивается одним лишь изложением, без всяких почти попыток общественного анализа или исторической критики разбираемых им политических и литературных явлений. Поэтому читателю, сколько-нибудь знакомому с этой эпохой, книжка Шишко ничего нового не дает, за исключением разве более подробной характеристики кружка чайковцев, активным членом которого был автор. Он останавливается на нем с видимой любовью и перечисляет почти всех его членов в разных городах России.

Зато для начинающего читателя, желающего познакомиться с этой интереснейшей эпохой и ее наиболее выдающимися «властителями дум», книжка будет безусловно весьма полезным фактическим пособием, хотя и не дающим ни новых точек зрения, ни ярких историко-социологических обобщений.

Б. Горев.

И. СТЕПАНОВ. Парижская Коммуна 1871 г. и вопросы тактики в пролетарской революции. Госуд. Изд. М., 1921. Стр. 248.

Всякая новая книга о Коммуне до сих пор, несмотря на гром русской революции и грандиозный, опыт внесенный ею в теорию и практику всякой пролетарской революции,—читается с волнующим интересом. И хотя после, поистине замечательной, вновь открытой книги Лаврова, после работы Л. Троцкого и некоторых других (в «Коммунистическом Интернационале») в книге И. Степанова очень мало нового, тем не менее она является ценным и нужным вкладом в сравнительно небольшую литературу о Коммуне, как первая полная и самостоятельная работа по этому вопросу, принадлежащая перу русского марксиста. Особенностью разбираемой книги является попытка выяснить классовый характер парижского населения в эпоху Коммуны и установить мелкобуржуазные черты той массы, шедшей за Коммуной, которую принято называть общим именем рабочих, не различая рабочих крупной промышленности, сравнительно мало развитой в Париже даже до сих пор, и рабочих ремесленных мастерских и домашней промышленности. Автор и старается вывести указываемые Лавро-

вым причины поражения Коммуны—отсутствие сплоченной и боевой политической партии пролетариата и ясного социалистического сознания даже у авангарда парижских рабочих—именно из мелкобуржуазного характера парижской промышленности.

При всем интересе и значении, какие имеет подобный анализ, при общей теоретической правильности такой постановки вопроса, нам все же кажется, что И. Степанов не избежал ошибки, свойственной всем без исключения критикам Коммуны, в том числе и Лаврову. Все они, разбирая шансы Коммуны на победу и причины ее поражения—военные и социально-политические,—совершенно игнорируют осаждавшую Париж *германскую армию*. Несомненно, более активное, организованное и социалистически выдержанное поведение Коммуны имело бы огромное агитационное значение, между прочим, и в рядах германской солдатчины, но большой вопрос, удалось ли бы Коммуне поднять Францию и отразить врага, не была ли бы она раздавлена Бисмарком и Мольтке при первых признаках ее полной и решительной победы над версальцами.

Как бы то ни было, при всякой попытке выяснить благоприятные шансы Коммуны, автор обязан иметь в виду и прусскую армию, эту молчаливую свидетельницу, одно присутствие которой уже ободряло и укрепляло версальцев,—обязан доказать, что Коммуна могла восторжествовать и над нею (не говоря уже о международной обстановке, крайне неблагоприятной для социалистической революции в одной из стран Европы). В противном случае, все рассуждения о Коммуне и критика ее действий служат лишь поводом для *теоретического* обсуждения «вопросов тактики в пролетарской революции». А эта часть работы И. Степанова читается с напряженным интересом, хотя отдельные моменты и являются спорными.

В заключение не можем не отметить странную фактическую неточность. На стр. 37 мы читаем: «Яркий, стойкий, испытанный революционер, упорный борец, *в 40-х годах Бланки мало интересовался социализмом и организованным рабочим движением*». (Курсив наш. Б. Г). Организованным *массовым* движением Бланки, действительно, мало интересовался, и притом не только «в 40-х годах», но и значительно позже.

Но *социализмом* он весьма «интересовался» уже в 30-х годах. Что же касается 40-х годов, то с 1839 до 1847 года он сидел в *тюрьме*, где и сложилось окончательно его коммунистическое мировоззрение. Затем, 1847 г., находясь в полуарестантском положении на юге Франции, он, судя по некоторым данным, принял участие в чисто коммунистической тайной организации, с наклонностями к экспроприаторству. А в 1848 г. на широкой арене открытой революционной борьбы Бланки оказался *единственным* проницательным рабочим вождем, что должен был признать и Маркс. «Для него все сводилось к политическому перевороту, к захвату государственной власти», читаем мы дальше у И. Степанова. Но вот, что писал, между прочим, Бланки в прокламации, выпущенной им в марте 1848 г.: «Нет свободы для того, кому нехватает хлеба! Нет равенства там, где излишества выставляются рядом с нищетою! Нет братства, когда женщина из народа плетется голодная со своими детьми к дверям богачей! *Тирания капитала безжалостнее тирании военной и духовной, нужно ее разбить*». (Курсив наш. Цитируем по книге Черкезова: «Предтечи Интернационала»). Не напоминает ли эта прокламация некоторые воззвания лета 1917 г.? У русского революционного марксизма так много духовного родства с великим «заключенным», что пора было бы относиться к нему с большей исторической справедливостью...

Б. Горев.

Л. Г. ДЕЙЧ. Почему я стал революционером. Пет., 1921. 47 стр. Л. ДЕЙЧ. С. М. Кравчинский. С приложением статьи В. И. Засулич. Пет., 1919. 64 стр.

Обе брошюры Л. Г. Дейча принадлежат к серии «Историко-революционной библиотеки». Не все, что вошло в эту библиотеку, заслуживает внимания и одобрения. Но есть и ценные вещи. К числу последних, несомненно, относятся и названные работы Л. Дейча.

Первая из них в бесхитростном рассказе о детстве и юношеских годах автора яркими штрихами обрисовывает те бытовые и политические условия, которые неизбежно толкали (в начале 70-х годов) на революционный путь всякого честного, интеллигентного молодого человека, способного возвыситься над своекорыстными, вульгарными интересами.

А «стать на революционный путь» означало тогда поставить крест над всякими надеждами на «личную» жизнь, как бы властно она ни предъявляла свои требования.

Брошюра «Почему я стал революционером» заканчивается этим моментом рокового решения. Вторая брошюра является как бы продолжением первой, хотя героем ее и является не сам автор, а С. М. Кравчинский, один из виднейших революционеров 70-х годов: чтобы лучше понять Кравчинского, в его юношеские годы, вы с пользою прочтете о юношеских годах Дейча—и обратно.

Объективными условиями тогдашней ступени экономического развития молодежь интеллигентско-буржуазной, «разночинской» среды, как и интеллигенция «кающегося дворянства», толкались на борьбу за демократизм; а слишком отсталые политические условия, обрекавшие революционеров на самопожертвование, толкали революционеров на поиски идеала, которым оправдывалась бы жертва своей жизнью. Буржуазно-демократические задачи не могли играть роли такого идеала; молодежь приходила к утопическому социализму и к анархизму,—она шла к демократии извилистым путем, доводившим ее до отрицательного отношения и к политике, и к демократии. Путь сложный и запутанный. А выяснить его необходимо, так как народническо-анархические течения 70-х годов накладывали свою печать и на пролетариев, пробивавшихся к революционно-пролетарским задачам эпохи; а люди этих течений были непосредственными предшественниками марксистского движения, которому выходцы из того же анархо-народнического движения положили начало (Плеханов и др.).

Л. Г. Дейч является одним из первых соратников Плеханова на марксистском пути: вместе с Плехановым он пережил, передумал и перемучился критикой своих недавних кровных идеалов. Это обстоятельство не может не отражаться на его воспоминаниях о семидесятых годах. Время сгладило остроту критики. Л. Дейч любовно вспоминает пору своей молодости и своих товарищей дальних лет. Поэтому критическое отношение к 70-м годам не выпячивается в его мемуарах; но марксистская оценка домарксистской эпохи, уже отошедшей в историю, чувствуется и сказывается. Это обстоятельство придает особую ценность мемуарам Л. Дейча, как подготовительной книге к ознакомлению нового поколения с историей революции и марксизма в России. И остается пожелать, чтобы эти ценные мемуары появились, наконец, не брошюрами, а цельной книгой, которая будет давать читателю более цельное представление об эпохе.

М. Ольминский.

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ библиотека.—В. С. Иллич-Свитыч. Надгробное слово Александру II. (Воспоминания политического каторжанина).—А. В. Долгушин. Заживо погребенные (К русскому обществу от политических каторжан). СПБ, 1921. Стр. 76. Ц. 50 руб.

Воспоминания В. С. Свитыча появились в свет в 1885 г., воззвание А. В. Долгушина в 1878 г. Тогда с ними познакомились очень немногие, теперь их будут знать все. Тогда они были криком исстрадавшейся души, теперь они—исторический источник. Ныне, в дни социалистической республики, свободно читаешь то, что в эпоху царского самодержавия было запретным плодом: мысли и ощущения читателя тогда и теперь далеко *не* одинаковы. Но и теперь самому холодному читателю трудно и невозможно справляться с ними, как с историческим источником... Чувство все еще жестоко борется с хладнокровием исторической критики.

Статья В. С. Свитыча, в которой, кстати сказать, ни слова *не* говорится об Александре II, посвящена описанию быта новобелгородской центральной для ссыльно-каторжных тюрьмы в той ее

части, которая с конца семидесятых годов до 1882 г. была местом заключения для политических «преступников». Политические и умирали и сходили с ума от ужасов этого быта. «Сумасшедших,—заканчивает свою повесть Свитыч,—не отправляют в Сибирь: они могут доканчивать свои сроки сумасшествия смертью в казематах Петропавловской крепости, в соборе которой покоится тот, кому мы сказали наше надгробное слово...»

Быть-может, еще более сокрушительно тяжелое впечатление производит воззвание к русскому обществу: «Заживо погребенные», А. В. Долгушина, которое начинается словами: «Жалкое, молодушное, позорно-трусливое, холопски-пресмыкающееся русское общество»—и посвящено той же белгородской централке.

Брошюру прочитают все, она ценна, но.... издана она без ответственности редакции, без надлежащей библиографической справки, без более или менее серьезного исторического комментария.

В. Сторожев.

М. В. НОВОРУССКИЙ. Записки шлиссельбуржца (1887—1905). Историко-революционная библиотека. С портретами и рисунками. Госуд. Изд-во. Петербург, 1920. Стр. 245.

«Записки» М. В. Новорусского были изданы на шведском языке в Гельсингфорсе в 1907 г. и год спустя на немецком—в Берлине. На русском языке они появляются в дополненном виде.

Автор провел в Шлиссельбурге 18 с половиной лет. Но читатель, который будет искать в его «Записках» трагических настроений, скорби и гнева,—всего того, что кажется как будто психологически необходимым для узника, навеки погребенного в каменном мешке (смертная казнь была заменена ему в 1887 году бессрочной каторгой), окажется разочарованным. Ничего подобного в «Записках шлиссельбуржца» он не найдет. Это точное и спокойное, местами добродушное повествование о том, как человек, оторванный от жизни и свободы, может приспособиться к могильным условиям, которые на воле трудно вообразить. В этом именно спокойствии, какой-то тихой уверенности, что все кончено и возврата нет, и таится ужас «Записок», ужас незримый, но, тем не менее, большой и глубокий. «Записки» Новорусского подробно рассказывают, как он, а с ним другие, шаг за шагом, день за днем, методично и упорно, боролись с «природой» крепости и, в конце-концов, добились того, что превратили сырую и холодную тюрьму в цветущий оазис, покрытый огородами и садовой зеленью. Новорусский рассказывает о быте Шлиссельбургской крепости за годы 1887—1905, и благодаря его «Запискам» можно объяснить то чудо, которое поразило всех, когда из каменной могилы вышли заживо погребенные, проведшие в ней десятки лет (Николай Морозов—26), и вышли не только здоровыми, крепкими, бодрыми, но умственно развитыми, научно образованными, не только сберегшими силы, но их умножившими. Правда, это случилось не со всеми. Были самоубийства, иные сошли с ума, но многие выжили. Новорусский же, войдя в крепость случайно, безвинно, без ненависти к политическому строю, вышел из нее с мировоззрением, этот строй отвергавшим. М. Новорусский поплатился за знакомство [с революционерами. Сам он таковым не был. Он работал над диссертацией (окончив духовную академию, он был оставлен в качестве профессорского стипендиата). Но на его квартире готовился динамит с его разрешения. Он был знаком с А. И. Ульяновым, Лукашевичем и другими участниками покушения на Александра III в 1887 г. Оказался «пришитым к делу», был арестован с «поличным», мужественно держался на допросах и суде — и вместе с другими был приговорен к смерти.

И. Лукашевич в воспоминаниях своих говорит, что Новорусский до ареста был «убежденным революционером». (См. «1-е марта 1887 г. Воспоминания И. Д. Лукашевича». Гос. Изд. Петербург, 1920, стр. 17). Сам Новорусский более мягко определяет свои тогдашние политические настроения. Он лишь симпатизировал революции и был крайне изумлен приговором. Смертная казнь ему была заменена бессрочной каторгой после прошения о помиловании.

Потому, вероятно, что Новорусский был человеком к революции непричастным, случайной жертвой, обладавшей лишь большим запасом духовных и физических сил—его «Записки» и носят местами такой внешний, поверхностный характер. Но цель свою—дать подробную картину удивительного шлиссельбургского быта, с мелкой, незаметной борьбой, растянутой на долгие годы — он достигнул вполне. Пишет он бесхитростно, не претендуя на яркость и драматизм изложения, но, тем не менее, «Записки» читаются с интересом захватывающим, и многолетняя борьба шлиссельбуржцев за право столярничать, огородничать, разводить зелень, кур, вести сношения с внешним миром напоминает борьбу, которую некогда вел сказочный Робинзон на своем необитаемом острове. Разница была та, что Робинзон находился в условиях, несравненно более благоприятных, чем шлиссельбуржцы. Но человеческое упорство победило и здесь.

Вяч. Полонский.

Историко-революционная библиотека. Карийская трагедия (1889). Воспоминания и материалы. Госуд. Издательство. Спб., 1920. Стр. IV+78+2 портрета. Ц. 75 р.

Тексту книжки предшествует сообщение «*От редакции*», анонимное и лишенное содержания; необходимых примечаний и пояснений нет, как будто все хорошо помнят и знают все. Анонимная редакция справедливо замечает, что о трагедии на Каре в 1889 г. «надлежит знать и помнить всякому, кому дороги судьбы русской революции», и, тем не менее, воздерживается от серьезного комментария... Книжка состоит из трех частей. В первой (стр. 5—29) помещена «Женская тюрьма»—отрывок из воспоминаний Ел. Ник. Ковальской относящихся к 80-м годам XIX века. Во второй части (стр. 30—55) читается отрывок из воспоминаний Г. Ф. Осмоловского «Карийская трагедия». Первый отрывок появляется в печати впервые, второй перепечатан из журнала «Былое» 1906 г., № 6. Оба текста производят сильное впечатление на читателя, и силой своего содержания затрудняют объективную работу исследователя; оба имеют связь друг с другом и дают ценные детали к пониманию «Карийской трагедии». Третья часть книжки (стр. 56—75)—небольшая статья В. Петровского, написанная по архивным документам строго официального происхождения. «О беспорядках в Карийской каторжной тюрьме по поводу введения телесного наказания»—так озаглавлено сохранившееся в архиве б. департамента полиции дело V делопроизводства 1889 г., № 7961, и заключающее в себе документы, касательно покончивших с собою «политических» Н. К. Сигиды, М. П. Ковалевской, Смирницкой, Калюжных и др. Названное архивное дело послужило основанием для статьи В. Петровского. Книжка дает полную возможность сопоставления мемуарных данных политических с официальной версией архивного документа. Эта возможность—основная ценность публикации «Карийской трагедии». Подробности «Карийской трагедии» невыносимы: в центре всего события—судьба Н. К. Сигиды, которая «своею твердостью, бодростью и выносливостью» стремилась поддержать во всех «и силы, и бодрость, и великую глубокую веру в святую правду и добро». «Какая бодрость, какая сила, какая вера и надежда на все святое, доброе будет вечно у вас при воспоминании обо мне», писала Н. К. Сигида-Малоксиано своим родным перед смертью в октябре 1889 г. Карийская каторга еще ждет своего исследователя, который твердыми, нелицеприятными штрихами изобразил бы психологию карийских сидельцев среди целого ряда других поселений, рудников, централок и проч. Работа в высшей степени ответственная и трудная, но и благодарная в литературе о судьбах русской революции.

В. Сторожев.

К. М. ТАХТАРЕВ. Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов. Петерб. Гос. Изд. 1921.

Книга К. М. Тахтарева (он же «Петербуржец» и «Тар») выходит, кажется, 4-м изданием, если не считать лондонского

издания 1902 г. (Петербуржец. «Очерк Петерб. раб. движ. 90-х годов»), и уж одно это обстоятельство свидетельствует о том, что она идет навстречу огромной потребности широкой массы читателей—знать прошлое рабочей партии в России. В то же самое время этот очерк нередко служил источником для справок и иллюстраций многим историкам русского рабочего движения и Р. С. Д. Р. П. (напр., М. Лядову, Л. Мартову, В. Акимову и другим).

О петербургском рабочем движении автор рассказывает *по личным воспоминаниям*, как непосредственный участник и внимательный наблюдатель этого движения. И это обстоятельство очень выгодно отражается на очерке К. М. Тахтарева. На страницах этой книги фигурирует живая, схваченная беглым карандашом очевидца, петербургская фабрично-заводская толпа—с одной стороны, и конспиративная лаборатория рабочей идеологии того времени—с другой. Приведенные в книге материалы — ряд прокламаций, статей из «Рабочей Мысли» и т. д. — еще более увеличивают ценность труда К. М. Тахтарева.

Но последние главы книги носят следы субъективного отношения автора к тому направлению, которое в свое время было известно под именем экономизма и выразителем которого в Петербурге была газета «Рабочая Мысль». Автор берет на себя задачу быть адвокатом «Рабочей Мысли» и, по возможности, реабилитировать ее доброе имя — подлинно марксистского «независимого» рабочего органа. Нельзя, впрочем, сказать, чтобы его защита была очень удачной. Ставя, напр., знак равенства между стачками средины и конца 90-х годов и начальным периодом широкой профессиональной борьбы — автор несколько наивно задает вопрос: «почему же газета, бывшая органом этих рабочих, не должна была призывать их к подобного рода борьбе? Разве такая борьба нежелательна? Вряд ли кто осмелится (?!) повторить, что такая борьба буржуазна». Здесь, очевидно, автор эскамотирует вопрос. Разговор в свое время шел не в плоскости рассмотрения законности или незаконности стачечной борьбы, а о той роли ее и значении, о том месте, которое она занимает или должна занимать в широком социал-демократическом движении рабочего класса, при чем выраженная в «Р. М.» (напр, автором передовицы в № 1 «Р. М.») идея, что стачечные кассы «дороже для движения, чем сотня других организаций», что рабочие должны вести «борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей» и т. д. и т. д. — была встречена суровой отповедью со стороны такого, напр., представителя искровского течения, как Ленин (см., напр., его ст. «Что делать», перепечатанную в сборнике «За 12 лет»). Впрочем, и сам автор рассматриваемого здесь очерка отдает себе отчет в том, что «Рабочая Мысль» «не была вполне выраженным социал-демократическим органом»... «Я скажу более,—между прочим, говорит он,— направление ее и не могло в то время быть вполне выраженным социал-демократическим направлением, хотя оно и заключало в себе начала истинного социал-демократизма»...

Это смахивает на известный адвокатский компромисс: «виновен, но заслуживает снисхождения». Ведь в том-то и вся история, что «Р. М.» не выражала социал-демократического направления в своих взглядах на отношение «экономики к политике», и никакими ссылками на стихийность рабочего движения того времени,—движения, стоявшего по условиям места и времени под знаком увлечения лозунгом «копейки на рубль»—нельзя затушевать того обстоятельства, что «Раб. Мысль» не боролась с этой «детской болезнью» выступавшего на историческую авансцену русского пролетариата, не звала его от форм экономического стачкизма на путь организованной политической борьбы, а взяла на себя роль идеологического выразителя одностороннего экономизма и резко противопоставляла свою позицию в этом вопросе той позиции, которую заняло другое крыло соц.-демократии—ну, хотя бы, напр., в лице группы, подписавшейся под «протестом» против известного «credo».

Сейчас, впрочем, спор об экономизме имеет лишь исторический интерес, и склонность автора очерка к защите родной ему «Рабочей Мысли» от «несправедливых» на нее нападок, не может в на-

стоящее время послужить поводом к какой-нибудь страстной полемике в данной плоскости. А так как центр тяжести и главный интерес книжки заключается не в этой ее части, а в объективном и подчас красочном изложении эпизодов борьбы петербургского пролетариата 90-х годов, то книга не перестает быть очень ценным литературным источником для знакомства с известной полосой в развитии русского рабочего движения и по сей день.

П. Лепешинский.

ИЗ ЭПОХИ „ЗВЕЗДЫ" И „ПРАВДЫ" (1911—1914 гг.). Изд. Комиссии для собрания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (больш.). Гос. Изд. 1921 г. Стр. 192.

Недавно исполнилась годовщина со дня издания декрета Совнаркома об учреждении Комиссии, полный титул коей выписан выше, а сокращенно обозначаемой «Истпарт». Истекший год Истпарт употребил очень много энергии на охранение и собирание тех документов, ценных материалов, которые при теперешнем вихревом ходе событий легко теряются, пропадают и исчезают навсегда. Много усилий пришлось потратить на то, чтобы спасти для истории революции и Р. К. П. еще одну легко пропадающую ценность—показания современников. Истпартом очень многое делается для того, чтобы заставить товарищей записать свои воспоминания.

К сожалению, Истпартом за целый год, помимо небольшой брошюрки А. Бубнова — «Основные моменты в развитии Коммунистической партии в России» и двух книг журнала «Пролетарская Революция» — издан только лежащий перед нами сборник.

Центр тяжести сборника и по объему, и по значению, несомненно, лежит в очерке М. Ольминского, посвященном эпохе «Звезды» и «Правды».

После краткого обзора периода упадка движения (1906 — 1911 гг.) М. Ольминский полумемуарно, полуисторически описывает новые условия, в которых развивалось рабочее движение того периода. Он особенно останавливается на повороте интеллигенции в сторону от рабочих, на массовом уходе ее от рабочих, на открытой и скрытой измене ее пролетариату и революции. Кратко отмечаются все оттенки и виды ренегатства, начиная с простого выхода из партии в погоне за буржуазной карьерой и кончая «легализмом» и «ликвидаторством» меньшевиков. Довольно живо, хоть и весьма сжато, М. Ольминский описывает, как нелегальная организация большевиков умела революционно использовать те легальные возможности, ради которых меньшевики легализовали раскол объединенной до того рабочей партии и настойчиво предлагали ликвидировать нелегальную партию. Это был период возникновения и особенно возобновления приостановившейся было «Звезды».

Более подробно М. Ольминский описывает начинающийся подъем рабочего движения и естественно останавливается на знаменитом ленском расстреле, нашедшем столь широкий отклик в рабочих всей России, вызвавшем волну забастовок протеста и демонстрации. В этот момент начинает выходить долго подготовлявшаяся рабочая газета «Правда».

Раз восемь меняла «Правда» название с 22 апреля 1912 г. по 8 июля 1914 г., но постоянно сохраняла свою политическую физиономию. Несмотря на конфискации и штрафы, на обыски в редакции и облавы в типографии, несмотря на обилие провокаторов, пролезавших в редакцию и на верхушки организации, «Правда» была не только рупором революционного подъема рабочего движения,—она была его боевым набатом, его путеводным маяком.

Не только против царизма и полицейского строя буржуазно-помещичьего государства вела борьбу «Правда» этого периода — она звала рабочих к борьбе против их классовых врагов, против экономического гнета и эксплуатации. Она последовательно и неуклонно вела свою линию борьбы со всеми попытками «проведения буржуазного влияния на пролетариат». «Правда» была ярым врагом народников всех толков и меньшевиков в период, когда контр-революционность этих течений казалось еще только потенциальной и далеко не столь

очевидной, как сейчас. Борьба нелегальной партии с «ликвидаторами» сделала «Правду» легальным органом «антиликвидаторства». Скоро «Правда» стала в такой же или еще большей мере кличкой, лозунгом, как «Искра» в период 1902—1903 гг. «Правдизм», «Правдисты»—вот легальные титулы для членов и сторонников нелегальной рабочей партии, отстаивавших «неурезанные» лозунги последовательного, т.-е. революционного марксизма.

Возникновение и развитие «Правды», выборы в 4-ую Гос. Думу, образование сначала объединенной соц.-дем., а позднее особой большевистской фракции 4-ой Думы, в которую вошли все шесть избранных по рабочей курии депутатов, ряд экономических забастовок, рабочих демонстраций и политических стачек в период неуклонного наростания русского рабочего движения— таково главное содержание очерка М. Ольминского.

Непосредственному участнику петербургского рабочего движения этого периода многое в изложении М. Ольминского покажется недостаточно полным и ярким. Некоторые читатели не вполне одобрят черезчур частое цитирование уважаемым и маститым автором своих собственных статей описываемого периода. Но все это охотно простится М. Ольминскому не только ради его больших заслуг перед обеими газетами, коих ценнейшим сотрудником *в России* он, несомненно, был, но и за мастерское изложение очерка. Благодаря этому очерк читается с неослабным интересом, и тот легкий тургеневский флер, каким окружает автор своего главного героя—русское рабочее движение периода 1911—1914 гг.— делает книгу увлекательной для тех многих десятков тысяч читателей, которые только из нее впервые узнают о пройденном Р. К. П. этапе.

Значительно слабее по изложению и по полноте материала вторая большая статья сборника—А. Винокурова—«Рабочее страховое движение». Нынешний наркомсобез, редактор основанного в конце 1913 года рабочего журнала «Вопросы Страхования», А. Винокуров оказывается столь же бледным мемуаристом, как и слабым историком. Упущены довольно существенные детали описываемого движения, совершенно не упоминается о «страховой консультации» «Правды», бывшей летом и осенью боевым, инструктирующим и руководящим центром проводимой большевиками страховой кампании. Почти ничего не сказано о создавшемся благодаря «Правде» рабочем «страховом центре», в котором создавался противовес не только против хозяйской организации— СПБ. общества заводчиков и фабрикантов но и против ликвидаторов, группировавшихся вокруг своего журнальчика «Страхование Рабочих».

Ни словом не упомянуты брошюры Б. Г. Данского и о др. изданиях «Прибоя», сыгравших немалую роль в рабочем страховом движении, давших этому движению надлежащее направление.

Отсутствие этих существенных деталей тем более бросается в глаза, что вся статья А. Винокурова представляет собой сухой и голый перечень фактических данных в хронологической последовательности.

Небольшая заметка М. Ольминского— «О мемуарах», являющаяся предисловием ко всему сборнику, имеет целью разохотить читателя, у которого есть о чем вспомнить, к записыванию своих воспоминаний. Этой же целью служит и краткий «Конспект-минимум для воспоминаний» Н. Батурина в конце сборника.

К сборнику приложена и «Ведомственная литература» Истпарта — декрет об его учреждении, инструкция для местных его бюро и краткий полугодовой отчет о деятельности.

В общем хорошо изданному сборнику можно пожелать побольше читателей, а Истпарту — успеха в издании накопившихся у него, обильных, отчасти очень интересных материалов.

И. Гладнев.

„ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ". Исторический журнал Истпарта (Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков) № 1. 1921 г. 206 стр. Госуд. Издательство.

Литература наша оживает — это бесспорно. Появление «толстых» журналов—лучшее тому доказательство. Правда, журналы эти не ежемесячны, техни-

ческие затруднения, которые приходится преодолевать при их выпуске—огромны, но затруднения все-таки преодолеваются, журналы все-таки выходят, а можно разве было об этом думать хотя бы в прошлом году? С мертвой точки дело сдвинулось—таково радостное убеждение. Это только начало, показатель небольшого успеха, который придется развивать, совершенствовать. На литературном фронте тенденция к улучшению, к подъему — несомненна.

В журнале, посвященном истории революции, нужда ощущалась большая. Наше недавнее революционное прошлое еще не изучено. Произошло это прежде всего потому, что материалы и документы, необходимые для изучения, составляющие плоть и кровь исторического исследования, — до революции 1917 года были исследователям в большинстве случаев недоступны. Лишь случайные документы, попадавшие отдельным счастливчикам, видели свет. Но их было, разумеется, недостаточно. Одних мемуаров для построения истории революции недостаточно. Ныне архивы свободны — и только теперь мы можем сказать, что наступило время для изучения нашего революционного прошлого.

Эти именно задачи и ставит себе «Пролетарская Революция». «Пролетарская Революция»,—читаем мы в предисловии от Истпарта,—ставит своей задачей опубликование материалов в первую голову по тому отделу истории русской революции, который до сих пор оставался более всех в тени,—по истории пролетарского революционного движения в России. Сюда войдут прежде всего документы по истории РКП и ее предшественницы — большевистской фракции РСДРП, но также, разумеется, и документы других партий, поскольку в них отразилось рабочее движение, и документы рабочего движения беспартийного, организованного (история профсоюзов) и неорганизованного («стихийные» забастовки, отдельные случаи фабричных «волнений» и т. д.). Затем следуют документы, касающиеся Октябрьской революции, включая сюда белогвардейские архивы и документы, характеризующие участие Антанты в русской контр-революции. Журнал должен, по мысли редакции, стать необходимой базой для будущих историков пролетарской революции. Это его первая и главная задача. Он должен затем служить пособием для партийных лекторов, для студентов, для всякого, кому необходимы будут источники, без которых немыслимо изучение прошлого.

Мы видим, таким образом, что задачи в области исторического изучения революции поставлены себе журналом важности первостепенной. Нельзя, однако, сказать, что первая книга журнала богато составлена. Это объясняется, вероятно, тем обстоятельством, что разработка архивов началась только что, а перегруженность работой многих товарищей, продолжающих еще *делать* революцию, не позволяет им много писать о ней. Статейный материал журнала представлен интересной и ценной, хотя не новой работой Б. Эйдельмана «К истории возникновения Р. С. Д. Р. П.» Часть ее была напечатана в 1907 г. Другая часть, вызванная статьей Акимова-Махновца, была написана в 1908 г., но впервые публикуется только сейчас. Небольшая статья В. И. Невского «К вопросу о первом съезде Р. С. Д. Р. П.», сопровождаемая некоторыми документами, дополняет работу т. Эйдельмана и вносит несколько ценных фактических поправок в существовавшие ранее мнения о некоторых деталях съезда. Октябрьская революция представлена бюллетенями, рассылавшимися Центральным Комитетом большевиков с 29 октября по 5 — 10 ноября 1917 года. Весьма ценные материалы по истории контр-революции сообщены т. С. Пионтковским. Здесь мы имеем письма Авксентьева к с.-р. юга России, письма С. Сазонова председателю совета министров правительства Колчака Вологодскому и К. Набокова — Колчаку, письмо А. В. Карташева колчаковскому министру внутр. дел Пепеляеву. Правда, и эти документы не открывают нам каких-нибудь новых фактов и событий, но ими документально и точно устанавливаются тайные махинации контр-революционеров, денежная и иная зависимость их от Антанты — и активное участие этой последней в русской контр-революции. Очень любопытно письмо Авксентьева, роль которого в контр-революции нельзя

назвать трагичной только потому, что она была жалка. С.-р., видете ли, требовали от Антанты «помощи анти-большевистскому фронту», но при этом ставили непременным условием, чтобы Антанта, оказывая им эту помощь, дала еще, сверх золота и пушек, гарантию демократизации. Наивность, поистине, беспредельная. В результате — «ни в Америке, ни в Европе», печально констатирует Авксентьев, они демократии не нашли. «Наше стремление,—поясняет Авксентьев,—создать в пользу демократической России положительную программу действия, далекую и от большевизма и от реакции, могло иметь громадное влияние, если бы мы нашли широкую, сплоченную, сочувствующую нам социалистически-демократическую среду, которая поддержала бы нас и проводила бы наши планы. Таковой не нашлось. К глубокому своему горю, мы нашли здесь или большевиствующую демократию, для которой большевики суть товарищи, русская революция есть большевизм; или, правда, анти-большевистскую, но в то же время анти-социалистически и анти-демократически настроенную буржуазию. Для первых мы были реакционерами, ибо доказывали, что большевики разрушали и демократию и социализм и с ними надо бороться даже вооруженной рукой, а для других — полубольшевиками, ибо не лежали на животе перед Колчаком и говорили о демократии». В дальнейшем у него вырывается такое горькое признание: «Вы чувствуете, что вас здесь «используют». Вы говорите против большевиков, и оказываетесь в липких руках людей, которые хотят задушить не только большевизм, но и социализм». Следует заметить, что это горестное признание не мешало все же Авксентьеву и и его друзьям «говорить». И к «липким» рукам можно привыкнуть.

В письмах Сазонова и Набокова содержатся любопытные указания на обстоятельства, мешавшие Англии и Франции, несмотря на большую охоту, усилить военный натиск на Р. С. Ф. С. Р. Это, прежде всего, затруднения, которые правительства встречали в «оппозиционных и крайних левых кругах, осуждающих всякое вмешательство в русские дела» (письма относятся к маю — июню 1919 года). Руки Антанты уже в это время были связаны боязнью революционного движения своих рабочих.

Из остального материала упомянем краткие воспоминания Вл. Виленского (Сибирякова) «Октябрьские дни в Сибири», «На заре рабочего движения в Донбассе» А. Шестакова, «Воспоминания о партийной работе в Екатеринодаре» А. Н. Винокурова и отрывки из воспоминаний Н. А. Семашко. Имеется в журнале также подробная библиография. Таково в общем содержание первой книги «Пролетарской Революции». Нам остается сделать несколько замечаний общего свойства.

Материалы и документы, извлекаемые из архивов, необходимо снабжать примечаниями, которые облегчат пользование ими. Так, напр., в документах, сообщенных С. Пионтковским, встречаются имена, которые требуют пояснений. Указывая в заголовке «Письмо Набокова Колчаку», редакция не поясняет, какому именно Набокову письмо принадлежит. Не приводя инициалов имени и отчества, ограничиваясь одной лишь фамилией, редакция затруднит работу будущему историку, которому придется заняться специальным разысканием, какой именно Набоков писал Колчаку. Редакция же, имея дело с подлинниками, может это сделать без труда. То же самое приходится сказать о всех вообще именах, встречающихся в документах. Следует принять за правило, что опубликование материалов и документов обязательно должно сопровождаться пояснительными примечаниями.

Издан журнал плохо. Не сброшюрован. Это наша общая беда, хотя ни для кого не тайна, что и бичевка, и брошюровщики в наших типографиях имеются. Тайной является лишь причина, почему не брошируются именно издания Государственного Издательства. Книги частных издательств ходят на рынке всегда прекрасно сброшюрованными. А надо ли говорить, что несброшюрованная книга делается негодной для чтения страшно быстро, не исполняя и тысячной доли своего назначения.

Тираж в 5250 экз. непонятно мал. Удивительное дело: недавно еще негодные книги печатались в сотнях тысяч экзем-

пляров. Это была одна крайность. Теперь, перейдя в полосу «бережливости», мы впадаем в другую крайность и сокращаем тираж до смешного. «Былое», рассчитанное на меньший круг читателей, печатается 15.000, а «Пролетарская Революция», которая должна же дойти до передового рабочего —выходит всего в 5.000! Или, быть-может, эта цифра случайно преуменьшена? Тираж должен быть значительно увеличен.

Вяч. Полонский.

„БЫЛОЕ". № 16. 1921 г. Стр. 208.

Объемистая книга «Былого» далеко не стоит на той высоте, на которой стояли прежние книги «Былого». Все недостатки журнала, которые сказывались и раньше, но всегда покрывались интересными и ценными материалами, здесь, в этой книге, вышли наружу и бьют в глаза. Большой том—и так мало в нем исторически ценного. Как всегда — воспоминания. Самодовольно написанные мемуары И. М. Гревса имеют лишь минимальную историческую ценность. Так же невысока историческая ценность и талантливо написанного очерка И. Генкина: «Псковский централ» и «М. Гурович - Харьковцев» Л. Клейнборта. Простой погоней за громкими именами являются воспоминания о Перовской и Халтурине. Последние дают хоть несколько крупиц истории, а первые, кроме того, что Е. Н. Ковальская встречалась с С. Перовской, не говорят ни о чем. На этом бесцветном фоне воспоминаний приятно выделяются тепло и интересно написанные воспоминания О. В. Аптекмана о Г. В. Плеханове и М. А. Натансоне, в особенности о первом. Гвоздем номера являются, конечно, воспоминания *Утгофа* об Уфимском Государственном Совещании 1918 г. Сама тема имеет здесь острый исторический и политический интерес. Автор — непосредственный участник событий, но—читателя ждет жестокое разочарование. Утгоф очень скуп в своих воспоминаниях. По недостатку ли памяти, или по другим причинам, но автор лишь в последних страницах приподнимает завесу над тем, что происходило на Уфимском Гос. Сов. 1918 г. Вышедшая недавно книга Святицкого «К истории Всероссийского Учредительного Собрания» [1]) и напечатанное в первой книге журнала Истпарта письмо Авксентьева сильно оживляют и дополняют данные Утгофа, а главное, указывают, что воспоминания Утгофа написаны слишком осторожно.

Интересными и ценнымя документами, опубликованными в книге, являются: записка Я. В. Стефановича «Русская революционная эмиграция»; труд чиновника охр. отд. Статковского «С.-Петербургское Охранное отделение в 1895—1901 гг.». В последнем встречается много имен, упоминается много событий и совершенно отсутствуют хоть какие-нибудь примечания издателей «труда».

Статьи, включенные в номер, нового ничего не дают. Маленькая историческая справка проф. В. Святловского «К истории первого мая», связанная с личными воспоминаниями автора, интересна. Фактическим материалом для будущей биографии М. Горького является сообщение Б. Николаевского. Исследование П. Щеголева: «Из летописей Шлиссельбургской крепости», сообщающее о судьбах страдальцев царской темницы, хотя и полно драматизма, но каких - нибудь новых фактов, свидетельствующих о бесчеловечной жестокости, тупости и бессмысленности самодержавия—эта работа не дает.

С. Пионтковский.

---

[1]) См. отзыв В. Виленского в отделе «Гражданская война» наст. книги (стр. 174).

СОЦИОЛОГИЯ.

М. А. РЕЙСНЕР. Государство. Часть I. Идеология и метод. Изд. второе, дополненное и исправленное. Выпущено Социалист. Академией. М., 1918. Стр. 222 + LI.

Как видно из предисловия автора, настоящая книга, в основных своих чертах, была издана уже в 1911 г. и в новом издании снабжена лишь «надлежащим ученым аппаратом», при чем этот «ученый аппарат», состоящий, главным образом, из критических обзоров литературы предмета, удачно выделен из основного текста более мелким шрифтом и с удобством может быть опущен читателем, не гоняющимся за специфической «ученостью», составлявшей в прежнее время характерную и неизбежную принадлежность всякого истинно «профессорского» сочинения. Основной же текст читается с несомненным интересом, хотя к учению о государстве он имеет лишь самое отдаленное отношение и скорее мог бы быть назван «введением в социологию», О *«государстве, как идеологической организации общества»* (курсив наш. Б. Г.) говорит лишь обширное введение. Дальше же идут главы об «онтологии, деонтологии и телеологии» общественных наук, о «деонтологии мистической, эстетической и рациональной», о «методах поведения» («автоматизм, нормативизм и целесообразность») и лишь в самом конце о политической идеологии, ее формах и видах. «Автор все время сознательно держится в рамках психологии и идеологии. Если б не два-три попутных замечания мелким шрифтом, выражающих его сочувствие историческому материализму, мы бы во всей этой книге, изданной нашей социалистической академией, не нашли бы ни малейших признаков специфически марксистского подхода к такому предмету, как государство. Если сравнить эту работу Рейснера с известной книжкой Ленина о государстве и революции, то между ними окажется целая идейно-методологическая пропасть. Стоит, например, привести, кроме подчеркнутого нами заглавия в книге Рейснера «государство, как *идеологическая* организация общества», еще следующие места: «Для нас государство не Левиафан и не химера, мы можем изучать его только, как социально-психологическое явление, как идеологическую фантазму и организованное при ее содействии массовое поведение людей» (стр. XLVII, разрядка автора). Или на стр. 183: «излюбленные идеи монархии, аристократии и демократии»—это *«нормативные типы* политической техники, при помощи коих *политическая идеология воплощается* в организацию коллективной силы», при чем «форма правления» есть «результат социально-*идеологических* предпосылок» (курс. везде наш. Б. Г.) Достаточно противопоставить всем этим «идеологическим» определениям автора классическое место из Энгельса, цитируемое в книге Ленина, о том, что «общественная власть... состоит не только из вооруженных людей, но и из вещественных придатков, тюрем и принудительных «учреждений всякого рода», чтоб видеть, как непохоже государство в марксистском понимании на ту *«идеологическую* организацию общества», на ту «идеологическую фантазму», о которых говорит М. А. Рейснер.

Впрочем, возможно, что эта странная для марксиста и коммуниста терминология является лишь результатом той искусственности, с которой автор отделил идеологическое *отражение* государства и государственной власти *в головах* (впрочем, скорее в головах патентованных юристов, чем «черни непросвещенной», ибо для огромных масс государство—отнюдь не «фантазма», а вполне реальный факт, выражающийся именно в войске, тюрьмах, судах и т. п.)—от их *реальной сущности*, их классового содержания. Возможно, что об этой реальной сущности должны говорить следующие томы работы М. А. Рейснера. Пока же, повторяем, мы имеем лишь несомненно интересное, будящее мысль, хотя и не пахнущее марксизмом, социально-*психологическое* «введение в социологию», снабженное большим и подчас громоздким «научным аппаратом».

Б. Горев.

П. КРУГЛИКОВ. В поисках живого человека. Очерк I. Современная психология и ее сближение с науками о культуре и обществе. Казань. Государственное Издательство. 1921 г. I—VIII, 9—61.

Когда после великой французской революции настал т. н. органический период, т.-е. пришло время «организации» революционных завоеваний и самой неприкрытой реакции, то начался и всяческий пересмотр еще неостывшего тела социальной борьбы. Начало XIX века ознаменовалось и рождением новой науки—социологии. Как и всегда, научная мысль, бессильная предвидеть и предупредить события, с особенным вниманием останавливается на уже происшедшем, ищет объяснений случившегося и пробует сделать для себя выводы, полезные в будущем. В России, в частности, революция пробудила чрезвычайный интерес к наукам социальным, в особенности же к социологии. Здесь при этом нельзя не заметить одного чрезвычайно интересного явления: поскольку революция и руководствовалась и сейчас опирается на материалистические учения, экономизм и исторический материализм, постольку же «беспартийная» и «объективная» мысль ищет прибежища если не в идеалистически окрашенной социологии, то, по крайней мере, в психологии, в особенности же в психологии коллективной.

Надо кстати отметить, что научный марксизм (в отличие от вульгарного) никогда не был чужд коллективной психологии. И это относится не только к классическим трудам Маркса и Энгельса, где мы, начиная со «Святого семейства» и кончая «Капиталом», находим замечательный психологический анализ, ценность которого признана даже буржуазными учеными (см., напр., Кистяковский: «Социальные науки и право», стр. 167), но и в лучших творениях марксизма. В последнем случае достаточно сослаться на дореволюционного Каутского и марксиста-антрополога Л. Крживицкого. К сожалению, однако, до войны и революции наши «общественники» были весьма чужды не только экономизму, но и коллективно-психологическим исследованиям, более всего увлекались мистицизмом, догматизмом и т. д. Даже такой благонамеренный и в общем реакционный автор, как Петражицкий, не пользовался среди нашей интеллигенции достаточным влиянием. В значительной степени поэтому прав П. Кругликов, когда он упрекает, с одной стороны, обществоведов в игнорировании психологии, а с другой—психологов в полном нежелании исследовать общественного человека, в особенности же мотивы его поведения (стр. 25). Не менее прав наш автор и тогда, когда он указывает на исторические проявления «слабостей человеческого ума», на «злые страсти», на порчу и извращения здоровых инстинктов, на «дисгармонию человеческой природы», наконец, на трагические противоречия в области общественной целесообразности (стр. 34—38) по формуле: «вижу лучшее и одобряю его, а следую худшему (ср. мое «Государство», изд I). Общественная психология, несомненно, должна быть не только введена в состав общественных наук, но ей должно быть там отведено почетное место. Однако, мы весьма сомневаемся, чтобы путь, избранный автором, привел нас к желаемой цели.

Во-первых, автор не сумел даже сделать сколько-нибудь полного и систематического обзора современных попыток создания социальной психологии и внесения психологических методов в общественные науки. Вместо этого он ограничился несколькими случайно выбранными цитатами—не всегда из первых рук—и столь же случайными примерами, дабы нарисовать картину коллективного психологизма в современной науке. Психологически построенная социология осталась П. Кругликову совершенно неизвестной. Ни единым словом он не упоминает ни о Тарде, ни о Лестере Уорде, ни о Зиммеле, ни о Гиддингсе или Россе. Не говорим уже о работах, которые имеют непосредственное отношение к теме нашего автора, но, быть-может, не всегда доступны, подобно трудам Леви-Брюля и других. Даже такие замечательные и весьма доступные опыты, как теория права и государства в построении Петражицкого, остались неизвестными автору в то время, как он ссылается на одну из слабейших работ бывшего петербург-

ского профессора, а именно его «Биржевую игру».

Тот же метод изложения встречаем мы и дальше. Автор словно боится своей собственной мысли и опыта и неуклонно прячется за авторитеты. При чем в качестве последних у него фигурируют самые разнообразные величины в неизменно случайных и отрывочных цитатах. Здесь и Мак-Даугол, и Мечников, и Дюма, и Лазурский, и Виппер, и Бехтерев, и Гейманс, и Рыбников, и целая масса других, из которых аккуратно вылавливается та или иная цитата, которая должна с полной неопровержимостью доказать, что мы имеем дело не просто с некоторыми мыслями начитанного и интересующегося наукой человека, а настоящего цехового ученого, который у себя дома среди всех великих знаменитостей мира. На самом же деле это нагромождение цитат затемняет мысль автора и не дает ему возможности высказать на немногих страницах его книжки тех доводов и соображений, которые действительно могли бы убедить нас в правильности его заключений.

Подлинное же содержание его предложения сводится к тому, чтобы применить в обществоведении метод «историко-психологический» или «историко-антропологический», который должен положить в основу изучения «нервно-психическую природу человека, ее наследственные свойства, историческое проявление этих свойств в экономических, политических и культурных событиях и установлениях и изменение их в зависимости от функционирования и приспособления к условиям историко-географической среды». В другом месте автор особенно подчеркивает «изучение анатомо-физической природы» человека и признает особенно ценной для психологов, историков, этнологов и экономистов «помощь широко образованных [врачей-биологов». При их содействии и должна быть создана наука «исторической антропологии» (стр. 25, 26, 39). Нельзя, однако, и здесь не заметить одного чисто формального дефекта в изложении автора. Цитируя со свойственной ему щедростью самых разнообразных писателей, он забывает вспомнить наиболее близко стоящее к нему направление, которое, насколько можно судить, уже в значительной мере не только предвосхитило идеи автора, но и разрешило слишком многие из поставленных им вопросов. Мы говорим здесь не больше и не меньше, как о трудах «политико-антропологической» школы с ее подразделениями, о которых можно найти достаточно указания и у М. М. Ковалевского («Современные социологи») и у Барта («Социология, как философия истории»). Не открывает ли П. Кругликов второй раз уже открытой Америки?

Наконец, метод, которым предлагает пользоваться наш автор, внушает еще более сомнений. Это должен быть не больше и не меньше, как метод «биографический», который дает «массовую биографию» и притом как раз «главного героя всемирной истории», «среднего массового человека с его пассивной внушаемостью, недальновидностью, увлечением непосредственными, ближайшими, мелкими интересами, страстями и заботами дня». Именно относительно этого «героя» должны быть поставлены вопросы о том, «какими эти люди вышли из рук природы, как история делала этих людей, и как они, в свою очередь, делали историю» (стр. 54—59). Оставляя под знаком вопроса совершенно непостижимый метод «массовой биографии», мы и здесь должны отметить, что автор совершенно очевидно ломится в открытую дверь, так как социология издавна занимается указанными вопросами и посильно разрешает их. Не лучше ли прежде реформирования целого ряда наук несколько более подробно и внимательно ознакомиться с уже существующей литературой?

Автор обещает нам дальнейшие выпуски своего труда, которые выходят под гордым заголовком «Сборников Ассоциации для изучения Общественных Наук при высших учебных заведениях города Казани». Мы советуем автору не торопиться с этими выпусками. Пусть они немножко более созреют.

М. Д. Рейснер.

ФИЛОСОФИЯ.

Э. РАДЛОВ: Очерк истории русской философии. Петербург. Книгоизд. „Наука и школа". 1921 г. Изд. 2-ое, дополненное. 98 стр.

В предисловии ко 2-му изданию автор оговаривается, что ему было трудно избежать двух недостатков: или «останавливаться, главным образом, на характеристике различных направлений мысли, не указывая ближайшим образом материала, на основании которого делается характеристика», причем «легко произвести впечатление поверхностного, голословного утверждения»; или же, наоборот, превратить очерк истории философии «в простую библиографию». Автор надеется, что он избежал обоих недостатков, «держась средней линии». Но он ошибается. Уже при самом беглом просмотре «очерка» бросается в глаза его библиографичность. Целые десятки страниц заполнены почти одними лишь заглавиями книг, иногда без всякой характеристики. А там, где дается изложение философских взглядов какого-либо автора или школы, оно страдает (за немногими исключениями, о которых ниже) не только голословностью и поверхностностью утверждений, при всей их категоричности, но и прямыми ошибками и извращениями. Это относится особенно ко всем тем случаям, когда автор заговаривает о ненавистном ему материализме вообще и марксизме в частности.

Зато, наоборот, теми немногими исключениями, о которых мы упомянули, где автор пускается в подробности, являются все виды идеализма и религиозной философии: им уделено больше всего места в книжке, они, не исключая даже богословских сочинений XVIII века, одни лишь являются как бы полноправными гражданами философской республики. Все остальное—или досадные мелочи, о которых нужно упомянуть ради полноты, наскоро разделавшись с ними при помощи нескольких пренебрежительных замечаний, или—библиографический ученый балласт.

Так, особые главы посвящаются только *славянофилам* и *Соловьеву* с его школой. А с другой стороны, при всей библиографической полноте, представляющей достоинство книги, совершенно не упомянут Михайловский, как философ. Его имя встречается, если не ошибаемся, только раз, в главе «философия истории», рядом с Кареевым и Лавровым, хотя Михайловский, несомненно, и в общефилософских вопросах дал ряд оригинальных и интересных мыслей.

Наконец, у нашего автора нет, конечно, ни малейших попыток поставить развитие русской философской мысли в связь с развитием русской общественности, и у него все философские взгляды, системы и книги чередуются без всякой системы, без всякой внутренней закономерности.

А теперь, чтоб не казаться голословными, приведем несколько образчиков рассуждений автора о материализме и марксизме. Он ставит на одну доску в философии глубокого мыслителя Чернышевского с талантливым популяризатором Писаревым, при чем «идейное направление Чернышевского, Добролюбова и Писарева, т.-е. в философском отношении, не представляет большого интереса, и осмеянный ими Юркевич, противник материализма, без сомнения, более значителен и глубок» (19). Далее: «Материализм не долго господствовал у нас и сохранил некоторую силу лишь в представителях естествознания и у марксистов» (20). А вся наша революционная интеллигенция 70-х годов, шедшая за материалистом и воинствующим атеистом Бакуниным? О марксизме на стр. 27 говорится нечто совсем невразумительное: «Главная отличительная черта марксизма от всякой другой философии заключается в том, что он не желает быть только объяснением явлений, а хочет влиять и на самую природу (?), создавая (!) и направляя, напр., исторические явления». А «субъективная школа», которая именно свою философию считала действенной, а марксизм обвиняла в фатализме и квиетизме? «Гносеологию

марксисты заимствуют у Маха и Авенариуса» (стр. 28). Какие марксисты? Покойный Плеханов перевернулся бы в гробу, услышав такой вздор. А вот перл еще лучше (стр. 29): у Чернышевского «заключаются вообще все принципы марксистского материализма, а именно, утверждение, что *в человеке одна природа* (?! Курсив наш. Б. Г.), что добро есть польза и т. д.». Как все это напоминает рассуждения, блаженной памяти, преподавателей «закона божия» о дарвинизме, материализме и прочих ересях.

Осведомленность нашего автора в русском марксизме простирается так далеко, что «оруженосцем Плеханова» он считает некоего «*Аксельрода (ортодокса)*», очевидно, смешивая известного автора философских работ Любовь Исаковну Аксельрод с политическим теоретиком русского меньшевизма—П. Б. Аксельродом.

В конце книжки, высказывая правильную мысль, что вопросы *нравственности* больше всего занимали всегда русскую философию (чем и объясняется ее всеобщая вражда к марксизму, для которого нравственность не представляет ни самоцели, ни абсолюта), автор не может удержаться, чтоб не пролить слезу по поводу «тревожных признаков» в будущем развитии философской мысли в России, а именно «усиления отрицательного направления», т.-е «материалистических и прагматических (?) тенденций».

Нам кажется, сказанного вполне достаточно, чтоб видеть, как мало в «Очерке истории русской философии» Э. Радлова—именно *истории* и исторической объективности. Впрочем, как библиографический справочник, книжка может принести кой-какую пользу.

Б Горев.

Б. И. ГОРЕВ. Материализм — философия пролетариата. Госуд. Издательство. Москва, 1920 г. Стр. 70.

Небольшая книжечка Б. И. Горева, несмотря на свои недостатки, тем не менее, хотя бы отчасти заполняет тот пробел, какой существует у нас—отсутствие популярного учебника или руководства по историческому материализму,—учебника, из которого видно было бы, как связывается исторический материализм с обще-философскими положениями материализма.

Эту задачу взял на себя Б. И. Горев. Всякий понимает, что на 70 страницах очень трудно охватить огромный материал, касающийся и истории материализма, и изложения основ современного естествознания, и главных положений исторического материализма, и критики идеалистических учений.

И именно потому, что автор задался этой целью, книжка его страдает многими неточностями и погрешностями, объясняемыми, правда, по большей частью не злой волей автора.

К числу таких неточностей, например, относится утверждение на стр. 25, что «старые материалисты не задумывались над тем, как произошла и развилась жизнь на земле, как из простых и низших форм жизни получилось все разнообразие пестрого мира растений и животных».

А Дидро? Стоит только прочесть его «Основы философии», чтобы убедиться, как еще задолго до Дарвина вопросы о борьбе за существование, об изменении видов, о среде и наследственности были поставлены на обсуждение великим энциклопедистом.

Правда, эти вопросы тогда не могли быть разрешены так, как их разрешил Дарвин, но всему свое время, а ведь все же не только механической концепцией пытался разрешить их Дидро.

Не менее рискованно утверждение автора, что «философия явилась в результате бескорыстной потребности знания», тем более, что ведь, по мнению самого же т. Горева, «в потребностях практической пользы коренятся и зародыши современной науки» (стр. 6).

А что же такое философия? Разве для нее, для ее возникновения и развития нельзя, как и для остальной науки, найти тех же самых корней «практической пользы»?

Это, правда, трудно сделать особенно для времен, когда эта наука, в том числе и философия, возникала, но это сделать можно и должно.

Связь, напр., учения Демокрита с теми социальными пертурбациями, ка-

кие переживала Греция, несомненна и очевидна.

Ошибкой является и приписывание Горевым Гельвецию слов, этому автору, повидимому, не принадлежащих.

Горев приводит следующую цитату, приписывая ее Гельвецию: «Человек есть создание природы; он находится в природе; он подчинен ее законам; он не может от нее освободиться, хотя в мыслях выйти за ее пределы»...

Нам кажется, что эта фраза есть дословный перевод начала сочинения знаменитого материалиста Гольбаха «Sisteme de la Nature».

Вот это начало: L'homme est l'ouvrage de la nature, il existe dans la nature, il est soumis à ses loix, il ne peut s'en affran chir, il ne peut même par la pensée en sortir; s'est en vain que son esprit veut s'elancer au dela des bornes du monde visible, il est toujours forcé d'y rentrer».

Но эта и ряд подобных неточностей в общем и целом не могут все же затемнить той здоровой материалистической точки зрения, с которой автор трактует все вопросы и критически относится ко всяким идеалистическим построениям в роде эмпириомонизма.

Тем более странным нам кажется, зачем автор рекомендует такую книгу, как «Философия живого опыта».

Ведь тот круг читателей, на которых рассчитана книга Б. Горева, прочтя книгу Богданова, только свихнет свои мозги на идеалистический лад, а те, для кого понятны идеалистические основы богдановской философии, уже давно не нуждаются в таких книжечках, как книга т. Горева.

В общем и целом попытка Горева есть первая попытка дать популярный учебник, и если книга страдает неполнотой, неточностями и иногда уклонением от строго-научных формулировок в угоду популярности, то это объясняется исключительно трудностью трактуемых вопросов и небольшим размером самой книги.

В. И. Невский.

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ и М. О. ГЕРШЕНЗОН. Переписка из двух углов. „Алконост". Петербург, 1921 г. Стр. 62.

Эта книга возникла случайно. Как некогда, несколько итальянских юношей и девушек удалились во время чумы в уединение и стали рассказывать друг другу фантастические новеллы, так два русских писателя, забыв о революции и голоде, занялись беседами на выспренные темы в здравнице, где свела их судьба. В отличие от героев Декамерона, два друга решили обмениваться своими мыслями путем переписки, хотя жили в одной комнате. Переписка началась из-за того, что В. Иванову почудилось, будто М. О. Гершензон усомнился в личном бессмертии и в личном Боге. Хотя это оказалось недоразумением, тем не менее оба писателя нашли, о чем поспорить.

Если М. О. Гершензон и не усомнился в личном бессмертии, то его постигла другая немаловажная неприятность. Он почувствовал, в один прекрасный день, что его давят, как досадное бремя, как слишком тяжелая душная одежда, накопленные им знания. Ему захотелось «кинуться в Лету, чтобы бесследно смылась с души память о всех религиях, искусствах, поэзии, и выйти на берег нагим, легким и радостным, и вольно выпрямить и поднять к небу обнаженные руки, помня из прошлого только одно—как было тяжело и душно в тех одеждах и как легко без них». В. Иванов не одобрил этого культурного нигилизма. С этого и начался спор.

Переписка чрезвычайно поучительна для характеристики настроений известной части русской интеллигенции [1]). Вячеслава Иванова трудно вывести из счастливого состояния его эллинского оптимизма. Он прекрасно забронировал себя против всяких волнений и разочарований, связанных с борьбой за новые общественные отношения. Он решает все мучительные вопросы культуры по старине. Он устроился так, что самая эта культура мало его задевает. Человек, верующий в Бога, говорит он, ни за что не согласится признать свое ве-

---

[1]) См. на эту тему статью т. Мещерякова в наст. книге (стр. 33).

рование частью культуры. «Вера есть нечто культуре внеположное, самостоятельное, простое и первоначальное, непосредственно связующее его личность с бытием абсолютным». По мнению В. Иванова, без веры в Бога человечество не обретет утерянной свежести. Эта вера—особый вид наркотик, дающих забвение или уносящих подальше от нашей злобы дня. Стоит только выйти на дорогу, откуда начинается «лестница небесная», «нагорный путь»—и «сами собой передвинутся окружающие предметы, отдалятся голоса, раскинутся новые кругозоры».

Борьба за улучшение условий жизни представляется В. Иванову «преходящим строительством», и постоянные смены культур кажутся ему чем-то в роде бесплодного и бестолкового вращения в каком-то замкнутом круге. Каждый раз зачинать наново такое строительство—это значит разводить планиметрические чертежи и узоры, которых можно сколько угодно начертать на горизонтальной плоскости. Процесс нового делания культуры, начертания новых знаков на tabula rasa человеческой души, не может даже обеспечить человечеству на долгие времена обновленной свежести творчества, непосредственности мироощущения, возврата молодости. Чем-то отжившим звучат эти мысли в наше время, отмеченное бурным движением и строительским горением. Отходящий мир, сонный и чуждый, смотрит из этих строк, начертанных рукой, «благочестиво воскуряющей фимиам на алтаре Памяти матери Муз».

Гершензоновское возмущение против культуры более созвучно нашему времени. Он задыхается в душном воздухе старой культуры. Сознать, что ложью была эта культура,—уж значит подойти близко к сожигающему пламени революции. Уже не раз, в последнее время, чувствует Гершензон, что не настоящим делом занят был он долгие годы, и захотелось ему «свободы сознания и исканий, первоначальной свежести духа, неистоптанных дорог, неисхоженных троп». Чувствует он то, что чувствуем все мы, именно, что все так называемые надстройки из факторов, содействующих развитию производительных сил, стали факторами, задерживающими это развитие. Правда, Гершензон выражает эту мысль по-своему, в своеобразной форме. Он любит исходить от своих личных настроений, и ему трудно вставить себя в общие законы исторического развития. «Сделалось так,—говорит он, —что откровения истины, нисшедшие на отцов, превратились в мумии, в фетишей, и уже не вонзаются в душу, как благостно-разрушительный и плодотворный заряд, а заваливают ее сверху глыбами гранита и щебнем распавшихся идей... Я говорю: посвящения предков окаменели, превратились в тиранические ценности, которые, соблазняя и устрашая, приводят индивидуальный дух в безропстную, даже в добровольную покорность себе, или, окутывая его туманом, застилают взор... Что было живым и личным, в чем обращалась и пульсировала горячая кровь одного, то становится идеалом, требующим себе в жертву такое же живое и личное, каким оно само увидело свет».

Эти признания писателя, всю жизнь изучавшего русскую, по преимуществу усадебную старину, в высшей степени симптоматичны. Первый шаг сделан. Гершензон понял, что нет истинной красоты и первоначальной свежести духа там, где он их искал. Способен ли он сделать второй шаг? Способен ли понять, где истинная свобода сознания и исканий? Едва ли. Ему кажется, что чувство его неудовлетворенности «как некогда жжение и зуд в плечах у амфибий, когда впервые зарождались крылья». Но человек—не амфибия, и от Гершензона можно было бы требовать, чтобы он осознал природу этого зуда, определил пути для себя и для других, а вместе с тем и программу своих действий. Но Гершензон предпочитает веру—сознанию, и в этом отношении он ближе к Ивановскому успокоению, чем к планомерной борьбе, по пути которой идет революция. Он как-то думает, что кто-то другой за него отвоюет землю обетованную, и что ему, Гершензону, самому хлопотать не приходится. Существует такой «дух», который один знает, куда ведет нас и для чего мы стараемся, строим, работаем, воюем.

Мы-то, по простоте душевной, думаем, что отнимаем землю у помещиков для крестьян, только для того, чтобы людям

жилось лучше, чтобы общество поскорее пришло к более совершенной форме социальных отношений, а на деле оказывается не так. Это только самообман нашей воли. «Дух» имеет свои виды, и ничего мы в нашей собственной деятельности понять не можем. «Человек создает аэроплан, думая только о технической его полезности: буду быстро перелетать и посылать биржевые известия из Нью-Йорка в Чикаго; и не знает того, что дух побуждает его строить крылья вовсе не для земных его целей, а как раз для того, чтобы ему оторваться от земли и воспарить над ней». Сознанный замысел, по Гершензону, не обличает подлинной цели; дух ставит цель в себе и сообщает сознанию только направление первого шага, потом второго и дальше. Направление всего пути ведомо только духу; оттого сознание после каждого шага видит себя обманутым. Часто «дух властно и незаметно уклоняет шаги идущего—к своей мечте, уму неведомой».

Неудивительно поэтому, что и в революции ничего отчетливо разобрать нельзя; то, что мы сейчас в ней видим, «ничего не говорит о далеком расчете и замысле, с каким дух вызвал ее в жизнь». И сдается, что в новизне Гершензона старина слышится, и что его зуд и спокойствие Иванова сродни друг другу, и что оба они, вместо того, чтобы спорить, могли бы братски пожать друг другу руки. И сродство это в том, что и тот и другой чужды тревогам дня, и успокоенный Иванов, и мятежный Гершензон одинаково услаждаются в высоком парении. И ничто им не дорого, кроме права погружаться в отвлеченности и фантазии. Вера Иванова в Бога и вера Гершензона в «духа»—религии одного порядка, потому что и та, и другая освобождают их жрецов от непреложного долга наших дней—от обязанности активно участвовать в строительстве новой жизни. Есть что-то хрупкое и в гершензоновском увлечении русской стариной, и в его неожиданном устремлении к будущему, и в его очарованности, и в его разочарованности, как непрочен всякий импрессионизм, всякое индивидуальное устремление, не введенное в русло объективного исторического развития.

П. С. Коган.

НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ.

Б. Е. РАЙКОВ (редактор). Школьные экскурсии, их значение и организация. Сборник научно-педагогических статей под ред. Райкова. 2 изд. Гос. Изд. Петроград., 1921 г. Стр. 416.

Этот большой том представляет второе, значительно измененное, издание сборника, вышедшего еще в 1910 году. В свое время этот сборник был своего рода событием в школьно-педагогической литературе, поскольку он являлся чуть ли не первым начинанием экскурсионного дела в русской школе. Этим объясняется и оправдывается та любовность, с которою редактор сборника, проф. Райков, излагает в предисловии ко 2-му изданию всю историю его возникновения и переиздания, ибо, действительно, в истории экскурсионного дела в России этот сборник сыграл большую и почетную роль. Большим и весьма заметным явлением в нашей крайне бедной педагогической литературе необходимо признать и это 2-е издание. Тем не менее, за время, истекшее с момента 1-го издания, многое изменилось, как в общем положении и в условиях жизни, так и в состоянии экскурсионного дела. А вместе с тем во многих отношениях создается и новое отношение к этой коллективной работе, которая теперь, в современных условиях, вызывает у нас не мало сомнений.

Основную и наиболее ценную часть сборника составляет ряд научных статей, составленных выдающимися специалистами, и намечающих фактический материал и содержание экскурсий на определенные темы. В этом отношении на первое место следует поставить великолепно проработанную и весьма содержательную статью *Сукачева*: «Экскурсия на

торфяное болото», которая имеет значение основательной, почти что чисто научной работы. Весьма ценны также статьи *Морозова* («Экскурсия в лес и школьный музей леса»), повторяющая его прекрасную брошюру «Лес, как растительное сообщество» (в изд. Панафидиной), *Дубенского* («Экскурсии на дюны»), *Догеля* («Зоологическая экскурсия в Лигово»). Особый интерес представляют статьи *Кайгородова и Бланки*, посвященные вопросу об экскурсиях по птицам: этот тип экскурсий, к сожалению, весьма мало привившийся до сих пор, нашел в них удачных защитников, дающих и реальные факты и указания о способах проведения такого рода экскурсий.

Менее интересна другая статья *Сукачева* («Из весенней экскурсии в лес»), слишком краткая и дающая немного нового по сравнению с уже ранее имевшимися руководствами на эту тему, и статья *Юницкого* («Экскурсия в сосновый лес»).

Статья *Боча* о «Почвенных экскурсиях» содержательна, но академична и мало дает указаний о самом методе проведения этого нового для наших педагогов типа экскурсий.

Но в общем эта часть сборника, составленная по большей части выдающимися специалистами-учеными, составляет большую ценность и дает педагогу, а в равной мере и внешкольному работнику, богатый фактический материал и ряд полезных указаний, мыслей и толчков в их экскурсионной работе и не вызывает в общем никаких возражений.

Другое впечатление производят статьи более общего характера, освещающие значение и методы экскурсионного дела. Здесь, на ряду с прекрасной статьей *Эттли* (перевод с немецкого), богатой полезными методическими соображениями, ценными практическими указаниями и планами экскурсии, и статьей покойного профессора Половцева, посвященной общему вопросу о «Педагогическом значении экскурсий», мы имеем совершенно ненужную коллективную вводную статью *Райкова, Соколова и Тумима* на ту же тему,—излишнюю потому, что она в сущности повторяет то, что говорит в более яркой и выпуклой форме Половцев.

К этим трем статьям нужно еще прибавить две коротенькие статьи безвременно погибшего талантливого педагога и популяризатора *Мольденгауэра*. Обе эти статьи написаны с подъемом и с любовью к делу, но касаются частных вопросов: одна говорит о необходимости организации «экскурсионных станций для общения детей с природою», другая дает несколько общих указаний начинающим руководителям школьных ботанических экскурсий.

Наконец, очень удачна статья *Шпажинского* «К методике зоологических экскурсий». Ряд весьма ценных и близких к жизни указаний и советов, предлагаемых им, могут оказаться полезными далеко за пределами только зоологических экскурсий.

Но указанными статьями далеко не исчерпывается большой вопрос об общем значении и методах ведения экскурсий. Более того, многое в них и в общем характере и подборе этих статей нужно признать спорным и устаревшим.

Экскурсионный метод—метод новый и жизненный. Но именно потому, что он находится в состоянии разработки, в нем есть еще много неясного и спорного, что выражается в ряде противоречивых течений среди деятелей экскурсионного дела. Вопросы о соотносительной ценности иллюстративных и самодовлеющих экскурсий, об эвристическом, догматически-повествовательном или исследовательском методах ведения экскурсий; наконец, выбор между экскурсиями «тематического» или «случайного» характера—все это боевые вопросы, горячо обсуждаемые ныне в экскурсионных конференциях и кружках. Все эти современные искания *методов* экскурсионного дела совершенно или почти не нашли себе отражения в этом объемистом сборнике. Правда, во введении к деловой статье «Экскурсионный план средней школы» Райков высказывает положение: «Наиболее правильным представляется ставить ту или иную экскурсию непосредственно по завершении соответствующего отдела учебного курса». Но против такого положения можно очень и очень многое возразить, равно как и против другого положения, выставленного в коллективной вводной статье, что «Экскур-

сионный метод непригоден в качестве базы».

Я не принадлежу к числу крайних сторонников экскурсионного метода, которые стремятся все школьное преподавание 1 и 2 ступени построить на экскурсионном фундаменте: мне слышится здесь односторонность и фанатизм, которых следует опасаться серьезному педагогу. Но вместе с тем надо признать, что экскурсионному методу нужно предоставить значительно больше места и простора, чем это кажется авторам сборника, и что в 1 ступени *мыслимо и даже желательно целые отделы программы* проводить экскурсионным методом. Тем менее можно согласиться с утверждением *Райкова*, согласно которому рекомендуются только экскурсии по завершении программы, т.-е. иллюстративного типа, и которым, следовательно, недооцениваются экскурсии исследовательского типа, наиболее развивающие самодеятельность и инициативу учащихся.

Другим недостатком сборника следует признать и то, что он совершенно не ищет и не указывает связей экскурсионного метода с современной жизнью школы. Признаем, что трудовой школы в том виде, как ее пытались ввести три года назад, осуществить не удалось. Но ведь это не уничтожает ни ценности самого трудового принципа, ни того факта, что наша школа, выбитая событиями из старой колеи, ищет новых путей и новых начал строительства. В этом новом строе школы экскурсионный метод должен будет, несомненно, сыграть свою весьма значительную роль. Но в обсуждаемом сборнике ни одним словом не намечается эта связь и интерес к современной жизни.

Можно видеть в сухом академизме и пребывании авторов «вне времени и пространства» достоинство и ценность сборника. Мне же кажется, что это его большой недостаток, который не смогут не почувствовать все практические педагоги, ищущие именно *теперь* и в современных условиях руководящих указаний и советов.

Могут возразить, что нельзя требовать современности от повторного издания с книги 1910 г. Но это 2-ое издание вышло значительно дополненным новыми статьями. При этих условиях законно желать, чтобы сборник не повторял застывшие формы 1910 года, но и отозвался бы на новые голоса и на новые им же отчасти вызванные к жизни течения...

Третью группу статей сборника составляют статьи технического и организационного порядка. Сюда входят статьи: *Закса* о ведении и организации многодневных экскурсий (статья неясно и неправильно названа: «Ведение экскурсий»), *Васильева*: «Предметы снаряжения экскурсий» и отчасти малоценная статья *Бойко:* «Простейшая съемка на ученической экскурсии».

Наконец, четвертую и последнюю группу образуют статьи, посвященные экскурсиям гуманитарного характера. Среди них интересна большая статья *Соколова*: «О задачах гуманитарных экскурсий», а также статьи *Тумима* («По следам Петра Великого») и *Анциферова* («О литературных экскурсиях»).

Б. Завадовский.

ЛЕТНИЕ КОЛОНИИ. Сборник, составленный Отд. реформ. школы и Отд. Един. Шк. Н. К. П. Госуд. Изд. Москва, 1919 г. 160 стр.

Сборник представляет собой суммированный материал опыта московской летней школы и ее организации, а также указания руководителям, как проводить ту или иную работу в данной плоскости. Материалом для сборника послужили отчеты руководителей колоний, инструкторов, ревизионных комиссий и родителей. Оттеняя темные явления в жизни этих колоний: как отсутствие идейных интересов в педагогах, их набрежное отношение к детям, злоупотребления в отношении помещений (педагоги забирали себе лучшие комнаты), продуктов и т. д., составители сборника, к сожалению, не указывают имен негодных педагогов и места, где они оперировали. А между тем необходимо было бы фиксировать такие возмутительные явления из школьного строительства, чтобы подобные педагоги не нашли нового поля деятельности в других укромных уголках Советской Республики.

Обнажая пред нами внутреннюю организацию летней школы, сборник блещет

фразой, пафосом, ноне дает конкретных указаний, как бороться с явлениями, о которых мы говорили выше. Главы об участии детей в хозяйственной работе колонии освещены исчерпывающе, но что касается ведения сельского хозяйства, то сборник превращается в собрание бессистемных случайных сведений из агрономии. Лучше было бы ограничиться известными краткими указаниями, как обзавестись живым и мертвым инвентарем и победить могущие быть в этом отношении затруднения, приобщив к этому пособия для сельского хозяйства

Часть сборника, заключающая задачи культурно-образовательной работы, намечает широкое поле деятельности, как, в связи с ежедневными впечатлениями и окружающей обстановкой, заинтересовать детей явлениями природы в области химии, зоологии, ботаники, биологии и т. п. Достаточно освещена роль руководителя в сообщении детям понятий из обществоведения и истории. По математике также прекрасно намечено, что делать педагогу, откуда ему черпать материал, как сделать работу живой и интересной. Имея такие прекрасные планы работы, спрашивается, почему же в первой части сборника, где трактовалось, якобы, об опыте московской летней школы, не упоминается, что достигнуто в колониях педагогами при проведении этих планов в жизнь. Прилагаемые программы для чтения учителей и детей достаточно полны, хотя в отношении литературы для последних следовало воздержаться от сказок Гримма с добродетельными королями и королевами, а также от сочинения Вальтер-Скотта «Ричард Львиное сердце», если мы хотим воспитать детей в новом духе.

Сборник заканчивается собранием официальных инструкций по организации летней школы.

Н. Батурина.

KARL BUHLER. Abriss der geistigen Entwicklung des Kindes, Leipzig, 1919.
КАРЛ БЮЛЕР. Очерк духовного развития ребенка. Лейпциг, 1919.

В небольшой, но содержательной книжке Bühler'a, быстро выдержавшей в Германии 2 издания (1919 и 1921), затрогиваются основные вопросы психологии раннего детства и сравнительной психологии. Автор не рисует подробной картины развития душевных свойств ребенка, а дает только «абрис» этой картины, но абрис, сделанный умелой рукой. Внимание автора привлекает к себе, главным образом, вопрос о последовательных стадиях развития детской души, преимущественно ее интеллектуальной стороны,—вопрос, имеющий, естественно, не только биологический, но и огромный педагогический интерес. Очень поучительны приводимые наблюдения Bühler'a над игрой и творчеством шимпанзе и сравнение, иллюстрируемое прекрасно выполненным рисунком, между ранними стадиями развития детского интеллекта (10—12 месяцев) с умственным состоянием шимпанзе («возраст шимпанзе» по Bühler'у). Несколько страниц Bühler уделяет развитию речи и, несмотря на сжатость изложения, умеет и по этому вопросу высказать интересные мысли.

Книжка Бюлера с интересом и пользой будет прочитана всеми, кто рассматривает ребенка, как существо, заслуживающее глубокого изучения.

С. Аркин.

Д. ЭЛЬКИНА. Мы новый мир построим. Книга для чтения в школах взрослых. Госуд. Издат. Москва, 1919 г. 192 стр.

Литература для занятий в школах взрослых у нас крайне бедна. Дореволюционное время дало нам только хрестоматию Алчевской, а за четыре года революции вышла лишь одна, заслуживающая внимания, книга т. Элькиной. В предисловии составительница говорит, что все, что вошло в книгу, собиралось в процессе работы в течение десяти лет. И это чувствуется; книжка составлена вдумчиво, тщательно собирался материал, внимательно подобраны иллюстрации. Как плюс надо отметить, что все рассказы и стихи большой художественной ценности лучших русских и иностранных авторов. Иллюстрации доподлинно иллюстрируют текст и служат хорошим материалом для бесед и письменных работ.

Но в книге много недостатков. Прежде всего книга не приспособлена для самостоятельного чтения—стихи и статьи не расположены в определенной системе ни по темам, ни по размерам. Другой недостаток, более значительный—материал устарел: песня о рубашке, батрак, железная дорога, бразильская пальма и т. д.,—все это рисует мрачные, безотрадные картины. В то время, когда автор в условиях старого режима составлял хрестоматию, такой тон был уместен—проклятие подневольному труду! Но теперь—труд не проклятие, теперь нужно звать к творческому труду, рисовать картины светлого будущего. А этого в книге нет. И это определенный недостаток.

Т. Элькина подготовляет новую «Книгу для чтения», будем надеяться, что ей удастся внести в нее новое содержание, тем более, что нового материала имеется достаточно.

Вад. Смушков.

РАБОТНИКАМ КЛУБОВ. Практическое руководство под редакцией Д. Элькиной. Москва. Госуд. Издательство. 1921 г. 71 стр.

Книжка разбивается на ряд отделов, освещающих работу клуба с различных сторон—методической, организационной, прикладной. Книга должна служить пособием непосредственно клубным работникам, помогая им в повседневной практической деятельности. Как правильно отмечает т. Элькина в предисловии, все пособия по клубной работе страдают одним, но огромным дефектом: не дают практических указаний, а состоят из общих мест, трактующих о задачах, роли клубной работы и т. д. Этим дефектом книжка Элькиной не страдает: весь материал интересен и необходим для работника (инструкции, списки пьес, программы кружков, формы отчетности и проч.).

Но в этом материале не все равноценно и не все достаточно полно освещает вопрос. Во-первых, ничего не говорится о программах занятий кружков (перечислены только типы кружков), недостаточно разработан вопрос о цикловых и эпизодических лекциях. Есть ряд и грубых дефектов: в главе «Агитация за клуб» приведенные лозунги общи, нелепы и вдобавок безграмотны; приведем для примера:

Путь к творчеству мы открываем народу.
Клуб наш в пути *сем* [1]) звезда,
В нем будем ковать наше счастье
И братство святое труда.

Программа вечеров, посвященных истории революционного движения в России, плохо проработана и местами непонятна. Что составитель хотел сказать, примерно, когда он в программу вечера, озаглавленного «Первые русские социалисты», включает 4-й акт «Ревизора», Некрасовскую «Арину, мать солдатскую», и т. д. Или «Начало рабочего движения» иллюстрируется «Вишневым садом». Ничем не лучше и программа эпизодических вечеров: вечер памяти Энгельса включает в программу стихи Некрасова, а вечер «Первого мая» совсем абсурдно составлен — тут «Анчар» Пушкина, «В. Шибанов» Толстого, «Сакья Муни» Мережковского и еще два десятка номеров.

Следовало бы эти программы пересмотреть и изменить, не полагаясь на вкус составлявшего их, очевидно, актера-декламатора.

Вад. Смушков.

А. Г. КАЛАШНИКОВ. Наука и школа для труда. Москва, 1921 г. 76 стр.

В своей небольшой брошюре А. Г. Калашников пытается установить сущность новой школы, которая не должна плестись за временем, а итти рука об руку с социальными потребностями настоящего момента. Говоря об этом, автор справедливо отмечает: современное производство имеет основную тенденцию своего развития в направлении к возможно более глубокой индустриализации ее; индустриализм является залогом культуры будущего и основной предпосылкой прогресса общества в настоящем; индустриализм или политехника современного производства—*это есть общеобразовательная база* школы социалистического общества» (23 стр.). Отмечая

[1]) Курсив мой. *В. С.*

общие условия, необходимые для осуществления строительства новой школы, А. Г. Калашников первое место в этом строительстве отводит педагогу.

Если при старой системе роль учителя сводилась к умению передавать ученикам усвоенные заранее сведения, то новый педагог должен быть по существу самой школы «организатором школьного коллектива, руководителем групповых занятий и просто высоко знающим человеком» (24 стр.)

Задача педагога—быть руководителем школы, которая работает в тесной связи с жизнью, быть зачастую организатором школьного процесса в условиях подлинной действительности, новая школа требует от него практического знакомства со сторонами этой действительности, с тем или иным производством или видом труда.

Если прибавить к этому, что педагог, специализировавшийся в определенной области научного метода, должен будет работать в тех отраслях труда, где этот метод применяется по преимуществу, то мы в результате получим научно и практически подготовленного педагога-специалиста, который сумеет *не быть рабом книжной учебы* и в руках которого книга перестанет быть целью всей школьной работы, превратившись в могучее средство для достижения задач нашей школы» (27 стр.).

А. Г. Калашников, анализируя современные социальные условия и современное состояние производства, ближайшие тенденции его развития, и намечая приблизительное содержание и ближайшие типы школ будущего, во всей своей книжке подчеркивает, что педагог новой школы должен иметь определенное социально трудовое мировоззрение и, специализируясь в одной области, не должен замыкаться в узкой сфере своей специальности, а должен уметь установить связь с другими специалистами.

Книжку «Наука и школа для труда» можно с успехом рекомендовать всякому современному педагогу, предъявляющему к себе серьезное требование в строительстве новой школы.

Особенно полезна она тому, кто вместе с обывателем плачет о разрушенной старой школе, не трудясь дать себе отчета о задачах современности при строительстве новой школы. Но новых, оригинальных положений книжка не выдвигает, популяризуя и конкретизируя ряд уже известных истин.

С. Сарычев.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

А. М. ПЕШКОВСКИЙ. Русский синтаксис в научном освещении. Популярный очер к. Пособие для самообразования и школы. Издание 2. Государственное Издательство. Москва, 1920. IV+504.

Второе издание синтаксиса Пешковского последовало за первым через шесть лет без существенных изменений, и надо согласиться с автором, что «книга по стилю и складу своему не из тех, которые поддаются переработке, не теряя своих основных свойств». В этом виде книга не утратила значения для науки, потому что та стадия развития синтаксиса, которую представляет книга Пешковского, в науке еще не перейдена, не изжита. Об этом можно судить хотя бы потому, что до сих пор не вышло книги, которую можно было бы считать дальнейшим шагом по тому же пути. Вышедший в 1920 г. «Учебник синтаксиса русского языка» Василия Гиппиуса, тесно примыкает к книге Пешковского.

А. М. Пешковский взял на себя нелегкую задачу дать русский синтаксис в научном освещении в то время, когда еще в синтактической науке нет определенных и общепризнанных решений самых основных вопросов о предмете и методе синтаксиса. Автору необходимо было предварительно самому решить эти вопросы и затем дать их в популярном изложении. Трудности при выполнении этой задачи таковы, что было бы изумительно, если бы автору удалось преодолеть их до конца.

Вопрос о научной основе своего синтаксиса А. М. Пешковский решил таким образом: «мне пришлось приспособить систему Потебни (и тесно примыкающую к ней популяризацию Д. Н. Овсянико-Куликовского) к моим целям в таком направлении, чтобы она... не стояла в противоречии с усвоенными мной на университетской скамье основными положениями Фортунатовской школы... («Синтаксис в школе», Харьков, 1915). И, действительно, в основе самого синтаксиса (отдел второй и след.) лежит система Потебни и, главным образом, популяризация Овсянико-Куликовского. Но удалось ли автору согласовать эту систему с основными положениями Фортунатовской школы? Я думаю, что нет, и отсюда двойственность книги.

Взгляды Фортунатова нашли себе место больше всего в первом отделе, где излагаются предварительные сведения из общего языковедения и психологии. В этом отделе мы находим определение формы слова, согласное с Фортунатовским: «форма слова есть способность его распадаться по звукам и по значению на основу и формальную часть, при чем по звукам формальная часть может быть и отрицательной» (стр. 10). Согласно же с Фортунатовым сделана формальная классификация слов (гл. IV, Основные грамматические разряды слов; части речи), только жаль, что в основу этой классификации положены два основания (и формы словоизменения, и формы словообразования), а не одно (формы словоизменения). Это делает классификацию непоследовательной: глагол, существительное и прилагательное не соотносительны с причастием, наречием, деепричастием и инфинитивом. В VII гл. дается, по Фортунатову, определение грамматики («тот отдел языковедения, в котором изучаются формы языка»), морфологии («тот отдел грамматики, в котором изучаются формы отдельных слов, называется морфологией») и синтаксиса (*тот отдел грамматики, в котором изучаются формы сочетаний слов, называется синтаксисом*). Согласно с этим в следующей главе определяется основная задача книги: познакомившись с изменчивостью форм сочетаний в жизни языков, мы можем точно определить и задачу всякого описательного (не исторического) синтаксиса: описать, *какие формы сочетаний употребляются в данном языке в данную эпоху*. Но для нашей книги и эта задача слишком широка. Нам надо выдвинуть только *основные, важнейшие* формы современных литературных русских сочетаний» (стр. 106—107). К сожалению, автор не остается при этой формулировке в дальнейшем изложении. В IX гл. он дает сведения из психологии, в X понятие о предложении. В конце этой главы он дает «обще-психологическое или общелогическое определение предложения»: «*Предложение есть слово или сочетание слов, выражающее мысль*» (стр. 127), и новую формулировку задачи книги: «так как в дальнейшем мы будем заниматься почти исключительно *полными* предложениями, то основной вопрос книги представится, следовательно, в следующем виде: «*из каких форм слагается в настоящее время в русском языке полное предложение*? Вопрос этот можно формулировать и так: «*какими формами выражаются в русском языке психологическое подлежащее, психологическое сказуемое и соотношение меж у ними?*»

Вторая формулировка—полная противоположность первой. Первая исходит от формы (формы сочетаний слов) к значению, вторая—от значения к форме от психологических категорий к грамматическим. Здесь Пешковский покидает Фортунатовскую точку зрения и всецело стоит на точке зрения Потебни и Овсянико-Куликовского, которые в этом пункте близко подходят к традиционной точке зрения и разделяют все ее недостатки. Исходя из логического или психологического суждения, в предложении, как их выражении, можно всякий раз различить только две части: логическое или психологическое подлежащее и такое же сказуемое. Для определения т. наз. второстепенных членов необходим другой критерий. Кроме того, здесь неизбежны ошибки, т. к. психологические (или логические) и грамматические категории очень часто не совпадают. В подобную ошибку впадает автор с первых же строк второго отдела, где говорится (стр. 129): «Если психологическое подлежащее и психологическое сказуемое выражены каждое одним словом, то получается так

назыв. *нераспространенное* предложение. С внешней стороны сочетания этого рода определяются как *именительный падеж существительного и согласованный с ним глагол*». Однако, с внешней стороны эти сочетания могут быть и такими, как «поэт Пушкин», «хорошая погода», «большая птица» и т. п., а не только «нужда скачет», «восток белел» и т. п. (см. Фортунатов, курс 1899—1990 г., стр. 261). И вообще термины: *предложение, подлежащее и сказумое* содержат в себе указание на функцию и называть, напр., именительный падеж существительного подлежащим, значит, указывать, что он в данном случае выражает психологическое подлежащее. Но это не единственная функция именительного падежа—он может выражать и психологическое сказуемое, поэтому неправильно называть его только по одной его функции и почему-то в этой функции обозначать как грамматическое подлежащее. То же относится и к грамматическому сказуемому. Все эти противоречия отлично сознает Пешковский. Он даже изложил их в главе 37: «члены мысли и члены предложения». Там он говорит что, все неударяемое выражает психологическое подлежащее (стр. 424), и далее: «фактически в нашей речи психологическое сказуемое может выражаться любым членом ипредложения» (стр. 425). Вообще в этой главе основательно и убедительно критикуется вся шаткость построения синтаксиса на основе психологических категорий. Это же самое в свое время проделал Потебня по отношению к логической точке зрения, критикуя синтаксис Буслаева. В конце этой же главы Пешковский совершенно верно указывает педагогические затруднения, связанные с этой точкой зрения. Здесь опять сказывается уже отмеченная раньше двойственность книги. В предисловии ко 2 изданию мы находим по этому поводу интересное признание автора: основной план изложения отделов 2 и 3—отправление от психологического суждения, поскольку это возможно для двух основных членов грамматического предложения, и от тех случаев, где, по всей видимости, грамматическая и психологическая сторона [совпадают,—удержан, несмотря на возражения критики, во многом справедливые. Мне казалось, что нарушить его, это значит сломать всю книгу, методологический же дефект такого плана достаточно покрывается, как мне казалось, ясным указанием в 37 главе, где я прямо говорил и говорю: «*из педагогических* соображений мы должны были, конечно, на первых порах, подбирать такие примеры, где эти шаблоны имеют свое исконное значение, где они прикрывают собой первоначальное свое психологическое содержание; и другого пути в изложении синтаксиса, думается, не может быть». «Теперь я не считаю иного пути настолько же невозможным, как раньше. Но избранный мной путь представляется мне в популярной книге и при такой оговорке допустимым» (IV). Итак, возможен и иной путь—вот ценное убеждение, к которому пришел автор и которое заставляет ждать, что он станет на этот путь, тем более, что очень много указаний на него содержится в его же книге.

Однако, книга эта велика. В ней много материала, много ценных наблюдений (особенно обращаю внимание на интонацию). Она никогда не утратит значения, как одна из стадий развития русской синтактической науки, а также долго будет полезна такому преподавателю средней школы, который сумеет критически в ней разобраться. Конечно, для самих школьников она недоступна. Я не могу в краткой рецензии коснуться всего, достойного внимания или строгой критики. Удовольствуюсь основным, изложенным выше. Оно, по моему мнению, служит прекрасным мерилом ценности рецензируемой книги.

М. Петерсон.

ВАСИЛИЙ ГИППИУС. Учебник синтаксиса русского языка. Ильинцы. 1920 г. 72 стр.

Учебник В. Гиппиуса ясно изложен и вполне доступен для школы. Этим он выгодно отличается от синтаксисов Овсянико-Куликовского и Пешковского, несомненно послуживших автору основой для его работы. Особенно тесно примыкает книга Гиппиуса к «Русскому синтаксису в научном освещении» А. М. Пешковского. Так, например, в ней та-

кая же, как у Пешковского, классификация частей речи: глагол, инфинитив, существительное, прилагательное, причастие, наречие, деепричастие, несамостоятельные слова (см. Гиппиус, стр. 9, Пешковский, 2-е изд., стр. 43 и 84 слл.) Эта классификация неудовлетворительна тем, что сделана по двум основаниям: по формам словоизменения и формам словообразования. Другая черта сходства, которая особенно бросается в глаза, это «Обособленные группы слов» (обособленные дополнения, определения, обстоятельства...), заимствованные Гиппиусом у Пешковского (с Гипп., стр. 50-54, Пешковск., 2 изд., стр. 287 слл.) Однако автор не рабски следует своим предшественникам. Часто он проявляет самостоятельность, хотя не всегда удачно. Неудачно определение грамматики, как науки о законах языка (стр. 9). Оно слишком широко и совсем не отграничивает грамматики от других отделов языкознания. Лучше было бы остаться при определении Фортунатова, которое находим и у Пешковского (стр. 83): «тот отдел языковедения, в котором изучаются формы языка». Неудачна также, по моему мнению, замена термина «словосочетание» (у Фортунатова, а за ним у Пешковского) термином «грамматический ряд слов», который притом же определяется довольно тяжеловато и неясно: «Ряд слов, связанных в том порядке и в тех формах, как это нужно по законам языка, условимся называть грамматическим рядом слов», стр. 11). Оригинально определение предложения: «Грамматический ряд слов, в котором есть утверждение, будем называть предложением», и сказуемого: «Слово, в котором заключается утверждение, называется сказуемым» (стр. 13). Интересен также § 15—«Сказуемее *был—буду* с предикативными членами» и § 17 «Безглагольные предложения с предикативными членами». Но всего перечислять не буду.

Учебник Гиппиуса принадлежит к тому направлению, которое принято называть формальным. Однако, не предшественникам Гиппиуса, ни ему самому не удалось вполне стать на формальную точку зрения. Отсюда и у него неизбежные противоречия. Отмечу некоторые.

1. Синтаксис есть учение о соединении слов (стр. 9). Вопреки этому определению, на стр. 13 и сл. рассматриваются отдельные слова—«иду», «темнеет», т. к. они являются предложениями. Следовательно, синтаксис автор понимает, как учение о предложении. А это уже не формальная точка зрения: в термине «предложение» содержится указание на функцию, которую, действительно, могут иметь и отдельные слова и самые разнообразные словосочетания.

2. Близко к первому второе противоречие: «грамматический ряд слов, в котором есть утверждение, будем называть предложением» (стр. 11), а на стр, 13 оказывается, что «достаточно одного слова, чтобы получилось предложение, но этим словом непременно должно быть сказуемое»: «Пойдем», «Здравствуйте», «Иду», «Темнеет». Следовательно, предложением может быть не только ряд слов, но и отдельное слово.

3. «Слово, в котором заключается утверждение, называется сказуемым» (стр. 13). Слова утверждающие—глаголы, т. к. свойство глагола—утверждать. И, однако, как мы узнаем дальше, в некоторых случаях можно утверждать и без глагола, а значит, и без сказуемого (стр. 14). Эти и подобные противоречия, повторяю, неизбежны, пока в синтаксисе не будет строго и последовательно проводиться формальная точка зрения. Однако, в этих противоречиях нельзя винить автора: он сделал все возможное в пределах тех пособий, которыми располагал.

М. Петерсон.

БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЕ.

1. **Сборник** постановл. Центр. Библ. Комиссии, выпуск 1. Москва, 1921 г. 32 стр.—2. **В. А. Невский.** Библиотечный сборник. Кострома. Гос. Изд. 1921 г. 120 стр.—3. **Инструкция** библиотекарям. Выпуск 1. Изд. Донполитпросвет. Ростов-Дон, 1920 г. 78 стр.—4. **Работа передвижной библиотеки.** Витебск. Гос. Изд. 1921 г. 16 стр.—5. **Цикуленко.** Руководство для библ. Красной армии. Гос. Изд. 1921 г. 32 стр.— 6. **В. Невский и Е. Херсонская.** Культурная работа городских библиотек. Кострома. 1920 г. 58 стр.—7. **В. Невский.** Деревенский агитпункт, Кострома 1920 г. 33 стр. — 8. **Покровский.** Библиот. работа. Н. Новгород. 1921 г. 60 стр.

1. Литература по библиотековедению крайне бедна. За последнее время стоит остановиться только на нескольких книжках наиболее интересных. Прежде всего приходится отметить, что, главным образом, издаются пособия по технике, библиотечного дела, несмотря на то, что впереди большая работа по централизации библиотечной сети и, казалось бы, следовало уделить этому вопросу большее внимание. Но пока-что вышел только единственный сборник, включающий в себе постановления Центральной Библиотечной Комиссии и протоколы конференции по централизации. Сборник составлен удачно и должен быть настольной книгой для каждого практического работника. Из пособий по технике, изданных за последнее время, следует остановиться на книжке Цикуленко. В брошюре, за исключением первых страниц, посвященных направлению работы (обязанность библиотекаря, выбор книги), внимание уделяется технике. Подробно излагается запись в инвентаре, классификация, каталогизация, абонемент и пр. Приложены образцы карточек, бланков и пр. Не все является приемлемым в данной книге; систему абонемента принять трудно. Несмотря на недостатки, при бедности литературы по библиотечному делу, конечно, она может быть полезной для библиотекарей не только Красной армии.

2. «Инструкция библиотекарям» Донполитпросвета представляет собою также типичное руководство, по технике библиотечного дела. Руководство, подробно освещающее все вопросы техники, снабжено бесконечным количеством образцов карточек и бланков, но, к сожалению, не международного образца. Дана десятичная таблица классификации в брюссельском варианте (перевод Боднарского) с подробной статьей о преимуществах этого варианта. К сожалению, таблица не переработана применительно к требованиям современной жизни, а просто в нее внесена кое-какая отсебятина. Руководство ценности не имеет, так как ничего нового, за исключением вводной статьи, освещающей задачи библиотечного строительства и роль передвижной библиотеки, не содержит. Изложение трудное, годное для больших библиотек, таблиц классификации, однако, для последних не достаточно.

3. Гораздо более полезной книжкой является библиотечный сборник под редакцией Невского. Сборник затрогивает все стороны библиотечной работы, техники, внутренней работы библиотек и организационные вопросы. Статьи не все равноценны. Так, Инструкция по организации сети не может иметь практического значения; она противоречит основным положениям центра. Материалы по работе в детской библиотеке представляют собой переработанные конспекты лекций, читанных на курсах. Конспекты не обработаны, но в них имеется кое-что ценное: в работу детской библиотеки вносится элемент злободневности (старые специалисты по детскому чтению старательно удаляли детей от современной жизни, которая часто уродливо преломлялась в сознании ребенка). Херсонская рекомендует вводить работу с газетой, развивая, таким образом, ребенка, политически, но в то же время недостаточно критически относится к старой буржуазной литературе. В общем сборник интересный. Алфавитным указателем пользоваться в таком виде нельзя,

так как составлен он по десятичной классификации Дюи.

4. Маленькая брошюрка «Работа передвижной библиотеки»—первая ласточка в библиотечной литературе. До сих пор не было совершенно руководств по работе в передвижной библиотеке, да это и понятно, так как у нас передвижки не имели или имели очень небольшую практику. Сейчас же, с централизацией библиотечного дела, сеть передвижек получает очень широкое применение, поэтому появление подобной брошюрки больше чем своевременно. Брошюрка содержит в себе статью, разъясняющую значение передвижной библиотеки, которая дает возможность максимально использовать книгу и является могучим средством пропаганды книг и приближение ее к читателю-рабочему, не знающему дороги в библиотеку. Далее дается техника передвижной библиотеки, указывается, как расклассифицировать книги и т. д. К сожалению, система принятая автором, не брюссельская. Даются бланки записи и т. д., но ничего не говорится о внутренней работе передвижки; совсем не говорится о книжном составе передвижек (о разных типах передвижек), плохо выяснена организационная структура сети передвижек.

5. Книга Невского и Херсонской «Культурная работа городских библиотек»—первая попытка дать практическое руководство библиотекарям в их повседневной культурной работе. Библиотекари на умеют работать, так как на курсах им преподносят исключительно теоретически верные положения, а не учат их практической работе. Нужно разложить весь (политический и культурный) труд библиотекаря на ряд основных (элементарных) актов и проделать их самим с минимумом посторонней помощи. Опыт такой практической программы курсов и хотят дать составители. Книга содержит в себе 740 наиболее типичных (основных) библиотечных задач, распадается на несколько глав, по числу основных вопросов библиотечной работы. К сожалению, данные 740 задач не все однородны: библиотекарю предлагается подумать, чем могут быть полезны последние книги Павловича (для партийного работника, для работающего в области охраны труда, для члена профессионального союза, для служащего в Комиссариате Земледелия, для деятеля просвещения и т. д.), или составить список книг, по которым можно было бы узнать, как и под каким влиянием развивались личности и учения Л. Н. Толстого, К. Маркса. Ф. Ницше, Л. да-Винчи и Н. Ленина (указать в частности, что они читали). А сам тов. Невский знает, что читал да-Винчи? Или дается задача—определить разницу в понимании психического и физического в материалистической, энергетической, эмпирио-критической, эмпирио-монистической школах. Не думаем, что многие из наших библиотекарей осилят эту задачу! Можно было бы привести еще бесконечное количество подобных «удачных» задач, но и этого достаточно. Есть, конечно задачи удачные и выполнимые, но в общем книжка не столько помогает, сколько сбивает и путает, так как она не дает указаний, как эти задачи разрешить.

6. Брошюра Покровского «Библиотечная работа» представляет собою переработку первого издания брошюры того же названия. Она освещена новым материалом, снабжена интересным предисловием о значении внешкольной работы, о роли библиотек в ряду других внешкольных учреждений; в ней показана важная роль библиотеки и рассказывается, как должна библиотека работать: «Библиотека должна содействовать осуществлению социализма; должна вести 1) политическую работу, гражданское просвещение, 2) воспитательную работу; не только отвлеченно просвещать, но и практически воспитывать людей, активных работников, владеющих навыками общественности, способных на деле строить социализм, 3) практическую социально-экономическую работу, практическую помощь книгой работникам, на деле строющим социализм». Брошюра затрогивает все стороны библиотечной работы—касается и организационных вопросов, и методических. Все вопросы затронуты вскользь, вся брошюра носит характер конспективный, каждая глава—это тезис, нуждающийся в дальнейшем развитии. Несмотря на свою конспективность, она все-таки чрезвычайно полезна, так

как у нас нет другого пособия, посвященного социальной работе библиотек. Рекомендуемый подбор книг устарел, но в общем за недостатком литературы брошюра приемлема.

7. Книжка «Деревенский агитпункт» интересна, дает новый материал по организации губ-читален, но очень она теоретична: много лет пройдет, прежде чем мы сможем поставить избы-читальни так, как они рисуются т. Невским. А пока что следовало бы конкретно нарисовать перед практическими работниками, как и что они должны делать, чтобы избы-читальни дали крестьянам не только бумагу для папирос, но и кое-что другое

М. Смушкова.

«ПОЛИТРАБОТНИК»—журнал, Отдела Воен. Лит. при Р. В. С. Р. № 6—7. Таблица Брюссельской международной системы десятичной классификации книг.

Постановлением от 12 января текущего года Главполитпросвет признал необходимым перевод всех русских библиотек на международную систему десятичной классификации. Постановление весьма важное и ко многому обязывающее. А так как русская литература по вопросу о десятичной классификации книг крайне бедна («классическое» руководство Хавкиной—редкость библиографическая), а хорошо составленных, применительно к русским библиотекам, таблиц этой классификации и совсем почти нет,—Политическое Управление Р. В. С. Р. решило восполнить этот пробел и поместило в № 6—7 своего журнала «Политработник» (июнь 1921 г.) детальную таблицу «Брюссельской международной системы десятичной классификации книг».

Таблицы десятичной классификации составлены давно, брюссельские таблицы санкционированы Брюссельским Международным Библиографическим институтом для применения в *международном* масштабе, и, естественно, поэтому, что характеристика отделов, групп и подгрупп таблиц формулированы очень обще и, по возможности, исчерпывающе. Но книжное богатство мира непрерывно растет, возникают новые науки, старые дисциплины порождают новые разветвления,—и таблицы классификации постоянно и очень чутко должны реагировать на эти изменения,—кто-то должен своевременно дополнять, детализировать, либо видоизменять первоначальные основные таблицы. Эту задачу взял на себя выполнить упомянутый Международный Библиографический институт в Брюсселе.

Мы, русские, в отношении библиографической классификации очень отстали от своих западных и заокеанских соседей, годы войны и революции порвали связь между нами и Западной Европой,—и мы не знали, что нового и дельного дала за истекшие годы международная библиографическая работа. Зарубежная же библиография многого не знает из того, что творится у нас, в России. Такое положение обязывает нас отнестись к известным нам библиографическим таблицам в достаточной мере критически, но и очень осторожно: не следует забывать, что таблицы, с одной стороны, санкционированы в международном масштабе учреждением международного характера, а с другой—что кое-что наше, русское, современное, не вполне уложится в рамки известных нам таблиц классификации, и необходима соответствующая детализация этих таблиц.

Как согласовать эти два соображения? Выхода могло бы быть два: или поставить в Международном Библиографическом институте вопрос о желательной детализации таблиц, или издать в России старые таблицы с рядом комментариев и примечаний, применительно к нашей русской современности. Лица, поместившие в «Политработнике» свою таблицу, пользовались при составлении ее, к сожалению, несколько иным методом и пришли к результатам неожиданным и плачевным.

Прежде всего в таблицах, носящих название «Брюссельской *международной системы*», бросаются в глаза совсем не международные характеристики отдельных групп. Индекс 323.1, имеющий основную характеристику «Национальная политика», включает в себя и деятельность Наркомнаца; индекс 338 («Промышленность») включает и В. С. Н. Х.

Точно так же в группе «Право», «Центральное управление» и «Педагогика» имеются соответственно Наркомюст, Рабкрин и Наркомпрос. Составители таблиц задавались целью сделать последние более современными и допустили явную несообразность. Или приводимые таблицы—международные, и в таком случае частности, в роде В.С.Н.Х и В.Ч.К., должны быть помещены в виде *«русских примечаний»* к таблицам; или эти таблицы—*русские десятичные таблицы*, составленные *применительно* к таблицам брюссельским.

При более подробном рассмотрении таблиц—по отделам и группам—обнаруживается целый ряд несообразных и подчас необъяснимых частностей. Для удобства рассмотрения я расположу свои замечания по отделам—так, как они значатся в разбираемых «Брюссельских таблицах».

Общий отдел. Приведены лишь грубые деления, применительно к библиотекам среднего размера. Отсутствует индекс 025.4 «Библиографическая классификация».

Философия. Деление также грубое. Философские системы не выделены из общего отдела «Философия».

Религия. В этом отделе всего четыре группы: «Происхождение и история религии» (инд. 2), «Борьба науки с религией» (инд. 213), «Христианские религии» (28) и «Нехристианские религии» (29). Странным кажется, почему не допущены для удобства более дробные деления на мелкие группы. Неизвестно почему, выброшена группа 21—так называемая «Естественная религия», а также группа 27—«Общая история религии». Очень важно было бы иметь подразделения: 272—«История религиозных гонений» и 373—«История ересей». Группы 28 и 29, имеющиеся в таблицах «Политработника», очень желательно было бы также детализировать: христианство имеет очень много сект и разветвлений (католики, протестанты, униаты и пр.), а все нехристианские религии неудобно с чисто технической стороны тискать под один индекс, тем более, что ведь литература по отделу религий колоссальна и разнообразна, и изгонять ее из российских библиотек нет никакого смысла. Кстати, было бы очень желательно в библиотеках даже среднего размера иметь самостоятельные индексы для групп: «Церковь православная» (281.9) и «Раскол и секты православной церкви» (281.9.01),—литература по этим вопросам громадная, и для удобства классификации в работе в библиотеках выделить ее необходимо. В дальнейшем же разборе мы обнаружим что составители разбираемых таблиц, повидимому, преследовали какую-то определенную цель: некоторые отделы подчеркнуто урезаны, окургужены, а другие, напротив, распухли до мелочей.

Общественные знания. Этот отдел наиболее невыдержан и внесет в головы неискушенных библиотечных работников наибольшую путаницу. Из подотдела «Политика» совершенно изгнаны группы «Выборы» (324), «Колонизация, эмиграция, иммиграция» (325), «Рабство, эмансипация» (326) и «Парламенты» (328),—как будто из истории можно изгнать все это так же просто, как и из красноармейских библиотечек. Группа под индексом 329 («Политические партии») вызывает крайнее недоумение; в ней значится пометка «кроме социалистических и коммунистических», которые в разбираемых таблицах отнесены почему-то к индексу 335 («Социализм»), тогда как в эту группу должны входить сочинения, трактующие лишь теорию социализма, а для партий социалистических в отвергнутой группе 329 имеется в русских таблицах (Боднарского) точный индекс 329.14. Проще было бы составителям выделить именно этот индекс, обойдя дробные индексы, под которыми в таблицах того же Боднарского сидят либералы, консерваторы и прочие.

Все подразделения в группе о социализме (335), надо полагать, отечественного происхождения и, повидимому, «немеждународны». Это следовало бы оговорить, и с оговоркой эти подразделения были бы приемлемы,—но совершенно неприемлем индекс 335.5 к., ибо вводит совершенно новое, чуждое международной классификации, *буквенное обозначение.* По существу должны быть или буквы, или цифры,—иначе неизбежна путаница, тем более странно вводить в международную систему букву

русского алфавита (к). Под упомянутым индексом значится: «Комсомол, Коммунизм, III Интернационал, Р.К.П. и пр.». Под тем же индексом, но без буквенного дополнения, значится: «Марксизм, социал-демократия, I и II Интернационал». Надо признать, что составители таблиц, желая (вполне основательно и резонно) выделить «Коммунизм» от предшествовавшего ему «Марксистского социализма», нашли для этого неудачный выход.

Индекс 337 («Протекционизм и свобода торговли». «Фритредерство, таможенные тарифы») совершенно отсутствует. В группу под индексом 338 («Промышленность») по недоразумению внесены подразделения: организация труда, система Тейлора, трудповинность, субботники, кодекс о труде, производственная пропаганда и пр. Все это по прямому смыслу должно быть отнесено к «рабочему вопросу» (331). Группа 339 («Распределение продуктов производства») детализирована очень курьезно: тотчас же после выписанной в скобках формулировки значится: «Распределение продуктов производства в Советской России. Карточная система. Натурализация заработной платы. Продовольственная политика Советской власти. Деятельность Наркомпрода». Как будто мировая литература по вопросу о распределении продуктов исчерпывается этим перечислением! В группе «Право» (34) отсутствует «Гражданское право» (347) и «Церковное право» (348).

Подотдел «Управление» (38) дословно формулирован в таблицах так: «Центральное и местное управление В.Ц.И.К. Съезды Советов. Совнарком. Городские, уездные и прочие советы. Ревком. Деятельность Наркомвнудела. В. Ч. К. Рабкрин». И все. Весь мир оставлен за флангом, со всеми его разнообразными формами центрального и местного управления и административного права. В подотделе «Воспитание и образование» 37) напрасно не выделены группы (376): «Женское образование» и (379) «Вмешательство государства в дело образования». (Подотдел «Торговля, сношения, транспорт» (38) скомкан в два обозначения, тогда как следовало бы отделить группу «Торговля» от групп «Почта», «Телеграф», «Телефон» и «Пути сообщения». Из подотдела (39) («Обычаи, фольклор») составителями взята лишь одна группа «Женский вопрос» (396) и обойдены крупнейшие области: «Одежда, уборы, моды, прически, украшения» (391), «Рождения, крестины, семейная и домашняя жизнь, брачные обычаи и пр.» (392), «Смерть, похоронные обычаи» (393), «Общественные зрелища, рыцарские обычаи, турниры, дуэль» (394), «Фольклор» (398). «Обычаи войны» (399). Литература по всем перечисленным вопросам в таблицах «Политработника» не имеет совсем никакого индекса.

Языкознание. С отделом филологии в таблицах совсем неблагополучно. Отдел в таблицах подразделен всего на две группы: 4—языкознание вообще и 491.7—филология русская. Филологии остальных, существующих в мире, языков отсутствуют. Как известно, индексы отдельных филологий образуются путем прибавления к основному индексу отдела (4) условного обозначения из вспомогательной таблички «Обших определителей языка» (таким путем образован индекс русской филологии 491.7: русский язык 917); нигде в таблицах «Политработника» этой таблички я не нашел, хотя другие вспомогательные таблички (определители формы, места, времени и др.) там имеются. Напрасно не выделен индекс международного языка (408.9) и специально Эсперанто (408.92).

Точные науки. Отсутствует индекс группы «Геодезия и межевание». Соответствующие дисциплины—по таблицам—относятся к астрономии. Подотдел физики не детализирован, из подотдела химии (54) не выделены кристаллография (548) и минералогия (549). Точно так же из подотдела геологии (55) не выделены метеорология и климатология (551.5).

Прикладные науки. Из общего подотдела медицины (61) не выделены анатомия (611), физиология (612), терапия (616) и хирургия (617). Следовало бы выделить и зубоврачевание (617.6). Если в подотделе инженерного искусства (62) выделена электротехника, то следовало бы выделить также и паровые машины (621.1) и гидравлические и газовые двигатели (621.2 и 621.4). Под индексом 629

в таблице значится: «автомобили, аэропланы и пр.», тогда как в эту группу входит более десятка разного рода областей; аэронавтике следовало дать специальный индекс (629.13). Отсутствуют группы: железнодорожная техника (625), каналы—судоходство, орошение (626), гидротехника (627), водоснабжение, санитарная техника (628).

Очень полно приведен отдел агрономии. Почему-то отсутствуют рыбоводство и рыболовство (639). Подотдел «Домашнее хозяйство» не подразделен совсем и значится только под одним голым индексом 64. Между тем, в этом подотделе необходимо иметь целый ряд важных подразделений-групп: кулинария (641), хлебопекарное и кондитерское дело (642), освещение и отопление (644), меблировка (645), уход за больными (649). Подотдел «Средства сношения» приведен очень неполно и небрежно; помечены группы: телеграфия и телефония (654), книжное и типографское дело (655) и счетоводство (657), нет техники письма (пишущие машинки, множители)—(652), стенографии (653), коммерческих знаний (658) и целой большой группы с многочисленными подразделениями — техники транспортного дела (656). Подотделы: 67—фабрично-заводское производство, 68—ремесленное и кустарное производство и 69—строительное дело—совершенно не детализировано. В последнем подотделе не упомянуто, что в него включается техника судостроения и корабельная архитектура.

Изящные искусства. Пропущен индекс музейного дела (708); жаль, что отсутствует специальный индекс группы «Художественная репродукция, иконография» (704). Все подотделы этого сложного и пестрого отдела в таблицах совсем не разработаны, помечены лишь голые индексы подотделов (живопись, скульптура, музыка) без необходимых делений на группы. Между тем в подотделе архитектура (72) имеются такие области, как, например, древняя, средневековая, новая архитектура (722, 723 и 724), русская архитектура (723.2); в группе гражданской архитектуры: постройка городов, поселений, курортов (725.09), вокзалы (725.031), промышленная архитектура (725.4), больницы и приюты (725.5), тюрьмы (725.6), бани (725.7), здания для отдыха, игр и развлечений (725.8). Наконец, такие важные группы, как постройка зданий научно-образовательного характера (школы, университеты, музеи, библиотеки)—индекс 727 и постройка жилых зданий (728). Точно так же в подотделе скульптуры (73) нельзя не отделить техники скульптуры от ее истории и не выделить таких групп, как керамиковое искусство (738) и художественные изделия из металла (739). В подотделе рисования и декоративного искусства (74) техника искусства не отделена от художественной промышленности (745, 748, 749). В подотделе «Спорт, игры, развлечения» (достаточно полно представленном) забыт гребной спорт и воздухоплавание (797) и конский спорт (798); обижена также охота и спортивная стрельба (799).

Литература. В художественной литературе в таблицах повезло менее всего и в особенности—литературе русской. Весь отдел занимает в таблицах очень небольшое место, и тем не менее, сможет внести столько путаницы в работу не искушенного в десятичной классификации библиотекаря, что он или бросит мысль о возможности классификации, или настолько запутает классификационную работу, что потом в ней трудно будет постороннему человеку разобраться. Отдел начинается с индекса 8—«Беллетристика русская и иностранная». Через несколько строк значится: 8—«Иностранная беллетристика» (!). Еще несколькими строками ниже: 89—«Русская беллетристика и народная словесность» (!!). Через несколько строк: 89—«Прочие литературы, кроме русской и славянской». И, наконец, в конце отдела: 891.7—«Русская беллетристика, сюда же и украинская». В том же отделе упоминается и об условном обозначении истории литературы: 809—«История литературы и народной словесности». Несколько ниже: 8 (09)—«История всеобщей литературы». Еще ниже: 809—«История русской литературы и народной словесности». В конце отдела: 891.7 (09)—«История русской литературы». Чем объяснить подобную неразбериху—не знаю. Повидимому, здесь совмещены три редакции. Если непосредственная вина

напечатания всех их лежит на типографии, то не освобождаются от нее все-таки составители или редакторы таблиц: нельзя же выпускать ответственное руководство для всех библиотек Р. С. Ф. С. Р., предварительно тщательно не проверив его после напечатания: десятичная классификация—как логарифмы: допустив маленькую ошибку в одном месте, придется исправлять ее на всем протяжении классификационной работы. И еще маленькие недочеты таблицы: пропущены индексы литератур: румынской (859) и португальской (869).

История. Этот отдел характеризуется с отрицательной стороны—пропуском целого ряда групп и соответствующих им индексов. Почему-то нет истории Испании—9 (46) и Португалии—9 (469); Финляндия отнесена к индексу Россия—9 (47), хотя это слишком неточно, так как в настоящее время между Россией и Финляндией нет той связи, которая существовала при царизме, а для истории Финляндии и в то время существовал свой собственный индекс—9 (471). Забыты истории целого ряда государств: скандинавских, балканских, Турции, Бельгии, Швейцарии, Румынии и др. Забыта целая Африка. Упомянута Северная Америка (нет отдельных индексов для Соединенных Штатов, Мексики и Канады), но отсутствует Южная Америка, точно так же, как Океания со входящей в нее Австралией. Трудно объяснить подобное несправедливое отношение составителей таблиц к целому ряду стран и государств. Правда, в конце отдела имеется такое примечание: «сочинения по истории стран, индексы которых здесь не указаны, следует относить под индексом 9». Но такая оговорка факта не объяснит и делу не поможет.

География. Здесь, как и в отделе истории, отсутствуют индексы Испании, Португалии, Финляндии, Польши, Скандинавских и Балканских государств, Турции и др. Нет также Индии—91 (54), Индо-Китая — 91 (59), Палестины — 91 (569); забыта Сибирь, имеющая самостоятельный индекс—91 (57). Австралию следовало выделить из общего индекса Океании, так как у нее имеется свой индекс—91 (94). Неправильно указан индекс полярных стран—91 (99): на самом деле это индекс только Южно-Полярных стран; Северные полярные страны индексируются 91 (98).

Вспомогательная таблица «Определители места» также страдает целым рядом пропусков и несообразностей. Нет Англии (42). Под индексом (438) значится: «Австро-Венгрия, Польша». В действительности этот индекс обозначает лишь Польшу (до раздела); Австро-Венгрия индексируется (436). Нет России (1). Под ее индексом значится Финляндия (!!). Скандинавские государства скупо объединены общим индексом (48); соседний индекс (49) включает в себя все государства, лишенные «исторического индекса». Из азиатских стран и государств индексированы лишь Япония, Китай и Сибирь (Индия опять забыта). В Северной Америке забыта Мексика. Обширная Океания с Австралией, Полинезией, бесчисленными островами и полярными странами исчезла совсем.

Таковы результаты попытки «Политработника» приспособить международную библиографическую классификацию к русской современности.

Еще одно замечание: к напечатанным в «Политработнике» таблицам не предпослано никакого вступительного объяснения—что это за классификация, для чего она, каковы ее принципы, как технически ею пользоваться. Без такого объяснения таблицы окажутся логарифмами для человека, незнакомого с алгеброй,—а ведь, из наших русских библиотечных работников мало кто знаком с десятичной классификацией, особенно в уездах и волостях.

Д. Сигорский.

СБОРНИК ПОСТАНОВЛЕНИЙ И РАСПОРЯЖЕНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ КОМИССИИ (Главполитпросвет) В. 1-й под редакцией М. А. Смушковой М. 1921 г. Гос. Издат. 46 страниц.

Библиотечное дело—одно из темных, не ясных мест в просветительной работе Главполитпросвета. Занимая центральное место в т. наз. внешкольной области народного образования, оно в последние годы как будто «выпало из сметы» и

забыто. Нет ни курсов библиотековедения, ни специальных школ, ни съездов, молчит о них общая пресса, нет и специальной литературы.

Какой-то туман, сумерки, «вечный покой» окутали сонное бытие русских библиотек.

Такое, впечатление получается, глядя на библиотечное дело со стороны. Но, может-быть, оно ошибочное, может-быть, это не та «вековая тишина», о которой с грустью говорил поэт, а покой напряженного труда, безмолвие сосредоточенной работы.

Сомнения эти нам поможет разрешить только что вышедший «Сборник постановлений и распоряжений Ц. Б. К.».

Судя по заглавию и «введению» редактора, эта неряшливо изданная брошюра является квинт-эссенцией работы центрального органа, направляющего всю библиотечную политику республики. В ней помещены: декрет Совнаркома о централизации библиотечного дела (4/XI 920). Положение о центральной библиотечной комиссии, 13 постановлений и 6 циркуляров ее и материалы совещания заведующих губ. библиотечными секциями.

К этим официальным документам предпослано «введение» редактора «сборника», занимающее полстраницы, где он говорит: «Комиссия, учрежденная по декрету С. Н. К. от 4/XI 1920 г., начала свою работу с 5/XII. Перед ней прежде всего встала задача *определить формы*, в которых должна была вылиться единая библиотечная сеть, разрешить организационные вопросы. Эту прямую свою задачу Ц. Б. К. выполнила. Результатом этого выполнения и явились публикуемые «Постановления и распоряжения».

Если до чтения «Сборника» казалось, что библиотечное строительство за последние годы погружено в туман и анемию, то по прочтении его этот туман еще более сгущается и усиливается ядовитыми испарениями дилетантизма, «законодательного пустословия» и жуткого упрощения сложных проблем библиотековедения.

В самом деле, в «введении» редактор (он же председатель Ц. Б. К.) говорит, что первая задача Ц. Б. К. «определить формы, в которые должна вылиться единая библиотечная сеть», и ни в одном постановлении этим формам не уделено серьезного внимания. Кое-где мелькают категорические понуждения следовать установленным *типам* библиотек, а самих этих типов (исключая специальных библиотек, мельком набросанных в постановлениях 2—5) нигде в постановлениях нет.

Содержание постановлений изображает в авторах их весьма скромное знакомство с теорией и практикой библиотечного дела. Примером тому служит хотя бы такой курьезный факт, являющийся рекордом бюрократических измышлений. Речь идет об определении новой библиотечной сети, о типе библиотеки и подходящих книг для него.

«В случае спорного вопроса о том,— говорится в примечании к 7 пункту 21 постановления,—должна ли принадлежать *данная* книга данному типу библиотеки, вопрос решается междуведомственным совещанием (входят представители заинтересованных ведомств (стр. 14) Парткома, Губпрофсовета, Губполитпросвета, школьного отдела Наробраза, научных библиотек, дорполита и подива (стр. 7); при разногласии вопрос решается Ц. Б. К.».

Эту неуклюжую тираду приходится понимать так, что никчемный вопрос—к какому типу библиотеки принадлежит *данная* книга (скажем, разбираемый «сборник»), занимает внимание не только местного междуведомственного совещания (в него входят представители Парткома, Губпрофсовета, Губполитпросвета, школьного отдела Наробраза, научных библиотек, дорполита, подива и заинтересованных ведомств), но еще, при разногласии, восходит и до всероссийской Ц. Б. К.

Не менее курьезными по своей запутанности являются и тезисы к докладам тов. Смушковой и Рубинштейна, читанным на совещании заведующих Губ. Библ. Секциями.

Т. Рубинштейн, например, утверждает такой тезис: «Библиотека—живой организм, нуждающийся в книгах». Ведь это равносильно: «вода — мокра», «огонь жжется». Стоит ли для такой «мудрости» созывать всероссийские совещания?

Эти случайно выхваченные курьезы (а их вдоволь на каждой странице, в каждом постановлении) определенно говорят, что «сборник» бессилен рассеять наши сомнения, он может лишь усилить их или просто нагнать тоску.

Проредактирован он неряшливо. Постановления датированы произвольно (№ 5—28/IV, а 6—от 21 /I, 7—20/I, 15—от 28/IV, а 13—от 11/V и т. д.).

В «сборник» не попали такие важные постановления Ц. Б. К., как о десятичной классификации, об изъятии из библиотек книг противокоммунистического характера и др.

Г. И. Поршнев.

НАУКИ О ПРИРОДЕ.

A. EINSTEIN. Ueber die Spezielle und die Allgemeine Relativitätstheorie (gemeinverständlich). Zwölfte Auflage (51—55 Tausend) Vieweg. 1913.

А. ЭЙНШТЕЙН. Специальная и всеобщая теория относительности (общедоступное изложение). 12 издание (51—55 тысяча) 915 стр.

Небольшая книжка Эйнштейна представляет собой безусловно лучшее популярное изложение принципа относительности. Общедоступной в широком смысле слова, однако, ее назвать нельзя: она требует от читателя знания геометрии и алгебры в объеме курса средней школы. К числу исключительных достоинств книги нужно отнести выдержанную объективность изложения. Автор *нигде не скрывает от читателя возможности других объяснений помимо его теории*, в противоположность тому, как это теперь принято делать не в меру ревностными сторонниками нового учения. Почти все изложение ведется на примере поезда, идущего вдоль платформы, и на рассуждениях о том, как воспринимаются физические явления наблюдателями, находящимися в поезде и на платформе. Крайне любопытно вскользь сделанное замечание на стр. 12, что для простоты рассуждений *удобнее* в примере с поездом не считаться с воздухом, предполагать, что его вообще нет! Эта уловка очень удобна для того, чтобы читатель не напал на мысль об эфире, говорить о котором в принципе относительности не полагается, а объяснить—почему?—в элементарном изложении не так-то легко. Впрочем, надо заметить, что в последнее время Эйнштейн склоняется к мысли, что теория эфира и принцип относительности совместимы друг с другом (речь в Лейдене 5 мая 1920 года). Во всяком случае, книжку Эйнштейна можно рекомендовать всякому вдумчивому читателю, желающему познакомиться с этим новым учением из первых рук. Хорошо было бы, конечно, дополнить чтение этой книги чтением остроумных возражений, сделанных Ленаром (О принципе относительности, эфире и тяготении. Ф. Ленар, Лейпциг. 1921 г.). Книгу Эйнштейна безусловно необходимо перевести на русский язык.

Д. Тимирязев.

P. LENARD. Ueber Relativitätsprincip, Aether, Gravitation. Dritte Auflage. Leipzig Hirzel, 44. 1921.

Ф. ЛЕНАР. О принципе относительности, эфире и тяготении. Третье издание. Лейпциг. Гирцель 44 стр. 1921.

Брошюра Ленара написана крайне простым, доступным и ясным языком и содержит в себе весьма сильную и остроумную критику принципа относительности Эйнштейна. Возражения сформулированы крайне просто и вполне понятно для широких кругов читателей. В конце книги дается очень интересный отчет о споре, происходившем по поводу выдвинутых в книге возражений на съезде естествоиспытателей в Наугейме.

К числу недостатков следует отнести слишком сжатое изложение взглядов на эфир самого автора, сопровождаемое частыми ссылками на предшествующие его труды.

Эта часть, правда, очень небольшая (5 стр. из 44), читателю, незнакомому с теми работами, на которые ссылается автор, даст очень мало. В остальной же части брошюра читается легко, с большим захватывающим интересом, благодаря массе остроумных критических замечаний и умелому, вполне заслуженному, вышучиванию некоторых зарвавшихся поклонников Эйнштейна.

Книгу необходимо перевести на русский язык, как здоровый противовес к тем неумеренным, почти истерическим восторгам, которые теперь широкой волной заливают почти всю популярную литературу по принципу относительности.

Д. Тимирязев.

MORITZ SCHLICK. Raum und Zeit in der gegenwärtigen Physik. Dritte Auflage Berlin. Springer, 1920.

М. ШЛИК. Пространство и время в современной физике. Третье издание. Берлин. Шпрингер. 1920. 89 стр.

Одна из бесчисленных появляющихся в наше время популярных книжек по принципу относительности, авторы которых беззастенчиво пользуются малой осведомленностью рядового читателя, чтобы убедить его в роковой неизбежности принять это новое парадоксальное учение. Книга написана с резко выраженным философским уклоном. Так, например, на стр. 3 выдвигается избитое специфически философское возражение против теории Лорентца, опирающейся, будто бы, на возможность измерить абсолютное поступательное движение. Дело заключается в следующем: теория Лорентца говорит о движении *по отношению к эфиру*, но относительное по отношению к эфиру есть, по мнению огромного большинства философов и некоторой части философствующих естествоиспытателей, самое настоящее непостижимое абсолютное! Почему? А потому что *до сих пор* физикам *не удалось сообщить поступательного движения эфиру*, а отсюда с поистине головокружительной быстротой и ловкостью делается глубокомысленное философское умозаключение. Если до сих пор не удалось человеку сдвинуть с места эфир—значит, он абсолютно неподвижен, а раз эфир абсолютно неподвижен—значит, всякое относительное (по отношению к нему) движение есть движение абсолютное!

На стр. 12 идут уже совершенно в духе идеалистической философии рассуждения на тему: реально ли пространство и время. Конец книги пестрит цитатами из Канта, Юма и Маха. Вообще книга является образцовым примером того, какую опасность представляет теория Эйнштейна, когда она попадает в руки людей, стоящих далеко от производства самой науки, от живой текущей лабораторной работы, от непосредственных опытных исследований. Читателю такая книга принесет гораздо более вреда, чем пользы, изображая новые приобретения науки в заведомо ложном свете. Переводить подобного рода книги не следует.

Д. Тимирязев.

МЭНН и ТВИСС. Элементарный очерк физики и ее практических приложений. Часть I. Перевод со II американского издания под редакцией А. В. Цингера. ГосИздат. 1921. 252 стр.

Книга Мэнна и Твисса представляет собой очень хорошо удавшуюся попытку изложить в элементарной форме основы физики, отправляясь при этом от наиболее распространенных простых явлений, с которыми, несомненно, всякий сталкивался, где бы он ни жил и чем бы ни занимался. Выводы, которые авторами делаются из этих по большей части широко известных фактов, сейчас же сопровождаются описанием простых опытов, подтверждающих эти выводы; подробные технические указания самой постановки опыта, как бы приглашают читателя проделать эти опыты самому. После каждой главы приводятся точные—насколько это возможно—формулировки основных физических законов и даются сжатые выводы из всей предшествующей главы, за этими выводами следует ряд вопросов, заставляющих читателя тщательно продумать только что прочитанное.

Эти особенности выдвигают книгу как весьма ценное пособие для самообразо-

вания. Другое, не менее важное, достоинство книги состоит в том, что ее авторам удалось освободиться от рутины и выкинуть то, чему не место в элементарном руководстве, но без чего в силу привычки не обходится почти ни один учебник физики. Так, например, нельзя не приветствовать попытки авторов начинать изложение электромагнитных явлений прямо с явлений электрического тока, совершенно минуя электростатику. Электростатика в элементарном изложении дается учащемуся с трудом, и в том виде, как она обычно излагается, может только его запутать. Вместе с тем на каждом шагу в книге мы встречаем не только изложение фактов и вытекающих из них законов, но краткое и вместе с тем ясное изложение важнейших физических теорий, например, волнообразной теории света, чего так же обычно не делается в элементарных руководствах. Таким образом, книга, как по содержанию, так и по способу изложения, крайне оригинальна и как нельзя более подходит к задачам, которые должна ставить себе единая трудовая школа. Остается только пожелать, чтобы это превосходное руководство поскорее дошло до школьного учителя и заменило старые рутинные учебники. Если бы наши школы I и II ступени, а также рабочие факультеты, могли дать учащимся сведения по физике в объеме рецензируемой книги, то, по мнению пишущего эти строки, это было бы все, чего можно потребовать от школы, подготовляющей учащегося к университету или другой высшей школе. Между тем принятые теперь программы гораздо больше, а фактические выполнения неизмеримо меньше того, что дает книжка Мэнна и Твисса в 252 стр.

Д. Тимирязев.

ХВОЛЬСОН. Эволюция учения о теплоемкости. Петроград, 1920 г. Изд. М. и С. Сабашниковых. 52 стр.

Брошюра эта представляет переработку главы о теплоемкости в III томе курса физики проф. О. Д. Хвольсона и почти без изменений вошла в 4 издание этого III тома. Несмотря на последнее обстоятельство, появление отдельной брошюры на эту тему следует приветствовать: 4-е издание III тома достать необычайно трудно.

Кроме введения, брошюра содержит главы о новых методах для измерения теплоемкости, о новых теориях теплоемкости и, наконец, о новых результатах измерения теплоемкости. В главе о методах мы впервые в русской, а пожалуй, и в европейской литературе встречаем достаточно полную сводку новых методов, написанную притом со свойственной автору ясностью; жаль только, что автору, повидимому, неизвестен адиабатический калориметр, разработанный Свентославским в Лушнинской лаборатории в Москве. Глава теоретическая вызывает у нас несколько возражений. Понятие числа степеней свободы изложено неясно и может подать повод к недоразумениям. Напр., тело, могущее двигаться только параллельно некоторой прямой, обладает, будто бы, одною степенью свободы (стр. 20); на стр. 21 сообщается, что в гармоническом колебании, которое также ведь может быть прямолинейным,—две степени свободы. Причина этого недоразумения ясна: определение степени свободы в этом случае взято механическое, а в учении об энергии надо говорить об энергетическом определении: число степеней свободы есть число параметров, определяющих полную энергию системы; при таком определении недоразумений не было бы. Затем, автор ошибается, говоря, что «энергия системы *всегда* может быть представлена суммой величин, пропорциональных квадратам параметров»: не всегда, а лишь в некоторых, правда наиболее важных случаях. В изложении различных теорий автор иногда дает только результаты их. Конечно, в задачи автора не входит подробное изложение теории, но *предпосылки* результатов давать необходимо; без этого непонятно, чем одна теория отличается от другой. Что можно, напр., вынести из фразы: «Полную теорию дал Эренфест...» (стр. 41), или: «укажем еще на две формулы»... (стр. 42)?

Материалы, собранные в последней главе, очень кстати русскому читателю.

Да и вообще польза всякому физику от всей книжки несомненна, и труд автора заслуживает всяческой благодарности.

Ник. Андреев.

К. Н. МАЛИНИН. История мира. Гос. Издат. 1921. Стр. 108.

Небольшая книжка, имеющая целью дать понятие простому читателю об эволюции земли, вселенной, о возникновении и развитии на земле жизни, о «происхождении человека, об эволюции души», короче—заключающая в себе ответы на все великие вопросы, издавна интересовавшие человечество, которое искало разрешения их большей частью в откровениях религии, а отчасти и в домыслах философии и науки. И если человечество за многие тысячелетия своего существования не могло разрешить многих из этих вопросов, то понятно, что популярная книжка тем менее может это сделать. Вторая глава «История мира» озаглавлена «История вселенной», но в ней говорится не об «истории» вселенной, которая никому не известна, ибо никто еще не знает, когда и как началась вселенная, имела ли она начало или нет, бесконечна или конечна она в пространстве и времени, а о том, что небесные тела, по крайней мере, те, свет которых мог быть изучен с помощью спектрального анализа, заключают в себе те же химические элементы, что и земля, а это свидетельствует об «единстве» вселенной, об «единстве ее происхождения». Однако, мы не имеем пока возможности убедиться, что все небесные тела не заключают в себе никаких других элементов, кроме имеющихся на земле, и весьма возможно, что ничтожная по своим размерам (в космическом смысле) земля не обладает некоторыми элементами и их соединениями, свойственными каким-нибудь другим небесным телам. Происхождение небесных тел объясняется обычно их образованием из вращавшихся и сгущавшихся раскаленных газообразных масс (т. наз. туманностей). Некоторые наблюдения над небесными туманностями действительно указывают на присутствие в них светлых точек как бы зарождающихся звезд; с другой стороны, дискообразный и спиральный вид некоторых туманностей заставляет думать, что они находятся во вращательном движении, при котором от них могут отрываться кольца, разрывающиеся потом на части, способные свертываться в малые туманности, и затем давать начало новым небесным телам. Допустив возможность такого отделения колец и их последующего разрыва на стяжения, Кант, а позже Лаплас предложили теорию образования солнечной системы и вообще звездных систем, показавшуюся ученым настолько простою и убедительною, что она была принята всеми астрономами и географами и приводится до настоящего времени в учебниках, но действительно ли ею объясняется образование небесных тел и их систем,—еще вопрос, так как с течением времени выяснились многие факты, необъяснимые при допущении этой теории. Так, из теории следует, что все планеты и все спутники их должны двигаться в одном и том же направлении, а оказывается, что спутники Урана и Нептуна двигаются в направлении обратном. По гипотезе Лапласа время вращения планеты около ее оси должно быть меньше продолжительности обращения спутников этой планеты, т.-е. что спутники должны двигаться медленнее, чем давшие им начало планеты. Так и обстоит дело со спутником земли, Луной; но один из открытых в 1877 г. двух спутников Марса обращается вокруг этой планеты втрое скорее, чем сама планета вращается около своей оси. Из гипотезы Лапласа следует, что плотность планет должна увеличиваться по мере приближения к солнцу, а на самом деле плотность самой отдаленной от солнца планеты Нептуна втрое больше плотности Урана, и даже плотнее, чем солнце, которое должно было бы быть плотнее всех других планет, в действительности же представляет плотность в четыре раза меньшую, чем плотность земли. Можно было бы привести и другие факты, не вяжущиеся с гипотезой Канта-Лапласа, и эти несоответствия вызвали уже давно появление других гипотез, которыми предлагали заменить Лапласовскую, но они также не разъясняют всех соот-

ветственных фактов. Кроме того, ничего не известно о происхождении мирового вещества, о причине, вызвавшей его движения по известным направлениям и т. д.; есть основания даже думать, что планеты, как и солнца (звезды), образовались независимо одна от другой из общего мирового вещества.

«История жизни на земле» и «возникновение» этой жизни так же еще далеко не разъяснены. Прежде допускали «самозарождение» или «произвольное зарождение» простейших организмов, но наука доказала, что такого зарождения нет; допускают, однако, что то, что невозможно теперь, было возможно в начале жизни земли. Пфлюгер связывает начало жизни с цианом, который, представляя соединение азота с углеродом, составляет существенную часть органических белковых веществ и может образовываться только при высоких температурах. Допустимо предположение, что цианистые соединения (как и углеводы) могли образоваться, когда земля была еще в раскаленном состоянии, а из этих соединений могло возникнуть и простейшее живо существо, протоплазма. По другой теории жизнь существовала постоянно во вселенной и могла быть перенесена на землю с других небесных тел через посредство метеоритов или помощью так наз. давления лучей, в виде крайне малых спор простейших организмов, способных сохранять долгое время свою жизненность в холодном мировом пространстве. Обе эти гипотезы не могут, однако, считаться достаточно обоснованными, и в действительности мы ничего не знаем о жизни на других небесных телах. Относительно постепенного развития жизни на земле, т.-е. появления на ней различных растительных и животных форм, можно считать доказанным, что развитие или эволюция этих форм происходила постепенно, в продолжении громадных промежутков времени, и шло от форм простейших к более сложным, хотя уже в отложениях древнейших периодов существования жизни (кембрийский и силурийский) мы находим остатки многих классов животных до рыб включительно. Но чем вызывалась эта эволюция, чем обусловливались ее пути, как именно произошло громадное количество живших некогда и существующих теперь растительных и животных форм,—этот вопрос далеко еще не может считаться разрешенным. Теория Дарвина, основанная на гипотезе естественного отбора в борьбе за существование и сводящая, в конце-концов, всю историю органического мира к случайностям, стала вызывать за последние десятилетия серьезные возражения, и можно считать доказанным, что она далеко недостаточна для объяснения способов и результатов эволюции органического мира.

Еще сложнее вопрос об «эволюции души», о связи физического с психическим, о грани между разумом и инстинктом и т. п. Тут еще более не исследованного, непонятного и неизвестного. Вообще относительно всех этих великих вопросов и «мировых загадок» необходимо иметь в виду, что хотя наукой достигнуто и многое, однако целый ряд основных вопросов остается еще неразрешенным, чего нельзя скрывать и от простого читателя. Сведение человеческого знания к его истинным пределам заслуживает предпочтения перед стремлением преувеличить могущество науки и внушить представление, что ею достигнуто разрешение всех существенных вопросов знания

Д. Анучин.

К. Л. БАЕВ. Об эволюции небесных тел. «Научное Книгоиздательство». 56 стр. Петроград, 1920 г.

Космогонические гипотезы являются одной из интереснейших и необходимейших глав современной астрономии,—необходимейших потому, что только изучение эволюции небесных тел позволяет связать в одно целое массу разнороднейших фактов и придает науке столь важное единство и целостность. Над космогоническими проблемами работали крупнейшие математики и астрономы и создали ряд гипотез, взаимно противоречащих и взаимно исключающих друг друга. Нет ни одной космогонической гипотезы, против которой не было бы высказано веских и убедительных соображений, и вместе с тем в каждой из них есть зерно несомненной истины. Условия эволюции

во вселенной столь разнообразны, что, несомненно, имело место и образование колец, и приливное действие, и столкновения, и захват; не менее несомненно, что поле действия каждого из этих процессов было гораздо более ограниченно, чем это кажется авторам соответствующих космогонических гипотез. Таким образом, современные космогонические гипотезы представляют из себя арсенал рабочих инструментов, каждым из которых придется пользоваться — одним реже, другим чаще—при изучении эволюции небесных тел, но ни один из них не является инструментом универсальным.

Книжка проф. К. Л. Баева посвящена изложению взглядов английского физика Джинса (J. H. Jeans). Теория Джинса состоит в исследовании того, что произойдет при тесном сближении двух небесных тел. Джинс устанавливает существование некоторого критического расстояния, зависящего от масс и размеров небесных тел, приближающихся друг к другу. Если расстояние между телами становится меньше критического расстояния,—нарушается равновесие меньшей из масс, происходит выделение вещества, из которого образуются планеты. Заметим, что подобного рода гипотезы были взяты, как основа, и другими авторами, с тою разницею, что Джинс подвергает свои предположения тщательному математическому анализу.

К сожалению, проф. К. Л. Баеву не удалось найти среднего пути между популярным изложением без математических формул и изложением с математическими формулами, и его книжкой не будет удовлетворен ни массовый читатель, ни математически образованный читатель, тем более, что небрежная корректура сделала некоторые из формул неудобопонимаемыми. Крайне интересные взгляды Эддингтона на внутреннее строение небесных тел также изложены недостаточно ясно. Приложенный указатель литературы не соответствует содержанию книжки и без пользы запутает массового читателя: рядом с Фаем стоит книга Таннери «Первые шаги древне-греческой науки», рядом с «Историей астрономии» Кларк—«Очерки астрономии» Гершеля. Несомненно одно: читатель не будет сомневаться в глубокой учености автора.

В. А. Костицын.

А. А. МИХАЙЛОВ. Звездный атлас. 4 карты звездного неба до 40° южного склонения, содержащий все звезды до 5 1/2 вел. 26, 35 сант. 2 дополненное издание. Москва. 1920 г. (вышло в 1921 г.)

Звездный атлас проф. Михайлова, получивший широкую и вполне заслуженную известность в первом издании, вышел теперь во втором, дополненном и улучшенном. Он состоит из 4 карт звездного неба и введения, содержащего указания о том, что помещено на картах и как обозначено, в виде таблиц звездных куч и туманностей, переменных звезд, названия созвездий, собственных имен звезд и процессии за 100 лет.

Одна карта содержит звезды от северного полюса до 40° северного склонения, три другие—звезды от 60° северного склонения до 40° южного; масштаб карт в среднем 1 градус=2 миллим. Градусная сетка состоит из параллелей через 10° и часовых кругов через 1 час; звезды обозначены кружками, меняющимися через каждую половину звездной величины; все это—черной краской. Напротив, названия созвездий и букв и границы созвездий сделаны красной краской, так что звезды отчетливо выделяются на карте; это очень выгодное отличие нового издания от первого. Наконец, млечный путь изображен бледно-голубой краской. Нанесена эклиптика на ободке каждой карты, указаны дни кульминации соответственного круга склонения в среднюю полночь через 10 дней. В результате получилось не просто дополненное, как говорит автор, а значительно улучшенное во всех отношениях издание. Первое отвечало давно назревшим потребностям лиц, интересующихся звездным небом, второе удовлетворяет этим потребностям в полной мере.

Атлас напечатан в типографии Картографического Отдела Корпуса Военных Топографов превосходно на меловой бумаге.

В общем атлас и по его составлению, выбору материала, обозначению звезд,

принятию во внимание потребностей лиц, для которых он назначен, и по выполнению его, заслуживает похвалы в полной мере и может быть поставлен на ряду с лучшими заграничными изданиями подобного рода.

С. Блажко.

КУРС АСТРОФИЗИКИ А. А. Белопольского, С. К. Костинского, В. В. Серафимова, Г. А. Тихова, О. Д. Хвольсона. Том третий. А. А. БЕЛОПОЛЬСКИЙ. Астроспектроскопия, 277 стр. in 8⁰ «Научное Книгоиздательство» Петроград. 1921 г.

Курс астрофизики, третий том которого только что появился, является крупной коллективной работой, подобной которой нет и в западно-европейской литературе. В составлении принимают участие астрономы, пользующиеся мировой известностью, имена которых являются лучшей гарантией за качество книги. Первый том, посвященный астрофотометрии, взял на себя Г. А. Тихов. второй том—астрофотография—С. К. Костинский, третий том—астроспектроскопия—А. А. Белопольский, четвертый том—звездная статистика—В. В. Серафимов и пятый том—физические дополнения О. Д. Хвольсон. Можно, конечно, спорить против того, что изложение ведется по методам исследования, а не по объектам его, и читателю, желающему получить цельное представление о том или ином небесном теле, придется обращаться понемногу ко всем томам; но зато каждый том будет принадлежать специалисту, хорошо знакомому именно с данным методом исследования. Нельзя забывать и того, что если образованному читателю желательно иметь представление о последних достижениях науки, то нашим научным учреждениям нужны работники, знакомые с методами и рабочими инструментами, а такие работники могут воспитаться только на книгах, подобных рецензируемой книге А. А. Белопольского; в этом отношении «Курсу астрофизики», вероятно, суждено занять исключительное место в русской научной литературе. Нельзя не приветствовать также желания редакции дать в виде пятого тома необходимую физическую базу для астрофизических исследований. Физический эксперимент призван играть в астрофизике роль по меньшей мере столь же важную, как и наблюдение, и астрофизическая работа будет вестись столько же в физических лабораториях, сколько и в астрономических обсерваториях.

Первые шестьдесят девять страниц вышедшего третьего тома посвящены инструментам и методам исследования. Дается детальное описание спектроскопа и спектрографа, спектрокомпаратора, спектрофотометра со всеми необходимыми техническими указаниями, фотографиями инструментов, схемами, чертежами и образцами подсчетов. На следующих шестидесяти страницах излагаются физические законы, лежащие в основе спектроскопических исследований, до гипотезы Бора и теории Квант включительно. Таким образом, первая половина книги занимается методологией астроспектроскопии. Вторая половина книги носит полуметодологический, полуфактический характер: с одной стороны, сообщаются результаты исследований, сгруппированные по объектам, с другой стороны детально рассказываются и показываются, как эти результаты добываются.

К книге приложен литературный указатель, составленный С. С. Гальперсоном. Указатель содержит только журнальную литературу и совершенно не упоминает книг по астрофизике и астроспектроскопии. Список журнальной литературы далеко не полон, и несмотря на явное стремление автора указателя дать исчерпывающий список работ русских авторов, забыта работа Калитина «Результат исследования спектра Томановского метеорита» (И. Р. А. О. 1909 г.)

Издательство приложило все усилия, чтобы внешняя сторона издания соответствовала внутренней. Несмотря на это, количество опечаток огромно и не исчерпывается приложенным списком. Формулы набраны крайне небрежно. Например, на стр. 125 вместо S_i, L_i, P_i везде набрано Si, Li, Pi. В Литературном указателе сокращенные названия журналов искажены до неузнаваемости, например, вместо Mouthly Notic's везде набрано Mut. Not. Желательно, чтобы со-

кращения названий журналов производились сообразно Astronomisches Jahrsbericht. Будем надеяться, что издательство сумеет следующему изданию придать более достойную внешность.

В. А. Костицын.

П. Ю. ШМИДТ. Загадки жизни. Пять публичных лекций по биологии с 33 рис. Гос. Издат. Петербург, 1920 г. 188 стр.

Книжка представляет собой сборник из 5 независимых лекций, читанных автором многократно во многих городах России. Темы лекций затрогивают интереснейшие проблемы биологии и излагают новейшие данные и работы, относящиеся сюда. Первая из лекций под заглавием: «Загадки жизни», излагает современные работы над переживанием изолированных органов (Кулябко, Андреев, Картель и др.) и культурой тканей вне организма (Картель, Шампи) и слегка затрогивает вопросы химизма жизненных явлений (ферменты и гормоны). Вторая лекция—«Химия жизни» специально посвящена этим вопросам, включая сюда также и замечательные работы по выяснению механизма синтеза углеводов в зеленых растениях, а также работы Абденгальдена над аминокислотным питанием животных. 3-я лекция посвящена «анабиозу» и излагает с большой обстоятельностью факты, относящиеся как к анабиозу растений, так и к анабиозу животных в высушенном или охлажденном состоянии (Шульц, Максимов и особенно Бахметьев). 4-ая лекция носит заглавие: «Старость, смерть и бессмертие», по учению И. И. Мечникова, и, наконец, 5-ая посвящена «гипнозу животных».

Как видно из этого перечня, темы весьма важные и просящиеся на популяризацию. Автор, в общем, справился с этой задачей удачно: лекции содержат большое количество интересных, свежих, незаезженных фактов, излагаются очень простым и понятным языком и т. обр. вполне исполняют задачу популяризации современных достижений науки в широких массах.

К сожалению, автор не избежал некоторых, часто весьма существенных погрешностей, свидетельствующих об его недостаточном знакомстве с затронутыми вопросами. Встречаются также отдельные непростительные ляпсусы слога, которые несколько понижают ценность этих, в общем крайне нужных, популярных очерков.

Позволю себе отметить наиболее существенные из погрешностей.

В первой лекции автор пишет (стр 28) ..«экспериментатор вводил в одну из крупных артерий (I), направляющихся прямо к сердцу»; как известно, артериями называются сосуды, направляющиеся *от сердца*. В той же лекции (стр. 37) автор довольно заметно путает гормоны с ферментами, заявляя, что ...«накопилось множество данных о химическом действии одних клеток на другие с помощью различных, иногда чрезвычайно сложных химических веществ, относящихся к категории *ферментов*» Все это, очевидно, должно относиться к гормонам, которые, как известно, и по химическому составу, и по роду своих действий весьма существенно отличаются от ферментов.

В третьей лекции со второго же абзаца встречаем странное и недопустимое без подробных пояснений и доказательств утверждение: «Животные не боятся смерти, так как не знают ее». Автор, видимо, хотел сказать, что животные не способны *предвидеть* смерти и не имеют *понятия смерти*, но в той форме, как это им сказано, его мысль может возбудить лишь самое серьезное недоверие со стороны читателя.

Столь же неверное положение находим в пятой лекции, на стр. 158.

«Тщетно старались бы мы найти какое-нибудь изменение в нейроне при раздражении»,—уже абзацем ниже сам же автор вносит поправку в это безнадежное, с точки зрения будущности неврологии, положение: «Однако, при длительном и сильном раздражении в клетке нейрона все же возникают иногда заметные изменения» и т. д. Таким образом, автор явно сконструировал свою первую фразу не продумавши, что этим он как бы осуждает все упорные попытки неврологии именно найти материальную базу нервных процессов. Ясно, что это простая оплошность в редакции фразы, но такие оплошности встречаются и в других местах.

Наконец, пожалуй, самой грубой и вопиющей ошибкой, допущенной автором, является его превратное понимание знаменитого учения об условных рефлексах, созданного И. П. Павловым. Проф. Шмидт определяет условные рефлексы, как «рефлексы искусственные, совершенно новые, не встречавшиеся ранее в естественных условиях».

Это определение основывается на чисто внешнем признаке павловских работ и, повидимому, совершенно не улавливает того глубокого содержания, которое дано в этом учении. Этим, очевидно, объясняется то, что, как думает Шмидт, условные рефлексы «не встречаются в естественных условиях»: ведь именно в том, что анализ Павлова позволяет нам в нервно-психических процессах, встречающихся *в естественном состоянии, различать условные и* безусловные рефлексы с дальнейшими из этого выводами—и заключается глубокое значение этого учения. Таким образом, в этом месте автор обнаруживает определенное незнакомство с существом вопроса и извращенно излагает столь важный, но до сих пор неизвестный в широкой публике вопрос. Приходится лишь пожалеть, что этим местом он испортил в общем весьма удачную пятую лекцию.

Несмотря на отмеченные выше довольно существенные погрешности, я не колеблясь даю об этой книжке, в ее целом, благоприятный отзыв. Ее достоинства—в общем серьезном и вполне научном тоне изложения в связи с редкой простотой и доступностью языка, которые так редко даются представителям науки. Кроме того, эта книга впервые излагает в форме, доступной для пролетарского, мало подготовленного читателя поразительные успехи современной физиологии. Ценно также и то материалистическое миропонимание, которое красною нитью проходит через все лекции. Вот почему книжку все же следует рекомендовать во все народные библиотеки, с пожеланием, чтобы в новом издании были исправлены отмеченные недостатки.

Б. Завадовский.

В. О. ЛИХТЕНШТАДТ. Гёте. Борьба за реалистическое мировоззрение. Ред. и предисловие А. Богданова. (Труды Социалистической Академии.) Гос. Изд. Пет., 1820 Стр. 506.

Из предисловия к этой книге А. Богданова мы узнаем, что она написана в Шлиссельбургской тюрьме, куда автора привело «крушение первой российской революции». Юноше-смертнику из максималистов казнь была заменена бессрочной могилой. Но молодость упорно хотела жить; он думал, учился, работал,—усвоил марксистское мировоззрение, знакомился с новейшей философией, переводил, писал. Так возникло это произведение.

После новой революции и освобождения из тюрьмы автору было предложено вступить в сотрудники Социалистической Академии. Он ответил, что это было бы исполнением его заветной мечты, но что это теперь для него невозможно: «он должен отдать все силы советской и партийной работе». «Так прошли в назревающе-напряженном труде два с половиной года. А затем—смерть на поле битвы».

«Задача книги,—говорится далее в предисловии Богданова,—обрисовать научное и философское мировоззрение Гёте в его развитии. Гёте, один из величайших творцов старой культуры, олимпиец, счастливый из счастливых мира сего.... имеет большое, глубокое значение для нашей эпохи, безумно мятущейся в невиданных противоречиях жизни». «Новая культура рождается из старой, учится у нее. И всего важнее—учится творчеству, во всех областях жизни и мысли... Гёте—величайший учитель творчества из всех, какие дает нам прошлое... Возрастающей сознательностью в смысле цели и методов характеризуется его «борьба за реалистическое мировоззрение» и возрастающим пониманием того, что под индивидуальным творчеством скрывается коллективная энергия.. Новая культура стремится к выработке нового человеческого типа стройно-целостного, свободного от прежней узости... Гёте—один из прекрасных прообразов этого типа будущего, человек наибольшей широты и гармонии духа, какие были до-

стихиями—только для гения—на основе старой культуры. Великий художник, ученый, творчески работавший в самых различных отраслях знания, серьезный и глубокий мыслитель, практик организатор самого широкого размаха... яркое свидетельство о том, до чего может подняться человеческая природа»...

В предисловии автора указывается, что цель книги «познакомить русского читателя с Гёте-натуралистом, показать как он подходил к природе, какими методами пользовался в своей естественно-научной работе, к какой научной философии эта работа вела его. Без знакомства с Гёте-натуралистом нельзя понять и Гёте-поэта». План книги такой. Сначала идет «Введение. Гёте—мыслитель», в котором автор «делает попытку набросать интеллектуальный портрет Гёте и ход его естественно-научного и философского развития». Далее следует изложение трудов и теорий Гёте по морфологии животных, морфологии растений, учению о цветах; приводятся его статьи, наброски, афоризмы по теории познания. В заключение помещены «материалы для биографии Гёте, как естествоиспытателя и философа, в которых автор пытается изобразить—словами самого Гёте—процесс его философско-научного творчества, его «искания, как они вылились в его письмах и автобиографических заметках».

Сам Гёте придавал большое значение своим работам по естествознанию. Под конец своей жизни он не раз говорил своему другу Эккерману: «Всем, что я создал, как поэт, я ничуть не горжусь. Вместе со мною жили превосходные поэты, еще лучше жили до меня и будут жить после меня. Но что я в своем столетии, в трудной науке учения о цветах, я—единственный, знающий правильное решение, это я вменяю себе в некоторую заслугу и обладаю поэтому сознанием превосходства над многими». Между тем работы Гёте о цветах были, с точки зрения физики, сплошным заблуждением, и хотя с точки зрения физиологии им был высказан ряд остроумных мыслей, которые получили впоследствии дальнейшее развитие, однако и они не могли выдержать научной критики, какой подверг их, например, Гельмгольц, да и сам автор (Лихтенштадт) признает, что ученье Гёте, положенное в основу физической теории, ведет нас в тупик, устанавливая какие-то сущности «света» и «мрака», которые объявляются «первичным феноменом», «последним этапом научного исследования, и стремление проникнуть дальше провозглашается ненаучным». Несмотря на насмешливое отношение к его теории современных ему физиков, Гёте был верен ей до конца жизни и резко нападал на Ньютона, считая его теорию света «химерой», «ложью», «совершенным абсурдом» и доказывал тем только свою неспособность к усвоению физического мировоззрения.

Наибольшее признание среди специалистов находили труды Гёте по геологии и минералогии, хотя он и расходился во взглядах с господствовавшей тогда школой вулканистов. Смолоду Гёте любил бродить по горам, собирать минералы, откалывать образцы горных пород и обдумывать различные геологические вопросы. Он был в сношениях с многими специалистами, помещая заметки в специальных органах, был избран первым почетным членом основанного в конце 770 годов в Иене Минералогического Общества, почетным членом Общества Отечественного Музея в Богемии и Вернеровского Общества в Эдинбурге. Составленную им коллекцию минералов считали образцовой; при его содействии возникла первая геологическая карта Германии (1821), при чем была принята предложенная им раскраска. По своим взглядам на историю земли Гёте примыкал к нептунистам; он признавал, что первой наружной скорлупой земли, выкристаллизовавшейся из первоначального жидкого, расплавленного состояния, был гранит; все остальные породы он считал наслоениями, образованными путем осаждения из покрывавшего некогда всю поверхность земли океана. По некоторым своим геологическим воззрениям Гёте опередил свой век. Так, он допускал, что земля существует миллионы лет, что преобразование ее поверхности можно объяснять малыми действиями, такими же как теперь, но повторяющимися в течение долгого времени, что вулканические извержения зависят не от общего раскаленного ядра земли,

а от местных очагов, куда проникает вода и где она может нагреваться и превращаться в пар, что каменные глыбы (валуны), встречаемые в прилегающих к горам равнинах, могли быть перемещены туда ледниками, спускавшимися некогда гораздо ниже, в эпоху бывшего сильного холода. Каменные валуны северной Германии он, однако, считал остатками прежних гор, отчасти полагая, что они могли быть перенесены из Скандинавии на льдинах, тем более, что море, по его предположению, стояло тогда футов на тысячу выше, чем теперь.

Одновременно Гёте занимался и метеорологией. Хотя высказанная им гипотеза зависимости колебаний барометра от колебаний в силе земного тяготения и не имела научного значения, тем не менее его практическая деятельность, основание им в Веймарском герцогстве многих метеорологических станций, выработка им подробных инструкций для наблюдений, его стремления собирать метеорологические данные, с одной стороны, на высоких горах, с другой—на уровне моря не остались без влияния на дальнейшее развитие науки.

Наибольшее значение имели, однако, работы Гёте в области биологии, в которых он заявил себя убежденным трансформистом или эволюционистом, хотя и не в том смысле, как это понимается теперь. Гёте принадлежит приоритет во введении термина морфология; «в форме он видел основной закон организации, изучение форм дает понимание законов жизни». Особенно известна его работа о межчелюстной кости: эта кость, находящаяся на переднем конце верхней челюсти и вмещающая в себе передние зубы-резцы, имеется в виде отдельной двойной кости у большинства млекопитающих, но ее нет у человека, в чем и думали видеть одну из анатомических особенностей последнего. Сравнивая, однако, черепа зверей и человека разных возрастов, Гёте убедился, что межчелюстная кость образуется у всех млекопитающих, но что у некоторых она рано срастается с верхней челюстью, тогда как у других остается отделенной швом до зрелого возраста или на всю жизнь. Гёте очень гордился тем, что нашел межчелюстную кость у человека, но его открытие не встретило в то время признания у специалистов, и рукопись его осталась не напечатанной.

Другим, более теоретическим «открытием» Гёте в морфологии животных была его теория происхождения черепа из позвонков. Он пришел к ней в 1790 году, но не опубликовал ее тогда, а стал излагать лишь после того, как к ней пришел известный натуралист и натурфилософ Окен, что дало повод последнему обвинять Гёте в плагиате. Позже теория эта стала развиваться и другими учеными, но не в той форме, как ее принимал Гёте, который полагал, что и генезис лицевых костей может быть объясняем из преобразования позвонков, что уже выходит из пределов возможной вероятности.

В области ботаники известен его «опыт метаморфоза растений», в котором он рассматривает всю надземную часть цветкового растения (бесцветковых он не касался, а деревья считал колониями из многих одинаковых растений), как простую ось-стебель с прикрепленными к нему видоизменениями одного органа, который можно назвать «листом». Другими словами, чашечку, венчик и другие части цветка можно считать преобразованиями первичного органа—листа. Теория эта также не обратила на себя внимания специалистов, хотя сам Гёте придавал ей большое значение и видел в ней первую главу труда, который должен был охватить весь органический мир и проследить изменчивость его форм на всех степенях развития от самых низших до человека. Мечта эта осталась неосуществленной, как и вообще большинство трудов Гёте в области естествознания ограничивались «опытами», заметками, набросками и не получали дальнейшего развития, это было отмечено всего раньше Шиллером, который, в одном из своих писем к Гёте, выразил мнение, что «хорошо было бы, если бы какой-нибудь второразрядный гений приложил руку к последней отделке ваших научных трудов... сами вы будете ведь, к сожалению, постоянно откладывать дело в дальний ящик...» Такое откладывание объяснялось отчасти многосторонней деятельностью Гёте, его путешествиями и переездами, политическими со-

бытиями того времени, а отчасти и недостаточной подготовкой его для разработки специальных вопросов науки.

Правда, еще студентом Гёте слушал лекции по физике, химии, анатомии, посещал клинику, а с 1781 года стал усиленно заниматься ботаникой, геологией, и под руководством Лотера—анатомией. Однако, в конце-концов, он остался дилетантом и мог ознакомиться ближе только с некоторыми отделами изучавшихся им наук. Так, в физике, он был знаком более обстоятельно только с акустикой и оптикой, да и то из его стремления разработать акустику ничего не вышло, а старание построить на новых основаниях учение о цветах привело к ошибочным воззрениям. Большой интерес питал Гёте к химии, но не был в состоянии одолеть ее содержание. В биологии он тоже был знаком лишь с некоторыми отделами, например, в систематике животных—с млекопитающими, а в сравнительной анатомии—с остеологией. Это не помешало ему, однако, принимать связь между всеми организмами, допускать изменчивость их, представлять себе их преобразование, как результат борьбы между организмом и средой. Организм Гёте представлял себе элементом консервативным, стремящимся вечно повторяться, воспроизводить все ту же форму; среда же, по его мнению, имеет противоположный характер, стремится изменять, даже разрушать формы, и вот из борьбы этих двух начал и получается преобразование органического мира. Как происходит это преобразование, Гёте представлял себе, впрочем, довольно смутно. До настоящей теории эволюции он не дошел, и что довольно странно, совершенно не был знаком с теорией Ламарка, появившейся 1809 г. (Philosophie Zoologique). Утверждая, что развитие органического мира шло от простого к сложному, что растения и животные являются стволами из одного корня и что высшее звено второй цепи—человек, Гёте отказывался, однако, определить ближе процесс эволюции. Набрасывая картину, как морское животное постепенно превращается в наземное, он называет это «поэзией» и считает невозможным касаться вопроса о происхождении жизни. С другой стороны, он допускал развитие всех растений из одного «прарастения» (Urpflanze) и всех животных из одного «праживотного» (Urtier) и полагал даже одно время, что это «прарастение» могло сохраниться еще где-нибудь, в лесах и полях. Впоследствии, впрочем, он оставил такое представление и стал говорить только о типе растений и животных и о постепенно осложняющемся плане их строения. Несмотря на все эти колебания, на неясность представления об эволюции, на неспособность дойти до конкретной теории трансформизма, Гёте все-таки останется навсегда одним из тех гениальных умов, которые не довольствовались только накоплением биологических фактов, стремились объединить их идеей закономерности форм и постепенного образования последних в борьбе организмов со средой.

Ознакомив бегло с содержанием книги, нам остается сказать несколько слов о выполнении автором его задачи. Автор затратил много труда на извлечение из сочинений Гёте всего относящегося до его естественно исторических «исканий» и до его философских воззрений. Перевод многих страниц гётевских писаний представлял трудности, с которыми автор справился вполне успешно. Тем не менее по отношению к книге можно сделать два замечания. Во-первых, автор, излагая отдельные статьи и заметки Гёте, нередко сокращает их, выпускает менее, по его мнению, интересное, что едва ли может быть, в данном случае, одобрено; во-вторых, все эти труды и примеры Гёте требовали бы комментария, уяснения их исторического значения. Было бы существенно важно знать, насколько Гёте в тех или иных своих естественно-исторических статьях и заметках действительно подвинул науку вперед, что̀ из высказанного им осталось в науке, что̀ не могло в ней удержаться, чем его взгляды отличались от других, высказывавшихся по тем вопросам одновременно или после. Так, напр., нужно было бы выяснить, что осталось в науке из теории метаморфоза листа, из гипотезы образования черепа из позвонков, из взглядов Гёте на физиологию зрения. Без такого анализа со стороны компетентных специалистов нельзя составить себе верного и полного понятия о значе-

нии Гёте, как философа-естествоиспытателя.

Наконец, позволим себе высказать еще одно замечание. Гёте, конечно, мировой гений, и все его произведения заслуживают внимания потомства. Представляют интерес и его труды и заметки по естествознанию, хотя и не они доставили ему мировую славу. Можно вполне оправдать посвящение и этим трудам объемистой книги в 500 страниц убористой печати, но только не в настоящ е, трудное время, когда мы не имеем самого необходимого—учебников, руководств, сочинений по основам науки, научных журналов и т. п. Книга, подобная разбираемой, может интересовать только любителя; для обыкновенного читателя она тяжела и скучна, для натуралиста представляет второстепенный интерес. И хотя в предисловии А. Богданова подчеркивается важное значение книги именно для настоящего времени, однако такое толкование несколько искусственно. Труды Гёте по естествознанию относятся к области истории мысли и представляют интерес, главным образом, тем, что в них мы знакомимся с «исканиями» сто лет тому назад одного из великих умов в области реалистического мировоззрения. Но эти «искания» не всегда приводили к верным представлениям, а в других случаях вызывали взгляды, в которых хотя и предчувствовалась истина, но которые выражались в слишком общей и смутной форме, чтобы послужить основой для определенных теорий. Современное естествознание хотя и может считать Гёте одним из своих провозвестников, но не ему оно обязано своим мощным развитием в XIX веке.

Д. Анучин.

К. П. ЯГОДОВСКИЙ. В стране полуночного солнца. Государственное Издательство. 1921 г. 2-е издание.

Книга К. П. Ягодовского представляет чрезвычайно живо написанное воспоминание участника Мурманской научной экспедиции, предпринятой проф. Н. М. Книповичем для исследования промысловых вод нашего Ледовитого океана к северу от Мурмана и отчасти на всем пространстве между Мурманом, Новой Землей и Канином. Воспоминания эти служат прекрасной рамкой для мастерски написанного популярного очерка, излагающего приемы научных исследований моря, технику промыслового рыболовства у нас и у наших западных соседей, и выясняющего вместе с тем те экономические возможности, которые связаны с рациональной постановкой наших северных промыслов.

Вместе с тем в увлекательной форме проходят перед читателем величественные картины нашего севера, его безлюдных берегов и Ледовитого океана с ни с чем несравнимой красотой и трагической суровостью. Книга проникнута бодрым настроением кипучей исследовательской работы и проникнута такой молодой жаждой знания, ярких впечатлений и здорового активного чувства, что после нее остается след непередаваемой душевной свежести, подобной впечатлению морского ветра, дующего с привольного морского простора.

Читатель не найдет в книге сентиментальных чувств, утонченных проникновений в таинственное молчание полярной природы. Все ясно, просто, здорово, молодо и вместе с тем деловито, что сообщает воспоминаниям какую-то особенную прелесть.

Прочитавший воспоминания получит не только много ярких картин, но и не мало ценных научных сведений, касающихся жизни моря, его животных, связанных с общими физическими условиями среды, течениями Гольфстрёма, плавучими льдами, формою дна, глубиной моря и другими данными природного их обитания.

Книгу можно горячо рекомендовать, как чтение для юношества, как пособие при изучении севера, как пособие для ознакомления с тем, что такое научное исследование моря, и, наконец, просто, как увлекательно написанный географический очерк, имеющий незаменимые достоинства яркости лично и притом деятельно пережитой полосы жизни.

Внешность издания, за исключением, пожалуй, ярко-желтой, грубо сделанной обложки, производит приятное впечатление. Хорошая бумага, много лучше, чем у большинства ранее изданных издатель-

ством книг. Шрифт четкий; что касается многочисленных иллюстраций (их более 150), то большинство их вполне удовлетворительно, особенно те, которые исполнены на толстой бумаге.

Кстати сказать, иллюстрации представляют большею частью воспроизведение оригинальных фотографий, сделанных во время экспедиций, и сами по себе они дают чрезвычайно много в качестве материала, изображающего Север и его промыслы.

Можно искренно пожелать книге самого широкого распространения среди широких кругов, ищущих знания и интересующихся природой и жизнью нашей родной страны.

С. Покровский.

А. ЦАРТ. Кирпичи мироздания. Перев. Е. Е. Барановой. Петроград, 1921 г. Научное Книгоиздательство. 101 стр.

Вот книжка, начав читать которую, уже не оторвешься от нее, пока не дойдешь до последней страницы!

В ней 4 неозаглавленных главы, непосредственно переливающихся одна в другую. Сперва читателю ставится ряд вопросов, на которые далее дается ответ: откуда мы знаем про существование атомов; каковы их величины и свойства, как они движутся и т. п. Затем излагаются явления химического характера, приводящие к Дальтоновой теории атомов, вводится понятие молекулярного веса, излагаются структурные теории органической химии: рядом сведений из области капиллярности, ультрамикроскопии и т. п. иллюстрируется величина молекул, их число и присущее им движение, и приводятся работы Перрена, дающие соответственные числа. В последней главе идет речь, главным образом, об энергии молекулярного движения. В этой общей струе книги—множество блесток отдельных наблюдений, исторических сведений, интересно подобранных чисел и наглядных рисунков; очень удачен, богат и жив язык, нигде не теряющий ясности и точности; отличен и перевод,—словом, кроме похвал, по поводу этой книжки сказать нечего. Недочеты ее не мелкие, а мельчайшие: пара неудачных сравнений или оборотов речи (напр., бегуны на стр. 7, строка 15 на стр. 51), неудачная подпись под рисунком 5,—вот, пожалуй, и все.

Читателю этой книги необходимо некоторое развитие и элементарные сведения из области физики и химии, правда, небольшие.

Вообще же она найдет большой круг читателей и среди молодежи и среди взрослых, и не раз послужит отличным материалом для лекций.

Ник. Андреев.

МЕДИЦИНА И НАРОДНОЕ ЗДРАВИЕ.

А. ЦЕРВЕР. «Школа будущей матери». Гос. Издат. Москва, 1921 г. (Перевод с немецкого).

Болезнь и благополучие ребенка, большею частью, есть дело матери, призванной дать государству и миру здорового телом и духом человека. «Школа будущей матери» ставит себе прямую цель помочь неопытной матери, няне в деле ухода за ребенком. В предисловии к этой книге профессор Лангштейн подчеркивает необходимость знания гигиены младенческого возраста не только матерям, но и девочкам, 9—12 лет, на долю которых весьма часто выпадает уход за ребенком в крестьянской или рабочей семье. Первая часть книжки обстоятельно выясняет в форме катехизиса с параллельной иллюстрацией всех советов в многочисленных рисунках все особенности детского организма, ухода за ним, все детали детской гигиены.

Молодая мать или девочка-подросток, благодаря этой книге, могут ясно себе представить, как пеленать, кормить ребенка, купать и т. д. Благодаря заимствованным из этой книги правилам ухода за ребенком, мать или няня могут всегда предупредить ряд заболеваний ребенка. Последнее автор иллюстрирует многими фактами из своей прак-

тики, наглядно демонстрирующими, какой опасности подвергаются дети от неправильного ухода. Большое количество ясных рисунков еще более усиливает важное значение этой книги.

К сожалению, на ряду с достоинствами книга имеет и существенные недочеты; сухое, монотонное изложение, отсутствие алфавитного указателя глав, необходимого для справок. Краткое перечисление последствий неправильного ухода за ребенком (искривления тела, оконечностей, проявление конституциональных заболеваний, как английская болезнь и т. п.) можно было бы увеличить, не без пользы для книги, для полноты представления о гигиене ребенка.

По исправлении указанных нами пробелов книга может быть полезным практическим руководством как для семьи, так и для школы. Наркомздраву нужно было бы принять меры к широкому ее распространению.

Д-р. Гладштейн.

Д. Д. ПЛЕТНЕВ, проф. Московского университета. Сыпной тиф. Издание Редакции специальных изданий Технического Комитета Народного Комиссариата Путей Сообщения. Петроград, 1921 г. 43 стр.

Вряд ли какая-нибудь другая тема приковывала к себе столько внимания в новейшей русской медицинской литературе, как сыпной тиф. Это и понятно, ибо ни одна болезнь не оказывала нам в последние годы столько внимания, сколько сыпной тиф. В настоящее время к целому ряду работ, посвященных этой болезни в журналах отдельных монографиях и трудах съездов, прибавилась еще одна большая сравнительно книга проф. Плетнева. И надо сразу отметить, что она является ценным вкладом в сыпнотифозную литературу. Автор собрал в ней в сжатой форме весь новейший доступный материал, свои богатые клинические наблюдения и выводы и объединил все это в доступном и интересном изложении.

Все время чувствуется, что книга писана не кабинетным ученым, а талантливым клиницистом, ведущим почти всю свою работу у постели больного, освещающим все свои наблюдения и самонаблюдения светом научных обобщений. Отсюда—стройность и строгая последовательность в распределении материала, отсюда—сжатость и на ряду с этим—точность и законченность изложения.

Все это делает книгу совершенно отвечающей ее назначению—служить сжатым вademекумом для молодых врачей и оканчивающих студентов в деле общественной и личной борьбы с сыпным тифом. Но опытные врачи с большим интересом прочтут эту книгу и найдут в ней если не исключительно новый материал, то во всяком случае интересно и выпукло освещенный (особенно интересна глава, посвященная клинической картине болезни и течению ее, и глава об эпидемиологии и бактериологии сыпного тифа). Книга содержит таблицы, диаграммы, температурные кривые и литературный указатель по сыпному тифу—русской до 1920 г. и иностранной до 1917 г.

Внешний вид издания оставляет желать многого. Плохая бумага и особенно обложка. Надо пожелать чтобы при следующем издании книги было обращено на это внимание. Книга заслуживает лучшей внешности.

Некоторое недоумение вызывает появление книги проф. Плетнева не в издании органов Н. К. З., а неожиданно в издании Технического Комитета Н. К. П. С. Что это—случайность?

И. Гельман.

HERMANN MUTHESIUS. «Wie baue ich mein Haus». 1919 г. 439 p. in 18°.

ГЕРМАН МУТЕЗИУС. «Как мне построить свой дом». 1919 г. 439 стр. Берлин.

Отрезанные от Западной Европы со времени начала империалистической войны, мы только в последние месяцы получили возможность,— очень, правда, ограниченную,—знакомиться с новинками европейской печати. Несколько книг, полученных в Советской России, посвящено жилищному вопросу. Из числа их значительный интерес представляет книга Мутезиуса: «Как мне построить свой дом». В предисловии автор указывает на

то, что после войны и революции среди широких слоев германского населения очень усилилось отвращение к домам казарменного типа и возросло стремление к обособленному жилищу. Предлагаемая книга и должна служить руководством для мелкого собственника при выборе места для своего жилища и для постройки дома. Хотя, таким образом, книга и рассчитана на мелкого буржуа, но ее смело можно рекомендовать вниманию русского читателя, так как она изобилует сведениями по технике и гигиене, с которыми и необходимо считаться при постройке жилых домов вообще и особняков—в частности. Несколько глав посвящено в ней выбору места под постройку, распланировке дома в зависимости от расположения фасада и направления ветров. Другие главы посвящены рассмотрению условий, которым должны отвечать в домах различного типа каждая комната в зависимости от ее назначения, из какого материала должны быть сделаны полы, какая должна быть меблировка и пр.

Достоинством книги является популярное изложение, делающее ее доступной пониманию читателя, не сведущего с вопросами техники; хотя стиль ее тяжеловат.

В. Островский.

Проф. К. Ф. ФЛЕРОВ. Сыпной тиф. С 25 рисунками. 2-е дополненное издание Народного Комиссариата Здравоохранения. 1920. 170 стр.

Огромный печальный опыт сыпно-тифозных эпидемий, какой имелся в России дореволюционной и послереволюционной, должен быть научно закреплен и освещен. На ряду с этим обилие и разнообразие клинических наблюдений дает богатейший материал для описаний и выводов. Книга проф. Флерова имеет в своей основе многолетние наблюдения опытного клинициста над всеми сыпно-тифозными эпидемиями последнего десятилетия. Потому так богата она практическими указаниями, как в области симптомотологии и дифференциальной диагностики, так и в области лечения и ухода за сыпно-тифозными больными.

Здесь всякий, даже самый опытный врач, найдет богатый, собранный воедино и хорошо изложенный материал. Вообще полнота книги—ее большое достоинство. Все относящиеся к сыпному тифу, начиная от истории его до биологии вшей и средств борьбы с последними, собрано в книге, при чем изложение остается все время настолько простым и ясным, что делает книгу доступной как студенту последних курсов, так и врачу. Некоторые главы могут быть прочитаны легко и лицами среднего медицинского персонала. Научный материал о сыпном тифе (бактериология, серо- и вакцинотерапия) также собран с достаточной полнотой. Но, к сожалению, к моменту написания книги у автора не было еще новейшей западно-европейской медицинской литературы по сыпному тифу, которая сейчас очень обильна. Книга издана чисто и опрятно и приятно выделяется своей внешностью среди медицинских изданий последних трех лет.

И. Гельман.

ВАДЕМЕКУМ ЖИЛИЩНО - САНИТАРНЫХ ИНСПЕКТОРОВ. Сборник статей по санитарии и гигиене жилищ и благоустройству населенных мест под редакцией И. Г. Гельмана, А. П. Иваницкого и А. П. Сысина. Часть I и II. 63 стр. Жилищно-Санитарный Подотдел Н. К. Здравоохранения. Гос. Издат. 1921 г.

Вышедший из печати Вадемекум Жилищно-Санитарных Инспекторов заполняет тот пробел в специальной литературе по санитарии и гигиене жилищ, который является особенно чувствительным теперь, когда организация жилищно-санитарных инспекторов приобрела в республике права гражданства. В русской литературе жилищному вопросу посвящено мало книг и учебников, да и те стали недоступны для большинства интересующихся. Кроме того, они и не достигали той цели, какую поставили себе авторы Вадемекума—дать справочник-руководство для жилищно-санитарных инспекторов в их повседневной работе в области жилищ. До издания Вадемекума приходилось довольствоваться теми сведениями, которые они чер-

пали из лекций и общих руководств по общей гигиене. Издание Вадемекума является и своевременным, и необходимым.

В Вадемекуме помещены статьи как общего характера («Жилищный вопрос и Советская власть», «Жилищный вопрос до Октябрьской революции»), так и специально посвященные отдельным вопросам гигиены и санитарии жилищ.

Сжатость и ясность изложения делает книгу доступной усвоению жилищно-санитарных инспекторов, не имеющих в большинстве специальной медицинской подготовки, даже таких специальных глав, как: «Зависимость смертности и заболеваемости от жилищных условий», «Объем и площадь жилища», «Освещение» и т. д.

Но не только жилищно-санитарные инспектора, все трудящиеся могут с большой пользой для себя прочитать этот небольшой по объему труд, в котором они найдут указания, как содержать жилище, и объяснение многих явлений в повседневной жизни, связь коих с жилищем для большинства остается неуловимой.

Надо жалеть о том, что пока изданы только I и II части Вадемекума, но надо полагать, что авторы Вадемекума не замедлят издать другие части, где найдут себе место вопросы санитарной техники и благоустройства населенных мест.

Упрек, который можно сделать этому в общем ценному труду,—это небрежность издания: плохая бумага, шрифт, опечатки и пр.

Е. Трапезонцева.

Д-р АРКИН. Мозг и душа. Естественно-научная библиотека. Гос. Издат. 1921 года. Москва. Стр. 72.

Эта небольшая книжка обладает всеми достоинствами талантливой популяризации. Простым, ясным и доступным языком автор излагает в ней с большим умением одну из труднейших проблем—вопрос о взаимоотношении души и мозга или, общее,—вопрос о материальной основе душевных явлений. Изложение проникнуто материалистическим духом, вполне научно и весьма удачно освещает целый ряд вопросов, связанных с общеизвестными явлениями психической жизни, имеющих в то же время большое значение для выработки правильного мировоззрения. Все эти достоинства ставят книжку в ряды наиболее удачных популяризаций.

Но нельзя в то же время не признать, что автор остановился на полдороге и не довел взятую им тему до ее логического конца. Задача автора—распространение научно-материалистических взглядов и приемов исследования на область психических явлений. Но вместе с тем, почему он,—физиолог по своей лекторской специальности,—подошел к этой проблеме исключительно со старой, психологической, а не с физиологической точки зрения?

Автор ни словом не упоминает в своем изложении учения об условных рефлексах, столь блестяще разработанных И. П. Павловым. А между тем в целом ряде мест его изложение так и просится быть переведенным на язык условных рефлексов. Сюда относятся в особенности главы и страницы, посвященные ассоциации, запоминанию и другим смежным нервно-психическим реакциям (главы V и VI). Во всех этих случаях автор прекрасно излагает механизм установления ассоциативных связей и образования образов, но как психолог, а а не физиолог.

Между тем всем известно, какой большой шаг вперед в деле сведения психических явлений на нервно-физиологическую основу представляют работы Павлова и его многочисленных учеников. В то же время в русской популярной и даже научной литературе до сих пор еще нет попытки перевести психические явления на язык Павлова. Мне лично посчастливилось услыхать такую сводку из уст своего учителя и одного из лучших учеников Павлова — Б. П. Бабкина. Но, к сожалению, ни эти лекции Бабкина, ни монография самого Павлова до сих пор не увидели света. Тем больше хотелось бы, чтобы такие, в общем нужные популяризации, как обсуждаемая книга Аркина, не оставляли читателя в неведении об этом наиболее глубоком проникновении в нервно-психический мир.

Другой нехваткой в изложении Аркина является недостаточная конкретизация тех *химических условий* психической деятельности, о которых он неоднократно упоминает в тексте. А между тем и здесь физиология дает вполне реальную силу, действующую на всю нашу нервно-мозговую систему в лице гормонов. О гормонах и их влиянии на психику нужно было говорить, если автор хотел дать читателю представление о реальном химическом механизме, обусловливающем психическую деятельность, а не о туманных образах, свойственных языку психологов. Тогда, кстати, автор избег бы, быть-может, того ряда банальных мыслей, которые он развивает в главе II о тождестве умственного аппарата у мужчин и женщин. Физиология уже давно дала ряд доказательств того, что мужская и женская психика являются фактом обще-физиологическим, а работы Штейнаха в последние годы дали реальную основу этому в половых гормонах, которые определяют весь строй мужского и женского ума. При этих условиях физиологу-представителю науки нужно не доказывать тождество психики, а, наоборот, дать глубокий анализ физиологических предпосылок для такой разницы.

Само собою разумеется, что эти положения не должны быть никоим образом поставлены в связь с уже изжитым ныне вопросом о «женском равноправии»: дело не в тождестве, а в равноценности женской и мужской психики, и задача Аркина должна была заключаться не в том, чтобы содействовать антифизиологическому стремлению женщины стать «совсем как мужчина», а в том, чтобы показать самостоятельную и равную мужской ценность женской психики.

Как бы то ни было, но и здесь Аркин пишет не как физиолог, а как психолог классического направления, а вся его глава II, где он стремится вычислить умственные способности из веса и величины мозга, явно устарела.

К этим принципиальным возражениям отметим еще несколько, с моей точки зрения, погрешностей в тексте. Весьма рискованной представляется мне мысль, изложенная на стр. 45, о наследственной передаче идей и эмоций; так же точно не рискнул бы я, с точки зрения физиолога, сказать, что «мозг действительно горит» (стр. 56), как это делает Аркин. Далее, хотелось бы, чтобы—на стр. 59—когда автор говорит о затрате сил на умственную работу, он все же разъяснил значение смены форм труда, которое обосновывает пользу чередования умственного труда с физическим,—иначе у читателя остается одностороннее и неправильное представление о ненужности этого.

Я не стану отмечать нескольких весьма редких погрешностей языка и формы изложения. В книжке они носят слишком частный характер, мало влияющий на в общем прекрасный стиль изложения. В пределах, поставленных автором себе целей, его книжка блестяща и может быть рекомендована самым широким кругам читателей.

Б. Завадовский.

«RURAL HOUSING» WITH a Mapter on the after—war problem by William F. Savage, B. Sc. M. D. (London), Д. P. H. (medikal officer of Health for the country of Somerset) 1920.

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В СЕЛЬСКОЙ АНГЛИИ с главой о послевоенной проблеме. Вильям Сэведж. Санитарный инспектор района Сомерсет. Стр. 297. Иллюстраций 32.

Вновь переизданный труд известного знатока жилищного вопроса в сельской Англии, санитарного врача округа Somerset William'a Savag'a, вышедший первым изданием в 1915 году, теперь значительно расширенный и снабженный дополнительной главой о послевоенных жилищных условиях, является одним из наиболее ценных вкладов в современную литературу вопроса.

Книга делится на 10 глав, каждая из которых представляет собою законченное целое. Глава I говорит о развитии жилищной проблемы в сельской Англии, со времени издания закона «об изгородях». Глава II дает обзор и анализ жилищного законодательства со стороны реальных условий решения жилищного вопроса в сельских округах. Глава III содержит яркое описание существую-

щих жилищных условий в селах и небольших местечках Англии. Глава IV специально трактует вопрос об антисанитарных жилищах и о способах их оздоровления. Глава V дает историю развития жилищного надзора и его влияния на улучшение жилищных условий в сельской Англии. Глава VI разбирает вопрос о причинах недостатка жилищ в сельской Англии, несмотря на непрерывное сокращение численности населения, занимающегося сельским промыслом. Глава VII выдвигает вопрос о необходимых дополнениях к существующему законодательству, мало считающемуся, по мнению автора, с сельскими нуждами и со своеобразными условиями жилищного пользования и жилищного строительства в сельской Англии. Глава VIII содержит интересные расчеты необходимого для сельской Англии жилищного фонда и определяет потребности в новом строительстве. Глава IX трактует старый вопрос о влиянии жилища на здоровье населения, под интересующим автора углом зрения сельского жилищного неблагоустройства и, наконец, глава X дает общий абрис тех мероприятий, которые могли бы привести к положительным результатам в жилищных условиях сельской Англии.

Шаг за шагом автор, богатый опытом и знаниями сельских условий, ведет читателя от фактов к заключениям.

Появление сельского батрачества в Англии относится к царствованию Георга III (1760 г.). Экономическое расслоение деревни, образование сельского пролетариата, влияние «налога на бедных» и закона об «изгородях» на возникновение жилищного вопроса в сельской Англии в его современной форме ярко обрисовывается автором, часто цитирующим Дэплона. «Сначала сельско-хозяйственный рабочий лишился общинной земли; потом лишился домашней промышленности; он стал зависеть от заработной платы, не компенсировавшей в полной мере утраченных источников дохода». За время с 1760 г. по 1790 год много сельских домов было снесено. «Крупный фермер, объединивший в одно хозяйство до полдюжины прежних мелких ферм, снес многие котэджи или перестал их ремонтировать, сохраняя жилую площадь лишь для своих нужд и скучивая батраков в немногих домах». Такая политика избавляла его не только от расходов по ремонту, но и от уплаты «налога на бедных». Увеличение «налога на бедных», явившееся следствием утраты батраками опыта и выгонных прав, сыграло большую роль в начавшемся сокращении жилищ». Стремление уменьшить платежи, сохраняя возможность поселений на их земле и вообще в пределах прихода бедняков, было для землевладельцев могучим стимулом к сносу котэджей или к закрытию их для жилья и превращений в сараи. Закон о бедных, как полиатив, не затрогивавший причин, вызывавших пауперизм, обратился против бедняков, лишив их свободных жилищ в «закрытых приходах». Законы, изданные позже и направленные против этого явления, дела не улучшили.

Прослеживая развитие жилищного вопроса в сельской Англии, автор проводит читателя через историю «Спинхамлендской системы» (1795), попыток регулирования заработной платы, и через параллельно совершившееся превращение «открытых приходов» в места спекулятивной постройки жилищ для батраков, искавших здесь себе жилья. Свое изложение автор иллюстрирует богатым цифровым материалом, взятым из отчетов различных комиссий с 1841 по 1893/4 годы, характеризирующим приемы до крайности скученной, плохой и абсолютно антисанитарной спекулятивной застройки деревень в «открытых приходах». Лишь закон 1863 г. (Unions Chargeability Act of 1865) уравнял размер налога на бедных на территории каждого союза и устранил стимулы к сокращению жилищ в закрытых приходах и к спекулятивной стройке в открытых. В дальнейшем автор анализирует современное (довоенное) положение вещей, роль санитарной инспекции, тормозы и препятствия к исполнению ее требований, движение заработной платы сельских батраков и арендной платы на жилища, стоимость постройки и т. д. Опираясь на материалы комиссии 1906 г., действовавшей в связи с подготовкой некоторых добавлений к закону о жилищах для рабочего класса (Select Com-

mittee on Housing of the Working Classes Acts Amendment Bill), автор рисует картину количественного недостатка и качественного убожества современных жилищ сельских рабочих Англии, подчеркивая ее упорный характер подробным анализом движения населения в различных округах. Современное состояние жилищного вопроса в сельской Англии характеризуется автором в следующих чертах: «абсолютный недостаток во многих сельских приходах каких бы то ни было жилищ, хороших, плохих или средних; возрастающий уровень культурных потребностей масс и быстро развивающееся сознание, что значительное число существующих котэджей—антисанитарно и непригодно для здоровой жизни; почти полное прекращение постройки котэджей в чисто сельских районах вследствие невозможности строить безубыточно при той низкой арендной плате, которую можно взимать в сельских районах».

Очень интересный анализ существующего в Англии жилищного законодательства и практики его применения в сельской Англии находим в главе II и III.

Радикальных решений вопроса автор не ждет и не предлагает. Он рассматривает те способы решений, которые предлагались другими, и видит их недостаточность: и улучшение законодательства, и одностороннее увеличение заработной платы сельско-хозяйственных рабочих, и государственная помощь сельскому строительству—в отдельности делу не помогут. Автор допускает улучшение положения путем применения целой системы мероприятий, идущих в разных направлениях. Однако, в центре он ставит вопрос о государственной помощи сельскому жилищному строительству: «достаточная субсидия сельскому жилищному строительству, выдаваемая в течение нескольких лет, разрешила бы жилищную проблему данного момента и дала бы возможность дальнейшего улучшения, достигаемого на здоровых экономических началах, раз будет создано положение, при котором возможность платить более высокую арендную плату, — благодаря повышению заработной платы сельско-хозяйственным рабочим,—будет обеспечена». Дальше автор развивает план государственной финансовой помощи сельскому строительству, аналогичный плану, положенному в основу всей системы послевоенного жилищного строительства в Англии.

В добавочной главе, посвященной послевоенному положению жилищного вопроса в сельской Англии, автор последовательно рассматривает общее влияние войны на жилищный вопрос, влияние войны на постройку новых и ремонт существующих жилищ, потребность в новых домах в сельских местностях, влияние войны на стоимость постройки, факторы, определяющие размер заработной платы сельско-хозяйственных рабочих, финансовые предположения правительства о субсидировании послевоенного жилищного строительства и, наконец, вопрос об арендной плате в существующих и в новых домах.

Интересны многие фактические сведения, заключающиеся в этой главе. Так, автор говорит, что «в течение 4-х лет войны постройка жилых домов замерла и в сельских районах. Пока длилась война, недостаток жилищ не был особенно заметен, за исключением некоторых отдельных районов, центров производства военных материалов и снабжения. Это объяснялось огромным отливом мужского населения на фронт и на военные заводы,—отливом, который сопровождался добровольным уплотнением многих семей, образованием в целях экономии сил и средств одного хозяйства, вместо прежних 2-х и даже 3-х». С окончанием войны картина резко изменилась. Интересны и сведения, касающиеся предлагаемых приемов нормирования арендной платы. Так, по отношению аренды жилищ в существующих домах выдвигалось предложение разделить их на разряды, в зависимости от большей или меньшей удовлетворительности их состояния, произведенных уже ремонтов и т. п., и ввести соответственные дифференциальные нормы допустимых надбавок на довоенные арендные цены. Как некоторый противовес дороговизне вновь отстраиваемых домов в сельских местностях рекомендовалось увеличить площади участков, на которых строились дома, вдвое, чтобы дать

возможность вдвое увеличить огороды и извлекать из земли часть средств, необходимых на уплату повышенной аренды. Это предложение было основано на том, что стоимость постройки возросла в три раза больше, чем стоимость земли.

Несколько снимков с натуры и специальная глава, посвященная этому вопросу, поясняют технику работ по оздоровлению сельских жилых домов в Англии, путем осушения стен, устройства окон в темных помещениях, сооружений открытых дренажных канав вдоль фундаментов и пр.

Книга частично переведена на русский язык. Она заслуживает полного перевода, издания и широкого распространения. Русские санитарные врачи и санитарные техники найдут в ней много полезных сведений о методах практической работы в области жилищной санитарии.

Д. П. Иваницкий.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕУМ. (Цензурные материалы I-го Отделения IV Секции Государственного Архивного фонда). Т. 1, под редакцией А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана. Петербург. V+420+1 стр.

Одной из задач, стоящих перед Цензурным Архивом и его сотрудниками, редакторы Литер. Музеума считают—систематически публиковать наиболее интересные и ценные в историко-литературном отношении материалы, хранящиеся в этом архиве. Это намерение нельзя не приветствовать по тем именно мотивам, которые отмечают и сами издатели. «Есть целый ряд писателей, публицистов, политических и общественных деятелей, творчество которых было систематически пожираемо цензурным ведомством: произведение или совсем не выходило в свет, или выходило в искалеченном до неузнаваемости виде. По архивным же делам в настоящее время возможно реставрировать то, что в свое время не могло увидеть света или увидело свет не так, как было задумано автором. Надо думать, что идея издать в свое время погибшее в недрах цензурного ведомства и переиздать то, что было искалечено цензорской рукой,—встретит горячее сочувствие как государства, так и общества. Нельзя, напр., не указать на одну неотложную работу: необходимо по архивным первоисточникам переиздать Салтыкова - Щедрина; мы этим методом получим большое количество новых его произведений; многие же из его произведений, — всем уже известные,—появятся в совершенно новой редакции. Конечно, Салтыков - Щедрин один из многих»... (Предисловие, IV стр.).

Бесспорно, и задача, и метод работы, выдвинутые редакторами «Л. М.» и проводимые в жизнь сотрудниками Цензурного Архива, увлекательны и ведут к интересным открытиям. Изданный том тому порукой. В нем помещены новые, доселе неизвестные материалы о Пушкине, Боротынском, Веневитинове, Гоголе и Тургеневе... Хотя состав и значение материалов разнообразны, однако ценность некоторых новых текстов и новых редакций литер. произведений, данных в книге, неоспорима.

Первым помещен неизвестный коротенький (9 строк) автограф Пушкина, представляющий программу «Современника» и ряд документов о «Современнике». Затем дана выписка из журнала заседаний СПБ. Цензурного Комитета о стихотворениях Боротынского. После идет неизвестная редакция «Новгорода» Д. В. Веневитинова,—текст, запрещенный цензурой 7 февраля 1828 г.

Интересный материал дан по Гоголю; в частности, особенно важен для генезиса лит. творчества писателя текст неизвестной до сих пор главы из романа под названием «Кровавый бандурист» (запрещенные страницы Гоголя), впервые здесь опубликованной. После идет официальная переписка о «Мертвых душах», —цензурное рассмотрение первого собрания сочинений Гоголя,—официальная переписка по поводу сообщения

Ф. В. Булгарина о службе Гоголя в III Отделении и мн. др. Всего о Гоголе дано 13 отдельных названий материалов, различных по значению. Интересный материал дан также в конце тома о И. С. Тургеневе: «Нахлебник» (первая редакция), «Завтрак у предводителя» (запрещенный цензурой текст), всеподдан. представление о «Записках охотника» и два письма И. С.

Материалы даны в прекрасной оправе; снабжены хорошо задуманными и прекрасно выполненными комментариями, часто на основании неопубликованных материалов архива. Комментарии написаны С. М. Бонди, В. В. Даниловым, М. К. Клеманом и Ю. Г. Оксманом; в работе по сборнику принимали участие также: М. С. Платонова, Л. И. Полянская, Б. М. Энгельгардт и др. Комментарии написаны любовно; нет сомнений, что авторы с исключительным вниманием писали их, привлекая порой свежие архивные первоисточники и приводя фактический материал, остававшийся до сих пор неиспользованным. Благодаря этому почти каждый вопрос переносится на почву точных бесспорных данных и развивается в краткий монографический очерк.

На книге нет года издания. Издатели сообщают, что книга была «отпечатана уже почти целиком в 1919 г. Ряд разнообразных сложных условий современной жизни задержал ее выход в свет» (пред., IV стр.) до августа 1921 г.

Н. Бельчиков.

М. ГЕРШЕНЗОН. Мечта и мысль И. С. Тургенева. «Книгоиздательство писателей в Москве». 170 стр. 1920 г.

Книга талантливого писателя составлена из ряда очерков о Тургеневе, объединенных общей идеей. В первых небольших главах перед нами разбор юношеской драмы Тургенева «Сте́но», затем поэмы «Параша» и других произведений до периода «Записок охотника»,—«Разговор», «Помещик», «Андрей». Шаг за шагом Гершензон отмечает отсутствие внутренней цельности у героев этих первых произведений Тургенева—раздвоенность их существа.

Как известно, Тургенев не придавал никакого значения этим произведениям своей юности. Иначе смотрит Гершензон на одно из них—поэму «Параша». Правда, еще Белинский отмечал некоторые достоинства этого раннего произведения Тургенева. Но расценка Гершензона совершенно иная: он видит в теме «картину расцвета женской души», в то время как великий критик видел прежде всего «веселую иронию», «верную картину русской природы» (что, впрочем, отмечает и Гершензон). Но главное. что видел здесь Белинский,—это «удачный физиологический очерк помещичьего быта в подробностях».

Часть вторая очерков М. Гершензона носит название «Мечта и мысль». Отмечая изумительный по настроению очерк «Поездка в Полесье», переживания Лаврецкого в финальной части «Дворянского гнезда», стихотворение в прозе «Деревня»,—Гершензон говорит, что основная мысль Тургенева — это «превосходство жизни, близкой к природе, перед жизнью раздвоенного сознания представителей культурного человечества». Только последняя (т.-е. природа), думал Тургенев, обеспечивает живому существу объективно—силу, субъективно—чувство благоденствия, счастья, потому что только в природной жизни сохраняется цельность духовная». Так формулирует Гершензон миросозерцание Тургенева.

Но как почти все, что выходит из-под пера Гершензона,—вместе со многими меткими и проницательными суждениями, характеристика Тургенева проникнута такой субъективностью, которая приводит к выводам весьма спорного характера.

«Понять «философию» Тургенева,—говорит Гершензон,—нельзя иначе, как сведя ее всю к одному вопросу и к ответу на этот вопрос: должен ли человек быть «природою» или «личностью», отдаваться непосредственно влечениям своего сердца, или обуздывать их и отрекаться во имя разумного долга?.. Тургенев открыл в обеих противоположных нормах некоторый общий элемент и потому пренебрег их противоположностью, а сосредоточил все свое внимание и любовь на этом главном, что им обеим присуще. Он решил: страсть ли одуше-

вляет человека, или долг—не важно; важно, чтобы он был целен, жил сильной и горячей жизнью, действовал с непреклонною волею. Оттого для Тургенева равно прекрасны и святы влюбленная девушка, если она, как Мария Павловна, «не может ни разлюбить, ни пережить разлуку», — Дон-Кихот или Инсаров. Эту цельность духа и неразлучное с ней самозабвение Тургенев обожал больше всего на свете, т.-е. дорожил не содержанием, а формою духовного бытия. Он видел цельность и вовсе бессодержательную с человеческой точки зрения: жизнь лопуха, муравья, птицы, и малосодержательную — жизнь мужиков орловских и полесских, и глубоко содержательную жизнь Дон-Кихота и Инсарова; цельность стихийную—любовь, вдохновение, и цельность самочинную — подвиг самопожертвования. Он расценивает людей не по высоте идеи или предмета, которому они отдают свой пыл, а по силе их пылания. Его философию можно назвать аморальной»...

Мы привели эту длинную выписку из книги Гершензона для того, чтобы подробно остановиться на этом центральном пункте его рассуждений.

Итак, М. Гершензону кажется, что Тургенев подводил под общую скобку «цельность стихийную» орловских мужиков и «цельность самочинную»—Дон-Кихота и Инсарова. Отсюда, якобы, аморальность Тургенова. Так ли это?

То, что в «Записках охотника» перед нами своего рода «зоологический сад»—это верно. Но *отношение* Тургенева к персонажам этого сада вовсе не предстоит перед нами в форме их приятия. Жалкий Сучок действительно целен в своем умственном убожестве,—но разве не видит Гершензон иронического отношения автора к этой цельности. И если Гершензон не хочет видеть тонкой иронии художника в рассказе «Льгов», то пусть вспомнит буфетчика Васю («Два помещика»), где эта ирония переходит уже в чувство брезгливости, при виде низкой покорности равнодушно что-то жующего человека тотчас после хорошей порки в конюшне.

Таким образом, уже в «Записках охотника» совсем нет той аморальности, о которой говорит М. Гершензон.

Переходя к высшему проявлению цельности—к Дон-Кихоту и Инсарову, мы должны опять-таки распутать запутанный клубок, который представляет из себя мировоззрение Тургенева в интерпретации Гершензона.

Ставя знак равенства между переживаниями Елены из «Накануне» и героини «Порога», Гершензон очень верно и проницательно сопоставил почти дословный ход диалога в разговоре Елены и Инсарова, с одной стороны, и в стихотворении «Порог»—с другой. Но Гершензон напрасно думает, что для Елены предмет добровольного и радостного самопожертвования—любимый мужчина. Это слишком мелко для понимания Елены, ибо для нее любовь к Инсарову сливается со стремлением к самопожертвованию во имя осознанного идеала жизни. И в разговоре Шубина с Уваром Ивановичем чувствуется как бы комментарий автора к переживаниям Елены. «Да,—говорит Шубин,—молодое, славное, смелое дело. Смерть, жизнь, борьба, падение, торжество, любовь, свобода, родина... Хорошо, хорошо. Дай Бог всякому!.. Натянутые струны, звени на весь мир или порвись».

Конечно, для Тургенева, так же как и для моралиста Ибсена, беззаветный героический порыв имеет отвлеченную ценность, независимо от характера идей. Но это не исключает «морального» подхода. Этой своей симпатии к героизму и его «моральной» расценке Тургенев не мог преодолеть даже тогда, когда имел дело с идеями, для него явно враждебными. Такое отношение у него, напр., было к террористу Соловьеву, стрелявшему неудачно в 1879 г. в Александра II. Цюрихских русских студентов, отдававших свой труд работе революционной, Тургенев называл «святыми» и целовал их портреты. Этим же словом «святая» заканчивается апофеоз героине «Порога».

Дон-Кихот для Тургенева был ценен тем, что он живет «для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам—волшебникам, великанам, т.-е. притеснителям». И дальше, говоря о Дон-Кихоте, Тургенев говорит: «когда переведутся такие люди, пускай закроется книга истории: в ней нечего будет читать».

Если обратим внимание на лучшую страницу в мировой литературе—смерть Базарова, то «моральность» этих страниц заключается именно в величине сознательного отношения человека к своей судьбе перед трагической роковой неизбежностью. Кропоткин в «Записках революционера» рассказывает, как Тургенев говорил: «вот придем домой, я покажу всем дневник, где записал, как я плакал, когда закончил повесть смертью Базарова». И нам кажется, что перебрасывать мост от зоологических типов «Записок охотника» к героизму типа девушки из «Порога», как то делает М. Гершензон, значит, принижать писателя в угоду своим, быть-может, и интересным, но чисто субъективным настроениям.

Нет, величие самоотречения во имя выстраданного идеала жизни—это совершенно обособленная святыня для Тургенева. С. Кривенко в своих воспоминаниях говорит о словах Тургенева, сказанных ему: «Ах, с каким удовольствием я изобразил бы *безымянного* человека, это полное отречение от себя и всего, чем люди дорожат и во все века дорожили».

Наконец, вспомним любопытный очерк И. С. Тургенева, взятый прямо с натуры—«Наши послали». Разве этот старик рабочий в блузе, известивший поэта Гервега в дни июньских баррикад 1848 г., что его маленький сын в полной безопасности—разве он, как и Дон-Кихот, не «служитель идеи» и не «обвеян ее сиянием»? На этот вопрос сам писатель отвечает утверждением глубоко морального характера: «участь старика, посетившего Гервега, осталась неизвестной. Нельзя было не подивиться его поступку, той бессознательной, почти величавой простоте, с которой он совершил его. Ему, очевидно, и в голову не приходило, что он сделал нечто необыкновенное, собою пожертвовал».

Конечно, для Тургенева, как представителя определенного класса, непонятно было, что классовая борьба и классовое чувство не исключают, а утверждают чувство альтруизма и самопожертвования во имя борьбы за всех слабых и угнетенных, но это уже вопрос иного порядка.

К статьям о Тургеневе М. Гершензон приложил статью «Л. Толстой в 1855—1862 гг.», где он разбирает и устанавливает корни толстовского миросозерцания. В этой статье Гершензон подробно останавливается на основном стремлении Толстого—на попытке разрешить противоречие между природными органическими влечениями человека и началом разума. Статья эта интересна.

Ив. Кубиков.

КОМЕДИЯ О ЦАРЕ МАКСИМИЛИАНЕ И НЕПОКОРНОМ СЫНЕ ЕГО АДОЛЬФЕ. Свод Вл. Бакрылова. Предисловие Иванова-Разумника. Государственное Издательство. Москва. 1921. Обложка и украшения книги работы художника Н. А. Тырсы. Стр. 96. ЦАРЬ МАКСИМИЛИАН. Театр Алексея Ремизова по своду В. В. Бакрылова. Государственное Издательство. Петербург, 1920. Стр. 126.

Комедия о царе Максимилиане занимает исключительное место в русском народном репертуаре и может поспорить в популярности с любой пьесой европейского и русского театра. Сотни две лет разыгрывается она на всем пространстве России, в деревнях и городах, доморощенными труппами крестьян, солдат, фабричных. Своеобразная comedia dell' arte—она тешит зрителей и напряженностью драматизма, и мелодраматической трогательностью, и бесцеремонной веселостью юмора, и кинематографической динамикой. Это разом и трагедия и арлекинада, театральное действо par excellence. Народный вкус причудливо сплел в один пестрый узор самые разнохарактерные мотивы.

Понятен особливый интерес, который питают к «Царю Максимилиану» исследователи народного быта и творчества. Существует уже довольно много записей этой комедии; делались попытки выяснить генезис пьесы и историю ее текста. Не удивляешься, а радуешься, когда видишь перед собой книжки В. В. Бакрылова и Алексея Ремизова.

В. В. Бакрылов назвал свое издание «сводом». Нелегко уразуметь, какую цель ближайшим образом преследует автор. Он скрыл от нас свои намерения.

Подобная работа может иметь как научное, так и чисто практическое значение,—смотря по тому, на каких принципах она построена.

Для ученого важно на основании известных нам вариантов, во-первых, выделить первичное ядро комедии, ее «основной сюжет», и, во-вторых, определить тот твердый сплав, который образовался с течением времени и к которому в конкретных случаях прилипают те или другие эпизоды спорадического характера (местные и личные вариации). Первая задача решалась, напр., В. В. Каллашом («Этногр. Обозр.», кн. 39), а вторая Р. М. Волковым («Р.-Фил. Вестник», 1912, т. 67 и 68). Их выводы еще нельзя признать окончательными, но методологически они стоят на верном пути, и научное издание комедии мыслимо лишь в результате подобного, критического исследования.

Никакими учеными целями В. В. Бакрылов, видимо, не задавался. В подборе материала для «свода» он руководился по преимуществу личным вкусом. Порою наблюдается почти механическое соединение вариантов. Получилась вещь весьма громоздкая—пьеса из 64-х явлений (правда, некоторые из них очень короткие).

Издавая свой труд, Бакрылов, очевидно, хотел дать такую обработку комедии, чтобы она могла итти на сцене «народного» театра. Разумеется, может возникнуть принципиальный вопрос: нужно ли театру, как таковому, ставить «Царя Максимилиана»? (вспомним старые и новые споры на тему о «народном» репертуаре). Не следует ли оставить эту пьесу в ее родной стихии? Наша комедия — неподражаемо прелестна в своей безыскусственной красоте, когда лицедеи исполняют ее в стиле наивного и грубоватого примитива, где-нибудь на фабрике или в казарме, при полном почти отсутствии декораций и с самыми жалкими аксессуарами. Но допустим, что «Максимилиан» попал на подмостки настоящего театра и разыгрывается труппой профессиональных артистов. Свод Бакрылова потребует тогда купюр и вообще приспособления к сцене. Случайным же артистам из народа текст Бакрылова (если, конечно, он дойдет до них) пригодится лишь в малой степени: они не удержатся от импровизации и не откажутся от своего права свободно комбинировать знакомые им сценические эпизоды. И в сущности хорошо сделают.

Таким образом, научной цели свод Бакрылова не имеет, а практическое его значение проблематично. Бесспорное достоинство работы Бакрылова в том, что автор в неприкосновенности соблюл подлинный стиль народной комедии.

Алексей Ремизов давно известен своими изящными переложениями сюжетов народной поэзии и старинной письменности. Это вполне законный жанр—фольклористическая стилизация. И в данном случае автор проявил тонкое мастерство. Опираясь, главным образом, на свод В. В. Бакрылова, Ремизов дает свой стилизованный «театр» [1]). Любовно поднял он эту «портянку Шекспира», отряхнул ее, прополоскал в чистой воде и выгладил. «Валить в кучу все, что попало, что подписано «народное», мне казалось делом бездельным», говорит Ремизов. «...Ставил я себе задачу: выброшу вон казарму и все, что с ней казарменное: от выправки и козырянья до орденов и тех особых словечек спертых и каких-то гнусных, казарменных,— ни к чему это... Выброшу я казарму, выделю хор—глас и суд народа, а у чудил возьму все, что вызовет смех, потому, что чудно, а не то, что гоже на дурака и простеца, приглушу «пузырный звук»—стыдно за человека и жалко его, нехорошо!—а с «пузырным звуком», рыг, ик, чох, в словах ясно выговорю гугню, заменю затасканное и замусленное простым, слащавость—есть такой наш грех!—острожу, сокращу повторения,.... соединю образы мало чем различные—Черного арапа и Змеулана в одного Змеулана, и выпущу гулять по сцене щечавого чертенка: колдуй, черти, чуди!» [2]) Изме-

[1]) Ремизов также самостоятельно «летал пчелой по записям» и фактически воспользовался кое-чем, чего нет у Бакрылова.—К книжке приложена подробная библиография.

[2]) Роль чертенка, можно сказать, создана Ремизовым: чертенку нередко передаются слова и действия других лиц,

нения, как видно, довольно значительные, и тенденция их такова, что Иванов-Разумник имел основание предпочитать «свод» Бакрылова «театру» Ремизова. При всем том Ремизов не погрешил против народного стиля: не исказил его, а, так сказать, облагородил. Может-быть, и в самом деле (как полагает автор) русский народ не будет на него в обиде. Но опять весьма сомнительно, чтобы «народ» принял подарок Ремизова и свою непринужденную игру заменил его «театром». А об этом, повидимому, и мечтает автор, когда советует играть «Максимилиана» везде: на площади, в театрах, в цирке, в зале, в комнате или на кухне, летом—с венками и березками, зимой—в белом городе со снежными истуканами. Возможно, конечно, что и в народе пожелают играть не «кое-как», не «по-прежнему», когда «в народе серости более было», а по-настоящему, по-театральному, с помощью «уставщиков театра». Режиссер, всего вернее, не преминет воспользоваться текстом Ремизова: в нем есть сценическая расчлененность и слаженность; между прочим, очень удачно выделена «интермедия». Но если даже на этом практическом пути автора постигнет неудача, его «Царь Максимилиан» сохранит значение—как талантливое литературное произведение.

В заключение хочется сказать, что появление «свода» Бакрылова и «театра» Ремизова усиленно подчеркивает необходимость *научного* издания знаменитой народной драмы.

П. Сакулин.

ЮРИЙ ТЫНЯНОВ. Достоевский и Гоголь. (К теории пародии). Сборники по теории поэтического языка. Изд. „Опояз“ 1921. Стр. 48.

Небольшая книжечка Ю. Тынянова состоит из двух глав. В первой—«Стилизация-пародия», автор выясняет основной смысл стилизации и весьма близкой к ней пародии, как особого художественного приема. «Стилизация, проведенная с определенными заданиями, обращается в пародию, когда этих заданий нет». Такова, по мнению автора, основная сущность пародии, представляющей собою не что иное, как механизацию определенного приема. Попутно автор вскрывает целый ряд поэтических приемов гоголевского юмора, как в области архитектоники целого построения характера, так и в области строения фразы, образа, фонетических узоров. Путем многочисленных сопоставлений и цитат вскрывается постоянная связь Достоевского с приемами Гоголя.

Вторая глава книжки посвящена специально выяснению зависимости «Села Степанчикова» от «Переписки с друзьями». Фома Опискин открывается, как характер глубоко пародийный, материалом для которого послужила «Переписка» Гоголя или, вернее, личность его. Снова путем умелых и многочисленных сопоставлений Ю. Тынянов указывает на несомненную зависимость Достоевского от Гоголя. Начиная с описания наружности, манеры и стиля разговора и кончая религиозными и общественными взглядами и проповедями — всюду обнаруживается большое количество точек соприкосновения; целый ряд фраз Фомы Опискина кажется порою чуть ли не списанным с Гоголя и его «Переписки». Вот один из особенно ярких примеров, приводимых Тыняновым.

«О, не ставьте мне монумента! — кричал Фома,—не ставьте мне его! Не надо мне монументов! В сердцах своих воздвигните мне монумент, а больше ничего не надо, не надо!» («Село Степанчиково», стр. 559).

«Завещаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном. Кому же из близких моих я был действительно дорог, тот воздвигнет мне памятник иначе, воздвигнет он его в самом себе...» («Завещание», стр. 18).

Надо сказать, что пародийность «Села Степанчикова» не вошла в литературное сознание читательской массы, и заслуга Ю. Тынянова безусловно значительна. Он вскрывает задний план, на фоне которого произведение Достоевского предстает в новом освещании.

Д. Выгодский.

Г. ШЕНГЕЛИ. Трактат о русском стихе. Ч. I. Органическая метрика.—Всеукраинское Государств. Издательство. Одесса. 1921. Стр. 96. Продажн. моск. цена 8000 р.

Стихом начали заниматься с Белого. Тот это делал серьезно и что-то сделал. Что именно,—это можно определить точно: поднял интерес к этому вопросу и дал некоторый метод. Возникло стихоучение Белого самостоятельно без какой-либо связи с иностранными очень серьезными исследователями. Естественно—научная жилка в Белом была, но, разумеется, на исследование ее не хватило. И работы Белого изобилуют массой недопустимых у серьезного работника курьезов, нелепостей, преждевременных обобщений и заключений и, наконец, что самое пагубное—они тенденциозны. Требуется доказать априорное положение—«форма эквивалентна содержанию», и к этому все ведется. За отсутствием какого бы то ни было материала у возражателей Белый был свободен в установлении чего угодно и как угодно. Идеологически же он не выходил из рамок школьной метрики,—того представления о стихосложении, которое преподавалось по «теориям словесности» в гимназиях и кадетских корпусах. Известно, что Белый—поэт, поэтому большинство начинающих стихотворцев считали своей обязанностью «работать» в том же направлении. Старик Корш однажды сказал (в частном разговоре с Цветаевым): «только из поэтов и выходят хорошие филологи», но не надо забывать, что Корш и себя считал поэтом, а это соображение подмачивает весь афоризм. Но плох ли, хорош ли ритмовед Белый, он все-таки—Белый, величина серьезная, и что-то от работ его останется. А вот его ученики и соблазненные им на «изысканную» науку... (что-то в роде геральдики, это ведь в моде было, — знать пару пустяков, никому ненужных, и замечательных только тем, что об них у Брокгауза почти что не говорится). Народу писало о стихе немало: все начинают с того, что устанавливают собственную доктрину и обливают помоями все остальные — добрые нравы поэтского мира!—сперва выдумывается терминология, к ней приспосабливаются явления. Белый оперировал с подсчетами, которым присвоивал громкое название—статистических, не имея ни малейшего представления о статистическом методе. Эти тоже все — за факт и его статистическое истолкование. Что это за статистика—один Пирсон ведает. Невежество их во всех областях, с которыми им приходится действовать—достойна их звания «поэта», которому, как известно, знать ничего не надобно,—он все берет нутром и талантищем. Талантище, впрочем, старое актерское словцо, теперь принято говорить «интуиция», но дело это очень мало меняет. Компиляторы они плохие, так как, кроме как на себя, ни на кого не полагаются, но плагиаторы недурные.

Таков и Шенгели. Он не знает никого из иностранцев ритмоведов: замечательные исследователи, как Веррье, Скрипчюр, Ландри, Руссело, Саран — ему неизвестны. В статистике он не ушел дальше среднего геометрического, применяемого с неясными целями и со столь же туманными результатами. Он не слыхал о ритме объективном и субъективном, потому он пишет о том, что «ритмичность нередко привносима» (стр. 6) и приводит следующий пример: «двудольное тиканье метронома может быть рассматриваемо и как ямбическое и как хореическое», т.-е., уверяет себя и читателя, что между этими двумя формами есть какая-то разница, что в пределах существующей науки о стихе безграмотно, а о привносимости ровно ничего не говорит. Далее неожиданно следующее: «когда же ритм действительно присущ пробегающему во времени ряду, то уместен вопрос о материи и форме ритма». Ясно, что читателю любопытно, а что же это за «материя»? И вот определение Шенгели, на наш взгляд, обеспечивающее автору бессмертие в истории русского наукословия: «материя — то общее членам ряда свойство, которое распределяется упорядоченно-неравномерно». Бессмыслица первоклассная. Можно было бы сказать, что шенгелизм есть общее недорослям свойство, распределяющееся по рифмачущей России упорядоченно-неравномерно,—но ведь это другое дело.

Так, таким стилем и с такими же познаниями написан весь «трактат», в

котором кстати сказать, несколько меньше ста страниц. Шенгели, видимо, не читал работ Томашевского, очень серьезных и осторожных, не знает он и работ петербургского кружка («Поэтика») и венгеровских семинариев. Если же что ему нравится из случайно прочитанного, он это тянет в свой «трактат», не упоминая автора.

Кое-что из таблиц Шенгели может быть использовано грамотным человеком не без интересных результатов.

Сергей Бобров.

ЛИТЕРАТУРА ВОСТОКА. Сборник статей. Выпуск второй. Всемирная литература. Государственное Издательство. Петербург, 1920 г. 174 стр.

Одной из насущных задач востоковедения является ознакомление широкого круга читателей с подлинными произведениями восточной культуры. Изд-во «Всемирная Литература» поставило своей задачей дать ряд очерков по истории литературы народов Востока, сделанных видными специалистами в этой области, и переводов произведений наиболее типичных для каждой страны. Русский читатель мало знаком или даже совсем не знаком с духовным богатством Китая, Японии, Монголии, Манчжурии, Абиссинии и других стран. С большим интересом он должен приступить к изучению истории литературы этих, пока недоступных для него областей.

Настоящий выпуск посвящен литературе китайской, египетской, коптской, абиссинской и финикийской.

В статье о китайской литературе проф. Алексеев набрасывает схему идейной жизни китайской литературы, отмечая ее мировое значение, ее огромное влияние на духовную культуру Японии, Кореи, Аннама.

Останавливаясь на вопросе о слабой постановке китаеведения, о недоступности произведений китайской литературы, автор переходит к очерку истории литературы Китая, начиная с древней классической поэзии. По строго намеченной программе, составленной для переводов оригинальных произведений, предполагается выпустить 64 томика, которые смогут возбудить интерес к духовному богатству Китая.

Специалист по Японии, проф. Елисеев дает очень интересный очерк японской литературы, от первой японской истории «Записи древних диг» до крупных произведений писателей XX века. Им разбирается народная поэзия, изящная литература, драма, указывается исторический характер влияний, охватывавших японскую литературу, большое влияние Китая, буддизма, рост городов в XV веке, расцвет в XVII и новые влияния XIX—XX веков.

Далее следует статья проф. Владимирцева о монгольской литературе, малоизвестной не только европейцам, но и самим монголам, вследствие причин характера историко-географического. Проф. Котвич разбирает литературу Манчжурии, раскрывая картину неотразимого влияния китайской цивилизации на менее культурные народы.

Известный египтолог проф. Тураев дал четыре очерка. Первый посвящен египетской литературе, блестящие образцы которой уже давно были даны русской публике самим профессором Тураевым, всячески старавшимся познакомить ее с подлинными произведениями древнего Египта. Еще недавно в издании Сабашниковых вышел первый том египетской литературы, составленный проф. Тураевым. Эта работа представляет исключительный интерес и является совершенно новой по собранному материалу. В разбираемой нами статье проф. Тураев сжато, красочно набрасывает картину эволюции египетской литературы, отмечая на пути ее развития все выдающееся и новое.

Литературный материал, оставленный древним Египтом, велик и разнообразен: тут и тексты цирамид, и сказки, и повести, стихи, поучения и официальные тексты.

В коптской литературе автором отмечается преимущественно церковный характер дошедших до нас произведений, расцвет которых относится ко времени от V до X века. Знаток коптского языка, проф. Тураев тонко разбирается в древне-египетских пережитках в коптской литературе.

В статье об абиссинской (эфиопской) литературе обращается внимание на амографический характер творчества Абиссинии, на церковную поэзию, на историографию, исторические легенды и др. Наконец, последним очерком является финикийская литература, крайне незначительная по количеству найденных памятников.

В конце книги приложена статья проф. Крачковского, посвященная памяти проф. Б. А. Тураева.

Внешний вид книжки вполне хороший Остается только с нетерпением ожидать ближайшего выпуска памятников литературы и пожелать всяческого успеха этому благому начинанию.

Т. Козьмина.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АЛЬМАНАХ ЦЕХА ПОЭТОВ. Книга вторая. Петроград, 1921. Стр. 88.

СОПО. Первый сборник стихов. (Москва). 4-й год I-го века (1921). Стр. 32.

Вот два сборника стихов, которые характеризуют два устремления современной русской поэзии: петроградское и московское. Первое можно назвать консервативным, второе—новаторским. Петроградские поэты стремятся «охранять» традиции, московские—ломать все устои. Разумеется, все это верно лишь в общих чертах: и в Москве есть свои поэты-консерваторы (целая группа «неоклассиков» с Олегом Леонидовым во главе), и в Петрограде свои новаторы, но господствующий «дух» поэзии двух городов именно таков, и этот «дух» резко сказывается в двух книжках в «Альманахе Цеха» и в «Сопо» (т.-е. альманахе «Союза Поэтов»). В первом господствует дух «охранения», в другом—«революции».

В общем, по нашему крайнему разумению, оба сборника очень слабы. Огромное большинство стихов, напечатанных в том и другом, просто плохи [1]). Притом в московском сборнике отсутствуют самые интересные из молодых московских поэтов (В. Маяковский, Б. Пастернак, К. Большаков, С. Есенин, А. Кусиков, Адалис), тогда как петербургская поэзия представлена всеми ее главарями. Тем не менее, разница двух направлений выступает в двух сборниках совершенно определенно. У петербуржцев все—знакомое, привычное, давно читанное и писанное. «Не о весне пою», говорит один из них—но нет, именно «о весне» и тому подобном все они и «поют». У них непременно «легкая туманная пелена» и «месяц блестит над могилами» (Г. Иванов), и «бил крылатый час» (В. Лозинский), и «нет спасенья от любви» или «зачем преждевременно я от тебя оторвался» (О. Мандельштам), и «милое и нежное создание» или «за спущенными шторами он совсем не ждет твоих шагов» (Н. Оцуп), и вообще «звон о прежнем, милом и давно любимом» (М. Лозинский).

Совсем в другой мир вступаешь, раскрывая московский сборник: «Пожаром дрожавший праздник еще отгорал в звездах» (И. Аксенов), «хрустя хрусталем созвездий, с башен звеня стекол, извивающимся курантом, колокольный Интернационал» (он же), «Когда детонирующий город распинается на куски» (С. Бобров), «Рогожей пахнет ночь мертво, и липнут со звезды—в окно, на кашель, одеял холодные пуды» (С. Буданцев), «Ребра горизонтов в теле коммун» (В. Ковалевский), «О стены—кровь бьется в орбитах гитар» (он же) и т. д.

Мы не собираемся защищать ни одно из приведенных выражений московского сборника. Но в стиле, в языке, в ритмах москвичей—беспокойство, искание, сознание, что создалось что-то новое, что жизнь стала иной, что человек уже

[1]) В московском сборнике помещены два стихотворения автора этой заметки. Он полагает, что это не лишает его права высказать свои общие суждения и об этой книжке, но, разумеется, свои стихи оставляет в стороне.

не таков, как недавно, и что о новом надо говорить по-новому. Пусть участники «Сопо» (повторяем—лучших московских поэтов среди них нет) не нашли этих новых слов, они—часть той маленькой армии, которая творит новую поэзию. У поэтов петроградского Цеха—успокоение, самодовольство, уверенность, что все прекрасное уже сделано в прошлом, что надо только следовать классическим образцам, мало видоизменяя их, и тем поэзия будет спасена от всяких губительных «измов». Лицом к лицу пред таким настроением, мы, по крайней мере, предпочтем самые неудачные искания самым благополучным повторениям. Ни в политике, ни в искусстве консерватизм никогда еще не приводил ни к чему хорошему.

Валерий Брюсов.

К. БАЛЬМОНТ. Перстень. Москва. 1920. „Творчество". Стр. 64.

Уже давно читатель перестал ждать от Бальмонта чего-нибудь нового или значительного. Слишком очевидно, что свой поэтический путь он уже закончил, и что, если он по инерции шагает еще, то это «шаг на месте», который вряд ли может привести к новым достижениям.

Беспредельность, безглагольность, безбрежность, неисчерпаемость, необозримость: все слова, говорящие о вселенских вихрях: самум, циклон, жерло, мятель, гроза, буря, смерч, круг, круженье, качанье, зыбь, пропасть, цветы и камни: самоцвет, яхонт, алмаз, аметист, изумруд, роза, лотос, медвяные, алые, рдяные, белые, черные, многозначительные псалмы, пляски, всклики, лики, оазисы, перстни, негодованья, ворожба и т. д., и т. д. Вот словарь, значительная часть которого создана Бальмонтом, но давно уже успела набить оскомину, другая часть которого была необходимой принадлежностью стихотворений еще до рождения Бальмонта.

Таков словарь. А вот эпитет: небо—голубое, поле—необозримое, рука—нежная, страсти — бешеные, луч — яркий, стебель — стройный, вальс — старинный, путь — красивый, смех — беспечный и т. д. и т. д. Стоит ли выписывать?

Наконец, обычнейший у Бальмонта прием сопоставления двух слов одинаковых или противоположных: душа к душе, стих к стиху, снежинка с снежинкой, тучка к тучке; цветут цветы, волнуясь и волнуя; дикий смерч и малая струя; тьма и свет; живой и в смерти. И обычные перечисления, и обычные слабые сравнения.

Но, может-быть, Бальмонт—он ведь и философ—дает новую философскую концепцию? Когда-то он сравнивал «акульи плавники и пальцы Рафаэля» и находил их равными пред ликом бытия. Теперь...

Хоть разный лик дан соловьям и совам
Один огонь бежит по всем основам.

Это главенствующая мысль главенствующего в книге венка сонетов «Перстень». Венок сонетов, напряженнейшая и глубочайшая из всех классических форм, превращается у Бальмонта в беззаботное словоизвержение.

Д. Выгодский.

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ. Последние мечты. Лирика. 1917—1919 г. М. 1920. „Творчество". Стр. 64.

Еще так недавно говоривший о своей непресыщенности и о своей ненасытимости, Валерий Брюсов издает свои «Последние мечты», где его слово, утверждающее все семь цветов радуги, омрачается ясно ощущаемой тяжестью пережитых годов. В целом ряде стихов автор подытоживает пройденный путь.

Жду, на какой строфе случайной
Я с жизнью оборву свой стих.

В новой книге Брюсова есть много давно знакомых и не однажды отмеченных черт. Стихотворный каталог своих книг (« О себе самом», стр. 11), совершенно случайные сопоставления и параллели («Три яблока», стр. 33), современность, выражающаяся в электрических лампочках и автомобильных зовах, дань культурной истории человечества—Ариадна, Фессей, Ганнибал, Библия и т. д.—повседневность и экзотика, космические размышления и детские песенки—все это знакомые нам лики всегда блуждаю-

щего, но никогда не заблудившегося поэта.

И несмотря на это, каждая новая книга Брюсова представляет определенный интерес. После десятилетий поэтической работы Брюсов все еще не только на пути исканий, но и новых достижений. Даже перепевая самого себя неоднократно, Брюсов пытается каждый раз найти новые ритмы, новые слова, новые созвучия, и стих его «последней мечты» звучит более сильно, более уверенно, чем предпоследней. Может-быть, еще никогда стих Брюсова не звучал так четко, как в его «Ночи» (стр. 24). Латинская медь и Пушкинская легкость,—два истока, всегда питавших Брюсова, здесь сливаются в завершонной гармонии.

А строфика «Голоса иных миров» и спондаическая тяжесть завершительных стихов «Ученика Орфея»:

Вопль моторов, рев толп людских—

говорит о том, что мастер еще не перестал быть учеником.

Д. Выгодский.

ПИМЕН КАРПОВ. Трубный голос. Рассказы. Госуд. Издат. Москва. 1920 года.

Рассказы Пимена Карпова—агитационные миниатюры. Не лишенные некоторой талантливости, они временами переходят в слащавую идиллию, как, например, рассказы «На родине» или «Канун». Кусочки подлинной жизненной правды в рассказе «Бесенок» и в конце рассказа «Маруся-огонек». Интересен и правдив рассказ «Ревком», пожалуй, лучший по своей художественной объективности. В конце совершенно неожиданно преподносится рассказ «В свете бурь». Он совсем не гармонирует с теми заданиями, какие, очевидно, ставил себе автор сборника, ибо последний рассказ этот проникнут весьма ура-патриотическими настроениями эпохи войны. Здесь идиллия принимает уже ненарочито советский, а патриотический характер.

Дело, конечно, автора расценивать события и трактовать так, как он их понимает. Но необходимо помнить одно: быть именинником на Антона и на Онуфрия, да еще в одном и том же сборнике, не годится.

Ив. Кубиков.

М. КУЗМИН. Эхо. Стихи. К-во „Картонный Домик". Спб., 1921. Стр. 64. Продажн. московск. цена 8.000 руб.

Кажется, это Брюсов когда-то в «Весах» рекомендовал читающим Кузмина, как «поэта для поэтов». Не видя особой надобности и смысла в существовании такой литературной разновидности, мы можем сказать, что надежды, таким образом, возложенные на Кузмина, им оправданы не были. Символисты просчитались. Настоящая книга заканчивается списком трудов автора. Список весьма почтенный, в нем тридцать названий. И большая часть этих книг—особенно проза—написаны далеко не для поэтов. Изрядная часть кузминской карьеры и репутации была выкормлена столь почтенными и изысканными изданиями, как «Огонек», «Лукоморье», «Аргус» и базарными издательствами в роде Семенова. Что же есть в этом авторе: дряннейший стиль (о чем когда-то еще и Белый сетовал, прочтя его «Крылья»), какая-то сумятица, словесно-образная, наконец, ни одного из мироощутительных достоинств символистов (если только это достоинства), чуточку сальновато, где-то староверского благочестия капнуто—но никто не поручится, что оно без Распутина—дальше роман приключений, смазанный стилизацией, с анекдотической фабулой, набитый препустейшими разговорами,—вот где раскрывается бездарность Кузмина во всю свою ярость. Эти разговорчики, столь серьезные—о, еще бы!—которые он фотографирует с такой приторнейшей серьезностью, наверно, в действительности были для персонажей, с которых Кузмин списывал своих героев, чем-то существенным, но в кузминском изложении все это пропадает, остается пустяк пустяковский, который только по количеству изведенных на него чернил заставляет догадываться о каком-то покушении на Вертера с арсеналом Ады Чумаченко. Что еще—да вот там какой-то Сомов в стишках, от ко-

торых так и валит чадом Фофановской кухмистерской... а ведь за всей этой абракадаброй и чудным принципом «плюнь на все и береги свое здоровье» (на символическом жаргоне выходит: примитивное приятие мира)—нельзя не признать, что какой-то дар у Кузмина был, было и чувство,—и что он только с этим со всем делал! Теперь-то, конечно, все уже закончено, порцию свою Кузмин написал, и не вина Великого Архитектора, что он эту порцию по мелочам на рынок пустил.

Новая маленькая книжка «Эхо». В оной под чудовищной обложкой небезизвестного Головина,—обложкой столь позорной, что она кажется содранной с какой-то чужой книги, напечатано около двадцати стихотворений. Они за некоторыми исключениями не хуже и не лучше того, что уже напечатал Кузмин; ощущается только большее против прежнего равнодушие к собственному предмету: «ладно—сойдет». Скука царствует на этих маленьких 60 страничках зверская. Влился и в кузминский язык тот теперь чрезвычайно обычный у наших кафэ'йных пол-поэтиков футуро-символячий легковеснейший стиль, определяющийся тем, главным образом, что его любители и от футуристов и от символистов берут самое дешевенькое и расхожее. Вот, например:

Мелкий дождя стеклярус
Сорвался, держаться не смог.
Бьется пальто, как парус,
Меж худыми ходульками ног.

Ну, кто этого или сходного теперь не напишет? Да вся наша московская мелочь из оплота безграмотщины «Литературного Особняка» пишет не хуже и в тех же словах и образах,—да какие это образы, так какая-то канитель. Вот рассказик о двух старцах, высокой поучительности рассказик: «один все плакал, другой веселился», и через 70 строк выяснилось, что «спасаться» можно и тем и другим способом, и что второй способ—ясное дело!—даже угоднее небесам. И где это живет потребитель этой поэзии и чем этого антика прошибить можно, если все чрезвычайки его от такого чтения не отвадили? Что-то об «Успеньи»; писано было на эти же темы тем же автором немало, и то, что было раньше, куда было приятнее. Довольно длинная «Чужая поэма»,—чужая, видимо, потому, что в ней участвует женщина, а как же можно женщин любить,—это не утонченно-с! Те же бесвкусицы («рукой меня толкнула нежно в бок»), «перо-пестро-Фигаро», арлекин и подарлекиненный и насурмленный Пушкин (бедный гений!), что-то невнятное о культуре (откуда Бог дал?) и:

В осеннем сне то слово прозвучало:
«Луна взошла, а Донны-Анны нет!»
Сулишь ты мне конец или начало,
Далекий и таинственный привет.

Уже не говоря о чудном предположении, что луны без Донны-Анны не бывает, обратите внимание на последние две строки: надобно что-то написать, надо, видно, развить как-то тему, писать о деле, а дела-то никакого нет, говорить-то, собственно, не о чем—«ладно, сойдет»—и пишутся две строки, которые могут значить все, что угодно, а по существу ровно ничего не значат. И дальше поэма не лучше: слабые живописные образы, никаких картин не рисующие и еле-еле из четырех рифм выползающий стихотворец. «Кукольная эстрада» — склад такого хлама, что... да вот посудите сами:

«Спросите сердце», говорите,
Мой ожидая приговор.
Я спрашивала уж, простите;
Оно молчит, дрожа на нити,
Иль шепчет непонятный вздор.

Последние три строки—лучший образец самой шарлатанской «халтуры». Не плохо бы эти строки ко всей книжке эпиграфом,—вот именно это «Эхо» занято или непонятным вздором или «дрожанием на нити». Какие нити? Откуда? Что?

Или вот еще:

Уста навеки клейки,
Где спал твой поцелуй;
Пугливей канарейки,
О, сердце, не тоскуй.

О вечная клейкость уст, о канареечная пугливость, спящие поцелуи и тоскующее сердце!—баснословный запас чепухи, и неужели время теперь эту околесицу печатать? Дальше какие-то «Ки-

тайские песенки»—не знаем откуда они сюда попали, но только на цыбиках у Перлова было больше Китая и художества; чуть получше стишок к сказке Андерсена, но и эти пустяки (мир игрушек) какой-нибудь скромный Дикс лучше и честнее писал.—Лавры Хлебникова не дают Кузмину спокойно заснуть: хочу словоновшествовать, Гриша, если ты мне не купишь новую шляпку...—хочу чтоб футуризм,—и вот пожалуйте:

Плачует Дева. Распента зря...
Кровава заря
Чует:
Земнотряси гробы зияют зимны...
...Девье сердце вонзло пронзило...
...Над Девьей млстивною главой...
О, бледный птич! О падь оплич!..

Это такой «футурист» Платов был, книжку которого Моск. Комитет по делам печати за то арестовал, что никто из комитета в этой книжке ничего не понял, а Хлебников—это совсем другое, товарищ Кузмин.

Кое-что приличное на стр. 10 и 23.

Сергей Бобров.

ВЛАДИМИР ШИШОВ. Слепорожденная вертикаль. К-во „Хориямб в зените“. М. 1921. Стр. 32—„Содружество Флейты Вагрма“—М. ТЭ., ТЕОДОР ЛЕВИТ. Стихи. Стр. 32.

Три начинающих автора. Две маленьких книжки, вышедшие в свет энигматическим образом, вторая даже литографирована. Стихи приятно отдают серьезной работой. Слабее других М. Тэ. В. Шишов и Т. Левит показывают изрядную для начинающих выучку и серьезность. Пока все еще очень надуманно и подражательно, но надежды связывать кое-какие с этими именами можно. Ученики культурные, осторожные и дельные. А прогноз, конечно, все ж гадателен. Будет работа—будет и искусство.

А. Юрлов.

ИОГАН ЛЕКАИ. „Раб“, „Революция“, „Искупление“. С предисловием А. В. Луначарского. Гос. Издат. 1921 г.

Три небольшие пьески, словно снимки, сделанные моментальной фотографией, с конденсированным действием, без лишнего балласта, порою страдающие недостаточной психологической мотивировкой (как «Раб»), порою не воспроизводящие изображаемого явления во всей широте его (как «Революция»), навеянные современностью, войной («Раб») и революцией («Революция», «Искупление»). Документы эпохи, они свидетельствуют о тесном союзе писательской молодежи Запада с гением пролетарского восстания и позволяют думать, что автор—венгерец, участник германской революции,—со временем даст и нечто более крупное и более ценное.

В. Фриче.

ВЗМАХ. Стихи и поэмы иваново-вознесенских поэтов. Издание Иваново-Вознесенского Губроста. 1921 г.

«Чем богаты—то и даем», кончает редакция сборника свое предисловие. Заключение скромное, примиряющее читателя с содержанием книжки. В ней всего 32 страницы. Включены стихи Мих. Артамонова, А. Барковой, С. Селянина, Д. Семеновского, Н. Смирнова и Ф. Димитриева-Костромского. За малым исключением все поют на лад крестьянских поэтов, и от стихов большинства пахнет душистыми травами, смолистыми соснами и черноземом. Это—взмахи крыльев птиц, еще не определивших свое направление, не укрепивших свой полет; это—пловцы без компаса. Мих. Артамонов хочет на 30 весне «заснувшую даль разбудить». Но даль для него—туманное марево, мечта о «Золотой весне».

Там стекляницей на озере дом,
В нем живет золотая весна.
Только я на краю на другом,
И об этом не знает она.

И поэт не решителен. Перейти бы на тот край, да боится:

Да весна обернется ль ко мне,
Да узнает ли снова меня.

«Она»—часто склоняется по всем падежам иваново-вознесенскими поэтами. В таинственном «Она»,—и таинственная весна, и таинственное счастье. С. Селянин молится этой таинственной «Она»:

Я молился тебе,
А ты, улыбаясь, шла мимо.
Верила ворожбе:
«Счастье не с ним».

Как ранний мороз убивает цветок, так убивают Д. Семеновского «Эти злые и скудные дни». Поэтому он «устал и состарился духом». Его надежда на таинственную любовь. Он взывает к ней через «сердечные двери».

О, раскройтесь, сердечные двери,
Встань, Любовь, на моей тропе.

А философия поэта о жизни, о «злых и скудных днях» поднимает из могилы Надсона: «О, друг мой, брат мой» и т. д. Оказывается, только таинственная любовь победит все. Познай ее, селянин, рабочий, и «благо те будет», ибо вражду, смерть победит любовь. В революции нет любви Д. Семеновского, его любовь мертвая.

Я давно отвык улыбаться
Я не знаю, что людям дать.

Стихотворение «Праздник» причисляет его к лику Клюева и др., у кого в словаре еще ярки имена «Миколы-Солнышка», «Егория в латах».

Таинственная скорбь обуяла и Н. Смирнова. Поэт совсем разомлел от заревых далей.

Весной в лесу мне хочется заплакать
Прозрачными и чистыми слезами.

И в этой таинственной скорби он обращается не к людям, а к «Праматери-Земле». Ему чужд зов сполохов революции. И как вяло, скучно, звучат фальшивые, больные строчки:

Любить, томиться обрести навеки
Великий смысл нам людям, данной
жизни.

Более слабыми по форме являются стихи А. Барковой и Ф. Димитриева-Костромского. В стихотворении «Две тяжести» А. Баркова называет себя скромно предтечей иной поэтессы, иначе говоря, предтечей сильной женщины, которая придет, как «поэтесса великой эры», которая утолит «жажду веры из чаши новой красоты».

В стихах Ф. Димитриева-Костромского широкий размах любви и веры к тем, кто кликнул вселенский клич: «К труду»:

Так будем верить, верить в Чудо
Преображения Земли.

Он верит потому, что он не один:

Не мы ль во всем, везде, повсюду
Всем солнце новое зажгли.

И потому, что дары республики он хочет сберечь «Всемирному оркестру», у него нет и таинственной скорби, но есть «парус—пламенность души». Он не хочет «Заплакать весной в лесу». Наоборот:

Пусть — скалы, бури и туманы,
Нам—бухты гаваней в тиши.

Недочеты с технической стороны всех стихов можно определить таким образом. Они страдают длиннотами. Слабый образ теряется в ворохе прозаизмов. Пушкинский стих смешивается чуточку с Иг. Северянином «В овраге елочка»... (Н. Смирнов), Ахматовой «Две поэтессы» (А. Баркова).

По технике сильнее всех стихи Артамонова, Семеновского, слабее—Ф. Димитриева-Костромского.

В общем книжка насыщена таинственностью, скорбью, нытьем, и в этой стороны является мещанской отрыжкой. Хотелось бы спросить иваново-вознесенцев: Неужели вы, товарищи, в эти «Скудные дни» не видите действительно ярких пятен и героических взмахов?

П. Яровой.

ИСКУССТВА.

ЕЖЕГОДНИК РОССИЙСКОГО ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ИСКУССТВ. О. Ф. Вальдгауер. Этюды по истории античного портрета. Том I. Выпуск I. Часть I. Государственное Издательство. Петербург, 1921. — 4°. Стр. 87 + I.

Ученый труд профессора Петербургского университета и хранителя Государственного Эрмитажа представлен солидным изданием, снабженным 37 рисунками, вставленными в текст, 8 таблицами на отдельных листах. Деловая серая обложка, прекрасная бумага, четкий шрифт, тщательные фотографии (правда, не всегда удачные) — сообщают изданию настолько богатый вид, что в наш экономный век оно выделяется из среды других.

Не будем останавливаться на предисловии «От редакции», обещающей нам аналогичные выпуски 2—4 раза в год, и рассмотрим содержание работы О. Ф. Вальдгауера. Она состоит из введения, трех этюдов и двух экскурсов. Задача автора—чисто историко-художественная, оставляя в стороне портретное сходство, произвести стилистический анализ ряда групп художественно-родственных памятников и связать их в серии под символами известных имен крупных мастеров. Посвящая эту первую часть своего исследования греческому портрету V в. до Р. Х., О. Ф. Вальдгауер устанавливает основную предпосылку, что уже с первой половины V в., вместе со строгим стилем скульптуры, зарождается и индивидуализация идеального типа персонажа. Альтернатива типа и индивида, так сказать, родовое и видовое искусство портрета, не чужды были и Древнему Востоку: ранняя Греция, как критомикенская, так и архаическая, преимущественно развивали типическое; но со времени персидских войн открылась дорога и натурализму. Портретное искусство Греции начинается гораздо раньше, чем обычно принято думать. Серьезным доказательством этому служит «Бронзовая голова в собрании О. Э. Браза». (Заглавие I этюда). Это изображение бородатого мужчины зрелых лет передает натуру в простых, почти кубичных формах, при чем индивидуальная асимметричность лица сочетается с известным схематизмом трактовки. Наличный памятник датируется II веком нашей эры; но, по свидетельству ряда аналогов, это—копия с головы греческой работы, близкой эпохе Мирона. Мирон—конструктивист; для всех его работ характерна идеализация индивидуума. В этом отношении стиль головы Браза отличен от Миронова круга. Ее можно поставить в ряд работ периода возникновения строгого стиля, еще до Мирона — с его уже не кубичными, а шарообразными головами. Этот цикл, почти современный Мирону, но по формальным заданиям своим особый, нужно связать с ионийской струей, начатой Пифагором регийским, а к концу IV в. увенчанной Лисиппом. Постепенную и многообразную натуралистичность развивает второй этюд «Портретная скульптура V в. до появления Димитрия из Алопеки». Здесь можно выделить ряд портретных изображений, группирующихся вокруг головы Эсхила капитолийского музея с его куполообразным лбом, являющимся как бы центром всей композиции. Эта централизация масс, противоположная физиономическому линеализму пифагорова стиля и сопровождающаяся иной передачей волос и глаз, продолжает и развивает традицию Мирона—«индивидуализм изнутри». На других головах с широко расставленными глазами и тонкими ртами отражается влияние Фидия. Наконец, Кресилай, известный нам по портрету Перикла, трактует индивидуальные черты значительно резче Мирона, а привходящие к портрету декоративные элементы у него экономны почти до сухости. Что касается до характеристики личности в полном смысле слова, то ее дают лишь «Портреты стиля Димитрия из Алопеки» (III этюд). Отправным пунктом здесь может служить эрмитажная копия головы мальчика; эта головка, воспринятая художником в кубичных формах, по стилю должна быть отнесена к концу

V века. Аналогии совпадают с определениями ученых, исследовавших стиль Димитрия, прозванного «человекоделом», художника, преследовавшего не красоту, а сходство. Из засвидетельствованных античными источниками произведений Димитрия некоторые могут быть найдены в сохранившихся копиях. Они могут быть сведены в три группы разных периодов его деятельности — конца V и начала IV в. Не стремясь к ритму линий, Димитрий подчеркивает асимметричность своих голов, воспринимаемых им, как систему плоскостей. Для него человеческое лицо (пусть старческое) интересно лишь как индивидуальный комплекс самоценных линий и масс. Быстрая реакция аттического углубления внешности знаменуется более содержательным творчеством Кефисодота (IV в.) и лишь в эллинистике возрождается физиономизм Димитрия.

Таково вкратце содержание «Этюдов». Присоединенные к ним два экскурса (А. «К вопросу о натурализме в греческом искусстве»; Б. «Женская головка строгого стиля в Эрмитаже») на примере некоторых памятников, не вошедших в круг произведений портретного искусства, подчеркивают основное убеждение автора в том, что эллинский натурализм коренится в гораздо более ранних эпохах, чем это обычно усматривают специалисты.

Указанный тезис ставит исследование О. Ф. Вальдгауера в разряд таких книг, которые при удачном разрешении проблемы делают эпоху в истории античного искусства. Интересный анализ широкого круга памятников приводит автора к важным выводам общего характера. К этому присоединяется и другое соображение положительного порядка: исследователь поставил себе задачу весьма трудную и ответственную: от типологии портрета возойти к художественной воле школы великого мастера, иными словами—по портрету найти портретиста.

Такого рода направление историко-художественной науки, в последней четверти минувшего века особенно четко выраженное покойным А. Фуршвенглером, имеет, конечно, свои слабые стороны. Прежде всего сюда относится известная уязвимость методологии: путь анологий, вообще говоря, — скользкий путь, часто не допускающий никакого логически-верного вывода, т. к. неопределимо длительный ряд стилистических pro часто не может быть уравновешен противорядом эквивалентных contra; ведь в науке об античном искусстве слишком много пробелов чисто-исторических: нам известны не все мастера; что касается известных--нам часто вовсе неизвестна история их художественной деятельности, и мы, казалось бы, совсем не в праве предполагать, что всякий великий скульптор ваял всегда одинаково, без всяких переломов стиля; произведения мастеров часто совсем не дошли до нас или дошли в жалких копиях и переделках и т. д. Между тем аналогирование элементов ряда, границы которого неизвестны, приводит лишь к проблематичной достоверности. Отсюда понятна и предвзятость и натянутость иных аналогий, объясняющихся тем, что специалист, погруженный вниманием в свой вопрос, невольно подмечает черты сходства с исходным предметом своего исследования там, где равнодушному наблюдателю может быть бросятся в глаза как раз элементы различия. Так, не совсем легко согласиться с О. Ф. Вальдгауером в прямом стилистическом сходстве, напр., бронзы собрания Браза с эрмитажным портретом III в. (стр. 6) или с бородатой головой в Мадриде (стр. 15); головы атлета в Мюнхене с «Писистратом» Альбани (стр. 8); эрмитажного мальчика с бородатым философом Уффиций (стр. 48); наконец, совсем уже различно восприятие натуры (особенно в профиль) авторами женского портрета Боргезе и эрмитажной головки (стр. 84). Невольно думается, что некоторое подобие элементов стиля еще не есть прямая аналогия, когда не учтены в достаточной мере противоположные элементы несходства.

Местами автором не выдержан и классификационный принцип анализа (стр. 48), своеобразие трактовки глазных век естественно считать стилистической данной в идеальном искусстве, но в области портрета такой прием мастера подлежит анализу уже типологическому, от которого следовало бы резко отмежеваться.

Пожалуй, более существенным несовершенством, чем некоторые черты анализа, является недостаточная выраженность стилистического *синтеза*, второстепенное расценивание которого приводит ученого аналитика к черезчур, пожалуй, смелому выводу, что мюнхенская «пьяная старуха» восходит к кругу Мирона (?). Вызывает также некоторое сомнение и пристрастие автора к столь проработанному им эрмитажному собранию антиков: не слишком ли большой процент аналогов падает именно на долю Петербурга,—все же ведь не первостепенного центра античных коллекций? Несколько субъективней представляется нам переоценка проблемы Пифагора регийского, тонким знатоком которого зарекомендовал себя О. Ф. Вальдгауер. Наконец, отметим еще один терминологический недочет исследования: таковым мы считаем крайнюю многозначность слова «форма», такого загадочного в устах всякого вообще искусствоведа. Таким образом, основными несовершенствами рассматриваемой работы являются, как нам кажется, некоторые методологические недочеты и недостаточная местами полнота привлекаемого материала.

При всем том, поставленная исследователем проблема—пересмотра истории античного натурализма в искусстве имеет за собой все данные серьезной рабочей гипотезы, и книга профессора Вальдгауера должна быть признана крупным явлением русской историко-художественной литературы.

Проф. Д. Недович.

ДЖЕЛАЛ ЭССАД. Константинополь. От Византии до Стамбула. С предисловием Ш. Диля. Перевод (с франц.) Безобразова. Москва. Издание М. и С. Сабашниковых. 1919. Из серии: „Страны, Века и Народы". Стр. 336.

Невелика у нас литература о Византии, но совсем почти ничего нет о Турции и особенно о турецком искусстве. Поэтому необходимо приветствовать появление книги, которая стремится пополнить этот пробел нашей историко-художественной литературы. Удачным можно признать и выбор сочинения автора — мусульманина по рождению, человека горячо любящего свое национальное искусство и не менее горячо стремящегося передать эту любовь читателю. Как указывает в своем предисловии Ш. Диль, Джелал Эссад-бей не ученый по профессии, но в качестве изящного рисовальщика и искусного архитектора он заинтересовался вопросами искусства, изучал памятники старины и, увлекшись художественной историей Константинополя, пытается в своей книге воссоздать нам его былой облик во всех его живописных подробностях и во всем разнообразии. С этою целью Джелал Эссад собирает все, что было ему доступно по вопросам византологии, систематизирует, обобщает полученный материал и в виде резюме дает нам первую часть своей книги, посвященную византийскому периоду жизни Константинополя.

Нельзя не признать, что при обобщении обрабатываемые источники несколько потерпели,—автор, увлекающийся, по вполне понятным причинам, главным образом, османским искусством, стремится выдвинуть его на первый план, а для этого ему необходимо представить византийское искусство в более серых тонах, как фон, на котором затем должно пышно расцвести искусство Оттоманов. Вот почему в 1 части книги можно встретить подобные, напр., отзывы о византийском искусстве: «В Византии не могло быть прекрасных пластических произведений; на всех на них лежала печать неумелости первобытных времен» (стр. 104). В этом тоне весь обзор византийского периода Константинополя, и по этому поводу можно было бы начать полемику с автором, но, по счастью, он и сам не выдерживает устанавливаемого им в общей части взгляда и при обзоре отдельных памятников нередко сам себя опровергает. Так, говоря о византийском искусстве, он указывает, что «в эпоху Комнинов и Палеологов наступает последнее возрождение, которое никогда не могло утратить свой наивный характер. Это тщетная попытка обновления» (стр. 105); несколько дальше (на стр. 131—132), говоря о мозаиках Хоры (Кахрие Джами), Эссад называет их настоящими шедеврами, относит их ко времени последнего возрождения византийского искусства и

указывает притом, что в «XIV в. в Византии уже были самостоятельные произведения, достаточно свидетельствующие об уменьи византийских художников того времени».

Подобных противоречий в книге встретится немало, но приводить их мы не будем, так как не в характеристике искусства главный интерес книги, а в восстановлении перед глазами читателя древнего Константинополя с его храмами, дворцами, частными жилищами, ипподромом.

В этой работе сказывается вся любовь автора к родному городу и здесь, собирая крохи различных исследований, он объединяет их своим знанием современного города и ведет читателя по кривым и запутанным его уличкам, шаг за шагом восстанавливая облик древней Византии.

Значение этой части работы Джелал Эссада очень велико, и ради одних этих страниц стоило заняться переводом и опубликованием книги. Здесь впервые ясно и четко сведены все данные о топографии древнего Константинополя, разбросанные у разных авторов, и сведены под контролем знатока, проверившего на месте все сообщения, отбросившего сомнительные и дополнившего не всегда полные изыскания. Можно пожалеть только, что не все дополнено, что есть еще данные, которые было бы легче добыть исследованием мусульманину, чем исследователям—европейским ученым, но будем надеяться, что это со временем и будет сделано Эссадом, как это выполнено им по отношению к турецкому периоду истории Константинополя, составившему содержание второй части его книги.

В этой части, как и в первой, автор сначала делает общий обзор мусульманского и в частности османского искусства, а затем переходит к обзору отдельных памятников.

В общем обзоре приходится отметить тот же недостаток, на который мы уже указывали, говоря о разборе византийского искусства. Поставив себе задачей во что бы то ни стало поднять на большую высоту османское искусство, автор стремится доказать его самостоятельность и независимость не только от Византийского искусства, но даже от других искусств мусульманских стран: Персии, Аравии, Африки, и в этом стремлении нанизывает противоречие за противоречием. Нельзя не сознаться, что задача действительно неблагодарная, так как едва автору удается установить разницу между мусульманским искусством Аравии и Турции, как оказывается, что эта разница заключается именно в византийском характере турецких памятников. От Византии же турецкие памятники отличаются теми особенностями, которые свойственны вообще мусульманскому искусству. Таким образом, основная, как будто бы, задача автора—доказать существование самостоятельного и особого османского искусства, вряд ли может быть признана решенной им удачно, но на наш взгляд не в этом главное значение этой части, а в обзоре и систематике османского творчества, которые дает нам автор. Впервые мы знакомимся с творчеством турецких зодчих не по отдельным отрывкам, а в стройной общей картине. Правда, всегда трудно по памятникам одного города дать полную картину развития искусства в стране, но Джелал Эссад обходит это затруднение, делая беспрерывные экскурсии в другие города и, характеризуя отдельных зодчих, дает нам списки и описания не только константинопольских их произведений, но и провинциальных.

В этой части труда Джелал Эссад-бея хочется отметить сильную и искреннюю любовь его к родному искусству, к каждому отдельному произведению, к каждой области искусства, любовь, которую ему удается передать и читателю, так что последний увлекается и послушно следует за автором, переходя из мечети в мечеть, проходя мимо фонтанов на кладбища, исследуя остатки пышных когда-то османских дворцов, заглядывая в частное жилище и даже в недоступные обычно гаремы.

В конце своего труда Джелал Эссад в виде приложения дает биографии двух османских архитекторов, с перечнем их построек и затем монументальную хронологию Константинополя как византийского, так и османского периодов, что существенно дополняет книгу и придает ей еще более ценности.

Менее удачна приложенная затем библиография, не только не исчерпывающая затронутые автором вопросы, но упустившая даже некоторые крупные труды по византологии и мусульманскому искусству. Достаточно указать на пропуски таких классических сочинений как: Choisy, «L'art de bâtir chez les Byzantins»; Gurlitt, «Die Baukunst Konstantinopels»; Texier and Pullan, «Byzantine Architecture»; Franz-Pacha. «Die Baukunst der Islam» и мн. др. Чем руководствовался автор составляя списки—понять трудно.

Можно пожелать также, что перевод не был просмотрен специалистом - архитектором, почему в русский текст вкралось несколько неудобопонятных выражений (крестовый парусный свод; купол с подвесными дугами и т. д.), но за исключением этих сравнительно мелких недостатков, перевод сделан отлично, книга издана с обычной для издательства тщательностью.

Проф. Н. Бакланов.

Выставка культуры народов Востока. ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ВЫСТАВКЕ. Казань. Государственное Издательство. 1920. 137 стр. + 1 нен. 5 черн. + 2 цветн. вкладн. иллюстр. (Отпечатан. в количестве 1000 экземпляров). Цена 300 руб.

Обширный путеводитель по выставке, устроенной по инициативе Мусульманской Научной Коллегии, рассматривавшей ее, как основание будущего Музея Народов Востока, являет нам еще одно свидетельство энергичной работы музейных и художественных деятелей Казани. Для устроителей было очевидно огромное культурное и научное значение их начинания, помимо стимулов национального или местно-патриотического порядка. Об этом можно заключить по торжественному введению Б. Ф. Адлера, а также по самому путеводителю в целом. Каждый отдел снабжен обширной, а иные и двумя вводными статьями, плюс две подытоживающих статьи в конце каталога. Повидимому, составители сами смотрели на последний, не как на случайное издание, а придавали ему более общее значение. Это и дает нам основание отнестись к нему с достаточной строгостью.

Общеизвестен современный интерес к вопросам ориентализма в науке об искусстве. Зародившись под знаком модного увлечения теорией ориенталистического происхождения всей средиземноморской и европейской культуры, он вызвал естественный отпор и подчас гиперкритическое отношение к себе. В результате — многие из преувеличений панориенталистов отпали: к ним, между прочим, относится и категорическое утверждение введения о том, «что народы Востока начали гораздо раньше, чем мы, европейцы, свой культурный путь: они—древние, их культура старше» (стр. 3). Самый интерес, однако, к Востоку и его возрожденное влияние на современность не только не умалились, но растут с каждым днем. Что, однако, разуметь под Востоком? Этот вопрос о необходимости твердо установить понятие «народов Востока» возник уже перед самими организаторами выставки. Это вполне естественно, так как в зависимости от того или иного решения находился репертуар экспонатов. «Сюда мы относим все народы, живущие на восток от Урала, а также те из европейских и азиатских народов, которые находятся теперь еще или находились очень еще недавно под влиянием восточных культур, и имеющие родственные связи по крови или языку с народами азиатского Востока. Поэтому мы сюда должны отнести все народы Азии, из европейских народов: татар, башкир, чуваш, калмыков, черемис, мордву, вотяков, корел, гагаузов, турок, албанцев, а из африканских народов,—группы, исповедующие ислам» (стр. 4). И действительно, на выставке были представлены, на ряду с Дальним Востоком — с одной стороны, арабами, персами и турками — с другой, группы сибирских и приволжских инородцев, с татаро-башкирами в центре, и древне-болгарская культура. При этом авторы путеводителя всюду, повидимому, склонны безоговорочно рассматривать эту разнородную смесь племен и наречий, как единую культуру Востока, в своем единстве противопоставляемой ими Западной. Признавая полную правомерность самых горячих апологий Востока,

мы хотели бы обратить внимание на характерную склонность большинства ориенталистов к черезчур широкому обобщению понятия Востока. А между тем в интересах науки Востоковедения следует решительно выступить против произвольного расширения понятий: Восток, восточное влияние, восточная культура и т. под., — расширения, усматриваемого нами в данном случае.

В самом деле, если понятие Востока основывать на историко-археологических центрах—«этих великих источниках света», которых, как указывает введение, можно насчитать четыре: восточно-китайский, индийский, аккадо-суммерийский и древне-египетский, то что общего с ними будет у финских инородцев приволжья: черемисов, мордвы и др. (стр. 70) или у литовских татар? (стр. 37).

Если же опираться на географическую базу, как то было бы естественнее всего на первый взгляд, то—спрашивается—на Урале ли должна пройти раздельная черта двух культур? (стр. 4). Не придется ли отнести ее гораздо западнее, пожалуй, вплоть до Карпат? Но тут обязательно пришлось бы провести и другую границу, уже по параллели, на высотах приблизительно тех же Карпат. При этом инородцы—как, например, зыряне (стр. 96)—ни в коем случае не вошли бы в круг восточных народов. «Искусство» зырян, например, по нашим личным наблюдениям во время поездок по Северу России, принадлежит скорее к другому великому кругу художественной культуры, так наз. первобытному искусству северной Европы.

Наконец, если остановиться на расово-национальном признаке, а вместе с тем и на религиозном, то можно ли исключить евреев, в особенности литовско-польских, в быте которых сохранилось не мало ориенталистических черт?

Не считая возможным подробно останавливаться здесь на этом вопросе, мы вкратце укажем лишь на то, что ни один из вышеуказанных путей сам по себе не может привести к правильному решению проблемы, и только соединение их вместе,—однако, по принципу не механическому, а *органическому* — целесообразно.

Последний же принцип заключается в том, чтобы в каждом данном частном случае, руководясь особыми *местными* точками зрения, всякий раз поновому распутывать узел восточных влияний... Так, проблема Востока для Венгрии не та, что для России; для Литвы—не та, что для Казанской области. И если, быть-может, крайностью покажется желание «тянуть за душу» суммеро-аккадскую культуру, то против привлечения Китая или арабов ничего нельзя было бы возразить, при условии привлечения их в соответствии с тем материалом, который, действительно, был положен в основание данной выставки, т.-е. древних болгар, татар и средне-азиатского кочевья. На заостренно поставленной проблеме *местной* культуры, действительно, могли бы с необычайной яркостью обнаружиться собственно-восточные влияния. Но тут, пожалуй, нужно было иное расположение материала и иное освещение путеводителя. Ибо, если, с одной стороны, «деревянные идолы очень характеризуют примитивную культуру арктических народов северо-востока Азии, с удивительным пластически обобщающим началом, как рисунки на шаманских бубнах говорят об остроте и обобщающей смелости принципов изобразительных искусств у них» (стр. 129), а «в китайском искусстве должно отметить две резкие крайности... громадное количество произведений сказочно-фантастического характера... (и) еще большее количество бесконечно разнообразных сцен и типов, взятых художниками из мира жизни реальной, действительной» (стр. 126), с другой стороны, — то спрашивается, с какой стороны и в какой мере одинаково характерны оба искусства для культуры народов Востока? Тут два совершенно различных объекта, разнящихся не только географически, этнографически и т. д., но и как выразители совершенно *различных качественно-художественных устремлений*. И если весьма интересен, например, факт китайского влияния на искусство современных сибирских гольдов (стр. 100 — 101), то китайское же влияние на древне-болгарскую культуру XIV в. (стр. 13) — по крайней мере с точки зрения истории художественных форм — будет явлением совершенно иного порядка.

Настоящий путеводитель, как было уже отмечено выше, не ограничивается сухим перечнем экспонируемых предметов, а дает им характеристику и переходит, таким образом, в область научной работы. Ценность таких *толковых* путеводителей заключается в том, что предметы, попавшие однажды, а быть-может, случайно одновременно на выставку даже в том случае, если бы часть из них и вышла потом из поля научного наблюдения, благодаря такому каталогу не пропадут для будущего исследователя. Таким образом, выставка может послужить поводом для весьма ценной *регистрации* ряда интереснейших объектов. Эта летучая регистрация, при всех недостатках ее, должна быть поставлена в определенную связь с общей непостоянной инвентаризацией памятников. С этой стороны нам хотелось бы указать на некоторые пробелы в каталоге, составленном в целом очень внимательно, имеющие, как нам кажется, принципиальное значение. Так, отделы монет (Н. О. Катанов), рукописей (Г. Шараф) и болгарских древностей (З. З. Виноградов и Н. Г. Худяков), естественно, как отделы *исторических* памятников, полны конкретных указаний относительно рукописей, к тому же дополненных содержательным очерком Н. Дульского о миниатюре. В остальных же отделах за исключением, впрочем, татарского (М. и А. К. Губайдулины), где, хотя и невыдержанно, перечень экспонатов сопровождается существенными указаниями на характер узора или цвет предмета, принята система весьма суммарного обозначения экспоната, главным образом, его утилитарного назначения. Во избежание излишних и утомительных повторений, которых не боится музейный каталог, но которые являются обременительными для выставочного, эти важные обозначения цвета, рисунка и т. д. можно делать для типических образцов, а в дальнейшем приводить их только в случаях исключений. Иллюстрации точно так же ценнее давать с частных, отдельных предметов, как это сделано по отношению миниатюры, а не «общих видов зал».

И. И. Фабрикант.

В. А. НЕВСКИЙ. Художественные выставки и ознакомление широких народных масс с живописью. Издание Костромского Губ. Отд. Нар. Образ. Кострома 1920. Стр. 48 + 92 + 184. Цена 200 р.

Лежащая перед нами книга открывается страницами, посвященными утверждению тесной связи живописи с общественной жизнью. Жаль лишь, что в своем введении т. Невский не поставил вопроса шире: о социологической основе всех видов изобразительного искусства. Далее тов. Невский переходит к вопросу о связи живописи с другими видами искусства; в первую очередь с музыкой. Попутно он бросает несколько замечаний о том, как демонстрировать народу произведения искусства. Этому основному методологическому вопросу тов. Невский уделяет обидно мало места. Между тем в нем суть дела. Вокруг него все споры. Никто теперь не станет отрицать огромной важности встречи народа с искусством, но *как это сделать*, о чем говорить перед картиной, как оживить пластический образ, сделать его близким, понятным и нужным рабочему и крестьянину—об этом существуют мнения исключающие друг друга. Здесь не место для методологического спора по существу, но нельзя не высказаться против неправильных мыслей автора по этому важному вопросу. «Гвоздь всякой художественной выставки—настроение» (стр. 13), говорит тов. Невский и в подтверждение своей мысли, которую мы считаем давно похороненной, долго, с утомительным множеством цитат доказывает «тесную связь музыки с живописью» (стр. 14). Эта мысль заставляет тов. Невского договариваться до следующих пожеланий: «мы усиленно рекомендуем в этих целях *демонстрирование картин под музыку*, сопровождение некоторых из них хоровым пением, иллюстрирование декламацией и мелодекламацией» (стр. 14, курсив автора).

Вторая часть книги заключает каталоги-программы ряда выставок. Самую идею таких программ нельзя не приветствовать. Но выполнены они неудовлетворительно. Происходит это, очевидно, от полного игнорирования методоло-

гической стороны дела. Мы мыслили себе план выставок таким образом. В подзаголовке указывается тема, затем дается перечень картин и в заключение методологически разработанный текст к экспонатам выставки. У тов. Невского получилась великая путаница. Темы его выставок исключительно сюжетные. Затем, в известной исторической последовательности приводит он имена художников и название картин (относящихся к той или иной теме) и, цитируя различных авторов, характеризует художников, а не картины. Посвящая Шишкину целую страницу, очень много говоря о Крымове, тов. Невский лишь мимоходом, к концу, упоминает Борисова-Мусатова (I выставка—«Русская Правда в русской живописи»). В программе II выставки «Деревня в русской живописи» тов. Невский опускает картины Шибанова (см. об этом рецензию А. А. Сидорова в номере 10—12 «Творчество»), включает «У последнего кабака» Перова, которую хотелось бы скорее отнести к «русскому пейзажу», не находит что сказать о наиболее ярком и народном художнике деревни — Малявине. Тема III выставки «Поместье в русской живописи» представляется нам не очень интересной и нужной. Весьма сбивчиво и неясна программа IV выставки «Город в русской живописи». Тов. Невский очень грозно отозвался о Добужинском, много внимания уделил Федотову, похоронил Шагала и т. д. V выставка «Мир сказки в русской живописи» бесцветна, а VI—«Русская религиозная живопись» никуда не годна. Тема, требующая внимательной разработки, очень продуманного выбора экспонатов, представляет первостепенный интерес. К сожалению, тов. Невский *ничего* не сделал, чтобы открыть народу глаза на иконопись. VII выставка «Русская историческая живопись» и VIII «Русский портрет» построены так же, как и предыдущие. Сомнительных утверждений, в роде того, что «Боровиковский более виртуозен, он лучше владеет кистью» (нежели Левитский. *В. Б.*), мы найдем не мало.

Мы намеренно привели подзаголовки всех выставок. Они группируются исключительно по сюжетам. О пользе выставок, в которых картины подобраны по формальному признаку, тов. Невский не подозревает. Но даже оставаясь в кругу тем, которые указаны автором книги, можно было дать ряд хорошо разработанных планов, методологически крепко спаянных, орудующих с определенным рядом, доступных обозрению картин. Тов. Невский пошел по иному пути, и мы затрудняемся указать, какую пользу можно извлечь из его работы. Между тем ее оправдание именно во второй части книги. Третья — не представляет никакой ценности. Глубокая осведомленность в условиях полной оторванности от центра—немыслима. Поэтому не трудно извинить многочисленные библиографические ошибки тов. Невского, список которых довольно значителен.

В. Блох.

А. ЛУНАЧАРСКИЙ. Диалог об искусстве. Издательство «Пролетарская Культура». Москва, 1919 г. Стр. 67.

«Диалог», по указанию автора в предисловии, написан еще до 1905 года. Он является рядом монологов, искусно связанных действием.

В маленькой книжке, с большим мастерством устами шести действующих лиц выявлено все разнообразие *отношения* к искусству.

Каждое действующее лицо олицетворяет какое-либо особое отношение к искусству, *Акинф*—рубит с плеча. Искусство—миф. Искусство не существует. Искусство — балаган, самоуслаждение пресытившихся богачей. Оно не нужно народу. *Борис Борисович* подменяет искусство проповедью. Истинное искусство должно проповедывать братство и и гнев, должно будить человечество.

Раньше проповедник-агитатор, потом художник.

С его точки зрения Некрасов выше Гомера и Маковский выше Рафаэля.

«*Траурный юноша*», рафинированный, усталый декадент, истинным считает искусство, убивающее движение, оледеняющее душу, заставляющее забыться, претворяющее вещественность мира в «печальность», небытие.

Лев Петрович, художник-импрессионист, определяет искусство, как песнь

птицы, радость бытия, выражающуюся в песне, крике, слове. Повседневная жизнь, борьба—вне искусства.

Наум Викторович говорит, главным образом, об изобразительном искусстве, подводит под искусство фундамент ремесла, строит красивую утопию о небывалом расцвете искусства при полной механизации труда, утверждает, что истинно высокое искусство всегда связано с народом, всегда классовое.

Полина Александровна, наконец, дает заключительный аккорд, выражая вместе с Наумом Викторовичем мысли самого автора. «Художник должен учить нас мужественной любви к жизни, которая способна пронести знамя вперед среди стонов и скрежета, способна обнять прошлое, восторженно предвосхитить будущее, найти свое место в борьбе человеческого разума со слепыми силами общества и природы... «самое великое искусство — искусство жить»... «искусство должно по мере сил и возможности превратить нас в маленьких или больших героев»... «Всякое живое истинно прекрасное искусство по существу своему—боевое»... «Не нужно проповеди и тенденции; пой, пой, как птица, художник; но если глаза твои видели, если уши твои слышали, ты споешь песню железную и золотую, ты ударишь в неслыханный еще набат».

Так, отрицая повседневную «проповедь и тенденцию» Бориса Борисовича, автор приходит к проповеди «жизни», «борьбы» и «героизма», в расплывчатые формы которой можно вложить любое содержание. Но сказать: искусство—жизнь, борьба—героизм, все равно, что ничего не сказать об искусстве. Всякое творчество есть жизнь, всякое творчество — борьба, преодоление, жизнь. И если бы автор вместо художника-импрессиониста привлек художника современного—он, может-быть, пристальней вгляделся бы в самое искусство и в формулу: «искусство — жизнь, борьба, героизм», вложил бы более реальное содержание.

Художник может, что угодно, думать о своем произведении, может вкладывать в него любое содержание. Произведение истинного искусства может служить любым целям, но действительным «содержанием» его будет всегда борьба с природой, материей и творческая организация ее. Организует распыленные в пространстве звуки композитор, кует из хаоса индивидуальности и расплывчивости природы свои образы поэт, борется с бесформенным материалом строитель пирамид, примиряет отрицающие друг друга массу и пространство—эллинский архитектор, преодолевает тяжесть и косность камня творец готического храма и взбрасывает его в тонком ажуре на недосягаемую высоту.

А живописец, скульптор? Разве не создают они образы, преобразуя и организуя человека и природу?

И совершенно естественно, что в переживаемую нами эпоху нас неудовлетворяют эллинские образы полной примеренности, полного преодоления материи и закрепления ее в отчетливую форму. Нам нужно видеть воочию эту борьбу. И поэтому появляется приведенный в разбираемой книге лозунг Каутского: «Искусство должно как можно сильнее потрясти и поднять человека», и вытекающее из него требование Луначарского: «Искусство—жизнь, борьба, героизм».

А искусство, потрясенное сейчас, как и всегда в эпохи великих исторических переворотов, не может преодолеть материи, не в силах победить хаоса, и, точно откликаясь на предъявленные к нему требования, хочет показать нам самый процесс борьбы, уходит в «выразительность», в экспрессионизм.

Брошюра тов. Луначарского невольно вызывает эти ответные мысли, будя разум и волю. Изданная чрезвычайно своевременно, она является, может-быть, лучшим из популярных откликов на вопросы искусства.

И. Корницкий.

ЭМ. ВАНДЕРВЕЛЬДЕ. Социализм и искусство. (Петросовет, 1919).

Книжка известного бельгийского социал-шовиниста Вандервельде с необычайной ясностью демонстрирует, насколько оппортунизм является не просто политической идеологией, а своего рода формой мышления, охватывающей весь опыт личности целиком.

Пока автор занимается критикой буржуазного общества или пока он говорит о задачах грядущего социалистического строя, до тех пор все идет хорошо. На конкретных примерах, подкрепленных цифровыми иллюстрациями, он показывает жалкое положение художника в капиталистическом обществе, оторванность искусства от массового потребителя, бешеную финансовую спекуляцию на произведениях искусства и т. д. Говоря о будущем, Вандервельде убедительно доказывает, что в обществе коллективистическом искусство перестанет быть роскошью, войдет в жизнь, в производство, станет реальным строительством, что художественное творчество развернется тогда с небывалой полнотой.

Все это, конечно, верно, но всего этого более чем недостаточно, так как общие фразы, полные революционного устремления, остаются всегда общими фразами, если их не воплощать в революционной практике.

В самом деле. Как только Вандервельде подходит к вопросу о том, как же ввести искусство в жизнь, сейчас же весь его революционный пыл исчезает, и он начинает рассказывать о целом ряде буржуазных живописцев, которые, по приглашению рабочих организаций, расписывали стены их зданий. Что это значит? А это значит, что для Вандервельде вся разница между искусством буржуазным и социалистическим заключается лишь в сфере приложения художественных форм и в пределах их распространения. Вандервельде абсолютно не сознает, что его собственные, например, попытки создать вместе с Дестре в Бельгии пролетарское искусство, представляют собой покушение с негодными средствами. Буржуазная картина, нарисованная на полотне или на стене, не перестает от этого быть буржуазной; мало того: помещенная в рабочем доме, она не только будет воспитывать пролетариев в буржуазном вкусе, но, кроме этого, выдавая себя за новый, пролетарский вид творчества, затемнит и запутает проблему художественной революции.

Нужно заметить, что так же обстоит и со всеми видами культуры. Оппортунизм будет до тех пор гнездиться в пролетарских рядах, пока острая критика марксизма не направится на самое основное в буржуазной культуре, на ее формы и методы. Преодолеть эту культуру изнутри, разоблачить ее организационную несостоятельность, вскрыть ее внутренние пороки, а не разговаривать об ее простом использовании—вот задача всякого, не на словах, а на деле революционного марксиста.

Б. Арватов.

А. КОВРОВ. Искусство народу. (Изд. „Книга“. Петроград, 1917 г.). 24 стр.

Вопрос о так называемом «народном» искусстве может ставиться двояко. Во-первых, можно говорить о демократизации искусства, т.-е. о распространении уже существующих форм в трудовых слоях населения; об этом как раз говорит автор книжки «Искусство народу». Во-вторых, можно ставить вопрос о революции в искусстве, т.-е. о таком преобразовании самих художественных форм, которое бы соответствовало жизненным задачам трудящихся; в этом последнем случае речь будет итти не об искусстве «народу», а об искусстве «народа» (нарочно беру в кавычках это народническое выражение). Наконец, можно требовать и того и другого.

Что касается до разбираемой брошюры, то она, совершенно обходя проблему художественного переворота, стоит на той буржуазно-филантропической точке зрения, которая сводится к угощению рабочих изданиями «вечного» (читай: буржуазного) искусства. Между тем эта поверхностно-оппортунистическая позиция не может не привести к чрезвычайно вредным результатам и прежде всего к затушевыванию сути дела, заключающейся в том, что нет никакого единого искусства, что и в искусстве на исторической арене развертывается грандиозная классовая борьба и что, поэтому, агитация в среде нового человечества за старое искусство, т.-е. искусство буржуазии, есть акт не революции, а контр-революции. Кроме того, пора перестать говорить о «народе». К сожалению, не только автор брошюры повинен в таком смешении понятий: вспомним хотя бы эпопею т. н. «рабоче-крестьянского» театра

Марксистская мысль особенно в наши дни должна оттачивать свой классовый анализ: не о народе — о пролетариате, не о народном — о пролетарском искусстве следует ставить вопрос, охраняя чистоту классовой идеологии и классовых форм творчества. Мелко-буржуазный потоп слишком силен для того, чтобы рабочий класс мог в области организационных орудий своей исторической деятельности итти на какие бы то ни было уступки.

В этом смысле брошюра А. Коврова, увильнувшая от прямой постановки вопроса, не только не способна помочь разобраться в нем, но является работой обывательской и дилетантской и, следовательно, глубоко вредной.

Оставляя в стороне выспренние трюизмы автора о всенародном искусстве, могу указать лишь на некоторые, правда, очень краткие сведения, сообщаемые им об организации в Германии рабочих театральных союзов (т. н. «Вольный народный театр»), деятельность которых сводилась к популяризации крупнейших буржуазных драматургов. Интересно отметить, что и тогда уже в рабочих кругах наметились две точки зрения: оппортунистическая («вечное» искусство) и классовая («искусство есть орудие классовой самоорганизации»). Положим, как указывает Ковров, оба течения через некоторое время объединились. Да это и естественно: второе из этих течений, более революционное, тем не менее понимало классовую роль искусства, как чисто идеологическую, благодаря чему проблема нового искусства совершенно устранялась. Лишь теперь, когда Пролеткультами было выкинуто знамя новых методов и форм, — борьба за пролетарское искусство встала на путь подлинной художественной революции.

Б. Арватов.

АДАРЮКОВ, В. Я. „Русский книжный знак". 1-ое приложение к журналу „Среди коллекционеров". 1921. Москва. 8°. Стр. 6 нен.+40+42 нен. Илл. 20.

Любительская, откликающаяся как будто на очень несвоевременные вкусы самого изощренного «эстетического» толка, небольшая работа проф. В. Я. Адарюкова тем не менее является своеобразным маленьким событием в небогатой нашей литературе по искусству, и помимо того будит ряд мыслей общего значения как своим содержанием, так и выполнением. — Начнем с последнего. Оно почти безукоризненно: так у нас в Москве не было издано за последнее время ни одной книги. Куда Госиздату! Но объяснение тому, конечно, просто: только небольшим числом экземпляров объясняется и хорошая бумага, и прекрасно выполненные репродукции. Однако, самый вид страницы, печать и украшения выдержали бы и большой тираж. Книга радует, ибо видно, что она находилась в руках художников.—Снабдивший ее обложкой и украшениями И. Ф. Рерберг серьезно выдвигается на видное место среди русских мастеров книги. Не удалось напечатание обложки: рисунок слишком съехал к корешку: это объясняется недостаточно верным расчетом толщины книги.

Темою небольшая работа имеет русский «Ex libris» знак владельца, вклеиваемый или печатаемый им в книге; по художественному заданию — отрасль, и достаточно скромная, книжной графики, по существу — весьма любопытный вариант «собственнического» отношения к произведению человеческого мастерства. И сколько мыслей просыпается, когда следишь за эволюцией этого маленького явления, интерес к которому оправдывается сторицей!— Как уродовали у нас книгу прежние буржуи и сильные мира сего, лишь бы рассказать всем и каждому, что «она—моя». — Как по существу неконструктивны были те вклейки в книгу, которые любило недавнее наше время! — Чтобы не быть голословным, укажем на книжный знак, выполненный знаменитым и весьма ценимым всеми мастером — М. А. Врубелем для известного московского коллекционера, И. С. Остроухова. Он никуда не годится именно как *книжный* знак.

Наш интерес к подобного рода вопросу да не вызовет недоразумений. Мы прежде всего убеждены, что все, имеющее касательство к книге, ее внешности, ее судьбе, обязано интересовать и волновать работников прошлой и новой культуры.—Это—во-первых. Далее: уста-

навливая законы органической конструктивности для всех искусств, мы хотели бы подчеркнуть ее общезначимость: ибо и среди ex-libris'ов есть конструктивные и неконструктивные.—Быть хорошим художником и рисовальщиком еще не значит быть мастером конструкции. Для этого нужно особое знание материала и особое чутье техники. Может-быть, особая воля и далеко не всякому присущая творческая психология.

Самый текст проф. В. Я. Адарюкова составлен несколько, пожалуй, суховато; но как всегда, с полным знанием дела, и является, без сомнения, лучшим из всего, что о книжных знаках было у нас написано. Впрочем, написано было немного: всего не свыше 2 с половиною тысяч любителей книг было в необъятной России, которые имели особую марку для своей библиотеки, — хотелось бы, чтобы были они и в дальнейшем. Забота и любовь к книге — не праздная забава. Отметим одну ошибку: книжный знак С. З. Рохлина вовсе не заимствован из работ Обри Бердслея, как указывает В. Я. Адарюков. — Даже об отдаленном подражании говорить не стоит.

Проф. Д. Д. Сидоров.

„СРЕДИ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ" №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6—7, 8—9. М., 1921. Издание не обозначено. Стр. 1 + 16 + 1 + 24 + 1 + 40 + + 1 + 45 + 1 + 55 + 1 + 58 + 170.

Журнал «Среди Коллекционеров» под редакцией И. В. Лазаревского начал выходить в марте 1921 года. Задачи, поставленные себе редакцией, были первоначально очень скромны: журнал создавался, как орган, в котором должна была находить себе место хроника «Общества любителей старины» и других кружков и обществ, преследующих родственные названному обществу цели; кроме того, его страницы должны были быть предоставлены обмену вопросами и ответами отдельных собирателей и на них должна была находить посильное отображение русская и заграничная художественно-коллекционерская и антикварная жизнь.

Соответственно этому скромен и беспретенциозен был и внешний вид первых №№ журнала: плохенькая бумага, литографированный текст (всего 16—20 страничек), отсутствие оглавления. Но уже с самого начала радовала глаз очень приличная обложка работы И. Рерберга, оставшегося и поныне «присяжным» художником журнала.

Постепенно журнал, завоевавший себе симпатии читателей любовным отношением к нему редакции и интересом даваемых им сведений, развивался. Появились концовки и заставки; увеличился постепенно размер. № 6 — 7 вышел уже из-под печатного станка, на приличной бумаге и с хорошим шрифтом, с несколькими иллюстрациями в тексте; в № 8—9 находим уже наклейки на меловой бумаге и теперь остается пожелать только введения заглавного листа, чтобы журнал приобрел вполне законченный вид.

Параллельно с развитием журнала, как «книги», расширялся и публикуемый материал, и, кроме первоначальных, постепенно увеличивающихся отделов хроникального характера («Общество любителей старины», «Общество друзей книги», «Среди книг», «Вести из-за границы», «Письма из Петрограда», «Кто что может ответить» и проч. и проч.), в которых можно найти чрезвычайно ценные и нужные коллекционеру и искусствоведу сведения, уже со второго номера появляются отдельные статьи по истории искусства, истории собирательства и проч.

Чрезвычайно интересным является отдел «Собиратели и антиквары прошлого», в котором уже опубликованы статьи и заметки о жизни и коллекциях Власова, Д. А. Ровинского (целый ряд статей и воспоминаний), Антокольского, А. З. Хитрово, Е. Е. Рейтерн, Н. С. Мосолова и др.

Четвертый номер журнала почти целиком посвящен творческой собирательской деятельности И. С. Остроухова. Личность его ярко обрисована в статьях П. П. Муратова, Игоря Грабаря, М. М. Хуссида и Н. М. Щекотова.

Статья последнего: «Один из посвященных»,—правда, полная энтузиазма и проникнутая любовью и искусству, — несколько неприятная по резко полемизи-

рующему тону и выпадает из ряда вышеназванных статей, а пожалуй, и вообще является контрастом общему направлению журнала, явно избегающего всякой полемики. Отношение его к тем или другим течениям в искусстве и искусствознании пока никак не выразилось, так как он находится еще в стадии предварительного развития. Не думаем поэтому, что высказанные Н. М. Щекотовым мысли выражают «credo» журнала и целиком приемлются редакцией. Откуда эта ненависть к «учителям, которые учат народ, как надо рассматривать искусство»? Разве они работают не во имя того же искусства, разве они не расширяют область прекрасного в искусстве, не расчищают дорогу к искусству массам, бывшим до сих пор от него далекими? Да и кто эти «бездарные и равнодушные, ворвавшиеся в сферу искусства»? Их имена? Профессора ли они искусствоведы, музейные ли деятели, художники ли крайних направлений? И затем, в полемике о реставрации автору, очевидно, и самому не ясно, чего он хочет. — Не против очистки школы от позднейших наслоений, а против записыванья найденного подлинника возражает современный реставрационный метод. Ибо где границы подделки? «Оставить под грубой ремесленной записью какое-нибудь произведение Леонардо» — предлагает никто иной, как сам автор: надо только заменить слова «оставить под» — словом «покрыть» и предоставить Н. М. Щекотову «высокое духовное наслаждение, не искаженное ранами времени, вызванное новой до того неведомой красотой» — *созданной рукой ловкого реставратора-ремесленника.*

Переходя к остальному материалу, опубликованному в журнале за короткое время его существования, необходимо отметить чрезвычайно ценные сведения, даваемые переводом работы В. Боде — «Собирательство за океаном» (№№ 2, 3), очень нужную коллекционерам статью Ив. Лазаревского о неизвестных марках фарфора Лукутинского собрания (№№ 3 и 5), интересные выдержки из архива Д. А. Ровинского, опубликованные В. Я. Адарюковым (№ 6 — 7), прекрасную заметку А. А. Сидорова о мало до сих пор привлекавшем внимание медальерном искусстве (№ 3), статью Д. С. Айзенштата, о также совсем почти не обследованном русском лаке (№ 5), ряд статей и заметок о гербах и книжных знаках, меткую характеристику принадлежавшую А. Эфросу, общего характера московского и петербургского собирательства (№ 4) и, наконец, опубликование В. К. Трутовским подаренной Елизаветой гр. Алексею Разумовскому прекрасной табакерки, сопровождаемое подробным анализом ее (№ 7—8).

Таким образом, до сих пор содержание журнала складывалось под флагом «малого» искусства и собирательства, романтику которого так тонко почувствовал и сумел передать А. А. Сидоров в своей заметке, опубликованной в № 6 — 7. С последнего 8—9 выпуска начинает намечаться некий уклон в сторону «большого» искусства и вопросов музейного строительства. Таковы интересная статья Мих. Хуссида, посвященная новым венецианцам Румянцевского музея из собр. Лейхтенбергского, заметки В. С. Блоха о Нидерландских мастерах в Москве и новые данные, приводимые П. Эттингером об Александре Рослине по статье Эмиля Хультмарк в начавшем выходить в 1916 году шведском журнале «Tidskrift för konst vetenskap».

Так, постепенно выбираясь с узких троп любительства и коллекционерства на широкую дорогу искусствознания — развивается журнал и сулит в будущем многие возможности.

И. Корницкий.

ЗАМЕТКИ О ЖУРНАЛАХ.

I. „ВЕСТНИК ЛИТЕРАТУРЫ“, 1921 г. №№ 6—7—8—9. В каждом номере 20 страниц. Цена не обозначена. II. „ЛЕТОПИСЬ ДОМА ЛИТЕРАТОРОВ“, литературно-исследовательский и критико-библиографический журнал № 1, 8 стран. Цена 2000 руб. Петербург.

Перед нами два петербургских литературных издания. Первое насчитывает уже третий год существования. Второе — молодое. Оба — ставят себе одни и те же задачи, довольно выпукло очерченные в передовой статье «Летописи». Это прежде всего — использование всякой возможности для продолжения творческой литературной работы и, во-вторых, выяснение разносторонних нужд писателей с отстаиванием их специальных прав и потребностей в интересах русской литературы. Задачи чрезвычайно полезные и необходимые. Жестокий молот революции, разрушая учреждения старого государства и старого социального быта, не мог, конечно, не разрушить много такого, что придется вновь восстановлять с затратой огромных сил. Это — теневые стороны живительного революционного разрушения, с которыми — хочешь не хочешь — а примириться приходится. Русская литература, различные учреждения нашей культуры пострадали при этом немало. И нынче, в связи с общей работой по воссозданию разрушенного хозяйства—основы нашей культуры,— огромная задача стоит перед нами в виде восстановления многих культурных учреждений и создания новых. В этом смысле работу обоих петербургских изданий следует приветствовать.

Лицо «Вестника Литературы» за два слишком года издания определилось довольно ясно. Это, прежде всего, лицо литературного традиционера, консерватора и оберегателя старины an und fur sich, консерватора по принципу: старое — хорошее. Говорим не в политическом, разумеется, смысле, а в смысле исключительно литературном. Революция всегда размешает людей по крайним полюсам. Среднее, промежуточное, межеумочное, погибает, очень быстро сходит со сцены, либо исчезая совершенно, либо ассимилируясь крайними полюсами. Те, что помоложе, романтики новизны, хотя и чуждые революции по происхождению и настроениям, но которых безудержь революционного вихря увлекает к новым берегам, умеют приносить в жертву свои старые привязанности, вкусы, предрасположения и идут вперед, в поисках новых, еще неведомых форм. Те, что постарше, любители покоя, апологеты традиций, романтики старины, поворачиваются к новым берегам спиной и хотят либо оставить все, как есть, либо реставрировать вчерашний день, в котором все было так привычно, прочно, устойчиво, благолепно. В конце-концов, и здесь, из глубин сознания, оказывает свое могучее влияние классовая психология. «Вестник Литературы» и является таким органом литературной реставрации, буржуазного и потому узкого и пристрастного, реакционного романтизма. В нем много грусти, много сетований на революцию (сколько от нее беспокойства!), вздохов о невозвратном прошлом. И неудивительно, что в этом своем традиционизме журнал объединил всех представителей старых литературных течений. Г. г. Боцяновский и Вас. Немирович-Данченко, рядом с П. Губером и А. Редько, Б. Эйхенбаум по соседству с А. Евгеньевым и Н. Кареевым, А. Горнфельд — с А. Волынским и В. М. Жирмунским. Так в грозу люди, несходные и враждебные, объединяются под каким-нибудь навесом и тесно жмутся друг к другу. Роль такого навеса, весьма почтенного, и играет «Вестник Литературы». Безличность, индифферентизм к интересам литературы, как таковой, т.-е. к творческим ее процессам и потребностям,— вот главный упрек, который можно сделать этому журналу. Ибо забота о материальном положении писателя (очень важная, необходимая и своевременная) не может явиться даже в наши дни исклю-

чительным руководителем литературного предприятия. Все же интеллектуальные, идеологические, формальные и философские интересы, которыми живет сейчас русское искусство, не отражаются в этом журнале вовсе, или отражаются, как в кривом зеркале. К этой чисто литературной жизни нашей республики «Вестник Литературы» не только глубоко равнодушен, но даже враждебен. Его она интересует мало. Это там — за толстым стеклом, шумят какие-то течения, творятся новые формы, звенят чьи-то звонкие щиты.

Характерно отметить, что таково настроение петербургской литературы вообще. На это, по отношению к поэзии, указывает в своей заметке В. Я. Брюсов (см. стд. «Худож. литературы»). Случилось так, что Петербург, открывший политическую и социальную революцию, в области литературы явился средоточием реакционного (в литературном, повторяем, смысле) фронта нашего искусства слова. И в этом смысле можно говорить о литературе петербургской и литературе московской. Здесь, в Москве, литературных традиционеров-охранителей не слышно. Они пишут корреспонденции в Петербург — и по этим корреспонденциям можно видеть, что на улицу они не показываются, книг не читают и крепко спят, заложив уши ватой. Вы хотите доказательств?

В № 9 «Вестника Литературы» напечатана на стр. 16 заметка «Среди московских писателей». Некий К-отин уверяет петербуржцев, будто «деятельность московских писателей протекает почти *исключительно в области академической жизни. Книги печатаются редко, литературных журналов нет* (курсив наш). Картина печальная. Но если читатель возьмет № 8 того же журнала, то из хроники этого журнала он узнает, что в Москве вышел № 1 двухмесячного литературно - художественного журнала «Красная Новь», в котором отдел художественного слова редактируется М. Горьким, что «в Москве стал выходить под редакцией А. В. Луначарского, И. Н. Покровского (М. Н. — примеч. мое. *В. П.*), В. П. Полоцкого (Полонского—примеч. мое. *В. П.*) и др. журнал «Печати революции» («Печать и Революция»—примеч. мое. *В. П.*), издаваемый Госиздатом. Первая книжка изобилует статьями, обзорами, отзывами о книгах и информационным материалом и составлена живо и разнообразно». В том же 8 номере «Вестника Литературы» на стр. 16 имеется даже целая статья «Для всех направлений», посвященная третьему московскому журналу «Художественное Слово», выходившему под редакцией В. Брюсова. Как же так? Литературные журналы, оказывается, выходят — и литературных журналов нет. Что нам скажет по этому поводу А. Е. Кауфман— представитель редакционно-издательской коллегии «Вестника Литературы»?

Более благоприятное впечатление производит «Летопись Дома Литераторов» — первый номер которой лежит перед нами. Здесь покуда не видно ни маститого романиста Вас. И. Немировича-Данченко, ни маститого журналиста В. Ф. Боцяновского. Интересы чисто литературные здесь покуда преобладают. А. Горнфельд берет под защиту культуру Вильсона против «культуришки» В. Маяковского. П. Губер пишет о «поэзии Блока и революции». Мариэтта Шагинян — об «эпопее» Андрея Белого, Георгий Иванов — о поэзии Гумилева. «Литературные Отклики» А. Горнфельда посвящены П. Д. Боборыкину. Имеются в журнале историко-литературные материалы, рецензии, богатая литературная хроника. В «Летописи», очевидно, происходит отбор и сотрудников, и материала по признаку более существенному, чем в «Вестнике Литературы». Но общий «петербургский» колорит литературного консерватизма остается характерным для обоих изданий.

Вяч. Полонский.

НЕКРОЛОГ.

ПАМЯТИ ПРОФ. В. К. МАЛЬМБЕРГА.

25 октября 1921 года скончался маститый ученый, которому, без сомнения, принадлежало первое место—почетный и трудный пост учителя и руководителя среди московских деятелей научно-художественных дисциплин, археологии и истории искусств. Профессор Владимир Константинович Мальмберг умер 60 лет отроду, занимая пост директора Музея Изящных Искусств, профессора факультета общественных наук Московского Государственного университета, действительного члена Российской Академии Истории Материальной Культуры... Его труды насчитывали несколько десятков книг и статей. Может-быть, наиболее важно то, что покойный оставил после себя целую школу молодых и очень приверженных его методологии ученых... Может-быть, всего важнее то, что светлая память об отзывчивом—хорошем и большом человеке будет долго жива среди всех, его знавших... В краткой заметке дать очерк трудов и деятельности такого крупного ученого, каким был проф. В. К. Мальмберг, представляется затруднительным. С самого начала посвятив себя изучению античного искусства, В. К. Мальмберг бесспорно был крупнейшим в России представителем того чисто художественного отношения к археологии, которое искало в памятнике греческой древности не тематического интереса, и не в установлении точной даты статуи или здания видело свою цель. В. К. Мальмберг, представляется нам, был типичным историком *искусства,* преимущественно интересовавшимся проблемами эволюции художественных задач, стилизации, композиции, взаимовлияния. Исследуя те или иные области античной скульптуры, архитектуры и живописи, он умел их группировать не по хронологическому, а как сказали бы теперь—по «производственному» принципу, посвятив свои первые и главные работы исследованиям о «метонах» и «фронтонах» греческих храмов, дав ряд чрезвычайно ценных этюдов по греческой вазовой живописи, за последнее время много занимаясь как искусством более новым (эпохой северного возрождения), так и археологией классического востока. Интерес к художественной проблеме у покойного ученого стоял настолько на первом месте, что именно его и созданную им школу позволительно, быть-может, счесть передовым отрядом, подготовившим русскую науку к приятию лозунгов новейшего, сменившего историю искусств, «искусствознания». Так далеко, может-быть, не шел покойный ученый. Он был до конца представителем старого—такого трезвого!—реализма, к которому мы, может-быть, еще и вернемся. Но он имел в себе научное мужество итти вперед и вперед, не бояться отказа от многого, в чем он был убежден раньше. Перед смертью он готовил новый курс, посвященный «Истории античного искусства на основании его художественных проблем». Кончина сборвала готовившееся большое событие.

Ибо у покойного профессора был драгоценный редкий дар уметь видеть искусство собственными глазами. Он был ученым «искусство-испытателем», постоянно твердившим, что всего важнее для наук об искусстве—собственное знакомство с памятником, вовсе не изучение его по книгам. В этом отношении он был чудесный учитель, умевший как никто подвести и показать. Практические занятия у В. К. Мальмберга были несравненной школой для всякого. Если его курсы, может-быть, не отличались блеском изложения, его семинарии были бесспорно лучшим, чем мог в области искусства похвастать Московский университет за последние пятнадцать лет. Особенно со времени открытия Музея Изящных Искусств наиболее «развернулся» талант покойного—показать и объяснить. До конца изучающий, умеющий всякого заинтересовать каким-либо некрупным, но всегда интересным наблюдением, В. К. Мальмберг на посту директора Музея Изящных Искусств оставался тем же—ученым, другом искусства, всегда готовым откликнуться на все интересы—приехавшего иногороднего именитого исследователя и скромного начинающего студента.

Покойный ученый родился в Москве 1 декабря 1860 года. В его жилах текла шведско-немецкая кровь. Он окончил университет в Казани, занимался в Петербурге и за границей, где в Германии и Италии знали и уважали его труды. Его академическая деятельность протекала, главным образом, в Дерпте и в Москве, где он явился заместителем профессора И. В. Цветаева. Его основными печатными трудами являются его диссертации «Легионы древне-греческих храмов» (Дерпт, 1893) и «Древне-греческие фронтонные композиции» (Петербург, 1904). Он много писал по вопросам южно-русских древностей, крупным авторитетом в области которых он являлся, и был бесспорно лучшим в России знатоком древне-греческой вазовой живописи. Под редакцией его вышел известный труд Михаэлиса «Художественно-археологические открытия» (М., 1908), а в «Памятниках» Музея Изящных Искусств им опубликован ряд хранящихся здесь произведений, привлекший к себе всеобщее внимание ученого мира, равно как и последняя крупная работа проф. В. К. Мальмберга «Старый предразсудок», посвященная методике изучения древне-египетского искусства. Чрезвычайный интерес представляет его этюд о «Венере в греческом искусстве», еще находящийся в печати.

Мы не можем здесь дать всю должную дань заслугам покойного перед русской наукой об искусстве. Оглядываясь назад, мы лично рады констатировать, что всем почти в методологии нашего отношения к искусству мы обязаны незабвенному учителю нашему...

Дело крупного ученого свершено. Ему не суждено было воспользоваться заслуженным отдыхом. Но кто из ученых русских мог оглянуться на дело, проведенное столь плодотворно? Имя В. К. Мальмберга во всяком случае не будет забыто русской наукой... Его ученики, которых больше, чем кажется на первый взгляд, все его знавшие, будут беречь память о крупном научном работнике и скромном хорошем человеке...

Проф. А. А. Сидоров.

ХРОНИКА

НА ЗАПАДЕ.

ГАЗЕТА В ЛАТВИИ.

(Письмо из Риги).

Самым распространенным из рижских латышских периодических изданий является *«Яунакас Зиняс»* — коммерческая газета, типа бульварной питерской «Газеты - Копейки». Бесцветная, безыдейная, она не задается никакими целями, кроме фискальных. Серый, аполитичный обыватель города и деревни— вот многотысячный читатель «Яунакас Зиняс».

И уж, конечно, не по ней нужно изучать настроения масс и следить за борьбой активных политических сил.

Настроения правительства отражает газета *«Латвияс Карейвис»*, — полуофициозный орган военного министерства. В качестве такового, он стоит во главе активных реакционно-националистических сил. Это он подогревает в армии остывший шовинистический пыл. Это он выбрасывает архи-нелепые лозунги: «Латвия—латышам». Это он время от времени брящает в сторону Советской России картонным мечом. У него на языке то, что у правительства на уме.

Большим влиянием пользуются издания главной правительственной партии— Крестьянского союза—*«Латвияс Саргс»* и *«Брива Зэмэ»*. Первая—неофициальная, только субсидируемая Крестьянским союзом, предназначена для городского мещанина, выходца из деревенских кулачков. Вторая — официальный орган партии, рассчитана непосредственно на этого деревенского кулака, или, как тут говорят, «серого барона».

Эти газеты строят всю свою политику исключительно на погромной агитации Изо дня в день твердят они: «бей жида!» И это делается в таких гнусных формах, что даже члену сего союза, премьер-министру Мейеровицу, приходится время от времени публично открещиваться от солидарности со своей партийной печатью.

Во всех остальных вопросах и «Брива Зэмэ» и «Латвияс Саргс» занимаются изложением «своими словами» мероприятий правительства.

Кроме этих наиболее влиятельных буржуазных газет существуют еще: *«Латвияс Вестнес»*—орган небольшой партии национального центра, бестиражный *«Яунакас Вартс»*—орган второй правительственной партии—трудовиков, и молодая *«Дарба Балс»*, издающаяся архижелтыми правительственными социалистами. Эти газеты тиража не имеют, читаются только своими партийными друзьями и кормятся подаяниями.

Единственной социалистической латышской газетой является *«Социал-Демократс»*—орган Ц. К. меньшевиков Латвии. Он руководится центральной группой Латвии, но в ней участвуют также два крайние крыла.

Газета, по примеру рижских спекулянтов, усердно подыгрывается под Европу, перепечатывает мудрости из «Социалистического Вестника» и «Фрейхейта» и в высокой степени презирает азиатов-большевиков. В качестве самого левого издания, даже в своем беге на месте, «Социал-Демократе» дает все же интересный материал, приподымающий завесу над кое-чем сокровенным.

Существуют еще подпольные издания— *«Циня»* (орган Ц. К. К. П. Л.) и *«Коммунист»* (орган Курляндского Комитета), но в силу нерегулярности своего выхода они могут рассматриваться только как

агитационные средства, а не как источники периодической информации.

Из газет национальных меньшинств самым крупным изданием является старое немецкое «*Ригаше Рундшау*». Некогда влиятельнейшая газета Прибалтики, «Ригаше Рундшау» держится теперь «скромно, но с достоинством», защищая интересы обездоленных немецких баронов и усердно пропагандируя сближение Латвии с Германией. По отношению к «несколько беспокойной» Советской России умная газета заняла лояльную позицию, агитируя за торговое сближение с нами.

Русских газет в Риге три—«*Сегодня*», «*Рижский Курьер*» и «*Новый Путь*».

«Сегодня»—это типичный бульварный листок, самого грязного пошиба, тона питерской вечерней «биржевки». Сенсации, клевета, шантаж, заведомая и нелепейшая ложь, беззубая травля Советской России—вот чем наполнены страницы этого подмётного издания.

Получая субсидии от местных крупнейших спекулянтов, «Сегодня» активно приемлет участие в биржевых махинациях и по праву именуется полуофициозом «черной биржи». Конечно, тираж ее сравнительно велик. И конечно же, господа беглые журналисты блаженствуют, выжимая строки из ежедневных сверх-сенсаций о гибели Советской власти. Авторитета в политических кругах, разумеется, никакого.

«Рижский Курьер»—маленькая серая вечерняя газетка, издающаяся на средства польского посольства и сама незнающая, что она хочет. Тиража у ней нет. Влиянием не пользуется. И все это предприятие напоминает филантропическую затею с целью дать заработок паре бездарных журналистов.

«Новый Путь»—большая, хорошо информированная газета советской ориентации, дипломатично молчащая о латвийских делах.

Вот все то, что издается в столице латвийской демократии.

Десяток изданий различных оттенков одинаково безграмотных, одинаково травящих Советскую Россию (исключения «Новый Путь» и отчасти «Ригаше Рундшау»), одинаково находящихся прямо или косвенно на содержании правительства.

Десяток изданий... и ни одной рабочей газеты!

Десяток изданий—а «Циня» и «Коммунист» в подполье!

Таков строй «наибольших, широчайших прибалтийских свобод».

Н. Никалеб.

ЛИТЕРАТУРА ЗАПАДА.

▫ *Анатоль Франс* выпустил новый роман «*Жизнь в цветах*».

▫ В Издательстве Оллендорф (Париж) вышел из печати новый роман *Р. Роллана*: «*Пьер и Люс*», любовная идиллия, происходящая весной 1918 года.

▫ Французский писатель *Ренэ Аркос* выпустил новый антимилитаристский роман «*Казарма*».

▫ Во Франции вышла новая пьеса *М. Метерлинка*: «*Бургомистр Стильмонд*». Пьеса пользуется большим успехом.

▫ Известный историк искусства *Луи Рео* выпустил первый том истории русского искусства под назв. «*L'art Russe des Origines a Pierre la Grand*».

▫ Только что вышедший номер немецкого журнала «*Дидам*» целиком посвящен русскому искусству. Воспроизведены картины Сомова, Бакста и др.

▫ Французская пресса очень заинтересована новой пьесой *Мориса Ростана* «*Слава*».

▫ В Издательстве Кайзера (Мюнхен) вышла книга *Турнейзена — о Достоевском*.

▫ Изд-во Макмилиана (Лондон) выпускает две книги *Рабиндраната Тагора*: «*Восток и Запад*» (полемика с Киплингом) и «*Беглец*», сборник стихотворений.

▫ *Г. Гауптман* написал новую пьесу «*Петер Бауер*» и работает над большим эпическим произведением «*Великая Мечта*», посвященным художественному изображению культурного развития человечества.

▫ *Г. д' Аннунцио*, так прославившийся в последние годы националистическими выступлениями, намерен бросить политику и вновь заняться литературой. Им выпущена новая пьеса «*Парижанка*» (переделка) и подготовляется большое драматическое произведение.

▫ С октября прекратилось издание немецкого журнала «*Zukunft*», выходившего под редакцией Макс, Гардена. Журнал существовал 29 лет.

▫ В Берлине начал выходить под ред. *Г. Гауптмана* новый литературный журнал «Фауст».

▫ В бумагах умершего писателя *Эд. Ростана* найдено 12 не опубликованных пьес: «*Фауст*», «*Орлеанская Дева*», «*Пенелопа*», «*Зарытое зеркало*», «*Последняя ночь Дон-Жуана*» и др.

▫ Английский писатель *Джером К. Джером* издал новый роман «*Все пути ведут на Голгофу*».

РУССКАЯ КНИГА ЗА ГРАНИЦЕЙ.

▫ С октября русская типография Гутмова (Берлин) приступила к изданию литературно-художественного и общественного ежемесячника «*Сполохи*» под ред. Алекс. Дроздова.

▫ В Гельсингфорсе вышло в издании «Библион» посмертное произведение *Л. Андреева*—«*Ночной разговор*», из эпохи начала войны, и готовится к выпуску Доннера «*Среди самоедов в Сибири*» и «*Сибирские рассказы*».

▫ *М. Писаревская* издала свой роман «*Санаторий смерти и любви*».

▫ В Берлине появились в продаже две новых книги Белоцветова «*Пути России*» и «*Коммуна пролетарских миссионеров*» (очерки московской жизни), и второй том воспоминаний *Г. К. Гинса* (члена колчаковского правительства) «*Сибирь, Союзники и Колчак*».

Книга Гинса охватывает последний период омского правительства и содержит главы: Верховный Правитель. Союзники. Заговорщики. Победители. Неизбежный конец. В книге имеется много иллюстраций и портретов деятелей Сибири.

▫ В Константинополе начал выходить русский национальный еженедельник «*Зарницы*» при участии Ар. Аверченко, Макс. Волошина, Н. Львова, И. Наживина, И. Сургучева, Е. Чирикова, Б. Шульгина и др.

После 4-го № распространение его в Константинополе запрещено, и издание перенесено в Софию.

▫ Книгоизд-во «Слово» (Берлин) выпускает на русском языке «*Записки*» гр. С. Ю. Витте, уже вышедшие по-английски, и отпечатало сборник литературных произведений худ. Рериха «*Цветок Морни*».

Доход от книги Рериха идет в пользу голодающих Поволожья.

▫ В Париже выходит специальная монография, посвященная миниатюрам худ. С. Чехонина, которыми с большим успехом он занимается в последнее время.

▫ Кн-во «Русское Искусство» готовит к печати альбом Фокиных «*Половецкие танцы*», альманах «*Вишневый сад*», Григорьева «*Русская деревня*» (рисунки) и ряд дешевых монографий о художниках Боровиковском, Венецианове, Левицком и др.

▫ Русскими писателями, живущими за границей написан ряд новых пьес: И. Сургучевым—«*На реках Вавилонских*» и «*Письма с иностранными марками*», И. Наживиным—«*Искушение в пустыне*», Б. Лазаревским—«*Птицы ночные*» и А. Н. Толстым—«*Любовь—книга золотая*».

▫ С. Ефрон (Берлин) заканчивает печатанием новые книги: П. Бенуа «*Атлантида*», роман; В. Бельше «*Чудеса природы*» (2 тома); Рабиндранат Тагор «*Дом и мир*», роман; Шпенглера «*Прусская идея и социализм*» и др.

▫ Один из руководителей Рта (при омском правительстве) М. И. Борисов в Харбине готовит к выпуску книгу «*Из Сибирских былей*».

▫ Ю. Ф. Геккер (Берлин) подготовляет к печати русское издание книги «*Russian Sociologi*» и английское—«*Religion in Revolutionary Russa*».

▫ В Америке подготовляется к печати две книги Д. Н. Вергуна, историческая монография «*Ивашко Вергуненок*», один из русских самозванцев XVII века, и «*История американских славян*».

А. Гутман, издававший во время колчаковщины во Владивостоке газету «Русский Экономист», выпустил в Китае двухтомную книгу «*Россия и большевизм*», книгу «*Германия и большевизм*» и заканчивает «*Роль евреев в большевизме*».

▫ В Риме на русском и итальянском языках выходит книга Гр. Кирдецова «*Новая Балтика*». Тем же автором заканчивается исследование «*Наследство Австро-Венгрии*».

▫ Поэт Д. Ю. Кобяков (Сирин) написал роман «*Сумерки*» и закончил 2-ю книгу стихов «*Осколки*».

▫ И. Наживин печатает в Вене в книгоиздательстве «*Детинец*» две новые книги «*Круги времен*» и «*Мои сомнения*».

▫ Известный кооператор В. Тотомианц выпустил на французском языке «*Кооперативную хрестоматию*» и печатает «*Историю экономических и социальных учений*» и «*Кооперация в России*».

▫ Известный сподвижник адм. Колчака, а ныне участник сборника «Смена Вех» проф. Устрялов заканчивает мемуары о политической жизни Сибири и Дальнего Востока.

▫ Во Владивостоке издана драма Б. Н. Колесникова «*Смерть императора Николая II*».

▫ В Америке уже в 2-х изданиях разошлась книга Н. Романова «*Исповедь бывшего царя*» (?).

▫ Борис Савинков издал в Варшаве сборник статей под назв. «*Накануне новой революции*».

▫ Советская Россия и ее экономическая политика привлекают огромное внимание со стороны эмигрировавших ученых. Недавно в Берлине вышла книжка *П. Б. Струве*—«*Итоги и существо коммунистического хозяйства*».

▫ Н. В. Крачкевич задумал большой труд «*История российской революции*» в 10-ти томах. Первый том «Трагедия русской интеллигенции» уже вышел.

▫ В 5, 6-й и 7-й книжках «*Современных Записок*» (Париж) начат печатанием роман из сибирской жизни Г. Гребенщикова «*Чураевы*» и закончено «*Хождение по мукам*» А. Н. Толстого.

Роман Толстого, рисующий русскую действительность за время войны и революции, считается самым крупным литературным событием последних лет. Он возбуждает интерес не только у русских, но и иностранных читателей. Переводы его уже куплены для Америки, Англии, Германии, Италии, Чехии и Швеции. Одновременно с «Совр. Зап.» роман на французском языке печатается в «Фигаро».

▫ В Берлине организовалось отделение Госиздата.

ЦЕНЫ НА РУССКИЕ КНИГИ В ГЕРМАНИИ

Библиофил в «Вестн. Литературы» сообщает, что книжный магазин Гликсмана в Берлине в своих объявлениях указывает следующие цены на русские книги:

Белинский, собрание сочинений в 3-х томах, под ред. Иванова-Разумника (начатое Стасюлевичем и оконченное Лит.-Изд. Отделом Наркомпроса) стоит 300 марок. *Герцен*. Собрание сочинений в том же издании, первые 12 томов—1500 марок. *Гончаров* (приложение к «Ниве») — 300 м. *Достоевский* (то же издание) — 1500 м. *Чернышевский* 11 томов—1500 м. *Пушкин* 8 томов (изд. Суворина, под ред. Ефремова)—1800 м. *Энциклопедический словарь Брокгауза Ефрона* (41 том, первое издание) — 5000 м. Тот же словарь во 2-м издании (28 томов) — 5000 м. *Еврейская энциклопедия* (46 томов) — 4000 м. *Старые годы за 1911—1916 годы* (17 томов)—18000 м.

По справкам Наркомфина, германская марка на наши деньги в сентябре оценивалась 600 рублей.

Если принять во внимание, что фунт сахара в Берлине стоит около 4-х марок, то, например, собрание сочинений Чернышевского в берлинской расценке равно 15 пудам сахара. В Петербурге же Чернышевского можно купить за 100.000 рублей, что равноценно только 3-м фунтам сахара.

РУССКИЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА НА ЗАПАДЕ.

По сведениям «Русской Книги», сейчас за границей находится свыше 60 русских издательств и книжных магазинов. Недавно вновь открыто два—в Вене—«*Детинец*» и в Берлине—«*Глагол*».

По странам русские книжные предприятия распределяются так:

В Германии—21 издательство и книжн. магазин, во Франции—3, в Англии — 3, в Швеции—2, в Финляндии—1, в Чехославии—4, в Болгарии—2, в Сербии—2, в Австрии — 2, в Турции — 1, в Америке—10, в Шанхае—4 и в Японии—1.

Сведения эти, несомненно, неполные, к тому же, книгоиздательская тяга на Запад не прекращается до последних дней.

Немецкие газеты сообщают о приезде в Берлин И. Д. Сытина. Но Сытин, видимо, выехал за границу не столько с целью основать там издательство русских книг, сколько оформить дело привлечения немецких капиталистов для концессионных предприятий внутри России.

ЮБИЛЕЙ ДАНТЕ (1321—1921).

В Италии, на родине поэта, украсившей музеи и города свои памятниками «божественному Данте», министр народного просвещения Бен. Кроче представил законодательным палатам закон о праздновании шестисотлетнего юбилея. Юбилейные дни этим законом объявляются национальным праздником. По всем городам устраиваются лекции и доклады ; ми оказывается финансовая помощь при издании крупного критического собрания сочинений Данте.

В Берлине для организации и проведения юбилея образовался особый Комитет под председательством Гарнака при участии Г. Гауптмана, Гофмансталя, М. Осборна и др. видных представителей литературы и науки.

ПО РОССИИ.

ЮБИЛЕЙ ДАНТЕ.

В Петербурге ряд вечеров, посвященных Данте, был устроен в Доме Литераторов, где, кроме писателей, участвовали и музыкальные деятели—Глазунов, Купер и др. «О-во Друзей Италии» устроило торжественное заседание, на котором Ф. Зелинским было произнесено вступительное слово «Привет Данте», в театрах Петрограда был устроен ряд музыкальных спектаклей, связанных с творчеством Данте, и издана книга «*Данте*», куда вошла статья Иг. Глебова «Данте и музыка», ст. Кржевского и программы концертов «Памяти Данте».

В Москве 14 сентября, в день смерти поэта, по инициативе Института Итальянской Культуры, было устроено торжественное заседание, на котором приняли участие Академия духовной культуры, Всероссийский Союз Писателей и Общество Любителей Российской Словесности. Заседание открылось вступительной речью П. П. Муратова, охарактеризовавшего поэта, как синтез двух начал современной и античной культуры; М. А. Петровский говорил о Данте, как поэте; М. М. Хуссид выяснил отношение Данте к современному ему искусству; Б. К. Зайцев прочел три песни «Ада» в своем переводе; Б. А. Грифцов остановился на лирической стороне «Божественной Комедии», а Г. И. Чулков сделал сообщение на тему «Данте и Пушкин».

Помимо этого, Институт Итальянской Культуры в течение октября и ноября провел цикл лекций о Данте. Читали: Б. К. Зайцев «Данте», А. К. Дживилегов «Данте и Италия», Б. А. Грифцов «Беатриче», С. М. Соловьев «Данте и католичество», С. В. Герье «Мистика и Данте», В. А. Сапожникова «Наука о Данте», М. В. Сергиевский «Предшественники Данте», М. А. Петровский «Поэзия Данте», П. П. Муратов «Пейзаж в Божественной Комедии» и М. М. Хуссид «Иллюстраторы Данте».

Всерос. Союз Поэтов устроил 7-го октября особое публичное заседание, где речи о Данте произнесли С. Бобров, Рачинский и С. Соловьев.

9-го октября в аудитории № 6 Государственного университета состоялось торжественное заседание в память Данте, устроенное этнолого-лингвистическим и литер.-художественным отделением факультета общественных наук. С докладом выступали: А. В. Луначарский, проф. И. И. Гливенко, И. С. Коган, П. В. Сергиевский, В. М. Фриче, А. А. Сидоров и П. Н. Сакулин.

Вечером, в помещении Консерватории состоялся посвященный Данте литературно-музыкальный вечер. Вступительное слово произнес А. В. Луначарский. В. Я. Брюсов читал свои переводы из Данте. Затем выступали артисты — Южин, Неждановa, Пашенная и др.

В «О-ве друзей книги» Данте также был посвящен вечер, на котором был прочитан проф. Протасовым доклад «*Космогония Данте*».

Из литературно-книжных откликов на юбилей приходится отметить лишь одну прекрасно изданную брошюру И. И. Гливенко «Данте» и выставку Румянцевского музея.

Румянцевский музей, осуществляя один из рациональных методов библиотечной работы, устроил к юбилею интересную выставку. Содержание ее было разбито на шесть отделов:

1. Портреты Данте. 2. Издания произведений Данте XV—XX вв. 3. Переводы произведений Данте. 4. Комментарии к «Божественной Комедии». 5. Литература о Данте. 6. Иллюстрации к произведениям Данте.

«Данте в книгах», «Творчество Данте и путь его творений, отраженный в шестивековой жизни Европы»,—какие заманчивые замыслы навевает эта выставка!

В первой комнате, где расположены портреты Данте, наталкиваешься на характерное явление: почти на всех портретах *Данте с книгой*. Синьорелли, Кастаньо, Кампо, Морчен, Джотто, Рафаэль, Щипорлер, Россети—все они, набрасывая поэта в разных позах, видах и возрастах, неизменно оставляют при нем книгу.. Это так знаменательно.

Иностранная литература на выставке представлена прилично. Большего, может-быть, и нельзя ожидать от наших библиотек, но зато русская почти отсутствует. Если по этой маленькой витринке русских книг судить о влиянии Данте в России, то пришлось бы сознаться, что он известен нам не больше Лопе-де-Вега.

Из изданий «Комедии» на выставке имеются переводы Мина, Минаева, Чюминой, Фан-Дима (Кологривовой), Чуйко, Федорова, Петрова, и отсутствуют... Голованова, Горбова («Чистилище»), Коншина, Зарудного, Соломона и книга «*Триумфы женщины*», где помещены в пересказе «*Vita nuova*» (СПБ. 1892)

Литература о Данте на выставке представлена только шестью книгами и семью статьями.

Пропущены такие книги, как Федери «*Данте и его время*» (М., 1911. Изд. Сытина); Скартаццини «*Дант*» (Перевод Введенского, СПБ., 1905 г.); Кардуччи «*Данте и его произведения*» (Харьков, 1899); Шепелевич «*Этюды о Данте*» (Харьк., 1891 г.). Из статей о Данте и общих сочинений, где говорится о нем, не были на выставке: Бурхард «*Культура Италии в эпоху Возрождения*»; Маколей «*Данте*» (Собр. сочинений, т. III, СПБ., 1866 г.); Пинто «*Данте, его поэмы и его век*» (Историч. очерки Итальянской литературы. СПБ., 1866 г.); В. Лесевич «*Данте, как мыслитель*» («Этюды и очерки».СПБ., 1889); А. Э. Грузинский «*Данте Аллигиери*» («Литературные очерки». М., 1908); И. И. Гливенко «*Данте Аллигиери*» («Чтения по истории Всемирной литературы». Киев, 1914 г.) и «*Божественная Комедия Данте*» («Очерки по истории зап.-европ. литературы». Киев, 1913 г.); П. С. Коган «Очерки по истории западно-европейской литературы» 1 том, гл. 3—4; Браун «*Данте*» («Книга для чтения по истории средних веков», IV ч. М., 1914); Дживилегов «*Начало Итальянского возрождения*», гл. 3-я, М. Изд. «Польза»; А. Н. Веселовский «*Данте Аллигиери, его жизнь и произведения*» («Отечеств. Зап.» 1861, т. CXXV, ч. 2-ая), «*Данте и мытарства итальянского единства*» («СПБ. Ведом» 1866 г. № 126), «*Данте и символическая поэзия католичества*» («*Вестник Европы*» 1867, т. IV-й), «*Нерешенные, нерешительные и безразличные дантовского ада*» («Журн. М. Н. Пр.» 1889, ноябрь) «*Лихва в лествице грехов у Данте*» (там же, 1890, октябрь), «*Данте Аллигиери*» (Энциклопед. словарь Брокгауз-Ефрон, т. X, 1891); Эллис «*Венец Данте*» и «*Рай Данте*» («Свободная совесть» (Сборн. 11-й, М., 1907.); Соловецкий «*Божественная Комедия*» и Meulen «*О планетных сферах Дантова Рая в свете астропософии*» (обе в «Трудах и днях» Мусагета № 8, 1916 г., где был заведен даже особый отдел «Danteana»).

Уж если выставлять статью Чуйко из «Нового Мира», то следовало бы вспомнить и о главах в книгах Жебара, Мишье, Карлейля, Стороженко, Гаспари, Кардуччи.

Среди иллюстраторов Данте хотелось бы видеть и рисунки Босха («Аполлон» 1911, кн. 3)

Всех пробелов выставки в беглой заметке, конечно, не перечтешь. Хотелось

кое-каких совершенств и в техническом отношении. Система расположения материала была не ясна посетителю. Некоторые иностранные издания следовало бы снабдить объяснительной надписью. У многих книг не видно было титульного листа (один кусочек торчал).

С наличием таких дефектов выставку Румянцевского музея, долженствующую стать центральным местом юбилейных торжеств, приходится признать неудавшейся. Эта неудача обидна еще и потому, что она приключилась с Румянцевским музеем,— центральным библиотечным учреждением всей России.

Г. И. Поршнев.

ЮБИЛЕЙ ДОСТОЕВСКОГО.

Столетний юбилей Ф. М. Достоевского вызвал в Москве, Петрограде, в провинции и за границей целый ряд публичных заседаний, лекций, собеседований, статей и книг.

В Москве.

Губполитпросвет отметил юбилей Достоевского устройством во всех районах города в течение октября и ноября свыше 50 лекций-бесед. Участниками их были проф. П. Н. Сакулин, В. Ф. Переверзев, И. Н. Кубиков, В. М. Фриче и В. Л. Львов-Рогачевский, артисты московских театров: Алексеев, Артамонова, Булгаков, Данилович, Лебединская, Савич, Демидова Макарова-Шевченко, Розов, Татарина-Мец, Вахман и др. и пианисты: Фейнберг, Нечаев и Шор. Кроме того, были выпущены листочки, посвященные творчеству юбиляра, и устроены в библиотеках выставки его книг.

В Политехническом музее было устроено три вечера; читали Ю. Айхенвальд *«Душа Достоевского»*, В. Поссе *«Религия Достоевского»* и А. Луначарский *«Достоевский, как художник и мыслитель»*. На всех вечерах артисты Художественного театра и его студий читали отрывки из произведений писателя.

Вольная Академия Духовной Культуры организовала торжественное заседание памяти Ф. М. Достоевского, где с докладами выступали Н. Бердяев, Б. Вышеславцев, Б. Грифцов и Г. Чулков, и собеседование на тему *«Мистическая атмосфера романов Достоевского»*.

О-во Любителей Российской Словесности устроило вечер, где с речами выступали А. Э. Грузинский, П. Н. Сакулин, Л. Гросман, Н. Л. Бродский и А. А. Грушка.

В Всер. Союзе Поэтов было два вечера, посвященные памяти великого писателя, читались доклады и отрывки из произведений.

Всероссийский Союз Писателей откликнулся на юбилей особым «вечером о Достоевском», в котором участвовали Н. Бердяев, Б. Грифцов, Ветринский и др., и докладом Н. Н. Русова *«Розанов и Достоевский»*.

Дом Печати устроил вечер с участием А. Луначарского, А. Борового, И. Кубикова, В. Переверзева и артистов Певцова и Демидовой.

А. Ф. Струве в клубе анархо-универсалистов прочел доклад *«Достоевский и его общественные идеалы»*.

О-во Друзей Книги очередную «пятницу» посвятило докладу Б. Грифцова *«Эстетика произведений Достоевского»*.

Исторический музей, при библиотеке которого существует комната-музей Ф. М. Достоевского, устроило особую «юбилейную выставку», где собрало книги писателя, рукописи, вещи, портреты и литературу о нем.

Студия имени Шаляпина ознаменовала юбилей инсценировкой «Преступления и Наказания».

В издании «Альциона» выходит книга *Ан. Белого* о Достоевском (лекция).

В Петрограде.

Юбилейные празднования начались торжественным заседанием *Академии Наук, Института Книговедения, Музея Революции, Союза Писателей, Дома Литераторов* и др. литературных организаций в Пушкинском доме. Выступали акад. Перетц, А. Ф. Кони, А. Г. Горнфельд и др. После заседания открылась выставка посвященная личности и творчеству Достоевского.

Управление академическими театрами поставило торжественный спектакль. Шло «Преступление и Наказание».

В Доме Литераторов было заседание, где произнесли речи памяти До-

стоевского А. Волынский, К. Чуковский и др.

Пролеткульт организовал суд над Раскольниковым.

Библиологическое Об-во издало специальную однодневную газету «*Достоевский*». В газете 34 страницы, занятых статьями А. Кони, А. Долинина, А. Малеина, Ю. Новицкого, А. Полякова и др., и репродукции.

«*Издательство литераторов и ученых*» выпустило воспоминания А. Ф. Кони «*Некрасов и Достоевский*». Пушкинский Дом издал «*Путеводитель по выставке Достоевского*», а Дом Литераторов — особый сборник «*Пушкин и Достоевский*» со статьями Горнфельда и Ремизова и посвятило юбилею очередной номер «Летописи» (№ 2-й).

Изд-во «*Парфенон*» выпустило изящно изданную книгу «*Достоевский и Пушкин*» под ред. Волынского. Юбилею посвящен очередной номер «Вестника Литературы» (10).

▫ В *Одессе* вышел сборник «*Творчество Достоевского*» под ред. *Л. Гросмана*. В нем, между прочим, напечатаны незаконченное произведение «*Великий грешник*», отрывки из «*Подростка*», «*Бесов*» и статьи о Достоевском.

В Казани.

Лито Главполитпросвета Татреспублики организовало суд над героем «Преступления и Наказания»—Раскольниковым.

За границей.

Союз русских журналистов и литераторов в *Германии* ознаменовал столетие со дня рождения Достоевского устройством в Берлине торжественного публичного заседания. В вечере приняли участие артисты Московского Художественного театра во главе с Качаловым.

В *Париже*, под председательством Мережковского, состоялся вечер, посвященный памяти Достоевского. На вечере выступали Мережковский, Карташев, проф. Кульман и др.

В *Праге* состоялся большой вечер-концерт, посвященный памяти Ф. М. Достоевского, устроенный союзом журналистов Чехо-Славакии. На вечере приняли участие—Е. Чириков, проф. Лядский, С. К. Маковский и др.

В *Риге* комитетом союза русских учителей в Латвии был устроен вечер в память Ф. М. Достоевского. После лекции о Достоевском состоялся концерт. Накануне (10 ноября) в театре Русской Драмы состоялся юбилейный спектакль. Был поставлен «Идиот».

ЮБИЛЕЙ Н. А. НЕКРАСОВА.

В Москве.

Коллегией Наркомпроса постановлено признать за Некрасовскими празднествами государственное значение и предложить всем органам Н. К. П. всемерно принять в них участие, отказавшись от специальных ассигнований на торжества. Для проведения плана празднеств избрана комиссия в составе председателя Н. К. Ульяновой и членов П. С. Коган (представителя Главкома), тов. Окачко (представителя Главполитпросвета) и представителя МОНО.

Дом Печати 4 декабря устроил вечер памяти Н. А. Некрасова. С речами выступали П. С. Коган и В. Т. Кириллов.

В «Известиях В. Ц. И. К». от 4 декабря памяти поэта посвящена целая страница (статьи Луначарского, Когана, Городецкого и др.)

Румянцевский музей с 15 декабря открыл выставку в память 100-летия со дня рождения Н. А. Некрасова.

Главполитпросвет печатает *Избранные стихотворения* Некрасова под ред. Серафимовича и Библиографический справочник о нем, а Госиздат выпустил книгу В. Полянского «*Н. А. Некрасов*» (к столетию со дня рождения).

В Петрограде.

О достойном чествовании юбилея Некрасова уже несколько статей (в «Вестн. Литературы» и «Жизни Искусства») написал исследователь поэта Евгеньев-Максимов. В Пушкинском Доме проектируется выставка, посвященная жизни и творчеству Некрасова. «Вестник Литературы» посвятил поэту целиком 11-й номер. Госиздат выпускает брошюру Евгеньева-Максимова «*Некрасов*» (жизнь и творчество поэта с примерными програм-

мами юбилейных вечеров), *Некрасовский Альбом* (портреты, карикатуры, снимки с изданий и рукописей), «*К столетию со дня рождения Н. А. Некрасова*», «*Жизнь и поэзия Некрасова*» и портрета поэта, исполненный худ. Бучкиным. Кн-во Сабашниковых готовит к печати сборник о Некрасове. Упомянем еще книжечку Кони «Некрасов и Достоевский», и это пока все, что вызвала память «печальника горя народного».

В ПЕТРОГРАДЕ.

«РОССИЯ»

Российской Академией Наук приступлено к изданию капитального труда, посвященного России. Издание ведет особый Комитет Комиссии по изучению естественных производительных сил России.

Издание должно состоять из вводного очерка и 22 основных томов, из которых каждый обнимает отдельный район России, в дополнительном же 23 томе будет дан общий обзор всех районов.

В основу деления России на районы положены признаки экономические и отчасти естественно-исторические.

Каждый том, в свою очередь, распадается на 17 глав, согласно установленным программой издания 17 группам освещаемых в нем вопросов. Общий объем всего здания предположен в 500 печатных листов.

Средства на издание отпущены В. С. Н. Х. Разделение на тома установлено следующее:

I-й—Полярный край (Курант Ю. М. Шокальский), 2—Северная лесная область, 3 — Северо-Западный край (Г. Ф. Чиркин), 4—Центральная промышленная область (В. П. Семенов Тянь-Шанский), 5—Западная земледельческая область, 6—Центральная земледельческая область, 7—Восточная область, 8—Южная Россия (В. И. Шарый), 9—Северный Кавказ (А. Н. Герасимов), 10—Закавказье (И. А. Орбели) 11—Урал (А. Н. Заварицкий), 12—Астраханский край (В. И. Мейснер), 13—Туркестан, 14—Киргизский край, 15—Западно-Сибирская низменность, 16—Алтай (Н. Я. Овчинников), 17—Енисейский край (А. К. Мейстер), 18—Иркутский край, 19—Забайкалье, 20—Якутский край (В. Л. Комаров). 21—Амурско-Приморский край, 22 — Камчатский край и 23 — Общий обзор.

«Астраханский край» (полезные ископаемые) уже вышел из печати.

▫ Изд-во «Алконост» выпустило 4-ую книгу «*Записок мечтателя*», куда вошли произведения А. Белого, Ал. Блока и др., брошюрку Блока «*О символизме*», поэму «*Первое свидание*» Ан. Белого и печатает 5-ю кн. «Записок мечтателя», в которую войдут произведения А. Блока—«*Возмездие*», Замятина — «*Мы*», роман, Ан. Белого—«*Так говорит правда*», М. Шагинян—«*Чудо на колокольне*», пьеса, стихи Ходасевича и Зоргенфрея.

6—7 книга будет целиком посвящена А. Блоку. В нее войдут статьи А. Белого, Иван.-Разумника, Н. Клюева, Ф. Сологуба, Е. Замятина и др.

Отдельными книгами намечены: М. Шагинян «*Дом у дороги*» (театр), Пяст «*Поэма в нонах*», Ремизова «*Крашеные рыла*», Блока «*Последние дни императорской власти*», «*Возмездие*», I-ый том собрания сочинений и др.

▫ Вышел 2 сборник «*Бирюч, Петрогр. Госуд. театров*» (414 стр.), куда, кроме интересной хроники, вошли статьи Н. Долгова, Н. Носкова, В. Срезневского, П. Гнедича, И. Глебова, А. Полякова, Л. Ильинского, Н. Лернера и др. Заканчивается печатанием «*Ежегодник Петроградск. Госуд. театров*», куда войдет ряд интересных статей и материалов и неизданная пьеса А. Н. Островского «*Пока*».

▫ Дом Литераторов приступает к издательской деятельности. Им уже выпущено два номера «*Летописи*», «литературно-исследовательский и критико-библиографический журнал» и печатаются два сборника. Один составлен из статей А. Блока, А. Кони, В. Ходасевича и Б. Эйхенбаума о Пушкине Горнфельда и Ремизова о Достоевском (вышел), а второй из рассказов, премированных на конкурсе в прошлом году. Кроме того, предполагается ряд сборников под общим названием «*Отражение эпохи*», где будут печататься статьи о влиянии войны и революции на литературу, искусство, психику, язык, право и настроения.

▫ Вновь возникшее «Кооп. издательство литераторов и ученых», уже выпустившее небольшую книжечку А. Кони «*Некрасов и Достоевский*» (воспоминания), печатает «*Тургеневский сборник*» (Труды Тургеневск. о-ва) и «*Дневник Пушкина*» под ред. Б. Модзалевского и П. Щеголева.

▫ Худ. И. Репин, живущий ныне в Финляндии, озабочен изданием своих «*Воспоминаний*». Они были уже набраны в Петрограде, сверстаны, но в 1918 г. погибли. Сохранился в Доме Литераторов один корректурный экземпляр.

▫ В издании «Светозар» (А. М. Бродского), недавно выпустившем книгу Евреинова «*Что такое театр*», с рисунками худ. С. Чехонина и значительно расширяющем свою деятельность, готовятся к печати: 1) В. Немирович-Данченко «*Горе от ума*» *в постановке Художественного театра*» с рис. худ. Добужинского, Гремиславова и А. Петрова, 2) Евт. Карпова «*В. Н. Давыдов*», иллюстрированная монография, 3) «*Александровский театр за 25 лет*» по воспоминаниям режиссера Евт. Карпова, 4) Н. Эфроса «*Гении сцены*», художественно-иллюстрирован. монограф. о выдающихся европейских артистах.

▫ Комитет популяризации художественных изданий (б. Община св. Евгении) выпустил монографию Эрнста «*Александр Бенуа*», заканчивает монографию о Серове из той же серии «Русские художники» и готовит к печати «*Альбом автолитографий*» Б. Кустодиева и альбом произведений А. Остроумовой-Лебедевой, посвященный старому Петербургу.

▫ Изд-во «Мысль» печатает сборники стихов Геор. Иванова «*Лампада*», Мих. Лозинского «*Горный ключ*», Н. Гумилева «*Фарфоровый Павильон*», «*МИК*» (2 изд.) и том посмертных стихов, Ю. Верховского «*Солнце в заточении*» (2-е издание) и приступает к печатанию сборника «*Мысль*» с произведениями Е. Замятина «*Огни св. Доминика*», драма; Б. Пильняка «*Рязань-яблоко*», повесть; П. Губера «*Чудесная ткань*», рассказ, и стихи Ахматовой, Гумилева, Г. Иванова, Лозинского. и др. Готовит к печати монографию Г. Иванова «*Н. С. Гумилев*».

Это же изд-во намерено издавать под ред. Тарле серию мемуаров, относящихся к мировой войне (Людендорфа и др.) и ряд книг по естествознанию (о новых успехах).

▫ «Петрополис» только что выпустил в продажу В. Рождественского «*Золотое веретено*», стихи, Ахматовой «Anno Domini 1921, стихи, и печатает Леконт де Лиль «*Иринея*» в пер. Лозинского, Евреинова «*О задачах драмы у семитов*» и Мандельштам «Iristia», стихи.

▫ Изд-во «Колос» закончило печатанием В. М. Бехтерев «*Коллективная рефлексология*», огромный том в 500 стр.; А. Г. Горнфельда «*Пути творчества*»; Ж. Валлес «*Инсургент*»; Г. Г. Шпет «*Философское мировоззрение Герцена*», два сборника, посвященные П. Л. Лаврову, и новую книгу П. Л. Лаврова «*Социальная революция и задачи нравственности*»; и печатает Столпянского «*Революционный Петербург*» и сборник «*Искусство и народ*» под ред. К. Эрберга.

▫ Возобновило свою деятельность книгоиздательство «*Право*». Им уже изданы: Боголепов «*Европа после войны*», Смирнов «*Кризис денежной системы французской революции*», К. Диль «*Золото и валюта*», Я. М. Букшман «*Англо-Американское соперничество*», и печатаются: В. Ден «*Новая Европа*», Энджин «*Экономическая будущность Европы*» и И. М. Кулишер «*Международные торговые договоры*».

▫ Изд-во Сабашниковых в Петрограде выпустило II и III выпуски «*Аттических сказок*» Ф. Зелинского и «*Античный мир*» его же (1 т.) и готовит к печати 2-е изд. «*Молекулярной физики*» Иоффе, «*Курс статистической физики*» проф. Круткова, «*Финансовое положение и денежное обращение в Европе после войны*» Каценельбаума, сборники статей «*Закат европейской культуры*» и о Некрасове.

▫ В непродолжительном времени в изд. «Наука и Школа» выходят: П. Лапшина «*Философия изобретения и изобретения в философии*», А. Жебелева «*Эллинизм*», Н. Лосского «*Логика*», Н. Караева «*Историография французской революции*», и Розенберга «*Философия Востока*».

▫ «*История мебели*» П. Вейнера, курс его лекций в Институте Истории

искусств, заканчивается печатанием в изд. слушателей Института.

▫ Книг-во Парфенон выпустило сборник «*Достоевский и Пушкин*». В дальнейшем издательство наметило к выпуску: Ин. Анненский «*Пушкин и Царское Село*», Н. О. Лернер «*Герои пушкинского века*», Н. Ф. Павлов «*Именины*» (со статьей Данилова), Б. Л. Модралевский «*Пушкин в тайном надзоре*», В. И. Саитов «*Из Пушкинской эпохи*», П. С. Лукин «*Письма из Сибири*» и неизданные письма народовольцев и землевольцев под. ред. Р. Кантора.

▫ *Цех Поэтов* выпускает книгу Н. Гумилева «*Последние странствования земного*».

▫ Кн-во «*Картонный Домик*» печатает сборник об Ал. Блоке. Намечены статьи В. Жирмунского, В. Пяста, А. Слонимского, Ю. Тынянова, В. Ходасевича и др. Кроме того, подготовляется к изданию поэма недавно умершего в Сибири поэта Георгия Маслова «*Аврора*», том неизданных стихотворений Ин. Анненского, его же «*Тихие песни*», «*Кипарисовый ларец*» и книга Б. Энгельгардта «*Введение в эстетику слова*».

▫ Из новостей драматической литературы нужно отметить: Евреинова «*Самое Главное*» и «*Конкурс остроумия*», Радлова, «*Четырехэтажный дом*» (ставится в театре Народной Комедии), Н. Лернера «*Николай I и декабристы*», Ольги Форш «*Равв*», Гнедича «*Старый Петербург*» (из эпохи Николая I), Е. Геркен «*Юноша из долины*» и Евт. Карпова «*Митькина карьера*», трилогия из истории революции 1917 года и последующих годов, П. Керженцева, «*Из пламени*».

▫ В вышедшей (после значительного перерыва) 16-ой книжке «Былого» напечатаны О. В. Аптекмана «*Две дорогие тени*» (Из воспоминаний о Плеханове и Натансоне), В. Утгофа «*Уфимское государственное совещание*», записка Я. Стефановича «*Русская революционная эмиграция*» (составлена по поручению Плеве), Л. Клейнборта «*Гурович-Харьковцев*» (тоже провокатор), И. Генкина «*Псковский централ*», И. М. Гревса «*В годы юности*» и др.

17-я книга «Былого» будет целиком посвящена П. А. Кропоткину (неизданные сочинения, материалы, письма, документы, воспоминания, статьи). В 18-ой предположено: В. Семенников «*Новый текст и неизданные отрывки Путешествия из Петербурга в Москву*», П. Щеголев «*Нечаев в Алексеевском равелине*», Е. Тарле «*Германская ориентация накануне войны*», воспоминания О. Булановой, М. Рафеса и В. Святловского, материалы к биографии К. Маркса и Энгельса и по истории революции в Сибири в 1919—20 годах.

▫ Литературное Об-во «*Серапионовы Братья*» выпускает в издании «Алконоста» альманах, составленный из произведений Вс. Иванова, К. Федина, Н. Никитина, М. Слонимского и др.

▫ *М. Мыш* закончил большую работу «*О роли книги и библиотеки во внешкольном образовании*».

▫ *А. Волынский* (Флексер) заканчивает труд «*История театра*».

▫ Отделение Госиздата выпустило: В. Гордина «*Угасающий город*», А. Чапыгина «*Волк за волком*», драма; Ионова «*Голос*», стихи; *Стенографический отчет X Съезда Рос. Ком. Партии*», «*Архив истории труда в России*»; Быстрянского «*Газета в буржуазном и пролетарском государстве*», и заканчивает печатанием поэму Анд. Глоба «*Уот Тайлор*» в художественном издании с рис. худ. Соломонова.

▫ Возникли новые издательства: 1) «*Кооперативное издательство литераторов и ученых*», 2) «*Академическое издательство*» 3) «*Эпоха*» (руков. К. Чуковский) 4) «*Аквилон*» (рук. Ф. Нотгафт. Б. Элькин и Б. Кантор), 5) «*3-я стража*» (руков. Михайлов, быв. владелец «Прометея», и Бутковский, влад. «Совр. Искусства») и «*Ополз*».

▫ За последнее время начали выходить новые частные журналы: «*Летопись Дома Литераторов*», «*Экономист*», «*Книжный Угол*» (возобновился после значительного перерыва) и предположено выпускать «*Призыв*», «*Начало*» и «*Художественная Летопись*».

▫ Интересное непериодическое издание «*Наука и ее работники*» продолжает внимательно освещать деятельность научных учреждений (преимущественно петроградских)—и отдельных ученых. Вышел уже 4-ый выпуск, в котором помещены статьи: В. Вернадского «*О научной работе в Крыму в 1917—21 гг.*»,

А. Николаева «*Архивное строительство*», Н. Качалова «*Об исследовательской деятельности в Керамике*», Н. Сычева «*Новые открытия в области древне-русской живописи*», список ученых и высших учебных заведений Петрограда и разнообразная хроника.

В 3-ем номере напечатана статья К. Петрова-Водкина «*Наука в искусстве*», В. Ипатьева «*Роль научных исследований в промышленной жизни страны*», хроника и длинный список ученых, скончавшихся за 1919/21 годы.

▫ *Академия Наук* готовит вторую часть справочника-ежегодника «*Наука в России*», целиком посвященную Петрограду. В первом выпуске будут помещены научные работники (по данным к 1-му января 1921 г.), а во втором—ученые учреждения и высшие учебные заведения.

▫ Институт Книговедения выпустил книгу Флеера «*Русские портреты 1917/21 гг.*». Это — библиографический перечень иконографии писателей и общественных деятелей, по периодическим изданиям революции.

▫ Издательство «Опояз» издало ряд значительных книг по теории литературы: Ю. Тынянов «*Достоевский и Гоголь*» (теория пародии), Жирмунский «*Композиция лирических произведений*» и В. Шкловский «*Развертывание сюжета*» (о романе Сервантеса «Дон Кихот»).

▫ *Дом Литераторов* устраивает 2-ой литературный конкурс (критика). Поступило 14 работ. Три о Блоке, две о Белом, один — о Чехове, один — о Коневском, один—о Вл. Соловьеве, один—о Маяковском и др.

▫ В начале 1921 года в Петрограде группа молодых литераторов организовала новое литературное Об-во «*Серапионовы Братья*». В «братство» вошли: В. Зильбер, Мих. Защенко, Вс. Иванов, Л. Лунц, Н. Никитин, М. Слонимский, К. Федин, И. Груздев и В. Шкловский. «Братья» ведут усиленную студийную работу. В издательстве «Алконост» О-во выпускает альманах, составленный из произведений Вс. Иванова, К. Федина, Н. Никитина, М. Слонимского и др.

ЛЕКЦИИ.

В *Доме Литераторов* читались за октябрь лекции: А. Ф. Кони «*Жестокость в зрелищах и развлечениях*», С. Волконск «*О декабристах*», проф. А. Иванова «*Япония и ее внешняя политика*», проф. Тарле «*Убийство Эрцбергера и современная Германия*», В. Жирмунского «*Поэзия Ал. Блока*», проф. Лукьянова «*Героиня полувекового романа Л. Толстого*», П. Радлова «*Драматургия Гансвурста*», В. Шкловского «*Трагическое и комическое в театре*», и ряд вечеров, посвященных творчеству Ахматовой, Ал. Блока, памяти В. В. Стасова, диспут о театре и др.

В *Доме Искусств* лекции читали А. Волынский «*Четыре евангелия*» и «*Воскрешение мертвых*», Вас. Каменский (свои новые поэмы), Ю. Тынянов «*Блок и Гейне*», М. Добужинский «*О декоративных элементах искусства*», К. Чуковский «*Два течения об Ал. Блоке*», В. Томашевский. «*Пушкин и Буало*», и состоялось два вечера, устроенных Об-вом «Серапионовы Братья».

МОСКВА.

ГОСИЗДАТ.

I. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ОТДЕЛ ЗА ГОД.

Отдел начал работать с ноября 1920 г., в составе одного заведующего, помощника его, секретаря и делопроизводителя. Кроме того, при Отделе функционирует редакционная коллегия, собирающаяся не чаще одного раза в неделю для решения принципиальных вопросов.

Задача привлечения к работе авторитетных научно-литературных сил и специалистов - популяризаторов, деятелей внешкольного и школьного образования была нелегкая, так как 1) Госиздат не пользовался чрезмерными симпатиями академических и литературных кругов, настроение которых во многих случаях было к Госиздату резко отрицательное, и 2) литературные (гонорарные) тарифы находились все время на чрезвычайно низком, без преувеличения, можно сказать, нищенском уровне.

Эти трудности были преодолены, и в работах Отдела в течение года приняли активное участие в качестве авторов, редакторов и рецензентов следующие лица, преимущественно из преподавателей высших учебных заведений:

Н. П. Андреев, Д. Н. Анучин, Е. А. Аркин, С. Н. Блажко, А. М. Беркенгейм, Л. С. Берг, А. А. Берлин, К. Н. Беркова, И. В. Владиславлев, М. В. Вильборг, В. А. Варсонофьева, С. Т. Григорьев, Б. И. Горев, И. И. Голенкин, Б. Ф. Добрынин, А. Э. Жадовский, Б. Э. Жадовский, Б. М. Завадовский, С. С. Кривцов, С. Т. Конобеевский, В. А. Костицын, Л. И. Курсанов, Н. А. Касаткина, К. Н. Корнилов, Л. М. Кречетович, С. М. Коган, С. Я. Лифшиц, А. А. Михайлов, А. Б. Млодзеевский, В. А. Михельсон, А. Н. Максимов, Я. Я. Никитинский, В. Ф. Натали, А. П. Нечаев, М. М. Новиков, Н. С. Понятский, Я. С. Пржеборовский, А. П. Павлов, М. В. Павлова, С. В. Покровский, А. А. Покровский, В. И. Романов, Е. И. Репьева, В. В. Стратонов, А. И. Смирнов, Е. Д. Сошкина, Н. П. Силинич, К. Стабриков, А. К. Тимирязев, М. Н. Тихомиров, Л. С. Цетлин, А. А. Чернов, С. В. Чефранов, М. И. Шульга-Нестеренко, М. С. Швецов, П. Ю. Шмидт и Э. К. Эпик.

Работали комиссии: биологическая, физико-химическая, геологическая, астрономическая, географическая и некоторые другие по специальным редакционным заданиям.

По степени популярности издания Отдела распадаются на три серии: 1) «Наука для всех» для первоначального чтения, 2) «Начатки знания»—для усвоения общих основ отдельных отраслей знания и 3) «Естественно-научная библиотека»—для подготовленного читателя.

В составлении и осуществлении своей издательской программы Отдел работал в двух направлениях: 1) намечал из старой литературы лучшие книги для переиздания в первую очередь и 2) заказывал авторам новые книги.

Для переиздания подвергнуто рецензированию 238 книг. Из этого количества лишь 97, или 40%, удостоились положительного отзыва, остальные были отвергнуты вследствие научных погрешностей, устарелости, плохого изложения или вследствие каких-либо других причин. В деле создания новых книг Отдел, помимо заказов русским авторам, прилагал все старания к тому, чтобы обеспечить себе приток новой иностранной книжной и журнальной литературы. Около десятка новых немецких книг уже переведены на русский язык.

Всего Научно-Популярным Отделом Госиздата выпущено в свет и сдано в печать 41 книга и 1 плакат, заключающие около 250 печ. листов. Из них 16 новых оригинальных и переводных и 26 старых книг, вновь проредактированных.

Подготовляется к печати 7 новых плакатов и 44 книги, заключающие около 325 печ. листов. Из них 24 работы новых и 18 переизданий.

Вышли в свет и находятся в печати:

А. Науки биологические.

Ю. Алексеев «О происхождении животных и человека», *Д. Анучин* «Происхождение человека», *Е Аркин* «Мозг и душа», *Ю. Вагнер* «Рассказы о животных», «Рассказы о том, как устроены и живут растения» и «Рассказы о том, как работает человеческое тело», *Воронков* «По пресным водам», *Грин* «Начатки ботаники», *Б. Завадовский* «Отчего происходят болезни», *П. Каммерер* «Об омолаживании и продлении личной жизни», *С. Костычев* «О появлении жизни на земле», *Мше* «О бактериях», *С. Порецкий* «Зеленый мир», *Н. Понятский* «О происхождении человека», *Шеффер* «Жизнь, ее природа, происхождение и сохранение».

Б. Науки физико-химические.

Ю. Вагнер «Рассказы о воде» и «Рассказы о воздухе», *Гильом* «Начатки механики», *С. Конобеевский* «Как плавают и летают» и «Что такое радий», *Лермантов* «Как машины работают», *Роско* «Химия», *А. Тимирязев* «Что такое физика и чему она учит» и *Тиндаль* «Звук».

В. Геология и палеонтология.

Вальтер «Первые шаги в науке о земле», *Гейки* «Геология, *В. Львов* «Каменный уголь, «Соль и ее добывание» и «В нефтяном царстве», *А. Павлов* «История геологических знаний» и «Морское дно» и *М. Швецов* «Железо, его родина и история».

Г. Астрономия и математика.

А. Михайлов «О солнечных затмениях». *Пьюком-Энгельман* «Популярная астроно-

мия», «Солнечное затмение» (плакат), *Фламмарион* «Общедоступная астрономия», *С. Чижов* «Звездные вечера».

Д. География, история материальной культуры.

М. Берен «Рассказы о борьбе человека с природой», *Ю Вагнер* «Рассказы о земле», *Гейки* «Физическая география», *Гербертсон* «Человек и его труд» и *А. Нечаев* «В царстве воды и ветра».

ПОДГОТОВЛЯЮТСЯ К ПЕЧАТИ.

А. Науки биологические.

К. Беркова «Жизнь, ее проявление и развитие» *М. Богданов* «Мирские захребетники» и «Из жизни русской природы», *Гессе* «Происхождение видов и дарвинизм» *Е. Елачич* «Из жизни природы», «О душевной деятельности животных», «Из жизни на морских глубинах» и «Происхождение лошадей», *Б. Завадовский* «О загадке старости», *Мие* «Жизнь и ее проявления», *С. Покровский* «Среди природы», *С. Порецкий* «Как растения защищаются от своих врагов» и «Хищные растения», «Как течет кровь в человеческом теле» и «Как переваривается пища» (плакаты), *Сеченов* «Физиологические очерки» и *К. Тимирязев* «Солнце, жизнь и хлорофилл».

Б. Науки физико-химические.

Ауэрбах «Современная магнетика» *Л. Грец* «Краткий курс электричества», *Гюнтер* «Электротехник - строитель», *Классен* «О свете», *С. Конобеевский* «Строение вещества», *Ленар* «О принципе относительности, эфире и тяготении», *Ласcар-Кон* «Химия обыденной жизни», *Дж. Мартин* «Чудеса и завоевания современной химии», *В. Михельсон* «О погоде», *Нагель* «Романтика химии», «Как летает аэроплан» (плакат), «Сборник классических статей по физике», *Шмидт* «Проблемы современной химии» и *Эйнштейн* «Теория относительности».

В. Геология и палеонтология.

Е. Елачич «О вымерших животных», *А. Нечаев* «Металлы и руды», «Возраст земного шара» (плакат), *М. Павлова* «Мамонт» и «Ископаемые слоны» и *М Шульга-Нестеренко* «Снег и лед в жизни земли».

Г. Астрономия и математика.

Берри «Краткая история астрономии», *Клейн* «Астрономические вечера», «Звездное небо», «Луна» (плакаты), *Д. Ройтман* «Очерки популярной астрономии», *Серебряков* «Земля», *Фишер* «Введение в исчисление бесконечно-малых», *Франс* «Луна» и *Эпик* «Солнце по новейшим исследованиям».

Д. География, история материальной культуры.

Вольногорский «Растения—друзья человека», *А. Нечаев* «Земной портрет», «Холодные и жаркие страны» (плакат). *Гастерлик* «О пище и питье» и *Я. Я. Никитинский* (сын) «Стакан воды».

II. ОТДЕЛ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Редакционная Коллегия Отдела состоит из Л. Тезаровской (дошкольн. отд.), Е. Соловьевой (комиссия учебников), А. Серафимовича (ЛИТО), Флерова (Наркомпрос Лит.-Изд. Отд.), Любавиной (ИЗО), А. К. Покровской (Инст. детского чтения), Бархатовой (МОНО), Е. Фрумкиной и Л. Владимирской (Госиздат). Утверждена она 21 марта 1921 г. Работа заключалась в просмотре книг и одобрения лучших из них для издания. Из 116 просмотренных названий для издания в первую очередь намечено 26. Уже сданы в печать: *Чехова* «Каштанка», *Дмитриевой* «Малыш и Жучка», *Фитч-Перкинса* «Маленькие японцы», «Маленькие голландцы» и «Минни и Монни», *Анненской* «Робинзон Крузо», *Бичер-Стоу* «Хижина дяди Тома», *Джиованиоли* «Спартак», *Талльбот* «Старшины Вильдайской школы», *Кроккет* «Клер Келли», *Куприна* «Белый пудель» и 10 выпусков сказок Каррика.

Проредактировано и готово к печати *Лондона* «Беглец», *Бесковой* «Черничный дедка», *С.-Томпсона* «Рольф в лесах» и *Киплинга* «Джунгли».

Намечены к составлению: календарь природы и справочник по детским играм и занятиям.

Из новых произведений в коллегию поступило 14 рукописей. Из них приняты к изданию только две: *Заке*—«*Как*

Надя провела первый день в детском саду» и *Мирович—«Лесная сказка»*, пять совсем отвергнуто, а 7 возвращены для переработки.

В Государственном Издательстве за последнее время вышли: *Н. Ленин—Собрание сочинений* XIV и VII тома (статьи 1917 года), *А. Троцкий—«Новый этап»* (доклад 3-му Конгрессу Коминтерна и др.), *М. Тухачевский—«Война классов»*, *Корнилов—«Психология ребенка раннего возраста»*, *Кареев—«История Западной Европы в начале XX века»*, *Д. Бедный—«Царь Дадон»*, *Т. Тассо—«Аминта»*, пастораль, перев. в стихах, *Кон—«Общая эстетика»*, *Стаут—«Аналитическая психология»* I т., *Волькенштейн—«Спартак»*, драма, *М. Покровский—«Русская история с древнейших времен в самом сжатом очерке»* (2-е издание с прибавлением 2-х глав и синхронистической таблицы), *Н. Фатов—«А. С. Пушкин»*, научно-популярный очерк, *Хвойник—«Коровин»* (к выставке), *«Львов-Рогачевский—«Революционные мотивы в русской поэзии»*, *Верховский—«Курс военного искусства в России»* и *«Тактика»*, *Рапопорт—«Жан Жорес»*, Сокращенные таблицы международной классификации книг и *В. Брюсов—«В такие дни»*, стихи 1919—1920 гг., и ряд др. изданий.

Печатаются: *Гиллер—«Токарное дело»*, *М. Фрунзе—«Единая военная доктрина»*, проф. *Завадовский—«Пол и его признаки»* и *М. Павлович—«Советская Россия и новый Карфаген»*.

Намечены к переизданию: *А. Бебель—«Женщина и социализм»*, *Л. Браун—«Женский вопрос»*, *М. Ольминский—«Из прошлого»*, *Г. Кунов—«Возникновение религии»* (последние две книги еще имеются на складах Центропечати), *Е. Звягинцев—«Века и труд людей»*, *А. Нечаев—«Чудеса без чудес»* и *«В царстве воды и ветра»*, *Сеньодос—«Политическая история современной Европы»* и др.

Печатание книг по заданиям Главного Управления Госиздата происходит в Гомеле, Ростове н/Д., Царицыне, Костроме, Минске, Екатеринбурге, Казани, Туле, Н.-Новгороде, Архангельске, Твери, Саратове и в Симферополе.

КУЗНИЦА.

Клуб всероссийской ассоциации пролетарских писателей в октябре и ноябре устроил ряд вечеров, посвященных новым произведениям Полетаева (стихи), Дорогайченко (*«Раскованный Прометей»*) Ляшко (поэма *«Солнце, плечи и грудь»*), Родова (стихи), Ярового (драма *«Непримиримые»*) и *«Героической пролетарской поэзии»*.

С докладами выступали: проф. П. С. Коган *«Искусство чистое и тенденциозное»*, Дивильковский и Лацис *«Экскурсия по Маяковскому»*, С. Малашкин *«Иван Филипченко и пролетарская поэзия»*, П. Орешин *«Город и деревня в пролетарской поэзии»*, и Гамза *«Пути пролетарской культуры»*.

ДОМ ПЕЧАТИ.

За октябрь и ноябрь в Доме Печати, кроме музыкальных и театральных вечеров и научных лекций, были доклады С. Понятовского *«Тимирязев, как революционер и ученый»*, М. Славинского *«О частной аренде художественных предприятий»*, И. Аксенова *«Семь лет Центрифуги»*, С. Арватова *«Пролетарское искусство и заумное беспредметничество»*, В. Блюма *«О Ревизоре»*, *С.* Литовского—о постановке *«Город в кольце»*, В. Загорского—о *«Лене»*, В. Полонского *«М. Бакунин и 48-й год»*, И. Гроссмана-Рощина *«Сумерки великой души»* («Исповедь» Бакунина), Я. Тугендхольда *«Искусство в Крыму»*, В. Карелина *«Почему писатели молчат»*, И. Логинова *«Почему нет пролетарского творчества»* и В. Брюсова *«Диктатор»* (новая пьеса), Б. Пильняк—рассказы.

Кроме того, ряд вечеров был посвящен пролетарской поэзии, Достоевскому, Некрасову, Л. Толстому, Верхарну, 4-й годовщине Октябрьской революции и диспуту о Большом театре.

КНИЖНАЯ ПАЛАТА.

В середине 1920 года центральный орган сбора, регистрации и описания печатных произведений, выходящих в России, был из Петрограда перенесен в

Москву, и назван Центральной Российской Книжной Палатой.

Петроградская Кн. Палата переименовалась в Институт Книговедения и посвятила себя окончанию печатания «Книжной Летописи» и теоретической разработке вопросов книговедения, наметив ряд библиографических работ.

Перевод Книжной Палаты в Москву был, между прочим, мотивирован необходимостью ускорить выпуск «Книжной Летописи», но цель эта так и осталась недостигнутой. В Москве «Книжной Летописи» вышло только 14 номеров за 1920 год и два за 1921 г.

Таким образом, книжные богатства страны и печатные документы великой революции остаются незарегистрированными, неописанными и для научных работ и для будущего изучения великих дней почти недоступными.

Активный обзор богатой провинциальной печати тоже неналажен.

Вместо этого, Книжная Палата, не исполнив главной, основной своей задачи, взялась за организацию музея книги Это, конечно, хорошо. Плохо лишь то, что за это дело Палата взялась, не вывыполнив первого.

В последнее время Кн. Палата вновь реорганизуется. Функции ее рассекаются на две части—практическую (сбор и регистрация) и теоретическую (библиографический институт и музей книги). Первая часть остается в Госиздате, вторая—переходит в Академический Центр.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ.

К. Липскеров прочел вновь написанную лирическую драму из быта Персии, В. Ходасевич—новые стихи.

24/X Б. Зайцев читал два рассказа. Один исторический, из прошлого—«*Карл V*», второй—«*Уединение*», отрывочные впечатления современности.

31/X и 7/XI состоялись доклады Ю. Верховского «*Поэтика Блока*», П. П. Русова «*В. Розанов и Достоевский*».

17/XI и 21/XI вечера были посвящены юбилейным поминкам Ф. М. Достоевского. С речами выступали Н. Бердяев, Б. Грифцов, Ветринский и др.

28/XI Ю. М. Айхенвальд читал литературные характеристики Н. Гумилева и Ан. Ахматовой,

Кроме того, в помещении союза устраивали доклады «Арт» и «Литературное Звено».

И. Столяров читал «*Антропософия в крушении современной литературы*», М. Я. Козырев «*Законы творчества—законы формы*», А. К. Гольдебаев—«*О пролетарской поэзии*» и А. Н. Ершов—отрывки из романа «*Автогоммы*».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

На публичном заседании Библиографического Общества 17 октября был прочитан председателем О-ва Б. С. Боднарским доклад о 32-летней деятельности Об-ва и роли в нем члена учредителя Фреймана.

Русское Библиографическое Общество основано 4/X 1889 года. Учредителями его были одиннадцать московских библиографов и библиофилов. Характерно, что из числа этих одиннадцати пять человек, и наиболее активных, были книгопродавцы (Фрейман, Астапов, Байков, Магнусен и Соловьев).

Выступивший затем со своими воспоминаниями о первых годах Об-ва А. Н. Соловьев эту мысль еще подчеркнул утверждением, что «колыбелью русского библиографического общества была книжная лавочка Астапова».

На ноябрь, декабрь и январь Об-вом намечены доклады:

1) Г. П. Поршнева «*Библиография в Сибири за годы революции*», 2) П. Н. Миллера «*Опыт систематизации топо-библиографии Москвы* (прочитаны 27 ноября), 3) В. В. Виноградова «*Успехи русской био-библиографии*», 4) Г. И. Поршнева «*Русское книжное дело за границей*» 5) Н. П. Ложкина «*Книжная статистика за годы революции*», 6) Д. И. Шаховского «*Библиотека русского ученого XVIII в.*», 7) А. П. Денисова «*Русская библиотека XVII в.*» 8) Б. С. Боднарского «*Что такое библиография*» и 9) М. Я. Рабиновича «*Полиграфическая промышленность революции*».

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ.

За последнее время в Академии состоялся ряд публичных докладов. Читали В. Базаров «*Закат европейской культуры*» и «*Философское значение принципа относительности*», А. Богданов «*Организационные принципы социальной техники и экономики*» и «*Работа и потребности*» и Д. Рязанов «*Гильдейский социализм.*»

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ КНИГИ.

18 ноября О-во праздновало годовой юбилей. С речами выступали председатель О-ва В. Я. Адарюков и ученый секретарь А. А. Сидоров. За год О-во устроило 41 заседание и провело 12 книжных аукционов. 27 заседаний сопровождались докладами (всего было 30 докладов) и один литературный вечер. По содержанию доклады располагаются так: по книговедению—20 докладов, по изобразительным искусствам—5 и истории литературы—5.

Посещаемость заседаний колебалась от 20 (в начале) до 68 человек.

Членов О-ва при организации было 18 человек, теперь—119.

На последнем аукционе (4/XII) были, между прочим, проданы: Пушкин «Уединенный домик» за 25 т. р., Бородаевский «На лоне природы», изд. «Мусагет»—10 т. р., Каталог фарфора из собрания Лутина—62 т. р., Кандинский «Автомонография», изд. 1918 г.—40 т. р., Фрейман «Спутник библиотекаря»—40 т. р., Лукомский «Старый Петербург»—30 т. р., Врангель «Искусство и импер. Ник. Павл.»—50 т. р., «Erotopoegnia»—90 т. р., Аделаида Ристори—10 т. р., Соловьев «Тальони»—50 т. р., Катаев и Мазаев «Словарь псевдонимов»—35 т. р., Бахрушин «Из записной книжки»—70 т. р., Анисимов «Кратк. очерк разв. письменности»—35 т. р., «Преображенское»—30 т. р., «Московский Некрополь», 3 т. р.—40 т. р.

На аукционе 2/XII прошли: Иваск «Жизнь и труды Собольщикова» за 25 т. р. «Памяти Ефр ова», изд. Русск. библиогр. О-ва—55 т. р.; «Среди Коллекционеров» (комплект)—275 т. р., Иваск «Геннади», изд. Бухгейма—100 т. р. «Книгопродавческая деятельность И. Глазунова»—300 т. р., «Типографская деятельность Глазунова»—310 т. р., Бенуа «История русской живописи»—780 т. р. и т. д.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РУКОПИСИ ДОСТОЕВСКОГО.

В здании Главархива была вскрыта шкатулка с неопубликованными рукописями Достоевского. Шкатулка принадлежала вдове писателя и хранилась в ее сейфе.

При вскрытии присутствовали: нарком А. В. Луначарский, замнарком М. Н. Покровский, П. С. Коган, П. Н. Сакулин, В. М. Фриче, И. И. Гливенко, Н. К. Пиксанов, М. Ольминский и др.

Все рукописи находятся в великолепном порядке, любовно подобранные и систематизированные Достоевской.

Среди материалов оказались: письма Достоевского к жене, письма Л. Н. Толстого, дневники Достоевского, большое количество планов, заметок, набросков и и собственноручных комментариев великого писателя к его произведениям, проливающих яркий свет на многие их непонятные места.

Особенную ценность представляют ненапечатанные главы романов «Бесы», «Преступление и Наказание», «Подросток»; среди них корректурные листы «Бесов», не попавшие в печать и содержащие исповедь Ставрогина. Даже при беглом осмотре выяснилось, что это страницы величайшей художественной ценности; яркими чертами обрисована в них порочность Ставрогина.

Назначена особая комиссия под председательством В. М. Фриче, в составе П. С. Когана, П. Н. Сакулина, И. И. Гливенко и Н. К. Пиксанова, в задачи которой войдет детальная разработка материалов, имеющихся в шкатулке.

Постановлено в ближайшее время опубликовать опись всех материалов и те из них, которые представляют общий интерес.

▭ *В Академии Духовной Культуры* 26 октября состоялся диспут на тему «*О христианской свободе*». Докладчиком выступал Н. Бердяев.

С. Соловьев прочел доклад «*Сущность христианства*». В прениях участвовали

Б. Вышеславцев, Б. Грифцов и Г. Рачинский. Н. Бердяев ведет занятия по философии религии.

16 ноября было устроено собеседование на тему *«Мистическая атмосфера романов Достоевского»*.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ МОСКВЫ.

В 1919/20 годах частную книготорговлю в Москве поддерживали книжные лавки союза писателей и союза поэтов (в Петрограде «Книжный угол» Ховина и «Книжный пункт» Дома Искусств).

К 1 октября 1921 г. в Москве их имелось уже 24. После этого открылось еще не менее 5. Значит, теперь в Москве, кроме базарной книжной торговли, насчитывается не менее 30 книжных лавок. Из них одна советская (Москсовета), а остальные большей частью писательские и кооперативные.

За книжный прилавок встали многие известные писатели и ученые. В «Содружестве Писателей» работают Ю. И. Айхенвальд, Вл. Лидин и Г. Г. Шпет; в лавке поэтов-вольнодумцев—В. Шершеневич, А. Кусиков и С. Есенин; в лавке союза писателей—Б. Зайцев, М. Осоргин, А. Дживилегов и Б. Грифцов; в «Задруге»—С. Мельгунов, В. Мякотин, И. Попов; в «Книгоиздательстве писателей»—В. Львов-Рогачевский; в лавке музейных работников—Р. Виппер и П. Эттингер; на Арбате—В. Брюсов, С. Буданцев и Б. Пастернак; в «Природе»—проф. Кольцов; в «Школа и Знание»—Н. В. Тулупов и Бачинский; на Моховой—Телешев; в лавке союза поэтов—Аксенов и т. д.

ЧАСТНЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ.

До осени текущего года т. н. «вольная» частная пресса Москвы была представлена изредка выходящими журналами: левых с.р.—«Знамя», меньшинства с.р—«Народ», максималистов—«Максималист», анархистов—«Универсалист» да «Среди Коллекционеров» И. И. Лазаревского (первые 4 номера литографированы).

С проведением в жизнь новых положений о частном издательстве возникли: *«Московский Листок Объявлений»*, *«Театральная Москва»*—орган текущего театрального дня под ред. Э. Бескина (2 раза в неделю), *«Экран»*—вестник театра, искусства, кино, спорта, под ред. М. Долинова и Н. Хессина (сначала 3, потом 2 раза в неделю), *«Театральное Обозрение»*—сцена, музыка, живопись, литература, под ред. В. Р. Кугеля, В. С. Попова и Генженцевых 2 раза в неделю), *«Искусство и Труд»*, *«Торгово-Промышленный Вестник»* (еженедельная газета) *«Жизнь Искусства»*—еженедельник изд-ва «Арион», статьи по вопросам искусства, рецензии, хроника; под ред. Р. М. Ольховского.

Кооперативное книгоиздательство «Задруга» приступает к изданию библиографического журнала.

«Известия В. Ц. И. К.» с 263 номера (23/XI) объявили подписку 40 т. р. в мес. и прием частных объявлений.

ПРОЛЕТКУЛЬТ В ЛИТЕРАТУРЕ.

В последнее время пролетарские писатели в лице московского и петроградского отделений Всероссийской ассоциации развили значительную издательскую деятельность. Кроме издающихся журналов («Кузница», «Творн» и «Грядущее»), они выпустили:

В Петрограде: П. Арский *«Метла Революции»* и *«Раб»*, Я. Бердников *«В неволе»*, *«Неумирающий дух»* и *«Пришествие»*, А. Крайский *«Удвоенным темпом»*, *«Подснежник»* и *«У города разбойника»*, И. Садофьев *«Сильнее смерти»*, *«Огненный путь»*, *«К завтра»* и *«Солнечная яхта»*, Н. Рыбацкий *«На молотах»*, И. Кузнецов *«Проклятие странника»*, Вс. Иванов *«Партизаны»* и *«Сойки»*, А. Веснина *«Малые мляки»* и *«Изба»*, С. Родов *«В урагане»* и *«Перебежки зарниц»*, С. Семенов *«На дорогах войны»*, Самобытник *«На перевале»*, М. Волков *«Заковыки»*, М. Герасимов *«4 поэмы»*, С. Обрадович *«Взамах»* и *«Трибуна пролетариата»* (чтец-декламатор).

В Москве: Александровский *«Утро»*, Санников *«Лирика»* и *«Дни»*, Кириллов *«Паруса»*, С. Родов *«Прорыв»*, С. Обрадович *«Сдвиг»* и *«Стихи о голоде»*, М. Герасимов *«Чудо»*; Н. Ляшко *«Льдинка на*

солнце» и *«Весенний день»* и Жаров *«Слово о Поволжьи»*.

Большинство издано в форме маленьких брошюр. Стихи составляют 90%.

Московский Пролеткульт в скором времени выпускает «Библиотеку» «Творц», куда войдут рассказы М. Волкова *«Летропикация»* и *«Червяк»*, В. Плетнева *«Золото»* и *«Андрейкино горе»* и В. Кириллова *«Железный Мессия»* (стихи).

▫ Руководитель Камерного театра А. Таиров выпустил книгу *«Записки режиссера»*.

▫ Имажинисты отпечатали большую поэму Ал. Кусикова *«Искандр Намэ»* и брошюрку Ан. Мариенгофа «Разочарование». Поэт Ив. Рукавишников издал 2-ую книгу «Триолеты».

▫ Книгоиздательство «Народ» напечатало книгу, посвященную Коган-Берштейну, убитому на фронте гражданской войны, и Святицкого *«К истории Всероссийского Учредительного собрания»*, очерк событий на востоке России в сентябре и декабре 1918 года, и возобновило изданием еженедельную газету *«Народ»*.

▫ Вновь организовавшееся «Издательство Драматургов» выпустило комедию Н. Иваньшина *«Уединенный домик»* и печатает Ю. И. Айхенвальда *«А. В. Сухово-Кобылин»*, И. Новикова *«Детский театр»*, Д. Дунаева *«В усадьбе помещика XVIII в.»* и ряд пьес иностранных писателей.

▫ Издательство Сахарова (Сергиев Посад) отпечатало 2-ой том философского ежегодника *«Мысль и Слово»*, выходящего под ред. Г. Г. Шпета (около 14 листов). Вошли статьи Л. Шестова, М. Гершензона, Миртова, Балтрушайтиса и письма Вл. Соловьева.

Г. Г. Шпет печатает одновременно в Москве (кн-во «Узел») и Киеве (на еврейском языке) книгу *«Эстетические фрагменты»*.

▫ Хозяйственный уклон политики отразился и в книжном деле: начали оживать старые книгоиздательства («Северные дни», «Книгоиздательство писателей», Сахаров и Леман, Васильев, Сабашников, «Творчество», и возникают новые («Костры», «Арион», «Новая Жизнь», «Издательство драматургов», «Революционная Спенопись» и др.).

▫ «Книг-во писателей» уже издало книгу М. Гершензона *«Мечта и мысль Тургенева»* (11 лист.), Ив. Вольнова *«Повесть о днях моей жизни»* (II ч.) и ряд рассказов В. Короленко. Печатаются: Андрея Белого *«Офейра»* (путевые впечатления по Италии), Львова-Рогачевского *«Поэт-пророк»* (о Блоке) и отдельные рассказы Гаршина.

▫ «Творчество», только что выпустившее сборники стихов Бальмонта (*«Перстень»*), В. Брюсова (*«Последние мечты»*), Ходасевича (*«Путем зерна»*) и драматический этюд Анд. Глоба *«День смерти Марата»*, продолжает выпуск своих альманахов. Печатается 3-я книга с рассказами Б. Зайцева, Е. Замятина, А. Ремизова, М. Кузьмина, Вл. Лидина, и стихами Кузьмина и Глоба. Подготовляется очередная книга детского альманаха и книга лирики Анд. Глоба.

▫ «Северные дни» выпускают 2-й сборник рассказов, куда войдут произведения Б. Зайцева, В. Лидина, Матусевича, А. Соболя, Ю. Айхенвальда, А. Белого (о Блоке), В. Ходасевича, Глоба, Липскерова и Цветаевой (10 лист.), книгу Ю. П. Айхенвальда *«Поэты и поэтессы»*, критические этюды о русских поэтах (4 лист.), Вл. Лидина *«Море и горы»* и рассказы И. Липскерова *«Золотая ладонь»*.

Подготовляется к печати *«Книга о театре»* и новые произведения Андр. Белого.

▫ Сабашниковы, наконец, закончили II том *Лукиана* — *«Курс древней русской литературы»* и *«Исторические портреты»* (вышли не брошюрованы) М. Сперанского и печатают *«Русские пропилеи»* т. V и *«Египетская литература»* т. II.

▫ Произведениями Б. Зайцева, Г. Чулкова и др. начинается и только что вышедший в издании Васильева альманах *«Пересвет»*. В том же издании печатается книга Г. И. Чулкова *«Наши современники»* (характеристики Блока, Ремизова, Гумилева, Ахматовой и др.) и готовится—Н. А. Бердяев *«Миросозерцание Достоевского»*, А. Яковлев *«Сад запечатленный»*, рассказы, и 2-й альманах *«Пересвет»*.

▫ Вновь организовавшееся изд-во «Костры» выпустило книгу рассказов Г. Чулкова и печатает альманах с расска-

зами Б. Зайцева, А. Соболя, Вознесенского и др., Г. Чулкова книгу о Тютчеве и сборник стихов М. Цветаевой.

▫ Выходит альманах книг-ва «*Новая Жизнь*», где участвуют В. Брюсов, Ан. Белый, Карпов, Тришатов и др.

▫ В издании Т-ва «*Лирический круг*» печатается 1-й сборник того же названия с произведениями Бромлея, А. Эфроса, Шервинского, Липскерова, А. Глоба, Ходасевича, Ю. Верховского и др.

▫ Книгоиздательство Гржебина печатает сборник стихов М. Цветаевой, «*Серп и молния*» Балтрушайтиса, «*Полынь*» Вл. Лидина, Петровского «*Последние песни*», Б.Пастернака «*Сестра моя жизнь*», книгу стихов М. Шагинян и «*Счастливый домик*» В. Ходасевича. Вышли из печати в том же изд-ве Я. Тугендхольц «*Дег и его искусство*» и «*1905 год в искусстве*». Обе книги снабжены репродукциями.

Изд-во приобрело для издания за границей несколько томов «*Повестей Революции*» у С. Д. Мстиславского.

▫ Московский кружок еврейских писателей готовит к изданию литературный сборник на еврейском языке. Доход поступит в пользу голодающих.

▫ Подготовляется к печати книга М. Загорского «*Новый зритель*» по анкетным материалам нового театра Р. С. Ф. С. Р.

▫ Писатель Б. Садовской, живущий в Новгороде, работает над своими «*Воспоминаниями*».

▫ Ц. К. Печатников предполагает издать альбом вредности работ полиграфического производства.

▫ А. Вознесенский написал новую повесть «*Новое вино*». Мотив пьесы—борьба за обновление интимного быта.

▫ Писатель Н. Архипов закончил роман «*Гиблые*».

▫ Печатается литературный сборник «*Больному Поволжью*». Участвуют пролетарские писатели и работники Наркомздрава. Сборник издается Ц. К. Всемедиксантруд под ред. П. Логинова.

▫ Г. И. Поршневым, автором нескольких книг по книговедению, изданных в Иркутске, готовится к печати «*Апология книги*» (культурная роль книги, книга и природа, книга в творчестве писателей, книга и читатель) и «*Книжное дело*», опыт руководства для книжных работников, библиотекарей и внешкольников

▫ Главное управление архивным делом приступило к печатанию толстого исторического журнала «*Красный архив*». Журнал будет выходить каждые три месяца в размере 30 печатных листов.

▫ *От Коминолита.* Новые иностранные книги и журналы направляются для общего пользования: литература по технике и прикладным наукам в б-ку НТО (Мясницкая, 1); по медицине в Ц. б-ку НКЗ (Петровка, 17); по общественным наукам в б-ки Рум. муз., Унив. и Соц. Академии; по прочим наукам в б-ки Рум. муз. и университеты.

Каталоги иностранных книг и справочники фирм сосредоточены в читальне НТО (Мясницкая, 1).

▫ Сов. Нар. Ком. в заседании 27/VIII, рассмотрев вопрос о военной цензуре, постановил создать под председательством Т. Ярославского комиссию в составе представителей от В. Ц. С. П. С., Госиздата, Реввоенсовета и ВЧК для предварительного рассмотрения вопроса.

▫ М. Горький выехал за границу. В. Г. Короленко разрешено выехать в Наугейм для лечения.

▫ 16 ноября открылся Литературно-Художественный Институт—высшее учебное заведение при Наркомпросе.

ЛЕКЦИИ.

В Политехническом музее состоялись лекции: 29 октября—П. В. Морозова «*Шекспир как художник и мыслитель*», 20, 22, 23 окт.—В. А. Поссе «*Трагедия одиночества*», «*Любовь в произведениях Достоевского, Толстого и Тургенева*» и «*Женщина в творчестве Чехова, Горького и Андреева*», 30 окт.—А. В. Луначарского «*Героизм и мещанство*», 11 ноября—диспут «*Искусство, взирающее на современность*» под председ. В. Брюсова, при участии Мейерхольда, Бебутова, Перцова, Соколова, Спасского, Аксенова, Шершеневича и др.

17 ноября—«*Вечер Толстого*» с участием В. Булгакова, В. Поссе, А. Луначарского и артистов Худож. театра. 19 ноября—лекция В. В. Чарского «*французский театр в эпоху великой революции*» 28 ноября — В Вересаева «*Художник*

жизни и 29 ноября — В. Строева *«По следам Парижской коммуны»*.

В Научно-техническом клубе, кроме научно-практических лекций и собеседований, читались доклады: В. А. Базаровым *«Философское значение принципа относительности»* и О. Бриком *«Чистое и прикладное в искусстве»*.

В клубе анархо-универсалистов А. Гордин прочел доклад *«Толстой, как моралист»*, и А. Струве *«Достоевский и его общественные идеалы»*.

ПОТЕРИ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ.

Умерли: *Н. В. Сперанский*—педагог и автор многих трудов по средней школе и переводчик; *И. Ф. Михайлов*—земский врач и редактор журнала «Вестник Воспитания»; *Э. Э. Ухтомский*—писатель по вопросам религии и этнографии и редактор «СПБ. Ведомостей»; *Вл. Мальмберг*—историк искусства и директор Музея Изящных Искусств.

Получились вести о смерти известного болгарского писателя *Ив. Вазова* и польского писателя *Андрея Немоевского*.

ПРОВИНЦИЯ.

ОМСК.

Планы Сибгосиздата.

Сибирское Отделение Государственного Издательства выработало на ближайшее время обширную программу издательской деятельности. Им предположено выпустить несколько самостоятельных серий-библиотек.

Первая серия—*«Производительные силы и промышленность Сибири»*—спроектирована из ряда мелких работ (от 1 до 5 листов). В. Н. Степанова (угольная промышленность), П. Н. Бутова (тоже), В. Н. Зверева (железные руды), М. М. Тетяева (о металлах), Е. Л. Зубашева (обрабатывающая промышленность), Б. И. Селибера (лесн. промышл.) и др.

Библиотека *«Сибирское Природоведение»* содержит работы известного исследователя флоры Сибири Б. А. Федченко *«Лекарственные растения Сибири»*, *«Съедобные дикорастущие растения Сибири»*, *«Кормовые травы Сибири»* и *«Съедобные грибы Сибири»*.

Библиотека *«Народоведения Сибири»*, кроме общего очерка о населяющих ее народах, полагает дать отдельные брошюры о всех инородцах Сибири, авторами коих будут: Д. Н. Анучин, П. Максимов, Куфтеев, Богораз, Иохельсон, Штернберг, С. П. Швецов, Соловьев, и ряд этнографических исследований. Из последних намечены: С. П. Швецова *«Сибирь, кто в ней живет и как живет»* и *«Алтай и его население»* (иллюстрированное издание, около 30 печ. лист.), Крыжановского *«Дрезний человек в Сибири»*, Абрамова *«Забытые могилы Сибири»* и др.

Из серии *«Сибирь в биографиях»* в первую очередь намечено до 40 биографий ученых, путешественников, писателей, художников и общественных деятелей Сибири, начиная с Ермака и кончая П. И. Макушиным.

Помимо этого, предположено переиздать ряд капитальных сочинений о Сибири, ставших библиографической редкостью. Таковы работы Палласа, Миллера, Фишера, Крашенинникова, Гмелина, Словцова, Ядринцева, Шашкова, Щапова, Вербицкого, Наумова, Омулевского и др.

Наглядному изучению Сибири посвящается особая серия картин и плакатов, которая, в свою очередь, распадается на четыре группы. Первая—*«Сибирь в цифрах»*—будет касаться экономики, остальные *«Народы Сибири»* *«Типы народностей и племен Сибири»*, *«Картины из сибирской жизни»*— географии, истории и современного быта.

Одновременно с этим намечен к выпуску 2-месячный исторический журнал *«Былое Сибири»*, в коем будут печататься оригинальные исследования и статьи, мемуары, дневники, документы и архивные материалы.

Программа издательства намечена широкой рукой, и все это, несомненно, нужно для Сибири, но, к сожалению, едва ли это по плечу сибирской полиграфической промышленности. Ведь во всей Сибири одна ротационная машина (и та бездействует), плоских машин немного, и все они порядочно разбиты. Литографских и цинкографских средств еще меньше.

Сносные типографии были в Иркутске и Томске, но они вряд ли справятся и в десятки лет с такими грандиозными планами Сибгосиздата.

Еще характерная черта. Затевая такое большое научно-издательское предприятие, Сибгосиздат почему-то не привлек к нему сибирских ученых. В его проспекте почти нет ни одного имени ученого сибиряка, а таковых не мало около Томского и Иркутского университетов, среди работников отделов географического общества (Тобольского, Енисейского, Омского, Иркутского и др.) обществ инженеров, врачей и проч.

Нам известно, что в Красноярске лежит и ждет уже два года допечатания большая работа Ватина о Минусинске, что Г. Е. Виноградовым (в Тулуне) приготовлен к печати ряд трудов по родиноведению и этнографии Сибири, что проф. Петри (в Иркутске) произвел любопытные исследования Байкала и не может опубликовать их.

КАЗАНЬ.

В Казани начала выходить частная «*Литературная Газета*» (ред.-изд. С. Арбатов), организовано два издательства—«Витрина поэтов» и «Знание»—и возобновил свою деятельность книжн. магаз. Маркелова и Шаронова.

Изд-во «Витрина поэтов» выпустило книгу стихов Ария Лайе «*Червонцы*» и печатает сборник стихов В. Клюевой «*Акварели*» и альманах «*Пан*», где помещены стихи Радимова, Арбатова, Клюевой, Березина и др.

«Знание» ставит задачей издание научных и технических книг и детской литературы.

Вышли из печати два сборника Ассоциации обществ. наук со ст. Сотонина, Первушина и др.

ВОЛОГДА.

Леса, кустарные промыслы и промысловая кооперация (преимущественно молочная и льняная) наложили свой отпечаток и на местное издательство. Госиздата, как самостоятельного издательского аппарата, почти не существует. Издание книг сосредоточено в руках кооперации (О-во сельского хозяйства), О-ва изучения северного края и в Научно-техническом комитете при Совнархозе.

Кооперацией за последние (1920—1921) годы, между прочим, были изданы: И. Евдокимов «*Север в истории русского искусства*», В. Фролов «*Кружевной промысел*», Л. Ильинский «*Очерки по краеведению*» и «*Главнейшие лекарственные растения Вологодской губернии*», А. Новиков «*Кооперация и агрономия*», Коковин и др. «*Областной кооператор*» (сборник) и перепечатаны книги проф. Кайгородова («*Из Родной природы*» и др.) и Казьмина-Выогова (букварь).

О-во изучения северного края выпустило ряд книг, посвященных местным исследованиям, и издает журнал «*Известия*». Для последней книги «Известий» имеются статьи Руднева «*Две стоянки доисторического человека на р. Вологде*», Трапезникова «*Торговые сношения англичан с Россией через Север*», Шайжина «*Говоры Прионежья*» и др. Кроме того, Об-вом отпечатан, но никак не может дождаться брошюровки ценный труд Дилакторского «*Опыт указателя литературы по северному краю с 1766 по 1904 г.*».

Научно-технический комитет выпускает «*Материалы по изучению и использованию производительных сил Севера*». Вышло три выпуска.

Молочный Институт тоже издает «Материалы», представляющие широкое научное значение.

ИРКУТСК.

Гибель архивов.

Члены Восточно-Сибирского Научного Комитета по исследованию Сибири П. К. Казаринов и А. Н. Турунов, совершившие истекшим летом поездки по некоторым уездам Иркутской губернии, констатировали печальный факт—гибель многих ценных архивов.

Многие волостные и уездные архивы Иркутской губернии представляют выдающийся исторический интерес. Почти все они не исследованы и не описаны.

Бурные события революции многое распылили и уничтожили, а что осталось от них, погубил бумажный голод многочисленных учреждений.

Декреты об охране архивов так и не дошли до мест или оказались бессильными против мышиной работы канцелярий.

П. К. Казаринов, обследовав места погибших архивов, рылся в остатках бумаг и среди них нашел ряд ценных документов. Особенно приходится пожалеть о гибели Тельминского архива и архива Балачинской степной думы.

Подвергается серьезной опасности и «Архив войны и революции», собранный в стенах музея Географического об-ва. Часть материалов была взята Ос. Отд. В. Ч. К. и обратно не возвращена.

Сам музей, представляющий огромную ценность всей Сибири, тоже в опасности. Заведующий Сибнаробразом Чудинов распорядился передать его вместе с ценнейшей научной библиотекой Губнаробразу. Тот, в свою очередь, передал его Научному Комитету Исследования Сибири. Отделение Географическогообщества обжаловало эти действия перед Наркомпросом и получило от народн. комиссара Луначарского телеграмму, отменяющую постановление Сибнаробраза. Но Чудинов приказал сдачу коллекций Научному Комитету продолжать.

В результате коллекции растащены по нескольким помещениям.

ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСК.

Полиграфическая промышленность разваливается. В 1-й госуд. типографии из-за недостатка наборщиков стоит без действия 15 машин.

Если будет введена сдельная система оплаты труда, Полиграфотдел гарантирует в месяц до $1^1/_2$ миллиона оттисков.

Из прежних изданий Иваново-Вознесенска следует отметить всегда интересный *«Календарь-ежегодник»* и работы Аблова по десятичной классификации.

Только что выпущены *«Что нужно знать агитатору-пропагандисту в неделю помощи голодающим»*, *«Известия Губкома»* и букварь для обучения грамоте.

Готовятся к печати и частью уже печатаются: *«Отчет о ботаническом исследовании Ив.-Возн. губернии»*, проф. Хорошкова, *«Статистические данные о мировой хлопчато-бумажной промышленности, «Известия Ив.-Возн. политехнического института»* № 6 и сборник статей по экономическим вопросам Н. Ленина, Бухарина, Ларина, Шмидта и Преображенского.

▫ *В Харькове* проф. А. П. Белецким переведена на русский язык новая пьеса Ж. Ромэна *«Армия в городе»*, которая принята к постановкам «Героическим театром».

▫ *Ред. Изд. отдел Зап. фронта* приступает к печатанию сборников материалов, посвященных гражданской войне и польской войне 1920 года. Разрешение на печатание этих сборников от Госиздата уже получено.

▫ *Курское Госуд. Изд.-во* печатает книгу Н. П. Сенаторского *«Географический очерк Курской губернии»* (3 л.).

▫ *Иркутский Госиздат* выпустил книгу Кусляри *«Экономический справочник Иркутской губернии»*.

▫ По краеведению Госиздат печатает проф. Панкова *«Естественно-исторические материалы по исследованию Воронежской губернии»* и Комиссарова *«История чувашского народа»*.

▫ *«Всеукраінске державне вид-во»* выпускает «Универсальную библиотеку», куда вошли произведения И. Франка, Коцюбинского, Винниченко, Л. Украинки, Синклера, Р. Роллана и др.

Издан сборник *«Т. Шевченко»* под ред. Е. Григорчука и П. Филипповича. Сборник отпечатан in folio на хорошей бумаге и с цветными рисунками.

КОНКУРСЫ.

1. На художественные драматические произведения.

Считая драматическую форму наиболее яркой для воплощения великих сдвигов переживаемой эпохи, литературный отдел Наркомпроса (ЛИТО) объявляет всероссийский конкурс на художественные драматические произведения — комедии, драмы, трагедии, героические пьесы, вполне созвучные духу [эпохи, героической роли пролетариата, идеям социализма.

Крайний срок представления рукописей 1 января 1922 года.

За лучшие произведения устанавливаются 4 премии:

1-ая премия	1.000.000	руб.
2-ая »	750.000	»
3-ья »	500.000	»
4-ая »	400.000	»

Произведения, получившие премию, кроме того, оплачиваются по существующим ставкам. Произведения непремированные, но получившие похвальный отзыв, будут приобретены на общих основаниях.

Произведения, не получившие похвального отзыва, возвращаются автору.

Рукописи присылаются под девизом, с приложением в запечатанном конверте, под тем же девизом, фамилии и адреса автора, по адресу: Москва, Волхонка, 14, Литературный отдел Наркомпроса.

Состав жюри: Литературно-редакционная коллегия ЛИТО.

2. На художественную детскую литературу.

Конкурс продлен до 1-го января 1922 г. Рукописи направлять в литературную центросекцию и коллегию детской литературы (Волхонка, 14).

ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О ПЛАТНОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НЕПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

Совет Народных Комиссаров постановляет:

1. С момента опубликования настоящего декрета всем государственным учреждениям, общественным организациям и частным лицам произведения непериодической печати (книги, брошюры, журналы) отпускаются только за плату, установленную порядком нижеуказанным.

2. Цена на вновь выходящие книги и журналы, выпускаемые государственными органами, устанавливается ими сообразно фактической себестоимости с учетом всех расходов по изданию.

3. Установленные государственными органами цены обязательны для всех местных учреждений и лиц, занимающихся торговлей произведениями печати и могут быть изменены лишь с разрешения этих органов.

4. Разрешения на право торговли произведениями печати выдаются отделами управлений местных исполкомов, на основании инструкции, издаваемой НК Внутренних Дел совместно с НК Просвещения.

5. При отпуске произведений печати Народный Комиссариат Просвещения руководится установленными принципами распределения литературы, гарантирующими в первую очередь обслуживание государственной сети школ, библиотек, агитпунктов, изб-читален и рабочих клубов и снабжение произведениями печати трудящихся.

6. Красноармейские части и военные организации снабжаются произведения-

ми печати за счет Реввоенсовета Республики.

7. Агитационная, информационная и ведомственная литература может распространяться среди населения за счет заинтересованных ведомств, учреждений и организаций.

8. Сбыт произведений печати за границей производится на особых основаниях, устанавливаемых Народным Комиссариатом Просвещения по соглашению с Народным Комиссариатом Внешней Торговли.

9. На Народный Комиссариат Просвещения возлагается обязанность в двухнедельный срок разработать и опубликовать инструкцию о контроле над правильным распределением произведений печати по сети просветительных учреждений и снабжением этими произведениями печати трудящихся масс.

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин).*

Управляющий Делами *Н. Горбунов.*

Секретарь *Л. Фотиева.*

Москва, Кремль, 28 ноября 1921 года.

ОТ ИСТПАРТА.

Истпарт, считая март 1921 г. завершением первого периода революции, считает необходимым теперь же приступить к широкой постановке исторической работы за минувшее четырехлетие (с февраля 1917 г. по февраль 1921 г.),—к подведению первых итогов революции. Необходимость таких итогов вызывается не только интересами научного характера, но и требованиями практической—советской и партийной—работы.

В настоящее время уже приступлено к составлению истории-хроники Октябрьской революции по нижеследующей программе:

1) Развитие народного хозяйства 1917—1921 гг.; 2) организация власти в центре и на местах; 3) принципиальное законодательство; 4) массовое движение; 5) внешняя политика; 6) контрреволюция; 7) фронты и Красная армия; 8) Р. К. П.; 9) культурно-просветительная работа.

Изложение предполагается дать строго фактическое, дав необходимые обобщения в виде вводных замечаний и заключений. Факты излагаются в чисто хронологическом порядке, по декадам (1—10 каждого месяца, 11—20 и т. д.).

Кроме того, Истпарт считает нужным теперь же указать на необходимость приступить к составлению и изданию монографий приблизительно по программе, здесь приводимой.

Общим при составлении этих монографий руководящим принципом Истпарт считает правило: монографии не должны носить характера ни аналогии (особенно ведомственной), ни агитационной литературы. Может-быть, не всегда окажется возможным говорить *все;* но то, о чем возможно говорить, должно быть обследовано и высказано с возможной полнотой, беспристрастием и с оценкой строго марксистской. Размер каждой монографии—книжка от 8 до 15 листов.

ПРОГРАММА.

I. До Октябрьской революции.

1. Концентрация капитала и рост пролетариата до революции.

2. Война и ее экономическое влияние.

3. Классовая группировка и классовая борьба в России до февральской революции.

4. Оборончество и интернационализм, или Р. С.-Д. Р. П. и война.

5. Февральские дни в Петербурге и других городах.

6. Промышленность и рабочий класс при Керенщине.

7. Аграрный вопрос при Керенщине.

8. Партийные организации перед февралем и до октябрьских дней; их лозунги. Апрельская конференция, 6 Съезд партии.

9. Партии капиталистов и помещиков (кадеты и правые) с февраля по октябрь.

10. Партии мелкой буржуазии (эс-эры, меньшевики, анархисты) с февраля по октябрь.

11. Советы до октября (Петербург, Москва, провинция). 1-й Съезд Советов.
12. Временное Правительство и его деятельность.
13. Июльские дни.
14. Корниловщина.
15. Предпосылки Октябрьской революции.
16. Обзор партийной литературы.

II. Борьба за диктатуру пролетариата.

1. Взятие власти Советами (октябрьские дни в Москве, Петербурге, провинции, на фронте).
2. Организация Советской власти. Первые декреты.
3. Саботаж.
4. Учредительное Собрание 1) до октября, 2) организация Учредительного Собрания и его разгон, 3) после разгона.
5. Р. К. П. и национальный вопрос.
6. Брестский мир.
7. Аграрный вопрос после октября.
8. Классовая борьба в деревне. Комбеды.
9. Чрезвычайные комиссии.
10. Левые эс-эры и июльское восстание.
11. Создание Красной армии.
12. Буржуазно-помещичья реакция и борьба с ней (кадеты, белогвардейцы).
13. Интервенция.
14. Подпольная работа белогвардейцев.
15. Мелко-буржуазная реакция. Самостийники—Дон, Кубань, Петлюра. (Самарская учредилка).
16. Крестьянские восстания (Махно, Антонов и т. д.).
17. Польская война.

III. Советское и партийное строительство.

1. Советская конституция и ее изменения. Выборы и Советы. Съезды Советов.
2. Состав и работа В. Ц. И. К. и его президиумов.
3. Р. К. Партия. Ее организация, работа, состав. Съезды и их главнейшие решения. Состав Ц. К.
4. III Интернационал и Р. К. П.
5. Совнарком, большой и малый.
6. Красная гвардия и Красная армия. Наркомвоен. Всеобуч.
7. Наркомпрод и кооперация.
8. Наркомюст.
9. Наркомпрос.
10. Наркомфин. Финансовая политика. Курс рубля.
11. Наркомпуть.
12. Наркомсобез.
13. Наркомтруд.
14. Наркоминдел.
15. Наркомвнешторг.
16. Наркомнац.
17. Рабкрин (контроль).
18. Наркомздрав.
19. Наркомпочтель.
20. Наркомвнудел.
21. Наркомзем.
22. Высший Совет Народного Хозяйства.
23. Отдельные Главки и Центры.
24. Профессиональные союзы.
25. Союз молодежи.
26. Общая политика Сов. власти по отношению к рабочим и крестьянам и интеллигенции, бывшей буржуазии, с детализированием групп внутри их.
27. Женщина, как работник в советском строительстве.
28. Обзор парт. полит. литературы и литературы по советскому строительству.
29. Пролетариат в советском строительстве.

IV. На местах.

По предыдущим трем отделам—местные исторические исследования (по губерниям, автономным республикам и т. под.)—история данного места за 4 года (февр. 1914 г.—февр. 1921 года).

О желании взять одну из тем обращаться в Истпарт.

Председатель *М. Ольминский.*

КНИГА В ТУРКРЕСПУБЛИКЕ.

(Письмо из Ташкента).

Книге не везет в культурном строительстве Туркестанской республики. Увеличение числа военных учебных заведений, приток научных сил и материальная помощь из центра почти не отражается на улучшении издательского дела. Туркгосиздат одно из самых непопулярных, плохо обслуживаемых специалистами, учреждений в Ташкенте. Нет издательского плана и уменья органически растить книжную культуру на туземных и русском языках. Производство книги сводится к обслуживанию с трудом текущего политического момента. Большую роль играет производство плакатов, которые в настоящее время, с отказом учебных художественных мастерских от производственной работы, ухудшились. Из последних изданий отметим «Очерки хозяйственной жизни Туркреспублики», под редакцией А. Асаткина (стр. 398), и «Основные задачи восстановления народного хозяйства в Туркреспублике» (стр. 14). С типографской стороны обе книги выполнены весьма небрежно. Об издательском деле в провинции трудно что-либо сказать, ибо отсутствие у руководителей Госиздата понимания целей и задач научной регистрации книг тормозит работу Туркестанской Книжной Палаты, которой отводилось место среднее между библиотекой и экспедицией. По праву соревновал с Госиздатом литературно-издательский отдел Политуправления Туркфронта. Не проходит недели, чтобы не было выпущено новой книги. Есть промахи, но в общем для увеличения книжных запасов на русском языке Путурком делается очень много. К четвертой годовщине Октябрьской революции готовился сборник, посвященный Красной армии в Туркестане и библиографический указатель литературы Октября. Только что кончился конкурс на пьесы революционного репертуара, объявленный Литиздатом Путурка, продолжается изданием военно-научный журнал «Военная Мысль» интерес которого увеличится в связи с организацией средне-азиатского военного общества, ставящего своей задачей разработку истории гражданской войны в Туркестане. В области издательства периодической прессы наблюдается некоторое оживление. В «Известиях» помещен ряд статей, в которых указывается на необходимость оживления местной прессы критической струей, помещения статей по искусству театра, о новых книгах и т. д. Начала издаваться новая газета «Вечерние Известия Туркроста», которая продается по 500 рублей экземпляр. Газета принимает объявления. Частичный переход типографий на самоснабжение вызвал усиленный выпуск стенных театральных и цирковых афиш, которые пестрят по городу. Из газетных издательских начинаний отметим организацию издательского кооператива «Культура Востока», в котором принимают участие местные литераторы и научные силы. Кооператив ставит своей задачей издание книг по востоковедению, в чем ощущается острая нужда, учебники для высшей школы и т. д. Председателем правления избран петроградский кооператор Пекарский. Между прочими книгами предполагается издание сборника «Две культуры», монографии о местном художнике Волкове, историко-археологический путеводитель по Самарканду и т. д. Библиотечное дело развивается в Туркреспублике слабо. В течение двух месяцев проходил декрет о централизации библиотечного дела, давно проведенный в центре. С большим трудом наладилась организация библиотечных кратковременных курсов по подготовке библиотечных работников. Интересно отметить нарождение общества библиотековедения, которое объединяет военных и гражданских библиотекарей. Первое заседание общества было посвящено сообщению Е. К. Бетчера о «Библиотеке Липранди в Туркестанской государственной библиотеке». Второе заседание посвящено таблицам междуна-

родной десятичной классификации, обработанным работниками Туркестанской государственной библиотеки. При государственной библиотеке открылся книжный пункт свободной продажи книг. В дни «недели помощи голодающим» библиотека организовала недельную продажу книг с удержанием 10% в пользу голодающих. Успех был поразительный, и решено было превратить продажу в постоянную, чтобы тем самым увеличить фонд библиотеки. За две недели библиотека от 15% отчисления получила до 100 ценных названий. Помощь голодающим ознаменована выпуском двух однодневных газет. Усиление литературной деятельности расшевелило местных журналистов, которые организуются заново. Таковы вехи книжного дела в Туркреспублике. Туземная книга переживает еще муки рождения. А. Эйхенгольц.

ПОПРАВКИ.

Исправляем две грубейших ошибки во второй книге нашего журнала:

1. Стр. 112, второй столбец, первая строка снизу, —
   напечатано: *братский* договор,
   следует читать: *брестский* договор.
2. Стр. 114, второй столбец, двадцатая строка снизу, —
   напечатано: *вероломный* убитый,
   следует читать: *вероломно* убитый.

Ред.

СПИСОК КНИГ И ЖУРНАЛОВ, ПОЛУЧЕННЫХ РЕДАКЦИЕЙ ДЛЯ ОТЗЫВА.

I. КНИГИ.

Государственное Издательство.— Москва.

1. Пр. **Ю. В. Готье.** Смутное время.
2. **Н. Ленин (В. Ульянов).** Собрание сочинений. Т. XIV.
3. Пр. **Флеров.** Оспа.
4. **М. Н. Корелин.** Получение торфяного кокса.
5. **Н. И. Муралов.** Лошадь — основа земледелия.
6. **А. А. Эмме.** К изучению эволюции крестьянского хозяйства.
7. **П. Я. Дышлер.** Организация коллективных трудовых артелей.
8. Московская Губернская Конференция Р. К. П. 25—28 июня 1921 г. (Доклады. резолюции).
9. **А. Нольде.** Значение льняной промышленности.
10. Наставление по дезинфекции и дезинсекции. Под ред. д-ра Сысина и Перуанского.
11. Инж. **Н. О. Рогинскки.** Основные понятия об электричестве, магнетизме и об устройстве телеграфа и телефона. Для телегр. школ.
12. **А. А. Бауэр.** Уход за паром и ржаным полем.
13. **Герман Гортер.** Империализм, мировая война и социал.-демократия.
14. **А. Цервер.** Школа будущей матери.
15. **Кржижановский.** Об электрификации.
16. **К. Ландер.** Наша театральная политика.
17. **И. Г. Калашников.** Наука и школа для труда.
18. Первый Всероссийский Съезд по дошкольному воспитанию. Доклады. протоколы и резолюции.
19. Национальный вопрос и Советская Россия. (Сборник).
20. **Н. Каменьщиков.** Четырехзначные логарифмы чисел и тригонометрических функций.
21. **Л. Троцкий.** Новый этап.
22. Сборник революционных стихов для декламации. (Красная книжка № 5).
23. **Д. Бедный.** Богатырский бой.
24. **А. Шефер.** Жизнь, ее природа, происхождение и сохранение.
25. **Н. Н. Фирсов.** Пугачевщина.
26. **С. Васильченко.** Две сестры.
27. **М. Покровский.** Русская история в сокращенном виде Ч. I и II.
28. **Н. Колоколов.** Стихотворения.
29. **В. Полянский.** Н. А. Некрасов. К столетию со дня рождения.
30. **А. П. Тольский.** Значение и необходимость искусственного лесозаготовления.
31. **Его же.** Обработка почвы в лесном хозяйстве.
32. **В. Н. Варгин.** Питание и размножение растений.
33. **Н. Мещеряков.** Легкомысленный путешественник.
34. **М. Горев.** Засуха.
35. **А. Туляков.** Сущность засухи и меры борьбы с ней.
36. **Мэнн и Твисс.** Элементарный очерк физики и ее практич. приложений. Ч. I.
37. **А. Коллонтай.** Работница и крестьянка в Советской России.
38. Международная десятичная классификация книг.
39. **Н. Ленин.** К четырехлетней годовщине Октябрьской революции.
40. **М. Владимирский.** Организация Советской власти на местах.
41. **В. Ребрух.** Правда о том, что произошло в Бутырской тюрьме 23 апреля 1921 г
42. Пр. **Б. Словцов.** О домашних способах приготовления пищи из овса.
43. **А. А. Зонов.** Как надо сеять хлеба Рядовой посев.
44. Сборник постановлений и распоряжений Центральной Библиотечной Комиссии. В. I.
45. **М. Е. Шатерников.** Отчего в крестьянском хозяйстве семена плохи и как их улучшить.
46. **Иван Урманский.** Долой политику!
47. **В. Волькенштейн.** Спартак.
48. **«Чугунный улей».** Сборник пролетарских писателей.

49. **Ягодовский.** В стране полуночного солнца.

50. **Н. А. Лютовский.** Как лес помогает бороться с засухой.

51. **С. Любимова.** В общие ряды, крестьянка!

52. **Сарабьянов.** Металлопромышленность России.

53. **Б. Верхоустинский.** Матросская проповедь. (Стихи).

54. **И. Степанов.** О таинстве св. причащения.

55. Инструкция лесным смотрителям и лесным инструкторам.

56. **В. Брюсов.** В такие дни. Стихи.

57. **Н. Н. Фатов.** А. С. Пушкин.

58. **Д. Бедный.** Песни прошлого.

59. **В. К. Грацианов.** Домашние птицы, уход за ними и способы сохранения яиц.

60. **В. Михельсон.** Краткий сборник научных примет о погоде.

61. **П. А. Миролюбов.** Контрольные товарищества по скотоводству.

62. **В. А. Харченко.** Выращивание и воспитание телят.

63. **Н. Ленин (В. Ульянов).** Собрание сочинений. Т. VII.

64. **Г. А. Танашев.** Возделывание льна.

65. **К. Самойлова.** Крестьянка и Советская власть.

66. **М. Н. Масленников.** Задачник—руководство по математике.

67. **Ю. М. Стеклов.** История рабочего движения. Ч. I.

68. Материалы по организационному вопросу к VII Моск. Губконференции Р. К. П.

69. Отчет о деятельности Моск. Комитета Р. К. П. за июль, август и сентябрь 1921 г.

70. IV съезд рабочих химической промышленности.

71. Отчет отдела Ц. К. Р. К. П. по работе среди женщин.

72. Широкая конференция фабр.-завод. комитетов, правлений союзов и пленума М. Г. С. П. С.

Государственное Издательство. — Петроград.

1. **Л. Я. Круковская.** Шлиссельбургский узник Валериан Лукасинский.

2. **И. Д. Лукашевич.** 1-ое марта 1887 года. Воспоминания.

3. **Л. Г. Дейч.** Почему я стал революционером.

4. **А. Н моевский.** Бог-Иисус.

5. **А. Гумилевский.** Хлеб.

6. **А. Гумилевский.** Владыка мира.

7. **В. Лихтенштадт.** Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение.

8. **В. Колпенский.** Якутская ссылка и дело романовцев.

9. Материалы для посевной кампании Петербургской губ.

10. **Ф. Энгельс.** Крестьянский вопрос во Франции и Германии.

11. **В. И. Ленин.** О профсоюзах, о текущем моме те и об ошибках т. Троцкого.

12. **Н. Ашешов.** Со ья Перовская.

13. **Карл Каутский.** Происхождение христианства.

14. Российская Коммунистическая Партия в постановлениях ее съездов в 1903—1921 гг.

15. **Морозова, Тихеева** и др **Чулицкая-Тихеева.** Современный детский сад, его значение и оборудование.

16. **Г. Зиновьев.** О роли профессиональных союзов.

17. Др. **С. Л. Новотельнов.** Вечные враги нашего здоровья и борьба с ними.

18. **К. А. Тубасов.** Растения и почва.

19. **Г. Зиновьев.** Спор о профессиональных союзах.

20. **Е. Ф. Лискун.** Крупный рогатый скот.

21. **З. Лилина.** Нужна ли работницам и крестьянкам Советская власть?

22. **Я. Новомирский.** Куда мы идем.

23. **Ф. Энгельс.** К истории первоначального христианства.

Высший Военный Редакционный Совет (Отдел Военной Литературы при Р. В. С. Р.).

1. **М. Тухачевский.** Война классов.

2. **В. Черемисов.** Прикладная тактика.

3. **В. Белолипецкий.** Практические приемы обучения караульной службе.

4. **С. И. Гусев.** Уроки гражданской войны.

5. **Афанасьев.** Практические указания по оборудованию ящика с песком, как перспективного плана.

6. **Костяев.** Военная география. Лекции. Ч. II.

7. Памятка красноармейцу в неделю достояния Красной армии.

8. **А. Гусев.** Программа и руководство для практических занятий команды телеграфистов полевого телегр.-телеф. дивизиона.

9. **Н. Н. Никифоров.** Памятка орудийного начальника.

10. **А. Верховский.** Очерк истории военного искусства в России XVIII и XIX вв.

11. Инж. **Б. М. Лобач Жученко.** Авиационные двигатели.

12. Прибор для обученія бомбометанию.

13. **В. Ветчинкин.** Об аэродинамических и динамических свойствах самолетов и об указателях скоростей.

14. Техническое описание аэроплана Брегэ, тип 14.

15. **В. Л. Моисеенко.** Исследование экономичности воздушных сообщений на самолетах.

16. **Н. С. Анощенко.** Тактика привязного воздухоплавания.

17. «Британские воздушные силы в мировой войне». (Перевод с английского).

Политуправление Петроградского Военного Округа.

1. «О борьбе с засухой». (Руководство для бесед).

2. Программа-вопросник по чтению «азбуки-коммунизма» в полит. кружке.

3. Программа политического кружка.

4. Продовольственный налог и новая экономическая политика.

5. Спутник пропагандиста. Ч. I.

6. Неурожаи в России, их причины и меры борьбы с ними. Записки Петроградского, имени Толмачева, Инструкторского Института.

7. Новая экономическая политика. Беседы полит. кружка.

Всероссийская Ассоциация Пролетарских Писателей. — Москва.

1. **В. Александровский.** Утро. Стихи.
2. **М. Волков.** Чудо. Рассказ.
3. **Гр. Санников.** Лирика.
4. **С. Родов.** Прорыв. Стихи.
5. **Вл. Кириллов.** Паруса. Стихи.
6. **Н. Ляшко.** Весенний день. Рассказы.
7. **С. Обрадович.** Сдвиг. Стихи.

Издат. Главного Статистического Управления. — Москва.

1. **Н. А. Каблуков.** Задачи и способы собирания статистических сведений.

2. **Вихляев.** Краткий курс текущей сельско-хозяйственной статистики.

Моск. Совет. Раб. и Крестьянских Депутатов. — Москва.

1. Революционная Москва Третьему Конгрессу Коминтерна (альбом).

Московская Губкомиссия помощи голодающим. — Москва.

1. **С. Обрадович.** Стихи о голоде.

Пролеткульт. — Москва.

1. **С. Обрадович.** Взмах. Стихи.

Московский Союз Полиграф. Производств. — Москва.

1. **Н. Ляшко.** Льдинки на солнце.

Изд. Сабашниковых. — Москва.

1. **П. П. Струве.** Израиль в Египте.

Изд. «Наука и Школа». — Петроград.

1. **Г. Вернадский.** Н. И. Новиков.

«Дом Литераторов». — Петроград.

1. **Пушкин и Достоевский** — статьи А. Ремизова, Горнфельда, А. Блока, А. Ф. Кони, М. Кузмина, В. Ходасевича и Б. Эйхенбаума.

Орловский Уездный Отдел Народ. Образования. — Орел.

1. **Илья Лукашин.** Исповедь пролетария.

2. Сборник для детей. В. I. Красная звездочка.

3. Сборник для детей. В. И. Зоренька.

Орловская Губкомиссия помощи голодающим. — Орел.

1. **И. Лукашин.** Всходы творчества. Стихи.

Политуправление Запасной армии. — Казань.

1. **И. М. Бурдянский.** Что такое научная организация труда.

2. **В. Дитякин.** Задачи восстановления народного хозяйства и научная организация труда.

3. 1-я Казанская Городская Конференция по научной организации труда 13—14 марта 1921 года.

Воронежский Коммунистический Союз журналистов. — Воронеж.

1. **Бобыль. М. Вельский** и др. Стихи.

Иваново-Вознесенский Губотдел «Роста».

1. «Взмах»—сборник стихов и поэм.

Белевское Отделение Госиздата.— Белев, Тульской губ.

1. **Богдан.** Советская новина.

Бугурусланский Уезд. Отдел Нар. Обр.— Бугуруслан.

1. **П. Т. Завьяловский** (Зароченцев). При лунном свете.

Изд. Глина. — Вологда.

1. **А. Ганин.** Мешок алмазов. Стихи.

Гомельское Отделение Госиздата. — Гомель.

1. **Ш. Раппопорт.** Жан-Жорес. Человек—Мыслитель—Социалист.

По. мтупр. 5-ой армии и Вост. Сиб. Воен. Округа. Действ. армия.

1. **Вл. Зазубрин.** Два мира. Роман в двух частях. Ч. 1.

II. ЖУРНАЛЫ.

Москва.

1. **«Спутник Коммуниста».** Еженедел. М. К. Р. К. П. № 4—5. Изд. М. К. Р. К. П.

2. **«Коммунистка».** № 14—15. Изд. Отдела по работе среди женщин Ц. К. Р. К. П.

3. **«Юный Коммунист».** № 9 и 10 за 1921 г. Изд. Ц. К. Р. К. С. М.

4. **Юный Коммунар».** № 1—4 за 1921 г. Изд. Ц. К. К. С. М. Украины.

5. **«Красная Новь».** №№ 1, 2 и 3 за 1921 г. Изд. Главполитпросвета.

6. **«Военная Наука и Революция».** № 1—1921 г. Изд. Отдела Военной Литературы при Р. В. С. Р.

7. **«Политработник».** № 13 и 14 1921 г. Орган Политуправления Р. В. С. Р. Изд. Высшего Военного Редакционного Совета.

8. **«Военный Вестник».** № 8 за 1921 г. Изд. Высшего Воен. Редакц. Совета.

9. **«Военное Знание».** № 18 1921 г. Изд. Высшего Воен. Редакционного Совета.

10. **«Связь Красной армии».** Вып. I. Орган Упр. Связи Красной армии. Изд. **В. В. Р. С.**

11. **«Красная Армия».** № 1—6 за 1921 г. Вестник Военно-Научного Общества при Военной Академии Р. К. К. А. Изд. **В. В. Р. С.**

12. **«Народное Просвещение».** Еженедельник Наркомпроса № 79—85.

13. **«Вестник Работников Искусств».** № 10—11. Ежемесячник Всерабиса.

14. **«Работник Просвещения».** № 8 август 1921 г. Орг. Всеросс. Союза Работ. Просвещ.

15. **«Пролетарий Связи».** № 17—18 за 1920 г. и № 1—12 за 1921 г. Изд. Ц. К. Нарсвязи и Наркомпочтеля.

16. **«Техник Народной Связи».** № 17—18 1921 г. Изд. Ц. К. Нарсвязи и Наркомпочтеля.

17. **«Голос Пишевика».** За 1919, 1920 и 1921 гг. Ц. К. Всерос. Союза Пищевиков.

18. **«Пищевик».** № 1—4 за 1921 г. Изд. Ц. К. Всерос. Союза Пищевиков.

19. **«Таба ник».** № 1—6 за 1920—21 гг. Изд. Ц. К. Профсоюза Печатников.

20. **«Пролетарская Революция».** Исторический журнал Истпарта № 1. Изд. Госиздата.

21. **«Пролетарская Культура».** Ежемес. журнал № 11—19 за 1919—20 гг. Изд. Госиздата.

22. **«Московский Медицинский Журнал»** № 1 за 1921 г. Изд. Мосздравотдела.

23. **«Медицинский Журнал».** № 6—9 июль—август 1921 г. Изд. «Государств. Издательства».

Петроград.

1. **«Летопись Дома Литераторов».** № 1 и 2 за 1921 г. Изд. «Дома Литераторов».

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И ОБЗОРОВ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ ЗА 1921 ГОД [1]).

I. Статьи.

1. **Адарюков, В. Я.** Русские граверы. И. Н. Павлов. III—69.

2. **Анучин, Д. Н.** О необходимости восстановления русских научных журналов. I—52.

3. **Астров, В.** Об агитплакате (письмо из Смолейска) I—190.

4. **Астров, В.** «И вширь, и вглубь». (Письмо из Смоленска). I—189.

5. **Бельский, Н.** Русская бумажная промышленность. I—18.

6. **Вардин, Ил.** Наша периодическая печать. III—134.

7. **Виленский (Сибиряков), Вл.** Газета в современном Китае. III—103.

8. **Воронский, А.** Старческое слабоумие. II—27.

9. **Воронский, А.** На новом пути. III—23.

10. **Горев, Б.** Некролог. П. А. Кропоткин. I—170.

11. **Горев, В.** К вопросу о распределении книг в Республике. II—105.

12. **Гроссман-Рощин.** Сумерки великой души. («Исповедь» Бакунина). III—44.

13. **Грублин, В.** «Устная — в глуши». (Письмо из Кустаная, Тургайской обл.) I—181.

14. **Звавич, И.** Печатное дело на Западе. III—142.

15. **Коган, П. С.** Александр Блок и революция. II—3.

16. **Коган, П. С.** Памяти Некрасова. III—11.

17. **Лауберт Ю. К.** О способах художественного печатанья. Механическая гелиогравюра. II—98.

18. **Левидов, М.** Русская революция в западной литературе. (Письмо из Лондона). II—55.

19. **Лейтейзен, М.** Будущая революция в Англии. («Революция» — роман Барсфорда). II—60.

20. **Луначарский, А. В.** Свобода книги и революция. I—3

21. **Луначарский, А. В.** Мысли о коммунистической драматургии. II—31.

22. **Мещеряков, Н.** О работе Государственного Издательства. I—9.

23. **Мещеряков, Н.** Без дороги. II—7.

24. **Мещеряков, Н.** О новых настроениях русской интеллигенции. III—33.

25. **Новицкий, П.** Из истории крымской печати 1 19—1920 гг. I—54.

26. **Переверзев, В.** Достоевский и революция. III—4.

27. **Полонский, В. П.** Очередная задача Государственного Издательства. I—14.

28. **Полонский, В. П.** Искатели объективной истины. II—15.

29. **Полонский, В. П.** На распутьи. III—15.

30. **Ратомский, С.** Кризис культуры. По поводу одной книги. Письмо из Берлина. I—174.

31. **Семашко, Н.** Задачи медицинского издательства. I—50.

32. **Сидоров, А. А.** Искусство книги. Статья первая. I—42.

33. **Сидоров, А. А.** Искусство книги. Статья вторая. II—37.

34. **Сидоров, А. А.** Искусство книги. Статья третья. III—58.

35. **Сидоров, А. А.** Некролог. Проф. В. Мальмберг. III—291.

36. **Смушков, В.** Распределение произведений печати. I—37.

37. **Сомов, Н.** О библиологической психологии. III—111,

38. **Степанов, И.** О пользе и вреде скромности. II—94.

39. **Степанов, И.** Положение и задачи Госиздата. II—102.

40. **Фриче, В.** Новая гипотеза об авторе шекспировских произведений. III—99.

41. **Хлебцевич, Е.** Читательские интересы красноармейских масс. II—49.

42. **Шендерович, М.** Полиграфическая промышленность и перспективы на 1921 год. I—25.

43. **Эйхенгольц, А.** Книга в Туркреспублике. (Письмо из Ташкента). III—319.

[1]) Римские цифры показывают номер книги, арабские—страницу.

II. Обзоры.

1. **Горев, Б.** М. А. Бакунин в новейшей революционной литературе. II—73.

2. **Завадовский, Б.** Обзор иностранной и русской литературы по вопросу об обмоложении. II—78.

3. **Кипарисов, В.** Обзор литературы по ликвидации неграмотности. I—66.

4. **Коган, П. С.** Обзор литературы о театре. III—117.

5. **Мещеряков, Н.** Русская печать за границей. I—63.

6. **Павлович, М.** Литература Коминтерна. II—65.

7. **Рейснер, М. А.** Советская конституция. Обзор литературы. III—124.

8. **Розанов, Вл.** Популярная литература по борьбе с туберкулезом. II—89.

УКАЗАТЕЛЬ ОТЗЫВОВ НА КНИГИ, ПОМЕЩЕННЫХ В ЖУРНАЛЕ ЗА 1921 ГОД.

I. Вопросы текущей жизни.

1. **Винокуров, А.**—*Б. Эльцин.* Октябрьская революция и перспективы социального обеспечения. II—109.

2. **Дивильковский, А.**—*Г. Зиновьев.* Крестьяне и Советская власть, II—107.

3. **Мещеряков, Н.**—*Роберт Вильямс.* Советская система за работой. II—107.

4. **Фурманов, Д.**—*«Справочник партийного работника».* II—109.

II. Социализм и коммунизм.

5. **Адоратский, В.**—1) *Густав Майер.* Биография Фридриха Энгельса. 2) Энгельс. Юношеские произведения. III—152.

6. **Виленский (Сибиряков), Вл.**—*Морис Хилкуит.* История социализма в Соединенных Штатах. III—149.

7. **Горев, Б.**—*«Вперед».* Сборник статей, посвященных памяти П. Л. Лаврова. III—159.

8. **Дволайцкий, Ш.**—*Др прав Будин.* Теоретическая система Карла Маркса в свете новейшей критики. I—69.

9. **Дволайцкий, Ш.**—*Б. Быстрянский.* Фридрих Энгельс (1820—1920). I—73.

10. **Дволайцкий, Ш.**—*Р. Гильфердинг.* Бем-Баверк как критик Маркса. I—70.

11. **Дволайцкий, Ш.**—*З. Лилина.* От коммунистической семьи к коммунистическому обществу. II—113.

12. **Дивильковский, А.** — Российская Коммунистическая партия (больш.) в постановлениях ее съездов (1903—1921 гг.) III—160.

13. **Невский, В. И.**—*Г. Плеханов.* Собрание сочинений. Т. I, III—155.

14. **Павлович, М.**—*Л. Троцкий.* Новый этап. III—148.

15. **Полонский, Вяч.**—*К. Маркс.* Письма к Л. Кугельману. I—74.

16. **Полонский, Вяч.**—*Д. Рязанов.* К. Маркс и русские люди 40-х гг. I—75.

17. **Преображенский, Е.**—*Л. Троцкий.* Терроризм и коммунизм. I—71.

18. **Степанов, И.**—*«Так учил Фридрих Энгельс».* I—73.

19. **Фриче, В.**—*Иванов-Разумник.* А. И. Герцен. III—158.

20. **Штурм, Фр.**—*Карл Радек.* На службе германской революции. II—112.

21. **Штурм, Фр.**—*Роза Люксембург.* Сборник статей К. Цеткин. А. Коллонтай. Ю Мархлевского и П. Леви. II—114.

22. **Штурм, Фр.**—*Письма Розы Люксембург.* II—115.

23. **Яроцкий, Б.**—*Р. Макдональд.* Социалистическое движение. II—110.

III. Анархизм и синдикализм.

24. **Гиммельфарб, Б.**—*М. Курчинский.* Апостол эгоизма—Макс Штирнер. III—166.

25. **Горев, Б.**— *Алексей Боровой*. Личность и общество в анархистском мировоззрении. II—117.

26. **Горев, Б.** — *В. Черкезов*. Предтечи Интернационала. II—116.

27. **Дивильковский, А.**— *Н. К. Лебедев*. К истории Интернационала. III—163.

28. **Полонский, Вяч.**— *Е. Преображенский*. Анархизм и коммунизм. II—120.

29. **Яроцкий, В.** — *М. Корн*. Революционный синдикализм и анархизм. II—118.

IV. Империализм, милитаризм и международная политика.

30. **Аросев, А.**— *Кряжин*. Сумерки Востока. «Империализм на Востоке». I—87.

31. **Бергман, Г.** — «*Вестник Народного Комиссариата Иностранных Дел*» № 6—10. I—89

32. **Бергман, Г.**— *Карл Либкнехт*. Милитаризм и антимилитаризм. III—171.

33. **Виленский (Сибиряков), Вл.**—*М. П. Павлович* (Волонтер). Вопросы по колониальной и национальной политике и III Интернационал. I—87.

34. **Котляревский, С.**— *Гр. Чернин*. «В мировую войну». III—167.

35. **Сторожев, В. Н.** — *Н. Валентинов*. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914 — 1918 гг. I—88.

V. Гражданская война.

36. **Аросев, А.**—*Мих. Павлович*. На высотах красного Дагестана. I — 79.

37. **Аросев, А.**—*Артур Рансом*. Шесть недель в России в 1919 г. I—84.

38. **Бергман, Г.**—*Борьба за Петроград*. III—172.

39. **Виленский, Вл.**— 1) *Н. Святицкий* К истории Всероссийского Учредительного Собрания. 2) «Четыре месяца учредиловщины». (Сборник). III—174.

40. **Дволайцкий, Ш.**— *Е. Варга*. Хозяйственно-политические проблемы диктатуры пролетариата. III—123.

41. **Дивильковский, А.**—*Лацис* (Судрабс). Чрезвычайные комиссии по борьбе с контр - революцией. III—125.

42. **Закс, С. (Гладнев)**—1) Генерал Я. Д. Слашев - Крымский. Требую суда общества и гласности. 2) Разгром Врангеля. (Сборник статей). I — 81.

43. **Мещеряков, Н.**—«*Белые марионетки*». (Образование северо - западного правительства). I—79.

44. **Мещеряков, Н.** — *Г. Н. Раковский* В стане белых. I—82.

45. **Мещеряков, Н.**—*Роман Гуль*. Ледяной поход. III—176.

46. **Павлович, М.** — *Н. Мещеряков*. В меньшевистском раю. I—83.

47. **Павлович, М.**—*Н. Мещеряков*. Легкомысленный путешественник. III—179.

48. **Петровский, Д.**—*С. И. Гусев*. Уроки гражданской войны. I—77.

49. **Петровский, Д.**—*М. Рафес*. Два года революции на Украине. I—77.

50. **Хлебцевич, Е.**—*К. Езовитов*. Белоруссы и поляки. II—124.

51. **Шапошников, Д.**—*Доблестная защита Петрограда в октябре 1919 г.* I—78.

VI. Движение молодежи.

52. **Смушков Вад.**—1) *Вл. Дунаевский*. Общая схема положения о социалистической школе рабочей молодежи. В. I. 2) Сборник материалов по политпросветработе Р. К. С. М. 3) *Л. Шацкий*. Классовость, интеллигенция, коллективы и самодеятельность. 4) *Вл. Дунаевский*. Украинская оппозиция в свете политических событий революции. 5) *Фейгин В.* Стихи. II—121.

VII. Революция на Востоке.

53. **Виленский, Вл.**— *М. Павлович*. Революционная Турция. III—180.

VIII. Национальный вопрос.

54. **Виленский (Сибиряков), Вл.** Политика Советской власти по национальному вопросу за три года. I—91.

55. **Виленский (Сибиряков), Вл.**—*И. Сталин*. Сборник статей. I—92.

56. **Виленский (Сибиряков), Вл.** Национальный вопрос и Советская Россия. (Сборник). III—181.

IX. Экономические науки и народное хозяйство.

57. **Бессер, А. А.**—Справочная книжка русского агронома. I—103.

58. **Бессер, А. А.**—*И. И. Каратыкин.* Усиление внутреннего влагооборота. II—131.

59. **Бессер, А. А.**—*А. А. Баур.* Уход за паром и ржаным полем. III—186.

60. **Дволайцкий, Ш.**—*С. Г. Лозинский.* История труда в связи с изменениями в хозяйственной жизни Западной Европы. II—129.

61. **Кочетов, Н.**—*«Советские хозяйства».* Сборник декретов и распоряжений Нар. Ком. Зем. об организации и деятельности Совхозов. II—132.

62. **Кушнер, Б.**—*«План электрификации Р. С. Ф. С. Р.»* I—100.

63. **Милютин, В.**—*А. Финн-Енотаевский.* Современное положение мирового хозяйства. I—98.

64. **Павлович, М.**—*А. Султан-Заде.* Кризис мирового хозяйства и новая военная гроза. II—123.

65. **Пичета, В.**—*Г. Радзишевский.* Польская экономическая идея. III—185.

66. **Суханов Н.**—*С. Маслов.* Крестьянское хозяйство. III—182.

67. **Фурманов. Д.**—*«Спутник Коммуниста»* № 4. III—187.

68. **Чекин, А.**—1) *Н. Ленин.* О продовольственном налоге. 2) *М. Калинин.* О протналоге. 3) *Е. Ярославский.* О продналоге. II—130.

69. **Членов, С.**—*Е. Преображенский.* Бумажные деньги в эпоху диктатуры пролетариата. I—99.

70. **Членов, С.**—*Роза Люксембург.* Накопление капитала. II—127.

71. **Яроцкий, В.**—*И. А. Каблуков.* Задачи и способы собирания статистических сведений. III—183.

X. Профессиональное движение.

72. **Сенюшкин, Ф.**—*Д. Рязанов.* Задачи профсоюзов до и в эпоху диктатуры пролетариата. I—96.

73. **Сенюшкин, Ф.**—*А. Лозовский* (С. А. Дридзо). Профессиональные союзы в Советской России. I—97.

74. **Чекин, А.**—*Сидней и Беатриса Вебб.* История трэд-юнионизма. I—94.

75. **Чекин, А.**—*В. Дрейк.* Женщина в профессиональном движении. I—95.

76. **Чекин, А.**—*А. Лозовский.* Москва или Амстердам. II—133.

77. **Чекин, А.**—*Фр. Ходжес.* Рабочий контроль в каменно-угольной промышленности. II—134.

78. **Чекин, А.**—*Джон и Вар. Гаммонд.* Городской рабочий в 1760—1832 гг. II—135.

79. **Чекин, А.**—*Фер Пеллутье.* «История бирж труда». III—188.

80. **Чекин, А.**—*Г. Цыперович.* Чему учит опыт. III—189.

XI. Промышленность и техника.

81. **Андреев, Н.**—*Г. Гюнтер.* Электротехнический справочник. III—191.

82. **Романов, В.**—*Л. П. Муравьев.* Курс радиотелеграфного дела. III—190.

83. **Смирнов, А.**—*Бонд.* У героев техники. III—191.

XII. История.

84. **Анучин, Д.**—*А. А. Шахматов.* Древнейшие судьбы русского племени. I—101.

85. **Бороздин, И.**—*Известия Рос. Академии Материальной Культуры.* Т. I.—I—111.

86. **Бороздин, И.**—1) *В. И. Огородников.* Очерк истории Сибири до начала XIX века. Ч. I. 2) *Проф. Н. Н. Фирсов.* Чтения по истории Сибири. В. I. и II. II—114.

87. **Бороздин, И.**—*Дела и дни.* Исторический журнал. Книга I. II—146.

88. **Брюсов, В.**—*Ф. Ф. Зелинский.* Древне-греческая литература эпохи Независимости. I—113.

89. **Козьмина, Т.**—*Акад. Б. А. Тураев.* Египетская литература. Ц. I—114.

90. **Козьмина, Т.**—*Проф. Струве.* Израиль в Египте. III—196.

91. **Лукин-Антонов, Н.**—*В. Быстрянский.* Гражданская война в истории. I—Древний мир. II—140.

92. **Лукин-Антонов, Н.**—*Н. Кареев.* История Западной Европы в начале XX века. III—192.

93. **Пичета, В.**—*В. Смоленский.* История польского государства. II—141.

94. **Пичета, Б.**—*Ст. Кутшеба.* История государственного строя Польши в очерках. Эпоха после раздела. II—141.

95. **Пичета, В.**—*М. Гальсман.* Наполеон и Польша. II—142.

96. **Пичета, В.**—*В. Филлипс.* Польша. II—1 2.

97. **Пичета, В.**—*Ст. Кутшеба.* История государственного строя Польши в очерках. Литва. II—143.

98. **Пичета, В.**—*А. Дивеки.* Венгры и поляки в XIX веке. III—195.

99. **Покровский, М.**—*С. Ф. Платонов.* Образы прошлого. Борис Годунов. II—136.

100. **Полонский, Вяч.**—*Мих. Лемке.* 250 дней в царской ставке. I—108.

101. **Сторожев, В. Н.**—*М. Н. Покровский.* Русская история в самом сжатом очерке. I—107.

XIII. История революции.

102. **Боровой, А.**—*М. А. Бакунин.* «Исповедь». III—202.

103. **Гладнев, И.**—*Из эпохи «Звезды» и «Правды».* (Сборник). III—213.

104. **Горев, Б.**—*Лера Бонч-Бруевич.* (В. М. Величкина). Жизнь и деятельность Луи Огюста Бланки. I—118.

105. **Горев, Б.**—*Л. Э. Шишко.* Общественное движение в 60-х и в первой половине 70-х гг. III—207.

106. **Горев, Б.**—*И. Степанов* Парижская Коммуна 1871 года. III—207.

107. **Двойлайцкий, Ш.**—*Б. И. Горев.* Огюст Бланки. II—147.

108. **Книголюб.**—*«В память Парижской Коммуны.* Типы коммунаров по наброскам современников». I—117.

109. **Козмин, Б.**—1) *А. А. Шилов.* Каракозов и покушение 4 апреля 1866 г. 2) Записки *П. А. Черевина* (новые материалы по делу каракозовцев). I—118.

110. **Козмин, Б.**—*В. П. Демор* М. П. Петрашевский. III—201.

111. **Лепешинский, П.**—*Лев Дейч.* Хождение в народ. I—120.

112. **Лепешинский, П.** *Н. Ашешов.* А. И. Радищев. III—1 8.

113. **Лепешинский, П.**—*П. Щеголев.* П. Г. Каховский. III—1 9.

114. **Лепешинский, П.**—*К. М. Тахтарев.* Очерк петербургского рабочего движения. III—211.

115. **Лукин-Антонов, Н.**—*Я. М. Захер.* Парижские секции 17 0—17 5 гг. II—150.

116. **Ольминский, М.**—*Н. Ашешов.* Софья Перовская. I—120.

117. **Ольминский, М.**—*Феликс. Кон.* Воспоминания. II—151.

118. **Ольминский, М.**—*Л. Г. Дейч.* Русская револ. эмиграция 70-х годов. II—152.

119. **Ольминский, М.**—*П. Павлов-Сильванский.* П. П. Пестель. III—199.

120. **Ольминский, М.**—*Л. Г. Дейч.* Почему я стал революционером III—208.

121. **Новицкий, К.**—*Шляпников А.* Канун семнадцатого года. I—122.

122. **Павлов, Б.**—*В. Фриче.* Очерки истории мирового раб. движения. В. Ш. II—132.

123. **Павлов, Б.** *«Материалы по истории револ. движения».* Под ред. Илларионова. Т. I. II—153.

124. **Пионтковский, С.**—*«Былое»,* журнал № 16. III—217.

125. **Полонский, В.**—*М. В. Новорусский.* Записки шлиссельбуржца. (1887—1905) III—210.

126. **Полонский, В.**—*«Пролетарская Революция»,* журнал № 1, III—214.

127. **Степанов, И.**—*Жюль Мишле.* Корделиеры и Дантон. I—116.

128. **Степанов, И.**—*В. Быстрянский.* Очерки по истории Парижской Коммуны. II—2 8.

129. **Сторожев, В. Н.**—*В. С. Иллич-Свитыч.* Надгробное слово Александру II. III—209.

1 0. **Сторожев, В. Н.**—*«Карийская трагедия».* (1889 г.) Воспом. и материалы. III—211.

131. **Фриче, В.**—*«Парижская Коммуна».* Акты и документы. I—117.

XIV. Право.

132. **Теттенборн, З.**—*Леон Дюги.* Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона. I—123.

XV. Социология.

133. **Горев, Б.**—*М. А. Рейснер.* Государство. Ч. I. III—218.

134. **Рейснер, М. А.**—*Проф. П. А. Сорокин.* Система социологии. Т. I и II. II—155.

135. **Рейснер, М. А.**—*П. Кругликов.* В поисках живого человека. III—219.

136. **Членов, С.**—*К. М. Тахтарев.* Наука об общественной жизни (социология). I—125.

XVI. Философия.

137. **Горев, Б.**—*Э. Радлов.* Очерк истории русской философии. III—221.

138. **Коган, П. С.** — *Вячеслав Иванов и М. О. Гершензон* Переписка из двух углов. III—223.

139. **Невский, В. И.**—*Б. И. Горев.* Материализм — философия пролетариата. III—222.

XVII. Народное просвещение.

140. **Аркин, С.** — *К. Бюллер.* Очерки духовного развития ребенка. III—228.

141. **Батурина, Н.** —«*Летние колонии*». (Сборник). III—227.

142. **Блох, В.**— «*Сказ грамотным детям*» (рис. П. Митурича). I—126.

143. **Елизарова, А.** —*Гансберг.* Творческая работа в школе. II—164.

144. **Завадовский, Б.**— «*Школьные экскурсии*» (сборник статей под ред. Б. Е. Райкова). III—225.

145. **Лебедева, В.**— «*Внешкольное образование*». Журнал № 2—3. I—126.

146. **Лебедева, В.**—*Н. Е. Дрентель.* Из бесед с учащимися и ученические вопросы. I—127.

147. **Натали, Вл.** — *Г. Н. Сорохтин.* Спутник руководителя по зоологическим и водным экскурсиям. II—165.

148. **Сарычев, С.**—*Калашников.* Наука и школа для труда. III—229.

149. **Смушков, Вад.**—«Теория и практика единой трудовой школы». (Сборник статей). I—125.

150. **Смушков, Вад.**— «Родной язык в школе I-й ступени». II—157.

151. **Смушков, Вад.** — *Я. Морозова. Е. Тихеева и доктор Л. Чулицкая-Тихеева.* Современный детский сад. II—168.

152. **Смушков, Вад.**— *Элькина.* Мы новый мир построим. III—228.

153. **Смушков, Вад.**—«*Работникам клубов*». (Сборник). III—229.

154. **Степанов, И.**—«*Книга*». I—127.

155. **Степанов, И.** — *В. А. Невский.* Культура повседневной жизни. II—161.

156. **Эйхенгольц, М.** — «*Музыка в школе*». Материалы по общему музыкальному образованию в школе. II—166.

XVIII. Языкознание.

157. **Петерсон, М.**—*П. М. Пешковский.* Русский синтаксис в научном освещении. III—230.

158. **Петерсон, М.**— *В. Гиппиус.* Учебник синтаксиса русского языка. III—232.

XIX. Библиотековедение.

159. **Боднарский, Б.** — *А. Цикуленко.* Азбука библиотековедения. II—169.

160. **Сигорский, А.**—«*Политработник*». Жур. № 6—7. «Брюссельская международная система десятичной классификации книг». III—236.

161. **Смушкова, М.**—1. *Сборник* Постановл. Центр. Библ. Комиссии. Вып. I.— 2. *В. А. Невский.* Библиотечный сборник. — 3. *Инструкция библиотекарям.* Вып. I.— 4. *Работа передвижной библиотеки.*— 5. *Цикуленко.* Руководство для библ. Красной армии.— 6. *В. Невский* и *Е. Херсонская.* Культурная работа городских библиотек.— 7. *В. Невский.* Деревенский агитпункт.— 8. *Покровский.* Библиот. работа. III—237.

162. **Поршнев, Г.**—Сборник постановлений и распоряжений Цен. Библ. Комиссии. III—240.

XX. Народы и страны.

163. **Анучин, Д.**— *П. К. Козлов.* Тибет и Далай Лама. II—174.

164. **Анучин, Д.**— «*Известия Географического Института*». В. I. II—176.

165. **Анучин, Д.**—«*Курс белоруссоведения*». II—177.

166. **Берг, Л.**— *Махачек.* Землеведение Туркестана. II—173.

167. **Пичета, В.**— «*Литовская книга*». Выдержки из газеты X-й армии. II—175.

168. **Пичета, В.**—*Вальтер Егер.* Белоруссия. II—175.

169. **Пичета, В.**—*Украина.* II—175

XXI. Науки о природе.

170. **Андреев, Н.** — *А. А. Эйхенвальд.* Акустика и оптика. I — 139.

171. **Андреев, Н.**— *Ф. Ауэрбах.* Магнетика. II—178.

172. **Андреев, Н.**— *С. Т. Конобеевский.* Как плавают в воде и в воздухе, как летают. II—181.

173. **Андреев, Н.** — *Л. Гретц.* Краткий очерк учения об электричестве. II—192.

174. **Андреев, Н.**—*Хвольсон.* Эволюция учения о теплоемкости. III—244.

175. **Андреев, Н.**— *А. Царт.* Кирпичи мироздания. III—255.

176. **Анучин, Д.**—*Проф. Вульф.* Вселенная машина и ее служение человеку. I—135.

177. **Анучин, Д.**— *В. Бельше.* Гибель мира и др. очерки. I—139.

178. **Анучин, Д.** — *Н. В. Новорусский.* Жизнь почвы. I—140.

179. **Анучин, Д.**—*Проф. Б. Е. Райков.* Человек и животное. I—141.

180. **Анучин, Д.**—*С. А. Чугунов.* Человек, его происхождение, строение его тела и его будущее. I—142.

181. **Анучин, Д.**—«*Человек и Природа*». Журнал № 1. I—143.

182. **Анучин, Д.**—*П. Ю. Шмидт.* Основы жизни. II—183.

183. **Анучин, Д.** — 1) *Доктор Норренберг.* Руководство к естественно-историческому и математическому обучению. 2) *Проф. Вагнер.* Методика географии. II—187.

184. **Анучин, Д.**—*Проф. А. П. Павлов.* Очерк истории геологических знаний. II—188.

185. **Анучин, Д.** — «*Серия указателей для лекторов*». В. I, II, III. II—190.

186. **Анучин, Д.** — *М. Новорусский.* Земля и ее жизнь. II—191.

187. **Анучин, Д.** — *Малинин.* История мира. III—245.

188. **Анучин, Д.**—*Лихтенштадт.* Гёте. Борьба за реалистическое мировоззрение III—250.

189. **Беркенгейм, А.** — *Доктор Оскар Нагель.* Романтика химии. II—179.

190. **Блажко, С.**—*Д. Александров.* Тайны неба. I—135.

191. **Блажко, С.** — *А. А. Михайлов.* О солнечных затмениях. II—182.

192. **Блажко, С.** — *А. А. Михайлов.* Звездный атлас. III—247.

193. **Завадовский, Б.**— *П. Ю. Шмидт.* Загадки жизни. III—249.

194. **Конобеевский, С.** — *Н. Морозов.* Принцип относительности и абсолютное. I—136.

195. **Конобеевский, С.** — *Доктор Г. Шмидт.* Проблемы современной химии. II—192.

196. **Костицын, В. А.** — *К. Ф. Гаусс* Теоретическая астрономия. I—134.

197. **Костицын, В. А.**—*Проф. Баев.* Об эволюции небесных тел. III—246.

198. **Костицын, В. А.**—*А. А. Белопольский* и др. Курс астрофизики. III—248.

199. **Курсанов, Л.** — *Р. П. Аржанов.* Среди вод и болот. II—185.

200. **Курсанов, Л.** — *Франсе.* Растение, как изобретатель. II—187.

201. **Покровский, С.** — *Ягодовский.* В стране полуночного солнца. III—254.

202. **Тимирязев, А.** — Р. Леммель. Популярное изложение принципа относительности. II—177.

203. **Тимирязев, А.** — *Эйнштейн.* Специальная и всеобщая теория относительности. III—242.

204. **Тимирязев, А.**—*Ф. Ленар.* О принципе относительности, эфире и тяготении. III—242.

205. **Тимирязев, А.** — *М. Шлик.* Пространство и время в современной физике. III—243.

206. **Тимирязев, А.** — *Менк и Твисс.* Элементарный очерк физики. III—243.

XXII. Медицина и народное здравие.

207. **Амелиус, Н. Д.**—*Проф. М. Никифоров.* Микроскопическая техника. II—194.

208. **Амелиус, Н. Д.**—*Др. Е. А. Аркин.* Физиология человека. II—194.

209. **Амелиус, Н. Д.**—*А. Крюков.* Морфология крови. II—193.

210. **Гельман, И.**—«*Реферативный медицинский журнал*», №№ 1, 2. I—128.

211. **Гельман, И.**—*Др. С. Ю. Хазан.* Жизнь женщины. I—129.

212. **Гельман, И.**—1) Клиническая медицина. Сбор. I и II. 2) Реферативный медицинский журнал, № 3. 3) Московский медицинский журнал, № 1. 4) Известия Народного Комиссариата Здравоохранен. № 1. II—126.

213. **Гельман, И.**—1) *В. Парк.* Общественное здравие и гигиена. 2) *Л. Паркес* и *Г. Кенвуд.* Гигиена и общественное здравие. II—200.

214. **Гельман, И.**—*Проф. Плетнев.* Сыпной тиф. III—256.

215. **Гельман, И.**—*Проф. Флеров.* Сыпной тиф. III—257.

216. **Гладштейн.**—*А. Цервер.* Школа будущей матери. III—255.

217. **Завадовский, Б.**—*П. Ю. Шмидт.* Мозг и душа III—258.

218. **Иваницкий.**—*В. Сведэк.* Жилищный вопрос в Англии. III—259.

219. **Островский, В.**—*Проф. В. П. Кашкадамов.* Санитарная охрана жилищ. I—133.

220. **Островский, В.**—*П. Я. Дышлер.* Сельское благоустройство. I—133.

221. **Островский, В.**—*Г. Мутеиус.* Как мне построить свой дом. III—256.

222. **Перуанский, А. Н.**—*А. Сыпин.* Японские дезинфекционные камеры. I—130.

223. **Перуанский, А. Н.**—*Е. Н. Павловский.* Вши, строение, жизнь и болезненное действие их на человека. I—130.

224. **Перуанский, А. Н.**—*Г. К. Чи тяков.* Применение серы в дезинсекции. I—131.

225. **Перуанский, А. Н.**—*«Дезинсекторземлянка (пошеговка)».* I—132.

226. **Перуанский, А. Н.**—*Проф. В. Шкиден.* Курс хирургических операций. I—132.

227. **Сукенников, В.**—*Д. Д. Бекарюков.* Остро-заразные заболевания в школах. I—129.

228. **Сукенников, В.**—*А. Н. Балаидер и Е. Гадин.* На борьбу с остро-заразными заболеваниями. I—130.

229. **Сукенников, В.**—*Проф. Флеров.* Об уходе за больными остро-заразными болезнями. II—195.

230. **Сукенников, В.**—*В. С. Грудев.* Курс акушерства и женских болезней. II—195.

231. **Сукенников, В.**—*«Первый Всероссийский Съезд по медицинскому образованию».* II—196.

232. **Сукенников, В.**—*А. М. Сигал.* К вопросу о патологии кровообращения при сыпном тифе. II—199.

233 **Трапезонцева, Е.**—*«Вадемекум санитарн х вра е ».* III—257.

234. **Фро..штейн, Р.**—*Хольцов.* Гоноррея и ее осложнения. I—133.

XXIII. Теория и история литературы.

235. **Бельчиков, Н.** — *«Литературный музеум».* Т. 1. III—262.

236. **Бобров, С.**—*Г. Шенгели.* Трак о русском стихе. III—268.

237. **Брюсов, В. М.**—*Герше ович.* Видение поэта, II—201.

238. **Выгодский, Д.** — *Юрий Тынянов.* Достоевский и Гоголь. III—267.

239. **Козьмина, Т.**—*«Литература востока».* (Сборник). III—260.

240. **Кубиков, И.**—*М. Гершензон.* Мечта и мысль Тургенева. III—263.

241. **Сакулин, П. Н.**—1) «Царь Максимилиан». Театр *А. Ремизова* по своду *В. В. Гаврилова.*—2. *Бакрылов.* Комедия о царе Максимилиане. III—265.

XXIV. Художественная литература.

242. **Аксенов, И. А.** — *С. Городецкий.* Серп. Стихотворения. I—147.

243. **Аксенов, И. А.**—*В. Маяковский.* Сто пятьдесят миллионов. II—205.

244. **Бобров, С.**—*А. Блок.* Седое утро. I—146.

245. **Бобров, С.**—*Н. Асеев.* Бомба. II—203.

246. **Бобров, С.** — *«Дракон»,* альманах стихов. II—206.

247. **Бобров, С.** — *М. Кузмин.* «Эхо». Стихи. III—272.

248. **Брюсов, В.**—*А. В. Луначарский.* Василиса Премудрая. I—144.

249. **Брюсов, В.**—*«Альманах Цеха Поэтов».* Кн. 2. III—270.

250. **Вольпин, В.** — *С. Фомин.* Стихи. I—148.

251. **Выгодский, Д.** — *К. Бальмонт.* Перстень. III—271.

252. **Выгодский, Д.**—*В. Брюсов.* Последние мечты. III—271.

253. **Елизарова, А.** — *Н. В. Тулупов.* 1) Избранные стихотворения Некрасова. 2) Три медведя. 3) Собака на службе человеку. 4) Сказки и стихи. 5) Орел и сокол. 6) *П. Теллие.* Из жизни уличного мальчика. II—108.

254. **Кириллов, В.**—*В. Князев.* 1-я книга стихов. I—148.

255. **Коган, П. С.** — *И. Гливенко.* Этюды по теории поэзии. I—149.

256. **Крупская, Н.**—*Феликс Гра.* Террор. I—152.

257. **Кубиков, И.**—*Вяч. Шишков.* Подножие башни. II—204.

258. **Кубиков, И.**—*Д. Айзман.* Терновый куст. II—208.

259. **Кубиков, И.**—*П. Карков.* Трубный голос. III—272.

260. **Полетаев, Н.**—*Д. Мазнин.* В дыму пожара. Стихотворения. I—147.

261. **Степанов, И.**—*Ч. Диккенс.* Повесть о двух городах. I—153.

262. **Устинов, Г.**—*А. Хирьяков.* Украденное счастье. I—145.

263. **Фриче, В.** — *Оноре де Бальзак.* Крестьяне. I—151.

264. **Фриче, В.**—*А. Овсянников.* Великая французская революция в песнях. I—152.

265. **Фриче, В.** — *П. Дауге.* И. Райнис. Певец борьбы, солнца и любви. I—155.

266. **Фриче, В.**—*Бен Джонсон.* Эписин или молчаливая женщина. II—202.

267. **Фриче, В.**—*Иоганн Лекан.* «Раб», «Революция», «Искупление». III—274.

268. **Фрумкина, Е.**—*Н. Венгров.* Зверушки. II—207.

269. **Юрлов, А.** — *Г. Петников.* Книга Марии. Зажги снега. II—207.

270. **Юрлов, А.**— *Вл. Шимов.* Слепорожденная вертикаль. III—274.

271. **Яровой, П.** — *«Взмах».* Сборник. III—274.

XXV. Искусства.

272. **Анучин, Д.** — *«Казанский Музейный Вестник»* № 1 и 2. I—165.

273. **Арватов, Б.** — *«Изобразительное Искусство»* № 1. II—215.

274. **Арватов, Б.**—1) *Г. Клозо.* «Le metiers d Art» 2) *В. Беренд.* «Der Kampf um den Stil». II—221.

275. **Арватов, Б.**—*Э. Вандервельде.* Социализм и искусство. III—284.

276. **Арватов, Б.**—*А. Ковров.* Искусство народу. III—285.

277. **Бакланов, Н.**—*Джелалл Эссад.* Константинополь. III—278.

278. **Блох, В.** — *«Кабинет гравюр государственного Румянцовского Музея».* Офорты В. Масютина 1908—1918. I—158.

279. **Блох, В**—*А. А. Сидоров.* Стейнлен. Художник парижского пролетариата. II—214.

280. **Блох, В.**—Государственный музейный фонд. *Каталог художественных произведений* б. Юсуповской галлереи. II—219.

281. **Блох, В.** — *В. Невский.* Художественные выставки. III—282.

282. **Виппер, Б.**—*В. Марков.* Искусство негров. I—163.

283. **Габричевский, А.** — *В. Оствальд.* «Азбука цвета». I—157.

284. **Корницкий, И.** — *Дневник Эжена.* Делакруа. В. I. I—159.

285. **Корницкий, И.** — *Казимир Малевич.* От Сезанна до супрематизма. II—211.

286. **Корницкий, И.**—*«Искусство в производстве».* (Сборник). II—218.

287. **Корницкий, И.** — *А. В. Луначарский.* Диалог об искусстве. III—283.

288. **Корницкий, И.**—*«Среди Коллекционеров»*, журнал №№ 1—). III—287.

289. **Моргунов, Н.** — «ИЗО». *«Вестник Отдела Изобразительных искусств НКП».* I—164.

290. **Моргунов, Н.** — *С. Глаголь.* С. Т. Конешков. II—213.

291. **Недович, Д.**—*«Ежегодник Российского института истории искусств».* III—276.

292. **Полонский, Вяч.**—*«Революционная Москва Третьему Конгрессу Коммунистического Интернационала».* II—223.

293. **Сидоров, А. А.**—*«Вестник работников искусств».* №№ 1—6. I—163.

294. **Сидоров, А. А.** — *П. И. Карузин.* Руководство по пластической анатомии. II—210.

295. **Сидоров, А. А.** — *Н. Пунин.* Памятник III Интернационала. II—217.

296. **Сидоров, А. А.**—*П. Дульский* Книга и ее художественная внешность. II—222.

297. **Сидоров, А. А.** — *В. Я. Адарюков.* Русский книжный знак. III—286.

298. **Стрелков, А.** — *А. Ростиславов.* «Андрей Петрович Рябушкин». I—157.

299. **Стрелков, А.** — *Домье.* Осада. Текст Н. С. Сергеева. II—215.

300. **Фабрикант, П.**—*А. Эфрос. и Я. Тугендхольд.* Искусство Марка Шагала. I—162.

301. **Фабрикант, П.**—*«Выставка культуры народов Востока».* III—280.

302. **Эфрос, А.**—*Ф. И. Иордан.* Записки. I—160.

303. **Эйхенгольц, М.** — *П. С. Коган.* В преддверии грядущего театра. II—220.

XXVI. Заметки о журналах.

304. **Бобров, С.**—*«Творчество».* Журнал № 5. Владивосток. II—230.

305. **Кубиков, И.** — *«Творчество».* Журнал № 1—3. Москва. II—227.

306. **Луначарский, А. В.** — *«Дом Искусств».* Журнал № 1. II—224.

307. **Полонский, Вяч.**—«*Красная Новь*». Журнал №№ 1 и 2. II—228.

308. **Полонский, Вяч.**—1) «*Вестник Литературы*». Журнал. 2) «*Летопись дома Литераторов*». Журн. III—289.

XXVII. Разные.

309. **Гельман, И.**—1) *А. Коллонтай*. Проституция и меры борьбы с ней. 2) «*Материалы Междуведомственной Комиссии по борьбе с проституцией Н. К. С. О.*» I—168.

310. **Устинов, Г.** — «*Красная Москва*» 1917—1920 гг. (Сборник). I—167.

311. **Херсонская, Е.**—*Библиотека «Юного пролетария»*. Молодая гвардия. I—166.

312. **Херсонская, Е.** — *Агитпарпоезда В. Ц. И. К.* Их история, аппарат, методы и формы работы. I—167.

СОДЕРЖАНИЕ.

СТАТЬИ И ОБЗОРЫ.

Стр

В. Переверзев. Достоевский и революция 11
П. С. Коган. Памяти Некрасова 15
Вяч. Полонский. На распутьи 23
А. Воронский. На новом пути 33
Н. Мещеряков. О новых настроениях русской интеллигенции 44
И. Гроссман-Рощин. Сумерки великой души («Исповедь» Бакунина) . 58
А. А. Сидоров. Искусство книги. Статья третья 69
В. Я. Адарюков. Русские граверы. И. Н. Павлов 82
И. Аксенов. К ликвидации футуризма 99
В. Фриче. Из новейшей литературы о Шекспире 103
Вл. Виленский (Сибиряков). Газета в современном Китае 110
Н. Сомов. Основы библиологической психологии 117
П. С. Коган. Обзор литературы о театре 124
М. А. Рейснер. Советская конституция (обзор литературы) 134

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ И ПЕЧАТНОЕ ДЕЛО.

Ил. Вардин. Периодическая печать 138
Съезд Госиздата (3—6 октября 1921 г.). 142
И. Звавич. Печатное дело на Западе 148

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

I. **Социализм и коммунизм.** — М. Павловича, Вл. Виленского, В. Адоратского, В. Невского, В. Фриче, Б. Горева, А. Дивильковского 163
II. **Анархизм.** — А. Дивильковского, Б. Гиммельфарба 167
III. **Империализм и милитаризм.** — С. Котляревского, Г. Бергмана . . 172
IV. **Гражданская война.** — Г. Бергмана, Вл. Виленского, Н. Мещерякова, М. Павловича 180
V. **Революция на Востоке.** — Вл. Виленского 181
VI. **Национальный вопрос.** — Вл. Виленского 182
VII. **Экономические науки и народное хозяйство.** — Н. Суханова, В. Яроцкого, В. Пичета, А. Бессера, Д. Фурманова 188
VIII. **Профессиональное движение.** — А. Чекина 190
IX. **Промышленность и техника.** — В. Романова, Н. Андреева, А. Смирнова.

X. **История.** — Н. Лукина, В. Пичета, Т. Козьминой 192
XI. **История революции.** — П. Лепешинского, М. Ольминского, Т. Козьминой, А. Борового, Б. Горева, В. Н. Сторожева, В. Полонского, И. Гладнева, С. Пионтковского 198
XII. **Социология.** — Б. Горева, М. А. Рейснера 218
XIII. **Философия.** — Б. Горева, В. И. Невского, П. С. Когана . . . 221
XIV. **Народное просвещение.** — Б. Завадовского, Н. Батуриной, С. Аркина, В. Смушкова, С. Сарычева 225
XV. **Языкознание.** — М. Петерсона 230
XVI. **Библиотековедение.**—М. Смушковой, А. Сигорского, Г. Поршнева. 234
XVII. **Науки о природе.** — А. Тимирязева, Н. Андреева, Д. Анучина, В. А. Костицына, С. Блажко, Б. Завадовского, С. Покровского. 242
XVIII. **Медицина и народное здравие.** — Гладштейна, И. Гельмана, В. Островского, Трапезонцевой, Б. Завадовского, Иваницкого . 255
XIX. **Теория и история литературы.** — Н. Бельчикова, И. Кубикова, П. Сакулина Д. Выгодского, С. Боброва, Т. Козьминой . . . 262
XX. **Художественная литература.** — В. Брюсова, Д. Выгодского, И. Кубикова, С. Боброва, В. Фриче, П. Ярового 270
XXI. **Искусства.** — Д. Недовича, Н. Бакланова, И. Фабриканта, В. Блеха, И. Корницкого, Б. Арватова, А. А. Сидорова . . . 276
XXII. **Заметки о журналах.** — Вяч. Полонского 289
Некролог. Памяти проф. В. К. Мольмберга 291

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

I. **На Западе.** Газета в Латвии. Литература Запада. Русская книга за границей. Цены на русские книги в Германии. Русские книгоиздательства на Западе. Юбилей Данте. II. **По России.** Юбилей Данте. Юбилей Достоевского. Юбилей Некрасова. III. **В Петрограде.** «Россия». Новости литературы и науки. Лекции. IV. **Москва.** Госиздат: 1) Научно-популярный отдел за год, 2) Отдел детской литературы. «Кузница». «Дом Печати». «Книжная Палата». Союз писателей. Библиографическое Общество. Социалистическая Академия. Русское Общество друзей книги. Неопубликованные рукописи. Книжные магазины Москвы. Частные периодические издания. Пролеткульт в литературе. Новости литературы и науки. Лекции. Потери литературы и науки. V. **Провинция.** Омск. (Планы Сибгосиздата). Казань. Вологда. Иркутск (Гибель архивов). Ивано-Вознесенк. 293
Список книг, полученных для отзыва 321
Указатель статей за 1921 год 325
Указатель отзывов за 1921 год 326

Портреты Достоевского и Некрасова, 11 гравюр и концовки работы гравера Ивана Павлова.